

МАХАТМА

ГАНДИ

МОЯ ЖИЗНЬ

Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.

МАХАТМА ГАНДИ

МОЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ ИСТОРИЯ МОИХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ С ИСТИНОЙ

Ключевые работы Махатмы Ганди,
а также материалы о развитии местных сообществ,
кооперации, публичной политике —
на форуме социального организатора:
Soorganizator.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 929(540)
ББК 63.3(5Инд)-8
Г19

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского И. Моничева

Серийное оформление Е. Фerez

Компьютерный дизайн А. Чаругиной

Ганди, Махатма.

Г19 Моя жизнь, или История моих экспериментов с истиной / Махатма Ганди ; [перевод с английского И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 576 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-119029-3

Предлагаемая вниманию читателей книга – это не просто автобиография Махатмы Ганди, это откровенный и трогательный рассказ о поисках и обретении правды, о взлетах и падениях одного из самых почитаемых политических лидеров XX века.

Как смог этот проповедовавший ненасилие аскет вступить в схватку за независимость целой нации и выйти победителем? Как смог Ганди стать идейным вдохновителем поколений и обрести последователей по всему земному шару? Разгадка кроется в самой личности автора, которую невозможно понять, не ознакомившись с его размышлениями о жизни, вере и любви к людям.

УДК 929(540)
ББК 63.3(5Инд)-8

ISBN 978-5-17-119029-3

© Перевод. И. Моничев, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Ганди, Махатма.....	3
ВСТУПЛЕНИЕ.....	10

Часть - I..... 10

1. РОЖДЕНИЕ И СЕМЬЯ.....	10
2. ДЕТСТВО.....	13
3. ДЕТСКИЙ БРАК.....	16
4. В РОЛИ МУЖА.....	20
5. В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.....	23
6. ТРАГЕДИЯ.....	28
7. ТРАГЕДИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ).....	32
8. ВОРОВСТВО И РАСПЛАТА.....	36
9. СМЕРТЬ ОТЦА.....	40
10. ПРИОБЩЕНИЕ К РЕЛИГИИ.....	44
11. СОБИРАЯСЬ В АНГЛИЮ.....	48
12. ИЗГНАНИЕ ИЗ КАСТЫ.....	53
13. НАКОНЕЦ В ЛОНДОНЕ!.....	57
14. МОЙ ВЫБОР.....	60
15. В РОЛИ АНГЛИЙСКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА.....	64
16. ПЕРЕМЕНЫ.....	68
17. ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ПИТАНИЕМ.....	72
18. ЗАСТЕНЧИВОСТЬ КАК МОЙ ЩИТ.....	77
19. МЕРЗОСТЬ ЛЖИ.....	81
20. ЗНАКОМСТВО.....	85
21. «СПАСИТЕЛЬ БЕСПОМОЩНЫХ, СИЛА СЛАБЫХ» *.....	89
22. НАРАЯН ХЕМЧАНДРА.....	92
23. ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА.....	97
24. «ПРИНЯТ». НО ЧТО ПОТОМ?.....	99
25. МОЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ.....	101

Часть - II..... 105

1. РАЙЧАНДБХАЙ*.....	105
----------------------	-----

2. КАК Я НАЧАЛ НОВУЮ ЖИЗНЬ	109
3. ПЕРВОЕ ДЕЛО.....	112
4. ПЕРВОЕ ПОТЯСЕНИЕ	116
5. СОБИРАЯСЬ В ЮЖНУЮ АФРИКУ	120
6. ПУТЬ В НАТАЛЬ.....	123
7. НЕКОТОРЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	127
8. ПО ДОРОГЕ В ПРЕТОРИЮ.....	131
9. НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ	136
10. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ПРЕТОРИИ	142
11. МОЕ ОБЩЕНИЕ С ХРИСТИАНАМИ.....	146
12. ОБЩАЯСЬ С ИНДИЙЦАМИ.....	150
13. КАКОВО ЭТО — БЫТЬ «КУЛИ».....	154
14. ПОДГОТОВКА К ПРОЦЕССУ	157
15. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФЕРМЕНТ	161
16. ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ, А БОГ РАСПОЛАГАЕТ.....	165
17. ОБОСНОВАВШИСЬ В НАТАЛЕ	168
18. ЦВЕТНОЙ АДВОКАТ	173
19. ИНДИЙСКИЙ КОНГРЕСС НАТАЛЯ	177
20. БАЛАСУНДАРАМ.....	181
21. НАЛОГ В ТРИ ФУНТА.....	185
22. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИЙ.....	188
23. В РОЛИ ХОЗЯИНА ДОМА.....	192
24. ДОМОЙ!	196
25. В ИНДИИ.....	199
26. ДВЕ СТРАСТИ	204
27. БОМБЕЙСКИЙ МИТИНГ	208
28. ПУНА И МАДРАС	211
29. «ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ СКОРЕЕ».....	214
Часть - III	218
1. ПЕРВЫЕ РАСКАТЫ ГРОМА.....	218
2. БУРЯ 221	
3. ИСПЫТАНИЕ.....	224

4. ЗАТИШЬЕ ПОСЛЕ БУРИ.....	229
5. ДЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.....	233
6. ДУХ СЛУЖЕНИЯ.....	236
7. БРАХМАЧАРЬЯ — I.....	239
8. БРАХМАЧАРЬЯ — II.....	243
9. ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ.....	247
10. ВОЙНА С БУРАМИ.....	250
11. САНИТАРНАЯ РЕФОРМА И СПАСЕНИЕ ГОЛОДАЮЩИХ.....	253
12. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ.....	255
13. СНОВА В ИНДИИ.....	258
14. И КЛЕРК, И СЛУГА.....	262
15. УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНГРЕССА.....	265
16. ПРИЕМ ЛОРДА КЕРЗОНА.....	267
17. МЕСЯЦ В ГОСТЯХ У ГОКХАЛЕ — I.....	269
18. МЕСЯЦ В ГОСТЯХ У ГОКХАЛЕ — II.....	272
19. МЕСЯЦ В ГОСТЯХ У ГОКХАЛЕ — III.....	275
20. В БЕНАРЕСЕ.....	278
21. ОБОСНОВАТЬСЯ В БОМБЕЕ?.....	283
22. ВЕРА ПОДВЕРГАЕТСЯ ИСПЫТАНИЮ.....	286
23. СНОВА В ЮЖНУЮ АФРИКУ.....	290

Часть - IV.....293

1. «НАПРАСНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ»*.....	293
2. АВТОКРАТЫ ИЗ АЗИИ.....	296
3. ПРОГЛОТИВ ОСКОРБЛЕНИЯ.....	298
4. ВОСКРЕСШИЙ ДУХ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ.....	301
5. РЕЗУЛЬТАТЫ САМОАНАЛИЗА.....	303
6. ЖЕРТВА ВЕГЕТАРИАНСТВУ.....	307
7. ЭКСПЕРИМЕНТЫ.....	309
8. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.....	312
9. СХВАТКА С ВЛАСТЯМИ.....	315
10. ДОРОГОЕ СЕРДЦУ ВОСПОМИНАНИЕ И ПОКАЯНИЕ.....	318
11. БЛИЗКОЕ ОБЩЕНИЕ С ЕВРОПЕЙЦАМИ.....	321

13. «ИНДИАН ОПИНЬОН»	327
14. РАЙОНЫ КУЛИ ИЛИ ГЕТТО?	329
15. ЧЕРНАЯ ЧУМА — I	333
16. ЧЕРНАЯ ЧУМА — II	335
17. РАЙОН КУЛИ В ОГНЕ	338
18. МАГИЯ ОДНОЙ КНИГИ	340
19. ПОСЕЛЕНИЕ В ФЕНИКСЕ	343
20. ПЕРВАЯ НОЧЬ	345
21. ПОЛАК РЕШАЕТСЯ	348
22. КОГО БОГ БЕРЕЖЕТ	350
23. ВЗГЛЯД НА ВЕДЕНИЕ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА	354
24. «ВОССТАНИЕ» ЗУЛУСОВ	357
25. В ПОИСКАХ	360
26. ЗАРОЖДЕНИЕ САТЪЯГРАХИ	364
27. НОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ПИТАНИЕМ	365
28. ХРАБРОСТЬ КАСТУРБАЙ	368
29. СЕМЕЙНАЯ САТЪЯГРАХА	372
30. СТРЕМЛЕНИЕ К САМООГРАНИЧЕНИЮ	375
31. ПОСТЫ 377	
32. В РОЛИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ	381
33. ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ	383
34. ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ	386
35. ОТДЕЛИТЬ ЗЕРНА ОТ ПЛЕВЕЛ	388
36. ПОСТ КАК ПОКАЯНИЕ	390
37. НА ВСТРЕЧУ С ГОКХАЛЕ	393
38. МОЕ УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ	395
39. МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА	397
40. САТЪЯГРАХА В МИНИАТЮРЕ	400
41. ЗАБОТА ГОКХАЛЕ	405
42. ЛЕЧЕНИЕ ПЛЕВРИТА	407
43. ДОМОЙ 410	
44. НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ АДВОКАТА	411
45. УЛОВКА?	414

46. КЛИЕНТЫ, ПРИВЛЕЧЕННЫЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ	416
47. КАК БЫЛ СПАСЕН КЛИЕНТ	418

Часть - V 422

1. ПЕРВЫЙ ОПЫТ	422
2. С ГОКХАЛЕ В ПУНЕ	424
3. ЭТО БЫЛА УГРОЗА?	426
4. ШАНТИНИКЕТАН	430
5. БЕДСТВИЯ ПАССАЖИРОВ ТРЕТЬЕГО КЛАССА	433
6. ПОПЫТКА СТАТЬ ЧЛЕНОМ ОБЩЕСТВА	435
7. КУМБХА МЕЛА*	437
8. ЛАКШМАН ДЖУЛА	442
9. О ТОМ, КАК БЫЛО СНОВАН АШРАМ	446
10. ПОД УДАРАМИ СУДЬБЫ	448
11. КОНЕЦ КОНТРАКТНОЙ ЭМИГРАЦИИ	451
12. ПЯТНО ЦВЕТА ИНДИГО	456
13. ДОБРЫЕ ЛЮДИ ИЗ БИХАРА	459
14. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АХИМСОЙ	463
15. ДЕЛО ЗАКРЫТО	467
16. МЕТОДЫ РАБОТЫ	470
17. МОИ ТОВАРИЩИ ПО РАБОТЕ	473
18. РАБОТА В ДЕРЕВНЯХ	476
19. КОГДА ГУБЕРНАТОР ХОРОШ	478
20. ОБЩАЯСЬ С РАБОЧИМИ	480
21. БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ АШРАМА	483
22. ПОСТ 485	
23. САТЬЯГРАХА В КХЕДЕ	489
24. «ЛУКОВЫЙ ВОР»	492
25. ЗАВЕРШЕНИЕ САТЬЯГРАХИ В КХЕДЕ	494
26. СТРАСТНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К ЕДИНСТВУ	496
27. ВЕРБОВКА РЕКРУТОВ	500
28. НА ГРАНИ СМЕРТИ	508
29. ЗАКОНОПРОЕКТ РОУЛЕТТА И МОЯ ДИЛЕММА	513

30. ЭТО БЫЛО ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗРЕЛИЩЕ!	517
31. ПАМЯТНАЯ НЕДЕЛЯ — I	520
32. ПАМЯТНАЯ НЕДЕЛЯ — II	527
33. «ОГРОМНАЯ, КАК ГИМАЛАИ, ОШИБКА»	530
34. «НАВАДЖИВАН» И «ЯНГ ИНДИА»	532
35. В ПЕНДЖАБЕ	536
36. ХАЛИФАТ ПРОТИВ ЗАЩИТЫ КОРОВ?	539
37. КОНГРЕСС В АМРИТСАРЕ	545
38. ПРИОБЩЕНИЕ К РАБОТЕ КОНГРЕССЕ	549
39. ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА КХАДИ	551
40. И ВСЕ-ТАКИ НАЙДЕНА!	554
41. ПОУЧИТЕЛЬНАЯ БЕСЕДА	557
42. ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА	560
43. В НАГПУРЕ	564
ПРОЩАНИЕ	567

ВСТУПЛЕНИЕ

Около четырех или пяти лет назад по настоянию ближайших соратников я согласился написать автобиографию. Я принялся за дело, но мне едва удалось перевернуть первую страницу, как в Бомбее вспыхнули беспорядки, и работу пришлось приостановить. Затем последовала череда событий, кульминацией которых стало мое пребывание в Йервадской тюрьме. Джерамдас, товарищ по заключению, уговаривал меня отложить все дела и завершить автобиографию. Я отвечал, что уже наметил себе план действий и не могу думать ни о чем другом, пока не выполню его. Полагаю, что я дописал бы автобиографию, если бы отбыл полный срок в Йерваде, но мне еще оставалось около года до его окончания, когда меня освободили. Теперь Свами Ананд повторил предложение, и поскольку я уже закончил работать над историей сатьяграхи* в Южной Африке, то решил взяться за автобиографию для «Навадживана». Свами хотел, чтобы я опубликовал автобиографию отдельной книгой, но у меня не было свободного времени. Я мог писать только по одной главе в неделю. А ведь

* С а т ь я г р а х а — разработанный самим Ганди метод ненасильственной борьбы за независимость Индии. Опирается на несотрудничество и гражданское неповиновение. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

мне так или иначе приходилось еженедельно публиковать что-то в «Навадживане». Почему бы не фрагменты автобиографии? Свами согласился со мной, и вот я взялся за тяжкий труд.

Тем временем у одного из моих богобоязненных друзей возникли сомнения, которыми он поделился со мной в мой «день молчания»*.

— Что заставило тебя пуститься в эту авантюру? — спросил он. — Автобиография — обычай западного толка. Я не знаю никого на Востоке, кто написал бы подобную работу, за исключением людей, попавших под влияние Запада. Да и что ты напишешь? Предположи только, что завтра ты отвергнешь идеи, которые считаешь принципиальными сегодня, или в будущем пересмотришь планы, намеченные в день нынешний. Разве не рискуют впасть в ошибку те люди, которые последуют за твоим авторитетным словом — устным или письменным? Не лучше ли будет отказаться от этой затеи? По крайней мере сейчас.

Его аргументы показались мне в чем-то справедливыми. Но моей целью не было написание автобиографии как таковой. Я просто стремился рассказать историю собственных многочисленных экспериментов с истиной, а поскольку моя жизнь целиком состоит из них, то такая история неизбежно примет форму автобиографии. Я отнюдь не против, если каждая страница будет повествовать исключительно о моих экспериментах. Я верю, или по меньшей мере я льщу себя надеждой, что связный отчет о них окажется полезным для читателя. Мои опыты в сфере политики теперь известны не только в Индии, но до некоторой степени и в так называемом «цивилизованном» мире. Лично для меня они не представляют особой цен-

* «День молчания» — особая практика медитации в индуизме и буддизме. В «день молчания» контакты с окружающим миром сводятся к минимуму и человек полностью погружается в размышления.

ности, а титул «махатма»*, который они мне дали, стало быть, я ценю еще меньше. Зачастую титул приносил мне глубокие огорчения, и я не помню ни одного мгновения, когда мог бы сказать, что он тешил мое тщеславие. Но я, безусловно, желал бы рассказать о собственных духовных экспериментах, известных пока лишь мне одному. В них я нашел силы для своей политической деятельности. Если мои эксперименты действительно носят духовный характер, то они не станут источником гордыни. Напротив, они — источник моей скромности. Чем больше я раздумываю и оглядываюсь в прошлое, тем живее ощущаю собственные недостатки и ограниченность.

В течение тридцати лет я желал лишь одного — самореализации, встречи лицом к лицу с Богом, обретения мокши**. Я живу, двигаюсь, существую ради этого. Любое мое выступление, устное или письменное, моя политическая деятельность — все это направлено к тому же результату. И поскольку я всегда верил, что доступное одному — доступно всем, мои опыты проводились не келейно, а совершенно открыто, и, мне кажется, этот факт не умаляет их духовную ценность. Есть нечто, известное только самому человеку и его Создателю. Понятно, что это должно оставаться в тайне. Эксперименты, о которых я намерен рассказать, совсем другого рода. Они из духовной или даже скорее моральной сферы, потому что сущность религии заключена в морали.

Только те религиозные аспекты, которые могут быть в одинаковой степени поняты и детьми, и людьми зрелого возраста, будут включены в это повествование.

* Махатма (санскр. «Великая душа») — титул, который присвоил Ганди и популяризировал писатель, поэт и общественный деятель Рабиндранат Тагор. Подлинное имя автора — Мохандас Карамчанд Ганди.

** Мокша — философское понятие, означающее освобождение от череды рождений и смертей и слияние с Богом, спасение.

Если я смогу бесстрастно и смиренно рассказать о них, многие другие искатели получат силы продолжать свои поиски. Причем я вовсе не считаю, что достиг совершенства. Мои притязания не идут дальше притязаний ученого, который, несмотря на аккуратную и обдуманную работу, никогда не заявляет, что его выводы неопровержимы и непогрешимы, но сохраняет трезвый взгляд на них. Я пристально наблюдал за собой, всесторонне изучал себя, проверял и анализировал каждую психологическую ситуацию, и все же я далек от того, чтобы объявить свои выводы хоть сколько-нибудь окончательными или безошибочными. Но одно заявление я обязан сделать, и вот какое: мне самому мои умозаключения все же представляются верными и кажутся на данный момент конечными. Не будь они таковыми, я не смог бы руководствоваться ими в своих действиях. Однако, прежде чем сделать каждый новый шаг, я принимал или отвергал их, а затем действовал соответственно. И пока результаты моих действий полностью удовлетворяют мой разум и мое сердце, мне следует твердо придерживаться собственных выводов.

Если бы мне предстояло обсуждать здесь чисто академические принципы, то уж точно не следовало пытаться делать это в виде автобиографии. Но поскольку задача состоит в том, чтобы дать читателю представление о различных практических применениях моих идей, я дал главам подзаголовок: *«История моих экспериментов с истиной»*. Сюда войдут эксперименты с ненасилием, целибатом и прочими принципами поведения, которые обычно считаются далекими от истинных. Однако, с моей точки зрения, истина — это наивысший из принципов, включающий в себя множество других. Истина означает не только правдивость слов, но и правдивость мыслей; не только относительную истину наших представлений, но и абсолютную истину, вечный принцип, который есть Бог. Существует бесчис-

ленное количество определений Бога, поскольку бесчисленны Его проявления. Они повергают все мое существо в изумление, в священный трепет и способны на какое-то мгновение ошеломить меня. Но я поклоняюсь Богу только как истине. Я все еще не обрел Его, но ищу и готов пожертвовать наиболее дорогим, чтобы достичь успеха в этих поисках. Даже если потребуются пожертвовать самой жизнью, надеюсь, что окажусь готов отдать и ее. Однако пока я не познал этой абсолютной истины, приходится придерживаться относительной истины в том виде, в каком я ее понимаю. Эта относительная истина должна на время стать моим маяком, щитом и прикрытием. Хотя этот путь слишком прям, узок и кажется острее лезвия бритвы, для меня он был самым быстрым и простым. Даже мои грубейшие ошибки, названные мною же «огромными, как Гималаи», выглядели такими незначительными, потому что я строго держался намеченного пути. Именно этот путь не позволил мне впасть в уныние, и я снова стал продвигаться вперед на свой путеводный свет. Зачастую на этом пути я видел проблески абсолютной истины, Бога, и с каждым днем все больше убеждался, что Он один реален, а все остальное нереально. Пусть же те, кто пожелает, поймут, каким образом я пришел к этому убеждению, пусть они разделят со мной плоды моих экспериментов и мои взгляды, если смогут. Я также твердо уверен в другом: все, доступное мне, доступно даже ребенку, и у меня есть все основания утверждать это. Инструменты, необходимые для поисков истины, столь же просты, насколько трудны сами поиски. Они могут показаться недоступными излишне самонадеянному человеку, но ими сможет воспользоваться невинный ребенок. Тот, кто ищет истину, должен стать смиреннее пыли. Мир попирает пыль своими ногами, но искатель истины обязан добиться от себя такого смирения, чтобы даже сама пыль попирала его. Только тогда, и никак не прежде, узрит он проблеск истины. Диалог между

Васиштхой и Вишвамित्रой* показывает это как нельзя лучше. Христианство и ислам тоже полностью принимают такую концепцию.

Если что-либо написанное мной на этих страницах покажется читателю проявлением гордыни, то он должен истолковать это как неверное направление моих поисков, а мои просветления — как миражи. Пусть сотни подобных мне сгинут ради окончательного торжества истины. Мы не имеем права даже на волосок отступать от правды, когда оцениваем действия простых смертных — таких как я.

Молюсь о том, чтобы никто не посчитал советы, в произвольном порядке помещенные в последующих главах, единственно верными. Эксперименты, о которых рассказано, должны восприниматься только в качестве примеров, чтобы каждый, познакомившись с ними, мог начать свои собственные опыты в соответствии с личными наклонностями и способностями. Хочу верить, что с этой оговоркой мои примеры окажутся действительно полезными, поскольку я не собираюсь приуменьшать значение неприглядных вещей, о которых тоже обязан рассказать. Надеюсь многое поведать читателю и о своих заблуждениях и ошибках. Моя цель — описать эксперименты в области сатяграхи, а не показать, как я хорош. В суждениях о себе я постараюсь быть столь же суровым, как сама правда, чего ожидаю и от других людей. Оценивая себя так строго, должен воскликнуть вместе с Сурдасом**:

Где еще в целом мире есть такой же мерзавец, как я?

Настолько погрязший в грехе и в пороке, чтобы тоже

Отречься от Создателя своего.

Вот до чего довело отсутствие подлинной веры***.

* Васиштха и Вишвамित्रа — персонажи индийского эпоса.

** Сурдас — слепой индийский поэт и певец XV—XVI вв., восхваливший в своих стихах Кришну.

*** Здесь и далее перевод стихотворений И. Моничева.

Потому что для меня стало нескончаемой пыткой осознание, что я по-прежнему очень далек от Него — от Того, Кто, как я прекрасно понимаю, управляет каждым моим вздохом, от Того, чьим творением я являюсь. И даже зная, что это мои порочные страсти не позволяют мне приблизиться к Нему, я все еще не могу избавиться от них.

Однако пора заканчивать. Мне остается только приступить к рассказу о своей жизни уже в следующей главе.

*М. К. Ганди.
Ашрам, Сабармати,
26 ноября 1925 г.*

Часть-I

1. РОЖДЕНИЕ И СЕМЬЯ

Семья Ганди принадлежит к касте банья, и, по всей видимости, когда-то ее члены были бакалейщиками. Но затем мужчины трех поколений семьи, начиная с моего деда, были премьер-министрами в нескольких княжествах Катхиявара. Уттамчанд Ганди, известный также под именем Ота Ганди, мой дед, был, вероятно, человеком принципиальным. Политические интриги вынудили его покинуть Порбандар, где он был диваном*, и искать убежища в Джуннагадхе. Там он обыкновенно приветствовал наваба** левой рукой. Кто-то заметил это, посчитал неуважительным и потребовал от деда объяснений. Он отвечал так: «Моя правая рука уже принадлежит Порбандару».

Овдовев, Ота Ганди женился вновь. Имел четверых сыновей от первой жены и двоих от второй. Не думаю, что в детстве я когда-либо чувствовал или понимал, что сыновья Ота Ганди родились не от одной матери. Пятым из шести братьев был Карамчанд Ганди (или Каба Ганди, как его назвали), а шестого звали Тулсидас Ганди. Эти братья были премьер-министрами Порбандара один за другим. Мой отец, Каба Ганди, служил в раджастханском суде. Ныне этот суд упразднен, но тогда он был довольно влиятельным органом, который разрешал споры между главами

* Д и в а н — титул крупного чиновника.

** Н а в а б — наместник, правитель индийской провинции.

и членами кланов. Каба Ганди какое-то время был премьер-министром сначала в Раджкоте, а потом в Ванканере. Он получал пенсию от раджкотского правительства до самой своей смерти.

Каба Ганди был женат четырежды, но первых трех жен забрала смерть. От первого и второго браков у него было две дочери. Его последняя жена Путлибай родила ему еще одну дочь и трех сыновей, причем я стал самым младшим.

Мой отец искренне любил свой род. Он был честным, храбрым и щедрым человеком, но при этом слишком вспыльчивым. В известной степени он, видимо, охотно предавался плотским утехам, поскольку женился в четвертый раз, когда ему уже перевалило за сорок. Он слыл человеком неподкупным и приобрел хорошую репутацию в своей семье и вне нее. Его преданность государству была хорошо известна. Однажды помощник политического агента оскорбительно отозвался о такор-сахибе* Раджкота, у которого служил Каба Ганди, и мой отец выступил с ответным оскорблением. Агент разгневался и потребовал извинений. Каба отказался извиняться, за что провел под арестом несколько часов, и, лишь убедившись в нестигаемости духа Каба Ганди, агент отдал приказ освободить его.

Отец никогда не стремился к обогащению и оставил нам очень незначительное состояние. Никакого образования он не получил — образование ему заменил жизненный опыт. В лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Истории и географии не знал совсем. Однако богатый практический опыт помогал ему разбираться в самых запутанных вопросах и управлять сотнями подчиненных. Точно так же никто не объяснял ему основ религии, но он обладал той внутренней религиозной культурой, какую многим индусам дают частые посещения храмов и слушание религиозных проповедей. В последние

* Такор-сахиб — правитель Раджкота.

дни жизни он взялся за чтение «Гиты»* по настоянию брахмана, друга семьи, и ежедневно повторял вслух некоторые стихи из нее во время молитв.

Мать осталась в моей памяти как поистине святая женщина. Она была глубоко религиозна и не могла думать о еде, не помолившись. Посещения *хавели* — храма вишнуитов — стали для нее частью ежедневных обязанностей. Я не припомню, чтобы она хотя бы раз пропустила чатурмас**. При этом мать давала самые тяжелые обеты и строго их соблюдала. Никакая болезнь не могла помешать ей. Помню, она заболела во время чандраяны***, но даже этот недуг не сломил ее. Два или три дня поста подряд она выдерживала с легкостью. Питаться всего лишь раз в день в период чатурмаса вошло у нее в привычку. Но и это не удовлетворяло ее. В один из чатурмасов она постилась через день. Однажды во время такого чатурмаса она решила не есть, пока не увидит солнца. В подобные дни мы — ее дети — дежурили, неотрывно глядя в небо, чтобы оповестить о появлении светила нашу маму. А ведь каждому известно, что в сезон дождей солнце вообще много дней не показывается людям. Помню, как мы, внезапно увидев солнце, мчались сообщить ей об этом, но пока она выбежала из дома, чтобы убедиться во всем самой, изменчивая погода уже прятала солнце за облаками, лишая таким образом мать возможности поесть.

— Это не имеет значения, — говорила она тогда почти весело. — Значит, Бог не захотел дать мне пищу сегодня.

* Здесь имеется в виду «Бхагавадгита» («Божественная песнь») — памятник древнеиндийской литературы, часть «Махабхараты», источник мудрости и познания для индийцев.

** Ч а т у р м а с — буквально «четыре месяца». Четырехмесячный пост, который держат в сезон дождей.

*** Ч а н д р а я н а — тип поста, в котором количество потребляемой ежедневно пищи зависит от фаз луны (постепенно уменьшается и вновь увеличивается).

И спокойно возвращалась к обычным хлопотам.

Мама умела мыслить поистине здраво. Кроме того, ее отличала прекрасная осведомленность в государственных делах, и придворные дамы высоко ценили ее ум. Зачастую я сопровождал мать, пользуясь привилегией, какую давал мне мой детский возраст, и до сих пор помню многие ее оживленные разговоры с вдовствовавшей матерью такор-сахиба.

Я родился 2 октября 1869 года в Порбандаре, известном также как Судмапури. Там и провел детство. Помню, как меня впервые привели в школу. Даже таблица умножения давалась мне не без труда. Тот факт, что о школьных годах мне не вспоминается ничего, кроме всякого рода прозвищ, которыми я вместе с другими учениками награждал преподавателей, говорит о моей неразвитости и посредственности памяти в тот момент.

2. ДЕТСТВО

Мне было около семи лет, когда мой отец покинул Порбандар и перебрался в Раджкот, чтобы стать членом раджастанского суда. Там меня отдали в начальную школу, и я до сих пор прекрасно помню те дни, включая даже имена и привычки преподавателей, учивших меня. Как и об учебе в Порбандаре, я едва ли найду сказать что-либо примечательное о моем образовании здесь. Вероятно, меня считали весьма посредственным учеником. Из этого учебного заведения меня перевели в пригородную школу, а затем, когда мне исполнилось двенадцать лет, — в среднюю. Не помню, чтобы я хоть однажды соврал учителям или одноклассникам. Я был крайне застенчив и избегал любых компаний, предпочитая общество учебников. Приходить в школу точно в назначенное время и убегать домой, как только занятия заканчивались, стало моей привычкой. Причем я убегал из школы в прямом смысле слова, потому что мне казалось

невыносимым всякое общение. Я даже опасался, что кто-нибудь заметит это и будет надо мной подшучивать.

В первый год моего обучения в средней школе во время экзаменов произошел случай, о котором стоит упомянуть. С проверкой нагрянул мистер Джайльс, инспектор народного образования. Он предложил нам написать пять слов в качестве орфографического упражнения. Одним из них было слово «котелок». Я написал его с ошибкой. Учитель исподтишка пнул меня под партой ботинком, призывая исправить ошибку, но я его не понял. До меня никак не доходило, чего он добивался, а он всего лишь хотел, чтобы я правильно списал слово с доски своего соседа. В моем представлении учителя как раз и обязаны были следить за списыванием и предотвращать его. В результате все мальчики написали эти пять слов правильно, кроме меня. Только я показал себя нерадивым учеником. Позже тот учитель попытался объяснить мне суть моего глупого поступка, но безуспешно. И я так никогда уже и не приобщился к «искусству» списывания у других.

Но этот случай нисколько не умалил моего уважения к учителю. Я словно был от природы слеп к недостаткам людей старшего поколения. Позже я узнал и о многих других недостатках этого же учителя, но мое почтительное отношение к нему не изменилось, поскольку я научился исполнять приказы старших, а не анализировать правильность или неправильность их действий.

Два других случая из того же периода навсегда остались в моей памяти. Я тогда не желал читать ничего, кроме школьных учебников. Я исправно выполнял домашние задания, потому что не любил, когда учитель отчитывал меня за леность, и не хотел обманывать его. Мне кажется, я усваивал содержание урока, но зачастую не прилагал достаточно умственных усилий. А если даже основные уроки я не мог вызубрить как следует, то что тут говорить о дополнительном чтении. Но однажды мне на глаза по-

палась книга, приобретенная отцом. Это была «Шравана Питрибакти Натака» (пьеса о преданности Шравана своим родителям). Я прочитал ее с глубочайшим интересом. Примерно тогда же в наши края приехала труппа бродячих актеров. Мне довелось посмотреть сценку, в которой Шраван нес в корзинах на ремнях, переброшенных через плечи, своих слепых родителей к святым местам. Книга и сценка в исполнении актеров произвели на меня неизгладимое впечатление. «Вот пример, которому следует подражать», — сказал я себе. Вид родителей, горько и отчаянно оплакивающих смерть Шравана, все еще жив в моей памяти. Потрясающая мелодия из спектакля до такой степени тронула мою душу, что я стал играть ее на концертино, купленном мне отцом.

Аналогичный эпизод был связан с другой пьесой. Вскоре после вышеописанного случая я получил разрешение родителей посмотреть спектакль в исполнении одного драматического коллектива. Постановка «Харишчандры»* тоже покорила меня. Я мог бы без усталости смотреть спектакль много раз подряд, но, разумеется, мне никто не позволил бы постоянно посещать театр. Вот только мысль о нем преследовала меня, и тогда я в одиночестве разыгрывал роль Харишчандры снова и снова. «Почему все люди не могут быть такими же правдивыми, как Харишчандра?» Этим вопросом я задавался день и ночь. Следовать истине и пройти через все испытания, выпавшие на долю Харишчандры, — так я сформулировал свою задачу. Я всерьез воспринимал историю Харишчандры как нечто происшедшее на самом деле. Мысли о нем часто вызывали у меня слезы. Теперь здравый смысл подсказывает мне, что Харишчандра никак не мог быть историческим лицом. Однако и он, и Шравана до сих пор настолько реальны для меня, что я уверен — я буду тронут, как и прежде, если перечитаю эти пьесы.

* Харишчандра — царь Солнечной династии, добродетельный и щедрый правитель, персонаж индийской мифологии.

3. ДЕТСКИЙ БРАК

Сколь бы ни было велико мое нежелание писать эту главу, я знаю, что еще много горьких пилюль мне предстоит проглотить по ходу своего повествования. Я не могу поступить иначе, если провозглашаю себя служащим истине человеком, и потому болезненной необходимостью становится для меня поведать здесь о своей женитьбе в тринадцать лет. Когда я вижу сейчас тринадцатилетних подростков, находящихся на моем попечении, и думаю о собственной женитьбе, мне становится жаль себя самого, но я радуюсь за них, ведь они избежали моей участи. Не нахожу никаких моральных аргументов в поддержку настолько нелепо раннего вступления в брак.

Читатель не должен заблуждаться: речь идет о настоящем браке, а не о помолвке. Дело в том, что в Катхияваре существуют два разных обряда: помолвка и женитьба. Помолвка — это предварительное взаимное обещание родителей мальчика и девочки в будущем сочетать их браком. Оно не является окончательным и необратимым. Смерть мальчика не повлечет за собой вдовства для девочки. Это соглашение исключительно между родителями, и дети не принимают в нем никакого участия. Зачастую их даже не ставят о нем в известность. Я, как выяснилось, был помолвлен трижды, но ничего не знал об этом. Позже мне сказали, что две девочки, выбранные для меня, умерли одна за другой, из чего я делаю вывод о трех моих помолвках. У меня сохранилось смутное воспоминание, что третья помолвка состоялась, когда мне было семь, но не помню, чтобы мне сказали об этом. В этой главе я расскажу именно о своей женитьбе. Ее я помню очень ясно, во всех деталях.

Повторю, что у меня было два брата. Один из них уже состоял в браке. Старшие приняли решение женить одновременно моего второго брата, который был на два или три года старше меня, кузена, который был, вероятно,

примерно на год старше, и меня самого. При этом наше благополучие, казалось, никого не беспокоило и уж совсем не учитывались наши пожелания. Для старших в решении этого вопроса важны были их собственное удобство и экономия.

Индусская свадьба — довольно сложное и хлопотливое дело. Родители жениха и невесты оказываются зачастую совершенно разорены. Они тратят множество денег и времени. На подготовку уходят месяцы, в течение которых шьется нарядная одежда, изготавливаются украшения, откладываются средства для торжественных трапез. Семьи соревнуются в количестве и разнообразии блюд. Женщины непрерывно, до хрипоты поют (и не имеет значения, обладают ли они хорошими голосами или нет), нарушая покой соседей. Те, в свою очередь, примиряются с суматохой и шумом, с грязью и отходами, остающимися после пиршеств, поскольку знают: наступит время, и им тоже придется вести себя точно так же.

Будет лучше, решили старшие в моей семье, пережить это лишь однажды. Больше блеска за меньшую сумму, ведь расходовать средства нужно будет только один раз вместо трех. Мои отец и дядя достигли уже преклонного возраста, а мы оставались последними детьми, которых им предстояло женить. Вполне вероятно, что им самим хотелось повеселиться на закате жизни. Вот так и было решено сыграть тройную свадьбу, и, как я уже упомянул выше, ушли месяцы на подготовку к ней.

Только по этим приготовлениям мы догадались о предстоящем событии. Не думаю, что для меня оно было чем-то большим, чем просто возможностью облачиться в праздничный наряд, послушать бой барабанов, возглавить свадебную процессию, отведать роскошных блюд и познакомиться с девочкой, чтобы играть с ней. Плотские желания я познал позже. Предлагаю опустить занавес и скрыть мой позор. Поведаю лишь о некоторых подробностях, но чуть

позже. Они имеют очень мало отношения к главной идее, руководствуясь которой я взялся за написание этой книги.

Итак, я и мой брат отправились из Раджкота в Порбандар. И пусть были некоторые интересные подробности, предшествовавшие финалу этой драмы, — например, покрытие наших тел пастой из куркумы, — я считаю, что должен опустить их здесь.

Хотя мой отец занимал пост дивана, он все же оставался слугой, что только усугублялось особым расположением к нему такор-сахиба. Правитель не отпускал его от себя до самого последнего момента, а когда соизволил все-таки отпустить, распорядился выделить ему специальный дилижанс, чтобы сократить время в пути на два дня. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. От Раджкота до Порбандара сто двадцать миль. Поездка в обычном экипаже занимает пять дней. Мой отец преодолел расстояние за три, но при третьей смене лошадей дилижанс опрокинулся, и отец получил достаточно тяжелые травмы. Он прибыл весь перемотанный бинтами. Это, безусловно, наполовину расстроило наши планы, и все же церемония должна была состояться. Дата намеченной свадьбы не может быть изменена. К слову, я не стал долго горевать из-за травм, полученных отцом, предвкушая свадебную церемонию.

Конечно, я был предан родителям, но тогда еще не умел умирять свои страсти. Мне только предстояло усвоить, что любое личное счастье и мирские удовольствия следует принести в жертву интересам родителей. И словно в наказание за стремление к наслаждениям случилось еще одно происшествие, всегда потом тревожившее мою память. О нем я расскажу позже. Нишкулананд* поет: «Отказ от предмета желаний без отказа от самих желаний бесполезен, чего бы он вам ни стоил». Когда я сам пою эти строки

* Нишкулананд (1766—1848) — один из наиболее почитаемых гуджаратских поэтов.

или слышу их в исполнении других, те горестные и печальные события всплывают в моей памяти и наполняют меня стыдом.

Мой отец, несмотря на травмы, набрался мужества и принял полноценное участие в торжестве. Я и сейчас отчетливо вижу его мысленным взором, вижу все те места, где он сидел во время разных этапов церемонии. Я тогда и вообразить себе не мог, что наступит время, когда я осужу отца за мой ранний брак, а в тот день все казалось мне правильным, уместным и приятным. Я ведь и сам горячо стремился к браку! Все, что делал отец, выглядело безупречным. Воспоминания до сих пор живы в моей памяти: как мы сидим под балдахином новобрачных, как выполняем саптапади*, как кладем друг другу в рот сладкий кансар** и как начинаем совместную жизнь. О, эта первая брачная ночь! Двое невинных детишек совершенно неожиданно оказываются брошенными в океан жизни. Жена старшего брата тщательно проинструктировала меня, как вести себя в первую ночь. Кто давал советы моей жене, я не знаю. Никогда не спрашивал ее об этом и не хочу спрашивать теперь. Как бы то ни было, читатель может себе представить, насколько мы оба нервничали, оказавшись наедине. И я, и она были до крайности застенчивы. Как мне разговаривать с ней и что именно сказать? Наставления мне в этом не помогли. Но в подобных ситуациях никакие советы и не требуются, поскольку они неизбежно оказываются слишком поверхностными. Постепенно мы начали узнавать друг друга и свободно общаться. Мы с ней были одного возраста, но я сразу же стал вести себя как глава семьи.

* Саптапади — индусский обряд семи шагов, которые жених и невеста делают вместе, после чего их брак считается действительным.

** Кансар — гуджаратский десерт из пшеничной муки и сахарной пудры. Индийские новобрачные едят его по завершении свадебной церемонии.

4. В РОЛИ МУЖА

В то время, когда я женился, публиковались коротенькие брошюры, стоившие пайсу или пай* (сейчас уже не помню точно). Их авторы писали о супружеской любви, семейной экономии, детских браках и многих других аспектах того же рода. Когда мне попадались эти издания, я прочитывал их от корки до корки и тут же забывал то, что мне не нравилось, а то, что приходилось по душе, применял на практике. Пожизненная верность жене, часто упоминавшаяся в этих брошюрах, навсегда запечатлелась в моем сердце. Кроме того, присущее мне страстное стремление к правде полностью исключало обман супруги с моей стороны. Впрочем, в таком нежном возрасте у меня почти не было шансов изменить ей.

Но уроки верности имели не только положительные стороны. «Если я должен быть верен жене, то и она обязана быть верной мне», — сказал я себе. И эта мысль сделала меня ревнивым супругом. Обязанность жены незаметно превратилась в мое право требовать от нее полной преданности, поэтому я стал следить за ней. Не было абсолютно никаких оснований подозревать ее в неверности, но ведь ревность зачастую и не нуждается в доводах рассудка. Я хотел контролировать каждый шаг жены, и она не могла отправиться куда-либо без моего разрешения. Все это посеяло семена раздора между нами, привело к ожесточенным ссорам. Ограничения, наложенные мной, стали для жены чем-то вроде клетки, а Кастурбай не принадлежала к числу девушек, готовых мириться с подобным положением. Она намеренно начала ходить туда, куда ей было угодно, и тогда, когда хотелось. Чем больше я ущемлял ее, тем большей свободой считала нужным пользоваться она, а я все сильнее и сильнее злился на нее. Так и случилось, что мы, супруги-дети, отказались разговаривать друг с другом.

* Пай са, пай — мелкие индийские монеты.

Я считаю теперь вполне невинными попытки Кастурбай отстоять свою свободу вопреки моим запретам. Как могла наивная девочка изменить мне, посещая храм или навещая подруг? И если я решил, что имею право ограничивать ее, то разве не обладала таким же правом она? Сейчас все это стало мне совершенно ясно, но тогда я считал нужным демонстрировать ей свой авторитет мужа.

Пусть читатель не думает, впрочем, что вся наша жизнь состояла в то время из одних только горьких обид, поскольку мои попытки стать строгим супругом были продиктованы любовью. Я хотел сделать из моей жены идеальную жену, приучить ее к чистой и непорочной жизни, научить тому, чему научился я сам, чтобы мы жили и мыслили одинаково.

Я не знаю, разделяла ли Кастурбай мои устремления хотя бы отчасти. Она была неграмотна. Природа наделила ее простотой, независимостью, упорством и, пусть даже это проявлялось только в отношениях со мной, сдержанностью. Она ничуть не стеснялась своего невежества, и я не помню, чтобы моя учеба когда-либо вдохновляла ее учиться самой. Вероятно, мои амбиции так и остались только моими собственными. Моя страсть целиком сосредоточилась на одной девушке, и мне хотелось от нее взаимности. Но даже если добиться ее не удавалось, совместная жизнь не превратилась для нас в сплошную муку, потому что один из нас действительно любил.

Надо признаться, я был страстно влюблен в Кастурбай. Даже на уроках в школе я часто думал о ней, и мысль о предстоящей ночи и нашей встрече неизменно преследовала и радовала меня. Разлука казалась невыносимой. Я порой не давал жене спать до глубокой ночи своими пустыми разговорами. Если бы эта всепоглощающая страсть не уживалась во мне с горячей преданностью своему долгу, я бы либо пал жертвой болезни и преждевременной смерти, либо влачил бы жалкое существование. Однако каждый

новый день приносил новые дела и обязанности, а о том, чтобы обманывать полагавшихся на меня людей, не могло быть и речи. Именно это уберегло меня от многих ошибок.

Как я уже упомянул, Кастурбай была неграмотна. Я очень хотел обучать ее, но чувственная любовь не оставляла времени. Прежде всего, учить приходилось бы против ее воли и тоже только по ночам. Я не осмеливался ни встречаться, ни разговаривать с ней в присутствии старших. В те времена в Катхияваре господствовал странный, бессмысленный и варварский обычай, согласно которому женщина должна была закрываться *пурдой*. В какой-то мере этот обычай жив и сейчас. Обстоятельства, таким образом, сложились для нас весьма неблагоприятные. Приходится признать, что мои усилия обучать Кастурбай еще в юности не увенчались успехом. А когда я очнулся от задыма страсти, то уже был вовлечен в общественную жизнь и свободного времени у меня стало еще меньше. Точно так же потерпели провал мои попытки нанять для нее частных учителей. В результате Кастурбай и сейчас умеет лишь с трудом выводить буквы и читать простые тексты на гуджарати. Я убежден в том, что, будь моя любовь к ней совершенно не замутилена чувственным вожделением, она стала бы вполне образованной дамой. Я бы сумел заинтересовать ее учебой, ведь теперь я знаю, что для чистой и непорочной любви нет ничего невозможного.

Выше я уже упомянул некоторые факторы, которые в той или иной степени помогли мне избежать катастрофических последствий плотской любви. Было и кое-что другое. Многочисленные примеры показали мне, что Бог всегда спасает того, чьи помыслы и намерения чисты. Наряду с жестоким обычаем браков между детьми индийское общество усвоило и еще один, который несколько смягчает зло, причиняемое такими браками. Родители не позволяют совсем юным парам подолгу оставаться вместе. Жена-подросток проводит больше половины времени в своем

родительском доме. Так было и у нас. Соответственно, за первые пять лет брака (с тринадцати до восемнадцати лет) мы в общей сложности не смогли прожить вместе более трех. Как только проходило полгода, мою жену тотчас вызывали к себе родители. Тогда подобные вызовы нам очень не нравились, но они принесли спасение обоим. В восемнадцать лет я отправился в Англию, а это означало длительный и благотворный период разлуки для нас. Но даже по моем возвращении на родину мы по-прежнему оставались вместе не более шести месяцев, поскольку мне часто приходилось путешествовать из Раджкота в Бомбей и обратно. Затем последовало предложение из Южной Африки, которое застало меня уже в достаточной степени свободным от плотских желаний.

5. В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Как уже было сказано, ко времени своей женитьбы я еще учился в средней школе. Мы — трое братьев — ходили в одну и ту же школу. Старший из нас опередил меня на несколько классов, а тот, который женился одновременно со мной, — всего на класс. Из-за брака мы с ним потеряли целый год учебы, хотя для брата последствия были даже еще более тяжелыми: позже он совсем бросил школу. Одним только Небесам ведомо, скольких других юношей постигает та же участь. Лишь в современном индийском обществе учеба и женитьба идут рука об руку.

Моя же учеба продолжалась. В средней школе я уже не считался тупицей. Я наслаждался расположением преподавателей. Каждый год мои родители получали свидетельства об успеваемости и поведении. Мои знания никогда не оценивались как неудовлетворительные. Более того, меня даже наградили по окончании второго класса. После пятого и шестого я получал стипендии в размере четырех и десяти рупий соответственно, но причиной всего

этого была, как мне кажется, скорее удача, чем мои собственные заслуги, поскольку стипендии были доступны не всем, а лишь отличившимся ученикам из региона Соратх в Катхияваре. Тогда в классе, в котором учились сорок или пятьдесят учеников, было не слишком много мальчиков из Соратха.

Не помню, чтобы я сам высоко оценивал свои способности. Я всегда искренне удивлялся, получая призы или стипендии, зато крайне ревностно относился к оценкам моего характера. Малейший упомянутый в характеристике недостаток вызывал у меня слезы. Мне было невыносимо слышать упрек учителя, даже если я его и заслужил. Однажды я был подвергнут телесному наказанию, и меня обидело не оно само, а тот факт, что преподаватель посчитал его справедливым. Помнится, я безутешно плакал. Это случилось, когда я учился еще в первом или втором классе средней школы. Затем подобный инцидент повторился в седьмом классе. Директором школы был тогда Дорабджи Эдуджи Гими. Ученики его уважали, ведь он умел поддерживать дисциплину и был справедливым и хорошим учителем. Он сделал гимнастику и игру в крикет обязательными для старшеклассников. Я же терпеть не мог ни того ни другого, никогда не занимался гимнастикой, не играл в крикет или футбол, пока они не стали обязательной частью программы. Отчасти причиной, по которой я уклонялся от них, была моя застенчивость, и только теперь я понял, как ошибался. В то время я считал, что гимнастика не имеет ничего общего с образованием. Сегодня я твердо верю в необходимость школьного физического воспитания. Оно не менее важно, чем воспитание умственное.

Однако стоит отметить, что в те дни я не полностью отказывался от физических упражнений. Из книг я узнал о пользе долгих прогулок на свежем воздухе. Эти рекомендации мне понравились, и я придерживаюсь их до сих пор. Именно они помогли моему телу оставаться здоровым.

Другой причиной моей нелюбви к гимнастике было искреннее желание ухаживать за больным отцом. Как только занятия в школе заканчивались, я торопился домой, чтобы прислуживать ему. Обязательные занятия гимнастикой сильно мешали мне в этом, а потому я попросил мистера Гими освободить меня от них, чтобы находиться подле отца. Но директор не внял моей просьбе. А затем вышло так, что однажды в субботу, когда уроки проходили утром, мне нужно было вернуться обратно в школу в четыре часа пополудни, чтобы успеть на гимнастику. Часов у меня не было, а облачное небо ввело меня в заблуждение. Я появился в школе только тогда, когда остальные мальчики уже разошлись. На следующий день мистер Гими, проверив списки, обнаружил в них отметку о моем отсутствии. Когда он спросил меня о причинах, я честно рассказал ему о том, как это произошло. Он отказался поверить мне и приказал заплатить штраф (уже не помню, насколько крупный).

Меня обвинили во лжи! Событие причинило мне глубочайшую душевную боль. Как мог я доказать свою невиновность? Я не знал и плакал от величайшего огорчения. Но я понял тогда, что даже самый правдивый человек должен вести себя крайне осторожно. Это стало первым и последним случаем моего легкомысленного поведения в школе. У меня сохранилось смутное воспоминание, что позже я все-таки сумел добиться отмены штрафа. Получено было и разрешение не посещать гимнастические занятия, поскольку отец написал личное послание директору, в котором объяснил, что нуждается в моей помощи дома.

Хотя мне не слишком повредил отказ от физических упражнений, я до сих пор вынужден расплачиваться за свое пренебрежительное отношение к другому важному предмету. Сам не знаю, откуда она взялась, но я вбил себе в голову идею, что хороший почерк вовсе не важен для человека образованного, и придерживался такого мнения до самой своей поездки в Англию. Когда позже — особенно

в Южной Африке — я видел красивые почерки юристов и просто любых молодых людей, получивших образование в африканской стране, мне пришлось устыдиться себя и раскаться в своем заблуждении. Я понял, что некрасивый почерк считается признаком плохого образования. Я постарался затем улучшить мой собственный, но было уже слишком поздно. Мне так и не удалось исправить то, что было упущено в юности. Надеюсь, мой пример убедит каждого молодого человека или девушку в том, что красивый почерк — атрибут образованного человека. Сейчас я понимаю, что маленьких детей следует сперва обучать рисованию и только потом чистописанию. Пусть ребенок запомнит буквы, как запоминает все окружающие его предметы: цветы, птиц и так далее. Затем он может переходить к написанию букв, когда научится рисовать. Тогда он сразу начнет писать уже твердой и умелой рукой.

Еще два воспоминания о моих школьных днях заслуживают упоминания. Я потерял год из-за своей женитьбы, и учитель предложил мне пропустить класс, чтобы восполнить пробел, — эта привилегия обычно предоставлялась только трудолюбивым и усердным ученикам. Таким образом, я отучился всего шесть месяцев в третьем классе и был переведен в четвертый после экзаменов перед летними каникулами. Начиная с четвертого класса преподавание большинства предметов велось уже на английском языке, и я оказался в совершенно беспомощном положении. Одним из новых предметов стала геометрия, в которой я и так ориентировался не особенно хорошо, а английский язык только мешал мне понять материал. Учитель геометрии прекрасно вел занятия, но я не успевал следить за объяснениями. Часто я впадал в уныние и подумывал о возвращении в третий класс, ведь заменить два полноценных года учебы одним было слишком сложно. Однако если бы я вернулся, я бы подставил не только себя, но и того преподавателя, который понадеялся на меня и порекомен-

довал перевести меня в четвертый класс. Размышляя так, я держался из последних сил. Впрочем, стоило мне ценой невероятного труда добраться до тринадцатой теоремы Евклида, как абсолютная простота геометрии внезапно открылась мне. Предмет, требующий всего лишь способности находить причинно-следственные связи, не может быть сложным. С тех пор уроки геометрии стали для меня не только простыми, но и увлекательными.

Санскрит же был орешком потверже. В геометрии ничего не требовалось запоминать, а в санскрите, как я считал, все нужно было заучивать наизусть. Этот предмет тоже начинался с четвертого класса. Как только я добрался до шестого, я совсем растерялся. Преподаватель был очень требовательным и настойчивым. Он любил свой предмет и, как мне казалось, слишком давил на учеников. Между преподавателями санскрита и персидского языка было что-то вроде соревнования. Учитель персидского был не таким строгим. Ученики поговаривали, что персидский язык совсем простой, а учитель очень хорош и внимателен к ученикам. Эта «простота» соблазнила меня, и однажды я перешел в класс персидского языка. Преподавателя санскрита мой поступок глубоко опечалил. Он вызвал меня к себе и сказал:

— Как можешь ты забывать, что ты сын отца-вишнуита? Почему ты не хочешь изучать язык своей религии? Если у тебя возникли трудности, отчего ты не приходишь и не рассказываешь мне о них? Я хочу обучить вас санскриту настолько хорошо, насколько могу. Чем дольше ты будешь изучать язык, тем скорее сделаешь в нем совершенно потрясающие открытия. Не надо падать духом. Возвращайся же в класс санскрита.

Его доброта заставила меня устыдиться своего поведения. Я не мог не прислушаться к преподавателю, который так хорошо отнесся ко мне. Сегодня я должен поблагодарить Кришнашанкара Пандью. Если бы я не постиг тог-

да с его помощью основ санскрита, мне было бы трудно позже заинтересоваться нашими священными книгами. Более того, я глубоко сожалею, что не смог выучить санскрит еще лучше. Теперь я знаю, что все индийские мальчики и девочки должны владеть этим языком на достойном уровне.

По моему мнению, в программах всех индийских средних школ, кроме родного языка, должно найтись место для хинди, санскрита, персидского, арабского и английского языков. Подобный длинный список не должен никого пугать. Нужно только упорядочить наше образование и освободить учеников от тяжелой обязанности усваивать все прочие предметы на иностранном языке, и тогда изучение вышеперечисленных языков станет простым и приятным. По-настоящему хорошее знание одного языка делает изучение других относительно легким.

На самом деле хинди, гуджарати и санскрит могут считаться одним языком точно так же, как персидский и арабский. Хотя персидский принадлежит к арийской, а арабский — к семитской группе языков, между ними существует тесная связь. Оба языка развивались в период подъема ислама. Я также думаю, что не стоит рассматривать урду как отдельный язык, поскольку он взял за основу грамматику хинди, а в его словаре много персидских и арабских слов. Тот, кто хочет хорошо изучить урду, должен овладеть персидским и арабским, ну а тому, кто хочет хорошо изучить гуджарати, хинди, бенгали или маратхи, следует выучить санскрит.

6. ТРАГЕДИЯ

Среди немногих друзей в средней школе я могу выделить двоих особенно близких. Одна такая дружба продлилась недолго, хотя я и не думал отвергать ее. Напротив, это меня отвергли за то, что я сошелся с другим. Именно эту дружбу я считаю одной из трагедий своей жизни. Она про-

должалась довольно долго, и я попытался перевоспитать человека, с которым дружил.

Сначала мой товарищ общался с моим братом. Они учились в одном классе. Я знал его слабости, но закрывал на них глаза, так как считал его преданным другом. Мать, старший брат и моя жена предупреждали, что я связался с дурным человеком. Я был слишком горд, чтобы внять предостережениям жены, но не мог не считаться с мнениями матери и старшего брата. Тем не менее я оправдывался перед ними так:

— Мне известны те слабости, которые вы приписываете ему, но вы ничего не знаете о его достоинствах. Он не сможет сбить меня с пути, ведь я попытаюсь изменить его. Если он исправится, то станет прекрасным человеком, я уверен. Прошу вас не тревожиться обо мне.

Едва ли мои объяснения удовлетворили их, но они приняли мое мнение и позволили поступать по своему усмотрению.

Позже я понял, насколько ошибался. Тот, кто хочет изменить другого человека, не должен поддерживать с ним близкие отношения. Истинная дружба — это единство душ, которое редко встречается в нашем мире. Только между похожими натурами может расцвести дружба благотворная и прочная. Настоящие друзья как бы вступают в реакцию друг с другом, поэтому в дружбе не остается места для исправления другого. Я придерживаюсь мнения, что всякого сближения следует избегать, поскольку человеку свойственно впитывать порок гораздо быстрее, чем добродетель. Тот, кто стремится к дружбе с Богом, должен либо оставаться в одиночестве, либо суметь подружиться со всем миром. Я могу ошибаться, но моя попытка завести близкого друга не удалась.

Ко времени моей первой встречи с этим человеком Раджкот захлестнули «реформы». Товарищ рассказал мне, что многие наши учителя украдкой едят мясо и пьют ви-

но. Кроме того, он назвал имена многих хорошо известных в Раджкоте людей из той же компании и некоторых учеников нашей школы.

Я изумился и испытал душевную боль, а затем спросил своего нового друга о причинах этого явления и получил следующий ответ:

— Мы — слабые люди, потому что не едим мяса. Англичане правят нами, потому что они мясоеды. Ты знаешь, как я силен и как быстро бегаю. Это все оттого, что я стал есть мясо. Мясоеды не страдают от фурункулов и опухолей, а если они порой и появляются, то быстро проходят. Наши учителя и прочие известные в городе люди, которые едят мясо, отнюдь не глупцы. Они понимают, как оно полезно. И тебе стоит последовать их примеру. Ничто не заменит собственного опыта. Попробуй и почувствуешь, как мясо дает тебе силы.

Разумеется, все эти аргументы в поддержку мяса были приведены не сразу. Мой друг долго и настойчиво убеждал меня. Мой старший брат уже поддался соблазну и подержал доводы друга. Я действительно выглядел хилым по сравнению с ними. Они казались более сильными, более развитыми физически и даже более смелыми, чем я. Подвиги друга буквально очаровали меня. Он мог бегать на длинные дистанции, и притом необычайно быстро. Ему легко давались прыжки в высоту и длину. Ему ничего не стоило выдержать любые телесные наказания в школе. Он часто рассказывал о своих успехах. Подобно тому, как всякого человека поражают качества, которыми он не обладает, так и меня поразили достижения, которыми я не мог похвастаться. За этим, естественно, последовало желание стать таким же. Сам я плохо бегал и прыгал, так почему бы и мне не сделаться таким же сильным, как мой друг?

В то время я был чрезмерно труслив, боялся воров, привидений и змей. Я не осмеливался после заката выйти за порог нашего дома. Темнота наводила на меня ужас.

Я почти не мог спать в полной темноте, поскольку мне начинали мерещиться призраки, надвигающиеся с одной стороны, воры, являющиеся с другой, и змеи, приползающие с третьей. Поэтому я всегда спал только при свете. И как я мог признаться в своих страхах жене, спавшей рядом со мной, — уже не ребенку, а девушке? Я знал, что она гораздо смелее меня, и стыдился этого. Она нисколько не боялась ни привидений, ни змей. Могла в полной темноте пойти куда угодно. Моему другу были известны эти мои страхи, и он заверял меня, что может запросто держать в руках живую змею, справиться с любыми ворами, а в существование призраков просто не верит. Все это он, разумеется, объяснял тем, что ест мясо.

Среди школьников тогда были популярны незатейливые вирши гуджаратского поэта Нармада:

Страшись, индиец, англичанина могучего,
Поскольку сам ты ростом очень мал.
А он — твой господин по воле случая:
Ел мясо и в пять локтей вымахал.

Стихотворение убедило меня. Я потерпел поражение и задумался о том, что есть мясо действительно хорошо, что оно сделает меня крепким и смелым. А если вся страна будет есть мясо, мы сможем избавиться от британского владычества.

Итак, день начала эксперимента был назначен. Проводить его пришлось украдкой. Семья Ганди принадлежала к числу вишнуитов, а мои родители отличались особой религиозностью. Они регулярно посещали хавели и даже имели собственные храмы. Кроме того, в Гуджарате был очень распространен джайнизм*, и его влияние ощущалось

* Д ж а й н и з м — индийская религия, один из важнейших принципов которой заключается в том, что все живое обладает душой. Отсюда проистекает вегетарианство *джайнов* — последователей этой религии.

повсеместно и проявлялось постоянно. Неприятие мясной пищи нигде в Индии или даже за ее пределами не было столь сильно, как в Гуджарате среди джайнов и вишнуитов. В таких традициях воспитывался и я сам. Я был в высшей степени предан своим родителям, понимал, что они будут буквально уничтожены, если узнают, что я ел мясо. Вдобавок к этому моя страстная любовь к правде заставляла меня быть более осторожным. Безусловно, я знал тогда, что мне придется пойти на обман, если я стану мясоедом. Но я уже склонился к «реформе». Дело было не в самом вкусе мяса — я еще не знал, насколько его вкус хорош или плох. Я только хотел стать сильным и храбрым и желал этого всем соотечественникам, чтобы мы вместе смогли победить англичан и освободить Индию. Слова «сварадж»* я еще даже не слышал, но понимал значение понятия «свобода». «Реформа» ослепила меня, и я убедил самого себя, что не отступлю от истины, если скрою свой поступок от родителей.

7. ТРАГЕДИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Итак, день настал. Теперь трудно описать то мое состояние. С одной стороны, мною владело страстное желание приобщиться к «реформе», меня привлекала новизна ощущения, возможность что-то изменить в своей жизни. Но, с другой стороны, мне было стыдно украдкой, словно вор, проделывать все это. Затрудняюсь сказать, какое из двух ощущений было более сильным. Мы отправились на поиски уединенного уголка и нашли его на берегу реки; там я впервые в жизни увидел мясо. Был и испеченный в пекарне хлеб. Мне не понравилось ни то ни другое. Козляти-

* С в а р а д ж — буквально «свое правление». Лозунг индийского национально-освободительного движения, призывавший к самоуправлению, борьбе против британского колониального правительства.

на оказалась жесткой, как кожаный ремень. Я попросту не мог есть ее. Мне сделалось дурно, и пришлось уйти оттуда, на ходу дожевывая кусок.

После этого у меня выдалась отвратительная ночь. Меня преследовал кошмарный сон. Каждый раз, когда я засыпал, мне начинало казаться, что живой козел блеет у меня внутри, и я резко просыпался, исполненный раскаяния. Но я сразу же напоминал себе, что есть мясо — это мой долг, и приободрялся.

Мой друг не принадлежал к числу людей, которые быстро сдаются. Он стал сам готовить мясные деликатесы и красиво подавать их. Местом наших трапез был теперь не отдаленный берег реки, а столовая управы со столами и стульями. Мой товарищ обо всем договорился с шеф-поваром.

На эту-то приманку я в конце концов и клюнул. Я преодолел отвращение к хлебу, избавился от сочувствия к убиенным козлам и превратился в ценителя если не самого мяса, то по крайней мере мясных блюд. Это продолжалось примерно год. Впрочем, за все время состоялось не более полудюжины таких мясных пиршеств, поскольку в столовую нас пускали не каждый день и за дорогие мясные деликатесы, конечно, нужно было платить. У меня не было личных денег, чтобы самому оплачивать «реформу», а потому всякий раз моему другу приходилось изыскивать средства. Я понятия не имел, где он их находил, но он успешно справлялся с этой проблемой, поскольку хотел во что бы то ни стало превратить меня в мясоеда. Конечно, даже его возможности были ограничены, и потому наши мясные трапезы оказывались столь редкими.

Когда же мне удавалось поучаствовать в мясном пиршестве, дома я не ужинал. Моя мать, естественно, приглашала меня к столу, а потом спрашивала, почему мне не хочется есть. Я был вынужден отвечать ей в таком духе: «У меня сегодня совершенно нет аппетита. Что-то с желуд-

ком». Я придумывал подобные отговорки не без угрызений совести. Я осознавал, что не просто врал, а врал своей матери, но я также понимал, каким страшным ударом станет для моих родителей известие о том, что я ем мясо. Мое сердце обливалось кровью.

Потому я пообещал себе: «Хотя есть мясо важно и провести пищевую реформу в стране необходимо, ложь и обман гораздо хуже отказа от мяса. Пока живы родители, я должен воздержаться от употребления в пищу мясных продуктов. Когда же родителей не станет и я обрету полную свободу, я начну есть мясо открыто, но пока не буду и притрагиваться к нему».

Такое решение я сообщил своему другу и с тех уже никогда не ел мяса. Мои родители так и не узнали, что два их сына ели его.

Я отказался от мяса, не желая лгать родителям, но не перестал встречаться с тем своим другом. Мое стремление перевоспитать его обернулось бедой для меня самого, хотя тогда я совершенно не осознавал столь очевидного факта.

Друг пытался толкнуть меня на измену жене. Только чудом я сумел избежать этого. Однажды он привел меня в бордель, причем тщательно проинструктировал, как себя вести в подобном заведении. Все было организовано им заранее, и даже счет был оплачен загодя. Я бы оказался во власти греха, но Бог и Его бесконечное милосердие защитили меня от самого себя. В том греховном месте меня словно поразили слепота и немота. Я сидел рядом с женщиной на ее постели, но упорно молчал. Она, естественно, скоро потеряла терпение и выставила меня за дверь, выкрикивая вслед ругательства и оскорбления. В ту минуту я чувствовал себя униженным и был готов провалиться сквозь землю от стыда. Позже я вознес хвалу Богу за свое счастливое избавление. Припоминаю еще четыре похожих случая в моей жизни, когда меня спасала лишь удача, а не мои собственные усилия. Со строго этической точки

зрения все эти случаи были моральными падениями, поскольку плотское вожделение все-таки возникало, и я был готов совершить соответствующий акт. Но если взглянуть на мои поступки глазами обычного человека, получается, что мужчина, который физически избежал греха, считается спасенным. И в этом смысле я действительно оказался спасен. Иногда человеку удается уклониться от греха лишь по счастливой случайности. Тогда к нему возвращаются правильные представления о добре и зле, и он преисполняется благодарности за Божественное милосердие, избавившее его от грехопадения. Перед человеком часто возникает порочный соблазн, которому он готов поддаться, но и Провидение так же часто вмешивается в его жизнь и спасает его. Как именно это происходит, какова степень свободы и много ли в жизни моментов, когда человек становится лишь игрушкой сложившихся обстоятельств, как далеко может завести его собственная воля и когда на сцену выходит судьба — все это тайна для нас и навсегда останется таковой.

Но продолжу начатую историю. Даже эти печальные события не открыли мне глаза и не убедили меня в глубокой порочности моего друга. А посему мне пришлось испытать еще немало боли, пока я, совершенно неожиданно, наконец не увидел его в истинном свете. Однако к этому я вернусь позже, поскольку мы придерживаемся хронологии.

Необходимо отметить еще кое-что, относящееся к тому же периоду. Одной из причин моих ссор с женой, несомненно, стала дружба с тем товарищем. Я был преданным, но ревнивым мужем, а друг только разжигал пламя моих подозрений в отношении жены. У меня самого не было причин сомневаться в ее верности, и потому я до сих пор не могу простить себе тех страданий, которые я причинял ей, подстрекаемый другом. Вероятно, одна лишь жена индуса смогла бы вытерпеть подобное обращение, и потому я глубоко заблуждался, считая женщин вообще живым

воплощением терпения. Несправедливо заподозренный слуга может бросить свою работу; сын, попавший в подобную ситуацию, может покинуть родительский кров; друг попросту положит конец дружбе. Жена, заподозрившая измену, вынуждена молчать, но если она сама под подозрением, то ее жизнь станет совершенно невыносимой. Куда может она податься? Индийские жены не имеют права просить развода в суде. Закон всегда не на ее стороне. А потому повторю: я не могу забыть обо всем и простить себя за то, что заставил жену страдать.

Я смог окончательно избавиться от ложных подозрений, когда постиг ахимсу* во всей полноте ее смысла. Затем мне открылось величие брахмачарьи**, и только тогда до меня дошло, что жена не может быть вечной рабыней мужа. Она должна стать его товарищем и помощником, разделить с ним горе и радость, должна сама выбирать свой путь. Когда я вспоминаю о тех черных днях сомнений и подозрений, меня переполняет отвращение к собственной глупости и порочной жестокости. Мне остается только сожалеть о своей слепой преданности другу.

8. ВОРОВСТВО И РАСПЛАТА

Мне все еще только предстоит рассказать о моих ошибках, относящихся к периоду, когда я ел мясо, и к предшествующему времени — еще до женитьбы или вскоре после нее.

С одним из своих родственников я пристрастился к курению. Не то чтобы мы считали курение полезным или

* Ахимса — одно из фундаментальных понятий индуизма, буддизма и джайнизма. На санскрите это слово значит ненанесение физического вреда кому-либо, отказ от всякого насилия.

** Брахмачарья — учение, основанное на самодисциплине, отказе от чувственных удовольствий.

нам полюбился запах сигарет. Нам просто нравилось выпускать изо рта облачка дыма. Мой дядя курил, и мы посчитали нужным последовать его примеру. При этом денег у нас не было, поэтому мы начали подбирать окурки, выброшенные дядей.

Однако окурки нам попадались не всегда, да и табака в них почти не оставалось. Мы стали красть медяки из карманных денег нашего слуги, чтобы покупать сигареты индийского производства. Но где прятать то, что мы купили? Мы, разумеется, не могли курить при взрослых. Кое-как мы продержались несколько недель на этой краденой мелочи, а затем услышали о том, что стебли одного растения настолько пористые, что их можно курить вместо сигарет. Мы раздобыли их и принялись за дело.

Это нас не удовлетворило. Нам не хотелось ни от кого зависеть. Была невыносимой сама мысль, что нельзя и шагу ступить без разрешения старших. Наше отвращение ко всему стало таким острым, что мы решили покончить с собой!

Но каким образом? Где нам взять яд? Мы выяснили, что семена *датуры*, или индийского дурмана, очень ядовиты, и отправились в джунгли на поиски этих семян. Нам удалось раздобыть их. Вечернее время показалось нам наиболее подходящим. Мы пошли в Кедарджи Мандир, заправили маслом лампу, помолились и принялись искать уединенный уголок, но храбрость изменила нам. Что будет, если не умрем мгновенно? И вообще, чего мы добьемся самоубийством? Почему бы попросту не смириться с отсутствием независимости? Однако мы все же проглотили по два или три семени, не осмелившись принять больше. Оба справились со страхом смерти и решили отправиться в Рамджи Мандир, чтобы взять себя в руки и отбросить мысли о том, чтобы покончить с собой.

Тогда я понял, что задумать самоубийство гораздо легче, чем совершить его. С тех пор, когда бы я ни слышал

о чьих-то намерениях наложить на себя руки, это не производило на меня почти никакого или же и вовсе никакого впечатления.

Случай с самоубийством в конце концов заставил нас отказаться от привычки подбирать окурки и воровать у прислуги мелочь, чтобы потратить ее на сигареты.

С тех пор, как я повзрослел, у меня больше не возникало желания курить. Я считаю эту привычку варварской, глупой и вредной. Мне непонятно, почему по всему миру люди так много курят. Мне кажется невыносимой сама мысль о том, чтобы оказаться в одном купе с курящими, потому что я задыхаюсь от табачного дыма.

Еще более серьезный проступок я совершил несколько позже. Я таскал медяки у слуг в двенадцать или тринадцать лет, а может, и раньше. Другую кражу я совершил в пятнадцать. На этот раз я умыкнул кусочек золота с браслета моего брата — того самого, что тоже ел мясо. Он задолжал кому-то примерно двадцать пять рупий. На руке он носил браслет из чистого золота, и было несложно отколоть от него немного.

Итак, долг был погашен, но для меня воровство стало слишком тяжким бременем. Я поклялся себе больше никогда не поступать так. Кроме того, я решил во всем признаться отцу, однако не осмеливался заговорить с ним об этом. Нет, я не боялся, что отец ударит меня. Я не помню, чтобы отец поднял руку на кого-то из нас. Меня пугала только та боль, которую я мог причинить ему своим признанием, и все же я чувствовал необходимость рискнуть, ведь по-другому очистить свою совесть было невозможно.

В конце концов я решил признаться в письменной форме, отдать записку отцу и попросить прощения. Я изложил все на листке бумаги и передал ему лично в руки. В своей записке я не только признавался в своем дурном поступке, но и просил достойно наказать меня, а заканчивал прось-

бой не казнить себя самого за вину сына. Я также клялся никогда не воровать в будущем.

Передавая признание, я весь трепетал. Отец страдал от фистулы и был прикован к постели. Кроватью ему служила простая деревянная доска. Я отдал ему листок и сел напротив.

Он прочитал записку; крупные слезы размером с жемчужину потекли по его щекам и увлажнили бумагу. На мгновение он закрыл глаза, а потом порвал записку. Чтобы прочитать ее, ему пришлось сесть. Потом он снова лег. Я тоже заплакал, потому что видел страдания отца. Будь я художником, я бы и сейчас сумел нарисовать ту картину, настолько жива она в моей памяти.

Жемчужные слезы любви очистили мое сердце и смыли с меня грехи. Только тому, кто испытал такую любовь, знакомо подобное ощущение. Недаром гласит молитва:

Лишь тот,
Кого пронзили стрелы истинной любви,
Познал всю ее силу.

Для меня этот случай стал уроком ахимсы. В тот момент я воспринял все только как проявление отцовской любви и ничего больше, но сегодня понимаю, что в слезах отца заключалась чистейшая ахимса. Когда подобная ахимса становится всеобъемлющей, она преобразует всех и вся. Нет предела ее власти.

Вообще-то, такая сдержанность не была характерной для моего отца. Я ожидал, что он разгневается, жестко отчитает меня и от злости станет бить кулаком в свой собственный лоб, но он повел себя смиренно, и я верю, что причина этого крылась в моем откровенном признании. Признаться и пообещать никогда не грешить тому, кто имеет право принять такое обещание, — самый верный и чистый путь к искуплению. Я понял — мое признание успокоило отца и бесконечно усилило его привязанность ко мне.

9. СМЕРТЬ ОТЦА И МОЙ ДВОЙНОЙ ПОЗОР

К тому времени, о котором я сейчас расскажу, мне уже шел шестнадцатый год. Мой отец, как я уже упомянул выше, страдал от фистулы и был прикован к постели. Мама, один из старых слуг и я сам ухаживали за ним. На мне лежали обязанности сиделки: я менял его повязки, давал ему лекарства, готовил различные домашние снадобья. Каждый вечер я массировал ему ноги и уходил, только когда он сам просил меня об этом или засыпал. Мне нравилось ухаживать за ним. Не помню, чтобы я хотя бы раз пренебрежительно отнесся к своим обязанностям. Время, оставшееся после выполнения всех ежедневных дел, я делил между занятиями в школе и уходом за отцом. Вечером я отправлялся на прогулку, когда получал от него разрешение или когда его самочувствие улучшалось.

Как раз в это время моя жена ждала ребенка. Это обстоятельство, как мне кажется теперь, означало для меня двойной позор. Во-первых, я не сумел проявить должной сдержанности, все еще оставаясь школьником. А во-вторых, вождение мешало мне учиться и быть преданным родителям, хотя с детства моим героем и идеалом был Шраван. Каждый вечер, пока я массировал ноги отцу, мысленно я уже устремлялся в спальню. И это в то время, когда религия, медицина и обычный здравый смысл запрещали вступать в сексуальные отношения. Исполнив свои обязанности, я радостно отправлялся в спальню, отдав низкий поклон больному отцу.

Между тем состояние отца с каждым днем ухудшалось. Аюрведические врачи перепробовали на нем все свои мази, хакиды — все пластыри, а местные знахари — все снадобья. Был вызван английский хирург, который порекомендовал сделать операцию, однако вмешался наш семейный доктор. Он посчитал операцию слишком опасной для

пациента в столь преклонном возрасте. Мы прислушались к его совету и отменили операцию. Лекарства же не помогали. Мне все же кажется, что, если бы доктор одобрил операцию, рана могла бы вскоре зажить, к тому же оперировать отца должен был хирург, известный даже в Бомбее. Однако Бог решил иначе. Когда смерть неизбежна, искать средства спасения от нее бессмысленно. Мой отец вернулся из Бомбея со всеми необходимыми для операции предметами, которые были теперь бесполезными. Он уже отчаялся и не верил в выздоровление, становился все слабее и слабее, пока не дошло до того, что ему посоветовали отправлять все свои естественные надобности не вставая с постели. Он до самого конца отказывался и неизменно, преодолевая боль, поднимался со своего ложа. Вишнуиты придерживаются крайне строгих правил в отношении личной гигиены.

Нет сомнений, такие правила важны, но западная медицина показала нам, что все отправления (как и мытье больного) могут осуществляться прямо в постели без малейших неудобств, и даже белье при этом останется чистым. Я понимаю, что это не противоречит взглядам вишнуитов, но в то время настойчивость отца казалась мне достойной величайшего уважения и восхищения.

И вот настала та ужасная ночь. Мой дядя находился в Раджкоте. Смутно припоминаю, как он приехал, узнав о том, что моему отцу стало значительно хуже. Братья были искренне привязаны друг к другу. Дядя смог целый день просидеть у постели отца, а потом улегся спать рядом с ним, отправив нас по своим комнатам. Никому и в голову не приходило, что судьба нанесет нам такой страшный удар этой ночью, но беда была уже совсем рядом.

В половине одиннадцатого или ровно в одиннадцать я делал отцу очередной массаж. Дядя предложил закончить вместо меня. Не без облегчения я согласился и ушел в спальню. Моя жена уже крепко спала, бедняжка. Но как

могла она заснуть, не дождавшись меня? Пришлось разбудить ее. А уже примерно через пять минут в дверь постучал слуга. Я вздрогнул, чувствуя нарастающую тревогу.

— Вставайте, — сказал он. — Ваш отец очень болен.

Разумеется, я знал, что он очень болен, и понял, что случилось ужасное. Я вскочил с постели.

— В чем дело? Говори же, не
томи!

— Вашего отца больше нет с
нами.

Значит, все кончено! Мне оставалось лишь в горе заламывать руки. Я чувствовал себя пристыженным и несчастным, бросился в комнату отца и понял, что, если бы низкая страсть не ослепила меня, мне бы не пришлось мучиться оттого, что оказался так далеко от отца в последние минуты его жизни. Я должен был продолжать массаж, и отец скончался бы у меня на руках! Но с ним был только дядя. Только он оказался достаточно предан старшему брату, чтобы принять его смерть! Отец же понимал, что происходит. Он сделал знак подать перо и бумагу, на которой написал: «Начинайте готовиться к последнему обряду». Затем сорвал со своей руки амулет, а с шеи — золотую цепочку с бусинами из священного базилика и отбросил их в сторону. Прошло еще мгновение, и он скончался.

Позор, о котором я говорю, заключался в возникшем у меня недостойном вожделении — и это в час смерти отца! Я никогда не смогу искупить свою вину. Я был безгранично предан родителям, считал, что могу пойти ради них на любые жертвы, однако похоть завладела моими мыслями. Я был верным, но сластолюбивым супругом и еще долго не мог вырваться из плена похоти. Я прошел через множество испытаний, прежде чем окончательно справился с ней.

Дописывая главу о своем двойном позоре, добавлю, что несчастный младенец, родившийся вскоре у моей жены, прожил всего три или четыре дня. Ничего другого и не стоило ожидать. Пусть же всем женатым мужчинам послужит

предостережением мой горький опыт.

10. ПРИОБЩЕНИЕ К РЕЛИГИИ

С шести или семи лет до шестнадцати я посещал школу. Меня обучали самым разным предметам, за исключением религии. Получается, я не сумел получить от преподавателей именно того, что они могли бы мне дать без особых усилий. Но я постепенно набирался знаний, общаясь с окружающими. Термин «религия» я употребляю в его наиболее широком смысле — как познание самого себя.

Родившись в семье, исповедовавшей вишнуизм, я часто посещал хавели, хотя он никогда не привлекал меня. Мне не нравились его чрезмерная роскошь и пышность. Более того, до меня дошли слухи об аморальных поступках, совершавшихся там, и я потерял к храму всякий интерес. Следовательно, хавели мне ничего не дал.

Однако то, чего я не взял в хавели, я получил от няни, старой служанки нашей семьи, чью привязанность ко мне я вспоминаю до сих пор. Как я уже рассказывал, я боялся привидений и духов. Няня, которую звали Рамбха, предложила прибегнуть к Раманаме*. Кажется, я больше верил самой няне, чем этому средству, но еще ребенком начал повторять имя Бога, чтобы избавиться от своих страхов. Конечно, продолжалось это недолго, однако добрые семена, посеянные в детской душе, не пропадают даром. Благодаря Рамбхе Раманаме и поныне неизменно помогает мне.

Примерно в то же время мой кузен, горячий поклонник «Рамаяны»**, предложил мне и моему второму брату выучить «Рама Ракшу»***. Мы заучили ее наизусть и взяли себе за правило повторять каждое утро вслух после омовений.

* Р а м а н а м а — имя Бога, повторяемое в качестве мантры.

** « Р а м а я н а » — древнеиндийский эпос о боге Вишну, сошедшем в мир в образе своей седьмой аватары Рамы, о его жизни и подвигах.

*** « Р а м а Р а к ш а » — средневековое индийское произведение, написанное на санскрите. Повествует о подвигах Рамы.

Мы придерживались такой традиции, пока жили в Порбандаре, но как только перебрались в Раджкот, традиция забылась, поскольку я не слишком верил в нее. Повторял же я «Рама Ракшу» отчасти потому, что гордился своим правильным произношением.

Больше всего меня впечатлило чтение «Рамаяны» отцу. В один из периодов своей продолжительной болезни он находился в Порбандаре. Там он каждый вечер слушал «Рамаяну», а чтецом был один из самых известных поклонников Рамы — Ладха Махарадж из Билешвара. О нем говорили, что он вылечился от проказы без всяких лекарств, прикладывая к пораженным участкам тела листья билвы, принесенные в жертву образу Махадевы в храме Билешвара, и обращаясь к Раманаме. Именно вера исцелила его. Не знаю, правда это или нет. По крайней мере, мы верили в его историю. Когда Ладха Махарадж начал читать «Рамаяну» отцу, на его теле уже не было никаких следов проказы. Он обладал мелодичным голосом. Он читал *дохи* (куплеты) и *чонаи* (четверостишия), а затем объяснял их смысл, увлекаясь сам и увлекая слушателей. Тогда мне было, судя по всему, около тринадцати лет, но я прекрасно помню, как был зачарован чтением. Так я полюбил «Рамаяну». «Рамаяну» Тулсидаса я считаю величайшим духовным произведением.

Через несколько месяцев мы перебрались в Раджкот. Там уже не устраивалось чтений «Рамаяны», зато «Бхагавад» читали каждое экадаши*. Иногда я присоединялся к слушателям, вот только чтец совсем не вдохновлял меня. Ныне я понял, что «Бхагавад» — это книга, которая может вызвать истинный религиозный экстаз. Я прочитал ее на гуджарати с величайшим интересом, но, когда позже по-

* Экадаши — одиннадцатые лунные сутки после полнолуния и новолуния (*санскр.* «эка» — один, «даши» — десять); религиозный праздник. Считается лучшим временем для молитв и постов.

слушал ее в исполнении пандита* Мадана Мохана Малавии во время моего поста, длившегося двадцать один день, я пожалел, что не услышал, как он читает ее, гораздо раньше, тогда бы эта книга полюбилась мне с самого детства. Впечатления, полученные в детстве, пускают наиболее глубокие корни в душе человека. Вот почему меня огорчает то, что мне не довелось услышать чтение большего числа подобных книг именно в тот период.

В Раджкоте я научился быть терпеливым по отношению к сектам индуизма и схожим религиям. Мои отец и мать посещали не только хавели, но и храмы Шивы и Рамы. Они часто брали нас с собой или отправляли туда одних. Кроме того, к отцу часто приходили джайнистские монахи и даже нарушали свои обычаи, принимая пищу от нас, не джайнов. Они беседовали с отцом как на религиозные, так и на мирские темы.

У него были к тому же друзья из мусульман и парсов. Он выслушивал их рассказы о религии с неизменным уважением и часто с большим интересом. Ухаживая за отцом, я нередко мог послушать его беседы с гостями. Это способствовало тому, что я стал терпим ко всем религиям.

Только христианство в то время было для меня исключением. Я даже питал к нему некоторую неприязнь, и для этого имелись свои причины. Помню, как христианские миссионеры, расположившись на углу рядом со зданием школы, бранили индийцев и их богов. Я терпеть не мог этого. Лишь однажды я задержался, чтобы послушать их, и наслушался достаточно, чтобы никогда больше не повторять подобных экспериментов. Примерно тогда же мне рассказали об одном известном индусе, обратившемся в христианство. Он стал предметом пересудов в городе. После крещения он начал есть мясо, пить спиртные напитки, а также носить европейскую одежду и даже шляпу.

* Пандит — богослов в индуизме и буддизме; образованный человек.

Подобные слухи действовали мне на нервы. Очевидно, думал я, что религия, принуждающая людей есть мясо и пить спиртное, заставляющая менять привычную одежду, не заслуживает даже называться религией. Мне сообщили, кроме того, что вновь обращенный уже начал презрительно отзываться о вере своих предков, их обычаях и самой стране. Вот где был источник моей неприязни к христианству.

Однако моя терпимость к представителям других религий не означала, что я сам верил в Бога. Как раз в то время в библиотеке отца мне попала «Манусмрити»*. Содержавшаяся в ней история создания Вселенной и другие подобные истории не произвели на меня особого впечатления, но, напротив, кажется, еще больше склонили к атеизму.

У меня был кузен (он жив до сих пор), чей интеллект я высоко ценил. К нему я и обратился со своими сомнениями. Но он не сумел их развеять и отделался от меня следующими словами:

— Когда повзрослеешь, сумеешь сам разобраться. Не стоит даже думать об этом в твоём возрасте.

Мне пришлось замолчать, хотя я ничего и не добился. Я подумал, что главы «Манусмрити» о питании и других подобных аспектах противоречат тому, что я вижу в повседневной жизни. По поводу этих сомнений я получил такой же ответ. «Мой ум окрепнет, когда я прочитаю больше книг. Вот тогда-то я все пойму», — сказал я сам себе.

Как бы то ни было, но из «Манусмрити» я ничего не узнал об ахимсе. О том, как я ел мясо, я уже рассказал. «Манусмрити», казалось, только поддерживала этот грех. Прочитав книгу, я понял, например, что можно убивать змей, жуков и прочих тварей. Помню, как тогда лишал жизни разных насекомых и считал это чуть ли не своим долгом.

* «Манусмрити» («Законы Ману») — древнеиндийский сборник предписаний религиозного, морально-нравственного и правового характера для верующего.

Однако кое-что я все-таки усвоил: я понял, что мораль лежит в основе всего, а истина является сущностью морали. Поиски истины стали моей единственной целью. Я укреплялся в своей вере день за днем, и мое понимание истины постоянно расширялось.

Одно стихотворение на гуджарати поразило меня в самое сердце. Я стал во всем руководствоваться его основной мыслью о том, что на зло всегда нужно отвечать добром. Именно это стихотворение подтолкнуло меня к экспериментам. Вот те восхитительные (лично для меня) строки:

За чашу лишь с водою налей в ответ ты чай
И на кивок приветственный поклоном отвечай.
За поданное пенни ты злата не жалея,
А если жизнь тебе спасли, достойно жить сумей.
И в слове, и на деле будь равен мудрецам,
Ведь за любую мелочь стократ воздастся нам.
Для истинно великих все мы слились в одном,
А потому ты с радостью за зло плати добром.

11. СОБИРАЯСЬ В АНГЛИЮ

В 1887 году я успешно сдал выпускные экзамены. Тогда их проводили в двух образовательных центрах, расположенных в Ахмадабаде и Бомбее. Бедность населения Катхиявара, естественно, вынуждала учеников выбрать более близкий и дешевый вариант. Недостаток средств в моей семье вынудил и меня сделать такой же выбор. Это стало моим первым путешествием из Раджкота в Ахмадабад и первой поездкой без сопровождения.

Старшие в семье хотели, чтобы я после сдачи экзаменов продолжил образование в колледже. Доступные учебные заведения имелись в Бхавнагаре и Бомбее, а поскольку учеба в первом была дешевле, я решил отправиться именно туда и поступить в колледж Самалдас. Я приехал и со-

всем растерялся. Все оказалось очень трудно. Я не успевал следить за лекциями, у меня напрочь отсутствовал интерес к предметам, и дело тут было не в преподавателях. Педагогический состав колледжа считался первоклассным. Это я приступил к учебе, совершенно не подготовленным. После первого семестра пришлось вернуться домой.

Мавджи Даве, умный и очень образованный брахман, был не только старым другом семьи, но и надежным советчиком. Он поддерживал с нами связь даже после смерти моего отца. Однажды во время моих каникул он нанес нам визит и, разговаривая с мамой и старшим братом, стал расспрашивать их о моей учебе. Узнав, что я стал студентом колледжа Самалдас, он сказал:

— Времена изменились. Сложно занять такой же важный гади*, какой занимал ваш отец, без хорошего образования. Сейчас, пока ваш мальчик только начал учебу, вам следует задуматься о его карьере. У него уйдет от четырех до пяти лет, чтобы получить степень бакалавра, с которой он в лучшем случае может рассчитывать на работу с окладом в шестьдесят рупий, но никак не на пост дивана. Если он, как мой сын, займется юриспруденцией, то потратит здесь еще больше времени, и тогда из желающих стать диванами уже выстроится длинная очередь. Я рекомендую вам отправить его в Англию. Мой сын Кевалрам утверждает, что там очень просто стать адвокатом. Он вернется уже через три года. Расходы не превысят четырех или пяти тысяч рупий. Только представьте адвоката, только что приехавшего из Англии. Как хорошо он будет жить! Получить место дивана не составит труда, стоит только заявить о своем желании занять пост. Я советую вам отправить Мохандаса в Англию еще в этом году. У Кевалрама там множество друзей. Он напишет рекомендательные письма, и Мохандасу будет легко освоиться.

* Гади — должность, пост.

Джошиджи, как мы называли старого Мавджи Даве, спросил меня, заранее зная ответ:

— Разве ты не предпочтешь отправиться в Англию вместо того, чтобы продолжить учебу здесь?

Ничего более желанного я в тот момент и представить не мог. Занятия утомляли меня, поэтому я радостно заявил, что чем скорее меня отправят в Англию, тем будет лучше. Однако сдать экзамены быстро нелегко. Быть может, я могу поехать туда и получить образование врача?

Меня перебил брат:

— Отцу это не пришлось бы по душе. Он ведь именно тебя имел в виду, когда говорил, что мы — вишнуиты — не должны вскрывать трупы. Отец видел тебя юристом.

Но Джошиджи настаивал:

— Лично я ничего не имею против профессии врача, как и наши шастры*. Но диплом врача не позволит тебе стать диваном, а мне бы хотелось видеть тебя на этом посту, а быть может, и на более высоком. Только так сможешь ты позаботиться о своей большой семье. Времена меняются, и жизнь становится труднее с каждым днем, а потому мудрее всего будет выучиться на адвоката.

Обернувшись к моей матери, он добавил:

— Сейчас я должен уйти. Пожалуйста, обдумайте мои слова. Когда я вернусь, надеюсь, что вы уже будете собирать сына в Англию. Обращайтесь ко мне, если понадобится помощь.

Джошиджи удалился, а я принялся строить воздушные замки.

Мой старший брат мыслил более рационально. Где найти средства на поездку? И можно ли отправить такого юнца, как я, за границу одного?

Мама расстроилась. Ей не хотелось надолго расставаться со мной.

* Ш а с т р ы — древние индийские священные трактаты, охватывающие различные области знаний.

— Твой дядя, — сказала она, — теперь старший в нашей семье. С ним нам нужно посоветоваться в первую очередь. Если он даст свое согласие, мы обдумаем все всерьез.

Однако у брата появилась другая идея. Вот какая:

— Мы имеем право рассчитывать на поддержку в Порбандаре. Мистер Лели, чиновник, очень уважает нашу семью и ценит дядю. Весьма вероятно, что он сможет помочь тебе получить материальную помощь от государства для твоего обучения.

Мне все это очень понравилось, и я приготовился ехать в Порбандар. Тогда еще не было железной дороги, и путешествие туда занимало пять дней. Я уже не раз упоминал, что был труслив, но в тот момент желание побывать в Англии пересилило все. Я нанял повозку до Дхораджи, а там пересел на верблюда, чтобы прибыть в Порбандар на день раньше. Это стало моей первой в жизни поездкой верхом на верблюде.

Наконец я приехал, поклонился дяде и обо всем ему рассказал. Он немного подумал, а потом сказал:

— Не уверен, что в Англии можно жить так, чтобы не нарушить запретов своей религии. Я сомневаюсь, потому что видел много подобных примеров. Когда я встречаю всех этих важных адвокатов-индусов, я не вижу разницы между тем, как живут они, и тем, как живут европейцы. Они не следят за питанием, не расстаются с сигарами, они бесстыдно одеваются, совсем как англичане. Все это противоречит традициям нашей семьи. Вскоре я отправляюсь в паломничество, и жить мне остается не так уж много лет. Стоя на пороге смерти, как могу я осмелиться дать тебе разрешение на поездку в Англию? Как могу разрешить пересекать моря? Но я не хочу и вставать у тебя на пути. Так пусть решает твоя мать. Если она даст разрешение, то поезжай! Передай ей, что я не стану вмешиваться. Ты поедешь, получив мое благословение.

— Ничего другого я и не смел ожидать от вас, — сказал я. — Теперь мне всего лишь нужно уговорить маму. Не могли бы вы рекомендовать меня мистеру Лели?

— Этого я сделать не могу, — отвечал дядя. — Но он очень хороший человек. Попроси его принять тебя, расскажи обо всем. Он, безусловно, встретится с тобой и, наверное, даже поможет.

Сложно сказать, почему дядя не дал мне рекомендательного письма. Тогда мне показалось, что он просто не хочет иметь никакого отношения к моему путешествию в Англию, которое, по его мнению, противоречило нашим религиозным убеждениям.

Итак, я сам написал мистеру Лели. Он вроде бы согласился принять меня в своей резиденции. Мы встретились, когда он поднимался по лестнице.

— Сначала сдайте экзамен на бакалавра, а потом приходите, — коротко сказал он. — В данный момент я ничем не могу вам помочь.

Вот и все, что он сказал, а затем продолжил подниматься вверх. А я-то так тщательно готовился к аудиенции! Вызубрил несколько фраз, низко ему поклонился и сделал приветственный жест обеими руками. И все было тщетно!

Я подумал об украшениях моей жены и о старшем брате, на которого так надеялся. Он всегда был щедрым человеком, а меня любил как родного сына.

Вернувшись в Раджкот из Порбандара, я подробно рассказал обо всем, что там произошло. Я снова посоветовался с Джошиджи, который предложил взять у кого-нибудь деньги в долг, если потребуется. Я сказал, что могу продать украшения жены, за которые дадут две или три тысячи рупий. Брат также обещал найти средства. Мама все еще не одобряла поездку. Она решила расспросить обо всем людей, и кто-то сказал ей, что молодежь пропадает в Англии; другой поведал, что люди там начинают есть мясо, а третий заявил, что жить там и не пить спиртного невозможно.

— Что ты мне ответишь на это? — поинтересовалась она. Я сказал:

— Разве ты не доверяешь мне? Я никогда не стану тебя обманывать. Клянусь даже не прикасаться ко всему этому. Если бы опасность действительно была, неужели Джошиджи посоветовал бы мне поехать туда?

— Я могу доверять тебе здесь, — сказала она. — Но как доверять тебе, когда ты окажешься в далекой стране? Я посоветуюсь с Бечарджи Свами.

Бечарджи Свами когда-то принадлежал к касте модхбанья, но позже стал джайнистским монахом. Он тоже был другом семьи и советчиком, как Джошиджи. Он пришел мне на помощь и заявил:

— Я бы заставил мальчика дать три торжественные клятвы, после чего разрешил бы ему уехать.

Затем он подготовил обряд, в ходе которого я поклялся не прикасаться к вину, мясу и женщинам. Когда с этим было покончено, я наконец получил согласие мамы.

В школе устроили празднество в честь моего отъезда. Путешествие юноши из Раджкота в Англию было поистине необычным событием. Я заранее написал несколько благодарственных слов, но прочитать их вслух без запинки не смог. Помню, как кружилась у меня голова и как дрожали руки, когда я поднялся, чтобы произнести эти слова.

Получив благословение старших, я отбыл в Бомбей. Это стало моим первым путешествием в этот город. Брат вызвался проводить меня, однако, как оказалось, ничего нельзя загадывать наперед. В Бомбее нам пришлось столкнуться с непредвиденными трудностями.

12. ИЗГНАНИЕ ИЗ КАСТЫ

Итак, с разрешения и благословения мамы я отправился в Бомбей, оставив дома жену и ребенка, которому едва исполнилось несколько месяцев. Я был счастлив. Однако

по нашем прибытии в Бомбей друзья брата сообщили ему, что в июне и июле Индийский океан бывает особенно бурным, а поскольку я впервые отправляюсь в морское путешествие, мне не следует отплывать раньше ноября. Кто-то поделился новостью о том, что во время последнего шторма затонул пассажирский пароход. Это испугало брата, и он отказался отпустить меня немедленно. Я остался на попечении одного из его друзей в Бомбее, а сам он поехал обратно в Раджкот, чтобы вернуться к работе. Брат доверил хранение средств, выделенных на мое путешествие, нашему зятю и переговорил с некоторыми из друзей, взяв с них слово сразу же помочь мне, если понадобится.

Время в Бомбее тянулось томительно долго. Я жил постоянной мечтой об Англии.

А между тем представителей моей касты необычайно взволновало мое намерение побывать за границей. Ни один из касты модх-банья до сей поры не бывал в Англии, и, если я осмеливался отправиться туда, меня нужно было призвать к ответу! И так, они созвали общее собрание касты и вызвали меня. И я пришел. Как я набрался храбрости, до сих пор не понимаю. Я ничуть не боялся и не сомневался, когда предстал перед собравшимися. Шет*, глава общины и мой дальний родственник, всегда поддерживавший хорошие отношения с отцом, обратился ко мне так:

— Каста считает ваше решение отправиться в Англию ошибочным. Наша религия запрещает поездки за границу. Кроме того, насколько нам известно, там невозможно жить, не нарушив религиозных запретов, ведь вам придется есть и пить вместе с европейцами!

На что я отвечал:

— Я не считаю, что поездка в Англию противоречит нашим религиозным убеждениям. Я хочу учиться там. Я дал матери торжественную клятву воздерживаться от трех ве-

* Ш е т — титул богатого торговца.

щей, вызывающих ваши наибольшие опасения. Я уверен, что клятва защитит меня.

— Но мы обязаны предупредить вас, — продолжал шет, — о невозможности выполнять там религиозные заветы наших отцов. Вы знаете, какими были мои отношения с вашим отцом, и обязаны прислушаться к моему совету.

— Я, конечно же, знаю о ваших с ним отношениях, — сказал я. — Я также знаю, что вы старше, но я бессилен что-либо изменить. Я уже не могу отречься от своего намерения побывать в Англии. Друг моего отца, ученый брахман, не видит ничего предосудительного в такой поездке. Мне дали свое благословение мать и старший брат.

— Но осмелитесь ли вы послушаться приказа представителей и главы своей касты?

— Здесь я и в самом деле нахожусь в безвыходном положении. Впрочем, мне кажется, что каста не должна вмешиваться в подобные вопросы.

Мои слова лишь рассердили шета. Он осыпал меня ругательствами. Я же оставался невозмутимым, и тогда шет вынес свой вердикт:

— С сегодняшнего дня к этому юноше следует относиться как к изгнаннику. Любой, кто поможет ему или пойдет провожать его в порт, будет оштрафован на одну рупию четыре анны*.

Изгнание не произвело на меня никакого впечатления, и я тихо покинул собрание. Меня волновало, лишь как его воспримет брат. К счастью, он тоже проявил твердость характера и написал мне, что его разрешение на мой отъезд остается в силе, несмотря на приговор шета.

И все же этот инцидент заставил меня поторопиться. Вдруг им удастся каким-либо образом надавить на брата? Вдруг произойдет что-нибудь еще, чего я не предусмотрел? Пока я переживал за свою дальнейшую судьбу, до меня

* Анна — индийская монета. Существовала до 1961 г. Составляла $\frac{1}{16}$ рупии.

дошел слух, что один вакил* из Джунагадха отправляется в Англию по своим делам пароходом, оплывающим 4 сентября. Я встретился с друзьями брата, которым он вверил меня. Они согласились, что я не должен упускать возможности отплыть в Англию в столь хорошей компании. Времени оставалось немного, и я немедленно телеграфировал брату, вновь спросив разрешения и получив его. Затем я обратился к зятю за доверенными ему деньгами, однако он сослался на запрет шета и заявил, что не может рисковать положением в касте. Мне пришлось встретиться с другом нашей семьи и попросить его одолжить средства на билет и прочие расходы. Брат вернет деньги позже, заверил я. Друг был так добр, что не только помог мне финансово, но и ободрил меня. Я был ему несказанно благодарен. Часть полученных денег я сразу же потратил на билет. Затем мне нужно было одеться для путешествия. Еще один друг вызвался помочь с этим. Он приобрел все необходимое. Что-то из одежды мне понравилось, но были и вещи, вызвавшие у меня неприязнь. К примеру, галстук, который я с удовольствием стал носить позже, я тогда возненавидел. Пиджак показался слишком нескромным. Но все это ничего не значило по сравнению с горячим желанием попасть в Англию. Я запасся достаточным количеством провизии на время плавания. Место, зарезервированное для меня друзьями, оказалось в одной каюте с Трьямбакраем Мазмударом, тем самым вакилом из Джунагадха. Нас представили друг другу. Это был опытный человек средних лет, успевший основательно повидать мир. Я же все еще оставался восемнадцатилетним юнцом, ничего не знавшим об этом огромном мире. Мазмудар заверил моих друзей, что они могут не беспокоиться обо мне.

И вот 4 сентября я все-таки отплыл из Бомбея на пароходе.

* Вакил — адвокат.

13. НАКОНЕЦ В ЛОНДОНЕ!

Надо сказать, что у меня не было морской болезни, но с течением времени я начал все больше нервничать. Я стеснялся обратиться даже к прислуге на судне. Я почти не говорил по-английски, а за исключением господина Мазмудара, все пассажиры второго класса были англичанами. Я не успевал понять смысл фраз, когда со мной пытались заговорить, а даже если и понимал, то не мог сразу ответить. Мне приходилось сначала в уме построить каждое предложение, прежде чем произнести его. Я не умел пользоваться ножом и вилкой, и мне не хватало смелости спросить, какие блюда в меню были из мяса, поэтому я ел не за общим столом, а в каюте, в основном сладости и фрукты, взятые с собой из Индии. У Мазмудара никаких сложностей не возникало. Он без всякого стеснения общался со всеми и свободно разгуливал по палубе, пока я целый день прятался в каюте, выбираясь из нее, лишь когда на свежем воздухе оставалось совсем мало пассажиров. Мазмудар уговаривал меня пообщаться с другими людьми и держаться раскованнее. Он объяснил мне, что адвокату необходимо быть болтливым, и рассказал множество историй из своего богатого опыта. Он советовал мне использовать любую возможность поговорить по-английски, не обращая внимания на ошибки, неизбежные для того, кто слабо владеет иностранным языком. Но ничто не могло заставить меня преодолеть стеснительность.

Однажды один пассажир-англичанин все-таки втянул меня в разговор. Он был старше меня; стал расспрашивать, что я ем, куда направляюсь, почему я столь застенчив и так далее. Он посоветовал мне присоединиться к обедавшим за общим столом. Над моим упорным отказом от мяса он по-дружески посмеялся и сказал:

— Мы сейчас находимся в Красном море, и пока все хорошо. Но уже в Бискайском заливе вы пересмотрите

свои взгляды. А в Англии так холодно, что без мяса не прожить.

— Но я слышал, что люди все же обходятся там без мяса, — возразил я.

— Уверяю вас, это выдумки, — продолжал он. — Насколько мне известно, в Англии все едят мясо. Обратите внимание, что я не уговариваю вас пить спиртное, хотя сам охотно его пью. Но я действительно считаю, что вам необходимо начать есть мясо, поскольку без него вам не прожить.

— Весьма признателен за добрый совет, но я торжественно поклялся своей матери не прикасаться к мясу, а потому даже и думать об этом не могу. И если окажется, что прожить без него там и вправду невозможно, я лучше вернусь в Индию, но не стану есть мясо, чтобы задержаться в Англии.

Мы достигли Бискайского залива, но я все еще не чувствовал необходимости ни в мясе, ни в спиртных напитках. Мне посоветовали взять письменное свидетельство о том, что я не ем мясо, и я попросил своего английского друга дать мне такой документ. Он с радостью дал, и какое-то время я им дорожил. Но когда позже убедился, что такое же свидетельство получают даже те, кто на самом деле ест мясо, эта бумага потеряла для меня всякую ценность. Если мне не поверят на слово, то что толку в подобных документах?

Мы добрались до Саутгемптона, насколько помню, в субботу. На борту парохода я носил черный костюм, а белый, из фланели, купленный другом, специально приберег, чтобы выйти в нем на берег. Я посчитал, что белая одежда подойдет мне, и надел костюм перед тем, как впервые ступить на английскую землю. Стояли последние дни сентября, и я обнаружил, что никто больше не оделся подобным образом. Я оставил весь свой багаж агенту компании «Гриндлэй и К^о» вместе с ключами от чемоданов.

Многие другие пассажиры поступали так, и я решил последовать их примеру.

Я привез четыре рекомендательных письма, адресованных доктору П. Дж. Мехте, адвокату Далпатраму Шукле, принцу Ранджитсинджи и Дадабхаю Наороджи. Кто-то из пассажиров посоветовал нам остановиться в лондонской гостинице «Виктория». Туда мы с Мазмударом и отправились. Одного только стыда оттого, что я оказался единственным человеком, одетым в белый костюм, было бы достаточно, но я пришел в полное отчаяние, когда в гостинице мне сообщили, что я не смогу получить свой багаж из «Гриндлэя» завтра, поскольку компания не работает в воскресенье.

Доктор Мехта, которому я телеграфировал из Саутгемптона, пришел ко мне примерно в восемь часов тем же вечером. Он сердечно приветствовал меня, но не сдержал улыбки при виде моего фланелевого костюма. Беседуя с ним, я небрежно взял его цилиндр и, поддавшись желанию узнать, насколько он гладкий, провел по нему пальцами, потревожив ворс. Доктор Мехта, слегка рассердившись, остановил меня. Но ошибка уже была мною допущена. Этот эпизод стал предостережением на будущее. Так я получил первый урок европейского этикета, в некоторые особенности которого доктор Мехта не без иронии посвятил меня.

— Не стоит прикасаться к чужим вещам, — сказал он. — Не начинайте знакомство сразу с расспросов, как принято у нас в Индии. Не разговаривайте слишком громко. Никогда не используйте слово «сэр», беседуя с людьми, что стало в Индии обычным делом. Здесь только слуги обращаются так к своим хозяевам.

И так далее и тому подобное. Он сказал мне, что жить в гостинице слишком дорого, и порекомендовал поселиться в съемной комнате у какого-нибудь семейства. Вернуться к этому вопросу мы решили в понедельник.

Мазмудар и я сам посчитали гостиницу не только дорогой, но и неудобной. Во время плавания вакил подру-

жился с неким синдхом, прибывшим с Мальты. Он хорошо знал Лондон и предложил подобрать для нас комнаты. Мы согласились. В понедельник, получив багаж и расплатившись по счету, мы сразу отправились в комнаты, снятые для нас дружелюбным синдхом. Помню, мне пришлось заплатить за номер в гостинице и ужин целых три фунта — цена, которая страшно поразила меня. А ведь я так и остался голодным! В ресторане я просил заменить непонравившееся блюдо другим, но деньги с меня все равно брали за оба. Получалось, что я целиком зависел от еды, купленной еще в Бомбее.

Даже в только что снятой комнате я чувствовал себя не в своей тарелке и постоянно думал о родном доме. Мне не хватало заботы моей мамы. Ночью по моим щекам струились слезы, и многочисленные воспоминания о домашней жизни не позволяли мне заснуть. Мне не с кем было разделить свою печаль, но даже если бы такая возможность и появилась, что в том толку? Я знал: ничто не способно утешить меня. Меня окружала незнакомая обстановка, кругом были чужие люди, чужие нравы и обычаи и даже чужое жилье. Я был новичком в вопросах английского этикета, и мне приходилось постоянно держаться настороже. Клятва оставаться вегетарианцем все усложняла. Та пища, которую я мог есть, казалась пресной и невкусной. Так я оказался между Сциллой и Харибдой. В Англии я чувствовал себя чужаком, но о возвращении в Индию не смел даже думать. «Теперь, когда ты оказался здесь, ты должен остаться на положенные три года», — шептал мне внутренний голос.

14. МОЙ ВЫБОР

В понедельник доктор Мехта приехал в гостиницу «Виктория», ожидая застать меня там. Он выяснил, что мы уже съехали, узнал наш новый адрес и встретился с нами. По неосторожности на пароходе я получил лишай. Умываясь

и принимая ванну, я использовал морскую воду, в которой мыло не растворяется. Но я упрямо продолжал намыливать свое тело, ведь так поступают все цивилизованные люди. Вместо того, чтобы очистить кожу, я лишь сильнее загрязнял ее. Так и образовался лишай. Я показал его доктору Мехте, и он посоветовал протирать пораженные участки уксусной кислотой. Помню, как жгучая кислота заставляла меня чуть ли не выть от боли. Доктор Мехта осмотрел мою комнату, спросил об условиях найма и неодобрительно покачал головой.

— Такое место вам не подойдет, — сказал он. — Вы приехали в Англию не только для того, чтобы учиться, но и для того, чтобы приобщиться к английской жизни и здешним обычаям. Поэтому вам необходимо поселиться в семье англичан. Но до этого, думаю, вы можете поучиться кое-чему у моего друга ***. Я отвезу вас к нему.

Я с благодарностью принял предложение и переехал к другу доктора Мехты. Тот был очень добр и внимателен ко мне, обращался со мной, как с собственным братом, знакомил меня с обычаями и этикетом англичан, помогал освоить разговорный язык. Серьезной проблемой стало мое питание. Я не мог с аппетитом есть вареные овощи без соли и специй. Хозяйка квартиры совсем растерялась и уже не знала, чем меня накормить. На завтрак мы ели овсяную кашу — порридж, — довольно сытную. Однако я оставался голодным после обеда и ужина. Друг уговаривал меня начать есть мясо, но я упрямо напоминал о своей клятве и этим ставил точку в разговоре. На обед и ужин нам подавали шпинат, хлеб и джем. Я отличался здоровым аппетитом, мой желудок постоянно требовал пищи, но я стеснялся просить больше двух или трех ломтиков хлеба, поскольку считал, что это невежливо. Ко всему прочему, ни к обеду, ни к ужину нам не давали молока. Однажды друг потерял всякое терпение и заявил:

— Будь ты моим родным братом, я бы уже отправил тебя обратно. Что это за обет, данный неграмотной матери, не имеющей ни малейшего понятия о здешних условиях? Это и не обет вовсе! Придерживаться подобного обета — чистейшее суеверие. Скажу прямо: упрямством ты здесь ничего не добьешься. Ты признался, что уже ел мясо и оно тебе понравилось. Ты делал это без всякой необходимости, а сейчас отказываешься, хотя это действительно важно. Какая жалость!

Но я был непреклонен.

День за днем друг все сильнее давил на меня, но неизменно встречал мой отказ. И чем больше аргументов он приводил, тем отчаяннее я защищался. Ежедневно я молил Бога о защите и получал ее. Причем я, разумеется, не имел сколько-нибудь определенного представления о Боге. Была одна лишь вера в него — вера, семена которой посеяла добрейшая нянюшка Рамбха.

Однажды мой друг начал читать мне «Теорию утилитаризма» Бентама, но я ничего не понимал. Язык оказался слишком сложен для меня. Друг принялся объяснять, и я сказал:

— Пожалуйста, прости меня. Этот текст для меня слишком сложен. Допускаю, что мясо есть необходимо, но не могу нарушить клятву и не хочу вступать в дальнейшие споры. Умоляю, оставь меня, считай упрямым глупцом. Я очень ценю твою любовь и знаю, что ты желаешь мне только добра и лишь потому повторяешь свои аргументы снова и снова. Но я бессилен что-либо изменить. Клятва есть клятва. Ею нельзя пренебречь.

Друг удивленно посмотрел на меня, закрыл книгу и сказал:

— Хорошо. Я не стану больше убеждать тебя.

Я был рад слышать его слова. Он действительно перестал говорить на эту тему, но не прекратил беспокоиться обо мне. Сам он и курил, и выпивал, но никогда не угова-

ривал меня следовать его примеру. Его волновало в первую очередь, что без мяса я ослабею физически и никогда не стану чувствовать себя в Англии как дома.

Так мое «ученичество» продолжалось почти целый месяц. Жилище друга находилось в Ричмонде, и у меня не было возможности ездить в Лондон чаще одного или двух раз в неделю, а потому доктор Мехта и адвокат Далпатрам Шукла решили, что мне пора поселиться в английской семье. Шукла нашел в Западном Кенсингтоне дом, где уже останавливались индийцы, и привез меня туда. Хозяйка оказалась вдовой. Я сразу поставил ее в известность о своей клятве. Престарелая леди обещала позаботиться обо мне, и я перебрался под ее кров. Но и здесь мне приходилось буквально голодать. Я отправил домой письмо с просьбой прислать мне сладости и другую еду, но посылки пока не получил. Вся еда снова оказалась безвкусной. Каждый день хозяйка спрашивала, нравятся ли мне блюда, но что я мог ей ответить? Я по-прежнему был застенчив и не осмеливался просить больше, чем ставили передо мной на стол. У нее было две дочери. Они настояли, чтобы мне приносили пару лишних ломтиков хлеба, но не догадывались о том, что меня могла насытить лишь целая буханка.

Я постепенно разбирался во всем. Пока я не приступил к каким-либо систематическим занятиям, но начал читать газеты по настоянию Шуклы. В Индии я не приобрел привычки к чтению газет, но здесь стал читать их регулярно. Каждый день я просматривал «Дейли ньюс», «Дейли телеграф» и «Пэлл Мэлл газетт». На это у меня уходил едва ли час, после чего я отправлялся бродить по городу. Я решил найти вегетарианский ресторан. Хозяйка сказала, что в Лондоне есть подобные заведения. Ежедневно я проходил по десять или двенадцать миль, заглядывал в какой-нибудь дешевый ресторан, где досыта наедался хлебом, но все равно оставался голодным. И вот однажды во время очередной прогулки я действительно наткнулся на вегетариан-

ский ресторан, находившийся на Фаррингдон-стрит. Я обрадовался, как ребенок, получивший в подарок желанную игрушку. Прежде чем войти, я рассмотрел выставленные на продажу книги за стеклянной витриной около дверей. Среди них была «В защиту вегетарианства» Солта*. Я купил книгу за шиллинг и направился напрямиком в зал ресторана. Это стало моей первой сытной трапезой со времени прибытия в Англию. Бог снова пришел мне на помощь.

Книгу Солта я прочитал от корки до корки. Она произвела на меня очень сильное впечатление. Прочитав ее, я стал вегетарианцем по собственной воле и благословил тот день, когда дал клятву своей матери. До этих пор я воздерживался от мяса, лишь не желая лгать и нарушать обет, однако в глубине души продолжал сожалеть, что индийцы не едят мясо, и мечтал, что однажды стану есть его абсолютно открыто и покажу пример другим. Теперь выбор в пользу вегетарианства я сделал сознательно, и с той поры его распространение стало моей миссией.

15. В РОЛИ АНГЛИЙСКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА

Моя вера в вегетарианство укреплялась день ото дня. Книга Солта пробудила во мне интерес к дальнейшему изучению предмета. Я доставал любые труды о вегетарианстве и прочитывал их. Один из них — «Этика пищи» Говарда Уильямса — представлял собой «собрание жизнеописаний и выдержек из сочинений выдающихся мыслителей всех времен». Автор книги доказывал, что все философы и пророки, от Пифагора и Иисуса до мудрецов наших дней, были вегетарианцами. Сочинение доктора Анны Кингсфорд «Путь к здоровому питанию» также мне

* Генри С. Солт (1851—1939) — английский гуманист, реформатор, идеолог и пропагандист вегетарианства.

понравилось. Полезными оказались и трактаты доктора Аллинсона о здоровье и гигиене. Он выступал в защиту такой системы лечения, которая строилась на правильном подборе питания для больных. Будучи сам вегетарианцем, он и своим пациентам советовал придерживаться строго вегетарианской диеты. Результатом усвоения такой литературы стало то, что эксперименты в области питания заняли очень важное место в моей жизни. Замечу, что если поначалу основным мотивом таких экспериментов было здоровье, то позже им стала религия.

Однако мой друг не прекращал беспокоиться. Привязанность ко мне заставила его беспрестанно думать о том, что если я не стану есть мяса, то не только ослабну физически, но и превращусь в изгоя, чужака в английском обществе. Когда же он узнал о моем искреннем интересе к литературе по вегетарианству, у него зародилось новое опасение. Он боялся, что эти книги только затуманят мой разум, заставят меня посвятить всю жизнь экспериментам и забыть о всякой другой работе, превратят в чудака. Поэтому он предпринял последнюю попытку изменить меня. Однажды он пригласил меня в театр. Перед спектаклем мы должны были вместе поужинать в ресторане «Холборн», слишком роскошном, с моей точки зрения. Я еще не бывал в таких больших ресторанах с тех пор, как покинул гостиницу «Виктория». Время, проведенное в этой гостинице, едва ли стало для меня полезным опытом, поскольку я попал туда совершенно бессознательно. Друг же планировал привести меня именно в такое заведение, рассчитывая на мою скромность, которая не позволит мне задавать какие-либо вопросы. Зал был переполнен. Мы заняли столик и оказались в окружении многочисленных посетителей. В качестве первого блюда нам подали суп. Я мог только гадать, из чего он приготовлен, но не осмелился спросить об этом друга и потому попытался подозвать официанта. Друг заметил мой жест и резко поинтересовался через стол,

в чем дело. Не без колебаний я объяснил ему, что хотел узнать, вегетарианский ли этот суп.

— Ты слишком дурно воспитан, чтобы находиться в достойном обществе! — с жаром воскликнул он. — Если не умеешь себя вести, лучше уходи. Поешь в другом ресторане, а потом жди меня снаружи.

Меня его предложение только обрадовало. Я вышел на улицу. Поблизости был один вегетарианский ресторан, но он оказался закрыт. Так я тем вечером и остался голодным. Затем мы все-таки пошли в театр. Друг больше ничего не сказал по поводу того случая. Что касается меня, то я тоже, конечно, молчал.

Это стало последней размолвкой между нами. Причем она нисколько не повлияла на наши с ним дальнейшие отношения. Я понимал и не мог не ценить ту любовь ко мне, которая заставляла моего друга терпеливо, из раза в раз уговаривать меня, и мое уважение к нему только росло, несмотря на различия в образе мыслей и действий.

И тогда я решил успокоить его, заверить, что больше не проявлю бестактности и что мое вегетарианство не мешает мне вращаться в благородном обществе. Так я поставил перед собой почти невыполнимую задачу — стать английским джентльменом.

Сшитая в Бомбее одежда, которую я по-прежнему носил, не годилась для английского общества. Я купил новые костюмы в магазине армии и военно-морского флота. Кроме того, я решился надеть высокий цилиндр, стоивший девятнадцать шиллингов — чрезмерно дорого по тем временам. Неудовлетворенный этим, я растратил десять фунтов на вечерний костюм, сшитый на Бонд-стрит — то есть в самом центре мод Лондона, а своего доброго и щедрого брата убедил прислать мне двойную золотую цепочку для часов. Носить заранее завязанные, готовые галстуки считалось некорректным, и мне пришлось научиться каждый раз по-новому завязывать узел. В Индии зеркало было предметом роскоши, пользоваться им можно было только

в тех случаях, когда семейный цирюльник приходил брить меня. Здесь же я мог по десять минут каждый день стоять перед огромным зеркалом, завязывая галстук и расчесывая волосы на пробор в соответствии с модой того времени. А ведь мои волосы никак нельзя было назвать послушными, и я подолгу пытался привести их в порядок с помощью расчески. Я тренировался снимать и надевать шляпу, отработанным движением приглаживать волосы, ведь все это необходимо было проделывать в благородном обществе.

Я не остановился на достигнутом и пошел еще дальше в своем стремлении стать английским джентльменом. Меня уверяли, что нужно непременно брать уроки танцев, французского языка и красноречия. Французский был не просто языком, на котором говорили в соседней стране, а универсальным средством общения в континентальной Европе. Ее посещение, конечно, входило в мои планы. Кроме того, я решил учиться танцам и заплатил вперед три фунта за семестр. Должно было быть шесть уроков за три недели, но я оказался безнадёжен. У меня не получалось следовать за пианино, я постоянно сбивался. Что же мне оставалось? Отшельник из одной сказки завел кошку, чтобы избавиться от крыс, потом корову, чтобы поить кошку молоком, затем ему пришлось нанять пастуха, чтобы ухаживать за коровой, и так далее. Мои потребности росли, как семья бывшего отшельника. Например, мне пришлось в голову научиться играть на скрипке, чтобы приучить свое ухо к западной музыке. Я потратил еще три фунта на скрипку и более крупную сумму на сами уроки. Затем я нашел преподавателя красноречия и заплатил ему аванс в размере гинеи. Он рекомендовал написанное мистером Беллом пособие «Основы красноречия», которое я также приобрел и начал читать с речи Питта*.

* Уильям Питт (1708—1778) — британский премьер-министр с 1766 по 1768 г. Прославился своим выдающимся ораторским мастерством.

Но тут мистер Белл очень своевременно заставил меня прислушаться к тревожному звонку*, и я очнулся.

Мне же не предстоит провести в Англии всю жизнь, сказал я себе. Так какой тогда прок от красноречия? Как могут танцы превратить меня в джентльмена? А игре на скрипке можно научиться даже в Индии. Я приехал сюда, чтобы стать студентом, и мне следовало сосредоточиться на учебе. Нужно было подготовиться к вступлению в одну из юридических корпораций. Если мой характер позволит мне стать джентльменом, тем лучше. В противном случае я откажусь от своих притязаний.

Подобные мысли я выразил в письме к преподавателю красноречия, попросив прощения за внезапное прекращение уроков — он провел со мной только два или три. Такое же письмо я отправил учителю танцев, а даму, обучавшую меня игре на скрипке, посетил лично с просьбой продать мой инструмент за любую сумму, какую ей удастся выручить. Преподавательница отнеслась ко мне вполне дружелюбно, и я объяснил ей, как именно понял, что руководствовался ложными идеями. Более того, она только укрепила меня в моей решимости полностью изменить свою жизнь.

Ослепление длилось около трех месяцев, но привычку к опрятности в одежде я сохранил на многие годы. Избавившись от наваждения, я все же сумел стать настоящим студентом.

16. ПЕРЕМЕНЫ

Пусть никто не подумает, что мои эксперименты с танцами и прочим были лишь бездумной тратой денег. Внимательный читатель отметит, что даже в этот период я не терял здравого смысла. Это наваждение не повлекло полной

* Игра слов. Белл (Bell) в английском языке означает «звон».

потери самоконтроля. Я подсчитывал каждый истраченный фартинг и тщательно следил за своими расходами. Любая мелочь, будь то плата за проезд в омнибусе, почтовые марки или даже пара медяков на газеты, аккуратно вносилась в список, а вечером перед тем, как улечься в постель, я непременно все анализировал. С тех пор эта привычка не раз мне помогала. Я точно знаю, что, когда в моем распоряжении оказывались сотни тысяч общественных средств, мне удавалось успешно экономить и не только не делать долгов, но даже откладывать свободные деньги во всех кампаниях, которые я возглавлял. Пусть молодые люди возьмут это на заметку и начнут подсчитывать свои доходы и расходы, и тогда, подобно мне, они в итоге останутся в выигрыше.

Подсчитывая свои средства, я осознал острую необходимость экономии и решил сократить расходы наполовину. Например, я слишком много тратил на проезд и должен был еженедельно оплачивать счета за проживание в семье. Кроме того, считалось вежливым иногда приглашать членов семьи на ужин в ресторан и посещать званые ужины вместе с ними. Приходилось платить за транспорт, оплачивать, согласно английскому обычаю, все расходы приглашенных знакомых леди. Ужин вне дома означал двойной убыток, поскольку в еженедельный счет включали даже те домашние ужины, которые я пропускал, а суммы, потраченные мной в ресторанах, не учитывались. Мне показалось, что подобных расходов можно избежать. Правила приличия опустошали мой кошелек.

Поэтому я решил снять отдельные комнаты вместо того, чтобы продолжать жить в семье. В дальнейшем я намеревался переезжать с места на место в зависимости от того, где буду учиться или работать в данный момент, и так приобретать ценный опыт. Комнаты подбирались таким образом, чтобы я мог дойти до места учебы за полчаса и не платить за проезд. Прежде, куда бы я ни отправлялся, я вы-

нужден был пользоваться транспортом и потому с трудом выкраивал время для прогулок. Небольшие изменения в моей жизни позволили экономить и совершать столь необходимые пешие прогулки. Я не тратился на проезд и проходил за день от восьми до десяти миль. По моему мнению, именно прогулки помогли мне практически не болеть на протяжении всего пребывания в Англии и сделали мое тело достаточно крепким.

Для начала я снял две комнаты и превратил одну из них в гостиную, а другую — в спальню. Так начался второй этап моей жизни в Англии. Третий был не за горами.

Эти перемены действительно позволили вдвое сократить мои расходы. Но как мне следует распорядиться свободным временем? Я знал, что особенно усердной подготовки, чтобы сдать экзамены и стать адвокатом, не потребуется, и потому времени у меня было достаточно. Но вот мой неуверенный английский язык стал предметом постоянного беспокойства. Слова мистера Лели (позднее — сэра Фредерика Лели) все еще звучали у меня в голове: «Сначала сдайте экзамен на бакалавра, а потом приходите». Я осознал необходимость получить и юридическое, и филологическое образование, а потому решил побольше узнать об обучении в Оксфордском и Кембриджском университетах. Друзья сказали мне, что такое образование не только будет очень дорогим, но и заставит меня задержаться в Англии на неопределенный срок. Один из друзей предложил сдать вступительные экзамены в Лондоне, раз уж я действительно хочу получить удовлетворение от настоящего сложного экзамена. Так я смогу на славу потрудиться и пополнить копилку собственных знаний без дополнительных расходов. Я прислушался к его совету. Однако учебная программа сразу же испугала меня. Латынь и один из современных языков были обязательными! Как мог я справиться с латынью? Но мой друг вступился за латынь:

— Знание латыни пригодится будущему адвокату. Оно поможет понять многие важные труды. Например, свод римского гражданского права целиком написан на латыни. Я уже не говорю о том, что латынь облегчит изучение английского языка.

Я вернулся домой с твердым намерением изучить латынь, какой бы трудной она ни оказалась. Заниматься французским я уже начал и подумал, что могу сдать его в качестве современного языка. Я стал посещать частные курсы по подготовке к экзаменам. Экзамены проводились каждые шесть месяцев, и в моем распоряжении оставалось всего пять. Словом, передо мной встала почти титаническая задача. Но тот, кто совсем недавно был преисполнен решимости превратиться в английского джентльмена, теперь решил стать усердным студентом. Я составил себе программу занятий, расписанную чуть ли не по минутам, однако ни мой ум, ни память не позволяли освоить одновременно латынь, французский язык и другие предметы за столь короткое время. Экзамен я действительно не сдал, но не пал духом. Во-первых, у меня появился вкус к занятиям. Кроме того, я посчитал, что мой французский все равно станет лучше к следующему экзамену, а в качестве научной дисциплины я выберу что-нибудь новое. Сначала я остановился на химии, но, хотя занятия очень интересовали меня, проводить опыты все же было сложно. Химия была одним из обязательных предметов в индийской школе, и потому я выбрал ее для сдачи лондонских экзаменов. Теперь же я взялся за изучение раздела «Тепло и свет». Мне сказали, что он относительно простой, и позже это подтвердилось.

Готовясь к новым экзаменам, я постарался еще больше упростить свой образ жизни. Мне показалось, что мои расходы в Лондоне никак не соответствуют весьма скромному достатку моей семьи. Меня очень огорчали мысли о брате, который был ограничен в средствах, но все равно щедро отзывался на мои регулярные просьбы о финансовой под-

держке. Я выяснил, что студенты, тратившие от восьми до пятнадцати фунтов в месяц, могли себе это позволить, поскольку получали стипендии. Встречал я и людей, живущих гораздо скромнее меня. Я познакомился со многими бедными студентами. Один из них снимал комнату в трущобах всего за два шиллинга в неделю, а на питание тратил два пенса в день, обедая кружкой какао и ломтем хлеба в дешевой кофейне Локхарта. Я, конечно, не собирался заходить так далеко, но вполне мог жить в одной комнате вместо двух и по мере возможности готовить еду дома самостоятельно. Это позволило бы сэкономить от четырех до пяти фунтов в месяц. Случайно мне попались книги, рассказывающие о том, как сократить расходы и жить совсем просто. Я отказался от двухкомнатных апартаментов и снял одну комнату, купил кухонную плиту и начал готовить себе завтраки дома. На это у меня уходило едва ли больше двадцати минут, поскольку готовил я обычно овсяную кашу и кипятил воду для какао. Обедая в ресторане, а на ужин снова довольствовался хлебом и какао дома. Так мне удавалось жить на шиллинг и три пенса в день. Это был период интенсивной учебы. Упрощенный образ жизни давал мне достаточно дополнительного времени, и я успешно сдал экзамены.

Прошу читателя не думать, что подобная жизнь была токсичной. Напротив, перемены принесли гармонию в мою внутреннюю и внешнюю жизнь. Кроме того, теперь мои расходы соответствовали материальному положению моей семьи. Такая жизнь, конечно же, была ближе к истинной, а потому я бесконечно радовался.

17. ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ПИТАНИЕМ

Постепенно разбираясь в себе, я все больше убеждался в необходимости перемен, как внутренних, так и внешних. Изменив образ жизни (а возможно, даже до того),

я стал менять и свой рацион. Я обратил внимание на то, насколько тщательно изучили предмет авторы трудов по вегетарианству — его религиозные, научные, практические и медицинские аспекты.

Исследовав проблему с этической точки зрения, они пришли к заключению, что превосходство человека над более низкими существами, какими являются животные, вовсе не означает, что последних нужно есть. Напротив, люди должны защищать животных; животное и человек должны поддерживать друг друга и сосуществовать. Эти авторы также указали на то, что человеку следует есть не для удовольствия, а ради того, чтобы жить. Кое-кто из них предложил отказаться не только от мяса, но и от яиц и молока.

Исследовав проблему с научной точки зрения, авторы книг заключили, что само человеческое тело устроено так, что люди должны не готовить пищу, а есть ее сырой. Пить человеку следует только материнское молоко, а как только у него появляются крепкие зубы, он должен переходить к более твердой еде.

Исследовав проблему с медицинской точки зрения, авторы пришли к заключению, что гораздо полезнее отказаться от любых специй и приправ.

Их основной экономический и практический аргумент заключался в том, что вегетарианская диета — наиболее дешевая.

Все эти доводы, безусловно, повлияли на ход моих мыслей. В ресторанах я встречался с людьми, придерживающимися различных типов вегетарианства. В Англии было Общество вегетарианцев, издававшее еженедельный журнал. Я подписался на него, вступил в общество и очень скоро вошел в его исполнительный комитет. Тогда-то я и познакомился с теми, кого называли столпами вегетарианства, и приступил к собственным экспериментам с питанием.

Я перестал есть сладости и добавлять в еду приправы, которые получал из дома. Казалось, я даже мыслить стал иначе. Любовь к специям исчезла сама по себе, и теперь я с удовольствием ел шпинат, казавшийся мне пресным в Ричмонде. Многочисленные опыты показали мне, что подлинный вкус пищи человек чувствует не языком, но мозгом.

Разумеется, соображения экономии тоже были достаточно важны. В то время считалось, что пить чай и кофе вредно. В отличие от какао. Поскольку же я хотел придерживаться здорового питания, я отказался от чая и кофе, заменив эти напитки какао.

Рестораны, которые я посещал, состояли из двух отдельных помещений. В одном из них, где трапезничали состоятельные люди, можно было выбирать из самых разнообразных блюд и оплачивать их *à la carte**. Ужин здесь обходился от одного до двух шиллингов. В другом помещении предлагали комплексный ужин из трех блюд и куска хлеба, стоивший шесть пенсов. В дни строжайшей экономии я, естественно, обычно ужинал именно здесь.

Наряду с основным опытом я проводил множество более мелких. Например, однажды отказался от пищи, содержащей крахмал, затем питался только хлебом и фруктами, а как-то раз стал есть исключительно сыр и яйца и пить молоко. Последний опыт ничего не дал. Он продолжался менее двух недель. Один реформатор, выступавший против пищи, содержащей крахмал, положительно отзывался о свойствах яиц, особо подчеркивая, что их все же нельзя приравнять к мясу, ведь мы не наносим ни малейшего вреда живым созданиям, питаясь их яйцами. Я был поражен простой очевидностью аргумента и стал есть яйца, нарушив свою клятву. Ослепление, впрочем, было недолгим. Довольно скоро я понял, что не имею права толковать

* Здесь: отдельно (*фр.*).

данную мною клятву по-своему. Мне следовало толковать ее только так, как это делала моя мать, а я знал, что яйца она также считает мясом. Я понял свою ошибку и сразу же отказался и от яиц, и от своего эксперимента.

Было и еще кое-что интересное, о чем стоит упомянуть. В Англии я столкнулся с тремя различными определениями того, что мы называем мясом. Согласно первому из них, мясо — это плоть птиц и животных. Вегетарианцы, одобрявшие такое определение, воздерживались от употребления в пищу мяса птиц и животных, но ели рыбу, не говоря уже о яйцах. Согласно второму, мясо — это плоть всех живых существ, поэтому рыба запрещалась, но разрешались яйца. Согласно третьему определению, мясо — это плоть всех живых существ, а также продукты животного происхождения, к которым относятся и яйца, и молоко. Если бы я согласился с первым определением, то мог бы включить в свой рацион не только яйца, но и рыбу. Однако теперь я понимал, что должен придерживаться определения моей матери. Я отказался от яиц, чтобы не нарушать клятву. Это означало дополнительные трудности, поскольку оказалось, что даже в вегетарианских ресторанах многие блюда готовились на яйцах. Теперь я должен был постоянно выяснять, содержит ли каждое отдельно взятое блюдо яйца или нет, поскольку их добавляли в различные пудинги и пирожные. Впрочем, положительная сторона заключалась в том, что клятва значительно упростила мой рацион. И хотя я часто злился из-за того, что пришлось отказаться от любимых блюд, моя преданность клятве приносила мне удовлетворение, а мой вкус благодаря ей стал более здоровым, утонченным и постоянным.

Впрочем, настоящее испытание мне только предстояло пройти, и касалось оно другого моего обета. Но кто посмеет нанести вред тому, кого Бог взял под свою защиту?

Думаю, что уместно будет сказать еще несколько слов о толкованиях различных обетов и клятв. Толкования

обетов нередко становятся яблоком раздора. Несмотря на ясный, казалось бы, смысл обета, люди все равно искажают его и пытаются трактовать по-своему — так, как им удобно. Этим пороком страдают все вне зависимости от социального статуса — богатые и нищие, принцы и простые крестьяне. Эгоизм ослепляет их, и, пытаясь толковать обет в свою пользу, они не только обманывают сами себя, но и стремятся обмануть весь мир и самого Бога. Золотое правило между тем таково: толковать обет можно только в том смысле, который имела в виду наложившая его сторона. Другой путь — придерживаться трактовки более слабой стороны там, где толкование двойственно. Отказ от этих двух правил ведет к раздорам и грехам, которые порождает ложь. Тот, кто ищет истину, спокойно следует золотому правилу. Он не нуждается в «мудрых» советах для того, чтобы толковать обет. Определение, данное слову «мясо» моей матерью, остается в соответствии с золотым правилом единственно верным для меня. А те толкования, которые внушали мне мой новый жизненный опыт и гордость от полученных знаний, были ложью.

Мои опыты в Англии проводились главным образом из экономических и гигиенических соображений. Религиозный аспект вопроса о питании я не рассматривал до самой поездки в Южную Африку, где продолжил свои опыты, о которых я расскажу ниже. Несомненно одно: семена этих экспериментов были посеяны в Англии.

Увлечение обращенного новой религией всегда сильнее, чем увлечение того, кто принадлежит к этой религии с рождения. Вегетарианство было тогда новым культом в Англии. Стало оно культом и для меня. Мы ведь не должны забывать, что я прибыл туда, оставаясь в глубине души сторонником употребления в пищу мяса, а мое интеллектуальное превращение в убежденного вегетарианца произошло позднее. С энтузиазмом неопита я принялся за создание клуба для вегетарианцев в своем лондонском

районе — Бейсуотере. Я пригласил сэра Эдвина Арнольда, жившего там, стать вице-президентом организации. Доктор Олдфилд, редактор «Веджетериан», был приглашен в качестве президента. Я же стал секретарем. Поначалу дела у клуба шли неплохо, но его деятельность приостановилась через несколько месяцев, поскольку я покинул тот район в соответствии со своим решением время от времени переезжать с места на место. Но даже этот недолгий и скромный опыт позволил мне получить некоторые навыки, необходимые для руководства любой организацией.

18. ЗАСТЕНЧИВОСТЬ КАК МОЙ ЩИТ

Меня избрали в исполнительный комитет Общества вегетарианцев, и я старался непременно посещать все его собрания, но при этом чувствовал себя скованно. Доктор Олдфилд однажды обратился ко мне:

— Вы очень хорошо разговариваете со мной, но почему так упорно молчите во время собраний? Вы напоминаете мне трутня.

Я нисколько не обиделся и понял иронию. Пчелы постоянно трудятся, и лишь трутень предается безделью. Доктору стало любопытно, почему другие участники свободно высказываются на собраниях, а я сижу молча. И не то чтобы я никогда не хотел поделиться своей точкой зрения с другими. Я просто немедленно терялся, не зная, как подобрать нужные слова. Все остальные члены комитета казались мне гораздо более осведомленными. Случалось и так, что я набирался смелости высказаться, но тема обсуждения к тому моменту уже менялась. Так продолжалось довольно долго.

Однажды нам предстояло обсудить действительно важный вопрос. Я посчитал неправильным пропустить заседание, а голосовать молча показалось мне настоящей трусостью. Споры же разгорелись вот по какому вопросу.

Президентом общества был мистер Хиллс, владелец компании «Темз айрон уоркс». Он был пуританином. Нужно отметить, что само общество практически полностью зависело от его финансовой поддержки. Многие члены исполнительного комитета были в той или иной степени его протеже. Доктор Аллинсон, убежденный вегетарианец, также состоял в комитете. Он выступал в поддержку нового в то время движения за ограничение рождаемости и пропагандировал его идеи среди представителей рабочего класса. Однако мистер Хиллс считал, что эти идеи противоречат морали. По его мнению, Общество вегетарианцев должно было интересоваться не только вопросами питания, но и нравственности, а стало быть, доктор Аллинсон с его антипуританскими взглядами не имел права оставаться в обществе. Было предложено исключить его. Проблема эта до крайности взволновала меня. Я и сам считал взгляды доктора Аллинсона на искусственные методы контроля за рождаемостью опасными и пришел к выводу, что пуританин мистер Хиллс имел полное право противостоять им. Я был высокого мнения о мистере Хиллсе и его человеческих качествах. Но при этом я подумал, что не совсем правильно исключать человека из Общества вегетарианцев только потому, что он отказывается принимать пуританскую мораль. Стремление мистера Хиллса убрать из общества тех, кто не поддерживает пуританство, происходило из его личных взглядов и убеждений, но не имело ничего общего с целями организации, которые заключались в пропаганде вегетарианства, а не нравственности. Поэтому я был твердо уверен, что членом общества может быть любой вегетарианец независимо от его отношения к морали.

Некоторые члены комитета придерживались того же мнения, однако я чувствовал острую необходимость высказаться лично. Но как мне сделать это? Храбрости выступить мне по-прежнему не хватало, и я решил изложить

свои мысли на бумаге. На собрание я пришел с готовой речью в кармане. Насколько помню, мне даже не хватило смелости зачитать текст вслух, и президент передал его кому-то еще. Доктор Аллинсон в тот день потерпел поражение. Таким образом, в самой первой битве подобного рода я оказался в стане проигравших. Но меня утешало сознание правоты нашего дела. Припоминаю, что после этого инцидента я подал в отставку и вышел из состава исполнительного комитета.

Я был застенчив на протяжении всего своего пребывания в Англии. Я получал приглашения, и присутствие на мероприятии даже нескольких человек неизменно превращало меня в него.

Однажды вместе с Мазмударом я отправился в Вентнор. Там мы остановились в доме семьи вегетарианцев. На курорте оказался и мистер Говард, автор книги «Этика пищи». Мы познакомились с ним, и он попросил нас принять участие в собрании, проводившемся в поддержку вегетарианства. Меня заверили, что, если я зачитаю свою речь, ничего неприличного в этом не будет. Я знал, что так поступали многие, стремясь высказаться коротко и ясно. Импровизировать я не мог, а потому написал текст заранее. И тем не менее, когда я поднялся на трибуну, чтобы выступить, у меня ничего не получилось. Я понял, что почти ничего не вижу и весь дрожу, хотя речь и была совсем короткой. Вместо меня ее прочел Мазмудар. Его собственное выступление, конечно, было блестящим, собравшиеся ему аплодировали. Мне же было стыдно и горько оттого, что я не справился.

Моя последняя попытка выступить публично в Англии была предпринята накануне моего отплытия домой. Но и на этот раз я был смешон. Я пригласил своих друзей-вегетарианцев на ужин в ресторан «Холборн», уже упоминавшийся выше. «Вегетарианской трапезе, — сказал я себе, — место в вегетарианском ресторане. Но почему бы не

разделить ее с товарищами в обычном ресторане?» И я договорился с управляющим «Холборном», чтобы для нас приготовили исключительно вегетарианские блюда. Мои вегетарианцы одобрили этот эксперимент. Ужины нужны, чтобы доставлять людям удовольствие, но на Западе приготовление пищи стало настоящим искусством. Пышные ужины обыкновенно сопровождаются музыкой и торжественными речами. Вот и мой небольшой ужин тоже не обошелся без всего этого, а стало быть, мне нужно было произнести речь. Я встал, когда подошла моя очередь говорить. Я заранее тщательно продумал каждое предложение своей короткой речи, но не смог продвинуться дальше первой фразы. Мне доводилось читать об Аддисоне* и о том, как он начал свою первую речь в палате общин, трижды повторив: «Я считаю...», но не смог продолжить, и какой-то остряк заметил: «Этот джентльмен столько раз повторил „я считаю“, что мы уже сбились со счета». Я решил произнести шутиливую речь, взяв за основу этот анекдот, но сбился и умолк. Память подвела меня, и, попытавшись блеснуть остроумием, я выставил себя на посмешище.

— Благодарю вас, джентльмены, за любезное согласие принять мое приглашение, — коротко произнес я, а по-том сел.

Только в Южной Африке мне удалось справиться со своей застенчивостью, хотя я так и не избавился от нее полностью. Я не мог выступать экспромтом. Я колебался, когда мне предлагали говорить перед незнакомой аудиторией, и по возможности избегал этого. Даже сейчас, как мне кажется, я не могу беззаботно болтать с друзьями на самые безобидные темы.

Должен отметить, что, хотя друзья посмеивались надо мной, сам я не считал свою застенчивость недостатком.

* Джозеф Аддисон (1672—1719) — английский публицист, государственный и политический деятель.

Более того, мне кажется, что она послужила мне на пользу. Моя нерешительность в общении, прежде огорчавшая и раздражавшая меня, теперь стала мне по душе. Она научила меня экономить слова и ясно формулировать мысли. Я уверен в том, что не произнесу и не напишу необдуманного слова. Не помню, чтобы мне приходилось жалеть о сказанном или написанном. Мне кажется, это уберегло меня от ошибок и потери времени. Мой опыт показал, что молчание — это часть духовной дисциплины того, кто привержен истине. Склонность преувеличивать, недоговаривать или искажать правду, сознательно или бессознательно, является естественной слабостью человека, и молчание необходимо, чтобы превозмочь эту слабость. Скупой на слова человек почти никогда не произносит бессмысленных речей, ведь он взвешивает каждое слово. Есть люди болтливые. Председателя любого собрания, как правило, буквально засыпают записками с просьбами дать возможность высказаться. И если такая возможность предоставляется, оратор обычно забывает о регламенте и требует дать еще больше времени или и вовсе говорит без разрешения. Все это не приносит обществу никакой пользы. Это пустая трата времени. Вот почему моя застенчивость стала моим щитом и прикрытием. Она позволила мне вырасти духовно. Она помогает мне распознать истину.

19. МЕРЗОСТЬ ЛЖИ

Сорок лет назад* в Англии было не так уж много студентов из Индии. Мало кто из них признавался, что женат. В Англии ученики школ и студенты колледжей всегда холостяки, ведь считается, что семейная жизнь и учеба несовместимы. Мы тоже придерживались такой традиции в те незапамятные времена, когда любой учащийся был

* Имеются в виду 80-е гг. XIX века.

брахмачари*. В наши дни в Индии распространены детские браки. В Англии это исключено, а потому молодые индийцы, попавшие туда, стеснялись признаваться, что состоят в браке. Была и другая причина для подобной скрытности. Если все узнают, что молодой человек женат, он не сможет флиртовать с девушками из семьи, в которой живет. Флирт был довольно невинным. Некоторые родители поощряли его, и, пожалуй, он даже необходим в Англии, поскольку здесь мужчина сам выбирает себе будущую жену. Впрочем, когда индийский юноша вступал в такие отношения, совершенно естественные для англичан, результат зачастую оказывался катастрофическим. Я нередко наблюдал, как наши молодые люди поддавались соблазну и выбирали жизнь во лжи — все ради отношений, вполне невинных с точки зрения англичан, но крайне нежелательных для них самих. Я тоже не смог избежать этого. Без малейших колебаний я стал выдавать себя за холостяка, хотя был не только мужем, но и отцом. Однако никакой радости ложь не принесла. Только сдержанность и замкнутость не позволили мне броситься в омут с головой. Если бы я признался, что женат, ни одна девушка не посчитала бы меня достойным беседы или встречи.

Моя скрытность дополнялась к тому же трусостью. В семьях, подобных той, в которой я поселился в Вентноре, дочь хозяйки, по установившемуся обычаю, прогуливалась с гостями. И вот она пригласила меня пройтись по окружающим Вентнор живописным холмам. Я был хорошим ходоком, но моя спутница ходила даже быстрее, увлекающая меня за собой и болтая без умолку. Я отзывался на ее болтовню редкими «да» или «нет». В лучшем случае мог еще сказать «да, как красиво!» Она летела вперед, словно птичка, а мне оставалось только гадать, когда же мы вернемся домой. Гуляя, мы взобрались на вершину одного из

* Брахмачари — буквально: ученик брахмана. Тот, кто соблюдает брахмачарью.

холмов, и теперь спуститься вниз мне показалось настоящей проблемой. Шустрая двадцатипятилетняя девушка, несмотря на туфли на высоком каблуке, стрелой помчалась вниз по склону. Я же спускался позорно медленно. Она уже стояла у подножия, с улыбкой подбадривала меня и предлагала помощь. Как мог я быть столь трусливым? С огромным трудом я сполз вниз. Она громко воскликнула «браво!», и мне стало стыдно.

Но я не мог вечно выходить сухим из воды. Бог пожелал избавить меня от мерзости лжи. Однажды я поехал в Брайтон — еще один курорт, похожий на Вентнор. Это было до поездки в Вентнор. В брайтонской гостинице я познакомился с небогатой пожилой вдовой. Шел первый год моего пребывания в Англии. Названия блюд в меню ресторана были написаны по-французски, и я ничего не мог разобратить. Я сидел за одним столом с пожилой леди. Она увидела, что я иностранец и ничего не понимаю, и поспешила мне на выручку.

— Вы, кажется, иностранец? — поинтересовалась она. — Вы выглядите растерянным. Почему вы еще ничего не заказали?

Я как раз просматривал меню, собираясь расспросить официанта о каждом блюде. Я поблагодарил ее и объяснил свои затруднения, а также добавил, что ищу вегетарианские блюда, но, к сожалению, не владею французским языком.

— Позвольте мне помочь вам, — сказала она. — Я все вам объясню и покажу, какие блюда вы можете заказать.

Я охотно принял ее помощь. Это стало началом знакомства и крепкой дружбы, которая продолжалась все время моего пребывания в Англии и даже после. Пожилая леди дала мне свой адрес в Лондоне и пригласила приходить ужинать каждое воскресенье. По праздникам я также получал приглашения. Она помогала мне преодолевать робость, представляя разным юным дамам и вовлекая

в беседы с ними. Особенно запомнились мне разговоры с одной девушкой, жившей у пожилой леди. Зачастую мы оставались наедине.

Поначалу мне было трудно: я не мог сам начать разговор или пошутить, но девушка направляла меня. Я многому учился у нее и со временем стал с нетерпением ждать каждого воскресенья, поскольку наши беседы мне очень нравились.

А пожилая леди все плела свою сеть. Ее почему-то заинтересовало наше общение. Вероятно, у нее были определенные планы в отношении этих встреч.

Я оказался в двусмысленном положении. «Какая жалость, что я с самого начала не признался пожилой леди в том, что женат! — сказал я себе. — Тогда она бы не пыталась поженить нас. Однако все исправить никогда не поздно. Если скажу ей правду, то смогу, должно быть, предотвратить несчастье». И я написал пожилой леди письмо, примерно такое:

«С тех пор как мы встретились в Брайтоне, вы были бесконечно добры ко мне. Вы заботились обо мне, как мать заботится о собственном сыне. Вы, наверное, думали, что мне нужно вступить в брак, и потому познакомили меня с девушками. Я не могу допустить, чтобы дело зашло слишком далеко, и должен немедленно признаться вам в том, что я недостойн вашей привязанности и заботы. Мне следовало сразу сказать вам, что я женат. Я знал, что многие индийские студенты здесь скрывают это, и последовал их примеру. Теперь я вижу, какую страшную ошибку совершил. Следует добавить, что меня женили, когда я был еще совсем ребенком, а теперь у меня уже есть сын. Мне больно думать о том, что я так долго скрывал от вас это. И все же я рад, что Бог помог мне признаться. Простите ли вы меня? Спешу заверить, что вел себя сдержанно с девушкой, которую вы по доброте душевной представили мне. Я не смею переступить черту. Вы же, ничего не зная

о том, что я женат, хотели обручить нас. И пока не поздно, я обязан рассказать вам правду.

Если, прочитав мое письмо, вы посчитаете меня недостойным вашего гостеприимства, уверяю вас, я все приму. Я уже в долгу перед вами и благодарен за вашу доброту и заботу. Если же вы не отвергнете меня и не откажете от дома (я ничего не пожалею, чтобы вновь заслужить вашу благосклонность), я буду счастлив и в очередной раз восхищусь вашей добротой».

Пусть читатель не подумает, что я написал это письмо мгновенно. Я много раз начинал сначала, рвал черновики и переписывал все заново. Письмо помогло мне избавиться от тяжелой обузы. Практически сразу пришел ответ:

«Я получила ваше откровенное письмо. Мы обе были рады и от всего сердца посмеялись, прочитав его. Ложь, в которой вы себя обвинили, простительна. И все же хорошо, что вы рассказали правду. Мое приглашение остается в силе, а мы, разумеется, будем ждать вас в следующее воскресенье. Хотим расспросить вас о вашем детском браке и еще немного посмеяться. Нужно ли мне добавлять, что на нашу дружбу этот инцидент нисколько не повлияет?»

Так мне удалось избавиться от мерзости лжи. С тех пор я всегда честно и без колебаний признавался, что женат.

20. ЗНАКОМСТВО С РАЗНЫМИ РЕЛИГИЯМИ

На исходе второго года пребывания в Англии я познакомился с двумя теософами — братьями и холостяками. Они решили побеседовать со мной о «Гите». Братья как раз читали «Песнь Небесную» в переводе сэра Эдвина Арнольда и пригласили меня прочитать вместе с ними оригинал. Мне стало стыдно, поскольку я не читал этой божественной поэмы ни на санскрите, ни на гуджарати. Я был вынужден признаться, что вообще не читал «Гиты», но до-

бавил, что с удовольствием прочту ее с ними и что, хотя мое знание санскрита оставляет желать лучшего, я надеюсь отыскать те места, где переводчик мог лучше справиться со своей задачей. Так я приступил к чтению «Гиты» с братьями. Стихи из второй главы произвели на меня настолько глубокое впечатление, что я, кажется, до сих пор слышу их:

Едва начнешь ты размышлять об объекте чувства своего,
Как возникнет влечение к нему, порождающее вожделение.
А вожделение дает разгореться пламенной страсти, доходящей
До рассудка помутнения. Из извечно ненадежной памяти
Исчезает цели благородство, и твой мозг уже испепелен
до того,
Что и цель, и ум, и ты сам оказались на краю гибели.

Книга поразила меня и показалась бесценной. С каждым годом она становилась мне все дороже, и сегодня я считаю ее самым важным произведением литературы для того, кто хочет познать истину. Она была для меня источником спасения в минуты уныния. Позже я прочитал все переводы «Гиты» на английский язык и считаю перевод сэра Эдвина Арнольда лучшим. Он точно передает смысл подлинника, однако, читая его, ты невольно забываешь, что перед тобой всего лишь перевод. Хотя я впервые прочитал «Гиту» вместе с братьями, я не изучил ее тогда. Лишь годы спустя она стала моей настольной книгой, к которой я обращаюсь почти каждый день.

Кроме того, братья рекомендовали мне книгу «Свет Азии» того же сэра Эдвина Арнольда, которого я до поры знал только как автора перевода «Гиты» «Песнь Небесная». Я прочитал эту вещь даже с большим интересом, чем «Бхагавадгиту». Я не мог от нее оторваться. Однажды братья привели меня в ложу мадам Блаватской* и познакомили

* Елена Петровна Блаватская (1831—1891) — религиозный философ, оккультист, основательница Теософского общества.

меня с ней и миссис Безант*. Миссис Безант тогда только что присоединилась к Теософскому обществу, и я с величайшим вниманием слушал истории ее обращения. Друзья посоветовали и мне стать членом общества, но я вежливо отказался и объяснил это так:

— Я слишком плохо знаю собственную религию, поэтому мне бы не хотелось сейчас вступать в какое-либо другое религиозное общество.

Однако помню, что по совету братьев я прочитал «Ключ к теософии» Блаватской. Книга пробудила во мне желание познакомиться с трудами по индуизму. Она также помогла мне отказаться от навязанных христианскими миссионерами предубеждений, что индуизм сплошь состоит из суеверий.

Примерно в то же время я познакомился в вегетарианском пансионе с набожным христианином из Манчестера. Он многое мне рассказал о христианстве, а я поделился с ним воспоминаниями о том, с чем столкнулся в Раджкоте. Ему было искренне жаль слышать подобные вещи. Он сказал:

— Я — вегетарианец. Я не выпиваю. Но многие христиане едят мясо и пьют спиртное, поскольку это не запрещено Священным Писанием. Пожалуйста, прочтите Библию.

Я согласился, и он принес мне экземпляр. Припоминаю, что он торговал Библиями, и в книге, которую я купил у него, были карты, алфавитный указатель и другие полезные материалы. Я приступил к чтению, однако никак не мог справиться с Ветхим Заветом. Я прочел Книгу Бытия, но последующие части навевали на меня сон. Только ради того, чтобы сказать, что я действительно прочитал Библию, я стал пробиваться вперед с трудом и без всякого интереса или понимания. Книга Чисел мне абсолютно не понравилась.

* Анни Безант (1847—1933) — писательница, общественный деятель, теософ и борец за права женщин.

Зато Новый Завет произвел на меня совершенно иное впечатление. Особенно меня вдохновила Нагорная проповедь. Я сравнивал ее с «Гитой». Меня тронули следующие строки: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Они напомнили мне строки Шамала Бхатта: «За чашу лишь с водою налей в ответ ты чай...» и так далее. Своим неопытным разумом я попытался объединить учение «Гиты», «Света Азии» и Нагорной проповеди. Отречение, которое, как я понял, было высшей формой религии, очаровало меня.

Я захотел узнать побольше о жизни основоположников других религий. Один из друзей порекомендовал мне сочинение Карлейля «Герои и героическое в истории». Я прочитал главу о героях-пророках и увидел, какими величественными, храбрыми и аскетичными они были.

Дальше я в тот момент продвинуться не мог, поскольку подготовка к экзаменам не оставляла мне много свободного времени. Умом я понимал, что должен читать больше религиозных книг и познакомиться со всеми основными религиями мира.

И, конечно же, нельзя было избежать знакомства с атеизмом. Каждый индеец слышал о Брэдлоу* и его так называемом атеизме. Я прочитал атеистическую книгу, название которой забыл. Она меня не впечатлила, поскольку я к тому моменту уже пересек пустыню атеизма. Миссис Безант, находившаяся тогда на пике своей популярности, перешла от атеизма к теизму, и сам по себе этот факт усилил мою неприязнь к атеизму. Я прочитал ее книгу «Как я стала теософом».

Примерно в это же время умер Брэдлоу. Его похоронили на Бруквудском кладбище, неподалеку от Уокинга. Я по-

* Чарльз Брэдлоу (1833—1891) — политический активист и один из самых известных английских атеистов XIX века.

бывал на его похоронах, и мне показалось, что туда пожаловали все лондонские индийцы. На похоронах были и священники, которые пришли отдать Брэдлиу последний долг. На обратном пути, когда мы ждали на станции поезд, какой-то ярый атеист из толпы решил посмеяться над одним из священников.

— Стало быть, вы, сэр, верите в существование Бога? — издевательски поинтересовался он.

— Да, верю, — тихо отвечал священник.

— Вы наверняка знаете, что окружность земли равняется двадцати восьми тысячам миль, не так ли? — спросил атеист с самодовольной улыбкой.

— Несомненно.

— Тогда сделайте милость, ответьте, каков размер вашего Бога и где он прячется?

— Ах, если бы мы знали. Но Он живет в сердцах у нас обоих.

— Бросьте, не надо принимать меня за ребенка, — сказал атеист и с победной улыбкой оглядел нас.

Священник смиренно молчал.

Этот разговор только усилил мое предубеждение против атеизма.

21. «СПАСИТЕЛЬ БЕСПОМОЩНЫХ, СИЛА СЛАБЫХ»*

Я познакомился с индуизмом и прочими мировыми религиями, но осознал, что этого мало и что это не спасет меня в час испытаний. Человек до какого-то момента даже и не знает, что именно поможет ему преодолеть невзгоды. Если он неверующий, то возблагодарит случай. Если верующий — Бога. Он решит, что именно изучение религии или духовной дисциплины помогло ему достичь благодати.

* Рефрен известного гимна Сурдаса.

Однако в момент избавления он не может знать наверняка, спасет ли его духовная дисциплина или нечто другое. Разве человек, гордившийся своей духовной силой, не вынужден увидеть однажды, как она превращается в прах? Знание религии, в отличие от опыта, в час испытаний покажется безделицей.

Именно в Англии я впервые понял, что одни только религиозные знания бесполезны. Остается только гадать, как я уберегся от разных опасностей, когда был совсем юным. Но теперь мне исполнилось двадцать лет, и я уже обладал некоторым опытом как муж и отец.

Насколько помню, в последний год моего пребывания в Англии — то есть в 1890 году — в Портсмуте проходила конференция вегетарианцев, на которую нас пригласили вместе с еще одним моим другом-индийцем. Портсмут — портовый город, и это, конечно, не может не отразиться на жизни его многочисленных обитателей. Там немало домов, в которых живут женщины, пользующиеся дурной славой. Их нельзя назвать обычными проститутками, но они не слишком строги в вопросах морали. Нас поселили в один из таких домов. Надо ли говорить, что организаторы мероприятия ничего об этом не знали? В таком большом городе, как Портсмут, нелегко определить, какие дома годятся для гостей, а какие нет.

Мы вернулись с собрания конференции вечером. После ужина сели играть в бридж, и хозяйка дома присоединилась к нам, что принято даже в самых респектабельных английских домах. В процессе игры каждый из участников может отпускать невинные шутки, но на сей раз мой товарищ и хозяйка стали позволять себе шутки на грани приличия. А я и не знал, что мой друг так хорошо владеет этим искусством. Их беседа увлекла меня, и я включился в нее. Но стоило мне лишь приблизиться к черте дозволенного и отложить карты, как Бог устами моего товарища предостерег меня:

— Что за дьявол в тебя вселился, мальчик мой? Уходи отсюда как можно скорее!

Мне стало стыдно. Я внял предупреждению и мысленно поблагодарил друга. Вспомнил я и о клятве, данной матери, и поспешил уйти. Весь трепеща, с отчаянно бьющимся сердцем вошел я в свою комнату. Я чувствовал себя добычей, сбежавшей от охотника.

Это был первый случай, когда посторонняя женщина, не моя жена, пробудила во мне похоть. Ту ночь я провел без сна, одолеваемый разными мыслями. Должен ли я покинуть этот дом? Не лучше ли будет вообще уехать из города? Куда меня занесло? Чем бы все закончилось, если бы я не опомнился? И я принял решение действовать осторожно: не сбегать из дома сразу, но любым способом покинуть Портсмут. Конференция должна была закончиться не ранее, чем через два дня, однако я уехал из города уже на следующий вечер, а мой товарищ предпочел там задержаться.

Я тогда не понимал сущности религии и Бога и того, как Он воздействует на наш внутренний мир. Я лишь смутно осознавал, что Бог спас меня и на сей раз. Он спасал меня во всех испытаниях, выпавших на мою долю. Я уверен, что выражение «Бог спас меня» имеет сегодня для меня более глубокий смысл, но я все еще чувствую, что пока не постиг его полностью. Только новый, более богатый опыт поможет мне понять это выражение до конца. Но во всех моих испытаниях, через которые я прошел — в духовной, профессиональной, общественной, политической жизни, — я верю, что меня спасал Бог. Когда уже не остается никакой надежды, «когда никто не придет на помощь, и нет тебе покоя», я неизменно обнаруживаю, что помощь появляется порой совершенно неожиданно и непонятно откуда. Просьба, обращенная к божеству, служение ему, молитва — не суеверия. Это действия куда более реальные, чем еда, питье, сидение или ходьба. Я не преувеличу, если

скажу, что только они одни и реальны, а все остальное — суета.

Служение Богу или молитва — не упражнения в красноречии и не пустая трата слов. Это то, что идет из самого сердца. А потому, если наше сердце станет настолько чистым, что в нем не «будет ничего, кроме любви», если мы верно настроим его струны, то они «задрожат и исчезнут в музыке навсегда». Молитва не нуждается в словах. Она сама по себе не зависит от усилий наших чувств. Я нисколько не сомневаюсь, что молитва — самый верный способ очистить сердце от всех страстей. Но ее спутником непременно должно быть полнейшее смирение.

22. НАРАЯН ХЕМЧАНДРА

Приблизительно в это время в Англию приехал Нараян Хемчандра. Я много слышал о нем как о писателе. Мы встретились в доме мисс Маннинг из Индийской национальной ассоциации. Мисс Маннинг знала, что я не слишком общителен. Когда я приходил к ней, то обычно подолгу просиживал молча и подавал голос, только если ко мне обращались. Она и представила меня Нараяну Хемчандре. Он не владел английским языком. Одевался он странно: носил плохо сшитые брюки, вечно мятый и грязноватый коричневый пиджак по моде парсов, обходился без галстука и воротничка, а голову покрывал шерстяной шапочкой с кисточкой. Вдобавок ко всему он отрастил длинную бороду.

Телосложения он был хрупкого, высоким ростом тоже не отличался. Округлое лицо покрывали следы оспы, а нос был не заостренным, но и не тупым. Рукой он непрерывно теребил бороду.

Такой необычный на вид и странно одетый человек, конечно, выделялся среди членов приличного общества.

— Я наслышан о вас, — сказал я ему. — Читал некоторые из ваших сочинений. Я был бы рад, если бы вы любезно согласились зайти ко мне.

Голос у Нараяна Хемчандры оказался хрипловатым. Он спросил с улыбкой:

— Конечно. Где вы живете?

— На Стор-стрит.

— Значит, мы соседи. Я бы хотел выучить английский язык. Не могли бы вы мне в этом помочь?

— Буду счастлив помочь вам всем, чем только смогу. Если хотите, я стану проводить занятия у вас дома.

— О нет. Лучше я буду навещать вас. Могу принести с собой учебник.

Мы назначили день и время первого занятия. А вскоре стали близкими друзьями.

Для Нараяна Хемчандры решительно не существовало никакой грамматики. «Лошадь» он считал глаголом, а слово «бегать» — существительным. Могу припомнить еще много подобных забавных примеров. Но его нисколько не смущало собственное невежество, а мои скудные познания в грамматике не произвели на него никакого впечатления. Он уж точно не считал, что незнания грамматики можно стыдиться.

Как-то раз он заявил:

— Я, в отличие от вас, не посещал никаких школ и никогда не чувствовал необходимости в знании грамматики, чтобы выражать свои мысли. Вы владеете бенгали? А я владею. Я много путешествовал по Бенгалии. Это я помог людям, читающим только на гуджарати, прочитывать труды мудрейшего Дебендранатха Тагора*. Я хочу перевести на гуджарати и другие сокровища литературы разных стран и народов. Мои переводы не буквальные, но

* Речь идет об отце знаменитого писателя и поэта Рабиндраната Тагора — религиозном деятеле и активном участнике общества Брахмо-самадж.

лично меня удовлетворяет моя работа, если удастся передать сам дух оригинала. В будущем другие, те, кто обладает более обширными познаниями, сделают лучше и больше. Но я вполне доволен своими достижениями, и это без знания всякой грамматики. Я владею маратхи, хинди, бенгали, а теперь начал учить и английский. Мне прежде всего необходим большой словарный запас, и вы ошибаетесь, если считаете, что я остановлюсь на этом. Я поеду во Францию и выучу французский язык. Мне говорили, что на этом языке написано множество хороших книг. Если удастся, отправлюсь потом в Германию и выучу там немецкий.

Он мог говорить об этом бесконечно, а его желание путешествовать и учить иностранные языки было поразительно.

— В Америку вы тоже собираетесь?

— Обязательно. Как могу я вернуться в Индию, не побывав в Новом Свете?

— Но откуда вы возьмете столько денег?

— А зачем мне много денег? Я ведь не такой модник, как вы. Мне достаточно небольшого количества еды и кое-какой одежки. Мои гонорары и пожертвования друзей покроют расходы. Путешествую я всегда третьим классом. Вот и в Америку поплыву на палубе.

Простота Нараяна Хемчандры была такой же искренней, как его откровенность. В нем не было ни следа гордыни, за исключением, конечно, чрезмерно высокой оценки своих писательских способностей.

Встречались мы ежедневно. У нас было много общего. Мы оба были вегетарианцами и часто завтракали вместе. В то время я жил на семнадцать шиллингов в неделю и часто готовил себе сам. Иногда он приходил ко мне, иногда — я к нему. Я стряпал английские блюда, но моего друга могла удовлетворить только индийская пища. Ему не хватало индийского гороха *дала*. Обычно я готовил суп

из моркови или нечто подобное, а его мои вкусы расстраивали. Однажды он где-то достал бобы *мунг*, сварил и принес мне. Я с удовольствием поел, и так начался наш обмен: я приходил к нему со своими угощениями, а он потчевал меня своими.

Тогда все говорили о кардинале Мэннинге. Лондонскую забастовку докеров удалось прекратить лишь благодаря Джону Бернсу и кардиналу Мэннингу. Я рассказал Нараяну Хемчандре о том, как нравилась Дизраэли* простота кардинала.

— В таком случае я должен встретиться с этим мудрым человеком, — заявил Нараян.

— Кардинал — важная птица. Каким образом вы надеетесь встретиться с ним?

— Каким образом? Я точно знаю, как этого добиться. Вы напишете ему письмо от моего имени. Объясните, что я писатель и хотел бы лично поблагодарить его за гуманность. Не забудьте добавить, что я возьму вас с собой: мне понадобится переводчик, ведь я не владею английским языком.

Примерно такое письмо я и написал. Через два или три дня от кардинала Мэннинга пришел ответ. Нам назначили дату аудиенции. Так мы оба явились к кардиналу. Я надел парадный костюм, а Нараян Хемчандра остался верен себе — тот же сюртук, те же брюки. Я хотел было поднять его на смех, но он посмеялся последним и сказал:

— Вы, так называемые цивилизованные молодые люди, слишком трусливы. Великие люди никогда не оценивают человека по его внешнему виду. Им важнее понять, какое у него сердце.

* Бенджамин Дизраэли (1804—1881) — английский государственный деятель, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Известен в том числе и тем, что выступал за улучшение гигиены промышленного труда и жилищных условий рабочих.

Мы вошли в особняк кардинала, и, как только уселись, высокий, худой и уже пожилой джентльмен появился в комнате и пожал нам руки. Нараян Хемчандра так приветствовал его:

— Не хочу отнимать у вас слишком много времени. Я наслышан о вас и почувствовал необходимость лично выразить благодарность за все то хорошее, что вы сделали для забастовщиков. У меня есть что-то вроде традиции посещать мудрецов по всему миру, и поэтому я решился побеспокоить вас.

Это, разумеется, был мой перевод. Говорил Нараян Хемчандра на гуджарати.

— Я рад вашему визиту. Надеюсь, пребывание в Лондоне вам понравится и вы сможете лучше узнать наш народ. Да благословит вас Бог.

С этими словами кардинал поднялся и попрощался с нами.

Однажды Нараян Хемчандра пришел ко мне в рубашке и дхоти*. Моя добрейшая хозяйка открыла дверь, а потом в смятении прибежала ко мне (это была новая хозяйка, прежде не встречавшая Нараяна Хемчандру) и воскликнула:

— Там какой-то сумасшедший желает вас видеть.

Я подошел к двери и с удивлением уставился на своего друга. Даже меня поразил подобный наряд. Однако на его лице не отразилось ни малейшего беспокойства. На нем сияла обычная широкая улыбка.

— Неужели детишки на улице не приставали к вам?

— Да, они какое-то время бежали за мной, но я не отвечал, и они отстали.

Через несколько месяцев, Нараян Хемчандра отправился в Париж. Там он взялся за изучение языка и перевод

* Дхоти — предмет гардероба людей Южной и Юго-Восточной Азии; кусок ткани, обернутый вокруг тела и прикрывающий бедра и ноги.

французских книг. К тому моменту я владел французским на довольно приличном уровне, и потому он дал мне прочитать свои переводы. Это были даже не переводы в полном смысле слова, а всего лишь пересказы.

Затем он все-таки побывал в Америке, как и мечтал. Лишь с большим трудом ему удалось получить билет на палубу. В Штатах его арестовали за то, что он «был неприлично одет»: он вышел на улицу в рубашке и дхоти. Насколько помню, обвинения с него почти сразу же сняли.

23. ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА

В 1890 году в Париже проводилась Всемирная выставка. Я читал о том, как к ней готовились. Мне всегда хотелось увидеть Париж, а потому я решил, что лучше будет воспользоваться сразу двумя возможностями. Главной достопримечательностью выставки стала Эйфелева башня — сооружение из металла высотой почти в тысячу футов. Были, разумеется, и другие любопытные объекты, но башня оставалась среди них главной, поскольку до той поры считалось, что постройка такой высоты не может простоять долго и не рухнуть.

Я слышал о вегетарианском ресторане в Париже и снял рядом комнату на неделю. Средства я расходовал очень экономно как на проезд, так и на осмотр города. Осматривался я почти неизменно пешком, пользуясь картой Парижа и планом самой выставки. Этого оказалось достаточно, чтобы ориентироваться на улицах и найти все основные достопримечательности.

Выставку я запомнил как нечто невообразимо великолепное и огромное. Хорошо запомнил я и Эйфелеву башню, на которую поднимался дважды или трижды. На одной из платформ располагался ресторан, и просто ради того, чтобы с полным правом потом рассказывать, что ел на такой огромной высоте, я растратил семь шиллингов.

Точно так же в моей памяти сохранились древние парижские церкви. Их величавость и торжественная тишина внутри поистине незабываемы. Как мне забыть чудесный облик Нотр-Дама, его внутреннюю отделку, его скульптуры? Я подумал о том, что люди, потратившие миллионы на строительство такого прекрасного собора, не могут не любить Бога.

Мне доводилось читать о парижской моде и фривольности парижан. Подтверждения этому встречались почти на каждой улице, но соборы и церкви не имели с ними ничего общего. Человек забывал о городском шуме и суете, как только входил внутрь. Даже его собственные манеры менялись — он вел себя достойно и почтительно, проходя мимо кого-то, преклонившего колена перед ликом Пресвятой Девы. Тогда я убедился, что коленопреклонение и молитвы — не суеверия. Преданный Богу не стал бы вставать на колени, обожествляя всего лишь кусок мрамора. Этих людей вдохновляла неподдельная вера, и они молились не камню, но Святой Сущности, символом которой он являлся. Я понял, что своими молитвами каждый из них искренне прославляет Бога.

Не могу не написать несколько слов об Эйфелевой башне. Я не знаю, какой цели она служит в наши дни, но тогда одни ее поносили, а другие хвалили. Помню, что Толстой был одним из наиболее строгих критиков. Он сказал, что Эйфелева башня стала памятником человеческой глупости, а не мудрости. Худшей из отрав он считал табак, поскольку человек, попавший в зависимость от него, готов совершать преступления, на которые не способен даже горький пьяница. Да, спиртное сводит людей с ума, но табак совершенно затуманивает разум и заставляет строить воздушные замки. Эйфелеву башню Толстой отнес к творениям человека, чей разум затуманен табаком. Эта башня не искусство. Она не украсила Всемирную выставку. Толпы собирались поглазеть и взобраться на нее, при-

влеченные лишь ее новизной и уникальными размерами. Башня стала игрушкой, а нам нравятся игрушки, потому что в душе мы по-прежнему дети. Это и можно назвать целью, которой служит Эйфелева башня.

24. «ПРИНЯТ». НО ЧТО ПОТОМ?

До сих пор я ничего не рассказал о том, как был принят в лондонскую коллегия адвокатов. Настало время поговорить и об этом.

Студент должен был выполнить два условия, чтобы быть принятым: «придерживаться семестров» (двенадцать семестров, которые продолжались в общей сложности около трех лет) и сдать экзамены. Фраза «придерживаться семестров» на самом деле означала «проедать семестры», то есть посещать по меньшей мере шесть из примерно двадцати четырех ужинов за семестр. Можно было не есть — главное, явиться в назначенное время и присутствовать до конца ужина. Но, конечно же, обычно почти все охотно ели и пили, ведь блюда и вина были отменные. Стоил ужин от двух шиллингов и шести пенсов до трех шиллингов и шести пенсов — две или три рупии. Цена считалась умеренной, поскольку в любом ресторане такую же сумму пришлось бы выложить только за вино. Вероятно, потому что мы в Индии «недостаточно цивилизованны», нас удивляет, что вино может стоить дороже еды. В первый раз я даже удивился, как легко люди соглашались выбрасывать такие суммы на спиртное. Позже я понял, почему они это делают. Сам же я частенько не ел на этих ужинах вообще: из всего разнообразия предлагаемых блюд я мог выбрать только хлеб, вареный картофель и капусту. Поначалу я отказывался и от этой пищи, но вскоре полюбил ее и даже отваживался просить принести мне другие вегетарианские блюда.

Ужин для старшин юридических корпораций отличался еще большим разнообразием, чем тот, которым кормили

студентов. Я и еще один студент (парс по национальности), тоже вегетарианец, поинтересовались, нельзя ли и нам получать вегетарианские блюда, входившие в меню для старшин. Разрешение было дано, и мы могли отныне есть фрукты и овощи с их стола.

Две бутылки вина полагалось на группу из четырех человек, и, когда стало известно, что я не прикасаюсь к спиртному, все захотели немедленно заполучить меня в свою четверку, чтобы опустошить две бутылки втроем. В каждом семестре устраивался один особенно торжественный вечер с дополнительной порцией спиртного — к портвейну и хересу подавали шампанское. В такие вечера меня просили непременно являться, и я был желанным гостем за любым столом.

Тогда я не понимал, да и до сих пор не пойму, как эти ужины помогали подготовить молодых людей к профессии. В давние времена только нескольким студентам дозволялось участвовать в подобных ужинах. На них царила благоприятная атмосфера для бесед между учащимися и признанными адвокатами, для разговоров со старшинами, для произнесения речей. Студенты получали дополнительную информацию о мире, поданную в изысканной форме, и так улучшались их собственные ораторские способности. В мое время ничего подобного не происходило, поскольку старшины сидели за отдельным столом. Традиция явно потеряла всякий смысл, но в консервативной Англии ее все равно продолжали придерживаться по старой памяти.

Программа была несложной, и новоиспеченных адвокатов в шутку называли «застольными». Все знали, что экзамены стали чистой формальностью. Мне пришлось сдавать два: по римскому праву и по обычному. Для подготовки нам выдавались учебники, которые мы могли уносить домой, но едва ли хоть кто-нибудь всерьез их читал. Я знал многих, сдававших римское право, затратив на

подготовку пару недель, а к обычному праву они готовились, просто листая конспекты по предмету два или три месяца. Экзаменационные билеты содержали простые вопросы, и экзаменаторы не проявляли излишней строгости. Процент успешно сдавших римское право доходил до девяноста пяти или девяноста девяти, а оба экзамена выдерживали семьдесят пять процентов студентов или даже больше. Опасаться провала не стоило еще и потому, что экзамены проводились не один, а четыре раза в год. Никаких трудностей с ними, таким образом, не возникало.

Я же умудрился создать себе проблемы. Мне казалось, что я непременно должен прочитать все учебники, поскольку не хотел остаться обманщиком, не усвоившим эти книги. Кроме того, на некоторые учебники я изрядно потратился. Я решил одолеть римское право на латыни. Вот где пригодилось знание языка, приобретенное за время подготовки к лондонским вступительным экзаменам. Она оказалась полезной и позже в Южной Африке, где пришедшие из Голландии законы практически полностью основаны на римском праве. Так чтение кодекса Юстиниана стало хорошим подспорьем в понимании южноафриканского права.

Мне потребовалось девять месяцев достаточно напряженных усилий, чтобы ознакомиться с трудами по английскому обычному праву. Довольно много времени отнял у меня учебник Брума «Обычное право» — огромный, но крайне интересный том. «Право справедливости» Снелла также имело большое значение, хотя и оказалось сложным для понимания. В «Судебных прецедентах» Уайта и Тьюдора описывались реальные случаи из судебной практики, поэтому книга была не только интересной, но и полезной с практической точки зрения. Мне также показались важными произведения Уильямса и Эдварда «Недвижимость» и «Собственность» Гудива. Учебник Уильямса читался как роман. Еще одним трудом, который, насколько помню,

я изучил с таким же неослабевающим интересом уже по возвращении в Индию, стало «Индусское право» Мэйна, однако здесь пока не место для беседы об индийской юридической литературе.

Я сдал экзамены и был принят в коллегия адвокатов 10 июня 1891 года, а 11 июня я зарегистрировался в Высоком суде Лондона. 12 июня я отплыл на родину.

Но, несмотря на все усердные занятия, я ощущал беспомощность и даже страх. Я не считал себя достаточно квалифицированным адвокатом, чтобы приступить к реальной практике.

Впрочем, необходима отдельная глава, чтобы поведать о владевшем мной тогда смятении.

25. МОЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ

Было легко сдать экзамены, однако заниматься реальной адвокатской практикой — куда труднее. Я выучил законы, но не знал, как их применять; с интересом прочел «Правовые принципы», но понятия не имел, что с ними делать. «*Sic utere tuo ut alienum non laedas*» («Пользуйся своей собственностью так, чтобы не причинить вреда чужой») было одним из таких принципов, но меня приводила в полнейшее замешательство мысль о том, каким образом использовать его в делах будущих клиентов. Я, конечно же, прочел обо всех самых известных прецедентах, в которых применялся принцип, но это нисколько не придало мне уверенности.

Более того, я ничего не почерпнул из прочитанных учебников об индийском законодательстве. У меня не было ни малейшего представления о законах индусов и мусульман. Я даже не знал, как составить обычное исковое заявление, и чувствовал себя полностью растерянным. Я слышал о сэре Ферозшахе Мехте, сотрясавшем залы судов львиным рыком. Как же ему удалось, гадал я, научиться этому

искусству в Англии? И речи быть не могло о том, чтобы сравниться с ним в юридическом мастерстве, и я очень сомневался, что смогу хотя бы просто заработать себе на жизнь, практикуя как адвокат.

Меня начали терзать подобные сомнения и тревоги еще во время учебы. Я поделился своими проблемами кое с кем из друзей. Один из них порекомендовал обратиться за советом к Дадабхаю Наороджи. Я уже упоминал, что привез в Англию рекомендательное письмо к Дадабхаю. Вспомнил же я о нем слишком поздно. Теперь мне казалось, что я не имею права тревожить столь важного человека просьбой о личной встрече. Когда объявляли о том, что будет его лекция, я непременно приходил послушать, забивался в угол зала, упивался тем, что видел и слышал, а потом уходил. Чтобы подружиться со студентами, он основал ассоциацию. Я посещал собрания и радовался заботе Дадабхая о студентах. Последние его очень уважали. И все же со временем я набрался храбрости, чтобы передать ему рекомендательное письмо. Он ответил: «Можете прийти и выслушать мои советы, когда вам будет угодно». Но я так и не воспользовался его приглашением. Мне показалось неправильным досаждать ему без крайней необходимости. Я не посмел в тот момент последовать совету друга и рассказать Дадабхаю о своих затруднениях. Сейчас не помню, был ли это тот же самый друг или другой, но кто-то дал мне еще один полезный совет: обратиться к мистеру Фредерику Пинкату. Он состоял в Консервативной партии, но относился к индийским студентам сердечно и бескорыстно. Многие из них искали у него поддержки, и я тоже попросил его о встрече. Он согласился. Никогда не забуду нашей беседы. Он от души посмеялся над моим пессимизмом.

— Неужели вы полагаете, — сказал он, — что каждый должен непременно стать Ферозшахом Мехтой? Ферозшахи и Бадруддины редко встречаются. Поймите, чтобы стать

обыкновенным адвокатом не нужны какие-то особые таланты. Честности и трудолюбия вполне достаточно, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Многие дела не настолько уж и сложны. Впрочем, я хотел бы услышать, насколько вы начитанны.

Когда я назвал прочитанное, на его лице отразилось разочарование. Но оно показалось лишь на мгновение. Почти сразу Пинкэтт снова просиял улыбкой и сказал:

— Теперь мне понятна причина вашего беспокойства. Ваш круг чтения весьма ограничен. Вы плохо знаете этот мир, а для вакила это *sine qua non*, то есть обязательное условие. Вы даже не читали истории Индии. Хороший адвокат непременно должен проникнуть в самую суть человеческой натуры. Ему следует научиться разбираться в характере человека, который можно прочесть по лицу. И, конечно же, каждый индеец непременно должен знать историю своей страны. Кажется, что она не имеет прямого отношения к юридической практике, но знание ее жизненно важно. Как я понял, вы не читали истории восстания 1857 года Кея и Маллесона. Прочтите ее и купите еще две книги, чтобы понять человеческую природу.

Он имел в виду труды Лаватора и Шеммельпенника по физиогномике.

Я был очень благодарен этому почтенному человеку. Он рассеял все мои страхи, но как только мы с ним расстались, тревога вновь охватила меня. Особенно волновало то, как научиться читать характер человека по лицу, когда по пути домой я думал о рекомендованных им двух книгах. На следующий день я приобрел книгу Лаватора. Сочинений Шеммельпенника в магазине не оказалось. Я взялся за чтение труда Лаватора и обнаружил, что он не только труднее «Права справедливости» Снелла, но и совсем неинтересен. Я многое узнал о лице Шекспира, но так и не научился угадывать шекспировские черты характера в прохожих, когда бродил по лондонским улицам.

Книга Лаватора ничего не прибавила к моим знаниям, а советы мистера Пинкатта почти ничем мне не помогли. Только его доброта приободрила меня. Вспоминаю его улыбающееся лицо. Я поверил сказанным им словам о том, что проникательность, память и талант Ферозшаха Мехты не обязательны для преуспевающего адвоката. Достаточно честности и трудолюбия, а поскольку же я был в значительной степени наделен этими качествами, моя вера в себя окрепла.

Книг Кея и Маллесона я не успел осилить в Англии, но прочитал их уже в Южной Африке, поскольку дал самому себе обещание обратиться к ним при первом же удобном случае.

Теперь у меня появилась надежда. Ее тонкий лучик пробился сквозь пелену отчаяния, когда я прибыл в Бомбей на пароходе «Ассам». Море в гавани было беспокойным, и мне пришлось добираться до причала на катере.

Часть - II

1. РАЙЧАНДБХАЙ*

В конце предыдущей главы я упомянул, что вода в бомбейской гавани была беспокойной, а это случается нередко в Аравийском море в июне и июле. Сильная качка сопровождала нас на протяжении всего пути от Адена. Многие пассажиры слегли с морской болезнью, и лишь я один оставался в прекрасной форме и часто выходил на палубу полюбоваться величественными волнами и послушать плеск воды. За завтраком собирались еще два-три человека, которые ели свой порридж. Тарелки они аккуратно поставили на колени, чтобы не опрокинуть.

Морской шторм был для меня символом душевной бури. И хотя он не пугал меня, думаю, на моем лице все же отразилось некоторое беспокойство. Мне предстояло вскоре столкнуться с кастовой проблемой. Кроме того, терзали мысли о начале моей профессиональной деятельности. И еще: поскольку я считал себя реформатором, я много раздумывал, как приступить к некоторым из намеченных реформ. Но меня ожидало даже больше испытаний, чем я мог предположить.

* Р а й ч а н д б х а й (1867—1901) — известный в Индии поэт, мистик, философ Шримад Раджчандра. Привлекал Ганди своими глубокими религиозными познаниями, исканиями истины. Помог Ганди постичь подлинную сущность индуизма.

Старший брат приехал в порт встречать меня. Он уже успел познакомиться с доктором Мехтой и его старшим братом. Поскольку же доктор Мехта настаивал, чтобы я остановился в его доме, туда мы и отправились. Вот так начатые в Англии отношения продолжились в Индии, а затем перешли в прочную дружбу между двумя семьями.

Я жаждал поскорее встретиться с мамой. Мне еще не было известно, что я никогда больше не обниму ее. Печальную новость сообщили мне только теперь, и я совершил нужные омовения. Брат намеренно держал меня в неведении, пока я находился в Англии. Он не хотел, чтобы я перенес такой страшный удар вдали от родины. И все равно эта новость стала для меня чудовищным потрясением. Но я не стану слишком подробно описывать это. Скажу только, что мое горе было даже глубже, чем после смерти отца. Многие надежды, которые я лелеял, оказались разбитыми. Впрочем, я помню, что не позволил себе впасть в полное отчаяние. Смог даже сдержать слезы и продолжал жить, словно ничего не произошло.

Доктор Мехта представил меня нескольким своим друзьям и брату Шри Ревашанкару Джагдживану, с которым меня впоследствии связала долгая дружба. Однако мне следует особо отметить и другое знакомство — с поэтом Райчандом, или Раджчандрой, зятем старшего брата доктора Мехты и партнером в ювелирной фирме, носившей имя Ревашанкара Джагдживана. Тогда Райчанду было еще не больше двадцати пяти лет, но первая же встреча с ним убедила меня, что это был человек, отличавшийся сильным характером и поразительной образованностью. Его называли *штатавадхани* (то есть человеком, способным запоминать сотни вещей сразу или следить за ними одновременно), и доктор Мехта рекомендовал мне лично убедиться в потрясающих свойствах памяти Райчандбхая. Я предложил ряд слов из всех европейских языков, что я знал, и попросил поэта повторить слова. Он повторил

их, точно соблюдая тот порядок, в котором я их назвал. Я не мог не позавидовать его дару, но не он очаровал меня, а то, что я открыл позже. Это были его обширные знания священных книг, его чистая натура и горячее желание как можно полнее реализовать себя. Я не сразу догадался, что самореализация была для него смыслом всего. Ради нее он и жил. Он постоянно повторял строки Муктананда*, словно те остались навсегда вырезанными в его сердце:

Я стану считать себя благословленным, только если
узрю Его в каждом деянье своем.
Воистину Он — это нить,
на которой подвешена сама жизнь Муктананда.

Коммерческие операции Райчандбхая приносили сотни тысяч рупий. Он был подлинным знатоком жемчуга и бриллиантов. Даже самая запутанная деловая проблема не представляла для него никакой сложности. Но не это было главным в его жизни. В центре нее находилось желание лицом к лицу встретиться с Богом. Среди многочисленных вещей на его рабочем столе всегда лежали религиозные книги и дневник. Многие из опубликованных им сочинений были изначально написаны именно в дневнике. Человек, который сразу же по завершении переговоров о крупной сделке принимался писать о таинствах духа, едва ли мог считаться коммерсантом. Он был слишком сосредоточен на поисках истины, и я часто видел сам, как он полностью погружался в эти поиски, когда ему следовало заниматься делами. Однако ничто не могло вывести его из равновесия. Нас не связывали ни деловые, ни какие-либо иные эгоистические отношения, но я все же наслаждался дружбой с ним. Тогда я был всего лишь адвокатом без практики, и тем не менее, когда бы мы ни встретились, он

* Муктананд (1758—1830) — знаменитый гуджаратский поэт и аскет.

беседовал со мной на серьезные религиозные темы. Хотя я лишь нащупывал свой путь в жизни и религия меня еще не интересовала так сильно, как сейчас, я увлеченно слушал его рассуждения. Позднее я познакомился со многими выдающимися религиозными деятелями и наставниками и должен отметить, что ни один из них не произвел на меня столь глубокого впечатления, как Райчандбхай. Его слова проникали прямо в мою душу. Могучий интеллект этого человека, его нравственность тронули меня, и я понял, что он никогда не собьет меня с пути истинного и будет продолжать доверять мне свои самые сокровенные мысли. Впредь в моменты духовных кризисов он стал для меня опорой и защитником.

И все же, несмотря на такую высокую оценку его способностей, я не смог поместить Райчандбхая в свое сердце в качестве гуру*. Это место все еще свободно, и мои поиски продолжаются.

Я верю в индусскую теорию о гуру и его значение в духовном росте каждого. Я считаю, что здесь есть крупица правды: подлинное познание невозможно без гуру. Посредственный наставник терпим в делах мирских, но не в духовных. Только совершенный во всем гнани** заслуживает называться гуру. Следовательно, человек должен находиться в состоянии бесконечного поиска совершенства. Каждый получает такого гуру, какого заслуживает. И бесконечные поиски совершенства — право каждого. Эти поиски и есть награда. Все остальное — в руках Божьих.

Хотя я так и не смог сделать Райчандбхая своим гуру, мы с вами увидим, как часто он становился моим духовным поводырем и помощником. Три современника повлияли на мою жизнь: Райчандбхай — через непосредственное общение со мной, Толстой — через книгу «Царство Божие

* Гуру — духовный наставник.

** Гнани — всевидящий, всезнающий, пророк.

внутри вас» и Рёскин* — через свое сочинение «Последнему, что и первому». Но всему свое время, и мы вернемся к этой теме позже.

2. КАК Я НАЧАЛ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Мой старший брат возлагал на меня большие надежды. Он хотел богатства, известности и славы. Он был человеком великодушным и необычайно добрым. Эти качества вместе с простотой характера привлекали к нему множество друзей, и именно с их помощью он рассчитывал обеспечить меня клиентурой. Он также верил, что у меня будет большая практика, и, полагаясь на это, позволил себе увеличить наши расходы. Он действительно приложил все усилия для того, чтобы подготовить почву для моей практики.

Буря, потрясая касту после моего отъезда за границу, все еще бушевала. Она разделила представителей касты на два лагеря: одни решили немедленно принять меня обратно, другие отказывались. Чтобы удовлетворить первых, мой брат, прежде чем мы вернулись в Раджкот, отвез меня в Насик, где я совершил омовение в священной реке; по приезде же в Раджкот он устроил для представителей касты ужин. Мне все это не слишком понравилось. Однако любовь брата была столь велика, а моя привязанность к нему столь прочна, что я не мог не выполнить его желаний, которые были законом для меня. Проблема с возвращением в касту, таким образом, решилась.

Я не искал прощения отвергнувших меня, но и не испытывал никакой обиды. Многие из них продолжали относиться ко мне с неприязнью, но я тщательно избегал любых поступков, способных оскорбить их чувства. Я уважал кастовые правила об изгнании. Согласно им, никто из мо-

* Джон Рёскин (1819—1900) — английский писатель, художник, поэт. Известен своей критикой капиталистического общества, а также проектами социальных реформ.

их родственников, включая тестя, тещу и даже свояченицу и зятя, не могли принимать меня. Даже пить воду в их доме мне строго запрещалось. Они были готовы украдкой нарушить запрет, но я сам не хотел украдкой делать то, чего не мог делать открыто.

Так как я вел себя безупречно, у касты не было поводов лишний раз беспокоить меня. Более того, я начал ощущать симпатию даже тех представителей, которые продолжали считать меня изгоем. Они помогали мне в работе, не ожидая, что я сделаю что-нибудь для касты в ответ. Я убежден: все хорошее, случившееся со мной, — плод моей непротивленческой позиции. Если бы я предпринял попытку настоять на возвращении в касту, если бы постарался посеять в ней еще большую рознь, если бы каким-то образом спровоцировал людей из касты, они наверняка нашли бы, чем ответить. Тогда по возвращении из Англии я не только не смог бы встать в стороне от бушевавших страстей, но оказался бы в самом центре водоворота и, вероятно, мне бы пришлось много обманывать.

Мои отношения с женой по-прежнему складывались не так, как мне хотелось. Даже долгое пребывание в Англии не излечило меня от ревности. Я продолжал подозревать ее по любому поводу, а потому мои сокровенные желания остались неосуществленными. Я было твердо решил, что моя жена должна научиться читать и писать, и собрался помочь ей в этом, но на моем пути снова встала похоть, а жене пришлось страдать из-за меня. Однажды я даже надолго отправил ее в отцовский дом и согласился принять обратно только после того, как упился ее страданиями. Позже я понял, какие мерзости творил.

В мои планы входила и реформа обучения детей. У моего брата были дети, а моему ребенку, оставленному с матерью на все то время, что я провел в Англии, исполнилось уже почти четыре года. Я стремился научить малышей физическим упражнениям, чтобы сделать их сильными, и сам

руководить процессом их обучения. Брат целиком поддерживал меня в моих начинаниях, и эти усилия, можно сказать, не пропали даром. Я всегда любил общаться с детьми. Привычка играть и дурачиться с ними осталась со мной по сей день. Мне кажется, я мог бы быть хорошим педагогом.

Кроме того, для меня становилась все более очевидной необходимость «реформы» нашего питания. Чай и кофе уже заняли положенное им место на нашей кухне. Мой брат посчитал важным создать в доме «английскую атмосферу» к моему возвращению, а потому фаянсовую посуду и другие подобные предметы, которые прежде использовались лишь в особых случаях, мы теперь доставали ежедневно. Моя «реформа» завершила начатое братом. Я ввел в наше меню порридж, а чай и кофе заменил какао. Хотя последнее удалось мне не вполне: мои домочадцы успели слишком полюбить чай и кофе. Мы стали носить ботинки и полуботинки. Кроме того, я ввел дома европейский стиль одежды.

Наши расходы росли. Новые предметы то и дело появлялись в нашем доме, но чувствовал я себя так, словно купил белого слона*. Где же взять средства? Попытка начать практику в Раджкоте была бы смехотворной: я едва ли обладал знаниями квалифицированного вакила, но при этом рассчитывал получать за свои услуги в десять раз больше! Ни один клиент в здравом уме не стал бы нанимать меня. Но даже если бы клиентура нашлась, мог ли я добавить к собственному невежеству откровенный обман и увеличить тем самым тяжесть своего морального долга перед всем миром?

Друзья посоветовали мне ненадолго поехать в Бомбей, чтобы поработать в Высоком суде, изучить индийские законы и лишь затем начинать искать клиентов. Я прислушался к этому совету и отправился туда.

В Бомбее я постарался наладить свой быт и нанял повара, столь же неопытного, как я сам. Он был брахманом.

* Фраза, которая означает трату денег на что-то бесполезное.

Я не считал его слугой, он был для меня кем-то вроде члена семьи. Он обливался водой, но никогда толком не мылся. Его дхоти и священный шнур* всегда были грязными. Священных текстов он не читал, но я не мог позволить себе повара лучше.

— Что ж, Равишанкар (так его звали), — обращался я к нему, — можешь не уметь готовить, но ты же обязан знать свою *сандхью* (ежедневную молитву).

— Сандхью, сэр? Плуг заменяет нам сандхью, а работа лопатой — ежедневный обряд. Вот такой я брахман. Я должен или пользоваться вашим милосердием, или вернуться в деревню.

Мне пришлось стать для Равишанкара учителем. Времени я располагал и постепенно стал готовить половину блюд сам, вспомнив свои английские эксперименты с вегетарианскими кушаньями. Я купил плиту, и с той поры мы с Равишанкаром готовили вместе. Сам я охотно делил с ним трапезу, ведь мы прекрасно ладили друг с другом, и только то, что Равишанкар дал клятву не мыть ни себя, ни продукты, доставляло некоторые неудобства.

Впрочем, я и не мог оставаться в Бомбее дольше четырех или пяти месяцев, поскольку не получал никакого дохода, а расходы все росли.

Вот так я начал новую жизнь. Профессия адвоката разочаровала меня — громкое название, мало толка. Я чувствовал угрызения совести и обвинял себя в неудаче.

3. ПЕРВОЕ ДЕЛО

В Бомбее я, во-первых, начал изучать индийское право, а во-вторых, продолжил эксперименты с питанием, к которым присоединился Вирчанд Ганди, мой друг. Брат тем временем упорно искал для меня клиентуру.

* Священный шнур — сакральный атрибут представителей высших каст в Индии, символ духовной чистоты человека.

Изучение индийского права оказалось делом утомительным и скучным. С гражданским процессуальным кодексом я никак не мог справиться. Впрочем, с теорией судебных доказательств все было по-другому. Вирчанд Ганди готовился к экзаменам на стряпчего и рассказывал множество историй об адвокатах и вакилах.

— Способности сэра Ферозшаха, — рассказывал он, — проистекают из его прекрасного знания права. Он знает теорию судебных доказательств и все прецеденты по тридцать второму разделу наизусть. Что касается Бадруддина Тьябджи, то его необычайная сила аргументации повергает судей в трепет.

Его рассказы об успехах этих выдающихся адвокатов действовали мне на нервы.

— Бывает и так, — продолжал он, — что адвокат не может устроиться пять-семь лет. Вот почему я решил стать стряпчим. Можешь считать себя счастливым, если получишь независимость года через три.

А расходы росли с каждым месяцем. Повесить на двери дома табличку «Адвокат», несмотря на то, что еще только учишься, — нет, я решительно не мог пойти на это! Да и заниматься я бы тогда не смог. Мне стало даже нравиться теория судебных доказательств. Я с большим интересом прочел книгу Мэйна «Индусское право», но все еще не мог набраться смелости и взяться за какое-нибудь дело. Я чувствовал себя беспомощным, как невеста, впервые пришедшая в дом будущего свекра.

И все-таки примерно в это время я взялся за дело некоего Мамибая. Это было небольшое дело.

— Вам нужно заплатить комиссионные посреднику, нашедшему клиента, — заявили мне.

Я демонстративно отказался.

— Но даже такой известный адвокат по уголовным делам, как мистер ***, который зарабатывает три или четыре тысячи рупий в месяц, платит комиссионные!

— Я не буду подражать ему, — отвечал я. — Меня удовлетворит триста рупий в месяц. Даже мой отец не получал больше.

— Но ведь те дни ушли в прошлое! Жизнь в Бомбее сильно подорожала. Вы должны быть дальновиднее.

Я твердо стоял на своем: комиссионных не заплатил, но все равно получил дело Мамибая. Оно оказалось несложным. В качестве гонорара я попросил тридцать рупий. Работа над делом не должна была занять больше одного дня.

Вот так состоялся мой дебют в суде по гражданским делам. Я выступал на стороне ответчика, и мне нужно было подвергнуть перекрестному допросу свидетелей со стороны истца. Я встал, но вдруг почувствовал слабость. Закружилась голова, и казалось, что зал суда тоже кружится. Я не знал, с какого вопроса начать. Судья, должно быть, посмеивался надо мной, а присутствовавшие в зале вакилы, несомненно, наслаждались этим зрелищем. Но я словно ослеп в тот момент. Я сел и сказал своему клиенту, что не способен сейчас вести дело. Лучше будет передать его Пателю, а гонорар я верну. Мистер Патель охотно взялся за работу всего за пятьдесят одну рупию. Для него, разумеется, это дело было детской забавой.

Я поспешил покинуть здание суда и так и не узнал, выиграл мой клиент или проиграл. Мне было стыдно за себя, и я принял решение больше не браться за дела, пока не почувствую в себе достаточно твердости, чтобы довести их до конца. Я больше не выступал в зале суда до самого отъезда в Южную Африку. Причина заключалась не в чувстве собственного достоинства, а в необходимости. Больше не было дурака, который нанял бы меня, заранее зная, что проигрывает дело!

Однако в Бомбее меня ждала другая работа — нужно было написать прошение. Землю одного бедняги мусульманина в Порбандаре конфисковали, и он обратился ко мне как к благородному сыну благородного отца. Дело казалось

совершенно безнадежным, но я согласился написать прошение при условии, что клиент возьмет на себя расходы на печать документа. Подготовив черновой вариант, я зачитал его друзьям. Они единогласно одобрили текст, и это придало мне некоторой уверенности, что у меня хватит знаний для составления такого рода документов. И я действительно справился.

Мое дело могло бы развиваться, если бы я и в дальнейшем составлял прошения бесплатно, но тогда мне нечего было бы есть. Я решил, что должен подыскать работу преподавателя. Английский язык я знал достаточно хорошо, и мне бы понравилось готовить школьников к вступительным экзаменам. Кроме того, я сумел бы покрывать свои расходы. Мне попало объявление в газете: «Требуется преподаватель английского языка на один час в день. Оплата — 75 рупий». Объявление дала одна из самых известных в городе средних школ. Я отозвался и был приглашен на собеседование. Я отправился на него в самом хорошем расположении духа, но как только директор узнал, что я не получил диплома именно по этой специальности, ему пришлось не без сожалений отказать мне.

— Но ведь я сдал в Лондоне вступительные экзамены с латынью в качестве второго языка.

— Верно, но нам требуется дипломированный специалист.

Я ничего не мог поделать. Оставалось лишь в отчаянии заламывать руки. Мой брат тоже забеспокоился. Мы пришли к заключению, что задерживаться в Бомбее бессмысленно. Мне следовало обосноваться в Раджкоте, где мой брат сам занимался мелкой адвокатской практикой и мог бы иногда давать мне работу — составление исковых заявлений и прошений. Кроме того, я понимал, что в Раджкоте мне есть где жить и отказ от хозяйства в Бомбее принесет значительную экономию. Мне эта идея пришла по душе. Итак, моя маленькая контора, проработав шесть месяцев, закрылась.

Пока я жил в Бомбее, я ежедневно ходил на заседания Высокого суда, но не могу сказать, что чему-нибудь там научился. Моих собственных знаний не хватало, чтобы усвоить многое. Зачастую я просто не улавливал суть судебного разбирательства и начинал засыпать. В зале были и другие, кто вел себя точно так же, и это облегчало мой стыд. С течением времени я вообще перестал стыдиться, осознав, что дремать в Высоком суде — это что-то вроде традиции.

Если среди моих читателей тоже есть молодые адвокаты без практики, каким был в Бомбее я сам, могу поделиться с ними небольшой житейской мудростью. Хотя моя квартира находилась в районе Гиргаум, я почти никогда не пользовался общественным транспортом: ни омнибусом, ни трамваем. Обычно я добирался до Высокого суда пешком. Это занимало добрых сорок пять минут, и домой я тоже неизменно возвращался на своих двоих. Мне удалось привыкнуть к жаркому солнцу. Такие прогулки в Высокий суд и обратно позволяли значительно экономить, и, тогда как многие из моих друзей в Бомбее часто болели, я не помню, чтобы болел сам. Даже когда я уже начал зарабатывать достаточно денег, я все равно продолжал ходить в свою контору и обратно пешком. Благотворные плоды этой привычки я пожинаю до сих пор.

4. ПЕРВОЕ ПОТЯСЕНИЕ

С чувством разочарования я покинул Бомбей и отправился в Раджкот, где открыл новую контору. Дела у меня пошли не так уж плохо. Составление исковых заявлений и прошений приносило мне в среднем триста рупий в месяц. Но даже такую работу я получал благодаря влиянию партнера моего брата, а не собственным способностям. У партнера была надежная практика, приносящая постоянный доход. Все документы, которые он считал важными,

отправлялись опытным адвокатам. На мою долю выпадало составление исковых заявлений от имени самых бедных его клиентов.

Должен признаться, что я был вынужден отказаться от своего принципа не платить комиссионных, который столь строго соблюдал в Бомбее. Мне объяснили, что существует большая разница: если в Бомбее комиссионные выплачиваются посредникам, в Раджкоте приходится делиться с вакилом, который нашел и перепоручил тебе работу. Как и в Бомбее, в Раджкоте все без исключения адвокаты платили комиссионные. Аргументы, приведенные моим братом, показались мне убедительными.

— Пойми, — сказал мне он, — мы партнеры с этим вакилом. Я, разумеется, с радостью поручу тебе дело, с которым ты сможешь справиться, но если ты откажешься выплатить комиссионные моему партнеру, то поставишь меня в неловкое положение. Мы работаем вместе, твои гонорары попадают в наш общий кошелек, и я автоматически получаю свою долю. Но что же в таком случае остается делать моему партнеру? Он ведь может отдать дело другому адвокату и получить свои комиссионные.

До меня дошел смысл сказанного братом. Я понял, что, если хочу практиковать в качестве адвоката, мне не следует продолжать настаивать на своем принципе. Так я убеждал себя или, по правде говоря, обманывал. Добавлю только, что не помню случая, когда бы я платил комиссионные за дела, полученные иным путем.

И хотя я теперь начал сводить концы с концами, примерно в то же время мне пришлось испытать и первое потрясение. Я знал в общих чертах, что представляют собой британские колониальные чиновники, но до той поры не сталкивался с ними.

Мой брат служил секретарем и советником у ныне покойного ранасахиба Порбандара. Было это еще до того, как тот занял этот высокий пост. Брата обвинили в том, что

как-то раз он дал главе Порбандара неправильный совет. Дело перешло для разбирательства к британскому политическому агенту, испытывавшему к моему брату откровенную неприязнь. Я познакомился с этим чиновником еще в Англии и полагал, что он питает ко мне вполне дружеские чувства. Брат подумал, что я могу воспользоваться прежним знакомством и замолвить за него словечко, а также постараться вывести политического агента из заблуждения. Мне эта идея совсем не понравилась. Я не считал правильным воспользоваться знакомством, завязанным еще в Англии. Если мой брат действительно виновен, то что я могу? Если же вины нет, он должен подать прошение в установленном порядке и, уверенный в своей правоте, ждать результатов. Мои доводы расстроили брата.

— Ты совсем не знаешь Катхиявара, — сказал он, — и тебе только предстоит сделать множество открытий. Здесь ценятся влияние и личные связи. Негоже тебе, моему брату, забывать свой долг. Тебе всего лишь нужно поговорить обо мне со знакомым чиновником.

Я и в самом деле не мог отказать брату и скрепя сердце решил обратиться к чиновнику, хотя прекрасно понимал, что приношу в жертву собственное самоуважение. Я попросил принять меня, и эта просьба была удовлетворена. Я напомнил чиновнику о нашем знакомстве, но сразу понял, что Катхиявар и Англия все же сильно отличаются друг от друга: чиновник в отпуске и чиновник при исполнении своих обязанностей — два разных человека. Политический агент вспомнил меня, но сильно удивился. «Вы ведь явились ко мне не за тем, чтобы злоупотребить моим доверием?» — Этот вопрос звучал в его тоне и читался в его сразу ставшем жестким выражении лица.

Тем не менее я изложил ему суть дела. Сагиб* стал проявлять заметное нетерпение.

* Сагиб (сахиб) — форма вежливого обращения к европейцу в колониальной Индии.

— Ваш брат — интриган. Я не желаю ничего больше слышать. У меня нет на это времени. Если вашему брату есть что сказать в свою защиту, пусть воспользуется официальными каналами.

Такого ответа я ожидал и, вероятно, заслуживал, но братские чувства ослепили меня. Я продолжал говорить. Сагиб поднялся из-за стола и сказал:

— Вы должны немедленно уйти.

— Пожалуйста, хотя бы дослушайте меня, — упорствовал я, но только еще больше разозлил его.

Он вызвал слугу и приказал ему выпроводить меня за дверь. Я все еще колебался, не зная, как мне поступить, когда слуга вошел, положил ладони мне на плечи и вывел из кабинета.

Сагиб и слуга удалились обратно в дом, а я отправился прочь в сильнейшем раздражении и возмущении, а затем написал и отправил сагибу письмо примерно следующего содержания: «Вы нанесли мне оскорбление. По вашему приказу ваш слуга буквально напал на меня. Если вы не извинитесь, я буду вынужден обратиться в суд».

Ответ не заставил себя ждать: «Вы проявили грубость по отношению ко мне. Я просил вас уйти, но вы не желали. У меня не осталось другого выбора, и я приказал своему слуге вывести вас за дверь. Но даже после того, как он обратился к вам, вы не подчинились, поэтому ему пришлось применить силу, достаточную лишь для того, чтобы заставить вас покинуть мой кабинет. Заверяю, что дальше вы можете действовать так, как вам будет угодно».

С этой запиской в кармане я, удрученный, вернулся домой и рассказал брату о том, что произошло. Он расстроился и не знал, как утешить меня. Он переговорил со своими друзьями-вакилами, поскольку я понятия не имел, что можно предпринять против самодурства сагиба. Как раз в это время в Раджкоте находился сэр Ферозшах Мехта, приехавший из Бомбея по одному из своих дел.

Но разве мог я, совсем еще молодой адвокат, осмелиться просить его о встрече? Я передал ему бумаги по моему делу через вакила, который сумел увидаться с ним, и умолял дать мне совет. «Скажите Ганди, — сказал он, — что с такого рода трудностями сталкиваются многие адвокаты и вакилы. Ганди недавно вернулся из Англии, в нем играет кровь. Он не знает британских чиновников. Если он что-то здесь зарабатывает и не хочет неприятностей, пусть порвет записку и проглотит оскорбление. Подав в суд на сагиба, он не только не добьется ничего хорошего, но и наживет врага. Передайте еще одно: он пока не знает жизни».

Совет показался мне горше любого яда, но мне пришлось последовать ему. Я проглотил оскорбление, но в то же время извлек из сложившейся ситуации и определенную пользу. «Никогда больше не окажусь я в столь двусмысленном положении и никогда не попытаюсь подобным образом воспользоваться своими связями», — сказал я себе и впредь действительно ни разу не нарушил этого обещания. Пережитое потрясение в значительной степени повлияло на дальнейшее течение моей жизни.

5. СОБИРАЯСЬ В ЮЖНУЮ АФРИКУ

Несомненно, я совершил ошибку, обратившись к тому чиновнику, но она была не так велика, как его нетерпимость и злоба. Я не заслуживал быть буквально выброшенным на улицу. Едва ли мой визит отнял у него больше пяти минут, но сами по себе мои слова показались ему невыносимыми. Он мог вежливо попросить меня уйти, но власть опьянила его, и он потерял контроль над собой. Позже я узнал, что терпение вообще не было свойственно этому чиновнику. У него вошло в привычку оскорблять своих визитеров. Малейшая оплошность с их стороны легко выводила сагиба из себя.

Но теперь значительная часть моей работы проходила в подвластном ему суде, а я не хотел идти на мировую и угождать ему. Более того, пригрозив судом, я уже не мог отказаться от своих слов.

А тем временем я уже начинал разбираться в местных политических вопросах. Поскольку Катхиявар состоял из множества мелких государств, политики здесь, конечно, процветали. Пустяковые интриги между государствами и борьба за власть между чиновниками не были чем-то необычным. Князья всегда были готовы выслушать самых мерзких клеветников и сплетников. Даже слугу сагиба приходилось умасливать, а уж *ширастедар* — глава канцелярии — зачастую значил куда больше, чем сам сагиб, ведь был его глазами, ушами и толмачом. Воля главы канцелярии подменяла собой закон. Ходили слухи, что его доход превосходит доход сагиба. Вероятно, это было преувеличением, но жил ширастедар явно не на одно лишь свое жалованье.

Эта атмосфера интриг казалась мне нездоровой, и я долго размышлял, как не попасть под дурное влияние.

Я был удручен, и мой брат, конечно же, замечал это. Мы оба считали, что, если бы я получил какую-то постоянную работу, мне стало бы легче избежать интриг. Ирония заключалась в том, что без интриг не стоило и думать о том, чтобы стать министром или судьей, а ссора с сагибом мешала моей практике.

Порбандар находился тогда под управлением британской администрации, и мне поручили поработать над укреплением авторитета местного князя. Мне также нужно было встретиться с администратором и поговорить о тяжком земельном налоге *вигхоти*, который взимался с земледельцев Катхиявара. Я с удивлением обнаружил, что этот чиновник, хотя и был индийцем, по части высокомерия мог поспорить с сагибом. Это был способный человек, вот только земледельцам его способности мало помогали.

Я укрепил авторитет раджи, но ничего не смог сделать для облегчения участи земледельцев. Больше всего меня поразило то, что их положением вообще никто не интересовался.

Даже в этом деле меня постигла неудача. Я считал, что с моими клиентами обошлись несправедливо, но у меня не было возможности им помочь. В лучшем случае я мог направить апелляцию политическому агенту или губернатору, которые наверняка отклонили бы ее на том основании, что им не полагалось вмешиваться в столь «мелкие» местные конфликты. Если бы существовали законы или предписания, на которые можно было бы опереться в данном случае, действовать еще имело бы смысл, но в наших краях законом была воля сагиба.

Я был очень раздражен.

Между тем одна из меманских* фирм, находившаяся в Порбандаре, обратилась к моему брату с такого рода предложением: «У нас есть дело в Южной Африке. Мы крупное предприятие. В настоящее время мы ведем процесс в южноафриканском суде, добиваясь возмещения сорочка тысяч фунтов. Тяжба продолжается уже очень долго. Мы нанимаем лучших вакилов и адвокатов. Если бы вы отправили своего брата туда, это принесло бы пользу нам и ему. Он смог бы передавать суть дела нашему юрисконсульту гораздо лучше, чем это удастся нам самим, а также побывать в новой стране и завести там полезные связи».

Брат обсудил это дело со мной. У меня не сложилось ясного понимания своей задачи. Буду ли я только консультантом или выступлю в суде? Впрочем, предложение показалось мне привлекательным.

Брат представил меня ныне покойному шету Абдулле Кариму Джхавери, партнеру фирмы «Дада Абдулла и К^о», о которой шла речь выше.

* От слова «меманы», обозначающего мусульманскую касту торговцев.

— Работа не трудная, — заверил меня шет. — Мы поддерживаем дружеские отношения с влиятельными европейцами, с которыми и у вас будет возможность познакомиться. Вы сможете стать полезным для нас человеком. Большая часть нашей корреспонденции ведется на английском языке, и здесь нам тоже будет необходима ваша помощь. Разумеется, вы станете нашим гостем в Южной Африке, а следовательно, не понесете никаких расходов.

— На какой срок вы нанимаете меня и каков размер жалованья? — спросил я.

— Не более чем на год. Мы оплатим вам проезд туда и обратно первым классом, а жалованье составит сто пять фунтов, хотя жить вы будете на всем готовом.

Это едва ли означало, что меня принимают в качестве адвоката. Скорее мне предстояло стать простым служащим. Однако я хотел на время покинуть Индию. Меня привлекала еще и возможность увидеть незнакомую страну и приобрести новый опыт. Кроме того, я смог бы посылать сто пять фунтов брату, чтобы помочь ему покрывать расходы. Я без колебаний принял предложение и стал готовиться к путешествию в Южную Африку.

6. ПУТЬ В НАТАЛЬ

Отправляясь в Южную Африку, я уже не чувствовал той горечи разлуки с семьей, какую испытывал, отплывая в Англию. Мама умерла, а у меня теперь были кое-какие представления о мире и путешествиях за границу, и потому путь из Раджкота в Бомбей не показался мне чем-то необычным.

На сей раз я почувствовал боль лишь от расставания с женой. Со времени моего возвращения из Англии у нас родился второй ребенок. Нашу любовь нельзя было еще назвать полностью свободной от похоти, но постепенно

она становилась все более чистой и праведной. После того как я вернулся из Европы, мы очень мало времени проводили вместе, а поскольку я стал для жены учителем, пусть и посредственным, и помог ей изменить ее жизнь, то оба мы чувствовали необходимость уделять друг другу больше внимания, хотя бы только ради продолжения этих реформ. Впрочем, привлекательность предстоящего путешествия утешила меня.

— Мы непременно встретимся уже через год, — ободрял я жену перед тем, как выехать из Раджкота в Бомбей.

Там я должен был получить свой билет от агента фирмы «Дада Абдулла и К^о». Однако свободных мест на пароходе уже не оказалось, а если бы я не попал на него, мне пришлось бы надолго застрять в Бомбее.

— Мы сделали все возможное, — сказал агент, — чтобы приобрести для вас билет первого класса, но это не помогло. Вот если бы вы согласились плыть на палубе... А питаться можно в кают-компании.

Мне предстояло впервые путешествовать первым классом. Как мог уважающий себя адвокат плыть на палубе? Я отверг его предложение и даже усомнился в его честности. Я не мог поверить, что билетов в первый класс совсем не осталось. Заручившись согласием агента, я решил попытаться добыть билет самостоятельно. Взойдя на борт, я встретился с капитаном. Он был со мной предельно откровенен:

— Обычно у нас не бывает такого ажиотажа, но на этот раз с нами плывет генерал-губернатор Мозамбика, и потому все места действительно заняты.

— Неужели никак нельзя найти местечко для меня? — спросил я.

Он смерил меня взглядом и улыбнулся.

— Есть один способ, — сказал он. — В моей каюте имеется дополнительная койка, которая обычно не используется, но я готов предоставить ее вам.

Я поблагодарил его, а потом агент внес плату за билет. И вот в апреле 1893 года я отправился в плавание с горячим желанием попытаться счастья в Южной Африке.

Первой остановкой был порт Ламу, куда мы прибыли примерно через тринадцать дней. К тому времени мы уже стали с капитаном настоящими друзьями. Он любил играть в шахматы, но, поскольку сам совсем недавно заинтересовался ими, ему требовался еще более слабый противник. Он пригласил меня составить ему компанию. Я много слышал об игре, но ни разу не пробовал сыграть сам. Шахматисты говорили, что эта игра развивает интеллект. Капитан предложил научить меня и нашел во мне многообещающего ученика, так как я был безгранично терпелив. Раз за разом я проигрывал, но это только оживляло его и вдохновляло продолжить мое обучение. Игра пришлась мне по душе, но я не полюбил ее настолько, чтобы когда-либо снова сесть за доску, а мои познания ограничились умением правильно передвигать фигуры.

В Ламу судно простояло на якоре три или четыре часа, и я успел сойти на берег и осмотреть порт. Капитан тоже побывал на берегу, но предупредил меня, что море в гавани крайне переменчиво, а потому мне следует вернуться на борт без малейшей задержки.

Городок оказался совсем маленьким. Я зашел на почту, и меня приятно удивило то, что клерками там служили индийцы, с которыми я немедленно вступил в беседу. Довелось мне понаблюдать и за африканцами, образ жизни которых вызывал у меня живой интерес. На все это, конечно, ушло некоторое время.

Еще я встретил нескольких уже знакомых мне палубных пассажиров, которые сошли на берег, чтобы приготовить себе горячую пищу и спокойно поесть. Они тоже как раз собирались вернуться на пароход, и мы все заняли места в одной шлюпке. В гавани начался сильный прилив, а наша шлюпка была перегружена. Мощное приливное тече-

ние не позволяло шлюпке удерживаться у трапа, сброшенного с парохода. Едва она касалась трапа, как ее относило течением. Между тем прозвучал первый гудок к отплытию. Я встревожился не на шутку. Капитан наблюдал за нашими мучениями с мостика. Он распорядился задержать судно на пять минут. Рядом с пароходом вертелась еще одна лодка, которую капитан нанял специально для меня за десять рупий. Она-то и подобрала меня с перегруженной шлюпки. Трап уже убрали, и потому я был поднят на борт с помощью обыкновенной веревки, после чего пароход незамедлительно снялся с якоря. Остальных пассажиров в шлюпке пришлось бросить на произвол судьбы. Только тогда я понял всю важность предупреждения капитана.

Следующим портом на нашем пути после Ламу стала Момбаса, затем — Занзибар. Остановка здесь оказалась долгой — восемь или десять дней, а затем нам предстояло пересечь на другой пароход.

Капитан успел ко мне привязаться, но его горячая дружба неожиданно приняла совершенно нежелательный оборот. Он пригласил меня и еще одного английского друга на увеселительную прогулку, и мы все отправились на берег в его личной шлюпке. Я не знал, что подразумевалось под «увеселительной прогулкой», а капитан, конечно же, не подозревал, насколько чужды мне были подобные развлечения. Местный зазывала отвел нас в квартал, населенный негритянками. Каждому из нас предоставили отдельную комнату; онемев от стыда, я застыл посреди своей. Одному Небу известно, что бедная женщина подумала обо мне. Когда капитан окликнул меня, я вышел точно таким же незапятнанным, каким и вошел, и тогда он все понял. Поначалу мне было очень стыдно, но, поскольку я не мог думать о случившемся без ужаса, стыд скоро улетучился. Я лишь возблагодарил Бога, что вид той женщины не возбуждал во мне желания. Осталось только чувство презрения

к самому себе за проявленную слабость. Приходилось сожалеть, что я не набрался смелости сразу же отказаться от предложенной мне комнаты.

Это стало третьим испытанием подобного рода в моей жизни. Вероятно, многие невинные молодые люди невольно согрешили бы на моем месте из-за ложного чувства стыда. Но я не мог поставить себе в заслугу тот факт, что просто вышел оттуда незапятнанным. Заслугой стал бы решительный отказ вообще входить в ту комнату. Спасением я целиком обязан Его милосердию. Произошедшее укрепило мою веру в Бога и научило избавляться от хорошо знакомого теперь ложного чувства стыда.

Поскольку мы задержались в том порту на неделю, я снял квартиру в городе и успел основательно изучить окрестности, прогуливаясь пешком. В Индии только Малабарский берег может дать подлинное представление о пышной растительности Занзибара. Меня поразили гигантские деревья и размеры плодов на них.

Еще одной остановкой стал Мозамбик, а ближе к концу мая мы наконец добрались до Наталя.

7. НЕКОТОРЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Порт Наталя — Дурбан, известный также как Порт-Наталь. Там-то меня и встретил шет Абдулла. Когда пароход причалил, я увидел, как люди всходят на борт, чтобы приветствовать своих прибывших друзей; мне бросилось в глаза, что к индийцам здесь относились без особого почтения. Я не мог не заметить, что друзья шета Абдуллы ведут себя несколько высокомерно. Меня это огорчило, но шет Абдулла уже явно привык к подобному обращению. Люди, смотревшие на меня, не скрывали любопытства. Моя одежда отличалась от одежды других индийцев. На мне были сюртук и тюрбан, похожий на бенгальский головной убор *пагри*.

Меня привезли в здание, в котором располагалась фирма, и провели в выделенную мне комнату рядом с комнатой шета Абдуллы. Он не понимал меня. Я не понимал его. Он прочитал бумаги, переданные ему через меня его братом, но они еще больше озадачили его. Он, похоже, подумал, что брат прислал ему пресловутого «белого слона». То, как я одевался и жил, поразило его. Вероятно, он подумал, что я европейский мот. У него пока не нашлось для меня работы: судебный процесс проходил в Трансваале, и не было никакого смысла отправлять меня туда немедленно. Шет Абдулла, очевидно, задался вопросом, насколько можно доверять моим способностям и честности. Сам он не имел возможности присматривать за мной в Претории. Между тем ответчики по делу находились там же, и он опасался их пагубного влияния на меня. Если нельзя поручить мне работу, непосредственно связанную с делом, а со всем остальным прекрасно справлялись его клерки, то что еще я был в состоянии сделать? Клерков он мог наказывать, но мог ли наказать меня за возможную ошибку? Стало быть, раз никакой работы над процессом не было, приходилось держать меня при себе без всякой надобности.

Шет Абдулла был практически неграмотным, но его жизненный опыт поражал. Он обладал острым умом и прекрасно осознавал это. Он немного говорил по-английски и мог поддержать разговор. Этого оказалось достаточно, чтобы вести переговоры с управляющими банками и европейскими коммерсантами и передать суть дела юри-консульту. Индийцы уважали его. Его фирма была тогда крупнейшей среди индийских фирм или, по крайней мере, одной из самых крупных. Но при всех достоинствах имелся у него и один важный недостаток — подозрительность.

Он уважал ислам и любил беседовать на темы исламской философии. Он не владел арабским языком, но был хорошо знаком с текстом Корана и другой религиозной литературой. Он знал множество примеров и, разговаривая о том

или ином предмете, всегда мог привести один. Общение с ним помогло мне узнать ислам лучше. Когда мы познакомились поближе, мы стали часто говорить о религии.

На второй или третий день после моего приезда он повел меня посмотреть дурбанский суд. Там он представил меня некоторым знакомым и усадил рядом со своим атторнеем*. Судья бросал на меня пристальные взгляды, а затем попросил снять тюрбан. Я отказался подчиниться и покинул зал суда.

Стало быть, даже здесь мне предстояло бороться за свои права.

Шет Абдулла объяснил, почему некоторым индийцам не разрешается появляться на заседаниях суда в тюрбанах. Только те, кто облачен в мусульманскую одежду, сказал он, могут оставить тюрбан. Остальных индийцев заставляют снимать свои головные уборы.

Чтобы причина такого различия стала понятна читателю, мне следует рассказать о нем поподробнее. Первых же трех дней оказалось достаточно, чтобы я увидел, по какому принципу разделены здесь на несколько групп индийцы. Первая группа состояла из торговцев-мусульман, называвших себя «арабами». Ко второй группе относились индусы, а к третьей — клерки-парсы. Клерки из числа индусов не входили ни в одну из групп, если только сами не относили себя к «арабам». Клерки-парсы называли себя «персами». Эти три группы имели хотя бы какие-то социальные связи, общались между собой. Но самая большая четвертая группа состояла из тамиллов, телугу и северных индийцев — свободных или законтрактованных рабочих. Последние прибыли в Наталь по контракту и должны были проработать здесь не менее пяти лет. Их называли *гирмитья*, от слова «гирмит», что было сильно искаженным английским «эгримент» (agreement). Первые три группы

* Атторней — поверенный; лицо, оказывающее юридические услуги.

вступали с этой лишь в деловые отношения. Англичане называли их «кули», а поскольку большинство индийцев принадлежало именно к рабочему классу, то всех индийцев без исключения стали называть «кули», или «сами». Между тем «сами» — это суффикс, часто добавляемый к тамильским именам, а на санскрите он означает не что иное, как «свами», то есть «хозяин» или «господин». А потому, если индийца раздражало обращение «сами» и если он был достаточно разумным, он так отвечал на непрошенный комплимент: «Вы, конечно, можете назвать меня „сами“, но не забывайте, что „сами“ значит „хозяин“. А я вовсе не хозяин вам!» Некоторые англичане только хмурились, другие всерьез злились и осыпали такого индийца ругательствами или даже избивали. Для них «сами» оставалось лишь презрительной кличкой, и, когда такой «сами» начинал философствовать, англичане считали это оскорблением.

Вот почему меня прозвали «кули-адвокат». Коммерсантов звали «кули-торговцами». Значение слова «кули» было окончательно забыто, и оно стало применяться ко всем индийцам. Мусульманские торговцы не любили этого и неизменно возражали: «Я не кули. Я — араб» или «я — торговец», — и, если попадался приличный англичанин, он извинялся перед ними.

При таком положении вещей даже ношение тюрбана приобретало важное значение. Подчиниться требованию снять индийский тюрбан означало стерпеть оскорбление. Тогда я решил распрощаться с тюрбаном и начать носить европейскую шляпу, избавлявшую меня от унижений и споров.

Однако шет Абдулла не одобрил моей идеи. Он сказал:

— Если вы поступите подобным образом, последствия будут неприятными. Вы поставите в еще более тяжелое положение тех, кто упорствует в своем желании носить тюрбан. К тому же индийский тюрбан вам к лицу, в шляпе же вас станут принимать за официанта.

В его совете заключалась практическая мудрость, доля патриотизма и некоторая узость мысли. С мудростью все было ясно, и, конечно, шет Абдулла не настаивал бы на ношении тюрбана, не будь он патриотом, а вот пренебрежение к официантам выдавало узость мысли. Приехавшие сюда по контракту индийские работники тоже делились на три группы: на индусов, мусульман и христиан. Последние обычно были детьми законтрактованных индийцев, живших здесь давно и обратившихся в христианство. Даже в 1893 году их численность в Южной Африке была весьма значительной. Они носили английские костюмы, и многие из них зарабатывали на жизнь, трудясь официантами в гостиницах. Шет Абдулла, отвергая мою английскую шляпу, имел в виду именно таких людей. Работа официанта считалась недостойной. И это предубеждение живо и по сей день.

Я все же прислушался к совету шета Абдуллы. Я написал письмо в газету, в котором рассказал об инциденте в суде и выступил за право носить в его зале тюрбан. Эта тема как раз обсуждалась в прессе. В одной из газет меня назвали «незванным гостем». Вот так и получилось, что я невольно стал известен в Южной Африке всего через несколько дней после прибытия. Кто-то поддержал меня, а другие подвергли суровой критике за легкомыслие и безрассудство.

Я продолжал носить тюрбан почти до самого своего отъезда из Южной Африки. А когда и почему я вообще перестал носить там головной убор, будет рассказано ниже.

8. ПО ДОРОГЕ В ПРЕТОРИЮ

Довольно скоро я познакомился с индийцами-христианами, жившими в Дурбане: мистер Пол, католик, был судебным переводчиком, а ныне покойный мистер Субхан Годфри — учителем при протестантской миссии и отцом Джеймса Годфри, посетившего Индию в составе южноаф-

риканской депутации в 1924 году. Тогда же я познакомился с ныне покойными Парси Рустомджи и Адамджи Миякханом. Все мои новые друзья, до той поры общавшиеся лишь на деловые темы, в итоге стали близкими приятелями, как мы увидим чуть позже.

Пока я расширял круг своих знакомств, в фирму пришло письмо от адвоката. Адвокат писал о том, что необходимо готовиться к процессу и что требуется присутствие либо самого шета Абдуллы, либо его представителя.

Шет Абдулла дал мне прочитать письмо и спросил, готов ли я отправиться в Преторию.

— На этот вопрос я смогу ответить только после того, как вы побольше расскажете мне о деле, — сказал я. — В данный момент я совершенно не понимаю, в чем заключается суть моей работы.

Он сразу же пригласил клерка, чтобы тот дал мне все нужные разъяснения.

Как только я углубился в изучение дела, я понял, что придется начинать с самых азов. На протяжении нескольких дней, проведенных на Занзибаре, я ходил в суд, чтобы посмотреть, как все устроено. Адвокат-парс расспрашивал свидетеля о записях в графы «дебет» и «кредит» в бухгалтерских книгах. Все это было для меня китайской грамотой. Бухгалтерскому учету я не обучался ни в средней школе, ни позже в Англии. А дело, ради которого я приехал в Южную Африку, в основном и касалось бухгалтерской отчетности. Только знакомый с ней человек мог понять его и объяснить другим. Пока клерк шета Абдуллы толковал о дебетах с кредитами, я продолжал недоумевать. Я не знал, например, что такое «Векс.». Словари не помогли мне. Пришлось признаться клерку в своем невежестве, и он пояснил, что «Векс.» — это «вексель». Я купил книгу по бухгалтерскому учету и прочитал ее. Так я стал увереннее и разобрался в сути дела. Шет Абдулла, например, не умел вести бухгалтерию, но накопил такой богатый прак-

тический опыт, что с легкостью разбирался в ней. Итак, я объявил о своей готовности отправиться в Преторию.

— Где вы там остановитесь? — спросил шет Абдулла.

— Там, где вы пожелаете меня поселить, — ответил я.

— Значит, мне нужно написать письмо нашему адвокату. Он подыщет вам жилье. Я также свяжусь с меманскими друзьями, но не советую вам жить у них. Наши противники в Претории очень влиятельны. И если один из них получит доступ к нашей корреспонденции, это может принести нам немалый вред. Чем тщательнее вы будете избегать близкого общения с ними, тем лучше.

— Я остановлюсь там, куда меня направит ваш адвокат, или же самостоятельно найду жилье. Пожалуйста, не волнуйтесь. Ни одна живая душа не узнает того, что знаем мы с вами. Но все-таки я хотел бы познакомиться с вашими противниками. Желательно поддерживать с ними дружеские отношения. Я постараюсь, если это будет возможным, добиться внесудебного урегулирования конфликта. В конце концов, шет Тайиб — ваш родственник.

Шет Тайиб Хаджи Хан Мухаммад действительно приходился близким родственником шету Абдулле.

Я заметил, что упоминание о возможном внесудебном урегулировании поразило шета. Но я уже провел в Дурбане шесть или семь дней, и мы теперь знали и понимали друг друга. Я больше не был для него «белым слоном», а потому он сказал:

— Да, это мне ясно. Нет ничего лучше внесудебного урегулирования. Но мы с ним родственники и хорошо знаем друг друга. Шет Тайиб не из тех, кто легко согласится на подобное урегулирование. Если мы проявим даже малейшую неосторожность, он вытянет из нас подробности и обведет вокруг пальца. Поэтому, пожалуйста, тщательно продумывайте каждый свой шаг.

— Пусть это вас не тревожит, — сказал я. — Мне не нужно разговаривать с шетом Тайибом, да и ни с кем другим об

этом деле. Я всего лишь предложу ему прийти к соглашению и сэкономить время, отказавшись от бессмысленного сутяжничества.

На седьмой или восьмой день моего пребывания в Дурбане я наконец покинул этот город. Для меня купили билет первого класса. Обычно доплачивали еще пять шиллингов за постельное белье, и шет Абдулла настаивал на том, чтобы я обеспечил себя нормальной постелью, но из чистого упрямства я решил не переплачивать и отказался. Тогда шет Абдулла вежливо предостерег меня.

— Послушайте, — сказал он, — эта страна значительно отличается от Индии. Слава богу, денег у нас достаточно. Поэтому, сделайте милость, не ограничивайте себя. Особенно, когда дело касается самого необходимого.

Я поблагодарил его и еще раз попросил не беспокоиться.

Примерно в девять часов вечера поезд прибыл в Марицбург — столицу Наталя. Постельные принадлежности обычно раздавали на этой станции. Железнодорожный служащий вошел в мое купе и спросил, нужны ли они мне.

— Нет, — ответил я. — У меня все есть.

Он удалился. Но вскоре вошел новый пассажир и осмотрел меня с ног до головы. Он увидел, что я цветной, и забеспокоился. Он вышел, чтобы вернуться снова вместе со служащими. Поначалу все они молчали, но потом появился еще один служащий и обратился ко мне:

— Пройдите со мной. Вы должны занять место в другом вагоне.

— Но у меня билет первого класса, — сказал я.

— Это не имеет значения, — вмешался в разговор его коллега. — Повторяю, вы должны перейти в другой вагон.

— Но послушайте, в Дурбане я купил билет в этот вагон и настаиваю на том, чтобы продолжить поездку именно в нем.

— Нет, вам придется перейти, — сказал служащий. — Вы обязаны покинуть вагон, или я позову констебля, и он вас вышвырнет.

— Как вам будет угодно. Я отказываюсь переходить добровольно.

Затем пришел констебль. Он схватил меня за руку и буквально вытолкнул из поезда. Мой багаж тоже вышвырнули на перрон. Я еще раз отказался перейти на другое место, и поезд отправился дальше без меня. Я перебрался в зал ожидания, взяв с собой только небольшую сумку, а остальной багаж оставил лежать там, где его бросили. Сотрудники железнодорожной станции позаботились о нем.

Стояла зима, а зимы в высокогорных районах Южной Африки отличаются сильными холодами. Марицбург находится высоко над уровнем моря, и холода здесь очень суровые. Мой плащ остался в чемодане, но я не осмеливался спросить о его судьбе, чтобы избежать новых оскорблений, а потому сидел на скамье и дрожал от холода. В зале ожидания даже не было света. Примерно в полночь появился пассажир и хотел, вероятно, побеседовать со мной, но разговаривать мне не хотелось.

Я начал обдумывать, как мне следует поступить. Следует ли мне бороться за свои права или вернуться в Индию? Должен ли я добраться до Претории, игнорируя оскорбления, а в Индию вернуться после завершения процесса? Было бы трусостью сразу сбежать домой, не доделав свою работу. Трудности, с которыми я столкнулся, были всего лишь симптомами серьезного заболевания — расовой нетерпимости. Стало быть, по мере возможности я должен попытаться побороть болезнь, пусть на этом пути меня и ожидают унижения. Я должен требовать возмещения за обиду, хотя бы ради искоренения предрассудков.

Я принял решение продолжить путешествие и сел на ближайший поезд до Претории.

На следующее утро я отправил длинную телеграмму управляющему железной дорогой, а также написал обо всем шету Абдулле, который незамедлительно встретился с управляющим. Тот оправдал действия своих служащих,

но заверил шета, что уже приказал начальнику станции позаботиться о моем безопасном прибытии в пункт назначения. Шет Абдулла телеграфировал индийским торговцам в Марицбурге и другим своим друзьям, чтобы они приглядели за мной во время пересадок. Несколько торговцев встретили меня на вокзале и попытались утешить рассказами о собственных злоключениях такого же рода. Они объяснили, что случай, произошедший со мной, увы, не является чем-то необычным, а также что индийцы, путешествующие первым и вторым классом, должны заранее готовиться к столкновению со служащими железной дороги и белыми пассажирами. Весь день я слушал эти печальные истории. Наконец прибыл вечерний поезд. Место уже было зарезервировано для меня. Теперь я заранее заплатил в Марицбурге за постельное белье, от чего ранее отказался в Дурбане.

Этот поезд доставил меня в Чарлстаун.

9. НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

В Чарлстаун поезд прибыл утром. В то время железной дороги между Чарлстауном и Йоханнесбургом еще не было, а потому между этими городами курсировал дилижанс, делавший остановку на ночь в Стандертоне. У меня был билет на этот дилижанс, и он все еще действовал, несмотря на мою задержку в Марицбурге. К тому же шет Абдулла особо телеграфировал обо мне агенту транспортной компании в Чарлстауне.

Впрочем, агенту нужен был любой предлог, чтобы отделаться от меня. Увидев, что я иностранец, он заявил:

— Ваш билет больше не действителен.

Я все объяснил ему, но причиной его упрямства было не отсутствие мест в дилижансе, а нечто совсем другое. Пассажиров размещали внутри экипажа, однако, поскольку я был «кули» и более того — иностранцем, проводник,

как здесь называли белого мужчину, распорядившегося всем в дилижансе, посчитал, что будет правильнее не сажать меня рядом с белыми пассажирами. Было еще два места снаружи, по обе стороны от возницы. Как правило, одно из них занимал сам проводник, но сегодня он уселся внутри, уступив мне свое место. Я понимал всю несправедливость и унижительность происходящего, но предпочел проглотить обиду. Я не мог силой пробиться в дилижанс, а если бы начал пререкаться, экипаж наверняка уехал бы без меня. Я бы попросту потерял еще один день, а только Небу известно, что могло случиться завтра. Злость кипела во мне, но я покорно сел рядом с возницей.

Примерно в три часа пополудни дилижанс приехал в Пардекоф. Тогда проводнику захотелось занять мое место, поскольку здесь он смог бы покурить или просто подышать свежим воздухом. Он взял у возницы кусок грязной мешковины, постелил ее на подножке, а потом обратился ко мне:

— Сами, теперь ты можешь сесть туда, а мне нужно сесть рядом с возницей.

Вытерпеть такое оскорбление было уже выше моих сил. Весь дрожа от ярости и страха, я ответил:

— Вы же сами посадили меня сюда, хотя мое место внутри дилижанса. Я стерпел ваше оскорбление. А теперь вам вздумалось посидеть снаружи и покурить, и вы заставляете меня разместиться у вас в ногах! На это я не пойду. Я согласен перебраться только внутрь дилижанса.

Пока я с трудом произносил эти фразы, проводник навалился на меня и стал с силой бить по щекам, потом схватил за руку и попытался стащить вниз. Я же вцепился в медные поручни дилижанса и крепко держался за них, рискуя сломать запястья. Пассажиры всё видели: этот человек ругал меня последними словами, тащил и избивал, но я молчал. Он был значительно сильнее меня физически.

Некоторых из пассажиров тронуло мое отчаянное положение, и они воскликнули:

— Эй, оставьте его в покое! Не надо его бить. Он ни в чем не виноват. Правда на его стороне. Если он не может оставаться там, позвольте ему пересечь к нам!

— Ни за что! — выкрикнул в ответ проводник, но, как мне показалось, весь его пыл улетучился, и он перестал бить меня. Он отпустил мою руку, еще раз осыпал меня проклятиями, затем велел слуге-готтентоту, сидевшему по другую сторону от возницы, перебраться на подножку, а сам занял его место.

Пассажиры тоже расселись, раздался свисток, и дилижанс покатил дальше. Сердце колотилось у меня в груди. Я уже начал гадать, сумею ли вообще добраться живым до своего пункта назначения. Проводник то и дело бросал на меня злобные взгляды, показывал на меня пальцем и рычал:

— Берегись! Как только окажемся в Стандертоне, уж я тебе задам жару!

Я сидел молча и молил Бога о помощи.

В Стандертон мы приехали, когда уже стемнело, и я вздохнул с облегчением, увидев индийские лица. Как только я спустился, эти люди приблизились ко мне и сказали:

— Мы пришли, чтобы встретить вас и проводить в магазин шета Исы. Дада Абдулла прислал нам телеграмму.

Я был несказанно рад этому, и мы вместе отправились в магазин шета Исы Хаджи Сумара. Шет и его продавцы сразу же обступили меня. Я рассказал о том, через что мне довелось пройти. Они выслушали меня с искренним огорчением и принялись утешать, вспоминая о собственных бедах такого же рода.

Мне не терпелось сообщить о произошедшем агенту транспортной компании. Я написал ему письмо, изложив подробности и особо подчеркнув те угрозы, которые прозвучали в мой адрес от его подчиненного. Я также запросил

гарантии, что меня разместят в дилижансе вместе с остальными пассажирами, когда мы снова тронемся в путь завтра утром. Ответ был таков: «От Стандертона следует более вместительный дилижанс с другим проводником. Человека, на которого вы жалуетесь, завтра не будет, и вас посадят с другими пассажирами».

Это успокоило меня. Разумеется, я не хотел подавать в суд на оскорбившего меня проводника, и на этом рассказ о моем столкновении с ним можно закончить.

Утром человек шета Исы проводил меня к дилижансу, в котором на сей раз мне досталось хорошее место. Тем же вечером я без всяких приключений добрался до Йоханнесбурга.

Стандертон — деревушка, Йоханнесбург же — большой город. Шет Абдулла телеграфировал туда и дал мне адрес фирмы Мухаммада Касама Камруддина. Его служащий приходил встречать меня, но мы с ним разминулись. Я решил остановиться на ночь в гостинице. Мне были известны названия нескольких. Я взял извозчика и отправился в гостиницу «Гранд нэшнл», где спросил номер у управляющего. Он смерил меня взглядом и вежливо сказал:

— Мне очень жаль, но у нас сейчас нет свободных номеров.

После чего сразу распрощался со мной. Я назвал извозчику адрес магазина Мухаммада Касама Камруддина. Там я застал уже ожидавшего меня шета Абдула Гани. Он сердечно приветствовал меня и от души посмеялся над моей историей в гостинице.

— Итак, вы действительно думали, что вам дадут номер? — спросил он.

— А почему бы и нет? — удивился я.

— Узнаете сами, когда поживете здесь несколько дней, — сказал он. — Только мы способны жить в этой стране и терпеть все унижения, чтобы заработать на хлеб. Вот так.

Затем он рассказал мне о тех трудностях, с которыми сталкивались индийцы в Южной Африке.

О шете Абдуле Гани мы узнаем больше из моего дальнейшего повествования.

А в тот день он сказал мне:

— Эта страна не для таких людей, как вы, а потому слушайте внимательно. Завтра вам предстоит отправиться в Преторию. Вы поедете третьим классом. Ситуация в Трансваале для нас еще хуже, чем в Натале. Билеты первого и второго класса вообще не продают индийцам.

— И вы ничего не пытались предпринять?

— Мы посылали наших представителей, но, должен признаться, теперь наш народ сам частенько не хочет ездить первым или вторым классом.

Я попросил дать мне правила для путешествующих по железным дорогам и прочитал их. В них была путаница. Старое законодательство Трансвааля не отличалось точностью и ясностью, и подобный документ, конечно, тем более.

Я сказала шету:

— Я поеду только первым классом, а если не смогу, то предпочту нанять возничего, чтобы добраться до Претории. Речь идет всего-то о тридцати семи милях.

Шет Абдул отметил, что это отнимет больше времени и потребует больших расходов, но поддержал мое стремление ехать первым классом. Мы отправили письмо начальнику вокзала. В нем я упомянул о том, что являюсь адвокатом и всегда путешествую только первым классом, а также подчеркнул, что обязан добраться до Претории как можно быстрее. Кроме того, я заявил, что не могу ждать письменного ответа, поэтому приду на вокзал лично за билетом первого класса. Разумеется, я сделал это не без умысла. Ход моих рассуждений был таким: если начальник вокзала, для которого я всего лишь «кули-адвокат», ответит письменно, то этот ответ почти наверняка будет

отрицательным. Я же решил предстать перед начальником в безукоризненном английском костюме, побеседовать с ним и убедить выдать мне билет первого класса.

На вокзал я пришел в сюртуке и галстуке, положил на стойку соверен в качестве платы и попросил свой билет.

— Так это вы написали то письмо? — спросил начальник станции.

— Да, я. Буду весьма признателен за билет. Мне необходимо попасть в Преторию уже сегодня.

Он улыбнулся, явно тронутый моей настойчивостью, и сказал:

— Я не трансваалец, а голландец. Мне понятны ваши злоключения, и я вам сочувствую. Я охотно дам вам билет, но, однако же, при одном условии. Если проводник попросит вас перейти в третий класс, вы не станете упоминать моего имени. Более того, вы должны обещать, что не будете судиться с железнодорожной компанией. Желаю вам счастливого пути. Сразу видно, что вы джентльмен.

С этими словами он дал мне билет. Я поблагодарил его и пообещал выполнить условие.

Шет Абдул Гани пришел на вокзал проводить меня. Этот случай приятно удивил его, но он не удержался от предостережения:

— Буду молиться, чтобы вы благополучно добрались до Претории. Боюсь только, что служащие не оставят вас в покое в первом классе. А если они не вмешаются сами, их попросят об этом белые пассажиры.

Я занял свое место в купе первого класса. Поезд тронулся. В Джермистоне зашел проводник. Заметив меня, он сразу же разозлился и жестом приказал отправляться в третий класс. Я показал ему билет.

— Это ничего не значит, — сказал он. — Немедленно переходите в вагон третьего класса.

Вместе со мной в купе ехал лишь один пассажир — англичанин. Он-то и вступился за меня.

— По какому праву вы беспокоите этого джентльмена? — спросил он. — Разве не видите, что у него есть соответствующий билет? Что касается меня, то я ничего не имею против того, чтобы ехать с ним. — А потом обратился ко мне: — Устраивайтесь поудобнее.

Проводник только проворчал:

— Если вы сами желаете путешествовать с «кули», то мне-то какая разница?

Примерно в восемь часов вечера поезд прибыл в Преторию.

10. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ПРЕТОРИИ

Я думал, что кто-нибудь из служащих атторнея Дады Абдуллы встретит меня на вокзале. Я понимал, что это будет не индеец, поскольку я пообещал не останавливаться в домах соотечественников. Но атторней никого не прислал. Только позже я узнал, что он не мог прислать служащего, ведь я приехал в воскресенье. Я растерялся. Я не знал, куда отправиться, опасаясь, что ни в одну гостиницу меня не пустят.

Вокзал Претории в 1893 году заметно отличался от того, каким он стал в 1914-м. Горели лишь тусклые фонари. Путешествующих было мало. Я дождался, пока они уйдут, чтобы отдать свой билет контролеру и заодно спросить, не укажет ли он мне какую-нибудь небольшую гостиницу или другое место, куда я смогу податься. В противном случае мне пришлось бы ночевать на вокзале. Признаюсь, я не без трепета решил обратиться к нему даже с таким простым вопросом и был готов к новым унижениям.

Платформа скоро совсем опустела. Я отдал билет и приступил к расспросам. Контролер разговаривал со мной вежливо, но мне сразу стало ясно, что он не поможет. Неожиданно в наш разговор вмешался стоявший рядом американский негр.

— Как я понял, — сказал он, — вы здесь впервые, и вас никто не встретил. Если пойдете со мной, я отведу вас в небольшую гостиницу. Владелец — мой знакомый американец. Думаю, он примет вас.

У меня возникли сомнения в отношении его предложения, но я все же с благодарностью принял его. Негр привел меня в гостиницу «Джонсонс фэмили», отвел хозяина — мистера Джонсона — в сторону, переговорил с ним, и тот согласился пристроить меня на ночь с условием, что я поужинаю у себя в номере.

— Уверяю вас, — сказал он, — у меня самого нет никаких предрассудков, но обслуживаю я европейцев, и, если позволю вам поест в столовой, мои гости могут неправильно это понять и, возможно, они даже покинут гостиницу.

— Я вам благодарен за то, что устроили меня на ночь, — сказал я. — Теперь я уже более или менее знаком со здешними условиями и понимаю ваши затруднения. Я поужинаю в комнате, а завтра, надеюсь, устроюсь в другом месте.

Меня проводили в номер, где я, оставшись в одиночестве, предался невеселым размышлениям. Постояльцев в гостинице было немного, и я ожидал скорого появления официанта с моим ужином. Но вместо него пришел сам мистер Джонсон и сказал:

— Мне не по себе оттого, что я просил вас есть в комнате. Я переговорил о вас с другими своими гостями и спросил, не будут ли они возражать, если вы поужинаете с ними в столовой. Они не возражают. Они также сказали, что вы можете оставаться в гостинице столько, сколько потребуется. Пожалуйста, пойдите в столовую. В моей гостинице можете жить, сколько вам будет угодно.

Я еще раз поблагодарил его и отправился в столовую, где с удовольствием поужинал.

Утром я навестил атторнея, мистера А. У. Бейкера. Шет Абдулла много рассказывал мне о нем, и потому его раду-

шие не стало для меня сюрпризом. Он сердечно приветствовал меня и стал вежливо расспрашивать. Я рассказал ему о себе. Затем он сказал:

— У нас нет сейчас для вас работы адвоката, потому что мы наняли лучшего поверенного. Дело долгое и сложное, а потому ваша помощь мне понадобится, чтобы получить необходимую информацию. Кроме того, вы поможете мне вести переговоры с моим клиентом, поскольку теперь я стану получать все нужные сведения через вас. Так будет гораздо удобнее. Я пока не подобрал для вас жилье. Я подумал, что это будет лучше сделать после того, как познакомлюсь с вами. В этом городе, увы, распространены расовые предрассудки, а потому не так уж просто найти для вас удобное жилье. Однако я знаком с одной бедной женщиной, женой пекаря. Думаю, она согласится принять вас и так покрыть кое-какие семейные расходы. Пойдемте. Я представлю ей вас.

Он привел меня в ее дом и переговорил с ней наедине. Она согласилась принять меня на полный пансион за тридцать пять шиллингов в неделю.

Мистер Бейкер был не только атторнеем, он также выступал как нецерковный проповедник. Он до сих пор жив и целиком посвятил себя миссионерской работе, бросив свою юридическую практику. При этом он достаточно хорошо обеспечен. Мы по-прежнему переписываемся, и в своих письмах он неизменно затрагивает одну и ту же тему: доказывает превосходство христианства со всех точек зрения и твердит, что невозможно обрести вечный мир, не приняв Иисуса как единственного сына Божьего и Спасителя человечества.

Уже во время нашей первой беседы мистер Бейкер спросил о моих религиозных взглядах. Я ответил:

— Хотя я от рождения индус, мне пока мало что известно об индуизме. Впрочем, еще меньше о других религиях. Я пока не знаю, кто я, каких религиозных убеждений

придерживаюсь или каких мне следует придерживаться. Я хочу тщательно изучить индуизм и, насколько это будет возможно, другие религии тоже.

Мистер Бейкер был только рад услышать мои слова и сказал:

— Я один из руководителей южноафриканской христианской генеральной миссии. Я построил церковь, в которой регулярно выступаю с проповедями. У меня нет никаких расовых предрассудков. Со мной работают здесь несколько соратников. Мы встречаемся на несколько минут каждый день в час пополудни и молимся о даровании нам мира и света. Было бы хорошо, если бы вы присоединились к нам. Я представляю вас своим друзьям, которые будут счастливы познакомиться с вами, и смею полагать, что и вам понравится общение с ними. Я также снабжу вас религиозной литературой, хотя, конечно же, Книга книг — это священная Библия. Ее я вам рекомендую прочесть в первую очередь.

Я поблагодарил мистера Бейкера и согласился принимать участие в ежедневных встречах настолько регулярно, насколько позволит время.

— Тогда буду ждать вас завтра здесь же ровно в час, и мы вместе отправимся на молитву, — подытожил мистер Бейкер. Мы распрощались.

Времени на размышления у меня не оставалось.

Я вернулся к мистеру Джонсону, расплатился по счету и перебрался на новую квартиру, где пообедал. Хозяйка была добрейшей женщиной. Она приготовила для меня вегетарианские блюда. Уже совсем скоро я почувствовал себя как дома в ее семье.

Затем я нанес визит человеку, к которому Дада Абдулла дал мне письмо. Он рассказал о многих других трудностях, с которыми сталкивались индийцы в Южной Африке. Новый друг настаивал, чтобы я поселился у него, но я лишь поблагодарил его за приглашение, объяснив, что уже по-

добрал себе жилье. Он просил меня сразу же обращаться к нему, если мне что-нибудь понадобится.

С наступлением темноты я вернулся домой, поужинал, ушел в свою комнату и только теперь позволил себе предаться глубоким размышлениям. Никакой работы в ближайшее время не предвиделось, о чем я написал шету Абдулле. В чем, думал я, причина столь пристального интереса ко мне со стороны мистера Бейкера? Что мне даст общение с его товарищами? Как далеко мне следует заходить в изучении христианства? Где достать литературу по индуизму? Что, если нельзя понять христианство без того, чтобы не изучить сначала собственную религию? И я пришел к единственно правильному выводу: мне необходимо беспристрастно исследовать все, с чем я сталкиваюсь, а как вести себя с единомышленниками Бейкера, мне подскажет Бог. Я не должен принимать другую религию, пока полностью не пойму свою собственную.

Вот с какими мыслями я уснул.

11. МОЕ ОБЩЕНИЕ С ХРИСТИАНАМИ

На следующий день в час пополудни я отправился на молитвенное собрание мистера Бейкера. Там я был представлен мисс Харрис, мисс Гэбб, мистеру Коутсу и прочим. Все преклонили колена для молитвы, и я поступил точно так же. В своей молитве каждый обращался к Богу с чем-то своим, но чаще просили о том, чтобы очередной день прошел спокойно или чтобы Бог открыл людские сердца.

Теперь добавилась молитва о моем благополучии. «Господь всемогущий, покажи истинный путь нашему новому брату, пришедшему к нам. Даруй ему, Господи, тот покой, каким ты щедро одарил нас. Пусть Иисус, спасший нас, спасет и его тоже. Мы просим об этом во имя Сына Божия». На таких собраниях не было пения псалмов или музыки. После обращения к Богу мы разошлись, и каждый

отправился обедать, поскольку время для этого наступило самое подходящее. Молитва продлилась не более пяти минут.

Мисс Харрис и мисс Гэбб были старыми девами. Мистер Коутс принадлежал к числу квакеров. Пожилые леди жили вместе и пригласили меня каждое воскресенье заглядывать к ним на чашку чая в четыре часа дня.

Во время наших воскресных встреч я делился с мистром Коутсом своими сделанными за неделю записями на религиозные темы, обсуждал с ним прочитанные мною книги и то впечатление, которое они на меня произвели. Дамы, как правило, щебетали о божественном благословении и душевном мире, обретенном ими.

Мистер Коутс был искренним и глубоко верующим молодым человеком. Мы часто ходили вместе на прогулки, а иногда он водил меня в гости к своим христианским друзьям.

Когда мы познакомились поближе, он стал одалживать мне книги по своему выбору, и совсем скоро моя полка оказалась совершенно забита ими. Он буквально завалил меня литературой. Я же прилежно читал все, чтобы затем обсудить с ним прочитанное.

Таким образом, в 1893 году я познакомился со множеством подобных книг. Уже не помню всех названий, но среди них были «Комментарии» доктора Паркера из Темпл-Черч, труд Пирсона «Множество бесспорных доказательств» и «Аналогия» Батлера. Многие разделы этих книг оставались непонятными для меня. Что-то мне в них нравилось, а что-то нет. «Множество бесспорных доказательств» была сборником доказательств правдивости библейских историй — в том виде, в каком понимал их автор. Эта книга не произвела на меня никакого впечатления. «Комментарии» Паркера морально вдохновляли, но ничем не могли помочь тому, кто не верил в основные христианские постулаты. Знакомясь с «Аналогией» Батлера, я от-

метил, насколько она глубока и сложна. Чтобы понять этот труд до конца, его следовало прочесть несколько раз. Мне показалось, что он был написан для того, чтобы привести атеистов к Богу. Выдвинутые Батлером аргументы, доказывавшие существование Бога, не были для меня полезными, поскольку я уже прошел стадию неверия, а его тезис о том, что Иисус был единственным земным воплощением Бога и посредником между Ним и людьми, оставил меня равнодушным.

Однако мистер Коутс был не из тех, кто легко сдается. Он питал ко мне самые теплые чувства. Как-то раз он заметил у меня на шее вишнуйское ожерелье из базиликовых бусин. Он считал его чистым суеверием и переживал за меня.

— Это языческое украшение вам совершенно не идет. Позвольте мне снять его.

— Нет, не позволю. Это священный дар, полученный мной от матери.

— Но неужели же вы верите в его святость?

— Мне неизвестно его сакральное значение, и я не думаю, что сильно поврежу себе, если не стану носить его. Но я неспособен просто так отказаться от ожерелья, которое мать сама надела на меня с любовью и верой, что оно принесет мне пользу. Позже, когда оно износится и само рассыпется, я не надену другое. Но это ожерелье трогать нельзя.

Мистер Коутс не соглашался с моими аргументами, поскольку не питал никакого уважения к моей религии. Он смотрел в будущее, размышляя о моем спасении из пропасти невежества. Мистер Коутс хотел убедить меня, что, если даже в других религиях и есть крупинка истины, спасение невозможно для тех, кто не обратился в христианство, которое суть истина. Мои грехи останутся непростительными, если я не буду молить об этом прощении Христа, а все благие дела, совершенные мной, лишатся всякой ценности.

Познакомив меня с христианской литературой, он также представил мне нескольких друзей, которых считал истинными христианами. Однако среди новых знакомых оказалась семья, принадлежащая к плимутским братьям* — христианской секте.

Многие связи, установленные мной с помощью мистера Коутса, были действительно полезны. Большинство из этих людей поразили меня прежде всего своей богобоязненностью. Когда я познакомился с семьей плимутских братьев, один из них выдвинул совершенно неожиданный для меня аргумент.

— Вам не дано понять всех достоинств нашей религии. Когда я слушаю вас, мне начинает казаться, что жизнь человека должна проходить в мрачных раздумьях о совершенных прегрешениях, об исправлении и искуплении. Но разве это поможет спастись? Так вам не обрести мира. Вы полагаете, что мы грешники, но теперь подумайте о том, как совершенна наша вера. Мы считаем, что попытки исправления и искупления бессмысленны. И все же мы получим спасение. Мы не можем нести на себе бремя грехов, но мы можем переложить это бремя на Иисуса. Он — единственный безгрешный сын Божий. Он изрек, что те, кто верит в него, обретут вечную жизнь. В этом и заключено безграничное милосердие Бога. А поскольку мы верим во всепрощение Иисуса, наши грехи не подавляют нас. Ибо мы не можем не грешить. Невозможно жить в этом мире и остаться безгрешным. Вот почему Иисус принял страдание и искупил все грехи человечества. И только тот, кто принимает его величайшую искупительную жертву, обретет вечный покой. Подумайте же, в каком смятении живете вы и с какой надеждой на покой — мы.

* Плимутские братья — консервативное религиозное движение, оформившееся в Англии и Ирландии в первой четверти XIX века.

Но его речи несколько меня не убедили. Я лишь смиренно ответил:

— Если это действительно то самое христианство, которое признают все христиане, я не могу принять его. В отличие от вас я не ищу искупления своих грехов. Я стремлюсь к избавлению от грехов как таковых, или даже от самих помыслов о возможности греха. И пока я не добился своей цели, я предпочту жить в неизбежном смятении.

Плимутский брат заметил:

— Уверяю вас, что все ваши усилия тщетны. Обдумайте хорошенько то, что я вам сказал.

Плимутский брат доказал, что верен высказанным убеждениям. Он сознательно грешил, показывая мне, что его не беспокоят мысли о наказании за прегрешения.

Но вот только я еще до встречи с ним знал, что не все подлинные христиане следуют подобной логике искупления. Сам мистер Коутс жил в страхе перед карой Божьей. Его душа была невинна, и он верил в возможность самоочищения. Его веру полностью разделяли обе пожилые дамы. Некоторые из книг, попавших мне в руки, учили истинной набожности. И хотя мистера Коутса встревожило мое общение с сектантом, я заверил его, что перевернутая вера плимутских братьев не настроила меня против христианства.

Мои сложности состояли совсем в другом. Они касались Библии и ее общепринятых толкований.

12. ОБЩАЯСЬ С ИНДИЙЦАМИ

Прежде чем продолжать рассказ о моем общении с христианами, я бы хотел остановиться на другом опыте, полученном в тот же период.

Шет Тайиб Хаджи Хан Мухаммад занимал в Претории такое же высокое положение, как Дада Абдулла в Натале. Ни одно общественное дело не обходилось без его участия.

Я познакомился с ним в первую же неделю и сообщил о своем намерении встретиться с каждым индийцем Претории. Я хотел больше узнать об условиях жизни индийцев в этом городе и попросил его о помощи, которую он охотно согласился мне оказать.

Во-первых, я созвал индийцев Претории и рассказал им об их положении в Трансваале. Встреча состоялась в доме шета Хаджи Мухаммада Хаджи Джоосаба, к которому я имел рекомендательное письмо. Присутствовали по большей части меманские торговцы, но были и индусы, хотя на самом деле индийское население Претории было весьма невелико.

Речь, произнесенную на этом собрании, можно назвать моей первой полноценной публичной речью. Я основательно подготовился и много говорил о честности в коммерческих делах. Я нередко слышал от коммерсантов, что быть правдивым в их деле невозможно, но не соглашался с этим тогда и не согласен теперь. Впрочем, некоторые мои друзья-торговцы продолжают утверждать, что честность и коммерция несовместимы. Коммерческое дело, говорят они, занятие чисто практическое, а правдивость лежит в области религии. Они также настаивают на том, что материальное — это одно, а религия — совсем другое. Правдивость в ее чистом виде, утверждают они, в коммерции невозможна, и торговец может быть честным лишь тогда, когда это ему выгодно. В своей речи я подверг критике подобное мнение и попытался пробудить в торговцах чувство долга. Их обязанность быть честными становилась еще более трудной на чужбине, ведь по немногим индийцам, живущим здесь, местные жители судили о миллионах индийцев, оставшихся на родине.

Я обратил внимание собравшихся на то, что многие из нас не соблюдают правила личной гигиены, и поставил в пример англичан. Кроме того, подчеркнул необходимость отказаться от деления на индусов, мусульман, пар-

сов, христиан, гуджаратцев, мадрасцев, пенджабцев, синдхов, катчи, суратцев и так далее.

Завершая свою речь, я предложил создать ассоциацию, которая укажет властям на проблемы индийского населения, и пообещал отдать этой работе столько своего времени и сил, сколько возможно.

Мое выступление, казалось, произвело на аудиторию сильное впечатление.

После этого началась дискуссия. Многие предложили поделиться относящимися к делу фактами. Я почувствовал себя ободренным. Я заметил, что лишь немногие из собравшихся владели английским языком. Осознавая, как он важен здесь, я посоветовал тем, у кого есть время, изучить его. Я заверил, что учить язык не поздно даже в зрелом возрасте, и привел в пример некоторых знакомых. Более того, я предложил свои услуги преподавателя, если, конечно, наберется группа, а также сказал, что мог бы консультировать всех желающих учиться.

Группа не набралась, но три молодых человека выразили готовность учиться в свободное время при условии, что я стану вести занятия на дому. Двое из них — парикмахер и клерк — были мусульмане. Третий — индус, владелец небольшой лавки. Я согласился учить их, ничуть не сомневаясь в своих преподавательских способностях. Мои ученики порой уставали, но я сам работал не покладая рук. Иногда случалось, что нашим занятиям мешали какие-нибудь неотложные дела, однако я не терял терпения. Ни один из них не стремился к глубокому знанию языка, но двое добились значительных успехов примерно за восемь месяцев занятий. Эти двое могли теперь вести на английском языке свою бухгалтерию и написать простое деловое письмо. Амбиции парикмахера не распространялись дальше желания понимать своих клиентов. Таким образом, благодаря занятиям два ученика получили возможность приумножить свои доходы.

Я остался доволен результатами собрания. Мы решили собираться, насколько помню, раз в неделю или раз в месяц. Собрания проходили более или менее регулярно, и на них мы свободно обмениваясь мнениями и идеями. Скоро в Претории не осталось ни одного индийца, с которым я не был бы знаком. Не осталось и тех, о чьем положении я ничего бы не знал. Я решил познакомиться с британским агентом в Претории, мистером Джейкобом де Уэтом. Он искренне сочувствовал индийцам, хотя и не пользовался практически никаким влиянием. Тем не менее он согласился помогать нам по мере сил и пригласил меня навещать его в любое время.

Затем я связался с железнодорожными властями и заявил, что их поступки по отношению к несчастным индийцам не могут быть оправданы никакими существующими правилами. В качестве ответа я получил письмо, в котором говорилось, что билеты первого и второго класса будут проданы только «правильно одетым» индийцам. Конечно, я ждал совсем не такого ответа, поскольку теперь получалось, что начальник станции может решать, кто одет правильно, а кто — нет.

Британский агент в Претории показал мне документы, имеющие отношение к условиям жизни индийцев. Похожие бумаги я получил и от шета Тайиба. Из них я узнал о той жестокости, с которой индийцев изгоняли из Оранжевой Республики.

Одним словом, во время пребывания в Претории я успел основательно изучить социальное, экономическое и политическое положение индийцев в Трансваале и Оранжевой Республике. Тогда еще я не догадывался, до какой степени полезными окажутся эти сведения в будущем. Я рассчитывал отправиться домой в конце года или даже раньше, если раньше же закончится процесс, ради которого я приехал.

Но Богу было угодно распорядиться моей судьбой иначе.

13. КАКОВО ЭТО — БЫТЬ «КУЛИ»

Мне кажется лишним подробно говорить здесь об условиях жизни индийцев в Трансваале и Оранжевой Республике. Тем моим читателям, которым все же хотелось бы получить полное представление об этой проблеме, я рекомендую обратиться к другой моей книге — «Истории сабьяграхи в Южной Африке». А сейчас я расскажу об этом лишь вкратце.

Индийцы Оранжевой Республики были лишены всех прав специальным законом, который был принят в 1888 году или даже ранее. Если индеец решал остаться здесь, то мог работать только официантом в гостинице или найти себе любую другую, но непременно тяжелую и невыгодную работу. Всех торговцев изгнали, выплатив им лишь номинальную компенсацию. Они протестовали, составляли петиции, но все оказалось тщетным.

Довольно строгий закон был принят в Трансваале в 1885 году. В него внесли поправки в 1886-м. Согласно этому закону все индийцы, въезжая в Трансвааль, были обязаны платить три фунта подушного налога. Они могли приобретать землю лишь в специально отведенных местах, но на практике даже и тогда эта земля не становилась их собственностью. Они не имели права голоса. Все это зафиксировал специальный закон для азиатов, хотя к индийцам в полной мере относились и законы для цветных. Согласно последним индийцы не могли ходить по тротуарам и им не позволялось покидать свои дома после девяти часов вечера без специального пропуска. Интересно то, что практическое применение закона было довольно гибким, пока дело не касалось индийцев. Тех, кто выдавал себя за «арабов», никак не ограничивали. Итак, в конечном счете все зависело от милости или немилости полицейских.

Мне довелось воочию убедиться в том, насколько несправедливыми были эти законы. Вечерами я прогули-

вался с мистером Коутсом, и мы редко расходились по домам раньше десяти часов. Что, если меня арестуют? Мистер Коутс почему-то тревожился из-за этого сильнее, чем я сам. Ему приходилось выписывать пропуски своим чернокожим слугам, но как мог он выписать такой пропуск мне? Его можно было получить только от своего хозяина. Да и если бы я даже пожелал взять его, а мистер Коутс был бы готов мне его дать, документ считался бы неверно составленным и моего друга обвинили бы в мошенничестве.

Тогда мистер Коутс или кто-то из его товарищей отвел меня к государственному атторнею доктору Краузе. Выяснилось, что мы с ним принадлежали к одной корпорации юристов в Англии. Он возмутился, узнав, что мне нужен пропуск для того, чтобы выходить из дома после девяти вечера. Он посочувствовал мне и вместо пропуска дал письмо, разрешавшее находиться вне дома в любое время без вмешательства полиции. Я постоянно носил письмо с собой, но так сложилось, что оно мне ни разу не понадобилось.

Доктор Краузе пригласил меня к себе в гости, и мы, можно сказать, стали добрыми друзьями. Иногда я заглядывал к нему. Он познакомил меня со своим более знаменитым и влиятельным братом, работавшим прокурором в Йоханнесбурге. Во время Англо-бурской войны он попал под трибунал за участие в подготовке к убийству английского офицера и был приговорен к семи годам тюремного заключения. Кроме того, старшины юридической корпорации лишили его права заниматься адвокатурой. По окончании боевых действий его освободили и торжественно приняли обратно, разрешив вернуться к практике.

Эти связи оказались полезны в моей дальнейшей общественной деятельности и значительно облегчили работу.

Последствия нарушения запрета ходить по тротуарам оказались для меня более серьезными. У меня была при-

вычка прогуливаться по Президент-стрит. На этой улице находился дом президента Крюгера — скромный, неброский особняк без сада, совершенно неотличимый от других домов в округе. Дворцы многих миллионеров в Претории выглядели намного более роскошными и стояли в окружении ухоженных садов. А о простоте президента Крюгера ходили легенды. Только присутствие полицейских указывало на то, что дом принадлежит важной персоне. Я почти всегда проходил по тротуару мимо полицейских, и они мне не мешали.

Однако дежурные полицейские время от времени менялись, и однажды один из них без всякого предупреждения, даже не приказав мне сначала сойти с тротуара, пихнул меня и вытолкал на дорогу. Я растерялся. Но прежде чем я успел упрекнуть полицейского, показался мистер Коутс, проезжавший по улице верхом. Он поздоровался со мной и сказал:

— Я видел все, Ганди. Охотно буду вашим свидетелем, если пожелаете подать в суд на этого человека. Мне очень жаль, что вы подверглись столь грубому нападению.

— Вам не стоит ни о чем сожалеть, — отозвался я. — Что этот простой служака знает? Все цветные для него на одно лицо. Не сомневаюсь, что он обходится с неграми точно так же, как обошелся со мной. Я пообещал себе не подавать в суд, если дело касается моих личных неприятностей. Поэтому я не собираюсь судиться.

— Это так на вас похоже, — сказал мистер Коутс. — Но подумайте хорошенько. Мы должны преподать ему урок.

Затем он заговорил с полицейским и осыпал его упреками. Я не смог понять их разговора, поскольку он шел на голландском языке. Полицейский был из буров. Он извинился передо мной, хотя я не видел в том необходимости. Я уже простил его.

Однако я никогда больше не проходил по этой улице. Место оскорбившего меня полицейского могли занять

другие, не знавшие об инциденте, и они, наверное, поступили бы со мной точно так же. К чему было напрашиваться на бессмысленное насилие? И я избрал для прогулок другой маршрут.

Теперь я еще больше стал сочувствовать индийским поселенцам в Южной Африке. Я обсудил с ними вопрос о том, насколько разумной и полезной окажется попытка начать дело против этих законов после встречи с британским агентом.

Вот так и получилось, что я познакомился с проблемами поселенцев не только в теории, но и на практике. Мне стало понятно, что Южная Африка не самое подходящее место для индийца, в котором еще осталась хоть капля собственного достоинства, и я стал все чаще задумываться о том, как изменить ситуацию к лучшему.

Но все же моей главной задачей в тот период оставалось дело Дады Абдуллы.

14. ПОДГОТОВКА К ПРОЦЕССУ

Год пребывания в Претории принес мне бесценный опыт. Здесь я получил возможность познакомиться с общественной работой и понять, насколько вообще к ней способен. Именно здесь мой религиозный дух обрел жизненную силу. Здесь я получил представление о юридической практике и научился тому, чему обычно молодой адвокат учится в кабинете у старшего. Здесь я поверил в то, что все-таки не стану адвокатом-неудачником. И здесь же я проник в тайны адвокатского ремесла.

Дело Дады Абдуллы нельзя было назвать мелким. Был предъявлен иск на сорок тысяч фунтов. Дело возникло из сложных коммерческих операций и состояло из множества непростых расчетов. Претензии касались выданных векселей и устных обещаний выдать такие векселя. Защита строилась на утверждении, что документы были неправильно

составлены и, соответственно, не считались действительными. В этом запутанном деле было очень много фактов, а кроме того, законы к нему тоже можно было применить по-разному.

Обе стороны наняли лучших атторнеев и юрисконсультов, и я, таким образом, смог изучать их работу. Мне доверили подготовить дело истца для атторнея и отобрать факты, свидетельствующие в пользу клиента. Я учился, наблюдая, что поверенный принимает, а что отвергает из проделанной мною работы. Я также смог узнать, насколько полезными для юрисконсульта оказываются эти материалы. С самого начала я понял, что подготовка к процессу даст мне возможность оценить свои способности проникать в суть дела и выстраивать доказательства.

Работа показалась мне очень интересной. Я полностью погрузился в нее, прочитал все коммерческие документы, относящиеся к делу. Работу облегчало то, что моим клиентом был действительно очень умный человек, полностью мне доверявший. Я успел основательно изучить бухгалтерию. Мои способности переводчика тоже постепенно совершенствовались, ведь мне приходилось переводить всю корреспонденцию, большая часть которой велась на гуджарати.

Хотя, как я уже упоминал, меня очень волновали религиозные и общественные вопросы, которым я прежде уделял часть своего времени, теперь они отошли на второй план. На первом оказалась подготовка к процессу. Чтение законов и по необходимости поиск прецедентов отныне занимали почти все мое время. Ко мне попадали документы обеих сторон, и я скрупулезно изучил факты. Мне кажется, даже сами стороны не знали факты дела так хорошо, как я.

Мне вспомнилась фраза покойного мистера Пинкатта: на фактах строится три четверти закона. Позже это под-

твердил известный адвокат из Южной Африки мистер Леонард, тоже ныне покойный. Однажды, разбирая другое дело, я осознал, что, хотя справедливость на стороне моего клиента, закон, как мне показалось, оборачивается против него. В отчаянии я обратился к мистеру Леонарду за помощью. Он тоже увидел, что факты весьма запутанны, и воскликнул:

— Ганди! Я понял только одно: если мы позаботимся о фактах, то закон позаботится о себе сам. Давайте же тщательнее изучим факты по этому делу!

С этими словами он отправил меня разбирать дело дальше и предложил встретиться потом. Я по-новому взглянул на факты, а заодно наткнулся на один из старых южноафриканских процессов, который мог бы помочь в моем деле. Я обрадовался, вновь навестил мистера Леонарда и рассказал ему обо всем.

— Отлично, — сказал он. — Теперь мы выиграем это дело. Нужно только узнать, кто из судей будет его вести.

Но когда я готовил материалы по делу Дады Абдуллы, я поначалу пренебрег фактами. Факты несут в себе правду, а если мы твердо придерживаемся истины, закон непременно приходит нам на помощь. Я увидел, как значительны факты в деле Дады Абдуллы, а следовательно, закон обязан был встать на его сторону. Увидел я и другое: тяжба, если бы мы продолжили настаивать на ней, погубила бы и истца, и ответчика, которые приходились друг другу родственниками и жили в одном городе. Никто не знал, как долго продлится процесс. В суде дело могло разбираться бесконечно, но так и не принести пользы ни одной из сторон. А потому стороны хотели по возможности закончить спор как можно быстрее.

Тогда я встретился с шетом Тайибом и посоветовал не отказываться от арбитража. Кроме того, я рекомендовал ему обсудить этот вопрос с юрисконсультom. Я предположил, что, если найти арбитра, которому будут доверять обе

стороны, дело закончится в кратчайшие сроки. Гонорары юристов росли так стремительно, что грозили разорить клиентов, какими бы солидными коммерсантами они ни были. Более того, дело отнимало у них много времени, так что его попросту не оставалось для работы, а между тем крепла и взаимная неприязнь. Мне стала противна моя работа. Адвокаты и юрисконсульты обеих сторон, как им, впрочем, и полагалось, подолгу выискивали лазейки в законах, чтобы использовать их в интересах своих клиентов. Я узнал, что выигравшая процесс сторона не возмещает понесенных расходов. Согласно постановлению о судебных издержках, последние оплачивались по фиксированным расценкам, но на практике стоимость услуг атторнеев оказывалась гораздо выше. Для меня все это было невыносимо. Я счел своим долгом примирить стороны и очень старался добиться этого. Наконец шет Тайиб согласился. Был выбран арбитр, который рассмотрел дело и вынес решение в пользу Дады Абдуллы.

Однако и это не удовлетворило меня. Если бы мой клиент потребовал немедленно возместить убытки, шет Тайиб не нашел бы сразу необходимой суммы, а меманские коммерсанты в Южной Африке придерживаются неписаного закона, гласящего, что лучше умереть, чем стать банкротом. Шет Тайиб не мог разом выплатить примерно тридцать семь тысяч фунтов плюс судебные издержки. Но он был полон решимости заплатить все до пая; он не хотел, чтобы его объявили банкротом. Оставался только один выход: Дада Абдулла мог разрешить ему выплачивать долг постепенно, небольшими суммами. И мой клиент оказался на высоте, предоставив шету Тайибу рассрочку на очень продолжительный срок. Мне было даже труднее добиться этой уступки, чем убедить стороны согласиться на арбитраж, но в результате оба коммерсанта остались довольны. Их еще больше уважали. Моя радость была безгранична. Я получил представление о юридической практике,

научился видеть в людях их лучшие качества и подбирать ключ к их сердцам. Я понял, что истинная задача адвоката — примирить противоборствующих. Я выучил этот урок и за двадцать лет адвокатской практики в сотнях случаев добивался прекращения тяжбы путем частного соглашения. И я ничего не потерял: ни денег, ни, конечно же, своей души.

15. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФЕРМЕНТ

Настало время снова вернуться к рассказу о моем общении с друзьями-христианами.

Мистера Бейкера все больше тревожило мое будущее. Как-то раз он решил взять меня с собой на веллингтонское молитвенное собрание. Христиане-протестанты раз в несколько лет устраивали подобные собрания с целью религиозного просвещения или, иначе, самоочищения. Можно также назвать это попыткой нового религиозного возрождения или возвращения к истокам христианства. Веллингтонское собрание было как раз таким. Председательствовал хорошо известный в этих местах богослов преподобный Эндрю Мюррей. Мистер Бейкер надеялся, что атмосфера религиозной экзальтации на собрании, энтузиазм и глубина веры собравшихся неизбежно приведут меня в лоно его церкви.

Но больше всего он надеялся на благотворное влияние молитвы. Он верил в таинство молитвы и был убежден, что Бог обязательно услышит ее, если она вознесена с искренней страстью. Он ссылался на опыт людей, подобных Джорджу Мюллеру из Бристоля, который полностью полагался на молитву даже в самых своих заурядных повседневных делах. Я выслушал его с бесстрастным вниманием и заверил, что ничто не мешает мне принять христианство, если я почувствую к нему истинное духовное влечение. Причем я давал подобные обещания без тени сомнения, поскольку давно научился следовать советам

внутреннего голоса. Я с наслаждением доверял его решениям и подсказкам, и действовать вопреки ему мне было болезненно трудно.

Итак, мы отправились в Веллингтон*. Мистер Бейкер твердо решил путешествовать в компании цветного, и ему пришлось пережить немало неприятностей из-за меня. В один из дней мы были вынуждены прервать поездку, поскольку было воскресенье, а мистер Бейкер и его единомышленники не могли путешествовать в «день отдохновения». Хотя управляющий гостиницей при вокзале после долгих препирательств согласился предоставить мне номер, он наотрез отказался пропустить меня в столовую. Но мистер Бейкер не сдался. Он напомнил управляющему о правах постояльцев. Впрочем, я отчетливо сознавал, как это для него трудно. В Веллингтоне я тоже поселился вместе с мистером Бейкером, и, несмотря на все его попытки скрыть, сколько это причиняет ему неудобств, я видел каждое из них.

Множество набожных христиан собралось на этом мероприятии. Меня искренне обрадовала их поразительная вера. Я был представлен преподобному Мюррею, а затем увидел, что многие из собравшихся молятся за меня. Мне понравились некоторые их псалмы, звучавшие очень мелодично.

Собрание длилось три дня. Я смог понять и по достоинству оценить религиозное рвение его участников, хотя при этом не видел причин изменять своей собственной вере, своей религии. Я не смог уверовать, что вознесусь на небеса и получу спасение, просто обратившись в христианство. Когда я откровенно сказал об этом некоторым из своих добрых друзей-христиан, они очень удивились. Но поделать я ничего не мог.

* Здесь не следует путать столицу Новой Зеландии с городом Веллингтон, расположенным в семидесяти пяти километрах от Кейптауна.

Мои затруднения были весьма серьезными. Дело не в том, что я не мог поверить в то, что Иисус был земным воплощением сына Господня и что вечную жизнь получит только тот, кто верует в него. Если Бог мог иметь сыновей, тогда все мы должны считаться его детьми. Если Иисус был подобен Богу или сам был Богом, тогда все люди подобны Богу или сами боги. Мой рассудок не позволял мне уверовать в то, что Иисус своей смертью и кровью купил все грехи, совершаемые в этом мире, хотя метафорически здесь могла быть крупица истины. Но опять-таки: согласно христианскому учению, только люди наделены душой, а у всех остальных существ ее нет и их смерть означает полное исчезновение, однако моя вера говорила мне нечто противоположное. Я мог принять Иисуса как мученика, как воплощение жертвенности и как божественного учителя, но не как самого совершенного человека, когда-либо существовавшего на Земле. Его мученическая смерть на кресте стала величайшим примером для человечества, но в то, что в его смерти заключалась таинственная, чудесная добродетель, я не мог поверить. Благочестивый образ жизни подлинного христианина не дал бы мне ничего из того, чего не мог бы дать образ жизни человека любой другой религии. Я видел в жизни человека любой веры то же самое стремление к самосовершенствованию, о котором говорили христиане. С философской точки зрения в христианских принципах не было ничего необыкновенного, а в смысле жертвенности, как мне показалось, индусы значительно превосходили христиан. Одним словом, я не смог считать христианство наиболее совершенной религией или величайшей из всех.

Я делился своими мнениями с друзьями-христианами при каждом удобном случае, но их ответы на мои аргументы не удовлетворяли меня.

Получалось, что, если я не мог воспринимать христианство как наиболее совершенную или величайшую из

религий, я не мог быть уверен, что такой религией является индуизм. Его недостатки я видел очень ясно. Неприкасаемость была частью индуизма, но только сгнившей его частью, отвратительным пережитком. Мне оставался непонятен сам смысл разделения людей на многочисленные секты и касты. Как следовало толковать утверждение, что веды вдохновлены словом Божиим? А если и так, то разве не приходится ли тогда верить в божественное происхождение Библии и Корана?

В то время как друзья-христиане стремились обратить меня, подобные же попытки предпринимали и мусульмане. Шет Абдулла старался убедить меня изучить ислам, и, конечно же, он всегда находил слова, которые подчеркивали красоту его религии.

Я описал свои метания в письме к Райчандбхаю. Кроме того, я вступил в переписку с другими индийскими людьми, осведомленными в делах религии, и получил от них ответные послания. Ответ Райчандбхая до некоторой степени успокоил меня. Он просил набраться терпения и глубже изучить индуизм. Он также написал: «Если судить беспристрастно, ни одна другая религия не обладает такой утонченностью и глубиной мысли, как индуизм, его особым видением души и милосердием».

Я купил Коран в переводе Сейла и взялся за чтение, а также приобрел другую исламистскую литературу. Я связался с христианскими друзьями в Англии. Один из них упомянул Эдварда Мейтленда, с которым я тоже начал переписываться. Он прислал мне «Путь к совершенству» — книгу, написанную им в соавторстве с Анной Кингсфорд. В этом труде подвергалось жесткой критике современное христианское учение. Он же прислал мне другую книгу — «Новое толкование Библии». Обе мне понравились. Мне показалось, они в чем-то поддерживают индуизм. Но по-настоящему захватила меня книга Толстого «Царство Божие внутри вас». Она произвела на меня неизгладимое

впечатление. Перед независимым мышлением Толстого, силой его нравственности и правдивостью все прочие труды, которыми меня снабжал мистер Коутс, меркли и теряли значение.

Так и получилось, что мои искания завели меня не совсем туда, куда предполагали привести меня мои друзья-христиане. Моя переписка с Эдвардом Мейтлендом продолжалась довольно долго, а с Райчандбхаем — до самой его кончины. Я прочитал некоторые из присланных им книг. Среди них были «Панчикарана», «Маниратнамала», «Мумукшу Пракарана», «Йога-Васиштха», «Шаддаршана-самуччая» Харибхадра Сури* и прочие.

И хотя я пошел таким путем, на какой мои христианские друзья отнюдь не желали меня направить, я навсегда останусь у них в долгу за то, что они пробудили во мне стремление к религиозным поискам. Общение с ними навечно осталось в моей памяти, а последующие годы принесли мне еще больше подобных близких и дорогих сердцу знакомств.

16. ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ, А БОГ РАСПОЛАГАЕТ

Поскольку процесс закончился, у меня не оставалось причин задерживаться в Претории. Я приехал обратно в Дурбан и стал готовиться к возвращению домой. Однако шет Абдулла был не из тех, кто позволил бы мне ускользнуть без проводов. В мою честь он устроил прощальный прием в Сиденхеме.

Мне предложили провести там целый день. Листая газеты, я случайно заметил в углу полосы заметку под заголовком «Индийцы и право голоса». В ней говорилось о некоем

* Все перечисленные тексты посвящены в основном философским аспектам индуизма.

находящемся на рассмотрении законопроекте, согласно которому индийцы лишались права избирать членов натальского парламента. Я прежде ничего не слышал о таком законопроекте. Не знали о нем и остальные гости, собравшиеся на приеме.

Я обратил на это внимание шета Абдуллы. Он сказал:

— Что можем мы понимать в таких вопросах? Мы разбираемся только в своей торговле. Как вам известно, нашу торговлю в Оранжевой Республике попросту ликвидировали. Мы, конечно, протестовали, но все оказалось без толку. В конце концов, мы покорные и необразованные люди. Газеты покупаем лишь для того, чтобы следить за ценами и так далее. Что мы можем знать о законодательстве? Нашими глазами и ушами служат здесь европейские юристы.

— Но ведь среди вас много молодых индийцев, которые родились и получили образование здесь, — возразил я. — Разве они не в состоянии помочь вам?

— Вот вы о ком! — в сердцах воскликнул шет Абдулла. — Они почти не общаются с нами, и, по правде сказать, мы сами не стремимся сблизиться с ними. Приняв христианство, они подпали под влияние белых священнослужителей, которых наставляет правительство.

Теперь я все понял. А я-то думал, что эти индийцы — с нами! Так вот какие цели преследовало христианство? Неужели же они перестали быть индийцами только потому, что стали христианами?

Совсем скоро я должен был отплыть на родину и не решился высказать вслух мысли, возникшие у меня на сей счет. Я лишь сказал шету Абдулле:

— Если этот законопроект станет законом, наша жизнь только усложнится. Это первый гвоздь в крышку нашего гроба. Сильнейший удар по нашему самоуважению.

— Быть может, — отозвался шет Абдулла, — но я должен рассказать вам, как вообще возник вопрос о нашем избирательном праве. Мы прежде ничего не знали, пока

мистер Эском, один из наших лучших юристов, с которым вы уже знакомы, не объяснил нам. Вот как все произошло. Он обожает спорить. Его противник — инженер порта, и Эском опасался, что тот наберет больше голосов и победит его на выборах. Тогда Эском объяснил нам наши права и настоял, чтобы мы все зарегистрировались как избиратели и голосовали за него. Теперь вы понимаете, что право голоса для нас не имеет той ценности, какую вы ему приписываете? Но мне понятна ваша точка зрения. Что вы нам посоветуете?

Другие гости с величайшим вниманием прислушивались к нашему разговору. Один из них сказал мне:

— Хотите знать, что нужно делать? Вы вернете свой билет на этот пароход, останетесь здесь еще на месяц, и мы станем бороться под вашим началом!

Его дружно поддержали остальные:

— Да, в самом деле! Шет Абдулла, вы должны задержать Гандибхая!

Шет был проникательным человеком. Он сказал:

— Я не могу удержать его один. У всех вас есть точно такое же право просить его остаться. Давайте же вместе убедим его! Вы ведь помните, что он адвокат? Как насчет его гонорара?

Упоминание о деньгах болезненно отозвалось во мне, и я запротестовал:

— Шет Абдулла, ни о каком гонораре и речи быть не может! За общественную работу не платят. Я могу остаться только как преданный слуга общины. Я знаком не со всеми присутствующими здесь вашими друзьями, но, если вы уверены, что они будут со мной сотрудничать, я задержусь на месяц. И еще кое-что. Хотя вам не придется платить за мою работу, некоторые средства все же потребуются. Например, понадобится рассылать телеграммы, печатать буклеты, много ездить, консультироваться с местными юристами, а поскольку я не знаю законов Наталя, понадо-

бятся и книги по праву. Без денег все это невозможно. Совершенно ясно, кроме того, что один человек не справится с таким объемом работы. Кому-то придется помогать.

В ответ я услышал хор голосов:

— Аллах велик и милостив. Деньги мы найдем. Будут и люди. Пожалуйста, оставайтесь, и все будет хорошо!

Так прощальный прием стал собранием рабочего комитета. Я предложил поскорее покончить с ужином и разойтись по домам. Мысленно я сразу же разработал план предстоящей кампании. Выяснив имена тех, кто был включен в список избирателей, я решил задержаться еще на месяц.

Бог заложил фундамент моей жизни в Южной Африке и посеял семена борьбы за национальное самоуважение.

17. ОБОСНОВАВШИЕСЬ В НАТАЛЕ

В 1893 году шет Хаджи Мухаммад Хаджи Дада считался главным лидером индийской общины в Натале. Абдулла Хаджи Адам был богаче, но, в общественных делах он, да и все остальные уступали пальму первенства шету Хаджи Мухаммаду. А потому собрание, на котором было принято решение выступить против законопроекта об избирательном праве, проходило под его председательством в доме шета Абдуллы.

Мы составили список добровольцев. На собрание были приглашены рожденные в Натале индийцы — преимущественно обращенные в христианство молодые люди. Присутствовали также мистер Пол, переводчик дурбанского суда, и мистер Субхан Годфри, директор миссионерской школы, и именно они сумели привести на совещание много христианской молодежи. Имена всех этих молодых людей дополнили наш список.

Разумеется, в списке значились многие местные торговцы, среди которых следует выделить шетов Давуда Мухаммада, Мухаммада Казама Камруддина, Адамджи

Миякхана, А. Колондавеллу Пиллая, С. Лачхирама, Рангазами Падиачи и Амода Дживу. Значился в списке и Парси Рустомджи. Из клерков были мистер Манекджи, мистер Джоши, мистер Нарсинхрам и другие — все они служили в фирме «Дада Абдулла и К^о» или других крупных фирмах. Все без исключения оказались приятно удивлены тем, что принимают участие в общественной работе, ведь это совершенно новый опыт. Возникшая перед общиной угроза заставила их забыть различия между родовитыми людьми и людьми скромного происхождения, между бедняками и богачами, между хозяевами и слугами, между индусами, мусульманами, парсами, христианами, между гуджаратцами, мадрасцами, синдхами и так далее. Мы были прежде всего детьми и слугами нашей родины.

Приближалось второе чтение законопроекта. Раз индийцы не протестовали против ограничивающего их право голоса закона, им и не нужно такое право, заявили некоторые из выступавших.

На собрании я объяснил наше положение. Первое, что мы сделали, это отправили телеграмму председателю собрания и потребовали отложить дальнейшее обсуждение законопроекта. Такого же рода телеграмму мы послали премьер-министру сэру Джону Робинсону и мистеру Эскому, другу Дады Абдуллы. Председатель сразу же ответил, что обсуждение откладывается на два дня. Даже это отозвалось радостью в наших сердцах.

Мы составили петицию, собираясь представить ее в законодательное собрание. Необходимы были три ее копии и еще одна для газет. Было предложено собрать под петицией как можно больше подписей, но сделать это нужно было в течение всего лишь одной ночи. Добровольцы, владевшие английским языком, и еще несколько помощников провели бессонную ночь. Мистер Артур, пожилой уже человек, славившийся своим каллиграфическим почерком, написал первый экземпляр. Остальные писались

под диктовку. Таким образом, в нашем распоряжении оказалось пять экземпляров петиции. Добровольцы из торговцев отправились за подписями в собственных и наемных экипажах. Они управились быстро, и теперь петиция была готова к распространению. Газеты опубликовали ее, снабдив благосклонными комментариями. Произвела она впечатление и на законодательное собрание, а также обсуждалась в парламенте. Сторонники этого законопроекта, как все признавали, привели весьма слабые контраргументы, однако законопроект все же был принят.

Мы все понимали, что подобный результат был неизбежен, но эта небольшая кампания вдохнула в общину новую жизнь, убедила, что община едина и неделима и что долгом каждого стала борьба за политические права, как прежде таким долгом была борьба за право торговли.

Министром по делам колоний тогда был лорд Рипон. И мы решили направить ему громадную петицию. Она потребовала долгой и кропотливой работы, которую нельзя было сделать за один день. И снова добровольцы пришли на помощь и внесли каждый свою лепту.

Я тоже внес, но прежде мне пришлось перечитать всю доступную литературу по этому вопросу. Свою аргументацию я строил на принципе целесообразности. Я настаивал на сохранении избирательного права в Натале, подчеркивая, что в Индии у нас такое право есть, а также напоминал о том, что в Натале вообще-то не слишком много индийцев, которые им могут воспользоваться.

За две недели мы собрали десять тысяч подписей. Было нелегко получить такой результат по всей провинции, тем более, что для многих добровольцев это стало совершенно новой работой. Мы отрядили наиболее способных помощников, поскольку твердо решили не принимать ни одной подписи, не убедившись, что подписант понимает суть петиции. Деревни располагались далеко друг от друга, и поставленной цели можно было быстро добиться, лишь

полностью отдавшись работе. И добровольцы справились. Они с энтузиазмом выполняли свое задание. Когда я пишу эти строки, перед глазами встают шет Давуд Мухаммад, Рустомджи, Адамджи Миякхан и Амод Джива. Именно они собрали наибольшее количество подписей. Шет Давуд целыми днями неустанно разъезжал в своем экипаже. И все это делалось с самой бескорыстной любовью. Ни один из них не потребовал возмещения даже самых крупных расходов. Дом Дады Абдуллы стал одновременно караван-сараям и нашей штаб-квартирой. Многие наши помощники обедали и ужинали там, и, конечно, расходы были велики.

Наконец петиция была готова. Мы напечатали тысячу экземпляров для распространения. Эта петиция заставила многих индийцев впервые задуматься о своем положении в Натале. Я также отправил копии в газеты и знакомым журналистам.

Газета «Таймс оф Индия» в передовой статье, посвященной петиции, выступила в поддержку требований индийцев. Петицию получили периодические издания Англии и журналисты, представляющие различные политические партии. Лондонская «Таймс» тоже поддержала нас, и теперь у нас появилась надежда, что на законопроект все-таки наложат вето.

Отныне я не мог покинуть Наталь: мои индийские друзья окружили меня и буквально засыпали просьбами остаться здесь навсегда. Я не хотел больше жить в Южной Африке за счет общины, так как чувствовал необходимость обосноваться прочно и материально независимо. Мне нужно было найти хороший дом, расположенный в удобном месте. Кроме того, я понимал, что ничего не могу дать общине, пока не буду вести образ жизни адвоката. Я также не представлял, как вести хозяйство без трехсот фунтов в год, а потому мог остаться только при условии, что члены общины гарантируют мне работу, позволяющую получать

установленный мной минимальный доход. Я сообщил им о своем решении.

— Вы можете зарабатывать эти деньги, работая на благо общества, — ответили мне. — Мы легко соберем необходимую сумму. И, разумеется, у вас будет возможность получать гонорары за частную адвокатскую практику.

— Нет, я не могу заставлять вас платить за мою общественную работу, — возразил я. — Такая работа не требует от меня адвокатских знаний. Моей задачей станет организация вашей деятельности. Едва ли совесть позволит мне еще и брать за это деньги. Мне и так придется часто обращаться к вам за средствами, которые потребуются для работы, а если я буду зависеть от вас материально, мне станет трудно просить достаточно крупные суммы и так мы в конечном счете окажемся в тупике. Вы должны понимать, что для дела мне потребуется значительно больше, чем триста фунтов.

— Но мы знаем вас уже достаточно долго и уверены, что вы никогда не возьмете с нас больше, чем действительно необходимо. А поскольку мы сами настояли на том, чтобы вы остались, мы непременно должны будем оплатить ваши расходы!

— Сейчас в вас говорит любовь и вновь пробужденный энтузиазм. Но разве можем мы быть уверены, что подобные чувства вы будете питать всегда? А как ваш друг и слуга общины я буду вынужден порой разговаривать с вами жестко. Одному Небу известно, сумею ли я и тогда сберечь вашу привязанность ко мне. Как бы то ни было, я не должен получать жалованья за общественную деятельность. Для меня достаточно и того, что вы готовы доверить мне все юридические дела общины. Даже это может оказаться для вас затруднительно. Прежде всего, я — не белый адвокат. Я даже не уверен, что суд будет считаться со мной. Кроме того, я не до конца уверен в своих адвокатских способностях. А потому, просто доверяя мне ведение ваших

дел, вы идете на определенный риск. Для меня одно только ваше согласие дать мне аванс уже служит достаточным вознаграждением за работу.

В результате этой дискуссии около двадцати торговцев выдали мне авансы за мои юридические услуги для них на ближайший год. Кроме того, Дада Абдулла купил мне всю необходимую мебель на ту сумму, которую собирался вручить перед моим отплытием в Индию.

Так вот и получилось, что я обосновался в Натале.

18. ЦВЕТНОЙ АДВОКАТ

Символом правосудия служат весы, чаши которых удерживает в равновесии беспристрастная и слепая, но мудрая и проникательная женщина. Судьба намеренно ослепила ее*, чтобы она судила о человеке не по внешности, а по его внутренним достоинствам. Однако Юридическое общество Наталя стремилось убедить Верховный суд отвергнуть этот принцип и извратить символ.

Я подал прошение о зачислении меня адвокатом в Верховный суд. При этом у меня было удостоверение, выданное мне Высоким судом в Бомбее. Английское же удостоверение мне пришлось оставить в Бомбее, когда я был зарегистрирован там. К прошению нужно было приложить две рекомендации. Я посчитал, что будет солиднее, если их дадут мне европейцы, а потому получил такие бумаги от двух хорошо известных в Натале европейских коммерсантов, с которыми познакомился через шета Абдуллу. Прошение следовало подавать через одного из членов адвокатуры, и, как правило, генеральный атторней передавал их безвозмездно. К тому времени генеральным атторнеем являлся мистер Эском, который, как уже упоминалось, был консультантом фирмы «Дада Абдулла и К^о» по юри-

* Здесь у автора ошибка — на глазах у Фемиды повязка.

дическим вопросам. Я обратился к нему, и он согласился передать мое прошение.

Юридическое общество Наталя приготовило мне сюрприз и прислало в ответ отказ. Один из аргументов заключался в том, что к прошению не был приложен оригинал английского удостоверения. Но главным было не это: когда составлялись правила приема адвокатов, вероятность подачи прошения со стороны представителя цветного населения даже не рассматривалась. Благополучие Наталя обеспечили европейские предприятия, а потому было совершенно необходимо, чтобы европейцы господствовали и в адвокатуре. Если бы цветные были допущены в общество, они смогли бы постепенно вытеснить из него европейцев, и тогда оплот последних пал бы.

Юридическое общество привлекло видного адвоката, чтобы тот поддержал отказ. Поскольку же этот человек тоже был связан с фирмой «Дада Абдулла и Ко», то через шета Абдулла передал мне приглашение встретиться с ним. Он разговаривал со мной предельно откровенно, расспрашивал о моем прошлом, о котором я ему подробно рассказал, а потом сказал:

— Мне нечего возразить против вашей кандидатуры. Я лишь опасался, что вы окажетесь одним из рожденных уже в колонии авантюристов. А поскольку к прошению не был приложен оригинал удостоверения, мои подозрения окрепли. Мне доводилось встречать людей, предъявлявших чужие дипломы. Рекомендации, написанные для вас европейскими коммерсантами, не имеют для меня никакого значения. Что они могут знать о вас? Насколько давно вы с ними вообще знакомы?

— Но в этой стране для меня все в той или иной степени чужие люди, — сказал я. — Даже шет Абдулла познакомился со мной уже здесь.

— Но при этом вы отметили, что он из того же места в Индии, что и вы, не так ли? Если ваш отец был там пре-

мьер-министром, шет Абдулла не может не знать вашей семьи. Если вы представите его письменное поручительство, возражения будут сняты, и я с удовольствием сообщу Юридическому обществу, что не могу ответить отказом на ваше прошение.

Его слова разозлили меня, но я сумел сдержаться.

Если бы я приложил к прошению поручительство только Дады Абдуллы, подумал я, оно непременно было бы отвергнуто, и Юридическое общество потребовало бы рекомендаций от европейцев. И вообще, какое отношение к моему приему имеют мои происхождение и прошлое? Как сведения о моем происхождении могут быть использованы против меня? Но, повторяю, я сумел сдержаться и совершенно спокойно ответить ему:

— Хотя я не согласен с тем, что Юридическое общество имеет право интересоваться этими деталями, я готов предоставить вам требуемое поручительство.

Мы подготовили поручительство шета Абдуллы и в установленном порядке представили его юрисконсульту Юридического общества. Он сказал, что оно удовлетворило его — но только не само Юридическое общество. Его члены выступили против моего прошения в Верховном суде, который на сей раз отклонил все возражения, даже не вызвав свидетелем мистера Эскома. Верховный судья подвел итог примерно следующим образом:

— Тот факт, что проситель не приложил к прошению оригинал удостоверения, не имеет существенного значения. Вот если бы он предъявил здесь ложные поручительства и вина была бы доказана, против него могли бы выдвинуть соответствующие обвинения, а его имя, разумеется, было бы вычеркнуто из списка. Закон не делает различия между белыми и цветными людьми, а потому суд не вправе отказать мистеру Ганди в зачислении адвокатом. Мы согласны поддержать его прошение. Мистер Ганди, теперь вам осталось только принести присягу.

Я поднялся с места и принес присягу перед регистратором. Как только я закончил, верховный судья сразу же обратился ко мне:

— Теперь вы должны снять тюрбан, мистер Ганди. Вам следует подчиняться правилам суда в отношении одежды, которую дозволено носить здесь адвокатам.

Я понял, что другого выхода у меня нет. И тот тюрбан, право на ношение которого я сумел отстоять в дурбанском магистратском суде, я все же снял в знак подчинения правилам Верховного суда. Я прекрасно понимал, что, если откажусь, мой отказ будет обоснованным, однако мне хотелось сберечь силы для более важных сражений. Не стоило попусту растрачивать способности, упорствуя в своем праве носить тюрбан. Эти способности следовало применить в делах, имеющих подлинное значение.

Однако шету Абдулле и некоторым другим моим друзьям не понравилась моя готовность подчиниться — вероятно, они сочли ее признаком слабости. По их мнению, я должен был отстаивать свое право носить тюрбан во время выступлений в суде. Я попытался уговорить их, донести до них истину, напомнив поговорку: «Оказавшись в Риме, поступай как римлянин». А затем сказал:

— Я был бы прав, отказавшись подчиниться, если бы в Индии какой-нибудь английский чиновник или судья приказал мне снять тюрбан, но пренебречь обычаями суда провинции Наталь стало бы неверным решением.

Я сумел успокоить друзей своими аргументами, хотя едва ли полностью убедил их в том, что на вещи нужно смотреть с разных сторон в зависимости от сложившихся обстоятельств. На протяжении всей моей дальнейшей жизни верность истине учила меня ценить важность компромисса. Позже я убедился, что дух компромисса — это важнейшая часть сатьяграхи, хотя это нередко подвергало опасности мою жизнь и вызывало неудовольствие друзей. Но истина тверда, словно алмаз, и нежна, словно цветок.

Сопротивление Юридического общества только добавило мне известности в Южной Африке. Большинство изданий осудило протест, обвинив Общество в несправедливости. Эта неожиданная реклама до некоторой степени облегчила мою работу.

19. ИНДИЙСКИЙ КОНГРЕСС НАТАЛЯ

Адвокатская практика всегда оставалась для меня второстепенной деятельностью. Чтобы оправдать мою задержку в Натале, необходимо было сосредоточиться на общественной работе. Одной только петиции об отмене законопроекта, запрещавшего нам голосовать, оказалось явно недостаточно. Была нужна непрерывная агитация, чтобы привлечь к проблеме внимание министра по делам колоний, а для этого, как стало понятно нам всем, требовалась постоянно действующая организация. Я побеседовал с шетом Абдуллой и другими своими друзьями, которые единогласно поддерживали решение создать подобную общественную организацию.

Подбор подходящего названия для нее превратился для меня в настоящую головную боль. Она не должна была быть связана с какой-либо политической партией. Название «Конгресс», насколько я знал, не нравилось консерваторам Англии, но именно Конгресс был центром общественной жизни Индии. Я принял решение популяризировать его в Натале. Было бы трусостью отказаться от него, а потому, приведя все свои аргументы, я рекомендовал назвать организацию Индийским конгрессом Наталья. Он появился 22 мая.

Самая просторная комната в доме Дады Абдуллы была в тот день заполнена людьми до отказа. Конгресс получил полное энтузиазма одобрение всех присутствующих. Его устав был прост, зато плата за членство была немалая. Членом Конгресса становился только тот, кто мог вносить

пять шиллингов в месяц. Наиболее обеспеченных мы убеждали вносить как можно больше. Список открыл сам шет Абдулла, который был готов жертвовать два фунта в месяц. Два других товарища согласились на такую же сумму. Я подумал, что не должен сильно отставать от них, и внес один фунт. Для меня это были большие деньги, но я знал, что стоит мне только устроиться, и такая плата будет мне по карману. И Бог вновь помог мне. Многие согласились на взнос в размере фунта, а тех, кто решил вносить десять шиллингов, оказалось еще больше. Кроме того, были и пожертвования, которые с благодарностью принимались.

Позже оказалось, что по первому требованию платить никто не торопился. Обходить членов Конгресса, живших за пределами Дурбана, было крайне трудно. Первоначальный энтузиазм скоро начал угасать. Даже сбор взносов в самом Дурбане нередко сопровождался упорными уговорами.

Поскольку же меня назначили секретарем организации, обязанность собирать взносы легла на меня. Вскоре мне и моему помощнику пришлось посвящать целые дни одному только сбору средств. Его быстро утомила подобная работа, и я пришел к выводу, что взносы лучше сделать не ежемесячными, а ежегодными, но при этом взимать их строго за год вперед. Итак, я организовал собрание Конгресса. Все участники одобрили предложенную мной меру, а размер минимального годового взноса составил три фунта, после чего наша работа стала значительно проще.

С самого начала я не собирался вести общественной работы на заемные средства. На обещания большинства людей можно полагаться во всех вопросах, кроме финансовых. Мне еще нигде и никогда не встречались люди, готовые без промедлений выделить обещанные деньги, и индийцы Наталя не были в этом смысле исключением. Поскольку же Индийский конгресс Наталя не приступал к работе, если на нее не было средств, он никогда не оказывался в долгу.

Мои товарищи по работе демонстрировали необычайный энтузиазм, привлекая в Конгресс новых членов. Такая деятельность не только оказалась для них интересной, но и дала каждому бесценный опыт. Многие охотно и без уговоров вносили средства, а вот сбор денег в отдаленных городках оказался делом весьма сложным. Местные жители не понимали самой сути общественной деятельности. И тем не менее мы часто получали приглашения из очень далеких мест, где наших представителей гостеприимно встречали крупные торговцы.

Во время одной из таких поездок нам пришлось нелегко. Мы ждали, что наш хозяин внесет шесть фунтов, но он отказывался вносить больше трех. Если бы мы согласились принять от него такую сумму, его примеру последовали бы другие, и это сорвало бы наши сборы. Дело было поздним вечером, и мы сильно проголодались. Но как могли мы сесть ужинать, не получив денег, на которые с самого начала рассчитывали? Наши доводы на хозяина не действовали. Он упрямо стоял на своем. Другие торговцы из того городка поддерживали его. Мы просидели почти всю ночь вместе с ним, твердо решив не уступать ни пенни. Большинство моих коллег просто кипели от злости, но сдерживались. Наконец, когда уже начало светать, хозяин сдался, внес необходимые шесть фунтов и великодушно накормил нас. Дело было в Тонгаате, но слухи о произошедшем дошли даже до расположившегося на северном побережье Станджера и находящегося в глубине страны Чарлстауна. Это также очень помогло нам.

Но сбор взносов был далеко не единственной сложностью в нашей работе. К тому времени я уже начал придерживаться принципа, гласящего: «не имей в своем распоряжении больше средств, чем необходимо».

Собрания членов Конгресса проходили ежемесячно или даже еженедельно, если возникала такая необходимость. Зачитывался протокол предыдущего собрания, и обсужда-

лись самые разные вопросы. У многих не было опыта участия в публичных дебатах, а потому они не умели говорить кратко и логично. Никто не решался выступить. Я объяснил им правила ведения подобных собраний, и они стали придерживаться их. Они поняли, что для них это станет новым этапом развития, и даже те, кто никогда прежде не выступал перед аудиторией, научились вслух высказывать свои мысли, касающиеся общественных проблем.

Зная, что самые мелкие расходы общественной организации зачастую вытягивают из ее казны крупные суммы, я сначала решил отказаться даже от квитанционных книжек. У меня в конторе стоял гектограф, с помощью которого я снимал копии с квитанций и отчетов. Впрочем, даже и это я начал делать только тогда, когда казна Конгресса пополнилась, а число членов и объем продельваемой ими работы значительно увеличились. Подобная экономия важна для любой организации, но, насколько мне известно, не везде соблюдается. Именно поэтому я счел необходимым столь детально описать первый этап жизни небольшого, но быстро растущего Конгресса.

Люди никогда не требовали квитанций за внесенные ими суммы, но мы сами неизменно настаивали, чтобы квитанции все-таки выдавались. Каждый пай был учтен, и я могу с гордостью утверждать, что бухгалтерские книги Индийского конгресса Наталя за 1894 год и по сей день аккуратно хранятся в целости и сохранности в архивах. Скрупулезное ведение таких книг необходимо для любой организации. Без них она просто не может считаться солидной и пользоваться доверием. Без правильного ведения счетов невозможно отстаивать истину в ее превозданном виде.

Еще одной особенностью деятельности Конгресса стало привлечение к работе образованных индийцев, родившихся в колонии. А потому под началом Конгресса была учреждена Ассоциация по вопросам просвещения

рожденных в колонии индийцев. Ее членами становились в основном уже получившие образование молодые люди. Взносы с них взимались чисто символические. Ассоциация стремилась заботиться об их нуждах, выявлять жалобы, развивать их интеллектуально, налаживать контакты между ними и индийскими торговцами и привлекать их к деятельности на благо индийской общины. Ассоциация стала своего рода дискуссионным клубом. Ее члены регулярно встречались, обсуждали и вместе читали различные публикации. При Ассоциации была открыта небольшая библиотека.

Третьим аспектом деятельности Конгресса стала пропаганда. Мы должны были рассказать англичанам, живущим в Южной Африке и Англии, и народу Индии о настоящем положении дел в Натале. Для этого я сам написал две брошюры. Первую я озаглавил «Обращение к британцам Южной Африки». В ней, опираясь на подлинные факты, я описал жизнь индийцев в Натале. Вторая брошюра — «Право голоса для индийцев. Воззвание». В нее вошла краткая история избирательного права индийцев в Натале, подкрепленная фактическим и статистическим материалом. Подготавливая эти брошюры, я не пожалел сил, и это стоило того: обе брошюры стали широко известны.

В результате нашей деятельности мы сумели найти сочувствующих индийцам в Южной Африке и заручиться поддержкой различных политических партий Индии. Мы также наметили программу действий, которой отныне могли следовать индийцы Южной Африки.

20. БАЛАСУНДАРАМ

Если твое желание серьезно и исходит от самого сердца, оно обязательно сбудется. На своем жизненном пути я нередко убеждался в этом. Служение неимущим было моим

сокровенным желанием, и оно неизменно приводило меня к бедным, помогало стать как бы одним из них, чтобы глубже понять их.

Хотя среди членов Индийского конгресса Наталя были и индийцы, рожденные в колонии, и индийцы-клерки, все же рабочие, зарабатывающие на жизнь неквалифицированным трудом, и законтрактованные рабочие оставались за его рамками. Конгресс еще не стал организацией, представляющей их интересы. Они попросту не могли позволить себе платить взносы и становиться членами Конгресса, а ведь только став для них защитой и опорой, Конгресс мог обратить их в своих сторонников. Возможность представилась неожиданно, когда ни Конгресс в целом, ни я сам не были к ней готовы. Я тогда проработал едва ли два или три месяца, а Конгресс все еще мог считаться новорожденной организацией, когда ко мне пришел тамил с двумя выбитыми передними зубами и окровавленным ртом, одетый в лохмотья и сжимающий в руке головной убор. Он дрожал всем телом и плакал. Его жестоко избил хозяин. Подробности о нем я узнал от своего помощника — тоже тамила по происхождению. Баласундарам — так звали моего гостя — работал по контракту у одного хорошо известного европейца, жителя Дурбана. Рассердившись, хозяин потерял контроль над собой и зверски избил своего рабочего, лишив пары зубов.

Я отправил моего гостя к врачу. В те годы докторами были только белые люди. Мне требовалось письменное заключение о характере повреждений, полученных Баласундарамом. Получив заключение, я отвел Баласундараму прямиком к судье и приложил к документу письменные показания пострадавшего. Ознакомившись с ними, мировой судья настолько возмутился, что сразу же распорядился прислать нанимателю повестку в суд.

Однако в мои планы совсем не входило наказание жестокого хозяина. Я всего лишь хотел, чтобы Баласундара-

ма освободили от всяких обязательств перед ним. Закон о законтрактованных рабочих был мне уже хорошо знаком. Если обыкновенный слуга покидал свою службу без предупреждения, хозяин имел право предъявить иск через гражданский суд. Но ситуация с законтрактованным рабочим была совсем иной. При таких же обстоятельствах он предстал перед уголовным судом и обычно приговаривался к тюремному заключению. Именно поэтому сэр Уильям Хантер назвал систему найма по контракту рабством. Как и раб, законтрактованный рабочий становился собственностью своего хозяина.

Для освобождения Баласундарамы существовали только две возможности. Либо протектор по делам законтрактованных рабочих аннулировал существующий контракт и переводил Баласундараму на отработку к другому нанимателю, либо его прежний хозяин сам соглашался расторгнуть контракт и освободить своего работника. Я встретился с хозяином Баласундарамы и сказал ему:

— Я не хочу подавать на вас в суд и добиваться заслуженного наказания. Думаю, вы понимаете, насколько жестоко поступили. Но я буду полностью удовлетворен, если вы передадите его контракт кому-либо другому.

Он с готовностью согласился на мое предложение. Затем я обратился к протектору. Тот одобрил мою идею при условии, что я сам найду для своего протеже нового нанимателя.

Я взялся за поиски другого хозяина. Он мог быть только европейцем, поскольку ни один индиец не имел права нанимать законтрактованных рабочих. В то время я знал мало европейцев, но встретился с одним из них, и он оказал мне любезность, согласившись принять Баласундараму к себе. Я от всего сердца поблагодарил его за доброту. Судья признал виновным бывшего хозяина Баласундарамы и отметил, что тот должен передать контракт другому нанимателю.

Дело Баласундарамы стало широко известным среди законтрактованных рабочих, и за мной закрепились репутация их друга. Я искренне радовался новой дружбе. В мою контору устремилось множество обиженных рабочих, и я получил прекрасную возможность узнать все об их радостях и печалях.

Эхо дела Баласундарамы докатилось до далекого Мадраса. Рабочие из самых отдаленных уголков этой провинции, приехавшие в Наталь по контракту, узнали обо всех обстоятельствах случившегося от собратьев.

По существу дело не выделялось из ряда подобных, но сам факт того, что в Натале был кто-то, готовый отстаивать интересы законтрактованных рабочих и публично выступать от их имени, стал для этих людей приятным сюрпризом и ободрил их.

Как я уже упомянул, входя в мою контору, Баласундарам держал свой головной убор в руках. Эта деталь в очередной раз напомнила мне о том, как унижительно наше положение. Ранее я рассказывал о случае, когда меня самого заставили снять тюрбан. Законтрактованные рабочие и вообще любые индийцы были обязаны снимать головные уборы, встречая европейца. И не имеет значения, о каком головном уборе идет речь: о фуражке, тюрбане или же простом шарфе, обмотанном вокруг головы. Ты мог приветствовать европейца самым почтительным образом, обеими руками — этого было недостаточно. И Баласундарам решил, что должен соблюдать это правило при встрече со мной. Подобный инцидент произошел впервые в моей практике. Я сам почувствовал себя униженным и просил его вновь покрыть голову шарфом. Он сделал это не без некоторого колебания, но я все же увидел радость на его лице.

Для меня навсегда осталось тайной, как могут люди находить удовольствие в унижении собратьев.

21. НАЛОГ В ТРИ ФУНТА

Дело Баласундарамы сблизило меня с законтрактованными индийскими рабочими, но обратить самое пристальное внимание на условия их жизни меня заставила развернувшаяся новая кампания — для таких рабочих собирались установить особенно тяжелый налог.

В том же 1894 году правительство Наталя решило ежегодно взимать с законтрактованных индийских рабочих налог в размере двадцати пяти фунтов. Это предложение несказанно изумило и возмутило меня. Я посоветовался с членами Конгресса, и мы решили немедленно начать сопротивляться нововведениям.

Но сначала мне следует кратко пояснить, каким образом возникла сама идея этого налога.

Приблизительно в 1860 году европейцы Наталя обнаружили, насколько прибыльным может быть возделывание сахарного тростника, но сразу же столкнулись с проблемой нехватки рабочей силы. Без привлечения работников из других стран выращивание тростника и производство сахара становились невозможными, поскольку зулусы Наталя не годились для такой работы. Тогда правительство Наталя вступило в переговоры с правительством Индии и добилось разрешения нанимать индийцев. Рекруты должны были трудиться в Натале пять лет по подписанному контракту, а по истечении этого срока им разрешалось остаться в Натале и приобрести в собственность земельный участок. Подобная приманка была прежде всего на руку европейцам Наталя, ведь они рассчитывали поднять сельское хозяйство за счет работников, срок контракта которых уже истек.

Однако индийцы добились в Южной Африке гораздо большего, чем от них ожидали. Они начали выращивать богатые урожаи овощей и фруктов. Привезли с собой индийские культуры и сумели возделывать местные гораздо дешевле. Они завезли манго. Причем их деятельность

скоро перестала ограничиваться лишь сельским хозяйством: они занялись торговлей, стали покупать земельные участки для строительства, а многие рабочие превратились в землевладельцев и построили свои дома. За ними последовали индийские купцы и активно включились в торговлю в Южной Африке. Первым среди них был ныне покойный шет Абубакар Амод, который за короткое время сумел стать хозяином крупной торговой империи.

Белые торговцы встревожились. Приветствуя прибытие индийской рабочей силы, они и не представляли, насколько предприимчивыми окажутся прибывшие. Индийцев еще можно было терпеть в роли независимых землевладельцев, но конкуренцию в торговле следовало пресечь любыми способами.

Так были посеяны семена враждебности по отношению к индийцам. Усилению неприязни способствовали и многие другие факторы. Наш совершенно иной образ жизни, неприветливость, удовлетворенность даже небольшой прибылью, пренебрежение правилами личной гигиены и санитарии, скупость, когда речь заходит о поддержании своих участков в чистоте и порядке, — все это в сочетании с разницей в религиях лишь подливало масла в огонь вражды. В законодательной сфере эта вражда вылилась в законопроекты о праве голоса и о налогообложении для законтрактованных индийских рабочих. Но ведь были и другие попытки вставлять индийцам палки в колеса.

Для начала было предложено принудительно возвращать индийских рабочих в Индию так, чтобы срок действия контрактов истек уже после их приезда на родину. Но правительство Индии не пошло бы на такой шаг. Тогда предложили следующее:

1. Законтрактованный рабочий должен вернуться в Индию по истечении срока контракта. Или же...

2. Он должен подписывать новый контракт каждые два года, получая прибавку при его возобновлении. Или же...

3. Если рабочий отказывается вернуться в Индию или возобновить контракт, с него взимается налог в размере двадцати пяти фунтов.

Чтобы добиться поддержки этих предложений индийским правительством, в Индию была направлена делегация в составе сэра Генри Биннса и мистера Мейсона. Вице-королем Индии был тогда лорд Эльджин. Он не одобрил налог в двадцать пять фунтов, но согласился на подушный налог в размере трех. В тот момент я подумал, что вице-король допустил серьезную ошибку. Я уверен в этом и сейчас. Соглашаясь на подушный налог, он совершенно не подумал об интересах Индии. В его обязанности не входила поддержка европейцев из Наталя. В течение трех или четырех лет законтрактованный рабочий, имеющий жену, сына старше шестнадцати лет и дочь старше тринадцати, должен был платить двенадцать фунтов в год с четырех человек. А ведь его месячный доход никогда не превышал четырнадцати шиллингов! Такой налог был проявлением величайшей несправедливости; ничего подобного ему не было во всем мире.

Мы начали активную кампанию против введения этого налога. Если бы Индийский конгресс Наталя промолчал, вице-король, не исключено, одобрил бы и налог в двадцать пять фунтов. Снижение налога до трех фунтов стало, как мне кажется, возможным исключительно благодаря кампании Конгресса. Хотя я могу и заблуждаться. Возможно, индийское правительство сразу же отказалось от налога в двадцать пять фунтов и снизило его до трех, не принимая во внимание действия Конгресса. В любом случае британские власти Индии не справились со своей миссией. Как человек, которому поручили заботиться о благосостоянии Индии, вице-король попросту не имел права соглашаться на столь зверский налог.

Разумеется, Конгресс не мог считать большим достижением снижение налога с двадцати пяти до трех фунтов.

Мы глубоко сожалели, что не смогли до конца отстоять интересы законтрактованных индийских рабочих. Конгресс решил не сдаваться и продолжать бороться за отмену налога, но потребовалось целых двадцать лет, прежде чем желаемого удалось добиться. А когда закон был наконец отменен, это стало победой индийских рабочих не только в Натале, но и во всей Южной Африке. Измена ныне покойному мистеру Гокхале стала поводом для той последней кампании, в которой отличились все законтрактованные индийцы. Некоторые из них пожертвовали жизнью, были расстреляны, а больше десяти тысяч были вынуждены страдать за тюремными решетками.

Но правда в конце концов восторжествовала. Страдания, пережитые индийцами, стали выражением этой правды. И все же правда не победила бы, если бы не бесстрашная вера, величайшее терпение и непрерывная борьба. Если бы индийская община сдалась, а Конгресс отказался от кампании, приняв налог как нечто неизбежное, ненавистная подать продолжила бы терзать законтрактованных индийских рабочих и по сей день к величайшему стыду индийцев Южной Африки и всей Индии.

22. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИЙ

Причиной моего полного погружения в служение общине стало прежде всего стремление к самореализации. Я сделал служение своей религией, поскольку чувствовал, что Бога можно обрести только через пользу, принесенную людям. Для меня служением было служение интересам Индии. Оно пришло ко мне само, я не искал его, а просто имел к нему способности. А ведь я уехал в Южную Африку ради новых впечатлений, пытаюсь избежать интриг Катхиявара и заработать на жизнь. Но, как я уже упомянул, я нашел себя в поисках Бога и самореализации.

Друзья-христиане пробудили во мне ненасытную жажду знаний и не оставили бы меня в покое, пожелай я проявлять ко всему равнодушие. В Дурбане меня понял мистер Спенсер Уолтон, возглавлявший южноафриканскую генеральную миссию. Скоро я почувствовал себя почти членом его семьи. Разумеется, этого не случилось бы, не пообщайся я так тесно с христианами в Претории. Методы мистера Уолтона были весьма своеобразны. Не помню, чтобы он попытался прямо предложить мне принять христианство. Но он положил свою жизнь передо мной, как открытую книгу, позволяя мне наблюдать за каждым своим поступком. Миссис Уолтон была добрейшей и талантливой женщиной. Мне нравилось отношение этой супружеской пары ко мне. Мы прекрасно знали о той пропасти, что лежит между нами, и никакие дискуссии не могли заполнить ее. Но даже различия между людьми оказываются полезными там, где царствуют терпимость, милосердие и правда. Мне пришлось по душе смирение Уолтонов, их упорство и преданность своему делу. Мы стали встречаться все чаще и чаще.

Эта дружба не давала угаснуть моему интересу к религии. Теперь я не мог уделять столько времени изучению религиозных вопросов, сколько уделял в Претории, но я отдавал занятиям почти весь свой досуг, пусть даже самый короткий. Продолжалась и моя переписка на религиозные темы. Мои поиски направлял Райчандбхай. Один из друзей прислал мне книгу Нармадашанкера «Дхарма Вичар». Особенно полезным оказалось предисловие к ней. Я слышал о богемном образе жизни, который вел поэт, и меня заинтересовала описанная в этом предисловии подлинная революция, свершившаяся в его сознании благодаря изучению религии. Книга мне понравилась, и я прочитал ее от корки до корки очень внимательно. С интересом ознакомился я и с трудом Макса Мюллера «Индия. Чему она может научить нас?», и с изданным Теософическим обще-

ством переводом «Упанишад». В результате мое уважение к достоинствам индуизма только увеличилось и передо мной начала раскрываться его подлинная красота. Однако при этом я не стал предвзято относиться к другим религиям. Я прочитал книгу Вашингтона Ирвинга «Жизнь Магомета и его преемников» и панегирик Пророку Карлейля. Благодаря этим книгам Мухаммед предстал передо мной в совершенно ином свете. Я также прочел сборник «Изречения Заратустры».

Чтение позволило мне лучше понять другие религии. Их изучение стимулировало желание познать самого себя и выработало привычку пытаться осуществить на практике то, что заинтересовало меня в процессе чтения. Например, я начал заниматься йогой, применяя ее принципы так, как понял их сам. Вот только самостоятельно мне не удалось продвинуться в этих занятиях сколько-нибудь далеко, и я решил возобновить их под руководством опытного наставника по возвращении в Индию. Увы, этому желанию не суждено было сбыться.

Я изучал также и творчество Толстого. «Краткое изложение Евангелия», «Так что же нам делать?» и другие его труды произвели на меня сильное впечатление. Я все глубже и глубже постигал бесчисленные возможности проявления всеобщей любви.

Примерно в то же время я познакомился с еще одной семьей христиан. По их предложению я начал посещать методистскую церковь каждое воскресенье. По тем же дням они приглашали меня поужинать с ними. Церковь не произвела на меня благостного впечатления. Проповеди показались лишенными вдохновения, а паства выглядела не слишком набожной. Это были не собрания преданных Богу душ, а скорее простые встречи людей, помышляющих о мирском, для которых посещение церкви было развлечением, не более чем данью традиции. Там я порой сам невольно впадал в дрему. Мне станови-

лось стыдно, но мои друзья, грешившие тем же, облегчали своим примером мою совесть. Долго так продолжаться не могло, и скоро я отказался от посещений этих служб.

Точно так же неожиданно оборвалась и моя связь с семьей, чей дом я посещал каждое воскресенье. Можно даже сказать, что меня попросили прекратить визиты. Произошло это так. Хозяйкой дома была добрая и простая женщина, но вот кругозор ее был несколько узок. С ней мы часто беседовали на религиозные темы. Как раз тогда я перечитывал «Свет Азии» Арнольда, и однажды мы стали сравнивать жизни Иисуса и Будды.

— Посмотрите, как сострадателен Гаутама! — воскликнул я. — Он не ограничивается состраданием к людям, но распространяет его на всех живых существ. Разве не переполняются наши сердца любовью при мысли о том, как радостно ягненок сидит у него на плечах? В жизни Иисуса нет такой любви ко всем живым существам.

Сравнение огорчило добрую леди. Мне были понятны ее чувства, а потому я поспешил закончить разговор, и мы перешли в столовую. С нами был ее сынишка — ангелочек, которому едва исполнилось пять лет. Мне всегда нравилось общество детей, вот и с этим малышом мы сразу подружились. Но я пренебрежительно отозвался о куске мяса на его тарелке, а затем похвалил яблоко, лежавшее передо мной. Неискушенный мальчик увлекся моими речами и тоже принялся восхвалять фрукты.

А что же его мать? Она выглядела испуганной и охваченной смятением.

Мне указали на мою бестактность. Я спохватился и сменил тему беседы. На следующей неделе я, как обычно, пришел навестить семью, хотя не без некоторого трепета. Я не понял, что должен прекратить приходить сюда, да и не считал, что для этого есть повод. Но добрейшая хозяйка помогла мне сделать выбор.

— Мистер Ганди, — сказала она, — пожалуйста, не обижайтесь, но я чувствую себя обязанной объяснить вам, что ваше общество не идет на пользу моему сыну. Теперь он каждый день неохотно ест мясо и просит фруктов, напоминая мне о приведенных вами аргументах. Это уже чересчур. Если он вообще откажется от мяса, то вырастет слабым, а быть может, даже заболит. Как я могу допустить подобное? Отныне вам следует разговаривать только с нами — взрослыми. На детей ваши взгляды плохо влияют.

— Миссис ***, — ответил я, — прошу простить меня. Мне понятны ваши родительские чувства, поскольку у меня тоже есть дети. Мы легко сможем выйти из столь неприятного положения. Рассуждения о том, что я ем и чего избегаю, ребенок воспринимает острее, чем мне хотелось бы. А посему будет лучше, если я совсем прекращу свои визиты. Хотя это никак не должно сказаться на нашей дружбе.

— Благодарю вас.

В ее словах слышалось явное облегчение.

23. В РОЛИ ХОЗЯИНА ДОМА

Я уже имел представления о том, как обустроиться на новом месте, вот только опыт этот в Натале был несколько иным — не таким, как в Бомбее и Лондоне. На этот раз мне пришлось пойти на дополнительные расходы исключительно ради престижа. Мне показалось необходимым обзавестись таким жильем, которое соответствовало бы моему положению индийского адвоката и общественного деятеля в Натале, а потому я снял небольшой, но уютный и хорошо обставленный дом в фешенебельном районе. Питался я просто, но поскольку приходилось постоянно приглашать к себе английских друзей и индийских товарищей по работе, то расходы на содержание жилища были достаточно велики.

В хозяйстве крайне важен хороший слуга, но я понятия не имел, как обращаться с кем-то как со своим слугой.

Со мной поселились один из друзей в качестве компаньона и помощника, и повар, ставший почти что членом семьи. Кроме того, клерки из моей конторы часто бывали у меня дома, столовались и ночевали у меня.

Думаю, мне более или менее удался подобный эксперимент, хотя и он не обошелся без кое-каких горьких моментов.

Компаньон был умен и, как мне казалось, полностью предан мне. Однако в этом я ошибся. Он невзлюбил одного из клерков, который также жил со мной, и сумел сплести такую хитроумную паутину лжи, что я начал относиться к клерку подозрительно. Но и у клерка тоже был сложный характер. Поняв, что я в чем-то подозреваю его, он покинул не только мой дом, но и службу. Меня это ранило. Я понял, как несправедливо, должно быть, поступил с честным человеком, и эта вина еще долго омрачала мою совесть.

Затем моему повару потребовался отпуск на несколько дней, или он по какой-то причине отсутствовал тогда. На это время пришлось найти замену. Позже о новом поваре я узнал, что тот был изрядным плутом, но он оказал мне неоценимую услугу. На второй или третий день работы он обнаружил, что под крышей моего дома втайне от меня происходят весьма непристойные вещи, и решил рассказать мне об этом. У меня была репутация слишком доверчивого, но принципиального человека. Тем более потрясающим стало открытие для временного повара. Каждый день в час дня я возвращался домой, чтобы пообедать. Но однажды, примерно в полдень, ко мне в контору прибежал запыхавшийся повар и сказал:

— Пожалуйста, идите домой сейчас же. Там вас ждет сюрприз.

— В чем дело? — спросил я. — Вы должны мне все рассказать немедленно. Я не могу без достаточно веской причины бросить работу.

— Вы потом горько пожалеете, если не пойдете. Это все, что я пока могу вам сказать.

Я покорился его настойчивости и отправился домой вместе с одним из клерков и самим поваром. Он попросил меня сразу подняться на второй этаж и указал на дверь комнаты моего компаньона со словами:

— Откройте эту дверь и все увидите сами.

Я начал что-то подозревать и постучал в дверь. Никакого ответа! Я постучал затем сильнее — так, что во всем доме задрожали стены. Дверь открылась. Внутри я увидел проститутку. Я потребовал, чтобы она убиралась из моего дома и никогда больше не возвращалась.

А компаньону сказал:

— С этого момента я не желаю иметь с вами ничего общего. Я был коварно обманут. Вы выставили меня на посмешище. Так-то вы отплатили мне за мое доверие?

Но вместо того, чтобы устыдиться, он пригрозил мне неким разоблачением.

— Мне нечего скрывать, — ответил я ему. — Рассказывайте обо мне все, что вам угодно. Но вы должны покинуть мой дом немедленно.

Мои слова только разозлили его. Выхода не было, и я сказал клерку, стоявшему внизу:

— Пожалуйста, передайте начальнику полицейского участка мое глубочайшее почтение и скажите, что человек, живущий у меня, совершил дурной поступок. Я не желаю больше видеть его в своем доме, но он отказывается уйти. Буду весьма благодарен, если мне пришлют полицию в помощь.

Компаньон наконец понял, что я серьезен в своих намерениях. Он осознал, как виноват, и извинился передо мной, уговаривая не сообщать ничего полиции. Затем он согласился сразу же удалиться, что и сделал.

Произошедшее стало для меня предупреждением. Только теперь у меня открылись глаза, и я понял, как подло

обманул меня злой гений. Приютив его, я избрал негодные средства для осуществления благих намерений. Я пытался собирать «с репейника смоквы». При этом я знал о дурном характере своего друга, но продолжал упорно верить, что он никогда не предаст меня. В попытке наставить его на путь истинный я едва не погубил самого себя. Мои подлинные друзья не раз предупреждали меня, но я лишь отмахивался от предостережений. Привязанность к этому человеку сделала меня слепым к его недостаткам.

Если бы не новый повар, я, наверное, никогда не узнал бы правды и под влиянием этого друга не сумел бы вести независимую жизнь, какую тогда только начал. Мне пришлось бы постоянно тратить на него внимание и время, а он продолжил бы обманывать меня и сбивать с толку.

Однако Бог, как и прежде, спас меня. Поскольку мои намерения были чисты, я был спасен вопреки своим ошибкам, а приобретенный опыт стал предостережением на будущее.

Повар, кажется, был посланником с Небес. Он ведь совершенно не умел готовить и не задержался бы у меня в этой роли, но только он один открыл мне глаза. Как я выяснил позже, та женщина не в первый раз пришла в мой дом. Компаньон часто приводил ее и прежде, но ни у кого больше не хватило смелости разоблачить его, поскольку все знали о моем слепом доверии к нему. И, как я уже упомянул, повар словно был послан мне лишь для выполнения этой миссии, поскольку сразу же попросил разрешения уйти.

— Я не могу оставаться в вашем доме, — сказал он. — Вас слишком легко ввести в заблуждение, и потому таким, как я, здесь не место.

Мне, разумеется, пришлось отпустить его.

Я вспомнил, что именно этот мой компаньон наговаривал на того клерка. Я сделал потом все, что мог, чтобы исправить совершённую несправедливость, но загладить

вину мне так и не удалось. Это навсегда осталось пятном на моей совести.

Как ее ни заделывай, трещина есть трещина.

24. ДОМОЙ!

К тому времени я уже провел в Южной Африке три года. Мне необходимо было лучше узнать живущих здесь людей и дать им возможность узнать меня самого. В 1896 году я попросил разрешения отправиться домой хотя бы на полгода, поскольку понял, что мне предстоит надолго задержаться в Южной Африке. Моя адвокатская практика процветала, и я чувствовал, что необходим людям, а потому решил отправиться домой, забрать жену и детей с тем, чтобы позже вернуться и обосноваться здесь на более длительный срок. Я также понимал, что смогу сделать много полезного в Индии, рассказав людям там о проблемах индийцев в Южной Африке. Налог в три фунта все еще терзал людей. Не могло быть и речи о мире и покое, пока этот налог не был отменен.

Но кто заменит меня в Конгрессе и Ассоциации по вопросам просвещения во время моего отсутствия? Я рассматривал двух кандидатов — Адамджи Миякхана и Парси Рустомджи. Среди коммерсантов теперь было много подходящих для нашей работы людей, но только эти двое были способны регулярно выполнять функции секретаря и при этом пользоваться авторитетом у представителей индийской общины. Секретарь, разумеется, должен был знать английский язык на приличном рабочем уровне. Я рекомендовал Конгрессу ныне покойного Адамджи Миякхана, и он был утвержден в качестве нового секретаря организации. Последующие события показали, что этот выбор оказался удачным. Адамджи устроил всех, так как обладал необходимыми настойчивостью, терпимостью, дружелюбием и деликатностью и доказал делом, что для того, чтобы быть

секретарем, не требуется диплом адвоката или вообще любое высшее образование, полученное в Англии.

Примерно в середине 1896 года я отбыл домой на пароходе «Понгола», направлявшемся в Калькутту.

Пассажиров на борту судна оказалось очень мало. Среди них были два английских чиновника, с которыми я близко познакомился. С одним из них мы ежедневно посвящали час свободного времени игре в шахматы. Корабельный врач снабдил меня «Самоучителем тамильского языка», и я принялся за его изучение. Опыт работы в Натале показал, что мне необходимо выучить урду для общения с мусульманами и тамильский язык для общения с мадрасскими индийцами.

По просьбе английского друга, тоже желавшего изучить урду, я нашел среди палубных пассажиров человека, который говорил на этом языке, и за время плавания мы успели добиться неплохих результатов в наших занятиях. Чиновник обладал гораздо более развитой памятью, чем я. Однажды увидев слово, он уже не забывал его, а вот мне часто было трудно даже просто разбирать буквы урду. Я удвоил усилия, но так и не смог обогнать чиновника.

Зато с тамильским языком я справился гораздо лучше. Преподавателя найти не удалось, но самоучитель был написан очень хорошо, и я не чувствовал необходимости в посторонней помощи.

Я надеялся продолжить изучение языков уже после прибытия в Индию, но это оказалось невозможным. После 1893 года читать учебную литературу мне пришлось в основном в тюрьме. Успехов в тамильском языке я добился в южноафриканских застенках, в урду — в Йерваде. Однако говорить по-тамильски я так и не смог, а то малое, что мне удалось выучить благодаря чтению, постепенно забывается из-за отсутствия практики.

Я до сих пор помню, как трудно мне приходилось без знания тамильского языка или телугу. В памяти сохрани-

лась та забота, которой окружили меня дравиды в Южной Африке, — это стало для меня одним из самых приятных воспоминаний. Сейчас, стоит мне встретить друга из числа тамиллов или телугу, я невольно вспоминаю прошлое, ту веру, упорство и самопожертвование, которые демонстрировали их соотечественники в Южной Африке. А ведь они были поголовно неграмотными — как женщины, так и мужчины. Такой уж была борьба в Южной Африке, в ней сражались главным образом неграмотные солдаты. Она велась ради бедняков, и бедняки же в ней участвовали. Однако незнание их языков никогда не мешало мне завоевывать сердца этих простых и добрых людей. Они все же говорили на ломаном хиндустани или на таком же ломаном английском, а потому мы без труда работали вместе. Но мне всегда хотелось отплатить им за преданность, выучив тамильский язык и телугу. В тамильском, как я уже отметил, мне удалось добиться некоторых успехов, а вот в телугу, за который я взялся уже в Индии, мне не удалось продвигаться дальше алфавита. Боюсь, что теперь уже никогда не выучу этих языков, а потому мне остается только надеяться на способность дравидов выучить хиндустани. Ведь в Южной Африке те из них, кто не говорил по-английски, могли объясняться на хинди или хиндустани, пусть даже и плохо. И только владеющие английским языком не желают ничему учиться, словно его знание становится препятствием на пути приобщения к другим языкам.

Но я отвлекся от главной темы. Позвольте теперь закончить рассказ о моем морском путешествии. Мне необходимо будет представить читателю капитана «Понголы». Мы стали друзьями. Добряк капитан принадлежал к секте плимутских братьев, поэтому мы гораздо чаще вели беседы на религиозные темы, чем на мирские. Он четко разграничивал вопросы веры и морали. Библейское учение он считал детской забавой. Красота христианства заключалась для него в простоте. Пусть все люди — мужчины,

женщины, дети, часто повторял он, уверуют в Иисуса и его самопожертвование, и тогда наверняка им будут прощены любые прегрешения. Он напомнил мне о плимутском брате из Претории. Религия, накладывавшая любые моральные ограничения, ему не подходила. Мое вегетарианство стало темой нашей дискуссии. Почему я не должен есть мяса вообще, а в нашем случае — говядины? Разве Бог не создал всех существ низшего порядка для удовлетворения потребностей человека точно так же, как создал, например, царство растений? Подобные вопросы неизбежно приводили нас к серьезным религиозным спорам.

Убедить друг друга в чем-либо нам не удавалось. Я утверждал, что религия и мораль — синонимы. Но капитан нисколько не сомневался в правильности совершенно противоположной точки зрения.

Наконец приятное путешествие, продолжавшееся двадцать четыре дня, подошло к концу, и, налюбовавшись красотами реки Хугли, я сошел в Калькутте и тем же вечером отправился поездом в Бомбей.

25. В ИНДИИ

На пути в Бомбей поезд остановился на сорок пять минут в Аллахабаде. Я решил с пользой употребить время и посмотреть этот город. Мне было также нужно купить в аптеке лекарство. Аптекарь попался полусонный, ему потребовалась целая вечность, чтобы найти нужный мне препарат, и в итоге я вернулся на вокзал, когда мой поезд уже тронулся. Начальник станции любезно задержал состав на минуту, но, когда я так и не появился, распорядился выгрузить на платформу мой багаж.

Я спросил комнату в гостинице Келльнера и сразу же приступил к намеченной работе. Я много слышал об издававшейся в Аллахабаде газете «Пайониер», которая, как я понял, враждебна интересам индийцев. Насколько пом-

ню, редактором в то время был мистер Чесни-младший. Я хотел заручиться поддержкой всех партий и потому отправил мистеру Чесни записку, объяснив, что задержало меня в городе, и попросив встретиться со мной, прежде чем я покину Аллахабад на следующий день. Он сразу же согласился, что весьма обрадовало меня, особенно когда я понял, насколько внимательно он оказался готов выслушать меня. Он обещал упоминать в газете все, о чем я напишу, но не мог обещать поддерживать все требования индийцев, поскольку должен был учитывать и точку зрения белых колонистов.

— Для меня вполне достаточно, — сказал я, — если вы будете вникать в суть проблемы и обсуждать ее на страницах своего издания. Я хочу и прошу всего лишь заслуженной справедливости по отношению к нам.

Остаток дня я провел, восхищаясь великолепием Тривени — местом соединения трех священных рек, и планируя свою дальнейшую работу. Неожиданная беседа с редактором «Пайонира» послужила отправной точкой для целой серии событий, которые привели в конце концов к тому, что меня буквально линчевали в Натале.

Не останавливаясь в Бомбее, я отправился прямым путем в Раджкот и взялся за написание брошюры о ситуации в Южной Африке. Работа над ней и публикация заняли около месяца. Брошюра вышла в зеленой обложке и в дальнейшем стала известна как «Зеленая брошюра». В ней я нарисовал намеренно смягченную картину положения индийцев в Южной Африке. Даже использованная мной лексика была более сдержанной, чем та, к которой я прибегал в двух вышеупомянутых брошюрах, поскольку я понимал, что любое явление, о котором узнаешь, находясь на большом расстоянии от него, кажется крупнее, чем в действительности.

Было напечатано десять тысяч экземпляров, которые затем были разосланы во все газеты и лидерам всех по-

литических партий Индии. «Пайонир» стал первым изданием, отозвавшимся на брошюру в редакционной статье. Краткое изложение брошюры агентство Рейтер отправило в Лондон, а лондонский офис Рейтер, в свою очередь, отправил еще более сокращенный вариант в Наталь. Телеграмма, полученная в Натале, была не длиннее трех печатных строк — получилась крайне искаженная картина положения индийцев в Натале, нарисованная в моей брошюре. Причем в заметке не было ни единого слова, написанного мной. Позже мы увидим, к чему все это привело. А тем временем в Индии каждое сколько-нибудь значительное издание присоединилось к обсуждению поднятого мною вопроса.

Отправить брошюры почтой оказалось весьма хлопотным делом. Было бы слишком дорого нанимать оплачиваемых работников для упаковки и прочего, и мне пришла в голову другая идея. Я собрал всю ребятню, жившую в моем районе, и попросил детишек выделить два или три часа утром, до уроков, чтобы помочь мне. Они охотно согласились. В качестве награды за труд я обещал благословить их и подарить погашенные почтовые марки, которые успел собрать. Они справились с поставленной задачей очень быстро. Это стало моим первым экспериментом, к которому я привлек детей в качестве добровольцев. Двое из тех моих маленьких друзей работают у меня и по сей день.

Примерно в то же время в Бомбее разразилась эпидемия чумы, породившая повсеместную панику. Возникли опасения, что болезнь доберется до Раджкота. Поскольку я посчитал, что смогу помочь в осуществлении санитарного надзора, я предложил свои услуги правительству. Мое предложение было принято, и меня включили в состав особой санитарной комиссии. Я сразу же подчеркнул важность чистоты отхожих мест, и комиссия приняла решение произвести инспекцию на каждой улице. Бедняки не возражали, чтобы их туалеты осмотрели, и, более того,

они прислушались к советам, которые мы им дали. Однако, когда очередь дошла до домов богатых людей, некоторые семьи попросту отказались впустить нас, не говоря уже о том, чтобы выслушать наши рекомендации. Между тем мы уже поняли, что отхожие места в домах богачей зачастую бывали самыми грязными. В них царила темнота, вонь, а в нечистотах копошились черви. Улучшения, предлагаемые нами, были крайне просты: например, завести ведра для экскрементов, вместо того, чтобы выбрасывать их на землю; собирать в ведра мочу чтобы она не просачивалась в почву; убрать перегородки между наружными стенами и туалетами, чтобы обеспечить доступ света и свежего воздуха в отхожие места, а также облегчить работу уборщикам. Представители высших классов выдвинули множество возражений именно против последней рекомендации и в большинстве случаев не последовали ей.

Комиссии необходимо было осмотреть и те кварталы, где жили неприкасаемые. Только один из ее членов согласился сопровождать меня туда. Остальным представлялось чем-то совершенно неподобающим посетить дома неприкасаемых, а тем более осмотреть их туалеты. Но для меня эти кварталы стали приятной неожиданностью. Я впервые посетил их. Обитавшие там мужчины и женщины были удивлены, увидев нас. Я попросил разрешения осмотреть их туалеты.

— Туалеты? У нас? — воскликнули они изумленно. — Мы справляем нужду под открытым небом. Туалеты есть только у вас — важных людей.

— Что ж, в таком случае вы не будете возражать, если мы просто осмотрим ваши жилища? — спросил я.

— Добро пожаловать к нам, сэр. Можете заглянуть в каждый угол и закуток наших домов. Хотя мы живем не в домах, а почти что в дырах.

Я вошел и, к своей радости, обнаружил, что дом не только выглядел чистым снаружи, но и был опрятным внутри.

Прихожая была тщательно выметена, полы аккуратно вымыты водой с навозом*, а немногочисленные горшки и сковородки сияли. В этом квартале можно было не опасаться вспышки эпидемии.

Зато в одном из домов людей высшего класса мы увидели туалет, который мне так и хочется описать во всех подробностях. В каждой комнате было сливное отверстие, используемое как для воды, так и для мочи. Дом пропитался отвратительной вонью. В другом доме сливное отверстие было расположено в комнате на втором этаже. От дыры на первый этаж спускалась труба. Терпеть жуткий запах в этой комнате казалось невозможным. Как ее владелец мог спать в ней, я предоставляю читателям вообразить самим.

Наша комиссия посетила и хавели вишнуитов. Жрец поддерживал дружеские отношения с моей семьей, а потому охотно позволил нам все осмотреть и согласился прислушаться к нашим рекомендациям. На территории храма мы обнаружили свалку, которую сам жрец, вероятно, видел впервые. Вдоль стены были нагромождены пищевые отходы и листья, использовавшиеся вместо тарелок. Туда слетались воронье и коршуны. Туалеты оказались, конечно же, грязными. Я пробыл в Раджкоте не так уж долго и не успел выяснить, какие из наших рекомендаций были выполнены в хавели.

Мне было больно видеть нечистоты в месте, предназначенном для молитв. Мы вправе были ожидать более тщательного соблюдения правил санитарии и гигиены в помещении, считавшемся священным. Авторы «Смрити», насколько я знал тогда, особо подчеркивали важность внутренней и внешней чистоты.

* Пусть это покажется странным современному читателю, но мытье полов смесью из воды и навоза — один из древнейших способов поддержания их в чистоте.

26. ДВЕ СТРАСТИ

Едва ли я встречал кого-либо, столь же преданного британской конституции, как я. Теперь я понимаю, что корнем этой преданности была истина: я никогда не смог бы изображать преданность или любую другую добродетель. Британский национальный гимн обычно исполнялся на каждом собрании, которое я посещал в Натале. Я всегда чувствовал себя обязанным петь вместе со всеми. При этом я видел все недостатки британского правления, но в целом считал его вполне допустимым. Тогда я еще верил, что оно приносит нам пользу.

Расовая нетерпимость, с которой я столкнулся в Южной Африке, противоречила, как я полагал, британским традициям, и я воспринимал ее как временное и чисто локальное явление. Потому я мог посоперничать с англичанами в их преданности британскому трону. Я старательно заучил мелодию национального гимна и присоединялся к пению, когда бы оно ни звучало. И если выпадала возможность выразить свою преданность без показного рвения и хвастовства, я охотно пользовался этой возможностью.

Причем никогда в жизни я не пытался извлечь выгоду из своей преданности. Для меня она стала обязанностью из числа тех, что выполняют, не ожидая какой-либо награды.

Когда я вернулся в Индию, подготовка к празднованию шестидесятилетия правления королевы Виктории как раз шла полным ходом. Меня пригласили войти в состав комиссии, собранной для этого в Раджкоте. Я принял приглашение, но сразу же заподозрил, что празднование получится в значительной степени показным. Я увидел много пустой мишуры и расстроился. Я даже начал спрашивать себя, стоит ли мне оставаться в комиссии или нет, но в результате решил остаться и добросовестно сделать свою часть работы.

Одним из мероприятий стала посадка деревьев. Многие делали это напоказ, чтобы угодить чиновникам. Я попытался объяснять людям, что посадка деревьев не обязательна и является лишь одним из многих предложенных мероприятий; к ней следует относиться серьезно или не браться за нее вообще. У меня сложилось впечатление, что над моими словами просто посмеиваются. Помню, с каким торжественным чувством я сам посадил дерево, как тщательно затем поливал его и ухаживал за ним.

С тем же чувством я научил своих собственных детей петь национальный гимн. Я научил этому и студентов местного педагогического колледжа, вот только запоминать, было ли это по случаю празднования шестидесятилетия правления королевы Виктории или по случаю коронации короля Эдуарда VII императором Индии. Однако позже текст гимна стал вызывать у меня противоречивые чувства. Когда я глубже понял ахимсу, я стал более осторожным в своих мыслях и словах. Меня особенно тревожили эти строки:

Порази всех врагов ее,
Заставь их пасть ниц,
Заведи в тупик их политику,
Разоблачи их коварные уловки*.

Я поделился своими чувствами с доктором Бутом, и он согласился, что не к лицу человеку, верующему в ахимсу, распевать подобные строки. Как могли мы считать так называемых «врагов» королевы «коварными»? Или они непременно неправы, лишь потому что являются врагами? Только у Бога могли мы просить справедливости. Доктор Бут полностью разделял мое мнение и даже сочинил для своей паствы новый гимн. Но о докторе Буте я подробнее расскажу ниже.

* Здесь уместно напомнить, что слова британского гимна обращены к Богу.

Кроме преданности, во мне глубоко укоренилась и склонность ухаживать за немощными. Я любил ухаживать за больными, будь то мои друзья или незнакомцы.

Пока я писал брошюру в Раджкоте, у меня появилась возможность ненадолго съездить в Бомбей. Я собирался воздействовать на общественное мнение в городах через митинги, и первым из этих городов стал Бомбей. Сначала я встретился там с судьей Ранаде, который выслушал меня очень внимательно и порекомендовал обратиться к сэру Ферозшаху Мехте. Затем состоялась моя встреча с судьей Бадруддином Тьябджи, который дал мне такой же совет.

— Судья Ранаде и я сам не многим можем помочь вам, — сказал он. — Вы понимаете сложность нашего положения. Мы не имеем права принимать активное участие в общественных мероприятиях, хотя наши симпатии на вашей стороне. Помочь вам может только сэр Ферозшах Мехта.

Я и сам, разумеется, хотел встретиться с сэром Ферозшахом Мехтой, и тот факт, что два столь важных человека порекомендовали обратиться именно к нему, наилучшим образом свидетельствовал об огромном влиянии, которое оказывал на общественное мнение сэр Ферозшах. В назначенное время я встретился с ним, причем приготовился испытать в его присутствии трепетное восхищение. Я знал, как его называют в народе, и понимал, что предстану перед «Бомбейским львом» и «Некоронованным королем округа». Однако этот король нисколько не подавлял. Он принял меня, и встреча эта была больше похожа на встречу любящего отца с повзрослевшим сыном. Она состоялась у него в конторе. Присутствовали несколько его близких друзей и последователей. Среди них были мистер Д. Е. Ваचा и мистер Кама, которым меня представили. О мистере Вача я уже много слышал прежде. Его считали правой рукой сэра Ферозшаха, а адвокат Вирчанд Ганди охарактеризовал его как выдающегося эксперта в области статистики. Мне мистер Вача сказал следующее:

— Ганди, нам непременно будет нужно встретиться с вами снова.

На все эти церемонии ушло не более двух минут. Затем сэр Ферозшах очень серьезно выслушал меня. Я рассказал ему о своих встречах с судьями Ранаде и Тьябджи.

— Ганди, — сказал он затем, — я вижу, что должен помочь вам. Я сам созову здесь митинг.

После чего он обратился к своему секретарю мистеру Мунши и распорядился назначить день митинга. День был назначен, и сэр Ферозшах распрощался со мной, пригласив навестить его еще раз накануне митинга. Этот разговор рассеял все мои тревоги, и я ушел в превосходном настроении.

В Бомбее я навестил своего зятя, прикованного болезнью к постели. Он был крайне ограничен в средствах, а моя сестра (его жена) не умела как следует ухаживать за ним. Болезнь была нешуточной, и я предложил перевезти его в Раджкот. Он согласился, и я вернулся домой вместе с сестрой и ее мужем. Болел он гораздо дольше, чем я ожидал. Я поместил зятя в своей спальне и оставался рядом с ним днем и ночью. Часто мне приходилось бодрствовать по ночам и ухаживать за ним, одновременно ухитряясь проделывать необходимую работу по южноафриканскому вопросу. Через некоторое время мой пациент все же скончался, но мне послужила утешением мысль, что я мог заботиться о нем в последние дни его жизни.

Желание ухаживать за больными постепенно перешло в подлинную страсть. Я даже нередко пренебрегал своими основными обязанностями ради этого и иногда привлекал к уходу не только жену, но и всех домочадцев.

Такая работа лишена смысла, если ты не получаешь от нее никакой радости. Когда ты ухаживаешь напоказ или из страха перед общественным мнением, это лишь удручает больного и лишает его присутствия духа. Подобное

служение не помогает ни тебе, ни ему. Но все остальные удовольствия и радости жизни меркнут, когда служишь человеку с искренней радостью.

27. БОМБЕЙСКИЙ МИТИНГ

Так случилось, что на следующий день после смерти зятя мне пришлось отправиться в Бомбей на митинг. У меня практически не было времени, чтобы продумать свою речь. Я чувствовал себя совершенно изможденным после многочисленных дней и ночей тревожного бдения у ложа больного, и даже мой голос охрип. Однако я поехал в Бомбей, целиком полагаясь на помощь Бога. О том, чтобы успеть написать речь, я и не мечтал.

Подчиняясь указанию сэра Ферозшаха, я прибыл к нему в контору в пять часов вечера накануне митинга.

— Ваша речь готова, Ганди? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил я, чувствуя, как начинаю дрожать от волнения. — Я решил выступить экспромтом.

— Для Бомбея это не годится. Местные журналисты пользуются дурной репутацией, и, если мы хотим извлечь из митинга какую-то пользу, ваша речь должна быть готова и напечатана еще до наступления завтрашнего утра. Надеюсь, вы справитесь вовремя?

Нервничая, я ответил, что постараюсь.

— В таком случае скажите мне, когда мистеру Мунши зайти к вам за рукописью?

— В одиннадцать часов сегодня же, — сказал я.

Прибыв назавтра к началу митинга, я понял всю мудрость совета сэра Ферозшаха. Митинг проходил в актовом зале института сэра Ковасджи Джехангира. Мне рассказывали, что, когда там выступает Ферозшах Мехта, зал заполнен до отказа — в основном студентами, желающими послушать его. Это мероприятие стало моим первым митингом. Я сразу понял, что многие меня не услышат, и за-

дрожал, когда начал читать свою речь. Сэр Ферозшах подбадривал меня и постоянно просил читать громче и еще громче. Но я лишь сильнее смущался, и мой голос звучал все тише и глуше.

На выручку пришел мой давний друг адвокат Кешаврао Дешпанде. Я передал ему текст речи. Его голос, казалось бы, звучал идеально, но аудитория все равно отказывалась слушать его. В зале раздавались возгласы:

— Вача! Вача!

И тогда мистер Вача поднялся с места и дочитал мою речь. Аудитория затихла и дослушала ее до самого конца, прерывая чтеца по мере необходимости лишь аплодисментами и выкриками «позор!». Мое сердце наполнилось радостью.

Сэру Ферозшаху речь понравилась. Я был очень счастлив.

Митинг позволил мне завоевать еще более горячие симпатии мистера Дешпанде и друга-парса, чье имя мне не хотелось бы здесь упоминать, поскольку сейчас он занимает высокий пост в правительстве. Они оба решили сопровождать меня в Южную Африку, однако мистер М. Курсетджи, который тогда работал в суде по мелким гражданским делам, отговорил моего друга-парса от поездки, так как намеревался женить его. Другу-парсу пришлось выбирать между женитьбой и поездкой в Южную Африку. Он выбрал первое. Парси Рустомджи компенсировал понесенные мной убытки, а сестры парса, чтобы загладить вину молодоженов, посвятили себя работе с кхади*. Итак, я простил эту пару. Адвокат Дешпанде не собирался сочетаться браком, но и он не смог отправиться со мной. Сейчас он расплачивается за нарушенное тогда обещание. По пути обратно в Южную Африку я встретил в Занзибаре одного

* Кхади — изготовленная вручную хлопчатобумажная ткань. Также бывает из шерсти и шелка.

из членов семейства Тьябджи. Он тоже вызвался приехать в Наталь, чтобы помочь мне, но я его так и не дождался. Пришлось мистеру Аббасу Тьябджи отдуваться за него. Так вот и получилось, что все три попытки уговорить адвокатов сопровождать меня в Южную Африку оказались бесплодными.

В этой связи мне вспоминается мистер Пестонджи Падшах. Мы с ним сдружились еще в Англии, познакомившись в одном из вегетарианских ресторанов Лондона. Я был наслышан о его брате мистере Барджорджи Падшахе, за которым закрепились репутация чудака. Я никогда не встречал его лично, но друзья много рассказывали о его эксцентричности. Например, он так жалел лошадей, что отказывался пользоваться омнибусами; несмотря на выдающуюся память, не получил ни одной ученой степени; воспитал в себе независимый дух; стал вегетарианцем, хотя был парсом. Репутация Пестонджи не была столь незаурядной, но и он прославился на весь Лондон своей эрудицией. Впрочем, мы сошлись благодаря вегетарианству, а не образованности, в которой мне трудно было бы состязаться с ним.

Мы встретились вновь в Бомбее. Он служил главным нотариусом в Высоком суде. Когда наши пути снова пересеклись, он участвовал в составлении словаря верхнего гуджарати. Не осталось ни одного товарища, к кому бы я не обратился с просьбой помочь мне в Южной Африке. Пестонджи Падшах не только наотрез отказался помогать мне, но и настоятельно советовал больше вообще не возвращаться туда.

— Вам ничем нельзя помочь, — сказал он. — И мне не нравится сама по себе идея вашего возвращения в Южную Африку. Вам мало работы в нашей стране? Посмотрите хотя бы на мое нынешнее занятие — составление словаря родного языка требует еще долгого и кропотливого труда. Особая проблема для меня — научные термины. Но это

лишь одна из многочисленных возможностей. Только подумайте, какая бедность царит здесь. Не сомневаюсь, что индийцы в Южной Африке бедствуют, но мне бы не хотелось, чтобы такой человек, как вы, пожертвовал всем ради этой работы. Давайте добьемся права на самоуправление здесь и так поможем индийцам в Натале. Понимаю, что не смогу вас убедить, но я не посоветую никому из наших общих знакомых связать с вами свою судьбу.

Хотя его речи не пришлись мне по душе, мое уважение к Пестонджи Падшаху тем не менее только возросло. Меня тронула его любовь к родной стране и языку. Этот разговор еще больше сблизил нас. Мне была понятна его точка зрения, но я не собирался бросать свою работу в Южной Африке, а только укрепился в решении продолжить ее. Истинный патриот не может позволить себе оставить без внимания даже самую малую возможность послужить родине. И для меня были вполне ясны строки «Гиты»:

В итоге окажется благом, если каждый будет
Делать свое дело так, как может, и пусть он потерпит
неудачу,
Ему не стоит браться за чужие задачи, хотя они с виду
очень важны.
Погибнуть, исполняя свой долг, не страшно.
Куда как хуже вечно бродить в слепых поисках иных путей.

28. ПУНА И МАДРАС

Сэр Ферозшах значительно облегчил мою задачу. Из Бомбея я отправился в Пуну. Здесь было две партии. Мне, как я уже упомянул выше, требовалось заручиться поддержкой людей, придерживающихся самых разных мнений. Сначала я встретился с Локаманьей Тилаком. Он сказал:

— Вы правильно делаете, добиваясь поддержки всех партий. Не может быть двух и более разных мнений о том,

что происходит в Южной Африке. Однако председателем должен быть человек беспартийный. Познакомьтесь с профессором Бхандаркар. Он оставил общественную деятельность, но ваша проблема может заинтересовать его. Повидайтесь с ним, а потом дайте мне знать о результатах вашей встречи. Я желал бы помочь вам всем, чем смогу. И, разумеется, вы можете обращаться ко мне в любое время. Я в вашем полном распоряжении.

Это была моя первая встреча с Локаманией, и она сразу же открыла мне секрет его необыкновенной популярности.

Следующим в моем списке был Гокхале. Я разыскал его в парке колледжа Фергюссона. Он очень доброжелательно встретил меня и покорила изяществом своих манер. С ним я тоже встретился впервые, но у меня было такое чувство, словно мы знаем друг друга много лет. Сэра Ферозшаха я представлял Гималаями, Локаманию — океаном, Гокхале — Гангом. В священной реке можно освежиться. Гималаи неприступны, переплыть океан сложно, а Ганг манит тебя своими водами. Я бы с радостью плывал по нему в лодке с веслами.

Гокхале тщательно проэкзаменовал меня, словно ученика. Он рассказал мне, с кем следует встретиться и как найти подход к каждому из них. Потом попросил разрешения посмотреть текст моей речи. Он показал мне колледж, заверил, что всегда готов помочь, и пожелал узнать результаты моей дальнейшей встречи с доктором Бхандаркар. Я ушел от него несказанно счастливым. Гокхале-политик занимал в моем сердце совершенно особое место на протяжении всей своей жизни. Занимает и сейчас.

Доктор Бхандаркар тоже принял меня с той теплотой, с какой отец встречает сына. Я посетил его в полдень.

Сам по себе факт, что я в такой час был занят деловыми встречами, показался любопытным этому неугомонному ученому мужу. Я попросил его стать тем самым беспартий-

ным председателем намечавшегося митинга и встретил его горячее одобрение, выразившееся в восклицаниях: «Как раз то, что мне нужно!»

Выслушав меня, он сказал:

— Всякий знает, что я избегаю политики. Но вам я отказать не могу. Ваше дело столь серьезно, а ваши усилия вызывают такое восхищение, что я не смею отклонить предложение участвовать в этом митинге. Вы поступили правильно, переговорив с Тилаком и Гокхале. Пожалуйста, передайте им, что я буду рад стать председателем митинга, который пройдет под началом обеих партий. И не нужно спрашивать у меня, какое время удобно мне. Любое время, подходящее вам, меня вполне устроит.

После чего распрощался со мной с добрыми пожеланиями и благословениями.

Без лишнего шума эта группа образованных и бескорыстных людей провела в Пуне митинг в сравнительно небольшом помещении, а затем они отправили меня дальше. Я покинул Пуну приободренным и еще более уверенным в необходимости моей миссии.

Я направился в Мадрас. Там меня ожидали с еще большим энтузиазмом. Уже упомянутое мной дело Баласундарама произвело на участников митинга сильнейшее впечатление. На сей раз у меня был напечатанный текст речи, которая мне самому показалась слишком длинной. Но аудитория внимательно выслушала каждое мое слово. По окончании митинга состоялась ставшая традиционной раздача «Зеленой брошюры». Я привез с собой уже второе, исправленное издание, снова вышедшее тиражом десять тысяч экземпляров. Книжки расходились как горячие пирожки, но я все же понял, что не было необходимости печатать брошюру таким большим тиражом. Я слишком увлекся работой и неправильно оценил спрос. Моя речь была адресована англоговорящей публике, а в Мадрасе эта группа людей не могла раскупить весь тираж.

Неоценимую помощь оказал мне ныне покойный Г. Парамешваран Пиллаи, редактор газеты «Мадрас стэндард». Он всесторонне изучил вопрос и часто приглашал меня к себе в редакцию, чтобы дать советы. Г. Субрахманиам из газеты «Хинду» и доктор Субрахманиам тоже сочувствовали моему делу. Г. Парамешваран Пиллаи вообще предоставил целые колонки в «Мадрас стэндард» в мое распоряжение, и я в полной мере воспользовался его великодушным предложением. Митинг в Пачаяппа-холл прошел, насколько помню, под председательством доктора Субрахманиама.

Симпатия большинства людей, с которыми я познакомился, и их энтузиазм, проявленный в отношении моей работы, были столь потрясающи, что, несмотря на необходимость общаться с ними по-английски, я чувствовал себя как дома. Существует ли на свете препятствие, которого не преодолела бы истинная любовь?

29. «ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ СКОРЕЕ»

Из Мадраса я отправился в Калькутту, где мне пришлось столкнуться с большими трудностями. Я никого не знал в этом городе, поэтому остановился в гостинице «Грейт истерн». Там я познакомился с мистером Эллерторпом, представителем «Дейли телеграф». Он пригласил меня в Бенгальский клуб, где поселился сам. Он и не представлял, что индийца не пустят в гостиную клуба. Узнав об этом, он отвел меня в свою комнату и выразил глубочайшее сожаление по поводу расовых предрассудков местных англичан. Он также извинился за невозможность посидеть со мной в гостиной клуба.

Мне нужно было встретиться с Сурендранатхом Банерджи, прозванным «Бенгальским идиолом». Я нашел его в кругу друзей. Он сказал:

— Боюсь, местные не проявят должного интереса к вашей работе. Как вы знаете, у нас и здесь много проблем.

Однако вам стоит приложить все усилия для достижения вашей цели. Необходимо для начала получить поддержку магараджей. Непременно познакомьтесь с представителями Британской индийской ассоциации. Кроме того, необходимо встретиться с раджой сэром Пьяримоханом Мукарджи и магараджей Тагором. Оба придерживаются либеральных взглядов и принимают активное участие в общественных делах.

Я встретился с упомянутыми джентльменами, но безрезультатно. Оба холодно приветствовали меня и заявили, что собрать митинг в Калькутте весьма непросто, а если что-то и можно сделать, то это будет зависеть от Сурендранатха Банерджи.

Моя задача постепенно становилась все более сложной. Я ходил в редакцию газеты «Амрита базар патрика». Джентльмен, с которым я там встретился, принял меня за вечного странника. В редакции газеты «Бангабаси» со мной поступили еще хуже. Редактор заставил меня прождать битый час. Посетителей было много, но он едва удостоил меня внимательным взглядом, когда освободился. После долгого ожидания я попытался изложить ему суть своего дела, но он сказал:

— Разве вы не видите, как мы здесь заняты? К нам приходят сотни таких, как вы. Вам лучше сразу уйти. Я не расположен слушать вас.

На мгновение я оскорбился, но почти сразу понял его. «Бангабаси» была очень популярна. Я видел, сколько посетителей приходит сюда, и это были люди в основном уже знакомые с редактором. Газете не требовались дополнительные темы, а о проблемах Южной Африки в то время еще едва ли кто-то слышал.

Какими бы серьезными ни казались жалобы посетителя ему самому, он был всего лишь одним из многочисленных людей, наводнявших приемную редактора. Каждый из них спешил поделиться своими бедами. Как мог редактор уде-

лить время всем? Более того, люди действительно думали, что редактор газеты обладает какой-то существенной властью в стране. Только он сам понимал, что теряет эту власть уже за порогом собственного кабинета. Но я не пал духом и продолжал встречаться с редакторами других изданий. Я зашел в англо-индийские редакции. Редакторы «Стейтсмен» и «Инглишмен» заинтересовались поднятым мной вопросом. Я дал им пространные интервью, которые были затем целиком напечатаны.

Мистер Сондерс, редактор газеты «Инглишмен», отнесся ко мне как к равному. Он предоставил в мое распоряжение редакцию и полосы газеты, любезно разрешив мне вносить любые поправки в передовицу, написанную им самим о ситуации в Южной Африке. Корректуру статьи он выслал мне заранее. Не будет преувеличением сказать, что между нами установились дружеские отношения. Он пообещал оказывать мне посильную помощь во всем, причем сдержал свое обещание. Мы продолжали переписываться и потом, пока он серьезно не заболел.

В жизни я нередко находил множество таких друзей, причем зачастую совершенно неожиданно. Мистеру Сондерсу пришлось по душе отсутствие во мне склонности к преувеличениям и моя преданность истине. Он подробно расспросил меня обо всем, прежде чем проникнуться сочувствием к моей работе, и оценил то, что я не только беспристрастно описал положение индийцев Южной Африки, но и представил ему позицию белых.

Мой опыт показал, что мы быстрее всего добиваемся справедливости, если справедливо относимся к оппоненту.

Помощь мистера Сондерса, которой я совершенно не ждал, вселила в меня надежду, что мне все же удастся провести митинг в Калькутте. Но неожиданно я получил из Дурбана следующую телеграмму: «Парламент открывается в январе. Возвращайтесь скорее».

Мне пришлось отправить в газеты письмо, в котором я объяснял, почему вынужден спешно покинуть Калькутту. Затем я выехал в Бомбей. Но прежде я связался с бомбейским агентом фирмы «Дада Абдулла и К^о» и попросил купить мне билет на первый же пароход, отбывающий в Южную Африку. Выяснилось, что Дада Абдулла только что приобрел пароход «Курлянд», и настаивал, чтобы я и члены моей семьи воспользовались им совершенно бесплатно. Я с благодарностью принял предложение и в начале декабря во второй раз отплыл в Южную Африку, но только теперь вместе с женой, двумя своими сыновьями и единственным сыном овдовевшей сестры. Одновременно в Дурбан отплывал еще один пароход — «Надери». Агентом компании также была фирма «Дада Абдулла и К^о». На обоих пароходах плыло около восьмисот человек, половина из них направлялась в Трансвааль.

Часть-III

1. ПЕРВЫЕ РАСКАТЫ ГРОМА

Это стало моим первым путешествием вместе с женой и детьми. Я уже объяснял, что результатом детских браков между индусами среднего класса стало то, что только муж мог получить образование, а жена оставалась практически неграмотной. Из-за этого они не понимали друг друга, и муж должен был становиться учителем для жены. Итак, мне пришлось подобрать членам семьи подходящую одежду, выбрать правильное питание, проследить, чтобы они усвоили манеры, подходящие новому для них окружению. Некоторые воспоминания о тех днях кажутся мне достойными упоминания.

Жена индуса считает своей религией беспрекословное подчинение мужу. Муж-индус считает себя хозяином и господином жены, обязанной служить ему во всем.

В те времена я думал, что мы должны одеваться и вести себя, как европейцы, чтобы быть цивилизованными. Мне казалось, что только так мы сможем получить влияние, без которого невозможно служить общине.

Потому я подобрал новую одежду для жены и сыновей. Разве мог я позволить им выглядеть как банья Катхиявара? Парсы тогда считались наиболее цивилизованными людьми среди индийцев, а посему, раз уж полностью перенять европейский стиль не получалось, мы решили придерживаться стиля парсов. Соответственно, моя жена стала

носить сари парсов, а мальчики — куртки и брюки парсов. Разумеется, нельзя было обойтись без обуви и чулок. Жена и детишки долго привыкали к ним. Туфли натирали ноги, а от чулок попахивало потом. На больших пальцах их ног часто появлялись волдыри. На все жалобы у меня были заранее готовы ответы. Впрочем, мне показалось, что домашних убеждал авторитет главы семейства, а не эти ответы. Они соглашались на все изменения, потому что у них не было другого выбора. С такими же неприязнью и неохотой стали они пользоваться ножами и вилками. Как только мое собственное увлечение этими предметами цивилизации прошло, ножи и вилки тут же исчезли с наших столов. Вероятно, после длительного их использования моей семье было так же нелегко вернуться к прежнему образу жизни. И только теперь я понимаю, что мы чувствуем себя свободными, лишь когда избавляемся от мишуры «цивилизации».

На борту парохода вместе с нами оказались наши родственники и знакомые. Их, как и прочих пассажиров других классов, я часто навещал, поскольку на судне, принадлежавшем другу моего клиента, я пользовался полной свободой передвижения.

Это судно направлялось прямиком в Наталь без каких-либо остановок, и на все путешествие ушло только восемнадцать дней. Но словно для того, чтобы предупредить нас о предстоящей буре на суше, ужасный шторм застиг нас в плавании, когда до Наталья оставалось всего четыре дня пути. В Южном полушарии декабрь — это месяц летних муссонов, а потому штормы — сильные или слабые — там обычное дело в это время. Шторм, который нас настиг, оказался столь мощным и продолжительным, что пассажиры забеспокоились. Это была поистине торжественная картина: все мы объединились перед лицом общей опасности. Пассажиры забыли о всяких различиях и думали только об одном и том же Боге — мусульмане, индусы,

христиане и все остальные. Многие давали клятвы. Даже капитан присоединился к пассажирам в их молитвах. Он заверил всех, что, пусть этот шторм и представляет для парохода определенную опасность, ему, капитану, доводилось попадать в гораздо более страшные бури. Надежное судно, объяснял он, сможет выдержать любую непогоду. Однако это послужило для всех слабым утешением. Каждую минуту раздавался грохот и треск, предвещавшие возможные пробоины и протечки. Судно раскачивалось и вращалось, грозя в любой момент перевернуться. Не могло быть и речи о том, чтобы кто-то оставался на палубе. «Да свершится воля Его», — такие слова срывались с уст каждого из нас. Насколько помню, шторм продлился двадцать четыре часа. Наконец небо очистилось, проглянуло солнце, и капитан сказал, что буря улеглась. Лица людей осветились радостью облегчения, опасность миновала, и имя Божье сразу же перестало упоминаться. И вот они уже снова ели, пели, веселились, как прежде. Страх смерти исчез, и время, когда они могли лишь молиться, уступило место *майя* — иллюзии. Разумеется, пассажиры совершали обычный намаз и возносили другие молитвы, но в них уже не было той торжественности, что родилась в ужасный час бури.

И все же шторм сплотил нас. Я не слишком боялся его, поскольку уже переживал нечто подобное. Мне нравилось бывать в море, причем я никогда не страдал морской болезнью. А потому я свободно перемещался по судну от одного пассажира к другому, стараясь успокоить их и приободрить, каждый час сообщая новости, полученные от капитана. Эти дружеские отношения, как мы увидим дальше, очень помогли мне.

Пароход бросил якорь в порту Дурбан 18 или 19 декабря. В тот же день туда прибыл и «Надери».

Однако настоящей буре только предстояло разразиться.

2. БУРЯ

Я уже упомянул, что оба парохода бросили якорь в порту Дурбан приблизительно 18 декабря. В портах Южной Африки пассажирам запрещается сходить на берег без предварительного медицинского осмотра. Если на борту оказывается пассажир с инфекционным заболеванием, на судне объявляют карантин. Поскольку в Бомбее, когда мы отплыли, свирепствовала чума, мы опасались, что и нам придется выдержать такой карантин. Перед началом осмотра каждый корабль обязан поднять желтый флаг, который спускают только после того, как врач признает всех пассажиров здоровыми. Родственники и друзья, встречающие прибывших, допускаются на борт лишь тогда, когда флаг спущен.

Над нашим пароходом тоже поднялся желтый флаг; прибыл доктор, чтобы осмотреть пассажиров. Он распорядился назначить на судне пятидневный карантин, поскольку бактерии чумы развиваются двадцать три дня. Мы, таким образом, должны были находиться на карантине, пока не истечет двадцать третий день с момента нашего отплытия из Бомбея. Вот только дело тут было совсем не в эпидемии.

Белые жители Дурбана требовали отправить нас во свояси. Это и стало еще одной причиной для объявления карантина. Фирма «Дада Абдулла и Ко» ежедневно общалась нам об обстановке в городе. Белые каждый день собирали большие митинги, угрожали расправой и даже пытались обращаться с призывами к Даде Абдулле. Они были готовы возместить убытки, которые понесла фирма, если оба парохода будут отправлены обратно в Индию. Но сотрудников фирмы «Дада Абдулла и Ко» было не так-то просто запугать. Шет Абдул Карим Хаджи Адам был тогда управляющим партнером фирмы. Он твердо решил любой ценой подвести пароходы к пристани и высадить пасса-

жиров. Он также каждый день присылал мне письма с изложением всех обстоятельств. К счастью, ныне покойный Мансухлал Наазар в это время находился в Дурбане, чтобы встретить меня. Это был способный и бесстрашный человек, руководивший индийской общиной. Адвокат общины мистер Лаутон тоже отличался незаурядной смелостью. Он выступил с резкой критикой поведения белых и давал советы индийцам не просто как адвокат на жалованье, а как их настоящий друг.

Дурбан теперь стал местом столкновения двух неравных сил. С одной стороны — горстка бедных индийцев, поддерживаемых немногочисленными английскими друзьями, с другой — белые с их оружием, численным превосходством, образованием и деньгами. Кроме того, на их стороне было государство — правительство Наталя открыто помогало им. Мистер Гарри Эском, наиболее влиятельный член кабинета министров, не стеснялся участвовать в их митингах.

Подлинной целью карантина стало, как выяснилось, стремление заставить пассажиров вернуться в Индию, запугав их или агентов компании. Теперь угрозы были такими:

— Если не уберетесь, столкнем вас в воду! А если согласитесь вернуться, возможно, даже получите обратно деньги за билет!

Я постоянно перемещался от пассажира к пассажиру своего судна, стараясь ободрить их, а также отправил несколько записок пассажирам «Надери», чтобы утешить их. Все они сохранили спокойствие и мужество.

На борту парохода мы играли в самые разные игры, чтобы хоть немного развлечься. В рождественский день капитан пригласил пассажиров первого класса на ужин. Я и члены моей семьи заняли самые почетные места. После ужина я решил произнести речь о западной цивилизации. Я понимал, что случай был не самый подходящий для серьезных речей, но не мог поступить иначе. Я участвовал в играх и других развлечениях, но сердцем был с теми, кто

сражался в Дурбане. Ведь целью митингующих был именно я. Против меня выдвигалось два обвинения:

1. Находясь в Индии, я развернул кампанию против белого населения Натала.

2. Я намеренно привел два парохода с желающими поселиться тут индийцами, чтобы они заполнили Наталь.

Я, разумеется, осознавал свою ответственность за происходящие события. Знал, на какой риск пошла фирма «Дада Абдулла и Ко». Знал, что поставил жизни пассажиров и членов моей семьи под угрозу.

Но ведь я не был виноват. Я никого не призывал перебираться в Наталь и не был знаком практически ни с кем из пассажиров, когда они поднимались на борт. За исключением имен нескольких родственников, мне не были известны имена никого из сотен пассажиров, прибывших в Южную Африку вместе со мной. В Индии я не сказал о белых в Натале ни единого слова, которого уже не произносил бы в самом Натале. И я располагал всеми необходимыми доказательствами.

А потому в своей речи я мог только оплакивать цивилизацию, представителем и защитником которой было белое население Натала. Я много размышлял о ней и постарался выразить свое мнение. Капитан и другие мои друзья выслушали меня с терпеливым вниманием и поняли мою речь так, как и было нужно. Не знаю, повлияла ли она хотя бы в малой степени на их судьбы, но я и потом вел долгие беседы с капитаном и другими офицерами на тему западной цивилизации. В своей речи я подчеркнул, что она отличается от восточной прежде всего тем, что основана на грубой силе. Мои утверждения вызвали много вопросов, касавшихся и моей собственной веры. Насколько помню, капитан спросил:

— Предположим, белые приведут в исполнение свои угрозы. Как в таком случае вы будете придерживаться принципа ненасилия?

На что я ответил:

— Надеюсь, Бог даст мне достаточно мужества и здравого смысла, чтобы простить их и воздержаться от привлечения к суду. Я не злюсь на них. Я лишь сожалею об их невежестве и узости мышления. Мне понятно, насколько искренне они верят в правоту того, что готовы совершить сейчас, а потому я не вижу смысла гневаться на них.

Капитан улыбнулся, хотя, вероятно, в его улыбке крылось и недоверие к моим словам.

Дни тянулись томительно долго. Все еще оставалось не до конца ясным, когда закончится карантин. Офицер карантинной службы заявил, что вопрос теперь не в его компетенции, но как только он получит соответствующие указания от правительства, немедленно позволит нам сойти на сушу.

Затем всем пассажирам и мне лично предъявили ультиматум. Нам предлагали подчиниться, если мы желаем остаться в живых. В нашем общем ответе мы настаивали, что имеем полное право сойти на берег в Порт-Натале, и заявляли о своем твердом решении попасть в Наталь, невзирая на риск.

По истечении двадцати трех дней пароходам разрешили войти в гавань, а пассажирам — сойти на сушу.

3. ИСПЫТАНИЕ

Итак, пароходы пришвартовались, и пассажиры начали сходить на сушу. Однако мистер Эском передал через капитана, что, поскольку белые крайне озлоблены и моей жизни грозит опасность, мне с семьей лучше сойти с парохода после наступления темноты, тогда начальник порта мистер Татум сможет проводить нас до дома. Капитан передал эти рекомендации мне, и я согласился последовать им. Но едва минуло полчаса, как к капитану пришел мистер Лаутон и объявил:

— Мне бы хотелось забрать мистера Ганди с собой, если он не возражает. Как консультант пароходной компании по юридическим вопросам могу сказать, что вы не обязаны выполнять указания мистера Эскома.

После чего обратился ко мне и сказал примерно следующее:

— Если вы не боитесь, я предлагаю отвезти миссис Ганди и детей в дом мистера Рустомджи, а мы с вами направимся туда пешком. Мне не по душе мысль, что вы проберетесь в город под покровом ночи, словно вор. Не думаю, что вам действительно что-то угрожает. Сейчас все спокойно. Толпа белых разошлась. В любом случае вам не следует проникать в город твйком.

Я согласился. Жена и дети в полной сохранности добрались до дома мистера Рустомджи, а я, получив на то разрешение капитана, сошел на берег вместе с мистером Лаутоном. Дом мистера Рустомджи находился примерно в двух милях от порта.

Как только мы оказались на берегу, какие-то подростки узнали меня и принялись выкрикивать: «Ганди! Ганди!» Затем еще с полдюжины человек ринулись к пристани и тоже начали кричать. Мистер Лаутон опасался, что толпа может разрастись, и окликнул рикшу. Мне никогда не нравилась сама по себе идея использовать рикшу, и это был мой первый опыт подобного рода. Однако подростки не дали мне сесть. Они так запугали мальчика-рикшу, что тот поспешил скрыться. По мере того, как мы продвигались вперед, толпа вокруг нас росла, и вскоре идти дальше стало невозможно. Сначала они схватили мистера Лаутона и разделили нас. Затем закидали меня камнями, обломками кирпичей и тухлыми яйцами. Кто-то стащил с моей головы тюрбан, а остальные принялись бить и пинать меня. Я чуть не упал в обморок, ухватился за металлическое ограждение какого-то дома и стоял так, стараясь перевести дыхание. Но это было не так-то просто. Они снова напали

на меня, избивая кулаками и всем, что подворачивалось под руку. Жена начальника полиции, знакомая со мной, как раз проходила мимо. Отважная леди приблизилась ко мне, открыла свой зонтик от солнца, хотя в то время ни о каком солнечном свете не могло быть и речи, а потом встала между мной и толпой. Это поумерило пыл людей, поскольку стало трудно наносить удары мне, не задев при этом миссис Александер.

А тем временем один индийский мальчик, ставший свидетелем инцидента, добежал до полицейского участка. Его начальник мистер Александер тут же выслал отряд полицейских, взявших меня в кольцо и сопроводивших к пункту назначения. Они прибыли очень своевременно. Полицейский участок располагался у нас на пути. Когда мы добрались до него, мистер Александер предложил мне спрятаться там, но я поблагодарил его и отказался.

— Они наверняка скоро успокоятся, когда осознают, какую ошибку совершают, — сказал я. — Хочу верить в их чувство справедливости.

В сопровождении полицейских я без новых приключений добрался до дома мистера Рустомджи. Мое тело покрывали синяки, но ссадина была только одна. Доктор Дадибарджор, судовой врач, оказал мне наилучшую помощь, возможную в таких условиях.

Внутри было тихо, но снаружи дом окружила толпа. Наступала ночь, и бесчинствовавшие молодчики кричали:

— Нам нужен Ганди!

Начальник полиции уже прибыл и постарался урезонить толпу не угрозами, а шутками. Хотя он все же не скрывал тревоги и передал мне записку: «Если хотите сберечь дом и имущество своего друга, а также обезопасить вашу семью, предлагаю вам покинуть этот дом, прибегнув к маскировке».

Итак, я оказался в двусмысленном положении. Когда опасность для жизни казалась воображаемой, мистер Лаутон предложил мне отправиться в путь открыто, и я прислу-

шался к его совету. Когда же опасность стала реальной, еще один друг дал мне совет, противоречивший первому, и мне пришлось прислушаться и к нему тоже. Кто возьмется ответить, поступил ли я так, опасаясь только за свою жизнь, или потому, что не хотел подвергать опасности дом друга, жену и детей? Кто может с уверенностью утверждать, что я был прав в обоих случаях: и когда сначала отважно отдал себя на растерзание толпы, и когда бежал, замаскировавшись?

Пустая трата времени — рассуждать о правоте или неправоте человека, когда поступок им уже совершен. Но необходимо понять эти поступки и по возможности усвоить полученный урок. Трудно предсказать, как тот или иной человек поведет себя в определенных обстоятельствах. Бесполезно судить кого-либо по поступкам, не зная всех подробностей произошедшего.

Как бы там ни было, подготовка к бегству заставила меня совершенно забыть о полученных повреждениях. Начальник полиции мистер Александер предложил, чтобы я надел мундир индийского констебля, а голову повязал мадрасским шарфом, подложив под него вместо шлема металлическую тарелку. Меня сопровождали два полицейских агента, один из которых переоделся индийским торговцем, подчеркнув себе лицо, чтобы походить на индийца. Не помню, как замаскировался второй. Обходным путем мы добрались до соседнего магазина, прокладывая себе путь через джутовые мешки на складе, после чего вышли на улицу и протиснулись сквозь толпу к экипажу, уже ждавшему меня в конце этой улицы. В нем меня доставили в тот же полицейский участок, где чуть раньше мистер Александер предлагал мне спрятаться. Я был благодарен ему и сопровождавшим меня агентам.

Пока я таким образом осуществлял свой побег, мистер Александер развлекал толпу, весело распевая:

Давайте вздернем старого Ганди
На яблоне с кисленькими яблочками.

Когда же ему сообщили о моем благополучном прибытии в участок, он тут же поделился новостью с толпой:

— Ваша жертва сбежала через соседний магазин. Теперь вам лучше разойтись по домам.

Одних это сообщение еще больше разозлило, у других вызвало смех, а некоторые упорно отказывались поверить ему.

— Что ж, — сказал начальник полиции, — если не верите мне, можете выбрать одного или двух человек, которых я готов впустить в дом. Если они найдут Ганди, я с удовольствием выдам его вам, но, если не найдут, вы должны будете разойтись. Уверен, что вы не собираетесь разрушать дом мистера Рустомджи или причинять вред миссис Ганди и ее детям.

Протестующие послали своих представителей осмотреть дом. Вскоре они вернулись разочарованные и сообщили, что меня внутри нет. Толпа наконец распалась. Большинство одобрило поведение Александра, и лишь немногие продолжали негодовать.

Покойный мистер Чемберлен, который тогда был министром по делам колоний, телеграфировал правительству Наталя с предложением предать суду напавших на меня. Мистер Эском послал за мной, выразил сожаление по поводу полученных мной телесных повреждений и сказал:

— Поверьте, я сожалению о всяком, даже самом небольшом повреждении, нанесенном вам. Вы имели полное право последовать совету мистера Лаутона и выйти навстречу опасности, но я также уверен, что, если бы вы рассмотрели мое предложение, этих печальных последствий можно было бы избежать. Опознайте нападавших, и я буду готов арестовать и судить их. Мистер Чемберлен тоже желал бы от меня подобных действий.

На что я дал такой ответ:

— Я не хочу предъявлять иск. Быть может, я и смогу опознать одного или двоих, но только какую пользу принесет их наказание? К тому же не на нападавших я возла-

гаю вину за происшедшее. Их заставили поверить, будто в Индии я выступал против белых в Натале и оклеветал их. Если они поверили таким сообщениям, неудивительно, что теперь они в ярости. Только лидеры и, уж извините за прямоту, вы сами несете ответственность за то, что случилось. Вы могли просветить людей, но, видимо, тоже поверили сообщениям агентства Рейтер, поверили тому, что я действительно искажал факты. Вот почему я не хочу никакого суда. Уверен, когда людям станет известна правда, они сами пожалеют о содеянном.

— Не считите за труд изложить сказанное вами только что в письменном виде, — попросил мистер Эском. — Мне необходимо дать мистеру Чемберлену ответную телеграмму с объяснениями. Но я не хочу, чтобы вы делали какие-либо поспешные заявления. Если пожелаете, переговорите сначала с мистером Лаутоном и другими вашими друзьями, прежде чем принять окончательное решение. Должен признать, однако, что если вы действительно откажетесь от судебного преследования, то тем самым поможете мне восстановить порядок и покой, не говоря уже о том, что это благотворно скажется на вашей репутации.

— Благодарю вас, — сказал я, — но я не вижу необходимости с кем-либо советоваться. Я принял решение еще до того, как пришел к вам. Глубоко убежден, что мне не следует настаивать на суде, и я готов незамедлительно изложить свое решение в письменном виде.

После чего я написал для него необходимое заявление.

4. ЗАТИШЬЕ ПОСЛЕ БУРИ

Я по-прежнему оставался в полицейском участке, когда через два дня меня попросил явиться к нему мистер Эском. Сопровождать и защищать меня выделили двух полицейских, хотя в подобной предосторожности уже не было надобности.

В день высадки на берег, как только был спущен желтый флаг, меня посетил представитель газеты «Наталь адвертайзер» и взял у меня интервью. Он задал мне множество вопросов, и в своих ответах я опроверг обвинения, выдвинутые против меня. По настоянию сэра Ферозшаха Мехты я произносил в Индии только заранее подготовленные речи и сохранял все черновики и прочие материалы, написанные мной. Я передал эти бумаги репортеру и сумел убедить его, что не говорил в Индии ничего такого, о чем не высказался бы прежде в Южной Африке, причем в куда более сильных выражениях. Кроме того, я доказал ему, что не имею никакого отношения к прибытию в Южную Африку пассажиров пароходов «Курлянд» и «Надери». Некоторые из них обосновались здесь давно, а большинство даже и не собиралось задерживаться в Натале, отправляясь отсюда сразу в Трансвааль. В те дни в Трансваале складывались куда более благоприятные условия для тех, кто хотел разбогатеть, и потому индийцы предпочитали уезжать именно туда.

Это интервью и мой отказ подать в суд на нападавших так глубоко впечатлили европейцев Дурбана, что им стало стыдно за содеянное. Пресса объявила меня ни в чем не повинным и подвергла суровой критике самосуд толпы. Так и получилось, что попытка линчевать меня сослужила хорошую службу мне и моему делу. Репутация индийской общины в Южной Африке только укрепилась, что значительно облегчило нам работу.

Через три или четыре дня я перебрался в свой дом и заново в нем обосновался. Инцидент также помог мне привлечь дополнительную клиентуру.

Увы, мои злоключения не только укрепили репутацию общины, но и раздули пламя расовой ненависти. Как только стало ясно, что один индеец способен выдержать схватку с целой толпой, его стали считать источником угрозы. Два законопроекта было внесено в законодательное со-

бране Наталя. Один из них ущемлял в правах индийских торговцев, а второй ограничивал иммиграцию индийцев. К счастью, борьба за избирательное право подарила нам особое постановление, согласно которому запрещалось издавать законы, прямо направленные против индийцев. Это означало, что закон един для людей любой расы и с любым цветом кожи. Оба законопроекта якобы распространялись на всех, но их истинной целью стало, несомненно, ущемление интересов индийского населения Наталя.

Борьба против законопроектов добавила мне общественной работы и напомнила членам общины об их долге. Тексты законопроектов перевели на индийские языки и снабдили подробными комментариями, чтобы донести до каждого индийца их смысл. Мы обратились к министру по делам колоний, но он отказался вмешиваться, и законопроекты стали законами.

Общественная деятельность отнимала практически все мое время. Мансухлал Наазар, который, как я упомянул выше, уже находился в Дурбане, остановился у меня. Взяв на себя часть общественной работы, он до некоторой степени облегчил мое бремя.

В мое отсутствие шет Адамджи Миякхан достойно выполнял свои обязанности. Он сумел привлечь новых членов в Индийский конгресс Наталя, а в казну организации поступила еще тысяча фунтов. Я воспользовался оживлением, вызванным законопроектами, и протестами против прибывших вместе со мной пассажиров и обратился к индийцам с призывом вступать в Конгресс и платить взносы. Размер нашего фонда достиг уже пяти тысяч фунтов. Я хотел, чтобы у Конгресса был такой фонд, с помощью которого можно приобрести недвижимость, а затем получать с нее доход. Для меня это был первый опыт управления общественной организацией. Я поделился своими соображениями с друзьями, и они поддержали меня. Приобретенная недвижимость была сдана в аренду, а арендной

платы хватало на покрытие всех текущих расходов Конгресса. Собственностью управляла и управляет до сих пор надежная группа доверенных лиц. Впрочем, позже эта недвижимость стала предметом раздоров, и теперь доход от нее отправляется прямымиком в суд.

Такая ситуация сложилась уже после моего отъезда из Южной Африки, но мое собственное мнение по поводу постоянных фондов общественных организаций изменилось задолго до возникновения внутренних конфликтов в Конгрессе. Сейчас, когда у меня уже есть значительный опыт управления многими общественными организациями, я твердо уверен, что постоянные фонды несут семена морального разложения организации. Общественная организация — это учреждение, существующее при поддержке общественности и на ее средства. Когда подобная организация теряет общественную поддержку, она лишается и своего права на существование. Организации, существующие за счет постоянных фондов, зачастую игнорируют общественное мнение, а порой даже действуют вопреки ему. В нашей стране мы наблюдаем это явление повсеместно. Некоторые из так называемых благотворительных религиозных фондов вообще перестают отчитываться о своих доходах и расходах. Прежние доверенные лица превращаются в собственников, ни перед кем не ответственных. Я не сомневаюсь, что общественная организация должна жить настоящим, как живет природа. Организация, не сумевшая сохранить поддержку общественности, не имеет права на существование. Пожертвования, ежегодно получаемые организацией, становятся наилучшим испытанием ее популярности и честности тех, кто ей управляет. Я считаю, что каждая организация должна пройти через подобное испытание. Надеюсь, что читатель не поймет меня превратно: мои замечания не касаются тех организаций, которые в силу особенностей своей деятельности не могут обходиться без постоянных фондов. Я лишь хочу подчер-

кнуть, что текущие расходы непременно должны покрываться из средств, получаемых из года в год добровольно.

Эти мои взгляды окончательно сложились в дни са-
тьяграхи в Южной Африке. Потрясающая кампания,
продолжавшаяся более шести лет, велась без какой-либо
поддержки постоянного фонда, хотя нам и понадобились
сотни тысяч рупий для нее. Припоминаю времена, когда
я не знал, как пройдет новый день, если не поступят добро-
вольные пожертвования. Но мне не стоит сейчас забегать
вперед. Читатель найдет необходимые объяснения в по-
следующих главах.

5. ДЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Когда в январе 1897 года я прибыл в Дурбан, я привез
с собой троих детей: десятилетнего сына сестры и моих
сыновей в возрасте девяти и пяти лет. Где я мог дать им
образование?

Можно было отправить их в школу для детей европей-
цев, но только в виде исключения и одолжения для меня,
поскольку индийские дети в такие школы не ходили. Они
посещали школы, открытые христианскими миссионе-
рами, однако я не хотел, чтобы мои дети учились и там:
мне не нравился подход к обучению. Прежде всего, пре-
подавание в этих школах велось только на английском
языке или, быть может, на исковерканном тамильском
или хинди. Даже и в такие школы было сложно попасть.
Я не желал мириться ни с подобным положением вещей,
ни с прочими недостатками миссионерского образования.
Я пытался учить детей сам, но уделял, мягко говоря, мало-
вато времени, а найти подходящего преподавателя гуджа-
рати мне не удалось.

Мне пришлось долго ломать голову над этой задачей.
Я дал в газеты объявление: требуется учитель-англичанин,
готовый заниматься с детьми под моим руководством.

Учитель должен был вести постоянные уроки, а в дополнение к знаниям, полученным от него, детям пришлось бы довольствоваться тем малым, что мог дать им я, причем весьма нерегулярно. Так мне удалось нанять английскую гувернантку за семь фунтов в месяц. Она проработала у нас некоторое время, но я не был удовлетворен. Мальчики немного научились гуджарати в процессе наших бесед, которые велись строго на их родном языке. Отправить их обратно в Индию я не желал, поскольку считал, что в малом возрасте детей нельзя надолго разлучать с родителями. Образование, которое дети получают естественным образом в приличной семье, невозможно получить в интернатах, а потому я предпочитал держать детей при себе. Тем не менее я все же попытался отправить племянника и старшего сына в школу-интернат в Индии на несколько месяцев, но скоро вынужден был вернуть их домой. Позже мой старший сын, став взрослее, сам решил расстаться со мной и отправиться в Индию, чтобы окончить среднюю школу в Ахмадабаде. Что касается племянника, мне всегда казалось, что ему было вполне достаточно знаний, полученных от меня. К несчастью, он умер в расцвете юности после непродолжительной болезни. Остальные три моих сына никогда не посещали школ, хотя и научились кое-чему в импровизированной школе, созданной мной для детей, чьи родители участвовали в южноафриканской сатяграхе.

Конечно, всех этих экспериментов оказалось мало. Я не мог уделять детям столько времени, сколько хотел. Эта и некоторые другие причины не позволили мне дать им того образования, какого я желал бы для них, и все мои сыновья потом жаловались на меня. Когда бы им ни приходилось столкнуться с магистром, бакалавром или просто студентом высшего учебного заведения, они остро чувствовали, как им не хватает образованности.

И все же я твердо уверен, что, если бы я отправил их в школу, я лишил бы их опыта, который можно приобре-

сти только в школе жизни или в процессе непрерывного общения с родителями. Мне бы пришлось жить в постоянной тревоге за них, а искусственное образование, которое они смогли бы получить в Англии или Южной Африке, далеко от меня, не научило бы их всему тому, что они умеют сейчас: быть простыми и бескорыстно служить людям. Искусственные ценности, привитые в Англии, помешали бы в моей общественной деятельности. Пусть мне не удалось дать детям систематического образования, чтобы удовлетворить их или меня самого, но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что сделал все, что мог. Я не жалею, что не отправил их учиться в школу. Мне даже кажется, что недостатки моего старшего сына — это эхо моих собственных недостатков, какие были у меня в молодом возрасте. Тогда я еще жил бесцельно, у меня не было внутренней дисциплины. Я считаю тот период временем приобретения бессистемных знаний и потворства капризам. Он совпал с теми годами в жизни сына, когда дети наиболее впечатлительны, а потому он, естественно, отказывается верить, что тогда я был неопытен и потворствовал собственным прихотям. Напротив, он думает, что тот период был самым ярким в моей судьбе, а перемены, последовавшие позже, были иллюзиями, которые я сам ошибочно называю «просветлениями». И он имеет на это право. В самом деле, почему бы ему не считать годы моей юности периодом пробуждения сознания, а радикальные перемены, последовавшие позже, — заблуждениями и проявлениями самовлюбленности? Часто мои друзья задавали мне такие вопросы: что плохого в настоящем академическом образовании? какое право имел я таким образом подрезать им крылья? почему помешал им получить степени и выбрать профессию по душе?

Эти вопросы кажутся мне бессмысленными. Я общался со многими учащимися, экспериментировал с образованием сам или через других и потому имел возможность

убедиться в результатах. Сейчас я наблюдаю за молодыми людьми, сверстниками сыновей, и мне не кажется, что они хоть в чем-то лучше моих детей или что мои дети могли бы у них многому научиться.

Однако окончательный результат моих экспериментов все еще находится в утробе будущего. Обсуждая здесь эту тему, я лишь надеюсь, что какой-нибудь студент, изучающий историю цивилизаций, сможет сравнить систематическое домашнее обучение и школьное, а также проследить, как именно влияют на детей те изменения, которые вносят в их жизнь родители. В этой главе я также хотел показать, как далеко могут завести поборника истины его поиски и как много жертв требует от поборника свободы его суровая богиня. Если бы у меня не было самоуважения и я дал бы своим сыновьям образование, недоступное другим детям, я бы оставил их без наглядного урока обретения свободы и уважения к себе, который смог преподать им, лишив общего образования. А если человеку приходится выбирать между свободой и образованием, кто не согласится, что первое в тысячу раз предпочтительнее второго?

Та молодежь, которую я вырвал в 1920 году из цитаделей рабства — школ и колледжей, — те, кому дал совет лучше оставаться неграмотными и дробить камни, чем получать общее образование в рабских цепях, смогут теперь, как я надеюсь, понять, почему я посоветовал им это.

6. ДУХ СЛУЖЕНИЯ

Моя адвокатская деятельность процветала, но не удовлетворяла меня. Я постоянно спрашивал себя, как еще больше упростить свою жизнь и какими конкретными поступками я мог бы послужить моим товарищам. Я по-прежнему искал ответы на эти вопросы, когда на пороге моего дома появился прокаженный. У меня не хватило духу просто снабдить его едой и отпустить. Я предложил ему

убежище, промыл его раны и стал ухаживать за ним. Но так не могло продолжаться вечно. У меня не было достаточно средств и силы воли держать его при себе, и потому я отправил его в государственную больницу для законтрактованных рабочих.

Я все еще не был удовлетворен. Я жаждал гуманистической работы, причем постоянной. Доктор Бут возглавлял миссию святого Эйдана. Он был добросердечным человеком и лечил пациентов бесплатно. Благодаря пожертвованиям Парси Рустомджи получилось открыть небольшую благотворительную больницу под руководством доктора Бута. Мне захотелось поработать в ней. Приготовление и отпуск лекарственных препаратов заняли бы час или два в день, и я решил ненадолго оставлять свою контору, чтобы поработать фармацевтом в аптеке при больнице. Моя основная работа проходила в помещении и состояла из оформления бесконечных актов передачи собственности и арбитража. Разумеется, мне приходилось вести какие-то дела и в мировом суде, но они, как правило, не были сложными, и мистер Хан, следовавший за мной в Южную Африку и живший в то время у меня, предложил взять часть моих обязанностей на себя во время моих отлучек. Так у меня появилась возможность работать в больнице. Это отнимало, как я уже сказал, два часа каждое утро, включая время на дорогу до больницы и обратно. Новая работа немного умиротворила меня. Я слушал жалобы пациентов, сообщал о них доктору, а затем отпускал лекарства. Так я познакомился со страдавшими различными заболеваниями индийцами — в большинстве своем законтрактованными тамилами, телугу и выходцами из Северной Индии.

Этот опыт пригодился мне позже: во время Англо-бурской войны я вызвался поухаживать за больными и ранеными солдатами.

Кроме того, я все еще был озабочен воспитанием детей. У меня родились два сына в Южной Африке, и мое слу-

жение больным пригодились и здесь. Моя независимость постоянно подвергалась испытаниям. Мы с женой решили обеспечить ее наилучшей медицинской помощью во время родов, но что, если бы доктор или няня подвели нас в самый неподходящий момент? Кроме того, няня должна была быть непременно индийской женщиной. А как трудно найти хорошую няню-индианку в Южной Африке, легко представит тот, кто попытается найти ее в самой Индии. А посему мне пришлось изучить литературу, в которой я нашел сведения о том, как правильно принимать роды. Я прочел книгу доктора Трибхувандаса «Мане Шикхаман» («Советы матери») и вынянчивал обоих детей в соответствии с ее указаниями, а также используя приобретенный опыт. Мы прибегали к помощи няни, но не более чем на два месяца оба раза. Она в основном помогала жене, а не ухаживала за новорожденными, что я делал сам.

Рождение последнего сына стало для меня суровым испытанием. Схватки начались внезапно. Доктора удалось вызвать не сразу, было потеряно время и на поиски акушерки, но даже если бы она оказалась на месте, то едва ли сумела бы успеть к родам. Я вынужден был принять их сам, и вполне благополучно. Мне помогло внимательное чтение книги доктора Трибхувандаса. Я даже не перенервничал.

Чтобы правильно воспитать детей, родители, как мне кажется, должны иметь представления об уходе за ними. Я все лучше понимаю те преимущества, которые дает скрупулезное изучение этого предмета. Мои дети едва ли были бы сейчас такими крепкими, если бы я не приобрел необходимых знаний и не использовал их. Многие из нас продолжают придерживаться ошибочного мнения, что ребенок не способен ничему научиться в течение первых пяти лет своей жизни. Как раз наоборот: дитя не сможет уже научиться тому, что было упущено в эти первые пять лет. Воспитание начинается с зачатия. Физическое и духовное

состояние родителей в момент зачатия воспроизводятся затем в ребенке. Далее в период беременности на плод продолжают влиять настроение матери, ее желания, темперамент и, конечно же, ее образ жизни. После рождения ребенок подражает родителям и на протяжении многих лет полностью зависит от них.

Супружеская пара, осознающая все вышесказанное, никогда не вступит в сексуальную связь ради удовлетворения плотского желания. Они сделают это, только испытывая желание зачать ребенка. Я считаю абсолютно неверным мнение, что половой акт является такой же независимой функцией организма, как сон или питание. Само существование мира зависит от процесса размножения людей, а поскольку мир представляет собой игровую площадку Бога и отражение сияния Его славы, рождаемость должна контролироваться для правильного развития человечества. Тот, кто понимает это, постарается любой ценой сдерживать свою похоть, мобилизует знания, необходимые для физического, умственного и духовного благополучия потомков, а затем передаст эти знания им.

7. БРАХМАЧАРЬЯ – I

Мы достигли такого этапа в нашем повествовании, когда я начал всерьез думать о том, чтобы принять обет брахмачарьи. Я вел строго моногамный образ жизни с самого первого дня своей женитьбы, и верность жене стала для меня неотъемлемой частью любви к истине. Но только в Южной Африке я понял, что необходимо соблюдать брахмачарью даже по отношению к собственной жене. Не могу определенно сказать, какие обстоятельства или какая из прочитанных книг направили мои мысли в это русло, но помню, что решающим стало мнение Райчандбхы, о котором я уже писал. До сих пор помню один из разговоров с ним. В нем я похвалил преданность миссис Гладстон сво-

му мужу*. Я читал о том, что миссис Гладстон настояла на праве заваривать для него чай даже в палате общин, и это стало настоящим ритуалом в семейной жизни пары, которая во всем отличалась постоянством. Я рассказал об этом поэту и превознес супружескую любовь.

— А что из двух вы цените выше, — спросил Райчандбхай, — любовь миссис Гладстон как жены к мужу или ее преданность и служение ему независимо от родственной связи? Предположим, она была бы ему сестрой или верной служанкой и окружила бы его той же заботой. Что бы вы сказали в таком случае? Разве мы не знаем примеров подобной преданности сестер или служанок? Допустим, у вас был бы такой же преданный слуга-мужчина. Понравился бы вам этот пример точно так же, как пример миссис Гладстон? Подумайте-ка над этим.

Райчандбхай и сам был женат. В тот момент мне показалось, что его слова прозвучали излишне резко, но они заставили меня всерьез задуматься. Преданность слуги была, как я понял, в тысячу раз более достойной похвалы, чем преданность жены мужу. В преданности жены своему мужу нет ничего удивительного, поскольку между ними существует неразрывная связь. Ее верность супругу вполне объяснима. А вот чтобы в отношениях хозяина и слуги была такая преданность, требуются усилия. Позиция поэта становилась все более понятной мне.

Какими в таком случае, спрашивал я себя, должны быть мои отношения с женой? Неужели вся моя верность сводится к тому, что я делаю одну лишь жену инструментом для удовлетворения похоти? Пока я оставался рабом плоти, моя верность ничего не стоила. Должен отметить, что жена никогда не выступала в роли соблазнительницы. Та-

* Здесь речь идет о выдающемся государственном деятеле Уильяме Гладстоне (1809—1898), четырежды становившемся премьер-министром Великобритании в правление королевы Виктории.

ким образом, мне было бы легко принять обет брахмачарьи, если бы я сам захотел. Препятствиями служили лишь слабость моей воли и жажда плотского наслаждения.

Но даже когда я все понял, я дважды потерпел поражение. Эти поражения объясняются тем, что мои мотивы не были благородными. Я просто решил больше не иметь детей. Еще в Англии я читал о противозачаточных средствах. О движении за ограничение рождаемости, которое поддерживал доктор Аллинсон, я уже упоминал в главе о вегетарианстве. Но если его взгляды захватили меня лишь на какое-то время, то возражения мистера Хилла против подобных методов и его убежденность в необходимости самоконтроля и сосредоточения на внутренних усилиях повлияли на меня гораздо сильнее. Я больше не хотел иметь детей и стал стремиться к самоконтролю. Однако это было непросто. Мы с женой начали спать в разных постелях. Я решил ложиться только после того, как работа, проделанная за день, лишала меня последних сил. Но все эти попытки, казалось, не приносили результатов, и только сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что достиг желаемого благодаря многочисленным неудачам.

Окончательно решиться я смог только в 1906 году. Сатьяграха еще тогда не началась. Я и не думал, что она приближается. Я практиковал в Йоханнесбурге, когда вскоре после окончания войны с бурами случилось «восстание» зулусов в Натале. Я понял, что обязан предложить помощь натальскому правительству. Предложение было принято, о чем я расскажу подробнее в другой главе. Новая работа заставила меня снова задуматься о самоконтроле, и я, по своему обыкновению, поделился мыслями на сей счет с людьми, работавшими вместе со мной. Я понял, что деторождение и последующий уход за детьми несовместимы со служением обществу. Во время «восстания» зулусов мне пришлось отказаться от своего хозяйства в Йоханнесбурге, чтобы полностью посвятить себя службе. Спустя месяц

я забросил дом, который прежде с таким старанием обставлял. Жену и детей пришлось перевезти в Феникс, а самому возглавить индийский санитарный корпус при армии Натая. Нам приходилось совершать долгие и трудные походы, и тогда я осознал, что, если я хочу целиком посвятить себя служению обществу, я должен отказаться от желания не только иметь еще детей, но и зарабатывать больше денег; отныне я должен вести жизнь *ванапрастхи** — то есть человека, удалившегося от домашних забот.

Подавление «восстания» заняло не более шести недель, но этот короткий период оказался очень важным для меня. Я понял, какую ценность имеют обеты. Понял, что обет не только не становится препятствием на пути к свободе, но и широко открывает дверь, ведущую к ней. До того момента мне не удавалось добиться успеха, поскольку не хватало силы воли, веры в себя, веры в милосердие Бога, и мой ум плавал в безбрежном и бурном море постоянных сомнений. Я осознал, что, отказавшись принять обет, человек невольно поддается соблазнам. Только благодаря обету можно перейти от распущенности к моногамному браку. Заявления вроде «Я верю только в собственные усилия и не желаю связывать себя обетами» — проявления слабости, они выдают подспудное желание оставить лазейку для того, чего следует избегать. В чем заключается сложность принятия окончательного решения? Например, я даю клятву убежать от змеи, которая, как я знаю, собирается укусить меня, и я должен не просто пытаться сбежать от нее. Мне понятно, что всего лишь попытка может означать верную смерть. Простая попытка в данном случае означает пренебрежение тем фактом, что змея действительно намеревается убить меня. Таким образом, то, что я ограничиваюсь лишь попыткой, показывает, что я не до конца осознаю необхо-

* *Ванапрастха* — буквально: лесной отшельник; человек, полностью отрешившийся от мирских забот.

димось реального действия ради спасения. «Но предположим, что в будущем мои взгляды изменятся. Как в таком случае я могу связывать себя клятвой?» Подобное сомнение часто удерживает нас. И оно же выдает отсутствие ясного понимания того, что от определенных вещей можно отречься навсегда. Поэтому Нишкулананд пел:

Отречение недолговечно без отвращения.

Следовательно, обет отречения — плод исчезновения желания.

8. БРАХМАЧАРЬЯ — II

После долгих и зрелых размышлений я дал обет в 1906 году. Причем до того я не обсуждал это с женой и посоветовался с ней непосредственно перед тем, как принять обет. Она не возражала, но мне самому было очень сложно решиться. Мне не доставало сил. Смогу ли я сдержать свои страсти? Прекращение всяких плотских сношений с собственной женой казалось тогда чем-то крайне странным. Но я ринулся вперед с верой в поддержку Бога.

Сейчас я оглядываюсь назад на эти двадцать лет, прошедшие со времени принятия обета, и чувствую удовольствие и удивление. Более или менее успешное воздержание длилось с 1901 года. Но чувства свободы и радости, которое я познал после принятия обета, я не испытывал до 1906 года. Прежде я был уязвим, мог поддаться соблазну, теперь же клятва стала надежным щитом от любых искушений. Все новые возможности брахмачарьи открывались передо мной день за днем. Обет был дан, когда я находился в Фениксе. Как только меня освободили от службы в санитарном корпусе, я направился в Феникс, а оттуда собирался вернуться в Йоханнесбург. Примерно через месяц после моего возвращения был заложен фундамент сатьяграхи. Мне кажется, что неведомо для меня самого брахмачарья

готовила меня к этому, ведь сатьяграха не была спланирована заранее. Она зародилась стихийно, спонтанно. Но я понял, что все мои предшествовавшие шаги вели именно к ней. Я сократил свои домашние расходы в Йоханнесбурге и отправился в Феникс, где и принял обет брахмачарьи.

Я понимал, что неукоснительное соблюдение брахмачарьи ведет к достижению состояния *брахман*, но это знание я почерпнул не из шастр. Оно пришло ко мне с опытом. Тексты шастр, имеющие отношение к этому предмету, я прочитал значительно позже. Каждый день после принятия обета все ближе подводил меня к осознанию, что в брахмачарье заключена защита тела, ума и души. Брахмачарья стала для меня не суровым покаянием, а источником утешения и радости. Я постоянно открывал все новые ее прекрасные стороны.

Но пусть читатель не подумает, что мне было легко, хотя я и испытывал радость от принятия обета. Даже сейчас, когда мне уже пятьдесят шесть лет, я помню, насколько тяжело мне пришлось. Теперь я знаю, что соблюдение обета подобно хождению по лезвию меча: во всякий момент я должен оставаться бдительным.

Контроль над вкусовыми ощущениями чрезвычайно важен для соблюдения обета. Я обнаружил, что, если полностью контролировать свой вкус, соблюдение обета станет легким. С тех пор я проводил свои опыты в области питания не просто как вегетарианец, но и как брахмачарьи. В результате я понял, что пищи должно быть не очень много, она должна быть простой, лишенной специй и по возможности сырой.

Шесть лет подобных экспериментов показали, что идеальной пищей для того, кто дал обет брахмачарьи, являются свежие фрукты и орехи. Питаясь ими, я забыл о страстях. В Южной Африке не потребовалось никаких особых усилий, чтобы соблюдать обет, пока я употреблял в пищу только фрукты и орехи. Сложности возникли, когда я на-

чал пить молоко. Почему я вернулся к нему, я расскажу читателю чуть позже. Здесь же будет достаточно отметить, что молоко препятствует соблюдению обета брахмачарьи. Однако пусть никто не подумает, что всем брахмачари совершенно необходимо отказаться от молока. Влияние различной еды на брахмачари может быть определено только после многочисленных экспериментов. Мне самому еще только предстоит найти фруктовый заменитель молока, который был бы столь же полезен для мышц и так же легко усваивался. Доктора, вайды и хакиды, одинаково безуспешно пытались мне помочь. А потому, хотя я знаю об отчасти возбуждающем действии молока, я не могу пока посоветовать кому-либо отказываться от него.

Для брахмачари важны строгий пост и ограничения в пище. Наши чувства имеют над нами такую власть, что их можно сдерживать, только совершенно изолировав со всех сторон, заперев внутри себя. Общеизвестно, что они лишаются силы без пищи, а потому пост, соблюдаемый ради подчинения чувств, конечно, очень полезен. Но некоторым людям пост ничего не дает. Они думают, что пост автоматически укрепит их, и потому отказывают организму в пище, но мысленно наслаждаются всевозможными кушаньями, постоянно думают о еде и питье, которые смогут позволить себе, когда пост закончится. Такой пост не помогает им контролировать ни вкусовые ощущения, ни похоть. Пост полезен, если сознание выступает союзником голодающего тела, а потому необходимо, чтобы ум испытал отвращение ко всему, чего лишено тело. Именно человеческий мозг является источником чувственности. Пост не всесилен, ведь даже постящийся человек может оставаться жертвой своих страстей. Тем не менее подавление чувственного влечения, как правило, невозможно без поста, который можно считать подспорьем в соблюдении брахмачарьи. Многие из тех, кто пытается следовать брахмачарье, терпят неудачу, лишь потому что хотят рас-

поряжаться своими остальными органами чувств так, как не брахмачари. Их усилия можно сравнить с попытками почувствовать ледяной холод в разгар жаркого лета. А между тем есть существенная разница между образом жизни брахмачари и того, кто им не является. Их сходство обманчиво. Различие же ясно, как солнечный день. У обоих есть зрение, но там, где брахмачари видит Божественную славу, не брахмачари видит пустоту окружающей его жизни. У обоих есть слух, но там, где первый слышит хвалу Богу, второй слышит непристойности. Оба не ложатся спать допоздна, но один посвятит время молитвам, а второй потратит его впустую на грубые и буйные увеселения. Оба питаются, но первый делает это только для того, чтобы содержать в чистоте Божий храм внутри себя, а второй предастся чревоугодию, превращая священный сосуд в вонючую сточную канаву. Эти два человека словно бы живут на противоположных полюсах, и расстояние между ними не сократится, а увеличится с течением времени.

Брахмачарья означает контроль над чувствами в мыслях, словах и делах. С каждым днем я все больше понимал, как необходимы ограничения, описанные выше. Пределов возможностям отречения нет, как нет предела возможностям самой брахмачарьи. Истинной брахмачарьи невозможно достичь, приложив простое усилие. Для многих она и должна оставаться недостижимым идеалом. Человек, искренне стремящийся к брахмачарье, будет всегда осознавать свои недостатки, будет искать их корни, чтобы избавиться от них. И пока мысль не полностью контролируется силой воли, истинная брахмачарья отсутствует. Невольная мысль есть страдание ума, и укротить эту мысль значит укротить ум, а это гораздо сложнее, чем укротить ветер. И тем не менее Бог внутри человека помогает ему контролировать себя. Это не невозможно лишь потому, что трудно. Это великая цель, поэтому неудивительно, что нужно приложить великие усилия, чтобы достичь ее.

Только после возвращения в Индию я осознал, что подобной брахмачарьи нельзя достичь, приложив простые человеческие усилия. Раньше я ошибочно полагал, что фруктовой диеты достаточно, чтобы побороть все мои страсти, и я утешал себя мыслями о том, что больше ничего мне делать не надо.

Однако я не должен забегать вперед. Сейчас я лишь хочу сказать следующее: те, кто желает соблюдать брахмачарью, чтобы приблизиться к Богу, не должны впадать в отчаяние, ведь их вера в Бога сильна так же, как сильна их уверенность в собственных силах.

Объекты чувственности перестают существовать для правильно настроенной души, хоть вкус к ним остается.

Но и он исчезает с постижением Наивысшей сущности*.

А потому Его имя и Его милосердие — надежда для того, кто стремится к мокше. Эту истину я постиг лишь после возвращения в Индию.

9. ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

Я начал вести простую и удобную жизнь, но этот эксперимент оказался недолгим. Хотя я с любовью обставил свой дом, он совершенно не привлекал меня. Я снова стал экономить. Мне приходили крупные счета от прачки, а поскольку она не отличалась пунктуальностью, даже двух или трех дюжин сорочек и воротничков оказалось недостаточно. Воротнички приходилось менять ежедневно, а сорочки хотя бы через день. Подобные расходы показались мне чрезмерными, и потому я приобрел кое-что для стирки одежды, купил руководство по стирке, изучил его, а потом передал полученные знания жене. Разумеется, работы

* «Бхагавадгита», 2.59.

стало больше, но сама по себе ее новизна даже приносила удовольствие.

Никогда не забуду первый воротничок, который я выстирал сам. Я использовал больше крахмала, чем требовалось, утюг упорно не желал нагреваться до нужной температуры, а я, опасаясь сжечь воротничок, недостаточно тщательно прогладил его. В результате, хотя воротничок и получился вполне жестким, с него постоянно сыпались крошки лишнего крахмала. Вот так я отправился в суд, и коллеги-адвокаты посмеивались надо мной.

— Что ж, — сказал я им, — это был мой первый опыт стирки своего воротничка, вот почему с него сыпется крахмал. Но меня это несколько не беспокоит. К тому же вы посмеялись в свое удовольствие.

— Но ведь в городе множество прачечных! — воскликнул один из моих друзей.

— Их услуги слишком дороги, — возразил я. — Стирка воротничка стоит почти столько же, сколько покупка нового. Кроме того, приходится зависеть от прачки. Нет уж, я лучше сам постираю свои вещи.

Но мне так и не удалось заставить друзей оценить такую самостоятельность по достоинству. Со временем я стал прекрасной прачкой, причем качество моей работы ничуть не уступало качеству работы прачечной. Мои воротнички были не менее жесткими и белоснежными, чем те, что носили мои коллеги.

Когда в Южную Африку приехал Гокхале, он привез с собой шарф, подаренный ему Махадевом Говиндом Ранаде. Он относился к подарку очень бережно и надевал только в особых случаях. Одним из таких случаев стал банкет, устроенный в его честь индийцами Йоханнесбурга. Шарф помялся, и его нужно было погладить. Отправить вещь в прачечную и получить обратно вовремя уже не представлялось возможным, и я предложил продемонстрировать свое мастерство.

— Я безгранично верю в ваши способности адвоката, но не прачки, — сказал Гокхале. — Что, если вы испортите шарф? Если бы вы знали, как много он для меня значит.

После чего с удовольствием рассказал мне историю подарка. Но я продолжал настаивать, гарантировал отличный результат, получил разрешение выгладить шарф и заслужил похвалу друга. Потом мне уже было все равно, даже если бы весь остальной мир отказал мне в доверии.

Я перестал зависеть не только от прачек, но и от парикмахеров. Все, кто побывал в Англии, обычно привыкают там бриться самостоятельно, но я не знал никого, кто научился бы стричь себе волосы. Мне пришлось освоить и это тоже. Как-то я отправился к английскому парикмахеру в Претории, и он с презрением отказался подстричь меня. Разумеется, я почувствовал себя оскорбленным, но незамедлительно приобрел ножницы и подстриг свои волосы сам, стоя перед зеркалом. Мне удалось более или менее справиться с волосами спереди, а вот затылок я совершенно испортил. Друзья в суде заливались хохотом.

— Что стряслось с вашими волосами, Ганди? Уж не крысы ли их погрызли?

— Нет. Просто белый парикмахер не захотел прикоснуться к моим черным волосам, — объяснил я. — И мне пришлось постричь их самому, пусть даже у меня и не получилось.

Мой ответ не удивил никого из друзей.

Парикмахер, если разобраться, не был виноват в том, что отказал мне. Он вполне мог потерять клиентов, если бы взялся обслужить цветного. Точно так же мы в Индии запрещаем парикмахерам обслуживать наших братьев из касты неприкасаемых. В Южной Африке я сталкивался с подобным отношением к себе неоднократно, и только убеждение в том, что это наказание за наши собственные прегрешения, помогало мне сохранять спокойствие и не гневаться.

Крайние формы, в которые вылилась позже моя страсть к самостоятельности и простоте, будут описаны ниже. Но семена были посеяны уже давно. Они нуждались только в поливке, чтобы взойти, зацвести и принести плоды. А с поливкой задержки не было.

10. ВОЙНА С БУРАМИ

Я вынужден опустить многое из того, что произошло в период с 1897 по 1899 год, и сразу перейти к Англо-бурской войне.

Когда войну объявили, мои симпатии были целиком на стороне буров, но я считал тогда, что не имею права широко заявлять о них. Я подробно описал развернувшуюся во мне внутреннюю борьбу в книге по истории сатяграхи в Южной Африке и не должен повторяться сейчас. Тех, кого интересуют подробности, я отсылаю к страницам той книги. Пока же достаточно сказать, что моя преданность британскому правительству вынудила меня участвовать в бурской войне вместе с англичанами. Я подумал, что, раз я требую соблюдения своих прав как гражданин Британской империи, мне придется защищать ее. В то время я считал, что Индия сможет получить независимость только через империю. Я собрал как можно больше своих друзей и с превеликим трудом сумел добиться, чтобы нас приняли в армию в качестве отдельного санитарного корпуса.

Среднестатистический англичанин считал, что индийцы трусы, не способные рисковать собой или отречься от своих сиюминутных личных интересов, а потому даже многие друзья-англичане не поддержали мой план. Зато мистер Бут охотно поддержал его. Он обучил нас работе в санитарном корпусе. Мы получили свидетельства о пригодности к военной службе. Мистер Лаутон и мистер Эском также одобрили мой план, и мы наконец подали

заявление об отправке на фронт. Правительство с благодарностью приняло заявление, но отметило, что в наших услугах пока не нуждается.

Я не был удовлетворен подобным ответом. Доктор Бут устроил мне встречу с епископом Наталя и представил меня ему. В наш корпус записались добровольцами многие индийцы-христиане. Епископ был обрадован моим предложением и обещал посоветовать, чтобы нашими услугами воспользовались.

Время тоже работало на нас. Буры сражались с большей отвагой, решительностью и мужеством, чем от них ожидали, и в результате наша помощь оказалась необходима.

Наш корпус состоял из тысячи ста человек, сорок из которых были командирами. Примерно триста были свободными индийцами, а остальные — законтрактрованными. К нам присоединился и доктор Бут. Санитарный корпус показал себя с лучшей стороны. Хотя мы работали не на линии огня и находились под защитой Красного Креста, в критические моменты нас просили выдвинуться на передовую. Но не по собственной воле мы прятались в тылу: власти не хотели отправлять нас в самое пекло. Ситуация изменилась после битвы за Спийон-Коп, когда генерал Буллер прислал нам письмо, в котором отметил, что, хотя мы не обязаны подвергать себя риску, правительство будет благодарно, если мы выдвинемся вперед и будем выносить раненых с поля боя. Мы не колебались ни минуты. Вот так и получилось, что во время битвы за Спийон-Коп наш корпус оказался на линии огня. В то время нам приходилось проходить по двадцать или двадцать пять миль в день с ранеными на носилках. Мы даже удостоились чести переносить самого генерала Вудгейта.

Наш санитарный корпус был все же расформирован после шести недель службы. Поражения у Спийон-Копы и Ваалькранца заставили британского главнокомандующего оставить попытки завладеть Ледисмитом и другими

городами стихийно и действовать более осмотрительно, дожидаясь подкреплений из Англии и Индии.

Но даже наши скромные усилия были восторженно встречены общественностью и укрепили репутацию индийцев. Газеты печатали хвалебные стихи с рефреном: «Мы тоже дети твои, Империя, в конце-то концов».

Генерал Буллер отметил работу, сделанную нашим корпусом, в своем официальном донесении, а всех наших командиров наградили медалями.

Индийская община стала более организованной. Я сумел сблизиться с законтрактованными рабочими. Их сознание постепенно пробуждалось, и они стали понимать, что мы все — индусы, мусульмане, христиане, тамилы, гуджаратцы, синдхи — сыновья одной родины. Все теперь верили, что индийцы будут вознаграждены за свои обиды. В тот момент казалось, что позиция белых определенно изменилась. Отношения, сложившиеся между нами и белыми во время войны, не могли быть лучше. Мы воевали бок о бок с тысячами томми*. Они были дружелюбными и благодарили нас за нашу помощь.

Не могу не записать приятное воспоминание о случае, в котором человеческая природа проявила себя с лучшей стороны в час суровых испытаний. Помню, как мы продвигались к лагерю в Чивели, где лейтенант Робертс, сын генерала Робертса, получил смертельное ранение. Наш санитарный корпус удостоился чести вынести его с поля боя. День выдался на редкость жарким. Всем страшно хотелось пить. По пути нам попался небольшой ручей, из которого мы могли напиться. Но кто должен был сделать это первым? Мы предложили, чтобы сначала пили томми, однако они, в свою очередь, предложили начать нам, и какое-то время продолжалось это невероятно приятное соревнование, в котором каждый хотел уступить другому.

* Томми — шутовское прозвище английских солдат, ныне устаревшее.

11. САНИТАРНАЯ РЕФОРМА И СПАСЕНИЕ ГОЛОДАЮЩИХ

Мне всегда казалось странным, что член общества может существовать и не приносить никакой пользы людям. Я не желал скрывать слабости своей общины или потакать им, а также отстаивать ее права, не избавившись прежде от ее недостатков. А потому, как только я обосновался в Натале, я твердо решил снять с общины отчасти справедливые обвинения. Поговаривали, что индийцы — неопрятный народ, который не умеет содержать в чистоте свои дома и земельные участки. Видные представители общины уже начали приводить дома в порядок, но произвести инспекцию всех жилищ удалось только после сообщений о том, что вспышка чумы в Дурбане неминуема. К осмотру приступили, предварительно посоветовавшись с отцами города и получив их одобрение. Им была необходима наша помощь. Подобное сотрудничество не только облегчало работу им, но и избавляло нас самих от многих затруднений. Во время вспышек заболеваний власти, как правило, становятся весьма нетерпеливы, злоупотребляют мерами предосторожности и весьма жестко обходятся с теми, кто проявляет недовольство. Наша община избежала всего этого, добровольно приняв меры по улучшению санитарных условий.

Но мне при этом пришлось столкнуться с трудностями. Я понимал, что теперь, когда я требую от общины выполнения ее обязанностей, я не могу надеяться на такую же поддержку, какую мне оказывали, когда я отстаивал ее права. Где-то я сталкивался с оскорблениями, где-то с вежливым равнодушием. Этих людей было сложно заставить содержать свои жилища в чистоте, а о том, что они найдут для этого средства, не могло быть и речи. Этот эксперимент научил меня, что необходимо обладать бесконечным терпением, чтобы заставить людей выполнить какую-ли-

бо работу. Только сам реформатор из всех сил стремится к осуществлению реформы, но не общество, от которого он может ожидать лишь сопротивления, ненависти и даже преследования. Почему бы обществу не считать упадком то, что реформатор считает более важным, чем собственная жизнь?

Как бы то ни было, я все-таки смог показать членам индийской общины, насколько важно содержать свои дома и земельные участки в чистоте. Власти зауважали меня. Они поняли, что, хотя я и отстаивал права общины и стремился решить ее проблемы, я не менее охотно и упорно требовал ее самоочищения.

Оставалась, однако, еще одна задача. Я имею в виду пробуждение у индийских поселенцев чувства долга перед родиной. Индия была бедным государством. Индийцы отправлялись в Южную Африку в поисках лучшей жизни, и они обязаны были поделиться частью своих заработков с соотечественниками в час нужды. Поселенцы так и сделали во время ужасающего голода в Индии в 1897 и 1899 годах. Они внесли деньги в фонды помощи голодающим, причем взносы 1899 года оказались еще более значительными, чем взносы 1897-го. Мы попросили о помощи англичан, и они великодушно откликнулись. Даже законтрактованные индийские рабочие помогли. Эта система сбора средств для голодающих существует до сих пор, и теперь мы знаем, что индийцы в Южной Африке не откажутся помочь соотечественникам, когда страна переживает трудные времена.

Служение индийцев из Южной Африки раз за разом показывало мне все новые стороны истины. Истина подобна раскидистому дереву: чем тщательнее за ним ухаживают, тем богаче его урожай. Чем глубже погружаешься в истину, тем более ценные сокровища обнаруживаешь в ее недрах. И безграничные возможности служения людям похожи на эти сокровища.

12. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ

Освободившись от военной службы, я почувствовал, что мне следует теперь работать не в Южной Африке, а в Индии. Это не означало, что моя миссия в Южной Африке была завершена, но я начал опасаться, что здесь вся моя работа сведется к труду ради материальной выгоды.

Оставшиеся дома друзья тоже звали меня вернуться, но я и сам понимал, что принесу в Индии куда больше пользы. Что касается работы в Южной Африке, то ее могли выполнять за меня мистер Хан и мистер Мансухлал Наазар. И я обратился к своим коллегам с просьбой отпустить меня. После долгих и трудных переговоров они согласились при одном условии: я должен был вернуться в Южную Африку, если в течение года мои услуги понадобятся общине. Я посчитал такое условие трудным, но любовь, связывавшая меня с южноафриканской общиной, вынудила меня принять его.

Бог привязал меня к себе
Тончайшей ниточкой любви,
Но и она навеки сделала меня Его рабом.

Так пела Мирабай. Тончайшая ниточка моей любви к общине была неразрывна. Глас народа — глас Божий, а тогда голоса друзей звучали очень отчетливо, и потому я не мог нарушить обещание. Я принял условие и получил их благословение.

В то время тесно я был связан только с Наталем. Индийцы Наталя буквально искупали меня в нектаре своей любви. Они устраивали повсюду прощальные вечера и осыпали меня дорогими подарками.

Подарки мне вручали и до возвращения в Индию в 1899 году, но на сей раз это было что-то невероятное. Среди подарков, конечно, были и изделия из золота и серебра, но встречались среди них и просто бесценные вещи, усыпанные бриллиантами.

Какое право я имел принимать такие подарки? А приняв, как мог я и дальше убеждать себя, что мое служение общине бескорыстно? Все подарки, за исключением нескольких от клиентов, были благодарностью за мое служение общине, и теперь не стало разницы между клиентами и соратниками, поскольку клиенты тоже помогали мне в общественной работе. Среди подарков было золотое ожерелье, стоившее пятьдесят гиней и предназначавшееся моей жене. Но даже оно было подарено мне за мою работу на общину, а потому его нельзя было отделить от остальных.

После прощального вечера, когда мне вручили все эти предметы, я провел бессонную ночь. Расхаживал по своей комнате в глубоком волнении, но не мог найти решения. Мне было трудно отказаться от подарков, стоивших огромных денег, но еще труднее было оставить их себе.

Если я оставляю их, как мне объяснить это детям? Как убедить жену в своей правоте? Я ведь научил семью тому, что жизнь следует посвятить служению общине и что само по себе служение и есть высшая награда за него.

У меня дома не было никаких дорогих украшений. Мы достаточно быстро упрощали свою жизнь. Как же в таком случае мы могли позволить себе, например, золотые часы? Какое право имели носить золотые цепи и кольца с бриллиантами? Я постоянно уговаривал других людей побороть свою безрассудную страсть к ювелирным изделиям. Что же мне теперь делать с внезапно свалившимися на меня драгоценностями?

Я твердо решил, что не могу оставить их себе, и написал письмо, в котором указал, что жертвую все эти вещи на нужды общины и назначаю Парси Рустомджи и других своих друзей доверенными лицами. Утром я посоветовался с женой и детьми, а потом избавился от этой обузы.

Я догадывался, что у меня возникнут трудности, когда я буду убеждать жену, но с детьми проблем не должно было быть. А потому я решил, что они станут моими адвокатами в этом нелегком деле.

Сыновья охотно согласились.

— Нам не нужны эти дорогие подарки, мы должны вернуть их общине, а если однажды нам понадобится нечто подобное, мы купим это сами, — заявили они.

Я был рад слышать такие слова.

— Значит, вы договоритесь со своей матерью, верно? — спросил я.

— Разумеется, — отвечали они. — Берем это на себя. Ей не нужно носить дорогих украшений. Она, возможно, захочет оставить их для нас, но если нам они не нужны, почему бы и ей не согласиться расстаться с ними?

Но, как выяснилось, сказать было проще, чем сделать.

— Тебе они, быть может, и не нужны, — заявила жена. — Они не нужны и детям, вероятно. Они ведь пляшут под твою дудку. Я понимаю, почему мне самой не разрешено носить их. Но что насчет моих будущих невесток? Им они наверняка понадобятся. И вообще кто знает, что случится завтра? Я не хочу отказываться от вещей, подаренных с такой любовью.

Уговаривая меня, жена зарыдала, но дети стояли на своем. И меня она тоже не заставила изменить свое решение.

Затем я стал мягко увещевать ее:

— Наши дети еще не женаты. Мы же с тобой не хотим для них ранних браков. Когда они повзрослеют, смогут сами позаботиться о себе. И уж наверняка наши сыновья не возьмут в жены девушек, которым потребуются дорогие украшения. А если нечто подобное все-таки понадобится, я всегда рядом. Попросишь меня купить.

— Попросить тебя? Ты лишил собственных украшений меня, не давал мне покоя, пока я не отказалась от них! Представляю, как ты будешь покупать украшения для снохи! Ты, уже сейчас пытающийся превратить наших сыновей в садху!*

* Садху — так индусы называют людей, проповедующих самую крайнюю степень аскетизма.

Нет, мы не вернем эти подарки. Кроме того, скажи на милость, какое право ты имеешь распоряжаться ожерельем, подаренным мне?

— Лучше скажи: ожерелье подарили нам за твое служение общине или за мое? — спросил я.

— Согласна. Но твое служение ничем не лучше моего. Я трудилась ради тебя день и ночь. Разве это не служение? Ты взвалил на меня всю работу по дому, заставляя проливать горькие слезы и сделал своей рабыней!

Это были меткие удары, и некоторые из них попали в цель. Но я продолжал настаивать на том, чтобы вернуть украшения. Непостижимым образом мне в итоге удалось добиться ее согласия. Все подарки, полученные в 1896 и в 1901 годах, были возвращены. Я подготовил документы и положил ценности в банк, чтобы они послужили интересам общины в соответствии с моими собственными распоряжениями или распоряжениями доверенных лиц.

Часто, когда были нужны средства на общественную работу, я испытывал непреодолимое желание взять их из этого фонда. Тем не менее мне всегда удавалось собрать необходимую сумму, а фонд оставался нетронутым. Он существует и поныне. К нему прибегают в самых крайних случаях, но регулярно пополняют.

Никогда позже я не жалел о своем поступке, а с течением лет и моя жена осознала его мудрость. Это уберегло нас от многих соблазнов.

Я твердо уверен, что общественный деятель не должен принимать дорогих подарков.

13. СНОВА В ИНДИИ

Итак, я отправился домой. Один из портов, куда заходил пароход, находился на Маврикии. Мы остановились здесь надолго, поэтому я сошел на берег и успел достаточно хорошо познакомиться с условиями жизни на острове.

В один из вечеров я даже стал гостем сэра Чарльза Брюса — губернатора колонии.

Приехав в Индию, я какое-то время путешествовал по стране. Шел 1901 год, и в Калькутте проходила встреча участников Конгресса* под председательством мистера (позже сэра) Диншоу Вача. Разумеется, я не мог остаться в стороне. Так состоялось мое знакомство с деятельностью Конгресса.

Из Бомбея я отправился одним поездом с сэром Ферозшахом Мехтой, поскольку мне хотелось побеседовать с ним о положении, сложившемся в Южной Африке. Я знал, что он ведет поистине королевский образ жизни. Он нанял целый салон-вагон, и мне было разрешено проехать в этом вагоне один перегон и поговорить с Мехтой. Я пришел к нему во время остановки на заранее оговоренной станции и сообщил о своем приходе. С ним вместе путешествовали мистер Вача и мистер (а ныне — сэр) Чимандал Сеталвад. Они обсуждали политические вопросы. Как только сэр Ферозшах заметил меня, он сказал:

— Ганди, похоже, мы ничего не сможем сделать для вас. Разумеется, мы одобрим вашу резолюцию. Но какие права мы имеем даже в собственной стране? Мне кажется, что, пока мы не обладаем никакой властью в Индии, вам не удастся добиться успехов в колониях.

Я был ошеломлен. Мистер Сеталвад, казалось, придерживался того же мнения, а мистер Вача лишь бросил на меня сочувственный взгляд.

Я попытался уговаривать сэра Ферозшаха, но и речи не могло быть о том, чтобы переубедить некоронованного короля Бомбея. Пришлось удовлетвориться тем, что мне позволят представить свою резолюцию.

— Вам нужно будет, конечно же, показать мне резолюцию, — сказал мистер Вача, старавшийся ободрить меня.

* В данном случае имеется в виду политическая партия Индийский национальный конгресс, созданная в 1885 году.

Я поблагодарил его и покинул салон-вагон уже на следующей станции.

Мы прибыли в Калькутту. Президента торжественно сопроводили в подготовленный для него дом. Я спросил одного из добровольцев*, куда следует направиться мне. Он отвел меня в колледж Рипон, где разместили некоторых делегатов. Фортуна благоволила ко мне: в том же корпусе, где поселили меня, оказался Локаманья. Насколько помню, он приехал днем позже.

Конечно, Локаманью невозможно представить без дарбара**. Будь я художником, я бы изобразил его сидящим на кровати, ведь я до сих пор отчетливо помню это. Из многочисленных посетителей, заходивших к нему, мне сегодня вспоминается только один, а именно ныне покойный бабу*** Мотилал Гхозе, редактор газеты «Амрита базар патрика». Их громкий смех и разговоры об ошибках правившей нами нации незабываемы.

Но мне бы хотелось побольше рассказать об условиях, в которых проходили заседания Конгресса. Добровольцы постоянно спорили друг с другом. Ты мог попросить одного сделать что-то, он тут же передавал просьбу другому, а тот, в свою очередь, — третьему. И так далее. Делегаты же, казалось, были вечно ни при чем.

Я подружился с несколькими добровольцами и немного рассказал им о Южной Африке. Им стало стыдно за свое бездействие. Мне хотелось объяснить им, что такое подлинное служение общине. Казалось, они меня поняли, но дело в том, что дух служения не появляется в человеке сам по себе. Чтобы воспитать его, требуются, во-первых, желание, а во-вторых, опыт. В этих простых и добросердечных

* Добровольцы Конгресса входили в его отряды и следили за порядком на массовых мероприятиях.

** Дарбар — пышный торжественный прием. В данном случае — окружение какого-либо человека.

*** Бабу — господин.

молодых людях было много желания, но опыта им не доставало. Конгресс собирался раз в году на три дня, а затем словно бы впадал в спячку. Какой опыт можно было получить за три дня? Причем делегаты ничем не отличались от добровольцев. У них было не больше опыта, а сами они ничего не делали и лишь раздавали приказы: «Добровольцы, сделайте то. Добровольцы, сделайте это».

И даже здесь я оказался лицом к лицу с проблемой неприкасаемости. Кухня тамилы располагалась обособленно. Отверженный, увиденный во время трапезы, казался делегатам-тамилам живым осквернением, а потому для них устроили в колледже отдельную кухню, отгороженную стенами. Оттуда постоянно валил удушающий дым. Кроме кухни, там была и столовая, и прачечная — получился закрытый ящик без единой отдушины. Мне все это представлялось пародией на Варнашрама-дхарму*. Если неприкасаемость проявляется даже в отношениях между делегатами Конгресса, сказал я себе, то легко представить, как глубоко она укоренилась в избирателях. Эта мысль заставила меня горько вздохнуть.

Условия были крайне антисанитарные. Повсюду были лужи. Туалетов устроили слишком мало, и воспоминание о стоявшей в них вони до сих пор вызывает у меня отвращение. Я указал на это добровольцам. Они решительно ответили мне:

— Это не наше дело. Пусть отхожими местами занимается уборщик.

Тогда я попросил веник. Моя просьба вызвала удивление. Я добыл веник сам и навел порядок в одной из уборных, но сделал это только для себя. Желających попасть в туалеты было много, а самих туалетов слишком мало. Они нуждались в регулярной чистке, а на это у меня не хватало ни сил, ни времени. Посему я довольствовался быстрой

* Варнашрама-дхарма — ведийская система, согласно которой общество делится на четыре касты (варны).

чисткой места в туалете для себя одного. А остальные, казалось, не замечали ни грязи, ни отвратительного запаха.

Но и это еще не все. Некоторые из делегатов не стеснялись использовать веранды своих комнат для отправления нужды по ночам. Утром я указал на это добровольцам, но никто из них не желал убираться. Я так и не нашел никого, кто бы захотел заниматься этим почетным делом вместе со мной. С тех пор условия значительно улучшились, но даже сейчас беззаботные делегаты продолжают компрометировать Конгресс, оправляясь там, где им угодно, а добровольцы по-прежнему не готовы прибираться за ними.

Мне стало ясно, что, если бы заседания Конгресса были более продолжительными, антисанитарные условия, в которых они проходили, могли бы стать причиной эпидемий.

14. И КЛЕРК, И СЛУГА

Оставалось еще два дня до открытия сессии Конгресса. Я решил предложить свои услуги, чтобы по возможности приобрести новый опыт. Итак, как только я покончил с ежедневными омовениями по прибытии в Калькутту, прямиком отправился в контору Конгресса.

Секретарями Конгресса были бабу Бхупендранат Басу и мистер Гхосал. Я обратился к Бхупенбабу и предложил свою помощь. Он посмотрел на меня и сказал:

— У меня нет для вас работы, но, быть может, Гхосалбабу подберет для вас что-нибудь. Пожалуйста, поговорите с ним.

И я пошел к другому секретарю. Тот тоже изучил меня внимательным взглядом и с улыбкой произнес:

— Могу предложить вам только работу с бумагами. Вы согласны?

— Разумеется, — ответил я. — Я пришел сюда, чтобы делать все, что в моих силах.

— Вот это правильный настрой, — сказал он, а потом обратился к добровольцам: — Слышали, что говорит этот

молодой человек? — И вновь повернувшись ко мне, продолжил: — Что ж, вот тут у нас целая кипа писем, с которыми нужно разобраться. Садитесь на этот стул и начинайте. Как вы могли заметить, ко мне приходят сотни людей. И как я должен поступить: беседовать с ними или отвечать людям, завалившим меня корреспонденцией? У меня нет клерка, которому я смог бы доверить эту работу. В большинстве этих писем нет ничего примечательного, но, пожалуйста, хотя бы загляните в них. Напомните мне о тех, что заслуживают внимания, и особенно отметьте серьезные письма, требующие взвешенного ответа.

Я был доволен, что мне доверяют.

Мистер Гхосал не знал, кто я такой, когда поручал мне эту работу, и лишь позже спросил о моем опыте.

Разбирать письма оказалось очень просто. Я быстро справился, чему Гхосал был крайне рад. Он был разговорчив и мог беседовать со мной часами напролет. Когда же он узнал обо мне больше, он посетовал, что поручил мне такую простую работу. Но я поспешил успокоить его:

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Кто я и кто вы. Вы успели поседеть, трудясь на благо Конгресса, и вы намного старше меня. Я же — всего лишь неопытный юнец. Это я должен быть благодарен за то, что вы оказали мне доверие. Ведь я хочу помочь Конгрессу, а вы дали мне возможность разобраться в его работе.

— Ваше рвение похвально, — сказал Гхосал. — В наши дни молодые люди ничего не понимают. Конечно, я знаю Конгресс с самого первого дня его существования. Более того, я даже могу считаться одним из его основателей наряду с мистером Юмом*.

* Имеется в виду, конечно же, не знаменитый философ Дэвид Юм, а прогрессивно настроенный английский чиновник Аллан Юм (1829—1912), один из основателей Индийского национального конгресса.

Мы стали хорошими друзьями. Он настоял, чтобы я непременно с ним обедал.

Мистер Гхосал привык к тому, что его рубашку застегивал слуга. Я вызвался заменить слугу, и мне нравилось делать это, поскольку я очень уважал старших. Когда он узнал о моем серьезном подходе к столь простой обязанности, то перестал возражать, чтобы я оказывал ему эту мелкую услугу. На самом деле он был даже польщен. Обращаясь ко мне в очередной раз с просьбой застегнуть пуговицы, он любил говорить:

— Видите теперь, что у секретаря Конгресса нет времени даже на то, чтобы застегнуть рубашку. Он постоянно чем-то занят.

Наивность мистера Гхосала забавляла меня, но не вызвала ни малейшего нежелания помогать ему в таких мелочах. А польза, полученная мной от этих услуг, оказалась неоценимой.

С помощью Гхосала я буквально за несколько дней разобрался в работе Конгресса, а также познакомился с большинством его руководителей и понаблюдая за деятельностью таких лидеров, как Гокхале и Сурендранатх. Тогда я невольно отметил, сколько времени Конгресс тратит впустую, и с сожалением понял, какую важную роль в наших делах играл английский язык. Никто не пытался экономно расходовать силы.

Работу, с которой справился бы один человек, выполняли несколько, а многими важными делами не занимался никто.

Но как бы критически я ни относился ко всему этому, я достаточно снисходителен, чтобы считать, что невозможно, вероятно, трудиться лучше в сложившихся обстоятельствах.

Эти размышления спасли меня, и в будущем я никогда не недооценивал какую-либо работу.

15. УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНГРЕССА

И вот я наконец на Конгрессе. Огромный павильон, ряды многочисленных добровольцев и старейшины на помосте буквально ошеломили меня. Я гадал, где бы мне самому расположиться.

Обращение президента могло бы уместиться только в толстой книге. О том, чтобы зачитать его целиком, не могло быть и речи, а потому было зачитано лишь несколько абзацев.

Затем начались выборы в комитеты по различным вопросам. Гокхале взял меня с собой на заседания.

Конечно, сэр Ферозшах согласился рассмотреть мою резолюцию, но меня волновало, кто и когда представит ее членам соответствующего комитета. Каждая резолюция долго обсуждалась (разумеется, неизменно на английском языке от первого до последнего слова), и каждую из них поддерживал кто-нибудь из руководителей. Моя резолюция прозвучала бы звуком тихой дудочки среди барабанного боя тех, что предлагали ветераны, и к концу дня сердце мое билось все быстрее от беспокойства. Насколько помню, в конце утомительного заседания резолюции принимались со скоростью света. Всем не терпелось поскорее разойтись. В одиннадцать часов у меня все еще не хватало смелости выступить. Гокхале уже ознакомился с моей резолюцией, и я придвинулся ближе к нему, чтобы шепнуть:

— Пожалуйста, сделайте что-нибудь для меня.

Он ответил:

— Я ни на минуту не забываю о вашей резолюции. Но сами видите, в какой спешке они сейчас принимаются. Я не позволю, чтобы вашу пропустили, даже не заслушав как следует.

— Итак, мы закончили? — спросил сэр Ферозшах Мехта.

— Нет, у нас осталась еще резолюция по Южной Африке. Мистер Ганди долго ждал своей очереди! — крикнул Гокхале.

— Вы ознакомились с резолюцией? — обратился к нему сэр Ферозшах.

— Разумеется.

— Вы ее одобряете?

— Она неплоха.

— Что ж, тогда зачитайте нам ее, Ганди.

Я читал текст, дрожа от волнения.

Гокхале поддержал резолюцию.

— Принята единогласно! — раздалось сразу несколько восклицаний.

— В таком случае вам будет выделено пять минут, чтобы выступить, Ганди, — сказал мистер Вача.

Вся эта процедура не пришлась мне по душе. Никто не попытался вникнуть в суть резолюции, все слишком торопились разойтись. Лишь потому, что Гокхале уже одобрил резолюцию, остальные даже не потрудились понять ее!

Следующее утро принесло мне новые волнения по поводу моей речи. Мистер Вача вызвал меня на трибуну. Я встал. Голова шла кругом, но я кое-как справился с чтением. Кто-то размножил и распространил среди делегатов листки с поэмой, восхваляющей эмиграцию. Я зачитал и поэму тоже, а потом перешел к рассказу о трудностях индийских поселенцев в Южной Африке. Но как раз в этот момент мистер Вача позвонил в свой колокольчик. Я был уверен, что не говорил и пяти минут. Мне не объяснили заранее значение звонка: он предупреждал оратора, что у того осталось еще две минуты. Я слышал, как другие говорили и по полчаса, и даже по три четверти часа, но звонок для них не звучало. Я расстроился и сел. Однако мой все еще незрелый ум подсказал мне тогда, что именно в поэме содержится ответ на вопрос сэра Ферозшаха*.

* См. с. 259

Против моей резолюции никто не возражал. В те времена едва ли существовала разница между делегатами и простыми гостями, все поднимали руки, и резолюции принимались единогласно. Мою ждала та же участь, а потому она вдруг потеряла для меня всякую ценность. И все же сам факт того, что ее одобрил Конгресс, радовал меня. Ведь одобрение Конгресса было одобрением всей страны, и это не могло не удовлетворить автора резолюции.

16. ПРИЕМ ЛОРДА КЕРЗОНА

Сессия Конгресса завершилась, но у меня были назначены встречи с представителями Торговой палаты и еще несколькими людьми, с которыми я намеревался обсудить ситуацию в Южной Африке. Пришлось задержаться в Калькутте еще на месяц. Не желая жить все это время в гостинице, я обратился в Индийский клуб. Среди его членов было много известных индийцев, а потому я с нетерпением ожидал возможности познакомиться с ними и заинтересовать своей работой в Южной Африке. Гокхале часто заходил в клуб сыграть на бильярде, и, когда узнал, что я остаюсь в Калькутте еще на какое-то время, он пригласил меня пожить у него. Я с благодарностью принял приглашение, но посчитал нескромным самому явиться к нему в дом. Прождав меня день или два, он привел меня к себе лично. Он не оценил моей сдержанности и сказал:

— Ганди, вам необходимо остаться в Индии, а здесь чрезмерная скромность не годится. Вам нужно познакомиться с большим числом влиятельных людей. Я также хотел бы, чтобы вы поработали на Конгресс.

Сначала я опишу один инцидент, произошедший в Индийском клубе, а потом продолжу рассказ о моей жизни в гостях у Гокхале.

Как раз в это время в клубе устраивал дарбар лорд Керзон. Некоторые раджи и магараджи из приглашен-

ных являлись членами клуба. В клубе я постоянно видел их одетыми в великолепные бенгальские дхоти, рубашки и шарфы. Но по случаю дарбара они надели брюки, больше подходившие лакеям, и обулись в начищенные до блеска ботинки. Мне это не понравилось, и я попросил одного из них объяснить мне причину такой перемены.

— Лишь мы одни знаем, насколько плачевно наше положение и с какими оскорблениями приходится мириться, чтобы продолжать обладать своими богатствами и титулами, — ответил он.

— Но зачем эти тюрбаны лакеев и сверкающие ботинки? — допытывался я.

— А вы видите какую-то разницу между лакеями и нами? — спросил он и добавил: — У нас есть свои лакеи, но мы — лакеи лорда Керзона. Если бы я не явился на этот прием, мне потом пришлось бы столкнуться с последствиями. Если бы позволил себе прийти сюда в своей обычной одежде, это посчитали бы оскорблением. Вы думаете, что я воспользуюсь возможностью поговорить с лордом Керзоном? Ничуть не бывало!

Меня искренне тронула подобная откровенность.

Это живо напомнило мне о другом таком приеме.

Когда лорд Хардинг торжественно закладывал первый камень в фундамент будущего здания Индуистского университета, тоже был устроен дарбар. Разумеется, на нем присутствовали раджи и магараджи. Пандит Малавияджи особо пригласил меня туда, и я послушно явился.

Я очень огорчился, увидев магараджей, облаченных в женские наряды, — на них были шелковые пижамы и удлиненные куртки *ачканы*; у них были жемчужные ожерелья на шеях, браслеты на запястьях, украшенные жемчужинами и бриллиантами кисточки на тюрбанах, а на поясах — сабли с золотыми эфесами.

Все это было приметами не власти, а рабства, как мне показалось. Сначала я подумал, что они надели эти знаки

бессилия по доброй воле, но затем мне рассказали, что раджей обязали надевать на подобные мероприятия все свои украшения. Мне стало понятно, что очень многим из них неприятно демонстрировать драгоценности и что они ни за что не сделали бы этого, если бы не дарбар.

Не знаю, насколько правильно то, что я сообщаю, но дело не в том, наряжаются ли они подобным образом по другим случаям или нет. Мне показалось очень печальным, что им приходится надевать на прием вице-короля драгоценности, в которых обычно щеголяют только женщины.

Увы, человеку приходится дорого заплатить за грехи и дурные поступки, совершенные ради богатства, власти и престижа!

17. МЕСЯЦ В ГОСТЯХ У ГОКХАЛЕ — I

С самого первого дня моего пребывания у Гокхале я чувствовал себя совсем как дома. Он обращался со мной так, словно я был его младшим братом, выслушивал мои пожелания, следил, чтобы у меня не было недостатка в самом необходимом. К счастью, мне требовалось не так уж и много, а поскольку я старался быть самостоятельным, то не нуждался в помощи прислуги. Его до глубины души поразили моя привычка самому ухаживать за собой, моя любовь к чистоте, умеренность и постоянство. Он часто хвалил меня за это.

Казалось, я знаю о нем абсолютно все. Он знакомил меня с важными людьми, приходившими к нему. Особенно отчетливо я помню доктора (а ныне — сэра) П. К. Рая. Он жил по соседству, а потому часто заглядывал к Гокхале.

Вот как Гокхале представил мне доктора Рая:

— Знакомьтесь, это доктор Рай — человек, который имеет восемьсот рупий в месяц, но тратит на себя лишь сорок, а остальные деньги жертвует на общественные нужды. Он не женат и не хочет жениться.

Доктор Рай совсем не изменился с тех пор. Его одежда осталась такой же простой с той лишь разницей, что теперь он носит одежду из кхади, а прежде предпочитал костюмы из индийской фабричной ткани. Казалось, я мог вечно слушать их беседы с Гокхале, так как они всегда касались общественных интересов и были очень назидательны. Временами Гокхале и доктор Рай отзывались чересчур резко об известных общественных лидерах, и тогда те, кого я считал важными, начинали казаться мне почти ничтожными.

Наблюдать за работой Гокхале было не только интересно, но и полезно. Он не терял ни минуты впустую, и все его личные и дружеские отношения помогали ему действовать на благо общества. Все его разговоры были об этом благе, и он никогда не был неискренним в них. Бедность Индии и ее зависимость очень беспокоили его. Многочисленные посетители старались заинтересовать его своими делами, но он давал им всем один и тот же ответ:

— Займитесь этим сами. А мне позвольте делать свою работу. Я хочу свободы для своей страны. Когда она будет завоевана, мы сможем подумать и о чем-то другом. А сегодня одной этой цели достаточно. Она забирает все мое время и энергию.

Он почитал Ранаде, и это было очень заметно. Мнение Ранаде было решающим во всем, а потому он нередко цитировал его. Гокхале регулярно отмечал очередную годовщину смерти (или день рождения — теперь уже не помню) Ранаде. Тогда, помимо меня, у него гостили друзья — профессор Катхавате и один помощник судьи. Гокхале пригласил нас поучаствовать в праздновании и в своей речи поделился воспоминаниями о Ранаде. Причем он сравнил Ранаде, Теланга и Мандлика. Он восхвалял великолепный стиль Теланга и назвал Мандлика великим реформатором. Вспоминая заботу, которой Мандлик окружал своих клиентов, Гокхале рассказал занятную историю о том, как тот однажды опоздал на обычный поезд и заказал место в спе-

циальном, чтобы вовремя приехать на очень важное для его клиента заседание суда. Но Ранаде, подчеркнул он, был разносторонним гением. Он был не только талантливым судьей, но и великим историком, экономистом и реформатором. Будучи судьей, он бесстрашно участвовал в работе Конгресса, и все настолько доверяли его здравомыслию, что соглашались с его решениями, ни минуты не сомневаясь в них. И Гокхале чувствовал безграничную радость, говоря об этих редких качествах ума и души своего наставника.

В те дни Гокхале пользовался экипажем. Я не знал всех обстоятельств и потому однажды не удержался от упрека:

— Разве вы не можете ездить на трамвае? Или это оскорбляет ваше достоинство лидера?

Слегка обиженный, он сказал:

— Значит, и вы меня не поняли! Прежде всего, я не трачу жалованья на свои капризы. Мне остается только завидовать, что вы можете свободно проехать в трамвае, но последовать вашему примеру, увы, не могу. Если бы вы пользовались такой же популярностью, как я, вы бы не смогли ездить на трамвае. Вам не следует думать, что все поступки лидера подчинены его личному удобству. Мне очень нравятся ваши простые привычки. Я тоже стараюсь жить просто, насколько могу, но некоторые расходы почти неизбежны для человека вроде меня.

Так он снял с себя мои обвинения, но оставался другой его недостаток, который он не мог объяснить.

— Но вы ведь даже на прогулки не выходите, — сказал я. — Что уж тут удивляться, что вы часто хвораете? Неужели общественная работа не оставляет времени на самые простые физические упражнения?

— А когда вы в последний раз видели меня свободным для прогулки? — ответил он.

Я питал к Гокхале столь глубокое уважение, что никогда не спорил с ним. И хотя его ответ совсем не удовлетворил

меня, я предпочел промолчать. Я полагал тогда и уверен до сих пор, что, сколько бы работы ни выполнял человек, ему непременно следует находить время для физических упражнений точно так, как он находит его для приемов пищи. Смею утверждать, что упражнения не только не уменьшают работоспособности, но, напротив, стимулируют ее.

18. МЕСЯЦ В ГОСТЯХ У ГОКХАЛЕ — II

Живя у Гокхале, я не превратился в домоседа.

Я обещал своим южноафриканским друзьям-христианам, что в Индии непременно встречу с индийскими христианами и посмотрю, как они живут. Я много слышал о бабу Каличаране Банерджи и относился к нему с большим уважением. Он занимал видное место в Конгрессе, и я не знал ни об одном его недостатке, свойственном обычно индийцу-христианину, который держится в стороне от деятельности Конгресса и избегает индусов и мусульман. Я сказал Гокхале о том, что подумываю о встрече с Банерджи. Он ответил:

— Какой в этом смысл? Он очень хороший человек, но, боюсь, вы будете разочарованы. Я ведь близко знаком с ним. Однако вы, разумеется, можете встречаться с кем пожелаете.

Я обратился к Каличарану Банерджи, и он охотно согласился встретиться. Когда я пришел к нему, я узнал, что его жена при смерти. Дом его оказался скромным. На Конгрессе я видел его в пиджаке и брюках, но с радостью обнаружил, что дома он носит бенгальское дхоти и рубашку. Мне понравилась простота его наряда, хотя я сам тогда предпочитал пиджак и брюки парсов. Без лишних слов я поделился с ним своими сомнениями. Он спросил:

— Вы верите в первородный грех?

— Верю, — ответил я.

— Так вот, индуизм не предлагает искупления, в отличие от христианства. — И добавил: — Смерть — это плата за грех. В Библии сказано, что единственный путь избавления — вверить себя Иисусу.

Я возразил ему, напомнив о *Бхакти-марге* (Пути преданности) из «Бхагавадгиты», но тщетно. Потом я поблагодарил его за доброту. Его ответы действительно не удовлетворили меня, но беседа с ним все же принесла определенную пользу.

В те дни я часто бродил по улицам Калькутты. Мне нравилось ходить пешком. Я познакомился с судьей Миттером и сэром Гурдасом Банерджи, чья помощь мне была необходима в моей работе в Южной Африке. Примерно тогда же состоялась моя первая встреча с раджей сэром Пьяримоханом Мукарджи.

Каличаран Банерджи рассказал о храме Кали, который мне захотелось непременно посетить еще и потому, что я читал о нем в книгах. В один из дней я отправился туда. Дом судьи Миттера находился в том же районе, а потому я пошел в храм сразу после визита к нему. По пути мне встретилась отара овец, которых гнали, чтобы принести в жертву в Кали. Ряды нищих выстроились по обеим сторонам дороги, ведущей к храму. Среди них встречались и нищие монахи, но я уже тогда был противником подаяний совершенно здоровым нищим. Они же целой толпой устремились вслед за мной. Один из монахов сидел на веранде. Он остановил меня и обратился ко мне с вопросом:

— Куда вы направляетесь, мальчик мой?

Я ответил.

Тогда он пригласил меня и моего спутника присесть, и мы подчинились.

Я спросил его:

— Вы действительно считаете подобные жертвоприношения частью религии?

— Кому вздумается считать религиозным убийство животных?

— Тогда почему вы не проповедуете против него?

— Это не мое дело. Мы заняты молитвами.

— Но разве вы не можете найти более подходящего места для молитв?

— Любое место одинаково хорошо подходит нам. Люди подобны овцам, когда следуют туда, куда ведет их пастырь. И мы — садху — не вмешиваемся в это.

Мы не стали продолжать беседы с ним. Мы направились в храм и попали буквально в реку крови. Я не мог даже просто стоять там. Я был рассержен и обеспокоен. Мне никогда не забыть увиденного там.

В тот же вечер я был приглашен на ужин к одному своему бенгальскому другу. Я заговорил с ним об этой жестокой форме поклонения Богу, и он отвечал:

— Овцы ничего не чувствуют. Шум и барабанный бой притупляют боль.

Я не мог смириться с подобным ответом и заметил, что, если бы овцы умели говорить, они бы, вероятно, сказали совсем другое. Я понимал, что следует отказаться от столь жестокого обычая. Мне вспомнился Будда и его история, и я осознал, что задача слишком сложна.

Я и сегодня придерживаюсь того же мнения, что и тогда. Жизнь ягненка не менее ценна, чем жизнь человека. Я бы никогда не убил ягненка даже ради спасения человека. Как мне кажется, чем беспомощней создание, тем больше нуждается оно в защите от жестокости людей. Но тот, кто не подготовил себя к подобному служению, не способен защищать. Мне нужно еще самому пройти через самоочищение и жертву, прежде чем у меня появится надежда спасти тех ягнят от богомерзкого жертвоприношения. Я постоянно молюсь, чтобы на землю пришел великий духом человек — мужчина или женщина, — вдохновленный огнем божественного сострадания, который избавит нас от

отвратительного греха, спасет жизни невинных созданий и очистит от скверны храм. Как Бенгалия с ее образованным, просвещенным, жертвенным и чувствительным населением примирится с подобной бессмысленной бойней?

19. МЕСЯЦ В ГОСТЯХ У ГОКХАЛЕ — III

Ужасающие жертвоприношения, совершавшиеся в храме Кали во имя религии, только усилили мое желание ближе познакомиться с жизнью бенгальцев. Я много читал и слышал о Брахмо-самадж*. Кроме того, мне было немного известно о жизни Пратапа Чандры Мазумдара. Я принимал участие в митингах, на которых он произносил речи. Я узнал о его жизни из книги Кешаба Чандры Сена, которая показалась мне очень увлекательной. Благодаря ей я понял разницу между Садхаран Брахмо-самадж и Ади Брахмо-самадж**. Я познакомился с пандитом Шиванатхом Шастри, а потом вместе с профессором Катхавате попытался встретиться с махариши Дебендранатхом Тагором, но как раз в то время к нему не пускали, и встреча не состоялась. Однако нас пригласили на празднование Брахмо-самадж, которое проводилось у него дома, и там мы имели удовольствие послушать бенгальскую музыку. С тех пор я очень ее люблю.

Насладившись прадником, я захотел встретиться со свами Вивеканандом, а потому отправился в Белур-Матх***,

* Брахмо-самадж (Общество Брахмы) — религиозное общество, основанное в 1828 г. в Калькутте. Его члены выступали за реформу индуизма.

** Садхаран Брахмо-самадж, Ади Брахмо-самадж — течения, возникшие вследствие раскола Брахмо-самадж.

*** Белур-Матх — монастырский комплекс. Сейчас одна из главных туристических достопримечательностей неподалеку от Калькутты.

проделав весь путь или значительную его часть пешком. Мне понравилось уединенное место, где располагался Матх. Но с разочарованием и сожалением я узнал, что свами находится у себя дома в Калькутте. Он был очень болен, и посетителей к нему не пускали.

Тогда я выяснил, где находится сестра Ниведита*, и встретился с ней во дворце Чоуринги. Меня поразило великолепие, окружавшее ее, но наша беседа показала, насколько мало между нами общего. Потом я рассказал обо всем Гокхале, и тот не удивился, что моя попытка пообщаться со столь непостоянным человеком не удалась.

Я встретился с ней снова в доме мистера Пестонджи Падшаха. Так случилось, что я вошел как раз в тот момент, когда она разговаривала с его престарелой матерью, и мне пришлось стать для них кем-то вроде переводчика. Несмотря на неудачную попытку найти с ней взаимопонимание, я не мог не восхититься ее несомненной и глубокой любовью к индуизму. О ее книгах мне стало известно несколько позже.

У меня вошло в привычку делить свой день на две части. Сначала я встречался с известными людьми Калькутты и обсуждал работу в Южной Африке, а затем посещал религиозные и общественные организации города. Мне довелось выступить на митинге под председательством доктора Муллика, и темой своей речи я выбрал деятельность нашего санитарного корпуса во время Англо-бурской войны. Надо сказать, что мне очень пригодились мое знакомство с редактором газеты «Инглишмен». Мистеру Сондерсу нездоровилось, но он оказал мне всю посильную помощь, как и в 1896 году. Гокхале моя речь понравилась,

* Сестра Ниведита (1867—1911) — настоящее имя — Маргарет Элизабет Нобль. Ирландка, общественный деятель, участница Индийского национально-освободительного движения.

но еще больше он был обрадован, когда узнал, что ее похвалил доктор Рай.

Таким образом, время, проведенное в доме Гокхале, упростило мою работу в Калькутте. Я познакомился с наиболее известными бенгальскими семьями и начал понимать бенгальцев.

Здесь мне приходится опустить многое из того памятного месяца. Упомяну только о коротком путешествии в Бирму и встрече там с монахами *фунги*. Меня неприятно поразила их отстраненность. Я посетил золотую пагоду. Мне пришлось не по душе многочисленные маленькие свечи, горевшие в храме, а крысы, сновавшие по святому месту, заставили вспомнить о том, что пережил в Морви свами Даянанд. Зато свобода и энергичность бирманских женщин очаровали меня в той же степени, в какой разочаровала леность местных мужчин. Кроме того, я понял, что точно так же, как Бомбей — не Индия, так и Рангун — не Бирма. В Индии мы стали агентами английских коммерсантов, а в Бирме вместе с англичанами сделали бирманцев этими самыми агентами.

По возвращении из Бирмы я расстался с Гокхале. Разлука принесла огорчение, но моя работа в Бенгалии (или по большей части только в Калькутте) была завершена, и больше не было причин задерживаться.

Прежде чем окончательно осесть где-нибудь, я решил поехать по Индии третьим классом и самому пережить страдания небогатых пассажиров. Я рассказал о своих планах Гокхале. Сначала он высмеял мою идею, но, когда я объяснил ему, зачем мне это нужно, поддержал меня. Во-первых, я собирался отправиться в Бенарес*, чтобы отдать дань уважения миссис Безант, которая тогда сильно хворала.

Для поездки третьим классом необходимо было все продумать и кое-что купить. Гокхале сам добыл для меня

* Бенарес — наиболее распространенное название этого города в северо-восточной Индии — Варанаси.

металлическую коробку для завтраков и заполнил ее индийскими сладостями и лепешками *пури*. Я купил за двенадцать анн холщовую сумку и длинный пиджак из грубой чхайяской шерсти. В сумку я уложил пиджак, дхоти, полотенце и рубашку. Взял с собой и одеяло, чтобы укрываться, и кувшин для воды. Вот с такими предметами я отправился в путь. Гокхале и доктор Рай пришли на вокзал проводить меня. Я просил их не делать этого, но они не послушали меня.

— Я бы не стал провожать вас, если бы вы ехали первым классом, но теперь придется, — сказал Гокхале.

Никто не помешал Гокхале пройти прямо на платформу. На нем были шелковый тюрбан, пиджак и дхоти. Доктор Рай оделся целиком по-бенгальски. Его остановил контролер, но Гокхале сказал, что это его друг, и доктора сразу же пропустили.

С наилучшими пожеланиями моих друзей я отправился в путь.

20. В БЕНАРЕСЕ

Хоть я и ехал из Калькутты в Раджкот, я планировал также посетить Бенарес, Агру, Джайпур и Паланпур. В других местах у меня не хватало времени побывать. В каждом городе я задерживался на день, останавливаясь в дхармашала* или у монахов панда**, как простой паломник. Исключение составил Паланпур. Насколько помню, я потратил на все путешествие не более тридцати одной рупии, включая стоимость проезда.

Во время своего путешествия третьим классом я предпочитал обычные поезда почтовым, поскольку знал, что последние всегда переполнены, а билеты на них стоят дороже.

* Дхармашала — буквально: общественное здание, постоялый двор. Дхармашала строятся для местных жителей или для религиозных путешественников на пути их паломничества.

** Панда — индуистский священник.

Купе третьего класса по-прежнему такие же грязные, а туалеты такие же неудобные, как и раньше. Быть может, их состояние с тех пор несколько улучшилось, но разница в удобствах пассажиров первого и третьего классов, столь велика, что никак не соответствует разнице в стоимости билетов. С пассажирами третьего класса обходятся как с овцами, и удобства у них в вагонах соответствующие. В Европе я всегда ездил третьим классом (только однажды первым), но такой разницы в стоимости не было. В Южной Африке третьим классом путешествуют в основном негры, но и там условия в этих вагонах куда как лучше, чем в Индии. В некоторых местах Южной Африки купе третьего класса снабжены мягкими сиденьями и там даже можно поспать. Наполняемость вагонов также контролируется, чтобы избежать чрезмерной тесноты, а в Индии вагоны обычно всегда переполнены.

Равнодушие руководства железных дорог к условиям, в которых путешествуют пассажиры третьего класса, а также неопрятность самих пассажиров превращают поездку в суровое испытание для человека, который следит за чистотой собственного тела. Когда я говорю о неопрятности, то имею в виду мусор, который пассажиры спокойно бросают на пол вагона, и постоянное курение. Жующие бетель или табак превращают купе в плеватальницу; в вагоне царят шум и гам, тут и там слышны ругательства, и никто не желает считаться с комфортом других пассажиров. Я не заметил большой разницы между моим путешествием третьим классом в 1902 году и поездками тем же классом с 1915 по 1919 год.

Как мне кажется, есть только один способ решить эту проблему: образованные люди должны сами попытаться ездить третьим классом, чтобы повлиять на привычки его постоянных пассажиров, а также регулярно сообщать обо всем управляющим и не переставать жаловаться. При этом ни в коем случае нельзя давать взятки или прибегать

к другим незаконным средствам ради обеспечения личного комфорта и мириться с нарушениями железнодорожных правил другими пассажирами. Уверен, что только так можно изменить ситуацию к лучшему.

Из-за серьезной болезни, поразившей меня в 1918—1919 годах, я был вынужден перестать ездить третьим классом, но это продолжало постоянно волновать меня. Более того, недуг поразил меня именно тогда, когда борьба за права пассажиров третьего класса начала давать плоды. Трудности, с которыми сталкиваются небогатые пассажиры железных дорог и пароходов, усугубляются их собственными дурными привычками и теми послаблениями, которые правительство делает иностранной торговле. Для решения всех этих проблем стоило бы собрать небольшую группу энергичных людей, способных посвящать им все свое время.

Но на этом я оставляю обсуждение нелегкой доли пассажиров третьего класса, чтобы перейти к воспоминаниям о моем пребывании в Бенаресе. Я прибыл туда утром и решил остановиться у одного панда. Как только я сошел с поезда, меня сразу окружили многочисленные брахманы, и я выбрал того, который показался мне более опрятным и более добрым с виду. Выбор оказался удачным. Во дворе его дома паслась корова, а комнату мне предоставили на втором этаже. Я не хотел есть, не совершив сначала омовения в водах Ганга, как следовало правоверному. Брахман взялся за приготовления к этому. Я заранее предупредил его, что не смогу вручить ему в качестве дакшина* больше одной рупии четырех анн и ему следует иметь это в виду, готовясь к обряду.

Брахман принял мое условие.

— Богат или беден паломник, — сказал он, — служба остается неизменной. А размер подношения, которое мы

* Д а к ш и н — подношение.

получаем, зависит только от желания и возможностей паломника.

И мне не показалось, что панда хоть в чем-то пренебрег своими обязанностями. Молитва *пуджа* закончилась в полдень, а после я направился в храм Каши Вишванатх на даршан*. Меня крайне огорчило то, что я там увидел. Когда я практиковал в Бомбее в 1891 году, я посетил лекцию на тему «Паломничество в Каши» в зале «Прартхана самадж» и потому был готов испытать некоторое разочарование. В действительности я был разочарован даже еще сильнее.

К храму вела узкая и скользкая дорожка. Было шумно. Жужжание бесчисленных мух, выкрики торговцев и паломников были невыносимы.

И там, где человек ожидал оказаться в атмосфере медитации и причастности к Богу, его особенно поражало полное ее отсутствие. Приходилось искать эту атмосферу в себе самом. Я понаблюдал за благочестивыми сестрами, которые смогли погрузиться в медитацию, отрешившись от всего, что их окружает, но в том не было никакой заслуги настоятелей храма. На них лежала ответственность за создание и поддержание в храме и на его территории чистой, благостной и торжественной атмосферы. А вместо этого я попал на базар, на котором ловкие торгаши продавали сласти и всякие безделушки.

Когда я вошел в храм, меня приветствовала вонь сгнивших цветов. Пол выложили добротным мрамором, однако отдельные куски были выломаны, и в образовавшиеся отверстия какие-то особенно ревностные паломники, лишенные всякого вкуса, вставили рупии. Теперь там скапливалась грязь.

Я подошел к *Джнана-вани* (Кладезю знания). В нем я искал Господа, но не смог найти Его. Само собой, на-

* Даршан — многозначное понятие в индуизме. В данном случае означает «богослужение», «созерцание божества».

строение мое ухудшилось. Пространство вокруг Джнанавапи тоже было покрыто грязью. Желание давать дакшин у меня пропало, и я пожертвовал лишь один пай. Панда, приставленный к Кладезю, рассердился и отшвырнул монету в сторону. Затем он обругал меня и сказал:

— За это оскорбление ты попадешь прямиком в ад.

Его пророчество не смутило меня.

— Магараджа, — сказал я, — что бы ни уготовила мне судьба, человек вроде вас не должен позволять себе говорить такие мерзкие слова. Можете взять мой пай или лишитесь и его тоже.

— Уходи, — отозвался он. — Мне не нужен твой пай.

После чего осыпал меня новыми проклятиями.

Я подобрал пай и хотел удалиться, утешая себя лишь тем, что брахман не получил монету и она осталась при мне. Но магараджа был не из тех, кто упустит хоть пай. Он окликнул меня:

— Хорошо, оставь свой пай здесь. Мне жаль тебя. Если откажусь от твоего подношения, плохи будут твои дела.

Я молча отдал ему монету и с глубоким вздохом пошел прочь.

С тех пор я побывал в Каши Вишванатхе еще дважды, но это было уже после того, как мне присвоили почетный титул «махатма», и мне уже никогда не доводилось переживать ничего подобного тому, что я описал. Теперь люди хотят мой даршан* и не разрешают мне получить даршан храма. Но горе махатмы — его лишь горе. Насколько мне известно, грязь и шум в том храме царят по-прежнему.

Если кто-то сомневается в бесконечном милосердии Господа, пусть побывает в подобных «святых» местах. Ибо как может Повелитель йогов терпеть столько лицемерия и неверия, да еще и во Имя Свое? Давным-давно Он изрек: «Что человек посеет, то и пожнет». Закон кармы неизме-

* В данном случае «даршан» — это благословение, получаемое в присутствии просветленного человека.

нен, и от него невозможно уклониться, поэтому едва ли теперь необходимо божественное вмешательство. Он дал нам Закон, а затем ушел на покой.

После посещения храма я попытался встретиться с миссис Безант. Я знал, что она только что оправилась от болезни, и послал ей записку. Она сразу вышла. Поскольку моим единственным желанием было отдать ей дань уважения, я сказал:

— Мне известно, насколько хрупко сейчас ваше состояние. Я всего лишь хотел выразить вам свое уважение. Я, разумеется, благодарен, что вы великодушно согласились принять меня, несмотря на недомогание. А потому не смею больше беспокоить вас.

С этими словами я покинул ее дом.

21. ОБОСНОВАТЬСЯ В БОМБЕЕ?

Гокхале желал, чтобы я осел в Бомбее, практикуя как адвокат и помогая ему в общественной деятельности. Общественная деятельность в те дни означала работу на Конгресс, одним из основателей которого был Гокхале, и основная часть этой работы заключалась в управлении делами организации.

Предложение Гокхале мне понравилось, однако я и не надеялся, что моя адвокатская карьера будет успешной. Неприятные воспоминания о прошлом были еще живы в моей памяти. Я по-прежнему ненавидел прибегать к лести, чтобы заполучить клиентов.

А потому я решил начать работать в Раджкоте. Кевалрам Мавджи Даве, мой давний доброжелатель, вдохновивший меня на поездку в Англию, находился тогда в Раджкоте и сразу же достал мне три дела. Два дела были апелляциями, поданными на рассмотрение юридическому советунику политического агента в Катхияваре, а третье — процесс в Дамнагаре, очень важный. Я сказал, что не

доверяю своим способностям, и Кевалрам Мавджи воскликнул:

— Выиграете вы дело или проиграете — не стоит сейчас думать об этом! Просто постарайтесь, а я, разумеется, буду рядом, чтобы помочь вам.

Поверенным другой стороны был мистер Самартх, ныне покойный. Подготовился я основательно. Не то чтобы я особенно хорошо рабировался в тонкостях индийского права, но Кевалрам Даве дал мне необходимые разъяснения. Перед отъездом в Южную Африку я слышал разговоры друзей о том, что сэр Ферозшах Мехта великолепно владеет теорией судебных доказательств, и в этом заключается секрет его успеха. Я не забыл об услышанном и во время путешествия скрупулезно изучил индийский закон о доказательствах, а также комментарии к нему. Помог мне, конечно же, и опыт, приобретенный во время работы адвокатом в Южной Африке.

Я выиграл дело, а моя вера в себя окрепла. Теперь два других дела, связанных с апелляциями, меня больше не пугали, и оба тоже завершились успешно. Наконец-то я мог рассчитывать, что, вероятно, преуспею и в Бомбее.

Но прежде чем я опишу обстоятельства, повлиявшие на мое решение перебраться в Бомбей, хотелось бы рассказать о том, как мне пришлось столкнуться с нерадивостью и невежеством английских чиновников. Суд юридического советника был разъездным. Он находился в непрерывном движении, а вакилам и их клиентам приходилось всюду следовать за ним. Вакилы брали за услуги дорожные, если им приходилось покидать свои конторы, и клиенты, соответственно, несли двойные расходы. Но неудобства посторонних не интересовали судью.

Одну из апелляций, о которых я здесь расскажу, должны были слушать в Веравале, где как раз бушевала чума. Припоминаю, что в городке с населением в пять с половиной тысяч человек ежедневно заболевали пятьдесят человек.

Этот город практически обезлюдел, и мне пришлось поселиться в заброшенном дхармашала, находившемся на некотором расстоянии от Веравала. Но где могли остановиться мои клиенты? Если бы они были нищими, им пришлось бы вверить себя Богу.

Один из друзей-юристов телеграфировал мне, что я должен подать прошение о переносе суда в другое место из-за чумы в Веравале. Когда я принес такое прошение, сагиб спросил:

— Вы боитесь?

Я ответил:

— Вопрос не в том, боюсь ли я. Думаю, о себе я всегда сумею позаботиться, но что делать моим клиентам?

— Чума обосновалась в Индии надолго, — заявил сагиб. — С какой стати бояться ее? А климат в Веравале просто замечательный! — Сам сагиб расположился далеко от городка в роскошном шатре на берегу моря. — Уверен, что любой сможет научиться жить под открытым небом.

Спорить не было никакого смысла. Сагиб отдал распоряжение своему ширастедару:

— Запишите слова мистера Ганди и дайте мне знать, если условия действительно неудовлетворительны для вакилов и их клиентов.

Сагиб, разумеется, искренне верил, что сделал все правильно. Но разве мог этот человек понимать трудности несчастной Индии? Разве мог он знать нужды, обычаи, традиции и взгляды ее людей? Как мог он, всегда подсчитывающий золотые соверены, начать разбираться в горстке жалких медяков? Слон никогда не научится думать так, как думает муравей, несмотря на все старания; англичанин никогда не научится думать как индеец и справедливо судить его.

Однако вернемся к моему повествованию. Несмотря на достигнутые успехи, я был готов остаться в Раджкоте, но однажды Кевалрам Даве пришел ко мне и сказал:

— Ганди, нам бы не хотелось, чтобы вы сидели здесь без дела. Вам нужно переехать в Бомбей.

— Да, но кто будет давать мне там работу? — спросил я. — Вы найдете ее для меня?

— Найду, — ответил он. — Иногда мы будем приглашать вас сюда в качестве знаменитого адвоката из Бомбея, а черновики документов станем присылать вам туда. Именно мы, вакилы, можем или помогать адвокату, или вставлять ему палки в колеса. В Джамнагаре и Веравале вы показали на что способны, и я совершенно спокоен за вас. Вам суждено стать общественным деятелем, и мы не позволим такому человеку сгинуть в Катхияваре. Просто скажите мне, когда соберетесь в Бомбей.

— Я все еще ожидаю денежного перевода из Наталя. Поеду сразу же, как только получу его, — пояснил я.

Деньги поступили примерно через две недели, я поехал в Бомбей и снял комнаты в конторе Пэйна, Гилберта и Саяни. Мне показалось, что я наконец обосновался в Бомбее.

22. ВЕРА ПОДВЕРГАЕТСЯ ИСПЫТАНИЮ

Хотя я снял рабочее помещение в Форте и дом в Гиргауме, Бог не позволил мне устроиться на новом месте. Едва я успел въехать в дом, как выяснилось, что мой второй сын Манилал, который за несколько лет до того перенес тяжелую оспу, болен тифом, сопровождающимся пневмонией и ночным бредом.

Мы вызвали врача. Тот сказал, что лекарства не помогут, но яйца и куриный бульон определенно принесут пользу.

Манилалу тогда было всего десять лет, поэтому принимать в расчет его желания не приходилось. Являясь его наставником, решать должен был только я сам. Лечащий доктор был парсом, я объяснил ему, что мы вегетарианцы, а потому я не могу давать сыну рекомендованные им продукты. Не может ли он предложить что-то еще?

— Жизнь вашего сына в опасности, — сказал доктор. — Было бы неплохо давать ему разбавленное водой молоко, но оно недостаточно питательно. Как вы знаете, я посещаю семьи многих индусов, и у них нет возражений против всего, что я прописываю. Думаю, вам не стоит быть столь непреклонным, ведь речь идет о ребенке.

— То, что вы говорите, совершенно справедливо, — отозвался я. — Как медик вы не можете поступать иначе, но и на мне лежит огромная ответственность. Если бы сын уже был взрослым, я бы обязательно узнал его мнение и прислушался к нему, но в данном случае думать и решать за него приходится мне. С моей точки зрения, именно при подобных обстоятельствах вера человека подвергается подлинному испытанию. Прав я или нет, но таковы мои религиозные убеждения. Человек не должен употреблять в пищу мяса, яиц и тому подобного. Тем, кому приходится бороться за жизнь, также необходимо ограничивать себя, ибо даже ради сохранения жизни мы не должны отступать от своего. Религия, как я ее понимаю, не позволяет мне и моим близким есть мясо или яйца в сложившейся сейчас ситуации, а потому мне придется пойти на риск, о котором вы меня предупреждаете. Прошу вас об одном: поскольку я не могу прибегнуть к методу лечения, предложенному вами, я хотел бы применить гидропатию. Я знаю, как сделать это, однако не сумею правильно измерять пульс мальчика, обследовать его грудь, слушать легкие и так далее. Если вы будете настолько добры, что станете время от времени навещать его, осматривать и сообщать мне сведения о его состоянии, я буду вам чрезвычайно признателен.

Доктор понял, в каком затруднительном положении я оказался, и согласился выполнить мою просьбу. Хотя Манилал и не мог выбирать сам, я передал ему суть нашей беседы с врачом и попросил высказать свое мнение.

— Да, пусть будет гидропатия, — сказал он. — Я не стану есть яиц и пить куриный бульон.

Его ответ обрадовал меня, хотя я прекрасно понимал, что, если бы я позволил ему есть пищу, рекомендованную доктором, он, вероятно, с большой охотой делал бы это.

Я знал о лечении водой по методу Куне и решил рискнуть. Я также знал, что и пост может принести определенную пользу. Манилал принимал ванну сидя и находился в ней около трех минут. В течение трех дней он пил только разбавленный водой апельсиновый сок.

Однако высокая температура по-прежнему держалась и доходила до 104 градусов*. По ночам сын продолжал бредить. Я начал всерьез опасаться за него. Что скажут обо мне люди? Что будет думать обо мне мой старший брат? Не вызвать ли другого доктора? Почему бы не прибегнуть к услугам аюрведического медика? Какое право имеют родители ставить опыты на собственных детях?

Подобные мысли постоянно преследовали меня, но затем их сменял поток размышлений противоположного характера. Бог, несомненно, возрадуется, увидев, что я лечу сына точно так же, как лечился бы сам. Я твердо верил в гидропатию и несколько меньше в аллопатию. Доктора ведь тоже не гарантировали выздоровления. В лучшем случае они могли только экспериментировать. Ниточка жизни находилась в руках Бога, так почему бы не довериться Ему и во имя Его не продолжать то, что я считал правильным лечением?

Я сходил с ума от противоречивости собственных мыслей. Однажды вечером я лежал рядом с Манилалом в его постели и решил облегчить его страдания с помощью влажной простыни. Я встал, намочил простыню, выжал и завернул в нее Манилала, оставив открытой только голову, а потом укрыл его двумя одеялами. На лоб положил влажное полотенце. Все его тело было горячим, как нагретый утюг, но очень сухим. Он совершенно не потел.

* 40 градусов по Цельсию.

Меня измучила усталость. Я оставил Манилала на попечении его матери, а сам вышел прогуляться до Чаупати, чтобы немного взбодриться.

Было примерно десять часов. Мне навстречу попадались редкие прохожие. Погруженный в свои размышления, я едва ли вообще замечал их. «Моя честь в Твоих руках, о Бог мой, в этот час испытаний», — мысленно твердил я и непрестанно повторял имя Рамы. Достаточно скоро я вернулся домой, ощущая сильное биение сердца в своей груди.

Едва я вошел в комнату Манилала, он сразу спросил:

— Ты уже снова здесь, бапу?

— Да, мой дорогой.

— Пожалуйста, убери эти одеяла. Я весь горю.

— Ты вспотел, мой мальчик?

— Я мокрый насквозь. Пожалуйста, разверни меня.

Я потрогал его лоб. Он был покрыт бисеринками пота. Температура начала спадать. Я возблагодарил Бога.

— Манилал, жар, как я заметил, уменьшается. Попотей еще немножко, а потом я разверну тебя.

— Нет, прошу тебя. Вынь меня из этой печи. Завернешь меня потом снова, если будет нужно.

Я отвлек его, чтобы продержат в влажной простыне еще несколько минут. Пот теперь уже струился по его лбу. Я развернул сына и обтер насухо. Скоро мы заснули в одной постели.

И оба спали крепчайшим сном. На следующее утро температура у Манилала упала. А ведь он сорок дней пил только разбавленное молоко и фруктовые соки. Теперь я уже не опасался за него. Его терзала тяжелая болезнь, но мы справились с ней.

Сегодня Манилал — самый крепкий из моих сыновей. Кто знает, благодаря чему он сумел тогда выздороветь: благодаря ли милосердию Бога, или гидропатии, или особой диете и тщательному уходу? Пусть каждый решает так, как

подсказывает ему собственная вера. А лично я не сомневался, что Господь спас мою честь, и эта уверенность не поколебалась и по сей день.

23. СНОВА В ЮЖНУЮ АФРИКУ

Здоровье вернулось к Манилалу, но я понял, что тот дом в Гиргауме непригоден для жилья: в нем было сыро и слишком мало света. А потому, посоветовавшись с Шри Ревашанкаром Джагдживаном, я решил снять хорошо проветриваемое бунгало в пригороде Бомбея. Я походил по Бандре и Санта Круз. Скотобойня в Бандре стала причиной того, что мы не пожелаали остановить свой выбор на этом районе. Гхаткопар и соседние места находились слишком далеко от моря. Наконец я наткнулся на прекрасное бунгало в Санта Круз, которое мы и сняли, поскольку оно было лучше остальных с точки зрения санитарии.

Я купил сезонный билет первого класса от Санта Круз до Черчгейта и помню, как испытывал гордость, оказываясь единственным пассажиром первого класса в купе. Часто я ходил пешком до Бандры, а там садился на экспресс, следовавший напрямиком в Черчгейт.

Моя карьера развивалась значительно лучше, чем я ожидал. Клиенты из Южной Африки часто доверяли мне дела, и этого хватало, чтобы вполне прилично зарабатывать.

Мне пока не удавалось получить какое-либо дело, рассматриваемое в Высоком суде, но я присутствовал на учебных судебных процессах, проводившихся в то время, хотя сам не осмеливался принимать в них участие. Помню, Джамиатрам Нанабхай играл в них заметную роль. Подобно другим новоиспеченным адвокатам, я посещал заседания Высокого суда больше для того, чтобы насладиться усыпляющим ласковым бризом, веявшим прямо с моря, нежели чтобы приобрести новые знания. Но я заметил, что

далеко не один наслаждаюсь подобным образом: это стало модным, а потому и стыдиться было нечего.

Я стал заходить в библиотеку Высокого суда, заводить новые знакомства и чувствовал, что уже совсем скоро начну работать в суде.

Пока я осваивался в своей профессии, Гокхале продолжал пристально наблюдать за мной: у него были собственные планы в отношении меня. Он заходил ко мне в контору два-три раза в неделю, нередко с друзьями, которых хотел познакомить со мной. Он стремился приобщить меня к своей общественной деятельности.

Однако можно смело утверждать, что Бог никогда не позволял моим планам осуществиться. Он распоряжался мной по своему усмотрению.

Как только я, казалось бы, обосновался на новом месте, к чему так горячо стремился, неожиданно пришла телеграмма из Южной Африки: «Ожидается визит Чемберлена. Пожалуйста, возвращайтесь незамедлительно». Я не забыл своего обещания и ответил, что буду готов отправиться, как только мне выделят средства. Когда ответ был получен, я отказался от своей конторы и отбыл в Южную Африку.

Я посчитал, что работа там займет по меньшей мере год, а потому сохранил за собой бунгало и оставил в нем жену и детей.

Я верил тогда, что энергичная молодежь, не находившая себе применения в Индии, должна эмигрировать в другие страны, поэтому взял с собой четверых или пятерых таких молодых людей, одним из которых был Маганлал Ганди.

Ганди были и остаются большой семьей. Я хотел собрать всех желающих сойти с протоптанной дорожки и попытаться счастья за границей. Мой отец в свое время устраивал некоторых родственников на государственную службу. Мое же стремление заключалось в том, чтобы избавить их от этой зависимости. Я не мог и не хотел гарантировать им

работу мне просто нужно было сделать их самостоятельными людьми.

Я старался убедить этих молодых людей привести собственные идеалы в соответствие с моими. Мне удалось добиться впечатляющих успехов, став наставником Маганла Ганди. Об этом я еще подробно расскажу.

Разлука с женой и детьми, нарушение течения налаженного образа жизни, переход от уверенности к неизвестности — все это на некоторое время стало для меня мучительным, но я уже привык к изменчивости судьбы. Я считаю неправильным искать постоянства в мире, где все непостоянно, кроме Бога, который и есть истина. Все, что мы видим, все, что происходит внутри и вокруг нас, непостоянно и преходяще. Но есть некая Высшая Сущность, спрятанная где-то и именуемая постоянством. И благословен будет тот, кто узрит ее и сумеет связать с ней свою судьбу. Поиски этой истины есть *summit bonum** человеческой жизни.

Я прибыл в Дурбан вовремя. Меня ожидала работа. День встречи депутации с мистером Чемберленом уже назначили. Мне было нужно составить петицию для предоставления ему и сопровождать депутацию.

* Высшее благо (лат.).

Часть-IV

1. «НАПРАСНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ»*

Мистер Чемберлен прибыл, чтобы получить от Южной Африки в подарок тридцать пять миллионов фунтов и завоевать симпатии англичан и буров. А потому он весьма холодно отнесся к индийской депутации.

— Как вам известно, — сказал он, — правительство империи имеет слабую власть в самоуправляющихся колониях. Ваши проблемы довольно серьезные, и я сделаю все, что смогу, но вы должны сами постараться умиротворить европейцев, если желаете продолжать жить среди них.

Его слова огорчили членов депутации. Я тоже был расстроен. У всех нас словно открылись глаза, и я понял, что нам необходимо начать свою работу *de novo*** . Я объяснил коллегам, как складывается наша ситуация.

Между прочим, в высказывании мистера Чемберлена не было ничего неправильного. И даже хорошо, что он не стал хитрить. Он довольно любезно напомнил нам, что владеющий мечом всегда прав.

А вот у нас меча не было. У нас едва хватало нервов и сил для того, чтобы залечивать раны, нанесенные мечом противников.

Мистер Чемберлен не мог уделить Южной Африке много времени. Если от Шринагара до мыса Коморин*** тысяча

* Название знаменитой комедии Уильяма Шекспира.

** Заново (*лат.*).

*** Самая южная точка Индийского субконтинента.

девятьсот миль, а от Дурбана до Кейптауна по меньшей мере тысяча сто, то ему приходилось перемещаться со скоростью ветра.

Из Наталя он поспешил в Трансвааль. Мне нужно было подготовить документ с описанием положения проживающих там индийцев и подать ему. Но как же добраться до Претории? Наши представители там не пользовались достаточным влиянием, чтобы получить для меня разрешение на въезд. Война превратила Трансвааль в унылые руины. Не хватало ни продуктов, ни одежды. Магазины стояли либо пустые, либо вообще закрытые в ожидании поступления товаров, на что, конечно, требовалось время. Даже беженцам не позволяли возвращаться, пока магазины не могли обеспечить их всем необходимым. Поэтому каждый житель Трансвааля должен был получить специальное разрешение на въезд. У европейцев с этим проблем не возникало, а вот индийцы столкнулись с большими трудностями.

Во время войны многие солдаты и офицеры приехали в Южную Африку из Индии и с Цейлона, и считалось, что британское правительство обязано позаботиться о тех, кто решил поселиться здесь. Нужно было назначить новых чиновников, и эти опытные люди пришлись весьма кстати. Сообразительность некоторых из них помогла в короткие сроки создать особый департамент. Ведь существовал же отдельный департамент по делам негров. Почему не мог существовать такой же по делам азиатов? Этот аргумент оказался достаточно убедительным. Когда я добрался до Трансвааля, департамент уже работал, постепенно становясь все более влиятельным. Чиновники, выдававшие беженцам разрешения на возвращение, могли бы снабжать ими всех, но как можно было выдавать подобные разрешения азиатам без вмешательства нового ведомства? А если бы разрешения выдавались по его рекомендациям, чиновникам было бы проще работать и не приходилось бы нести

дополнительную ответственность. Такой довод приводили сами чиновники, однако в действительности это новый департамент подобным образом пытался оправдать свое существование, а своих сотрудников обеспечить средствами. Если бы работы не было, в департаменте не было бы нужды и его бы просто упразднили.

Индийцам приходилось подавать прошения в этот департамент. Ответ приходил только много дней спустя. А поскольку число желающих вернуться в Трансвааль оказалось очень велико, тут же объявилась целая армия всевозможных посредников и прочих «жучков», которые совместно с чиновниками принялись вымогать у бедных индийцев немалые суммы. Мне сказали, что разрешение невозможно получить без полезных связей, а в отдельных случаях не помогали и знакомства: приходилось давать взятки, доходившие до ста фунтов. Положение складывалось безвыходное, и я отправился к своему старому другу, начальнику полиции в Дурбане, и попросил его:

— Пожалуйста, познакомьте меня с чиновником, выдающим разрешения, и помогите добыть документ. Вы же знаете, что одно время я был жителем Трансвааля.

Он тут же надел шляпу, вышел и вернулся с разрешением для меня. Оставался буквально час до отхода поезда. Мой багаж был со мной. Я поблагодарил начальника полиции Александра и отправился в Преторию.

Я отчетливо понимал, что впереди меня ждут еще большие трудности. По прибытии в Преторию я написал записку. Насколько помню, в Дурбане от индийцев не требовали заранее предоставлять список членов депутатии, но здесь новый департамент выдвинул такое требование. Индийцы в Претории уже выяснили, что чиновники хотели исключить из этого списка меня.

Впрочем, рассказать об этих неприятных, но в то же время занятных событиях необходимо в другой главе.

2. АВТОКРАТЫ ИЗ АЗИИ

Чиновники, возглавлявшие новый департамент, сначала растерялись, а потом пожелали узнать, каким образом я проник на территорию Трансвааля. Они расспрашивали приходивших к ним индийцев, но те не могли сообщить им ничего определенного. Чиновники предположили тогда, что я смог въехать без соответствующего разрешения, воспользовавшись давними связями. В таком случае я подлежал аресту!

По окончании любой большой войны различные органы власти нередко наделяются особыми полномочиями. Так произошло и в Южной Африке. Правительство издало «Указ о сохранении мира», в соответствии с которым должен был быть арестован и заключен под стражу каждый, кто прибыл в Трансвааль без официального разрешения. Обсуждался вопрос и о моем аресте, но ни у кого не хватало смелости потребовать у меня разрешение.

Чиновники, разумеется, отправили запрос в Дурбан, а когда они узнали, что я действительно получил разрешение, их разочарованию не было предела. Но это были не те люди, которые так просто сдаются. Хотя я въехал в Трансвааль, они все еще могли помешать мне встретиться с мистером Чемберленом.

Итак, в общину поступило требование предоставить список представителей, которые должны были войти в состав депутации. Расовая нетерпимость распространилась по всей Южной Африке, но я оказался не готов столкнуться еще и с хорошо знакомыми мне по Индии грязными делишками чиновников. В Южной Африке государственные департаменты существовали, чтобы приносить пользу людям, и несли ответственность перед мнением общественности. Соответственно, чиновники, служившие в них, держались вежливо и скромно, что в большей или меньшей степени относилось и к цветному населению. Однако

вместе с чиновниками из Азии сюда явилась и азиатская автократия со всеми свойственными автократам высокомерными замашками. Южной Африкой правило своего рода демократическое правительство, ответственное за свои действия перед народом. Привезенная из Азии автократия была грубой и простой, поскольку азиаты не имели ответственного за свою власть правительства и находились под управлением иностранных держав. В Южной Африке европейцы были обосновавшимися там эмигрантами. Они стали гражданами Южной Африки и могли контролировать чиновников всех ведомств. Но теперь на сцене появились автократы из Азии, и в результате индийцы оказались между двух огней.

Мне довелось отвесть плодов этой автократии. Прежде всего, я был вызван к начальнику департамента, чиновнику с Цейлона. Чтобы никому не показалось преувеличением слово «вызван», необходимо кое-что прояснить: мне не прислали письменной повестки. Лидерам индийской общины нередко приходилось наносить визиты азиатским чиновникам. Среди этих лидеров был ныне покойный шет Тайиб Хаджи Хан Мухаммад. Начальник департамента спросил его, кто я такой и почему приехал сюда.

— Это наш консультант по юридическим вопросам, — сказал шет Тайиб. — Мы просили его приехать сюда.

— Тогда для чего здесь мы? Разве не нам поручили защищать вас? Что может знать Ганди о местных условиях? — задал вопрос чиновник.

Шет Тайиб ответил на это, как мог, ясно:

— Конечно, вы здесь для этого. Но Ганди — один из нас. Он знает наш язык и понимает наши нужды. Вы же, в конце концов, только чиновники.

Тогда-то сагиб и распорядился, чтобы шет Тайиб привел меня к нему. Я явился к сагибу вместе с шетом Тайибом и еще несколькими индийцами. Сесть нам не предложили.

— Что привело вас сюда? — спросил сагиб, обращаясь ко мне.

— Я приехал сюда по просьбе соотечественников, чтобы помогать им советами, — ответил я.

— Но разве вы не знаете, что не имели права приезжать сюда? Разрешение было выдано вам по ошибке. Вас нельзя отнести к осевшим здесь индийцам. Вам следует вернуться домой. И не пытайтесь дожидаться мистера Чемберлена. Азиатский департамент был специально создан для защиты интересов индийцев. Теперь можете идти.

На этом он со мной распрощался, не дав возможности ответить ему.

Однако моих спутников он попросил задержаться. Он осыпал их бранью и порекомендовал выдворить меня из страны.

Они вышли от него заметно огорченными. Мы оказались в очень затруднительном положении.

3. ПРОГЛОТИВ ОСКОРБЛЕНИЯ

Оскорбление причинило мне душевную боль, но я пережил их так много в прошлом, что приобрел к ним определенный иммунитет, а потому решил забыть и о самом последнем, поступив так, как подсказывал здравый смысл.

Нам прислали письмо от начальника Азиатского департамента, сообщавшее, что, поскольку я уже встречался с мистером Чемберленом в Дурбане, необходимо вычеркнуть мое имя из списка членов делегации, добивающейся с ним новой встречи.

Письма оказалось достаточно, чтобы выбить из колеи моих друзей. Они предложили полностью отказаться от нашей идеи. Мне пришлось напомнить им о проблемах, стоявших перед общиной.

— Если вы не будете настойчиво привлекать к ним внимание мистера Чемберлена, — сказал я, — все решат,

что у вас нет вообще никаких поводов для жалоб. В конце концов, все изложено для него в письменном виде, и документ уже готов. Не имеет значения, зачитаю ли его я сам или кто-то другой. Мистер Чемберлен все равно не станет ничего обсуждать с нами. Боюсь, нам придется проглотить оскорбление.

Едва я закончил говорить, шет Тайиб воскликнул:

— Но разве оскорбление, нанесенное вам, не является оскорблением всей общины? Как можем мы забыть, что вы наш представитель?

— Верно, — сказал я, — но даже общинам порой приходится оставлять без ответа подобные оскорбления. Разве у нас есть выбор?

— Пусть будет то, что будет, но почему мы должны мириться с новыми обидами? Хуже нам уже ни от чего не станет. Разве много прав мы еще можем потерять? — спросил шет Тайиб.

Это был смелый ответ, но мог ли он помочь нам добиться своей цели? Я слишком хорошо осознавал ограниченность возможностей общины. Пришлось успокоить друзей и посоветовать, чтобы мое место в депутации занял адвокат из Индии мистер Джордж Годфри.

Итак, мистер Годфри возглавил депутацию. Мистер Чемберлен так отреагировал на мое отсутствие:

— Чем выслушивать снова и снова одного и того же представителя, не лучше ли видеть каждый раз кого-то нового?

Вот так он постарался смягчить обиду.

Но все это не исчерпало проблемы, а лишь добавило работы и общине, и мне самому. Нам приходилось все начинать заново.

— Это по вашему настоянию община приняла участие в войне, и теперь вы можете видеть, к чему это привело, — подшучивали надо мной некоторые, но их подначки я воспринимал совершенно спокойно.

— Я ничуть не жалею, что дал тот совет, — говорил я. — С моей точки зрения, мы поступили правильно, приняв участие в войне. Таким образом мы просто исполнили свой долг. И нам не стоит ожидать какого-то вознаграждения за нашу работу, но я твердо убежден, что любые добрые дела рано или поздно приносят плоды. Давайте забудем о прошлом и подумаем о задачах, которые стоят перед нами сейчас.

Остальные руководители общины были в этом со мной согласны.

Потом я добавил:

— Сказать по правде, работа, ради которой вы меня вызвали, практически завершена. Но я считаю, что по возможности не должен уезжать, даже если вы разрешите мне вернуться домой. Вместо того, чтобы продолжать свою работу в Натале, как прежде, я должен остаться здесь. Я не должен думать о возвращении в Индию в течение года, мне нужно попытаться добиться разрешения практиковать в Верховном суде Трансвааля. У меня достаточно уверенности в себе, чтобы бороться с этим новым департаментом. Если мы не сделаем этого, община будет вытеснена из страны и подвергнется настоящему разорению. Каждый день на вас будут сыпаться оскорбления. Тот факт, что мистер Чемберлен предпочел не встречаться со мной, а чиновник нанес мне оскорбление — ничто по сравнению с унижением общины в целом. В один прекрасный день мы не сможем больше играть роль прирученных собак, в которых нас хотят превратить.

Так я положил начало очередному этапу своей деятельности и обсудил текущие задачи с индийцами в Претории и Йоханнесбурге, после чего решил открыть контору в Йоханнесбурге.

Я сомневался, что мне позволят работать в Верховном суде Трансвааля, но Юридическое общество не возражало, и Верховный суд выдал мне необходимое разрешение.

Для индийца оказалось весьма трудно снять комнаты для конторы в подходящем районе города, но у меня установились дружеские отношения с мистером Ритчем, одним из местных торговцев. Через его знакомого агента мне удалось найти хорошее помещение в юридическом квартале, и я смог приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей.

4. ВОСКРЕСШИЙ ДУХ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ

Прежде чем рассказать о моей борьбе за права индийских поселенцев в Трансваале и их конфликтах с Азиатским департаментом, мне следует упомянуть и о некоторых других аспектах моей жизни.

Какое-то время меня одолевали противоречивые желания. Дух самопожертвования во мне умерялся стремлением оставить что-то на будущее.

Однажды в период работы в Бомбее меня посетил американский страховой агент — человек с приятной внешностью и очень сладкоречивый. Слово мы с ним были давними друзьями, он завел разговор о моем будущем благополучии.

— Все люди вашего положения в Америке обязательно страхуют свои жизни. Почему бы и вам не застраховаться? Жизнь ведь очень переменчива. В Америке мы воспринимаем страхование как почти что свой религиозный долг. Могу ли я предложить вам полис на небольшую сумму?

До той поры я весьма холодно относился ко всем страховым агентам, с которыми встречался в Южной Африке и Индии, поскольку считал, что страхование своей жизни подразумевает страх человека и подрывает веру в промысел Божий. Но теперь я поддался искушению и стал обдумывать предложение американца. Пока он приводил всё новые аргументы, я мысленно увидел жену и детей. «Ты

продал практически все украшения жены, — говорил я сам себе. — И если с тобой что-то случится, бремя заботы о ней и детях ляжет на плечи твоего бедного брата, который так благородно заменил тебе отца. Как тебе такая перспектива? Нравится?» Подобными и другими мыслями я убедил себя застраховаться на десять тысяч рупий.

Однако когда в Южной Африке мой образ жизни изменился, мои взгляды тоже претерпели изменения. Все мои действия в то время испытаний я совершал во имя Бога и ради служения Ему. Я не знал, как долго мне предстоит оставаться в Южной Африке. Я опасался, что, быть может, уже больше не смогу вернуться в Индию, а потому принял решение взять жену и детей с собой и постараться заработать достаточно на содержание семьи. Этот план заставил меня пожалеть о приобретенном страховом полисе и устыдиться того, что я попался в сети ловкого агента. Если брат действительно мог заменять тебе отца все это время, говорил я себе, наверняка он не сочтет слишком тяжелым бремя заботы о твоей вдове, коли уж дойдет до этого. И какие у меня есть причины думать, что смерть постигнет меня раньше остальных? Ведь нашим подлинным защитником и опекуном были не я и не брат, а Всемогущий Бог. Застраховавшись, я лишил жену и детей уверенности в своих собственных силах. Почему я считал их неспособными самим позаботиться о себе? А как же семьи бесчисленных бедняков в этом мире? Почему я не мог считать себя всего лишь одним из них?

Множество подобных мыслей возникало у меня, но сразу я ничего не предпринял. Помню, что выплатил по меньшей мере одну страховую премию в Южной Африке.

Внешние обстоятельства также способствовали появлению подобных мыслей. Во время моего первого пребывания в Южной Африке влияние христиан поддерживало во мне живое религиозное чувство. Теперь к христианскому влиянию добавилось теософское. Мистер Ритч был теосо-

фом и ввел меня в круг членов общества в Йоханнесбурге. Сам я так и не стал его членом, поскольку имел с обществом серьезные разногласия, но познакомился лично почти с каждым теософом. Ежедневно я вступал с ними в религиозные дискуссии, участвовал в чтениях книг по теософии, а иногда даже выступал на собраниях. Главная цель теософии состоит в том, чтобы культивировать и распространять идею всеобщего братства. Мы уделяли много времени обсуждению этого вопроса, и я порой критиковал членов общества за поведение, которое, как мне казалось, противоречит их идеалам. Такая критика влияла и на меня самого. Заставляла заглянуть в себя.

5. РЕЗУЛЬТАТЫ САМОАНАЛИЗА

Когда в 1893 году я сблизился с друзьями-христианами, я все еще оставался неоперившимся птенцом в вопросах религиозного знания. Они приложили немалые усилия, чтобы донести до меня и заставить принять послание Иисуса, а я был смиренным и внимательным слушателем с открытым для любой доктрины умом. В то время я, естественно, старался как можно тщательнее изучить индуизм и в то же время пробовал разобраться и в других религиях.

К 1903 году ситуация переменилась. Друзья из числа теософов, конечно же, хотели ввести меня в свое общество, одновременно они хотели и получить от меня что-то как от индуса. Теософская литература находилась под заметным влиянием индуизма, а потому друзья ожидали пользы от общения со мной. Я же объяснил им, что мои познания в санскрите крайне ограничены, что я не читал индуистских писаний в оригинале и даже мое знакомство с ними в переводах очень поверхностно. Однако они верили в *сам-скару* (тенденции, перенесенные из прошлой жизни) и *пу-нарджанму* (перерождение), а потому рассчитывали, что я смогу хотя бы немного помочь им. Я же чувствовал себя

как великан среди пигмеев. Я начал читать «Раджайогу» свами Вивекананда с некоторыми из них и «Раджайогу» М. Н. Дживеди с другими. Мне пришлось читать «Сутры йоги» Патанджали с одним из друзей, а «Бхагавадгиту» сразу со многими. У нас образовалось нечто вроде клуба, где проходили регулярные чтения. Я уже уверовал в «Гиту», совершенно очаровавшую меня. Теперь я осознал необходимость погрузиться в нее еще глубже. У меня имелись один или два перевода, с помощью которых я пытался понять подлинник на санскрите. Кроме того, я решил заучивать наизусть по одному или по два стиха ежедневно. Для этого я использовал время утренних омовений. Они занимали у меня тридцать пять минут: пятнадцать на чистку зубов и двадцать на прием ванны. Зубы я чистил на западный манер, стоя, и к противоположной стене прикреплял листок с написанным на нем стихом из «Гиты», то и дело сверяясь с ним, чтобы облегчить запоминание. Этого времени оказалось достаточно для усвоения ежедневной порции и повторения стихов, заученных ранее. Помню, что выучил так тринадцать глав. Впрочем, заучиванию «Гиты» вскоре пришлось уступить место другой деятельности — созданию и развитию сатьяграхи, отнимавшим у меня все мое время.

Какое влияние чтение «Гиты» оказало на моих друзей, могут сказать только они сами, но для меня «Гита» стала настоящим учебником жизни. Она стала для меня чем-то вроде словаря, к которому я обращался ежедневно. Как я открывал словарь английского языка, если мне попадалось незнакомое слово, так я прибегал и к «Гите», чтобы найти в ней готовое решение всех своих проблем и затруднений. Такие слова, как *апариграха* (нестяжательство) или *самабхава* (равновесие), занимали меня. Но как развить в себе это равновесие — вот в чем заключался вопрос. Как можно одинаково относиться к наносящим тебе оскорбления, наглым и продажным чиновникам, к бывшим соратникам, бессмысленно спорящим с тобой, и к людям, кото-

рые настроены дружески по отношению к тебе? Как может человек отказаться от всего, чем владеет? Разве само по себе тело не является собственностью? А жена и дети? Значит ли это, что я должен избавиться от всех книжных шкафов в моем доме? Должен ли я бросить все, принадлежащее мне, и следовать за Ним? Ответ возник сразу: я не могу следовать за Ним, не отказавшись от всего, чем владею. На помощь неожиданно пришло знание английского права. Мне вспомнились рассматриваемые Снеллом максимы справедливости. Благодаря учению «Гиты» я стал более отчетливо понимать значение термина «попечитель», после чего я еще больше заужал юриспруденцию, поскольку обнаружил в ней элементы религии. Я понял, что учение «Гиты» о нестяжательстве означает, что те, кто стремится к спасению, должны действовать как попечители, которые контролируют огромные суммы, но ни на секунду не считают их своими. Мне также стало ясно, что нестяжательство и равновесие предполагают и духовные перемены, и изменение подхода к своему существованию. Тогда я написал письмо Ревашанкарбхаю с просьбой аннулировать мой страховой полис и вернуть хоть какие-то деньги. В противном случае я мог отнести выплаченные страховые премии к безвозвратным потерям, поскольку убедился, что Бог, создавший меня, моих жену и детей, позаботится обо всех нас. Своему брату, заменявшему мне отца, я написал письмо, в котором объяснил, что отдаю ему все средства, сэкономленные к этому моменту, но в дальнейшем он не может ожидать от меня ничего, поскольку все деньги, какие я заработаю в будущем, пойдут на нужды общины.

Я не надеялся, что брат поймет меня. В достаточно жестких выражениях он напомнил о моем долге перед ним. Мне не следует, настаивал он, пытаться быть мудрее нашего отца. Я должен содержать семью, как это делал он. Я в ответ указал ему, что поступаю в точности так, как поступал отец. Только смысл слова «семья» должен быть не-

сколько расширен, а мудрость предпринятых мной шагов позже станет ясной.

Брат оставил всякие споры и практически перестал общаться со мной. Я был глубоко опечален этим, но гораздо сильнее меня опечалила бы необходимость отказаться от того, что я считал своим долгом. И я выбрал долг. Это нисколько не отразилось на моей привязанности к брату, которая по-прежнему оставалась сильной и чистой, какой была всегда. Причина его недовольства крылась в его столь же сильной любви ко мне. Он не столько нуждался в моих деньгах, сколько желал, чтобы я оставался справедливым по отношению к нашей семье. Однако ближе к концу своих дней он сумел понять и оценить мою точку зрения. Уже почти на смертном одре он осознал правильность моих поступков и написал мне трогательное письмо. Он извинился передо мной, как только подлинный отец мог извиниться перед сыном. Своих собственных сыновей он вверил мне, чтобы я вырастил их в соответствии со своими воззрениями, и выразил нетерпеливое желание скорее вновь встретиться со мной. Затем он прислал телеграмму, в которой сообщал, что хотел бы приехать в Южную Африку. В ответной телеграмме я охотно согласился встретиться. Однако его желанию не суждено было сбыться, как и его желанию относительно сыновей. Он умер прежде, чем смог приехать в Южную Африку, а его сыновей воспитали в атмосфере старых традиций, и они уже не могли изменить своих жизней. Я никак теперь не мог привлечь их к себе. И в том не было их вины. «Кто способен сказать приливной волне собственной натуры: донеси меня сюда, но не дальше?» Кто может стереть из памяти впечатления, с которыми он был рожден? Бесполезно ожидать от своих детей, что они пойдут тем же путем, каким идешь ты сам.

Этот пример в известной степени показывает, насколько громадная ответственность лежит на родителях.

6. ЖЕРТВА ВЕГЕТАРИАНСТВУ

По мере того как я все сильнее проникался идеалами жертвенности и простоты, а религиозное сознание все больше оживало во мне, росло и мое увлечение вегетарианством как миссией. Я знал только один способ ведения миссионерской деятельности: личный пример и беседы с теми, кто жаждал познания.

В Йоханнесбурге был один вегетарианский ресторан, принадлежавший немцу, стороннику гидропатической терапии по методу Куне. Я сам часто посещал ресторан и старался помочь владельцу, приводя с собой английских друзей. Но я понимал, что долго заведение не протянет, потому что средств вечно не хватало. Я как мог поддерживал его и даже потратил некоторую сумму, но в конце концов оно все-таки закрылось.

Многие теософы в большей или меньшей степени были вегетарианцами, и одна предприимчивая дама из числа членов общества решила попробовать себя в роли владельца по-настоящему грандиозного вегетарианского ресторана. Она была любительницей искусства, вела себя экстравагантно и ничего не понимала в бухгалтерии. Зато имела немало друзей. Начала она скромно, но затем захотела расширить предприятие, арендовав несколько вместительных залов, и обратилась ко мне за помощью. Мне ничего не было известно о ее материальном положении на тот момент, но я полагал, что ее собственная оценка в достаточной степени верна. У меня была возможность удовлетворить ее просьбу. Мои клиенты давали мне в качестве депозитов крупные суммы. Заручившись согласием одного из них, я одолжил ей около тысячи фунтов из его средств. Этот человек был великодушным и доверчивым. В Южную Африку он прибыл сначала как законтрактованный рабочий. Мне он сказал:

— Выделите денег, если вам так угодно. Я ничего не смыслю в таких делах, но хорошо знаю вас.

Звали его Бадри. Позже он принял активное участие в сатьяграхе и угодил за решетку. Я дал деньги в долг, считая, что простого согласия Бадри будет вполне достаточно.

Через два или три месяца я выяснил, что долг не будет возвращен. Я не мог позволить себе столь крупных потерь: существовало множество других целей, на которые я мог бы потратить эти деньги. И действительно, одолженных денег я больше не увидел. Но как я мог предать доверчивого Бадри? Он ведь знал только меня, соглашаясь на ссуду. Пришлось выплатить потерю из собственного кармана.

Один из друзей-клиентов, с которым я обсудил эту злосчастную сделку, упрекнул меня в беспечности.

— Бхай, — сказал он (к счастью, я еще не стал «махатмой» или даже «бапу», отцом, и близкие друзья, обращаясь ко мне, ласково называли меня «бхаем», то есть братом). — Вы не должны были ввязываться в подобные авантюры. Мы ведь зависим от вас во многих других вопросах. Одолженных денег, естественно, не вернешь, но я знаю, что вы не позволите интересам Бадри пострадать и обязательно выплатите ему долг из собственных средств. Если вы продолжите поддерживать свои реформы деньгами клиентов, они разорятся, а вы сами скоро станете нищим. Но ведь вы — наше доверенное лицо и должны понимать: если вы превратитесь в нищего, вся наша общественная работа прекратится.

Этот мой друг, должен с радостью отметить, еще жив. И мне пока не встречался более честный и открытый человек, чем он, ни в Южной Африке, ни где-либо еще. Я знаю, например, что он неизменно извиняется перед людьми, чтобы очистить свою совесть, если подозревает их в чем-либо, а потом узнает, что эти подозрения были беспочвенны.

Я понял всю справедливость его предостережения, потому что, хотя я и возместил Бадри убытки, еще одной такой потери мне было уже не вынести. Пришлось бы влезть

в долги, чего я не делал никогда в жизни и чего с отвращением избегал. Осознал я и другое: даже самое благородное рвение реформатора не должно нарушать установленные границы. Я увидел, что, воспользовавшись доверенными мне деньгами, нарушил важнейший аспект учения «Гиты»: обязанность уравновешенного человека состоит в том, чтобы действовать, не желая плодов своего труда. Совершенная ошибка предостерегла меня.

Жертва, брошенная на алтарь вегетарианства, не была преднамеренной или предвиденной. Она свершилась в силу необходимости.

7. ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ЛЕЧЕНИЕМ ЗЕМЛЕЙ И ВОДОЙ

По мере того как неуклонно упрощался мой образ жизни, постепенно усиливалась и моя неприязнь к лекарствам. Практикуя в Дурбане, я некоторое время страдал от слабости и ревматизма. Доктор П. Дж. Мехта обследовал меня, назначил лечение, и я поправился. Не помню, чтобы после этого и до самого моего возвращения в Индию я серьезно болел.

Вот только в Йоханнесбурге у меня начались запоры и частые головные боли, но я поддерживал себя в форме, принимая слабительное и соблюдая строгую диету. Впрочем, лишь с натяжкой я мог назвать себя здоровым человеком и постоянно думал о том, как перестать зависеть от надоевших слабительных пилюль.

Примерно в это время я прочитал о созданной в Манчестере ассоциации «Долой завтраки!». Ее руководители утверждали, что англичане едят чересчур часто и много. Счета от врачей, которые они получают, очень велики, поскольку люди едят чуть ли не до полуночи, и им следует отказаться по крайней мере от завтраков, если они хотят укрепить здоровье. И хотя по большей части все это не

имело никакого отношения лично ко мне, я почувствовал, что кое-что здесь справедливо. Я привык полноценно есть три раза в день, а также пить чай в пять часов. Я никогда не отказывал себе в пище и наслаждался всеми деликатесами, какие позволяла вегетарианская диета без специй. Я почти никогда не вставал раньше шести или семи часов утра, а потому посчитал, что если откажусь от завтраков, то, быть может, избавлюсь от головных болей. И я начал экспериментировать. Поначалу это оказалось достаточно трудно, но головные боли совершенно исчезли. Это натолкнуло меня на мысль, что я действительно ем больше, чем требуется.

Впрочем, от запоров это меня не спасло. Я попробовал терапевтические сидячие ванны по методу Куне, что принесло некоторое облегчение, но не излечило меня окончательно. Затем то ли тот немец, который владел вегетарианским рестораном, то ли кто-то другой (уже запамятовал) принес мне книгу Джаста под названием «Возвращение к Природе». Эта книга познакомила меня с лечением землей. Автор, кроме того, предлагал фрукты и орехи в качестве естественной для человека пищи. Я не сразу перешел на фруктовую диету, но немедленно принялся экспериментировать с лечением землей и добился прекрасных результатов. Лечение состояло в следующем: на живот накладывалась повязка с чистой землей, увлажненной холодной водой и равномерно распределенной по тонкой ткани. Я накладывал этот своеобразный компресс перед сном, снимая его либо ночью, либо утром. Вот что оказалось по-настоящему радикальным лечением. С тех пор я испробовал такое лечение не только на себе, но и на своих друзьях, ни разу не пожалев об этом. В Индии мне не удалось настолько же успешно использовать компресс, поскольку там я никак не мог устроиться на одном месте, чтобы проводить свои эксперименты. Но моя вера в лечение землей и водой до сих пор остается практически не-

изменной. Даже теперь я нередко прибегаю к нему и рекомендую его товарищам по работе, когда представляется удобный случай.

Хотя я перенес в своей жизни два серьезных заболевания, я считаю, что человеку не стоит травить себя лекарствами. В девяноста девяти случаях из ста от болезни можно избавиться с помощью правильной диеты, лечения землей и водой и других народных средств. Тот, кто бежит к доктору, вайдье или хакиму с любой самой мелкой болячкой, а потом глотает всевозможные растительные или минеральные лекарства, не только укорачивает свою жизнь, но и становится рабом своего тела, вместо того чтобы быть его хозяином, теряет самоконтроль и перестает быть человеком в полном смысле этого слова.

И пусть читатель не удивляется, что я пишу об этом, лежа в постели с заболеванием. Я знаю, почему болею. Знаю, что исключительно я сам навлек на себя эти недуги, и потому не теряю терпения. Более того, я всегда благодарил Бога за болезни, которые стали для меня уроками жизни, помогли мне побороть искушение и не отравлять себя лекарствами. Знаю, мое упрямство доставляет много неудобств врачам, но они достаточно добры ко мне, чтобы считаться с моими желаниями и не оставлять меня.

Впрочем, я отвлекся. Прежде чем продолжать, я должен предостеречь читателя. Те, кто купит вышеупомянутую книгу Джаста, вдохновившись моим хвалебным отзывом, не должны воспринимать ее как истину в последней инстанции. Ее автор почти всегда рассматривает только один аспект заболевания, хотя каждый случай следует изучить по меньшей мере с семи точек зрения. Причем любая точка зрения может оказаться правильной сама по себе, но неверной в определенное время и при определенных обстоятельствах. Не будем также забывать, сколь многие книги написаны в коммерческих целях, ради громкого имени и в погоне за славой. А потому читать подобную

литературу нужно вдумчиво, необходимо также посоветоваться с опытными людьми, прежде чем приступать к экспериментам. Следует читать эти книги терпеливо, вникать в содержание и только потом действовать в соответствии с приведенными в них рекомендациями.

8. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Боюсь, мне все-таки предстоит отклониться от темы и в данной главе. Я проводил не только опыты с лечением земель, но и опыты с диетой. Здесь уместно будет поделиться некоторыми наблюдениями, хотя у меня еще будет возможность вернуться к ним ниже.

Я, вероятно, не смогу подробно рассказать об экспериментах с диетой, поскольку уже сделал это в серии статей на гуджарати, опубликованных много лет назад в газете «Индиан опиньон» и вышедших затем отдельным изданием, известным под названием «Путеводитель к здоровью». Из всех моих малых трудов именно эта книжка стала особенно популярной и на Востоке, и на Западе — феномен, который мне до сих пор непонятен. Она была написана специально для читателей «Индиан опиньон», но затем, насколько мне известно, повлияла на жизни многих людей на Востоке и на Западе, которые никогда даже не слышали о такой газете. Некоторые из них писали мне потом. Теперь мне кажется необходимым упомянуть здесь о той брошюре, поскольку я, хотя и не вижу причин пересматривать ее содержание, все же внес в мою практику некоторые важные изменения, о которых читатели брошюры не знают и о которых мне следует им рассказать.

Та брошюра, как и все остальные мои труды, была написана с религиозной целью, вдохновлявшей каждый мой шаг, а потому меня глубоко разочаровывает тот факт, что сегодня я не могу осуществить на практике некоторые из теорий, изложенных в той книжке.

Я твердо убежден, что человек не должен пить молоко вообще, за исключением материнского молока в младенчестве. Его диета должна состоять только из высушенных на солнце фруктов и орехов. Он может получить достаточно питательных веществ и для тканей, и для нервов из таких фруктов, как виноград, и таких орехов, как миндаль. Эти продукты помогут подавить сексуальные и прочие страсти. Мои товарищи и я сам могли убедиться в справедливости индийской поговорки: чем человек питается, тем он и станет*. Все это отражено в моей брошюре.

К несчастью, в Индии мне пришлось отказаться от практического применения некоторых моих теорий. Во время вербовочной кампании в Кхеде я совершил ошибку в диете, которая подорвала мое здоровье, и оказался буквально при смерти. Я безуспешно пытался восстановить быстро угасающие силы, продолжая отказываться от молока. Я обратился за помощью к знакомым докторам, вайдьям и ученым с просьбой порекомендовать заменитель молока. Одни предлагали сок бобов мунг, другие — масло мадуки, третьи — миндальное молочко. Я довел себя до истощения, экспериментируя с этими продуктами, но все было тщетно. Вайдьи читали мне стихи Чараки**, дабы показать, что ограничения в пище по религиозным соображениям неуместны в терапии, и они, стало быть, бессильны. Да и как люди, которые без колебаний прописывали своим пациентам говяжий бульон и бренди, могли укрепить меня в моем стремлении воздерживаться от молока?

Я не мог пить молоко коров или буйволиц, поскольку это запрещал принятый мной обет. Он, конечно же, запрещал любое молоко, но, поскольку, принимая обет, я думал только о молоке коров и буйволиц и мне очень хотелось жить, я убедил себя в возможности чуть «подпра-

* Изложенное иначе знаменитое высказывание «Мы есть то, что мы едим», приписываемое Гиппократу.

** Ч а р а к а — выдающийся врач Древней Индии.

вить» свою клятву и стал пить козье молоко. Разумеется, при этом я отчетливо осознавал, что отныне сам дух моего обета был уничтожен.

Стремление возглавить кампанию против закона Роуллетта* поддержало меня; я хотел выжить во что бы то ни стало. Вот так мне пришлось положить конец одному из величайших экспериментов в моей жизни.

Многие думают, что душа не имеет ничего общего с питанием человека, поскольку сама душа не нуждается ни в еде, ни в напитках, а значит, важно не то, что ты принимаешь внутрь извне, а лишь то, что идет из глубины твоей души наружу. Несомненно, в этих рассуждениях есть доля правды. Однако вместо того, чтобы рассматривать здесь подобную точку зрения, я хочу заявить следующее: для человека, живущего в страхе перед Богом, жаждущего встретиться с Ним лицом к лицу, умеренность в питании важна точно так же, как сдержанность в мыслях и словах.

Теперь я вынужден не только сказать о том, что моя теория не оправдала себя, но и выступить с серьезным предостережением. Я обязан попросить тех, кто последует моему примеру и перестанет пить молоко, не упорствовать в проводимом эксперименте, если только он не окажется полезным во всех отношениях или если так не посоветуют поступить сведущие медики. Опыт показал, что для людей с проблемами пищеварения и для тех, кто прикован болезнью к постели, не существует более легкого и питательного продукта, чем молоко.

Я буду крайне благодарен тому, кто, прочитав эту главу и поэкспериментировав в данном направлении, сообщит

* Закон Роуллетта был разработан комиссией, возглавляемой английским судьей Сидни Роуллеттом. Принятый 18 марта 1919 г. закон предусматривал ряд жестких мер, направленных на подавление индийского народного движения, и вызвал бурные протесты по всей стране, тем самым способствовал усилению борьбы за независимость.

мне о том, что обнаружил на практике, а не в теории какой-либо растительный заменитель молока — такой же питательный и легко усвояемый организмом.

9. СХВАТКА С ВЛАСТЯМИ

А теперь вернемся к Азиатскому департаменту.

Йоханнесбург был цитаделью азиатских чиновников. Я наблюдал, как эти чиновники, вместо того чтобы защищать интересы индийцев, китайцев и представителей других народов, оказывают давление на людей. Каждый день я слышал такие жалобы: «Те, кто имеет право, не получают разрешения, а те, кто права не имеет, получают, заплатив сто фунтов. Если вы не найдете способ исправить положение, то кто же тогда найдет его?» Я был полностью согласен с этим. Если мне не удастся победить зло, это будет означать, что я только зря потратил время в Трансваале.

Я принялся собирать доказательства, и скоро у меня их набралось достаточно, чтобы обратиться к комиссару полиции. Он казался мне справедливым человеком. Комиссар не попытался избавиться от меня, но внимательно выслушал и попросил предъявить доказательства, имевшиеся в моем распоряжении. Затем он лично допросил свидетелей и остался удовлетворен, хотя мы оба знали, насколько трудно в Южной Африке убедить белых присяжных осудить белого же чиновника, поступившего несправедливо по отношению к представителю цветного населения.

— Нам все же стоит попытаться, — сказал он. — Мы не должны позволять преступникам оставаться безнаказанными только из опасения, что присяжные оправдают их. Нужно арестовать их, а потом, уверяю вас, я сделаю все от меня зависящее.

Я не нуждался в его заверениях. Я подозревал многих чиновников, но, поскольку я не располагал неопровержимыми доказательствами вины каждого из них, ордера на

арест были предъявлены только двоим. В их виновности я нисколько не сомневался.

Мои действия все же не получилось сохранить в тайне. Многие знали, что я хожу к комиссару полиции практически ежедневно, а два чиновника, которых предполагалось вскоре арестовать, прибегли к услугам шпионов, более или менее удачливых. Те дежурили у моей конторы и докладывали о каждом моем шаге. Должен отметить, однако, что репутация этих чиновников уже пострадала, а потому шпионаж им не помог. Если бы меня не поддержали некоторые индийцы и китайцы, этих людей так бы и не арестовали.

Один из них бежал, но комиссар добился экстрадиции. Чиновника арестовали и вернули в Трансвааль. Обоих судили. И хотя улики были весьма серьезными, а присяжные знали о попытке бегства одного из них, обоих объявили невиновными и оправдали.

Я был страшно разочарован. Комиссар тоже расстроился. Профессия юриста теперь вызывала у меня отвращение. Сам по себе интеллект стал казаться мне чем-то мерзким, раз его использовали, чтобы дискредитировать правосудие и оправдывать преступников.

Очевидно, что чиновники были виновны, и, несмотря на оправдательный приговор, правительство не могло больше прибегать к их услугам. Их тихо уволили, Азиатский департамент хотя бы отчасти очистился, и индийскую общину подобный исход несколько приободрил.

Этот случай укрепил мою репутацию, и у меня стало еще больше работы. Удалось сохранить значительную часть денег общины, которая прежде тратилась на взятки. Полностью искоренить порок не получилось, поскольку бесчестные чиновники продолжали вымогать средства, но отныне у честных людей появилась возможность оставаться таковыми.

Должен, однако, отметить: пусть эти чиновники и были настолько бессовестными на своей службе, лично против

них я ничего не имел. Они и сами понимали это, а потому, попав в затруднительное положение, обращались ко мне и получали помощь. Так, например, однажды у них появилась возможность стать работниками муниципалитета Йоханнесбурга, но только в том случае, если я не буду возражать. Их знакомый встретился со мной, чтобы обсудить ситуацию, и я согласился не чинить им препятствия, после чего они преуспели на новом месте.

Подобный подход помог чиновникам, с которыми я сталкивался в дальнейшем, успокоиться и относиться ко мне вполне дружелюбно, хотя я часто вступал в борьбу с их департаментом и высказывался об их работе в весьма сильных выражениях. Тогда я еще не осознавал, что подобное поведение было особенностью моего характера. Позже я понял, что это неосъемлемая часть не только сатяграхи, но и ахимсы.

Человек и его поступки — это два разных понятия. Если доброе дело заслуживает похвалы, а недоброе — порицания, человек, совершивший тот или иной поступок, всегда имеет право на уважение или жалость в зависимости от того, что именно он сделал. «Ненавидеть нужно грех, а не грешника» — эту заповедь понимают все, вот только редко осуществляют на практике. А потому яд ненависти так стремительно распространяется в нашем мире.

Ахимса является основой для поисков истины. Я каждый день убеждаюсь, что поиски будут бесполезными, если они не строятся на ахимсе. Можно сопротивляться системе и бороться с ней, но нападать на ее создателя — все равно, что нападать на самого себя. Потому что все мы одним миром мазаны, все мы дети одного Создателя, и божественная сила внутри нас безгранична. Пренебрегать любым человеческим существом означает пренебрегать заключенной в нем божественной силой, то есть причинять вред не только одному этому человеку, но и всему миру.

10. ДОРОГОЕ СЕРДЦУ ВОСПОМИНАНИЕ И ПОКАЯНИЕ

Разные события привели к тому, что я сблизился с людьми многих религий и из многих общин. Опыт общения с ними показал, что я всегда относился одинаково к родственникам и незнакомцам, соотечественникам и чужестранцам, белым и цветным, индусам и индийцам других вероисповедований: мусульманам, парсам, христианам или иудеям. Могу сказать, что само мое сердце не было способно относиться ко всем этим людям по-разному. И дело не в том, что я обладаю какой-то особой добродетелью. Это просто часть моего характера, я не прилагал для этого никаких усилий. А вот в случае с ахимсой (ненасилием), брахмачарьей (воздержанием), апариграхой (нестяжательством) и другими добродетелями мне действительно приходилось постараться.

Когда я практиковал в Дурбане, клерки из моей конторы часто останавливались у меня, и среди них были и индусы, и христиане, или, если мы говорим о месте их рождения, гуджаратцы и тамилы. Я всегда относился к ним так, как относился к своим родным и близким. Я обращался с ними как с членами собственной семьи, и у меня возникали ссоры с женой, если она возражала против этого. Один из клерков был христианином из семьи панчама*.

Мой дом был построен по западному образцу, а потому в комнатах, разумеется, отсутствовали стоки для грязной воды. В каждой комнате имелись ночные горшки, и, чтобы не обременять слуг, мы с женой опорожняли и мыли их сами. Клерки, чувствовавшие себя как дома, естественно, самостоятельно чистили свои горшки, но тот клерк-христианин был новичком, и я счел нашим долгом убирать его спальню. Моя жена порой прекрасно справлялась

* П а н ч а м а — одно из названий неприкасаемых, «люди пятой варны».

с ночными горшками других наших гостей, но выносить горшок того, кто происходил из панчама, показалось ей возмутительным, и мы серьезно поругались из-за этого. Она не могла смотреть, как я выношу его горшок, не говоря уже том, чтобы делать это самой. Даже сегодня я отчетливо помню, как она упрекала меня с покрасневшими от ярости глазами, и жемчужные капельки слез скатывались вниз по ее щекам, когда она спускалась по лестнице с горшком в руке. Но я был добрым до жестокости мужем. Я считал себя ее наставником, а потому мучил из слепой любви к ней.

Меня совсем не удовлетворяло, что она просто выносит горшок. Мне хотелось, чтобы она делала это с радостью. И тогда я повысил голос:

— Не потерплю подобного вздора в своем доме!

Мои слова пронзили ее стрелой.

Она выкрикнула в ответ:

— Тогда оставь свой дом себе, а мне дай уйти!

Я совершенно забылся, и источник сочувствия полностью пересох в моей душе. Я схватил ее за руку, вытащил бедную женщину к воротам, находившимся напротив лестницы, и открыл их, намереваясь вытолкнуть ее наружу. Теперь слезы струились по ее щекам, и она воскликнула:

— Как тебе не стыдно? Ты не в себе! Куда мне идти? Здесь у меня нет ни родителей, ни родственников, которые приютили бы меня. Только потому, что я твоя жена, ты заставляешь меня мириться с твоими причудами? Ради всего святого, опомнись и закрой ворота. Или ты хочешь, чтобы все вокруг видели, какие сцены ты делаешь?

Я сохранял суровое выражение лица, но на самом деле был пристыжен и закрыл ворота. Как моя жена не могла покинуть меня, так и я не мог расстаться с нею. Мы ссорились бесчисленное число раз, но потом между нами всегда воцарялся мир. Причем жена, обладающая потрясающей

выдержкой, обычно выходила из наших размолвок победительницей.

Теперь я уже могу рассказать об этом случае с некоторой долей отстраненности, поскольку он относится к тому периоду жизни, который, к счастью, для меня закончился. Я больше не слепой и одержимый лишь своей любовью муж, отныне я не пытаюсь играть роль учителя для жены. Кастурбай вольна, если пожелает, злиться на меня, как я прежде злился на нее. Мы стали близкими друзьями, и никто из нас не воспринимает другого как объект похоти. Она преданно ухаживала за мной на протяжении всей моей болезни и даже не думала о каком-либо вознаграждении за свои труды.

Инцидент, о котором я поведал, произошел в 1898 году, когда я еще ничего не знал о брахмачарье. Это было время, когда я воспринимал жену как объект похоти мужа, как рожденную быть покорной супругу, а не быть его помощницей и товарищем во всех его радостях и печалях.

Только в 1900 году мой образ мыслей изменился, а к 1906 году он оформился окончательно. Но об этом я предлагаю поговорить в свое время. Достаточно сказать, что с постепенным исчезновением у меня плотских желаний моя домашняя жизнь стала — и продолжает становиться — более мирной, уютной и счастливой.

Пусть, однако, прочитав об этом дорогом моему сердцу воспоминании, никто не подумает, что мы безупречная супружеская пара, что наши идеалы и взгляды на мир полностью совпадают. Сама Кастурбай, вероятно, даже не осознает, есть ли у нее какие-либо идеалы. Не исключено, что мои поступки она не одобряет и сегодня. Мы никогда не обсуждаем их. Она не получила достаточного образования ни от родителей, ни от меня, когда я был обязан обучить ее, но в значительной мере она обладает одним качеством, которым наделено большинство индийских жен. И вот каким: вольно или невольно, сознательно или бес-

сознательно она считает благом во всем следовать за мной и никогда не противится моим попыткам вести воздержанную жизнь. И хотя по понятным причинам между нами существует большая разница в интеллектуальном развитии, меня никогда не покидало чувство, что наша семья живет в довольстве, в счастье и постоянно развивается.

11. БЛИЗКОЕ ОБЩЕНИЕ С ЕВРОПЕЙЦАМИ

Теперь необходимо объяснить читателю, как я пишу эту книгу.

Когда я взялся за данный труд, у меня не было никакого определенного плана. У меня нет дневника или других документов, на которые я мог бы опереться. Я пишу так, как велит мне Бог. Причем я не знаю наверняка, как именно он руководит каждой моей мыслью или действием. Все мои значительные и незначительные поступки, как мне кажется, направлялись Богом.

Я не видел его и не знал его. Я превратил мировую веру в Бога в собственную веру, а поскольку моя вера непоколебима, я могу считать и ее своим жизненным опытом. Впрочем, приравнивать веру к опыту — значит исказить истину, поэтому правильнее, наверное, будет сказать так: у меня нет слова, характеризующего мою веру в Бога.

Наверное, теперь кому-то станет легче понять, почему я говорю, что пишу эту книгу под руководством Бога. Когда я дошел до предыдущей главы, я сначала назвал ее так же, как эту, но затем осознал, что, прежде чем рассказывать об опыте общения с европейцами, следует написать что-то вроде предисловия. Так я и поступил.

Теперь, начав новую главу, я столкнулся с очередной трудностью. О чем я должен упомянуть и о чем мне следует умолчать в моем рассказе об английских друзьях? Если умолчать о важном, может постараться истина. А сразу ре-

шить, какие эпизоды заслуживают упоминания, довольно сложно, поскольку я не уверен даже, заслуживает ли написания вся эта книга.

Теперь я более отчетливо понимаю, почему автобиографии несовершенны (об этом я однажды прочитал где-то). Я знаю наверняка, что не сумею поведать в своей биографии обо всем, что помню. Кто подскажет мне, о чем следует рассказать, а что нужно опустить в интересах правды? Будут ли ценными, например, в суде неполные показания участника событий? Если бы некто чересчур любопытный подверг меня допросу с пристрастием по уже написанным главам, он смог бы, вероятно, пролить на изложенное в них больше света, чем я сам. Если бы это оказался враждебно настроенный критик, он мог бы даже польстить себе, показав «тщету многих моих притязаний».

А посему я порой на мгновение задумываюсь, не лучше ли остановиться и не писать больше ничего. Но до тех пор, пока мне не запретил мой внутренний голос, я должен продолжать. Я обязан помнить о мудром правиле, гласящем, что нельзя бросать начатое, если только оно не противоречит морали.

Я ведь пишу автобиографию не для того, чтобы угодить критикам. Ее написание само по себе является своеобразным экспериментом с истиной. Одна из моих целей, безусловно, состоит в том, чтобы утешить соратников и дать им пищу для размышлений. Более того, я и начал писать книгу по их совету. Она могла бы так и не появиться без Джерамдаса и свами Ананда. Таким образом, если я пишу автобиографию и поступаю неправильно, они обязаны взять на себя часть вины.

Но обратимся к теме главы. У меня дома в Дурбане оставались не только индийцы, но и английские друзья. Не могу сказать, что всем, кто у меня жил, нравилось это. Но я настойчиво приглашал их к себе. Не в каждом из слу-

чаев я поступал разумно. Мне пришлось пережить и неприятные моменты, и все они были связаны как с европейцами, так и с индийцами. Я ничуть не жалею о подобном опыте. Несмотря на неприятности и неудобства, часто доставляемые мной друзьям, я не изменил своего поведения, а друзья оказались достаточно великодушны, чтобы смириться с этим. И когда мое общение с чужестранцами вредило моим друзьям, я без колебаний осуждал их самих. Я думал, что верующие, которые видят того же Бога в других, какого видят в себе, способны жить в любом окружении, проявляя достаточную сдержанность. Умение жить так необходимо развить в себе, не избегая подобного общения, а смиренно приветствуя его, но при этом не позволяя давить на себя.

Хотя мой дом был уже полон к началу войны с бурами, я дал приют еще двум англичанам, прибывшим из Йоханнесбурга. Оба оказались теософами, а об одном из них, мистере Китчине, у читателя еще будет возможность узнать побольше. Моя жена часто горько плакала из-за них. К сожалению, из-за меня она прошла через многие подобные испытания. Это был самый первый случай, когда английские друзья жили у меня свободно, словно члены семьи. Я сам останавливался в домах англичан в период своего пребывания в Англии, но там я приспособливался к их образу жизни, и это становилось более или менее похожим на проживание в пансионе. Теперь все было наоборот. Английские друзья, как я уже отметил, стали членами семьи. Во многих отношениях они привыкли к индийским традициям. И пусть мой дом был построен по западному образцу, внутренняя жизнь в нем протекала согласно индийским обычаям. Я помню, что мне бывало трудно считать моих друзей-англичан членами семьи, но я уверен, что они чувствовали себя как дома. В Йоханнесбурге общение с европейцами стало еще более близким, чем в Дурбане.

12. БЛИЗКОЕ ОБЩЕНИЕ С ЕВРОПЕЙЦАМИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

В Йоханнесбурге у меня одно время служили сразу четыре клерка-индийца, которые стали для меня не просто сотрудниками, а скорее сыновьями. Но и их помощи оказалось недостаточно, чтобы справляться с нашими объемами работы. Невозможно было обойтись без машинистки, которую среди нас знал только я сам. Я обучил ей двух клерков, но вести дела было все еще трудно, ведь они слабо знали английский язык. К тому же одного из них я хотел обучить бухгалтерии. Вызвать кого-либо из Наталя я не мог, поскольку въехать в Трансвааль без специального разрешения не представлялось возможным, а я сам по личным соображениям не был готов попросить об этом чиновника, выдающего такие разрешения.

У меня шла кругом голова. Дела накапливались так стремительно, что мне казалось невозможным, как бы я ни старался, справляться и с профессиональной, и с общественной деятельностью одновременно. Я бы охотно нанял клерка из числа европейцев, но не был уверен, смогу ли найти белых мужчину или женщину, готовых работать под началом цветного. Однако пришлось попробовать. Я обратился к знакомому агенту и попросил найти стенографистку. У него были на примете девушки, и он пообещал помочь мне. Затем он порекомендовал мисс Дик. Она только что приехала в Южную Африку из Шотландии и хотела любым честным трудом зарабатывать себе на жизнь, поскольку остро нуждалась в деньгах. Агент прислал ее ко мне в контору, и она сразу же очаровала меня.

— Вы знаете, что нужно будет работать на индийца? У вас нет возражений? — спросил я.

— Ни малейших, — уверенно ответила она.

— Какое жалованье вы бы хотели получить?

— Семнадцать фунтов десять шиллингов. Я не слишком много прошу?

— Вовсе нет, если вы будете справляться с работой. Когда вы сможете приступить?

— Сейчас же, если позволите.

Мне это очень понравилось, и я сразу начал диктовать ей письма.

Очень скоро она стала для меня кем-то вроде дочери или сестры. Я едва ли когда-нибудь находил ошибки в ее работе. Часто ей передавали большие суммы денег, а потом она стала вести и конторские книги. Я полностью доверял ей, но что еще важнее, она сама делилась со мной сокровенными мыслями и чувствами. Именно ко мне обратилась она за советом, выбирая мужа, а потом я имел честь вести ее к венцу. Как только мисс Дик стала миссис Макдональд, ей пришлось покинуть меня, но даже потом она неизменно отзывалась, когда я, не справляясь с огромным объемом работы, просил у нее помощи.

После замужества миссис Макдональд мне понадобилась новая стенографистка. Мне очень повезло, когда я нашел еще одну девушку. Ее звали мисс Шлесин. Мне представил ее мистер Калленбах, о котором читатель еще услышит в дальнейшем. Сейчас она преподает в одной из средних школ Трансвааля. Когда она пришла ко мне, ей едва исполнилось семнадцать лет. Некоторые особенности ее характера подчас раздражали и меня, и мистера Калленбаха. Она стала работать у меня больше для того, чтобы приобрести опыт. Расовые предрассудки были чужды ей, но она не считалась ни с возрастом, ни с положением людей. Доходило до того, что она без малейших колебаний оскорбляла человека и высказывала ему в лицо все, что думает о нем. Несдержанность этой девушки часто причиняла мне неудобства, но ее открытость и бесхитрость помогали справиться с любыми проблемами, как только они возникали на горизонте. Я нередко подписывал на-

печатанные ею письма, не перечитывая их, поскольку считал, что она владеет английским языком лучше, чем я сам. Никаких сомнений в ее преданности у меня не возникало.

Причем она всегда была готова пожертвовать своими интересами. В течение довольно долгого времени она получала всего шесть фунтов и отказывалась от более чем десяти фунтов в месяц. Когда я сам пытался уговорить ее принять большую сумму, она отчитывала меня:

— Я здесь не для того, чтобы требовать деньги. Я здесь потому, что мне нравится работать с вами. Я уважаю ваши идеалы.

Однажды она одолжила у меня сорок фунтов, но настояла на том, что выплатит долг в течение года. Ее храбрость была под стать ее жертвенности. Она одна из тех редких женщин с чистой, как кристалл, душой, а ее отвага способна посрамить воина. Сейчас она уже стала зрелой женщиной. Я не знаю ее умонастроений так же хорошо, как знал прежде, когда она работала у меня, но мое общение с этой леди навсегда останется дорогим моему сердцу воспоминанием. А потому я должен рассказать о ней кое-что еще.

Взявшись за дело, она не помнила ни дня, ни ночи. Могла отправиться с поручением ночью совершенно одна и сердито отказывалась, если ее предлагали проводить. Множество вполне самостоятельных индийцев наблюдали за ней и обращались к ней за советами. Когда в дни сатьяграхи почти все ее лидеры оказались в тюрьме, мисс Шлесин в одиночку возглавила движение. Распоряжалась тысячами, вела объемную переписку, редактировала газету «Индиан опиньон» и при этом не знала усталости.

Я мог бы без конца рассказывать о мисс Шлесин, но завершу эту главу, процитировав Гокхале, который был знаком с каждым из моих сотрудников. Многие из них ему нравились, и он часто высказывал мне свое мнение о них. Среди всех как индийских, так и европейских моих сотрудников он неизменно выделял мисс Шлесин. «Я крайне

редко встречался с такой жертвенностью, чистотой помыслов и бесстрашием, как у мисс Шлесин, — сказал он. — Ей принадлежит пальма первенства».

13. «ИНДИАН ОПИНЬОН»

Прежде чем продолжить рассказ о моем общении с другими европейцами, я должен осветить еще две-три важные темы. Впрочем, кое-кого я назову сразу. Помощи мисс Дик оказалось недостаточно, требовались еще работники. В предыдущих главах я уже упоминал мистера Ритча, которого знал очень хорошо. Он был управляющим в коммерческой фирме, но согласился оставить ее и стал работать под моим началом, чем очень помог мне.

Примерно в то же время ко мне обратился мистер Маданджит с предложением совместно издавать газету «Индиан опиньон». Он нуждался в моем совете. Прежде он уже занимался чем-то подобным, и я согласился попробовать. Первый номер газеты увидел свет в 1904 году, а ее редактором стал Мансухлал Наазар. Впрочем, мне также пришлось выполнять много работы, и в течение долгих лет я фактически возглавлял редакцию. Дело не в том, что Мансухлал не справлялся со своими обязанностями. В Индии он приобрел богатый журналистский опыт, но не мог писать о проблемах индийцев Южной Африки и предоставлял это мне. Он всегда глубоко верил в справедливость моих суждений, а потому возложил на меня всю ответственность за самые важные редакционные статьи. Газета была еженедельной. Поначалу она издавалась на гуджарати, хинди, тамильском и английском языках. Но уже скоро я заметил, что издания на хинди и тамильском были пустой тратой времени и сил. Они не били точно в цель, поэтому я закрыл их. Более того, я понимал, что мы станем вводить читателей в заблуждение, если продолжим издавать их.

Я не собирался тратить на газету, но с течением времени понял, что она не сможет существовать без финансовой поддержки. И индийцы, и европейцы понимали, что, хотя официально я и не считаюсь редактором «Индиан опиньон», на мне лежит ответственность за ее наполнение. Все обстояло бы иначе, если бы мы не начали издавать газету вообще, но прекратить выпускать ее теперь стало бы подлинной потерей и бесчестьем. Мне пришлось вкладываться в газету до тех пор, пока я не истратил на нее почти все свои сбережения. Помню времена, когда приходилось ссужать по семьдесят пять фунтов в месяц.

Впрочем сейчас я осознаю, что газета действительно послужила на пользу общине. Никогда не предполагалось сделать ее коммерческим предприятием, и, пока она находилась под моим руководством, любые изменения в ней совпадали с изменениями в моей собственной жизни. «Индиан опиньон» в те дни, как и «Янг Индия», и «Навадживан» сейчас, была зеркалом, в котором отражалось мое существование. Неделя за неделей я вкладывал всю душу в ее колонки, объясняя теоретические и практические принципы сатьяграхи, как понимал их сам. В течение десяти лет, то есть до 1914 года, за исключением вынужденного перерыва, когда меня отправили «отдыхать» в тюрьму, едва ли один выпуск газеты обходился без моей статьи. В этих статьях не было ни одного слова, которое было бы написано необдуманно, не было сознательных преувеличений или желания угодить кому-либо. На самом деле газета стала для меня настоящей школой сдержанности, а для друзей — средством приобщения к ходу моих размышлений. Критик нашел бы в ней очень мало материала, вызывающего возражения. Более того, сдержанный тон статей «Индиан опиньон» мог заставить этого самого критика усмирить свое перо. Не исключено, что сатьяграха была бы вообще невозможной без «Индиан опиньон». Читатели хотели найти в ней достоверный отчет о развитии

кампании сат્યાграхи и сведения о реальном положении индийцев в Южной Африке. Для меня самого газета превратилась в источник познания природы людей всех каст и оттенков кожи, поскольку я всегда стремился общаться со своей аудиторией. Было множество писем, в которых люди буквально открывали мне свои души. Письма бывали дружескими, критическими или сердитыми в соответствии с темпераментами авторов. Я смог развиваться, обдумывая их и отвечая. Вот так община высказывала мне свои мысли. С тех пор я начал полностью осознавать всю ответственность журналиста перед обществом. Влияние на общину, которое я приобрел таким образом, помогло сделать кампанию осуществимой, величавой и неотвратимой.

В первый же месяц выпуска «Индиан опиньон» я понял, что единственная цель журналистики — это служение обществу. Печатное слово — источник огромной силы. Подобно тому, как неудержимый поток воды способен затопливать города и уничтожать урожаи, вышедшее из-под контроля журналистское перо служит разрушению. А если контроль осуществляется со стороны, последствия еще более губительны. Только прислушавшись к себе, журналист принесет пользу людям. И если эта мысль верна, то сколько печатных изданий в мире сумели бы выдержать подобное испытание? Кто может остановить издание бесполезных газет? Кто здесь может выступить в роли судьи? Стало быть, и полезное, и вредное, как добро и зло, должны сосуществовать, а каждому человеку дано право сделать выбор.

14. РАЙОНЫ КУЛИ ИЛИ ГЕТТО?

Некоторые социальные группы, оказывающие нам важные общественные услуги, но которые мы, индусы, предпочитаем считать «неприкасаемыми», заставляют жить в самых отдаленных уголках городов и деревень. Такие места называются на гуджарати *дхедвадо*. В названии

этом, конечно, есть оттенок пренебрежительности. Когда-то в средневековой Европе «неприкасаемыми» были евреи и кварталы, отведенные для них, получили оскорбительное название «гетто». Точно так же мы сами теперь стали неприкасаемыми в Южной Африке. Нам еще только предстоит узнать, помогут ли жертвенность Эндрюса и «волшебная палочка» Шастри реабилитировать нас.

Древние евреи считали себя единственным избранным Богом народом, а остальные были исключены ими из этого списка. В результате их потомков настигло неожиданное и слишком несправедливое возмездие. Почти так же индусы считали себя *ариями*, или цивилизованными, а часть своих же сородичей — *анариями*, или неприкасаемыми. И столь же странное и несправедливое возмездие настигло в Южной Африке не только индусов, но и мусульман и парсов, поскольку они происходят из одной страны и имеют тот же цвет кожи, что и братья-индусы.

Читатель теперь может несколько лучше понять значение слова «район», которое вошло в название этой главы. В Южной Африке мы получили обидное прозвище «кули». В Индии «кули» считаются простые носильщики или наемные рабочие, но в Южной Африке это слово приобрело пренебрежительный оттенок. Оно имеет такое же значение, какое имеют слова «пария» или «неприкасаемый» у нас, а кварталы, предназначенные для «кули», стали называть «районами кули». Одно такое место было и в Йоханнесбурге. Оно отличалось от остальных — тех, в которых индийцы имели право собственности, — тем, что здесь индеец мог получить землю только в аренду на девяносто девять лет. Люди жили в ужасной тесноте, поскольку район не расширялся по мере роста численности населения. Муниципалитет кое-как наладил очистку отхожих мест, но больше никакой заботы о гигиене, не говоря уже о дорогах или об освещении, не проявил. Муниципалитет вообще не волновало благополучие жителей этого места, а сами посе-

ленцы не имели никакого представления о правилах коммунальной санитарии и гигиены и не могли справляться с трудностями самостоятельно, без помощи или присмотра муниципалитета. Если бы все, кто попадал туда, были подобны Робинзону Крузо, там могла сложиться совсем другая ситуация. Однако нигде в мире не существует эмигрантских колоний, населенных сплошь Робинзонами Крузо. Обычно люди отправляются за границу в поисках лучшей доли и хорошей работы, но основная масса индийцев, прибывавших в Южную Африку, состояла из невежественных и бедных сельскохозяйственных тружеников, нуждавшихся в любой заботе и защите. Торговцев и образованных индийцев среди них было мало.

Преступная халатность муниципалитета и непросвещенность самих индийцев привели к тому, что район превратился в рассадник грязи и болезней. Вместо того чтобы попытаться исправить ситуацию, в которой были виноваты его же чиновники, муниципалитет использовал антисанитарию, царившую в этом месте, как предлог для ликвидации района. Для этого чиновники получили от властей разрешение выселить индийцев с обжитого места. Таким было положение вещей, когда я устроился в Йоханнесбурге.

Поселенцы, у которых было право собственности, естественно, могли потребовать компенсации. Был создан специальный трибунал для разбора подобных случаев. Если владелец отказывался от предложенной муниципалитетом компенсации, он мог обратиться в трибунал, и, если последний оценивал участок выше, муниципалитет оплачивал все издержки.

Большинство поселенцев-собственников нанимали меня в качестве юрисконсульта. Я не хотел обогащаться за счет таких дел и говорил поселенцам, что буду удовлетворен любой суммой, какую назначит трибунал в случае положительного исхода, и гонораром в размере десяти фун-

тов по каждому случаю, независимо от результата. Кроме того, я объяснил им, что собираюсь откладывать половину полученных от них денег на строительство больницы или другого подобного учреждения для неимущих. Это, конечно же, всем очень понравилось.

Из семидесяти дел проиграно было только одно. Сумма моего гонорара оказалась, таким образом, весьма внушительной. Но ведь у меня на руках оставалась газета «Индиян опиньон», постоянно нуждавшаяся в деньгах, и, насколько помню, она получила от меня тысячу шестьсот фунтов. Я трудился упорно. Меня постоянно окружали поселенцы. Большинство из них изначально были законтрактованными рабочими из Южной Индии. Чтобы решить свои проблемы, они создали собственную ассоциацию, которая не зависела от свободных индийских коммерсантов. Некоторые из них привлекали меня своим простодушием, свободомыслием и сильным характером. Возглавляли ассоциацию Джайрамсинг в качестве председателя и Бадри, ни в чем председателю не уступавший. Обоих уже больше нет с нами. Они оказали мне неоценимую помощь. Особенно сблизился со мной Бадри и сыграл заметную роль в сатьяграхе. Через этих и других друзей я смог тесно пообщаться с многочисленными поселенцами из Северной и Южной Индии. Я стал для них братом и делил с ними и личные, и общественные печали и проблемы.

Наверное, кому-то будет интересно узнать, как они называли меня. Шет Абдулла отказался обращаться ко мне по фамилии. К счастью, никто не оскорблял меня, называя или считая «сагибом». Шет Абдулла нашел прекрасное обращение «бхай» — то есть брат. Другие последовали его примеру и называли меня так вплоть до того самого дня, когда я покинул Южную Африку. Это обращение звучало особенно приятно, когда его использовали бывшие законтрактованные индийцы.

15. ЧЕРНАЯ ЧУМА – I

Когда муниципалитет завладел земельными участками индийцев, их не сразу изгнали из района. Прежде чем выселить их, необходимо было найти для них новое место. Поскольку муниципалитет едва справлялся с этой задачей, индийцы оставались в «грязном» районе, и положение их только ухудшилось. Перестав быть хозяевами, они стали съемщиками участков у муниципалитета, антисанитария при этом лишь усугубилась. Пока земля принадлежала им, они были вынуждены поддерживать хотя бы относительную чистоту, пусть и из страха перед законом. Муниципалитет же ничего такого не страшился. Число поселенцев росло, а с ним росли теснота и беспорядок.

Пока индийцы страдали в столь ужасных условиях, внезапно вспыхнула эпидемия легочной чумы, гораздо более страшной и смертоносной, чем бубонная.

К счастью, очагом заболевания стал не район кули, а золотодобывающая шахта, расположенная неподалеку от Йоханнесбурга. Рабочими на шахте были в основном негры, за чистоту и здоровье которых несли полную ответственность белые наниматели. Рядом работали также и индийцы. Из них двадцать три человека неожиданно заболели и однажды вечером вернулись домой с острыми симптомами. Как раз в это время в районе находился Маданджит, который искал там новых подписчиков для «Индиан опиньон». Это был удивительно отважный человек, но даже он ужаснулся, увидев жертв бедствия, и послал мне следующую записку: «Случилась внезапная вспышка черной чумы. Вы должны приехать немедленно и срочно принять меры, иначе нас ждут крайне неприятные последствия. Пожалуйста, приезжайте незамедлительно».

После чего Маданджит бесстрашно взломал замок заброшенного дома и разместил в нем заболевших. Я прикатил туда на велосипеде и отправил записку секретарю

муниципального совета, объяснив ему, почему мы были вынуждены ворваться в дом.

Доктор Уильям Годфри, практиковавший в Йоханнесбурге, примчался на помощь, как только узнал новости. Он стал для больных и врачом, и сиделкой. Однако с таким количеством пациентов нам троим справиться было не под силу.

Опираясь на свой богатый опыт, я верю, что, если человек чист сердцем, любая случившаяся беда сама приводит к нему нужных людей и дает возможности для борьбы. В то время у меня в конторе служили четыре индийца — Кальяндас, Манеклал, Гунвантраи Десаи и еще один, чье имя я запамятовал. Кальяндаса доверил моему попечению его отец. В Южной Африке мне редко встречался кто-то более ответственный и готовый беспрекословно подчиниться, чем Кальяндас. К счастью, он тогда еще не был женат, и я без колебаний доверил ему обязанности, связанные с риском, причем с риском нешуточным. Манеклала я нанял уже в Йоханнесбурге. Он тоже, насколько помню, еще оставался холостяком. Я решил принести в жертву всех четверых — называйте их как хотите — простых клерков, соратников, сыновей. Не было никакой необходимости предварительно обсуждать ситуацию с Кальяндасом, а остальные выразили согласие работать, как только я спросил их об этом. «Мы всегда будем там, где будете вы», — так коротко и преданно ответили они.

Зато у мистера Ритча была большая семья. Он был готов работать вместе с нами, но я ему не позволил. Я бы не простил себе, если бы подверг его опасности, а потому он помогал нам, оставаясь вне зоны непосредственного риска.

Ночь выдалась ужасная — ночь бдения и ухода за больными. Мне доводилось прежде заменять сиделку, но я никогда не сталкивался с больными черной чумой. Доктор Годфри вдохновил нас своей смелостью. Особых усилий уход не требовал. Нужно было давать больным необходимые лекарства, выполнять их пожелания, держать в чи-

стоте их самих и постели, по мере возможности ободрять их — вот и все, что нам приходилось делать.

Меня безмерно радовали неутомимое рвение и бесстрашие, с которыми работали молодые люди. Легко было объяснить отвагу доктора Годфри и такого опытного человека, как Маданджит. Но какую замечательную силу духа продемонстрировала моя безусая молодежь!

Если память мне не изменяет, в ту ночь мы не потеряли ни одного из наших пациентов.

Эти печальные события имеют для меня огромную религиозную ценность. Они настолько интересны, что я просто обязан посвятить им еще две главы.

16. ЧЕРНАЯ ЧУМА — II

Секретарь городского совета поблагодарил меня за инициативу и за то, что мы использовали пустовавший дом, чтобы разместить больных. Он признался, что у совета не было никакой возможности справиться с неожиданно возникшей трудностью, но обещал оказать всю возможную помощь. Как только муниципалитет очнулся и вспомнил о своем долге, он принялся незамедлительно действовать.

На следующий день мне предоставили пустой склад и предложили перенести больных туда, но муниципалитет не сделал ничего для очистки помещения. Оно было неудобным и грязным. Нам самим пришлось заняться уборкой, раздобыть несколько кроватей и других необходимых предметов, прибегнув к помощи равнодушных индийцев. Так мы устроили что-то вроде больницы. Муниципалитет выделил нам медсестру, которая принесла бренди и медицинские инструменты. Руководил всем по-прежнему доктор Годфри.

Медсестра оказалась доброй леди и охотно ухаживала бы за больными, но мы редко подпускали ее к ним, опасаясь, что она тоже подхватит инфекцию.

Нам порекомендовали часто давать больным бренди. Медсестра посоветовала и нам пить его в целях профилактики, как поступала сама, но никто из нас не притронулся к бутылке. Я не верил, что алкоголь поможет пациентам. С разрешения доктора Годфри я накладывал на голову и грудь троих больных, не желавших пить бренди, компрессы с влажной землей. Двое из них спаслись, но остальные двадцать скончались.

Тем временем муниципалитет принял и другие меры. Примерно в семи милях от Йоханнесбурга был лазарет, в который поступали пациенты с инфекционными заболеваниями. Двоих выживших больных переместили в палатки, разбитые рядом с лазаретом, и распорядились отправлять туда всех заболевших. Нас, таким образом, освободили от дальнейшей работы с ними.

Через несколько дней мы узнали, что добросердечная медсестра заразилась чумой и скоропостижно скончалась. Невозможно утверждать наверняка, как удалось выжить тем двум пациентам и нам самим, но новый опыт лишь укрепил во мне веру в лечение землей и недоверие к бренди, пусть даже и используемому в качестве лекарства. Я понимаю, что серьезных оснований думать так нет, но полученные тогда впечатления остались со мной навсегда, и потому я считаю необходимым поделиться ими.

Когда разразилась эпидемия, я написал довольно резкое открытое письмо в газеты, обвинив муниципалитет в запустении, воцарившемся после того, как земля перешла в его владение, и возложив на него ответственность за саму вспышку чумы. Благодаря этому письму я познакомился с мистером Генри Полаком и ныне покойным преподобным Джозефом Доуком.

В одной из предыдущих глав я упомянул, что часто ел в вегетарианском ресторане. Там я познакомился с мистером Альбертом Уэстом. Мы общались с ним в этом ресторане по вечерам, а после ужина вместе отправлялись

на прогулку. Мистер Уэст был компаньоном небольшого типографского предприятия. В газетах он прочитал мое письмо о вспышке чумы и встревожился, когда какое-то время спустя не встретил меня в ресторане.

Мои товарищи и я сам добровольно стали питаться меньше после того, как вспыхнула чума, поскольку я взял себе за правило придерживаться совсем легкой диеты во время эпидемий. В те дни я не ужинал, а обедать старался до прихода других гостей ресторана. Я был хорошо знаком с хозяином заведения и сообщил ему, что присматриваю за больными и хочу свести контакты с друзьями к минимуму.

Не встретив меня в ресторане два вечера подряд, мистер Уэст утром постучал в мою дверь, как раз когда я собирался на прогулку. Как только я открыл ему, он сказал:

— Не найдя вас в ресторане, я испугался и подумал, не случилось ли с вами чего-нибудь. А потому решил прийти сюда утром, чтобы убедиться, что вы дома. Что ж, теперь я в вашем полном распоряжении. Готов ухаживать за больными. Вы же знаете, что семьи у меня нет и никто от меня не зависит.

Я выразил ему свою благодарность, но сразу же ответил:

— Я не позволю вам сидеть с пациентами. Если не появятся новые заболевшие, через день-другой все закончится. Но у меня, однако, есть просьба.

— Какая же?

— Не могли бы вы позаботиться об «Индиан опиньон» в Дурбане? Мистер Маданджит наверняка будет слишком занят здесь, и кто-то должен там заменить его. Если вы поедете туда, мне не придется волноваться еще и по этому поводу.

— Как вы знаете, на мне типография. Почти наверняка я смогу поехать, но нельзя ли дать окончательный ответ вечером? Мы все обсудим во время нашей обычной вечерней прогулки.

Я обрадовался. Мы поговорили, и он согласился отправиться в Дурбан. Жалованье не интересовало его, поскольку деньги имели для него мало значения. И все же мы остановились на десяти фунтах в месяц плюс часть прибыли, если таковая будет получена. На следующий день вечерним почтовым поездом он отбыл в Дурбан, поручив мне свои дела. С того вечера и до моего отъезда из Южной Африки, он делил со мной как товарищ и радости, и печали.

Мистер Уэст родился в крестьянской семье в Лауте (графство Линкольншир). Он получил лишь заурядное школьное образование, но многому научился благодаря самообразованию и в процессе приобретения жизненного опыта. Я всегда думал о нем, как о чистосердечном, здравомыслящем, богобоязненном и гуманном англичанине.

Мы еще поговорим о нем и его семье в последующих главах.

17. РАЙОН КУЛИ В ОГНЕ

Хотя мы больше и не ухаживали за больными, после вспышки чумы осталось множество проблем, которые ждали своего решения.

Я уже упомянул о халатности муниципалитета в отношении района кули. А вот о здоровье белых граждан действительно позаботились, выделили крупные суммы, и деньги теперь буквально лились рекой. Несмотря на то, что к индийцам муниципалитет не был справедлив, я не мог не отметить эффективность принятых им мер по поддержке белого населения и постарался помочь чиновникам. Мне кажется, что без моей помощи муниципалитет столкнулся бы с еще большими трудностями. Даже, возможно, подключил бы армию.

Но этого удалось избежать. Муниципалитет оценил то, как повели себя индийцы, и теперь устранять последствия чумы стало гораздо проще. Я использовал все свое влияние, какое имел на индийцев, и призвал их подчиниться

требованиям муниципалитета, и я не помню, чтобы хоть кто-то воспротивился.

Район кули стал строго охраняться, вход на его территорию и выход с нее отныне осуществлялся только по специальному разрешению. Я сам и мои сотрудники имели постоянные пропуска. Было решено вывести людей из района и поместить их на три недели в палатки на равнине примерно в тринадцать миль от Йоханнесбурга, а затем сжечь район дотла. Чтобы люди сумели устроиться в палатках, получить провизию и все необходимые предметы, требовалось время, а на это время — усиленная охрана.

Жители были в ужасе, но мое постоянное присутствие несколько утешало их. Многие бедняки закапывали свои скромные сбережения в землю. Их приходилось откапывать. Для индийцев не существовало банка, и они сами ничего не знали об этом, а потому их банкиром стал я. Деньги затопили мою контору. В таких условиях я, разумеется, не мог подсчитать свои гонорары, но кое-как справлялся с новой работой. Управляющего банком, услугами которого я пользовался, я знал очень хорошо. Я сказал ему, что мне придется поместить эти деньги на хранение. Банки, конечно же, не горели желанием получать множество медных и серебряных монет, а банковские клерки отказывались прикасаться к деньгам из чумного района. Но мой управляющий искренне старался помочь мне. Было решено продезинфицировать все деньги перед сдачей в банк. Насколько помню, на хранение удалось поместить около шестидесяти тысяч фунтов. Тем людям, у кого средств оказалось достаточно, я посоветовал открыть срочный вклад. Они прислушались к моему совету, и в результате некоторые из них в дальнейшем смогли самостоятельно взаимодействовать с банком.

Бывших жителей района специальным поездом доставили на ферму Клиспрут неподалеку от Йоханнесбурга, где их снабдили провизией, приобретенной муниципали-

тетом на общественные средства. Этот городок из палаток походил на военный лагерь. Люди, не привыкшие к такой почти походной жизни, были подавлены и растеряны, хотя им и не приходилось терпеть каких-то особых неудобств. Я каждый день приезжал к ним на велосипеде. Не прошло и двадцати четырех часов, как они забыли все свои огорчения и возвратились к привычной жизни. Когда бы я ни появился там, я заставал их распеваящими песни и развлекающимися. Три недели пребывания на свежем воздухе явно пошли им на пользу.

Насколько помню, зачумленный район сожгли уже на следующий день после эвакуации его обитателей. Муниципалитет наотрез отказался оставить хоть что-то. Примерно в то же время и по тем же причинам муниципалитет сжег всю древесину, продававшуюся на рынке, и потерпел убытки в размере около десяти тысяч фунтов. Поводом для столь решительной меры послужили несколькодохлых крыс, обнаруженных на рынке.

Муниципалитету пришлось основательно потратиться, но зато удалось остановить распространение чумы, и жители города снова смогли дышать свободно.

18. МАГИЯ ОДНОЙ КНИГИ

В результате борьбы с эпидемией черной чумы мое влияние на бедных индийцев значительно усилилось. Одновременно расширилась и сфера моей деятельности, а также увеличилась ответственность за нее. Общение с европейцами теперь стало очень тесным, что, конечно, только добавило моральных обязательств.

В вегетарианском ресторане я познакомился с мистером Полаком, как некогда с мистером Уэстом. Однажды вечером молодой мужчина, сидевший за соседним столиком, прислал мне свою визитную карточку, выразив желание поговорить со мной. Я пригласил его пересечь ко мне.

— Я помощник редактора «Критика», — сказал он. — Когда я прочитал ваше письмо о чуме, мне захотелось встретиться с вами. Безгранично рад, что представился случай.

Прямота мистера Полака пришлась мне по душе. В тот же вечер мы многое узнали друг о друге. Оказалось, что наши взгляды на жизнь весьма схожи. Ему нравился простой образ жизни, и он обладал удивительной способностью применять на практике все то, что занимало его ум. Некоторые изменения, внесенные им в свою жизнь, были настолько же быстрыми, насколько и радикальными.

«Индиан опиньон» обходилась мне все дороже. Первое же сообщение от мистера Уэста мне очень не понравилось. Он писал: «Никакой прибыли, которую вы считали возможной, не предвидится. Боюсь, газета скорее понесет убытки. Бухгалтерские книги в беспорядке. Нужно взыскать долги, но должников не найти. Требуется значительно перестроить предприятие. Но пусть вас это пока не беспокоит. Я постараюсь по мере сил все исправить и продолжу работать вне зависимости от того, будет прибыль или нет».

Мистер Уэст вполне мог уехать, не дождавшись своих процентов, и мне не в чем было бы его винить. Более того, он сам имел право обвинить меня, ведь я заверил его, что издание прибыльно, хотя оснований думать так не было. Но я не услышал от него ни единой жалобы. Впрочем, мне кажется, что, обнаружив, в каком состоянии находится газета, мистер Уэст посчитал меня слишком доверчивым. Я попросту принимал оценку Маданджита, не считая нужным все перепроверить, и потому сказал мистеру Уэсту о возможной прибыли.

Теперь я осознаю, что общественный деятель не должен делать заявлений, в которых полностью не уверен. Приверженцу истины следует проявлять особую осторожность. Заставлять другого человека верить во что-то, что не до конца

проверено, значит искажать истину. С сожалением должен признать, что, несмотря на полное понимание этого, я так и не сумел искоренить в себе привычку слепо доверять людям. Все дело в моей амбициозности: нередко я берусь за такой объем работы, выполнить который мне не под силу. Причем эта амбициозность чаще была источником беспокойства для моих сотрудников, чем для меня самого.

Прочитав письмо мистера Уэста, я сразу же отправился в Наталь. С мистером Полаком я откровенно поделился своими проблемами. Он пришел на вокзал проводить меня и вручил книгу, которая, по его мнению, должна была мне наверняка понравиться. Это был труд «Последнему, что и первому» Рёскина.

Начав читать книгу, я уже не мог отложить ее в сторону. Она полностью завладела моим вниманием. Путь от Йоханнесбурга до Дурбана занимал двадцать четыре часа. Поезд прибывал вечером. В ту ночь мне не удалось заснуть. Я преисполнился решимости изменить свою жизнь, опираясь на идеалы, описанные в книге.

Она стала первой прочитанной мной книгой Рёскина. Когда я учился, я не читал почти ничего, кроме учебников, а позже у меня практически не оставалось времени для чтения. Посему я не мог похвастаться особенной начитанностью. Однако я считаю, что не слишком много потерял. Напротив, ограниченный круг чтения позволил мне тщательно обдумывать и хорошо усваивать прочитанное. Но из всех книг только одна изменила мою жизнь столь быстро и действенно — «Последнему, что и первому». Позже я перевел ее на гуджарати, озаглавив «Сарводая» («Общее благо»).

Полагаю, что в этой замечательной книге Рёскина я увидел отблески нескольких своих глубочайших убеждений, и именно поэтому она так увлекла меня и полностью изменила мою жизнь. Поэтом может считаться тот, кто способен пробудить дремлющее в душе человека добро.

Поэты имеют совершенно разное влияние на людей, поскольку сами люди устроены по-разному.

Учение книги «Последнему, что и первому» я понял так:

1. Добро отдельно взятого человека заключено в добре всех.

2. Работа юриста ценна настолько же, насколько ценна работа парикмахера, раз оба обладают одинаковым правом зарабатывать на жизнь своим трудом.

3. Только трудовая жизнь земледельца или ремесленника имеет смысл.

Первое положение я уже знал. Второе смутно понимал. А третье ни разу не приходило мне в голову. Книга открыла мне, что второе и третье положения заключены в первом. На рассвете я встал и почувствовал, что готов реализовать эти принципы.

19. ПОСЕЛЕНИЕ В ФЕНИКСЕ

Все это я обсудил с мистером Уэстом, описал впечатление, произведенное на меня книгой «Последнему, что и первому», и предложил перенести редакцию «Индиан опиньон» на какую-нибудь ферму, где каждый будет трудиться, получая одинаковые средства к существованию. Мистер Уэст одобрил предложение, и мы решили, что каждый сотрудник, независимо от цвета кожи и национальности, будет получать три фунта ежемесячно.

Но сразу же возник вопрос, согласятся ли десять или даже больше сотрудников обосноваться на отдаленной ферме и будут ли удовлетворены простыми условиями жизни. А потому мы приняли решение, что те, кто не сможет сразу поддержать мое предложение, продолжат получать жалование и присоединятся к нам, когда будут готовы.

Я посоветовался с работниками. Предложение сразу же не понравилось Маданджиту, который посчитал его глупостью и выразил опасение, что мы таким образом только

уничтожим предприятие, в которое он вложил столько сил, что сотрудники обратятся в бегство, «Индиан опиньон» перестанет выходить, а типографию придется закрыть.

Среди тех, кто работал на печатном станке, был Чхаганлал Ганди, мой кузен. Я рассказал ему о своих планах примерно тогда же, когда поделился ими с мистером Уэстом. У Ганди были жена и детишки, но он сам еще в детстве решил учиться и работать под моим началом. Он полностью доверял мне, а потому без каких-либо возражений принял новый план и с тех пор оставался со мной. Механик Говиндасвами тоже одобрил предложение. Остальные отвергли его, но согласились отправиться туда, куда я перевезу печатный станок.

На эти обсуждения у меня ушло не больше двух дней. Я дал объявление, в котором указал, что желаю приобрести землю рядом с железнодорожной станцией неподалеку от Дурбана. Нам предложили участок в Фениксе. Мы с мистером Уэстом отправились на разведку, а затем приобрели двадцать акров земли, что заняло около недели. По участку бежал небольшой веселый ручеек, там росло несколько манговых и апельсиновых деревьев. К приобретенному нами участку примыкал другой площадью в восемьдесят акров, где росло гораздо больше фруктовых деревьев и стоял запущенный старый коттедж. Мы купили и эту землю тоже, заплатив за все тысячу фунтов.

Ныне покойный мистер Рустомджи неизменно поддерживал меня во всех подобных начинаниях. Ему проект понравился. Он снабдил нас подержанными листами гофрированного железа, прежде служившими кровлей для склада, а также другими строительными материалами, так что мы смогли приступить к делу. Несколько индийских плотников и каменщиков, трудившихся вместе со мной во время войны с бурами, помогли построить сарай для типографии. Сооружение длиной в семьдесят пять футов и шириной в пятьдесят было готово менее чем через ме-

сяц. Мистер Уэст и остальные, многим рискуя, трудились вместе с плотниками и каменщиками. Давно заброшенное место густо поросло высокой травой, где водились змеи, и жить здесь пока было небезопасно. Поначалу все мы разместились в палатках. Затем, примерно за неделю, перевезли в Феникс значительную часть своих вещей. Участок находился в четырнадцати милях от Дурбана и в двух с половиной милях от станции с тем же названием — «Феникс».

Только один выпуск «Индиан опиньон» пришлось напечатать в другом месте — в типографии «Меркьюри».

Затем я попытался привлечь в Феникс тех своих родственников и друзей, которые прибыли вместе со мной из Индии на заработки. Они приехали сюда, желая разбогатеть, и потому уговорить их оказалось трудно, но некоторые все же согласились. Из них я выделяю прежде всего Маганлала Ганди. Прочие предпочли вернуться к своим делам, а Маганлал распрощался с прежней работой навсегда и связал свою судьбу с моей. Своими способностями, самопожертвованием и преданностью он выделялся среди остальных моих товарищей, которые разделяли мои поиски. Как ремесленник-самоучка он был уникален.

Итак, в 1904 году появилось поселение в Фениксе, и, несмотря на все сложности, мы продолжили издавать «Индиан опиньон».

Однако рассказ о наших первоначальных трудностях, о радикальных переменах, о наших надеждах и разочарованиях я продолжу в следующей главе.

20. ПЕРВАЯ НОЧЬ

Оказалось непросто напечатать первый экземпляр «Индиан опиньон» на новом месте в Фениксе. Если бы я не принял две меры предосторожности, первый номер пришлось бы сильно задержать или вообще пропустить. Мне не нравилась мысль, что печатный станок будет работать

от двигателя. Мне показалось, что простой физический труд людей будет больше соответствовать атмосфере места, в котором сельскохозяйственные работы тоже предполагалось вести вручную. Но поскольку осуществить идею оказалось сложно, мы все же установили двигатель внутреннего сгорания. И тем не менее я предложил Уэсту иметь про запас что-то, чем мы смогли бы заменить неисправный двигатель. Он достал колесо, которое приводилось в движение руками. Кроме того, сам по себе формат ежедневной газеты был неподходящим для глухого уголка, вроде Феникса, и мы уменьшили наше издание до размера листа писчей бумаги, чтобы в крайнем случае можно было обрезать номера, пользуясь педалью.

Поначалу мы все работали допоздна накануне выпуска. Всем — и молодежи, и пожилым людям — приходилось участвовать в фальцовке листов. Обычно заканчивали мы в промежутке между десятью часами вечера и полночью. Но самая первая ночь стала незабываемой. Двигатель не желал работать, и, чтобы починить его, мы пригласили инженера из Дурбана. Вместе с Уэстом он старался изо всех сил, но тщетно. Все были до крайности обеспокоены. Наконец Уэстом овладело отчаяние, он подошел ко мне со слезами на глазах и сказал:

— Двигатель не будет работать. Боюсь, мы не сможем выпустить газету вовремя.

— Что ж, пусть будет так. Слезами делу не поможешь. Но давайте сделаем все, что в наших силах. Как насчет ручного колеса? — спросил я, желая утешить его.

— А где нам взять достаточно людей? — в свою очередь поинтересовался он. — Нас слишком мало, чтобы справиться с такой работой. Нужны чередующиеся смены, в каждой из которых должно быть четыре человека, а все наши работники слишком устали.

Строительство еще не было завершено, а потому плотники пока оставались с нами. Они спали на полу в по-

мещении, где стоял печатный станок. Я указал на них со словами:

— Разве мы не можем привлечь к работе плотников? Нам, вероятно, придется трудиться всю ночь. Еще не все потеряно.

— Я не осмеливаюсь будить плотников, а наши люди действительно очень утомлены, — сказал Уэст.

— В таком случае предоставьте переговоры мне.

— Тогда, быть может, мы действительно сумеем управиться, — с облегчением вздохнул Уэст.

Я разбудил плотников и попросил их о помощи. Долго уговаривать их не пришлось.

— Зачем мы здесь, если не можем помочь в такой напряженный момент? — сказал один из них. — Вы отдохайте, а мы станем вращать колесо. Это легко.

Наши люди были тоже, разумеется, готовы помочь.

Уэст сразу прибодрился и даже запел гимн, когда мы взялись за дело. Я стал работать с плотниками, а остальные сменяли нас по мере необходимости. Так продолжалось до семи часов утра. Но у нас все еще оставалось много работы, и потому я предложил Уэсту снова попросить инженера постараться запустить двигатель. Если ему это удастся, сказал я, мы успеем закончить работу вовремя.

Уэст разбудил механика, и тот сразу же направился к двигателю. Надо же! Двигатель заработал, стоило мастеру прикоснуться к нему! Мои товарищи радостно закричали.

— Как же такое могло случиться? Почему вечером ничего не получалось, а утром двигатель заработал, словно всегда был исправен? — спросил я.

— Трудно сказать, — ответил Уэст или инженер (уже не помню, кто именно). — Машины тоже иногда нуждаются в отдыхе, как и мы с вами.

Лично я подумал, что неполадки с двигателем были испытанием для всех нас, а то, что он снова заработал, — вознаграждением за наш честный и упорный труд.

Тираж был готов вовремя, и мы ликовали.

Наша настойчивость с самого начала гарантировала регулярный выход издания и вселила в моих товарищей уверенность в своих силах. Бывали случаи, когда мы намеренно отказывались от двигателя и работали вручную. Мне кажется, то были моменты высочайшего духовного подъема обитателей нашего поселения в Фениксе.

21. ПОЛАК РЕШАЕТСЯ

Я нередко сожалел, что не могу бывать в Фениксе достаточно часто, хотя сам же и предложил переехать туда. Сначала я хотел постепенно отказаться от своей практики и уехать в Феникс, чтобы зарабатывать на жизнь физическим трудом, находя радость в служении моим товарищам. Но этому не суждено было случиться. Я убедился, что в планы человека нередко вмешивается Господь, однако если конечная цель этого человека заключается в поисках истины, то независимо от того, как именно нарушаются его планы, результат может оказаться еще лучше, чем ожидалось. Жизнь в Фениксе и случавшиеся там неожиданные события не приносили вреда, но было сложно сказать, превосходил ли такой результат наши ожидания.

Чтобы у каждого из нас была возможность зарабатывать на жизнь простым трудом, мы поделили земли вокруг сарая с печатным станком на участки, по три акра каждый. Один из них достался мне. На этих участках мы построили домишки из гофрированного железа, хотя сначала не собирались делать этого. Нам хотелось жить в крытых соломой хижинах или в маленьких кирпичных домиках, похожих на крестьянские, но не получилось. Такие жилища оказались бы более дорогими, их строительство заняло бы больше времени, а каждый из нас стремился обосноваться как можно скорее.

Редактором по-прежнему оставался Мансухлал Назар. Он не принял мой проект и руководил изданием из Дурбана, где теперь находился филиал редакции «Индиан опиньон». Хотя мы платили сторонним наборщикам, мы, конечно, хотели, чтобы каждый обитатель поселения научился типографскому набору — самому простому, хотя и самому занудному процессу в типографском деле. Те, кто прежде не владел такими навыками, стали обучаться. Я отставал от всех, а лучшим среди нас оказался Маганлал Ганди. Хотя он никогда прежде не работал в типографии, ему удалось не только стать великолепным наборщиком и выполнять эту работу быстро, но и, к моему удивлению, освоить все остальные этапы типографского процесса. Я всегда считал, что он и сам не знает, какие необыкновенные у него способности.

Едва мы успели обосноваться на новом месте, как мне пришлось оставить только что свитое гнездо и отправиться в Йоханнесбург. Я не мог позволить себе бросить свою работу там без наблюдения. Я должен был присутствовать лично.

По возвращении в Йоханнесбург я рассказал Полаку о тех важных изменениях, которые произошли в моей жизни. Он был счастлив, когда узнал, что подаренная им книга так сильно повлияла на меня.

— Могу я принять участие в вашем новом эксперименте? — спросил он.

— Разумеется, можете, — ответил я, — если вы готовы присоединиться к нам в Фениксе.

— Вполне готов, пусть только меня примут там.

Его решительность была поразительна. Он за месяц предупредил начальство «Критика», что увольняется, и в назначенное время прибыл в Феникс. Его общительность помогла ему подружиться с обитателями поселения, и очень скоро он стал членом нашей семьи. Простота была частью его природы, а потому он не считал жизнь в Феник-

се странной или тяжелой; он чувствовал себя здесь своим. Но я не смог оставить его надолго. Мистер Ритч решил завершить свое юридическое образование в Англии, а я бы не справился с делами в конторе один. Я предложил Полаку работать у меня в качестве атторнея. Я хотел, чтобы со временем мы оба удалились на покой и окончательно перебрались в Феникс, чему не суждено было случиться. Полак был настолько доверчив, что, однажды положившись на друга, он затем всегда и во всем соглашался с ним, не споря. Он прислал мне письмо из Феникса. Ему нравилось жить там, он чувствовал себя совершенно счастливым и надеялся развивать поселение, но тем не менее он был готов покинуть его и начать работать в моей конторе, если, по моему мнению, таким образом мы быстрее реализуем наши идеалы. Его письмо обрадовало меня. Полак уехал из Феникса в Йоханнесбург и подписал договор со мной.

Примерно в это же время шотландец-теософ, которого я готовил к местным экзаменам по праву, также начал работать у меня, последовав примеру Полака. Звали его мистер Макинтайр.

Сложилось так, что, стремясь быстрее реализовать свои идеалы в Фениксе, я одновременно отдался совершенно противоположному потоку. Если бы Богу было угодно, я мог бы окончательно запутаться.

В одной из следующих глав я расскажу, как я сам и мои идеалы были спасены. Причем спасение было очень неожиданным.

22. КОГО БОГ БЕРЕЖЕТ

Теперь я окончательно отказался от всякой надежды вернуться в Индию в обозримом будущем. Жене я обещал приехать домой через год. Но год прошел, вернуться по-прежнему пока не получалось, а потому я решил вызвать ее и детей.

На пароходе на пути в Южную Африку мой третий сын Рамдас повредил руку, играя с капитаном судна. Сам капитан потом заботливо ухаживал за ним, а лечил его судовой врач. Рамдас сошел на берег с перевязанной рукой. Судовой врач посоветовал нам сразу же по прибытии обратиться к квалифицированному медику. Но в то время я безгранично верил в успех своих экспериментов с лечением землей. Мне удалось убедить нескольких своих клиентов, всерьез воспринимавших мои методы, испытать на себе мое лечение землей и водой.

Как же мне следовало поступить с Рамдасом? Ему было всего восемь лет. Я спросил, не будет ли он возражать, если я сам обработаю его раны. С улыбкой он ответил, что совсем не против. В таком возрасте он не мог выбрать подходящий метод лечения сам, но уже понимал разницу между знахарством и профессиональной медициной, знал о моей привычке лечить народными средствами и верил мне. Не без трепета я снял с его руки повязку, промыл раны, наложил компресс с чистой землей и вновь перевязал руку. Так я поступал на протяжении месяца, пока раны не зажили окончательно. Не возникло никаких дополнительных проблем, а заживление не заняло больше времени, чем обещал судовой врач, говоря об обычном лечении.

Этот и другие эксперименты укрепили мою веру в народные средства, и я прибегал к ним в дальнейшем более решительно. Я расширил сферу их применения, опробовал лечение землей и водой и диету, чтобы справиться с ранами, лихорадкой, диспепсией, желтухой и прочими недугами, причем в большинстве случаев я добивался хороших результатов. Но вот только в наши дни я уже утратил былую уверенность, а в дальнейшем понял, что мои эксперименты могут быть даже рискованными.

А потому я не пытаюсь здесь настаивать на них. Я не могу утверждать, что успешным был абсолютно каждый из моих экспериментов, ведь даже профессиональные врачи

не всегда могут поручиться за результат назначенного лечения. Моя цель — показать, что всякому человеку, который проводит эксперименты, следует непременно начинать с самого себя. Так можно быстрее найти истину, а Бог всегда бережет честного экспериментатора.

Близко общаясь с европейцами, я рисковал так же сильно, как тогда, когда прибегал к народным средствам лечения. Просто особенности этих рисков были разными. Впрочем, поддерживая такое общение, я никогда даже не задумывался о рисках.

Я пригласил Полака перебраться в мой дом, и мы начали жить, как родные братья. Леди, собиравшаяся стать миссис Полак, была обручена с ним уже несколько лет, но они постоянно откладывали свадьбу на более подходящее время. У меня сложилось впечатление, что Полак хотел накопить достаточно денег, прежде чем жениться. Он знал труды Рёскина значительно лучше меня, но его западное окружение не давало ему немедленно реализовать учение этого автора. И тогда я обратился к Полаку с такими словами:

— Когда возникает прочный союз двух сердец, как в вашем случае, едва ли правильно откладывать женитьбу лишь по финансовым соображениям. Если бедность служит преградой, то получается, что бедняки никогда не должны вступать в брак? А вы к тому же живете у меня. Значит, вопрос о расходах на жилье перед вами не стоит. Я считаю, вы должны жениться как можно скорее.

Как я уже упомянул в предыдущей главе, мне ни разу не приходилось ни о чем спорить с Полаком. Он прислушался ко мне и сразу же написал будущей миссис Полак, находившейся тогда в Англии. Она охотно приняла предложение и через несколько месяцев приехала в Йоханнесбург. Ни о каких расходах, связанных со свадьбой, не было и речи. Даже не было необходимости шить свадебное платье. Не потребовалось и религиозной церемонии,

чтобы скрепить их союз. Миссис Полак от рождения была христианкой, а сам Полак — евреем. Их общей религией была религия морали.

Здесь я могу мимоходом упомянуть о занятом инциденте, связанном с этой свадьбой. Чиновник, регистрировавший браки в Трансваале, не мог зарегистрировать брак цветных. В нашем случае свидетелем выступал я. Мы, конечно же, могли найти на эту роль европейца, но Полак категорически отказался от такого предложения, и мы втроем отправились в бюро регистрации. Как мог быть чиновник уверен, что невеста и жених, чьим свидетелем был я, белые? Он предложил отложить регистрацию до выяснения всех обстоятельств. Следующий день был воскресным. За ним сразу следовал Новый год — то есть праздник. Переносить день свадьбы из-за каких-то пустяков казалось нам глупым. Я был знаком с главным мировым судьей, в чьем ведении находилось бюро, и пришел к нему вместе с будущей супружеской парой. Он лишь посмеялся и вручил мне записку к чиновнику, после чего брак был зарегистрирован.

До той поры европейцев, живших у нас, я более или менее хорошо знал. Но теперь в семью вошла английская леди, совершенно мне незнакомая. Не помню, чтобы у нас возникали разногласия с молодоженами, но даже если миссис Полак и моя жена пережили какие-то неприятные моменты в процессе общения, они были ничуть не более серьезными, чем те, что бывают в самых благополучных однородных семьях. А важно помнить, что моя семья была неоднородной. В нее свободно допускались люди самых разных темпераментов. Но если подумать, различия между неоднородными и однородными семьями лишь кажущиеся. Мы все — одна единая семья.

В этой главе заодно отпразднуем и свадьбу мистера Уэста. В тот момент моей жизни суть брахмачарьи еще не полностью открылась мне, и потому я стремился женить

всех своих друзей-холостяков. Когда Уэст отправился в Лангхем, чтобы навестить родителей, я посоветовал ему вернуться по возможности уже женатым человеком. Поселение в Фениксе стало нашим общим домом, и, поскольку мы все должны были вскоре превратиться в фермеров, нас не пугали браки и их последствия. Уэст вернулся с миссис Уэст, красивой молодой леди из Лестера. Она происходила из семьи обувщика, работавшего на лестерской фабрике. Я назвал ее красивой, но прежде всего меня очаровала ее нравственность, ведь подлинная красота живет в чистом сердце. С мистером Уэстом приехала также и его теща. Пожилая дама еще жива. Одним только своим трудолюбием и веселым, приветливым нравом она превосходила любого из нас.

Подобно тому, как я уговаривал жениться своих европейских друзей, я убеждал и друзей-индийцев вызывать свои семьи с родины. Так поселение в Фениксе стало небольшой деревней. Туда приехало примерно полдюжины семейств, которые успешно обосновались на новом месте и постепенно начали разрастаться.

23. ВЗГЛЯД НА ВЕДЕНИЕ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА

Мы уже видели, что, хотя расходы на содержание дома были по-прежнему велики, стремление к простоте возникло у меня еще в Дурбане. Дом в Йоханнесбурге был серьезно перестроен в соответствии с учением Рёскина.

Я упростил все настолько, насколько это было вообще возможно в жилище адвоката. Мы не могли, например, обходиться без некоторой мебели. Перемены были скорее внутренними, чем внешними. Мы сами выполняли всю физическую работу, и я приучил к этому детей.

Вместо того чтобы покупать хлеб в булочной, мы сами начали печь дома пресный хлеб из муки грубого помола

по рецепту Куне. Фабричная мука для него не годилась, а смолотая вручную, по нашему мнению, была проще, полезнее и помогала экономить. Я купил ручную мельницу за семь фунтов. Ее железное колесо было слишком тяжелым для одного человека, но двое легко вращали его. Обычно с мельницей управлялись мы с Полаком и дети. Моя жена тоже иногда помогала, хотя время помола нередко совпадало с другими ее хлопотами на кухне. Миссис Полак присоединилась к нам после своего приезда. Детям было полезно вращать колесо. Ни эту, ни какую-либо другую работу никогда не приходилось им навязывать. Они развлекались, помогая взрослым, и всегда могли прекратить это занятие, как только утомлялись. Впрочем, дети, включая и тех, о ком я расскажу ниже, как правило, не подводили меня. Не то чтобы я не сталкивался с маленькими лентяями, но в большинстве случаев труд приносил детям радость. Помню лишь несколько случаев, когда они увиливали от работы или ссылались на усталость.

Мы наняли слугу, чтобы присматривать за порядком в доме. Он жил у нас на правах члена семьи, и дети часто помогали ему справляться с его обязанностями. Городской уборщик отвечал за вывоз нечистот по ночам, но мы самостоятельно прибирались в туалете вместо того, чтобы просить слугу или дожидаться, пока он сам возьмется за эту работу. Это было важным воспитательным моментом. В результате мои сыновья научились с уважением относиться к работе уборщика и поняли, как важно соблюдать правила санитарии. В нашем доме в Йоханнесбурге очень редко кто-то болел, а когда такое все же случалось, дети охотно ухаживали за больным. Не могу сказать, что я оставался совершенно равнодушен к их общему образованию, но уж точно без колебаний принес бы его в жертву. Моим сыновьям, получается, есть на что жаловаться. Время от времени они упоминают об этом, и я должен признать свою вину. Я даже пытался обучать их сам, но мне то и дело

что-нибудь мешало. Поскольку же я не организовал для них частных уроков на дому, я ежедневно прогуливался с ними до конторы и обратно. Таким образом, мы проходили пешком около пяти миль. Это позволило поддерживать и меня, и их в хорошей физической форме. Разговаривая с ними, я старался рассказать им что-нибудь новое, но это мне удавалось только в том случае, если никто не отвлекал меня. Все мои сыновья, кроме старшего, Харилала, оставшегося в Индии, были воспитаны мною в Йоханнесбурге именно так. Если бы я только мог уделять один час в день их общему развитию, я бы дал им, как сам считаю, прекрасное образование. Но это, к их и моему сожалению, мне никак не удавалось. Старший сын часто откровенно высказывал недовольство по этому поводу и в частных беседах со мной, и даже в прессе, но остальные дети великодушно простили мою неудачу, посчитав ее неизбежной. Сам я не мучаюсь из-за этого и сожалею лишь о том, что из меня не получился идеальный отец. Смею утверждать, что пожертвовал их общим образованием во имя того, что считал — хотя, быть может, и ошибочно, — более важным. Речь идет о служении обществу. Я не был беспечен и делал все необходимое, чтобы выработать в них сильный характер. Это и есть, как мне кажется, священный долг каждого отца. Когда, несмотря на мои усилия, сыновья давали понять, что им чего-то не хватает, я все больше убеждался: причина не в отсутствии внимания с моей стороны, а в недостатках обоих родителей.

Дети наследуют не только физические черты родителей, но и характер. В дальнейшем важную роль будет играть окружение, в которое ребенок попадет, но первичный капитал, с которым он входит в жизнь, наследуется им от предков. Я ведь бывал свидетелем и того, как детям удавалось побороть дурную наследственность. Это происходило благодаря душевной чистоте, которая заложена в ребенке изначально.

Мы с Полаком часто горячо спорили о желательности или нежелательности английского образования для ребенка. Я всегда думал, что те индийские родители, которые с ранних лет приучают детей думать и говорить по-английски, предают и детей, и свою страну. Они лишают своих отпрысков духовного и социального наследия нации, делая их неспособными послужить родине. Думая так, я намеренно всегда разговаривал со своими детьми на гуджарати. Полаку это совершенно не нравилось. Он считал, что я гублю их будущее. Полак также считал, что, если дети с ранних лет изучают язык мира, которым является английский, они добьются значительного преимущества перед другими в жизненной гонке. Но переубедить меня ему не удалось. Не помню, сумел ли я убедить его в правильности моего подхода или он сам оставил споры, посчитав меня слишком упрямым. Это происходило примерно двадцать лет назад, но то мое убеждение, подтвержденное опытом, только окрепло. Хотя мои сыновья и пострадали от недостатка полноценного общего образования, знание родного языка, приобретенное ими естественным путем, пошло на пользу и им самим, и родине, где они не стали чужестранцами. Столь же непринужденно они овладели вторым языком, бегло говорят и уверенно пишут по-английски, общаясь с нашими многочисленными друзьями-англичанами. Важным было, конечно, и проживание в стране, в которой английский был основным языком общения.

24. «ВОССТАНИЕ» ЗУЛУСОВ

Даже после того, как я посчитал, что окончательно устроился в Йоханнесбурге, у меня не получилось вести размеренный образ жизни. Как только я решил наслаждаться покоем, произошли совершенно неожиданные события. В газетах написали о «восстании» зулусов в На-

тале. Лично я не питал какой-либо ненависти к зулусам, которые никогда не причиняли вреда индийцам. Были у меня и сомнения относительно причин «восстания». Но тогда я верил, что Британская империя существует ради благополучия во всем мире. Искренняя преданность не позволяла мне желать зла империи. Справедливым или нет было это «восстание», мое решение оставалось непоколебимым. В Натале находились добровольческие силы обороны, которые продолжали вербовать мужчин в свои ряды. Я прочитал, что силы мобилизовались для подавления «восстания».

Я считал себя гражданином Натала и был тесно связан с ним, а потому написал письмо губернатору, выражая готовность в случае необходимости организовать индийский санитарный корпус. Губернатор ответил немедленно и утвердительно.

Я не ожидал столь быстрого ответа. К счастью, я подготовился еще до того, как написал письмо. Если мое предложение примут, решил я, мне придется покинуть дом в Йоханнесбурге. Полаку нужно будет подобрать себе более скромное жилище, а жена отправится в Феникс. Я заручился ее согласием. Не помню ни одного случая, когда бы она не поддержала меня в таких делах. Итак, получив ответ от губернатора, я предупредил домовладельца о том, что через месяц покину дом. Часть вещей я отправил в Феникс, а что-то оставил у Полака.

Затем я отправился в Дурбан и там обратился к людям. Слишком много добровольцев не требовалось. Мы сформировали отряд из двадцати четырех человек, среди которых, кроме меня, еще четверо были гуджаратцами. Остальные в основном были бывшими законтрактованными рабочими из Южной Индии, а один — свободным патаном*.

* Патанами в Индии называют проживающих преимущественно в Афганистане пуштунов.

Чтобы обозначить мой статус и облегчить нашу работу, главный врач в соответствии с действовавшей конвенцией временно назначил меня сержант-майором, трех выбранных мной помощников назначили сержантами, а еще одного — капралом. Правительство также выдало нам мундиры. Наш санитарный корпус состоял на действительной службе почти шесть недель. По прибытии на место я не увидел ничего, что можно было бы назвать «восстанием». Не было никакого сколько-нибудь существенного сопротивления. Вождь зулусов лишь призвал свой народ не платить новый налог, которым его обложили, и пригрозил копьем сержанту, приехавшему для сбора этого налога, поэтому инцидент окрестили «восстанием». Теперь мои симпатии были на стороне зулусов, и я обрадовался, когда в штабе мне сообщили, что нам будет нужно выхаживать раненых зулусов. Офицер медицинской службы приветливо встретил нас. Он пояснил, что белые не желали возиться с зулусами, раны которых начинали гноиться, и он с ума сходил, не зная, как поступить. Нашу работу он посчитал благословением для этих ни в чем не повинных людей, снабдил нас перевязочными материалами, обеззараживающими составами и прочим, а потом отвел в импровизированный госпиталь. При виде нас зулусы приободрились. Однако белые солдаты, стоявшие за ограждением, что отделяло нас от них, пытались убедить нас не помогать раненым. А когда мы не подчинились, пришли в ярость и стали бранить зулусов.

Постепенно я установил контакт с этими солдатами, и они перестали нам мешать. Среди командиров были полковник Спаркс и полковник Уайли, которые были моими недоброжелателями в 1896 году. Их удивил мой нынешний подход к делу, они пришли ко мне и поблагодарили. Затем меня представили генералу Маккензи. Пусть только читатель не думает, что речь идет о профессиональных военных. Полковник Уайли был известным в Дурбане

адвокатом, а полковник Спаркс — столь же известным дурбанским владельцем мясной лавки. Генерал Маккензи был богатым фермером в Натале. Все эти джентльмены записались в добровольцы, прошли военное обучение и приобрели некоторый опыт.

Зулусы, о которых нам нужно было позаботиться, не были ранены в боях. Часть из них арестовали по подозрению в чем-либо. Генерал приговорил их к жестокой порке. Плеhti оставили на их телах глубокие отметины, а поскольку несчастными никто не занимался, появились нагноения. Остальные зулусы вообще считались сторонниками англичан. Но хотя им выдали особые значки, чтобы отличать от «врагов», солдаты стреляли в них по ошибке.

Я не только присматривал за зулусами, но и готовил и раздавал лекарства белым солдатам. Это было достаточно легко, поскольку, если читатель помнит, я целый год проработал в маленькой больнице доктора Бута. Вот так я вновь поневоле стал близко общаться со многими европейцами.

Наш корпус был приписан к подвижной колонне. Нам отдавали приказ немедленно выдвигаться туда, где возникала опасность. Сопровождали мы в основном конную пехоту. Когда мы перемещались куда-либо, приходилось идти за колонной пешком, неся на плечах носилки. Два или три раза мы покрывали по сорок миль в день. Но куда бы мы ни направлялись, я всегда был только благодарен за богоугодное служение. Мы несли на себе случайно раненных друзей-зулусов и заботились о них, точно сиделки.

25. В ПОИСКАХ

«Восстание» зулусов стало для меня совершенно новым опытом и заставило о многом задуматься. Даже конфликт с бурами не показал мне так живо ужасы войны, как этот мнимый «бунт». Это была и не война вовсе, а настоящая

охота на людей. Причем так думал не только я. Мое мнение разделяли многие англичане, с которыми мне доводилось беседовать. Слышать каждое утро, как солдатские ружья издают звуки, подобные взрывам хлопушек, в хижинах ни в чем не повинных людей и жить в состоянии постоянного напряжения было поистине мучительно. Но приходилось глотать эти горькие пилюли. Спасало то, что работа нашего санитарного корпуса состояла главным образом в заботе о раненых зулусах. Я понимал, что никто, кроме нас, о них не позаботится. Вот почему эта работа стала большим утешением.

Но задумываться заставляло и многое другое. Мы находились в малонаселенной части страны. На большом расстоянии друг от друга среди холмов были разбросаны примитивные краали* «нецивилизованных» зулусов, как их называли. Шагая с ранеными на носилках или без них по этим торжественным пустынным местам, я часто погружался в размышления.

А размышляя я о брахмачарье и ее последствиях, и уверенность моя все росла. Мы обсуждали эту тему в кругу моих товарищей. Я еще не понимал тогда, что брахмачарья необходима для того, кто жаждет самореализации, но уже сознавал, что тот, кто искренне стремится служить человечеству, не может обойтись без нее. Я понял, что мне следует искать все новые и новые возможности служения людям, а добиться своей цели, ограничившись лишь радостями семейной жизни, рождением детей и их воспитанием, нельзя.

Одним словом, я не мог жить, руководствуясь одновременно желаниями плоти и желаниями духа. Взять, к примеру, нынешнюю ситуацию. Я бы ни за что не бросился в самую гущу бойни, если бы жена ждала ребенка. Без со-

* Крааль — особый тип сельского поселения скотоводческих народов Южной и Восточной Африки.

блюдения брахмачарьи служение семье стало бы несовместимо со служением обществу. Благодаря брахмачарье они оказывались прекрасно совместимыми.

Раздумывая подобным образом, я вдруг почувствовал сильное желание как можно скорее дать окончательный обет. Эта мысль воодушевила меня. Мое воображение немедленно разыгралось, и я узрел неограниченные возможности служения.

Пока я целиком отдавался напряженной физической и умственной работе, пришло сообщение, что подавление «восстания» почти закончено и наш корпус будет в ближайшее время расформирован. Через несколько дней так и произошло, и нас отпустили домой.

Вскоре я получил письмо от губернатора, в котором он особо поблагодарил меня за проделанную нашим санитарным корпусом работу.

Приехав в Феникс, я сразу же побеседовал о брахмачарье с Чхаганлалом, Маганлалом, Уэстом и всеми остальными. Идея им понравилась, и они признали необходимость обета, но напомнили и о трудностях, связанных с ним. Некоторые смело начали блюсти его, а кому-то, насколько я знаю, даже удалось успешно справиться с возникшими сложностями.

Сам я сделал решительный шаг — дал клятву соблюдать брахмачарью всю оставшуюся жизнь. Должен признать, что я тогда не в полной мере понимал всю необъятность и мощь взятого на себя обязательства. Даже сегодня я порой сталкиваюсь с трудностями, однако важность этого обета становится все более очевидной для меня. Существование без брахмачарьи видится мне пустым и почти животным. Человек с грубым характером не умеет сдерживаться, а ведь настоящим человека делает именно способность к воздержанию. То, что прежде казалось мне чрезмерным восхвалением брахмачарьи в наших религиозных книгах, теперь кажется абсолютно уместным и оправданным.

Я понял, что в брахмачарье скрыта колоссальная сила; этому обету сложно следовать, и он уж точно затрагивает не только саму плоть. Да, брахмачарья начинается с физического воздержания, но не заканчивается им. Совершенная брахмачарья устраняет всякую грешную мысль. Истинный брахмачари не станет и задумываться об удовлетворении похоти — если же он пока не преуспел в этом, ему предстоит пройти еще очень долгий путь.

Для меня даже простое физическое воздержание оказалось сложной задачей. Теперь я могу сказать, что чувствую себя в безопасности, но я все еще не полностью стал хозяином своих мыслей, а это очень важно. Не то чтобы мне не хватало силы воли или я не делал попыток. Мне просто все еще непонятно, откуда возникают губительные мысли. Я не сомневаюсь, что где-то существует замо́к, на который их можно закрыть, но каждый должен найти его самостоятельно. Святые и ясновидящие оставили нам в наследство свой опыт, но не смогли указать универсальный и безошибочный способ.

Совершенство и свобода от ошибок приходят к нам свыше, и потому те, кто искал путь к Богу, оставили нам мантры — такие, как Раманама, — вдохновленные их собственными аскетизмом и чистотой. Если нет смирения перед Его милостью, абсолютная власть над мыслями невозможна. Это учение можно найти в любой великой религиозной книге, и я осознаю его истинность во всякий момент моих попыток достичь совершенства в брахмачарье.

Однако я еще вернусь к рассказу о моих устремлениях и борьбе с самим собой в следующих главах. А эту главу закончу кратким описанием того, как я начал выполнять свою задачу. Поначалу соблюдение обета показалось мне совсем несложным. Во-первых, я перестал делить постель с женой и стал избегать всякой интимности в отношениях с ней.

Вот так брахмачарья, которую я волей-неволей соблюдал с 1900 года, была окончательно скреплена обетом в середине 1906-го.

26. ЗАРОЖДЕНИЕ САТЯГРАХИ

Сложилось так, что события в Йоханнесбурге сделали мое самоочищение подготовительным этапом на пути к сатьяграхе. Сейчас я понимаю, что к ней вели все основные события моей жизни, а кульминацией их стала брахмачарья. Принцип, названный сатьяграхой, появился до того, как это название было найдено. Более того, когда он уже возник, я и сам еще не понимал полностью, в чем его суть. Чтобы описать это явление на гуджарати, приходилось использовать английское сочетание «пассивное сопротивление». Но, общаясь с европейцами, я обнаружил, что термин «пассивное сопротивление» чересчур узок, что под ним понимают оружие слабых, что-то, что проистекает из ненависти и что должно в конечном счете неизбежно вылиться в открытое насилие. Мне приходилось разубеждать людей и разъяснять истинную природу возникшего в рядах индийцев движения. Конечно, нам было необходимо новое слово для обозначения нашей борьбы.

Но как я ни старался, ничего не приходило мне в голову, и тогда мы объявили конкурс среди читателей «Индиан опиньон» на лучшее название. Маганлал Ганди придумал слово «сатаграха» (*сат* — правда, *аграха* — твердость) и получил приз. Для большей ясности я слегка изменил слово на «сатьяграха», и с той поры оно вошло в язык гуджарати в качестве обозначения этой борьбы.

История сатьяграхи в ее практических аспектах совпадает с историей моей дальнейшей жизни в Южной Африке и особенно моих экспериментов с истиной на этом континенте. Основную часть этой истории я написал в Йервадской тюрьме и закончил уже после освобождения. Она

публиковалась в «Навадживане», после чего издавалась отдельной книгой. Валджи Говинджи Десаи взялся перевести ее на английский язык для журнала «Каррент Сот». Сейчас я готовлю отдельное англоязычное издание, чтобы дать возможность ознакомиться с историей моей борьбы в Южной Африке всем желающим. Тем, кому этот труд еще не знаком, я бы рекомендовал обратиться к истории сатьяграхи в Южной Африке. Здесь я не стану повторять уже написанное, однако несколько следующих глав будут посвящены событиям моей личной жизни в Южной Африке, о которых не упоминалось ранее. Кроме того, я попытаюсь рассказать читателю о моих экспериментах в Индии. А потому те, кто желает познакомиться с моими опытами в строго хронологическом порядке, поступят правильно, если положат перед собой историю сатьяграхи в Южной Африке.

27. НОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ПИТАНИЕМ

Я горячо желал соблюдать принципы брахмачарьи в мыслях, словах и делах, а также хотел уделять максимум своего внимания сатьяграхе и готовил себя к этому с помощью самоочищения. Необходимо было внести дополнительные изменения в свою жизнь, и я стал еще больше ограничивать себя в еде. Прежде я экспериментировал с питанием больше из гигиенических соображений, теперь же все дело было в религии.

Посты и ограничения в питании стали очень важны для меня. Дело в том, что желание насладиться вкусной едой обычно сопровождает прочие человеческие страсти. Так было и в моем случае. Пытаясь умерить свой аппетит и контролировать страсть, я столкнулся с многочисленными трудностями, но даже и сейчас не могу утверждать, что полностью преодолел их. Я был чревоугодником. То, что друзья считали умеренностью, мне самому никогда не

казалось таковым. Если бы я не ограничил себя тогда, я бы опустился ниже любого животного и давно бы уже погиб. Однако поскольку я вполне сознавал свои недостатки, я приложил все возможные усилия, чтобы избавиться от них, и благодаря работе над собой я многие годы поддерживал в порядке свое тело и мог справляться с большими объемами порученной мне работы.

Понимание своей слабости и неожиданная встреча с людьми, придерживающимися тех же взглядов, способствовали тому, что я начал питаться только фруктами, поститься в день экадаши, джанмаштами* и по другим праздникам.

Я начал с фруктов, но с точки зрения самоограничения не видел особой разницы между фруктовой диетой и питанием разного рода крупами. Я понял, что по-прежнему возможно объедаться как в первом, так и во втором случае, причем во втором даже сильнее, стоит только привыкнуть к такой еде. Поэтому я стал придавать большее значение постам или приему пищи всего один раз в день по праздникам, и, если появлялась возможность таким образом покаяться, с радостью прибегал к ней.

Кроме того, я убедился, что, когда тело истощается быстрее и больше, пища доставляет более сильное удовольствие, а аппетит растет. Я понял, что пост может не только укрощать желания человека, но и подстегивать их. Многочисленные проделанные мной позже опыты, а также опыты других людей лишь подтвердили этот поразительный факт. Я стремился улучшить свое тело, приучить его к суровой дисциплине, но, поскольку отныне я стремился к самоограничению и победе над чревоутодией, я выбирал сначала один продукт, затем другой, постепенно уменьшая количество каждого. Однако желание наслаждаться вкусом

* Джанмаштами (или Кришна-джанмаштами) — день рождения Кришны, один из основных религиозных праздников в индуизме.

пищи преследовало меня, как и прежде. Когда я исключал из своего рациона один продукт и заменял его другим, последний доставлял мне новое и большее наслаждение.

В этих экспериментах вместе со мной участвовали несколько товарищей, но в первых рядах был Герман Калленбах. Я уже писал об этом моем друге в истории сат্যাграхи в Южной Африке и не стану вновь повторять написанное. Мистер Калленбах неизменно был рядом со мной во время моих постов и когда моя диета менялась. Я жил вместе с ним в его доме, когда сат্যাграха достигла своего пика. Мы обсуждали изменения в питании, и каждая новая диета приносила нам больше удовольствия, чем прежняя. Беседы подобного рода в те дни мне нравились, и я не считал их неуместными. Но затем опыт подсказал мне, насколько неверно заострять внимание на наслаждении пищей. Человек должен есть не для того, чтобы удовлетворить желудок, а для того, чтобы поддерживать жизненные силы. Когда каждый орган чувств служит телу, а через тело — душе, то это неправильное наслаждение исчезает, и весь организм начинает функционировать так, как было задумано природой.

Сколько бы экспериментов ни было, их всегда недостаточно, ни одна принесенная жертва не чрезмерна для достижения идеала. Но, к сожалению, в наши дни многие выбирают противоположное течение. Мы несколько не стыдимся, когда приносим в жертву великое множество других живых существ, чтобы усладить свое бренное тело, и стараемся продлить наслаждение на несколько мимолетных мгновений, а в результате убиваем сами себя. Причем губим и тело, и душу. В стремлении излечить одну застарелую болезнь мы порожаем сотни новых. Желая получить чувственное наслаждение, мы в конце концов утрачиваем саму способность наслаждаться. Все это происходит на наших глазах, но никто не бывает настолько слеп, как человек, который не желает ничего видеть.

Итак, я рассказал здесь о целях своих экспериментов с питанием и том ходе размышлений, который привел меня к ним, и теперь предлагаю подробнее побеседовать об этих экспериментах.

28. ХРАБРОСТЬ КАСТУРБАЙ

Трижды в своей жизни моя жена едва избежала смерти от серьезных заболеваний. Излечению способствовали домашние средства. Во время первой атаки ее болезни сатяграха уже началась или вот-вот должна была начаться. У жены открылись частые и обильные кровотечения. Один из врачей, друживших с нашей семьей, предложил хирургическую операцию, на которую Кастурбай не без некоторого колебания согласилась. Поскольку жена была крайне истощена, доктору пришлось делать операцию без хлороформа. Операция прошла успешно, но жена сильно страдала, хотя и прошла через все с удивительным мужеством. Доктор и его супруга, выхаживавшая ее, уделили ей все свое внимание. Дело было в Дурбане. Врач дал мне разрешение отбыть в Йоханнесбург, сказав, что я могу не тревожиться за больную.

Однако уже через несколько дней я получил письмо, в котором сообщалось об ухудшении состояния Кастурбай. Она стала слишком слаба, чтобы даже просто сидеть в постели, а однажды потеряла сознание. Доктор знал, что не может без моего согласия давать ей вино или мясо, а потому позвонил мне в Йоханнесбург, спрашивая разрешения поить ее мясным бульоном. Я ответил, что не могу сам разрешить ему этого, но, если она способна здраво выразить свои желания, врач должен побеседовать с ней, а уже она вольна поступать по своему разумению. Доктор возразил:

— Я отказываюсь беседовать с пациенткой о ее желаниях в данном случае. Вы должны приехать сами. И если

вы не позволите мне назначить ей необходимую, по моему мнению, диету, то я отказываюсь нести ответственность за жизнь вашей жены.

В тот же день я сел в поезд, следующий в Дурбан, и встретился с врачом, который спокойно сообщил мне такую новость:

— Прежде чем позвонить вам, я уже дал миссис Ганди мясного бульона.

— Но, доктор, я не могу назвать это иначе, как обманом, — сказал я.

— Ни о каком обмане не может быть и речи, когда назначаешь пациенту лекарство или диету. Более того, мы, медики, считаем порой правильным прибегать к такому невинному обману пациентов или их родственников, если на кону стоит жизнь, — решительно ответил мне врач.

Я был глубоко уязвлен, но сохранял хладнокровие. Доктор был хорошим человеком и моим другом. Я был в долгу перед ним и его женой, но не мог смириться с его врачебной этикой.

— Скажите мне, доктор, что вы предлагаете сделать сейчас? Я никогда не позволю жене есть мясо, пусть даже это приведет к ее смерти! Она станет делать это, только если сама пожелает.

— Можете продолжать философствовать, но я повторю, что, пока ваша жена лечится у меня, я должен иметь возможность давать ей все, что посчитаю нужным. Если вам это не нравится, я с сожалением попрошу вас перевезти ее в другое место. Я не смогу спокойно смотреть, как она умирает под крышей моего дома.

— Вы имеете в виду, что я должен забрать ее отсюда немедленно?

— Разве я так выразился? Мне только хотелось бы получить свободу и лечить ее по своему усмотрению. Имея такую свободу, мы с женой сделаем все, что от нас зависит, а вы сможете вернуться к делам, больше не тревожась. Но

если вы не понимаете столь простых вещей, то мне придется просить вас увезти вашу жену из моего дома.

Насколько помню, со мной тогда был один из моих сыновей. Он полностью согласился со мной и тоже заявил, что его матери следует отказаться от бульона. Затем я поговорил с самой Кастурбай. Хотя она действительно оказалась слишком слаба, чтобы беседовать на эту тему, я посчитал своим печальным долгом спросить ее мнение. Я рассказал ей обо всех разногласиях между мной и доктором. Она дала мне решительный ответ:

— Я не стану есть мясной бульон. Это редкое счастье в нашем мире — родиться человеческим существом, и я скорее умру у тебя на руках, чем отравлю свое тело подобной мерзостью.

Мне пришлось даже умолять ее, сказать, что она не обязана во всем следовать моему примеру. Я рассказал ей о некоторых индусских друзьях и знакомых, не считавших зазорным употреблять вино и мясо в качестве лекарственных средств. Но она твердо стояла на своем.

— Нет, — сказала она, выслушав меня. — Пожалуйста, увези меня отсюда как можно скорее.

Я был только рад этому. Не без волнения я принял решение забрать ее домой. Потом поставил в известность врача. Он в сердцах воскликнул:

— Какой же вы бессердечный человек! Вам нужно стыдиться того, что стали обсуждать с ней этот вопрос в ее нынешнем состоянии. Скажу больше: ваша жена сейчас слишком слаба, чтобы перевозить ее. Опасно даже малейшее движение. Не удивлюсь, если она умрет в дороге. Но если настаиваете, то будь по-вашему. Без возможности давать ей мясной бульон я не могу оставить ее у себя ни на один день.

Таким образом мы решили покинуть его дом сразу же. Шел мелкий дождь, а станция находилась достаточно далеко. Нам было необходимо доставить жену поездом из

Дурбана на станцию «Феникс», откуда до поселения оставалось преодолеть по дороге еще две с половиной мили. Несомненно, я шел на очень большой риск, но доверился Богу и решил твердо держаться своего решения. Я отправил вперед посыльного в Феникс и попросил Уэста встретить нас на станции с гамаком, бутылкой горячего молока и горячей воды. Ему следовало привести с собой шестерых мужчин, дабы переносить Кастурбай в гамаке. Затем я нанял рикшу, чтобы он привез нас к ближайшему поезду, и положил жену в коляску, понимая, насколько хрупко ее состояние. Наконец, мы двинулись в путь.

Кастурбай не нуждалась в ободрении. Напротив, она сама пыталась успокоить меня и сказала:

— Со мной ничего плохого не случится. Не стоит так переживать.

От нее остались кожа да кости, поскольку она не получала нужного питания несколько дней. Платформа станции оказалась очень длинной. Рикша не мог попасть на нее, так что пришлось пройти какое-то расстояние пешком до поезда. Я перенес жену на руках и уложил ее в купе. От станции «Феникс» мы несли ее в гамаке, а в поселении она постепенно обрела силы благодаря сеансам гидропатического лечения.

Через два или три дня после нашего прибытия в Феникс к нам в гости зашел свами. Он услышал о том, как решительно мы отвергли советы врача, и посчитал своим долгом не просто выразить нам сочувствие, но и переубедить нас. Мои второй и третий сыновья, Манилал и Рамдас, насколько помню, были дома, когда появился свами. Он заявил, что религия не запрещает употреблять в пищу мясо, и принялся цитировать отрывки из «Ману». Мне совсем не понравились его речи, которые он произносил в присутствии моей жены, но из вежливости я терпеливо выслушал его. Я и сам хорошо знал стихи из «Манусмрити», однако они не могли повлиять на мое решение. Я также

знал и о другом: некоторые религиозные школы полагают, что эти стихи были добавлены в текст «Манусмрити» позже, но даже если это было и не так, мои взгляды на вегетарианство сформировались независимо от религиозных писаний. Вера Кастурбай тоже оставалась непоколебимой. Священные тексты были ей недоступны, но она довольствовалась традиционной религией своих предков. Дети разделяли веру отца и не поверили свами. Но Кастурбай почти сразу положила конец дискуссии.

— Свамиджи, — сказала она, — что бы вы ни утверждали, я не желаю поправляться благодаря мясному бульону. Пожалуйста, прекратите беспокоить меня. Можете продолжать спорить с моим мужем и сыновьями, если вам угодно. Но я приняла окончательное решение.

29. СЕМЕЙНАЯ САТЬЯГРАХА

Впервые я угодил за решетку в 1908 году и заметил, что некоторые обязательные правила для заключенных оказались совсем такими же, как те, которые добровольно соблюдает брахмачари, то есть человек, желающий воздерживаться. Таким, например, было правило о том, что последний прием пищи должен заканчиваться до захода солнца. Ни индийским, ни африканским заключенным не давали чая или кофе. Они могли по желанию добавлять соль в еду, но больше не получали ничего, что могло бы заметно улучшить вкус блюда, — например, специй. Когда я попросил тюремного врача давать нам порошок карри, а соль добавлять в пищу, пока она еще готовится, он сказал:

— Вы здесь не для того, чтобы вкусно есть. С точки зрения здоровья в карри нет необходимости, и нет никакой разницы, добавляется ли соль во время или после приготовления еды.

В конечном счете эти ограничения претерпели существенные изменения, хотя и не без сложностей, но оба ока-

зались полезными для воздержания. Запреты, наложенные кем-то со стороны, редко бьют точно в цель, но, если человек ограничивает себя самостоятельно и добровольно, такие запреты действуют на него благотворно. А потому сразу после освобождения я отказался от чая и взял себе за правило есть строго до заката. Теперь это оказалось несложно.

Случилось так, что мне пришлось сознательно отказаться от соли сразу на десять лет. В одной из книг по вегетарианству я прочитал, что соль не является необходимой частью еды и, напротив, бессолевая диета гораздо полезнее для здоровья. Я подумал, что на брахмачари она влияет положительно. Кроме того, я прочитал и понял, что те, кто слаб телом, должны избегать бобовых. А мне они очень нравились.

Затем у Кастурбай, здоровье которой едва начало улучшаться после операции, снова начались кровотечения, и недуг упорно не хотел отступать. Одна только гидропатия не помогала. Жена не слишком-то верила в мое лечение, хотя и не противилась ему. Впрочем, она не просила и помощи со стороны. А потому, когда все мои методы оказались бесполезными, я стал уговаривать ее отказаться от соли и бобов. Она не соглашалась, как я ни умолял ее, ссылаясь на авторитетных людей. В конце концов жена прямо заявила, что я и сам не отказался бы от этих продуктов, если бы кто-то посоветовал. Я был и уязвлен, и обрадован — обрадован потому, что мог показать ей всю силу своей любви. Я сказал ей:

— Ты ошибаешься. Если бы я постепенно слабел от болезни и врач посоветовал мне отказаться от этих или каких-либо других продуктов, я бы с пониманием подчинился. Но послушай! Без всяких рекомендаций медиков я прекращаю употреблять в пищу соль и бобы на год, и неважно, последуешь ты моему примеру или нет.

Она была заметно удивлена моими словами и воскликнула с глубоким сожалением:

— Пожалуйста, прости! Зная твой характер, я не должна была провоцировать тебя. Обещаю отказаться от этих продуктов, но и ты, ради всего святого, откажись от своего нового обета. Это слишком тяжело для меня.

— Тебе необходимо перестать есть соль и бобы. Уверен, что без них ты почувствуешь себя гораздо лучше. Что касается меня, то я не могу отказаться от принятого обета. Он наверняка будет полезен для меня, поскольку всякое ограничение, какой бы ни была его причина, приносит человеку пользу. Поэтому не проси ни о чем. Для меня это станет испытанием, а для тебя — моральной поддержкой.

И она перестала уговаривать меня.

— Ты слишком упрям. Никого не станешь даже слушать, — сказала она и нашла утешение в слезах.

Мне бы хотелось трактовать произошедшее как проявление сатъяграхи. Этот случай стал для меня одним из самых приятных воспоминаний.

После этого Кастурбай начала быстро поправляться. Стало ли ее выздоровление возможным благодаря бессолевой диете, отказу от бобов и другим последовательным изменениям в ее питании, или плоды принесло мое неустанное наблюдение за точным выполнением прочих жизненных правил, или, может, все дело было в духовном пробуждении, вызванном происшедшим (и если так, то до какой степени) — не знаю. Но она поправилась, кровотечения полностью прекратились, а я лишь укрепил свою репутацию хорошего знахаря.

Мне новые ограничения тоже принесли определенную пользу. Я никогда не жалел об отказе от соли и бобов. Стремительно пролетел год, и я обнаружил, что мои чувственные желания значительно притупились. Эксперимент помог развить склонность к самоограничению, и я продолжал воздерживаться от употребления в пищу соли и бобов еще долгое время после возвращения в Индию. Только однажды случилось так, что я отступил. Это про-

изошло в Лондоне в 1914 году. Но об этом и о том, как я вернулся к указанным продуктам, я расскажу в одной из последующих глав.

В Южной Африке я испробовал бессолевую диету и диету без бобов на многих своих товарищах, и это принесло хорошие результаты. С медицинской точки зрения есть два мнения относительно ценности такой диеты, но, если говорить о морали, я не сомневаюсь, что любое самоограничение полезно для души. Питание человека, ограничивающего себя, должно отличаться от питания того, кто стремится получать удовольствие от еды. Точно так же разными должны быть образы жизни этих двух людей. Человек, который хочет соблюдать брахмачарью, часто не достигает своей цели именно потому, что сбивается и выбирает путь, ведущий к наслаждению.

30. СТРЕМЛЕНИЕ К САМООГРАНИЧЕНИЮ

В предыдущей главе речь шла о том, как я внес некоторые изменения в мое питание из-за болезни Кастурбай. Позже я снова стал менять свой рацион с тем, чтобы поддерживать обет брахмачарьи.

Во-первых, я отказался от молока. От Райчандбхая я узнал, что молоко стимулирует животные страсти. Книги по вегетарианству подтверждали это, но, пока я не принял обет брахмачарьи, я не мог решиться перестать пить молоко. Я давно убедился, что оно не является необходимым продуктом для поддержания сил, и все же отказаться от него было сложно. Пока я только начинал осознавать необходимость такого отказа ради самоограничения, мне попались в руки книги из Калькутты, в которых описывалось, как пытали коров и буйволиц их хозяева. Я был поражен и решил обсудить эту тему с мистером Калленбахом.

Хотя я уже рассказал читателям о мистере Калленбахе в книге по истории сатьяграхи в Южной Африке и ссылал-

ся на него в предыдущих главах автобиографии, я считаю необходимым сказать кое-что еще. Познакомились мы совершенно случайно. Он был другом мистера Хана, а поскольку последний считал его очень необычным человеком, он решил представить Калленбаха мне.

Когда я встретил его, я был поражен его любовью к роскоши и экстравагантностью. Уже во время нашей самой первой встречи он с любопытством начал задавать мне вопросы о религии. Мы поговорили и о самоотречении Будды Гаутамы. Знакомство скоро переросло в близкую дружбу. Причем оказалось, что мы мыслим почти одинаково. Он осознал необходимость внести в свою жизнь те же изменения, какие и я внес в мою.

В то время он еще оставался холостяком и тратил на себя тысячу двести рупий в месяц, не считая платы за аренду дома. Теперь он значительно упростил свой быт, и его расходы сократились до ста двадцати рупий в месяц. После того как я отказался от своего хозяйства и освободился из тюрьмы, мы поселились вместе. Мы вели достаточно суровый образ жизни.

Именно в это время мы побеседовали о молоке. Мистер Калленбах сказал:

— Мы часто говорим о вреде молока, но почему же тогда не отказываемся от него? В нем совершенно точно нет никакой необходимости.

Его мысль приятно удивила меня, и я охотно с ней согласился, после чего мы оба дали обет впредь не пить молока. Это произошло на ферме Толстого* в 1912 году.

Но даже такого ограничения оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить меня. Вскоре после этого я принял решение питаться исключительно фруктами, причем моя

* Ферму Толстого купил и назвал так под глубоким впечатлением от личности и творчества великого русского писателя Герман Калленбах в 1910 году. Ферма находилась недалеко от Йоханнесбурга и просуществовала до 1913 года.

новая диета состояла из самых дешевых фруктов, которые можно было найти на рынке. Мы хотели вести такой образ жизни, какой ведут самые бедные люди.

Фруктовая диета оказалась еще и очень удобной. Можно было больше не готовить. В наш рацион входили арахис, бананы, финики, лимоны и оливковое масло.

Здесь я просто обязан предостеречь всех, кто стремится к соблюдению брахмачарьи. Хотя я и проследил связь между питанием и брахмачарьей, я также понял, что важнейшую роль здесь играет человеческий ум. Грязные мысли нельзя искоренить никакими постами, и изменения в диете не окажут на отравленное подобными мыслями сознание существенного влияния. От мысленных страстей можно избавиться только с помощью тщательного самоанализа, покорившись Богу и, конечно же, творя молитву. Существует тесная связь между умом и телом: приземленный ум будет всегда хотеть деликатесов и роскоши. Чтобы преодолеть эту тягу, нужно ограничить свой рацион и соблюдать пост. Чувственный ум вместо того, чтобы контролировать желания, становится их рабом, а потому человеческое тело нуждается в чистой, не возбуждающей страстей пище и периодических постах.

Те, кто легкомысленно относится к ограничениям в еде и постам, совершают столь же большую ошибку, как и те, кто делает ставку исключительно на них. Опыт научил меня, что для человека, чьи мысли направлены исключительно на воздержание, строгое соблюдение диеты и постов будет очень полезным. Более того, без них невозможно полностью избавиться от похоти.

31. ПОСТЫ

Примерно в то же время, когда я отказался от молока и круп и начал придерживаться фруктовой диеты, я стал поститься, считая это еще одним средством самоограни-

чения. Ко мне присоединился мистер Калленбах. Прежде я уже держал пост, но главным образом ради укрепления здоровья. О том, что посты полезны для воздержания, я узнал от одного своего друга.

Рожденный в семье вишнуитов матерью, постоянно соблюдавшей самые тяжелые обеты, я постился в Индии в день экадаши и прибегал к некоторым другим постам, но таким образом лишь подражал матери и хотел порадовать родителей.

Тогда я не понимал и не верил, что посты могут быть столь эффективны. Но, заметив, что вышеупомянутый друг соблюдает их с пользой для себя, я последовал его примеру и начал держать пост на экадаши в надежде облегчить соблюдение обета брахмачарьи. Как правило, индусы позволяют себе в постный день молоко и фрукты, но такой пост я уже и так держал ежедневно. И потому теперь, постясь, позволял себе лишь пить воду.

Когда я приступил к эксперименту, индусский месяц шраван и исламский рамадан совпали по времени. Семья Ганди давала не только вишнуитские, но и шиваитские обеты, а также посещала шиваитские храмы, кроме собственно вишнуитских. Некоторые члены семьи соблюдали прадоша* в течение всего месяца шраван. Я решил поступать точно так же.

Эти важные эксперименты проводились на ферме Толстого, где мистер Калленбах и я жили вместе с несколькими семьями *сатьяграхов*, участников сатьяграхи. Были там и молодые люди, и дети. Для детей мы открыли школу. Среди подростков было четверо или пятеро мусульман. Я постоянно помогал им соблюдать все религиозные обряды, следил за тем, чтобы у них была возможность совершать ежедневный намаз. Молодежь из числа христиан

* Прадоша — пост, длящийся до наступления вечера.

и парсов я тоже считал своим долгом побуждать к соблюдению всех религиозных обрядов.

Я убедил молодых мусульман держать пост в течение всего рамадана. Разумеется, я и сам держал прадоша, но теперь предложил молодым индусам, парсам и христианам присоединиться ко мне. Я объяснил им, насколько это хорошо — стремиться к самоотречению вместе с другими людьми. Многие обитатели фермы поддержали мое предложение. Юные индусы и парсы не подражали мусульманам во всем, поскольку это было и не нужно. Мусульманам приходилось ждать своего завтрака до захода солнца, а остальным не требовалось поступать так, и потому у них освобождалось время, чтобы приготовить вкусную еду для своих мусульманских друзей. Точно так же индусы не обязаны были составлять мусульманам компанию, когда те принимали пищу после захода солнца, и, конечно, все, за исключением мусульман, позволяли себе пить воду.

В результате подобных экспериментов наша молодежь сумела осознать всю пользу постов. В этих молодых людях выработался превосходный *esprit de corps**.

На ферме Толстого все без исключения придерживались вегетарианской диеты, уважая, как я должен с признательностью отметить, мои убеждения. Мусульманские молодые люди, должно быть, скупали по мясу во время рамадана, но ни один из них ни разу не намекнул мне на это. Они довольствовались вегетарианскими блюдами, а молодые индусы часто готовили для них вегетарианские кушанья, которые соответствовали нашей простой жизни на ферме.

Я намеренно отклонился здесь от основной темы главы, ведь нигде больше не смог бы поделиться столь приятными для меня воспоминаниями. Кроме того, я вскользь упомянул одну из присущих мне особенностей: я всегда

* Боевой дух (*фр.*).

любил привлекать соратников ко всему, что казалось мне полезным. В данном случае пост стал для них чем-то новым. Благодаря постам прадоша и рамадан я смог легко убедить их в том, что пост необходим, поскольку является эффективным средством самоограничения.

Атмосфера самоограничения естественным образом установилась на ферме. Все ее обитатели теперь начали присоединяться к нам и держать частичный или полный пост, что, как я уверен, пошло им только на пользу. Не могу точно сказать, насколько глубоко самоограничение затронуло их сердца и помогло ли им в стремлении побороть свои чувственные желания. Как бы то ни было, я сам получил большую пользу, как физическую, так и духовную. Впрочем, я знаю также и то, что посты и другие подобные средства самоограничения не могут оказывать одинаковое влияние на всех.

Пост поможет усмирить животные страсти, только если он соблюдается ради самоограничения. Некоторые из моих друзей, например, обнаружили, что посты, напротив, стимулировали их низменные страсти и аппетит. Пост бессмыслен, если не сопровождается непрерывным умственным стремлением к самоограничению. В связи с этим уместно вспомнить знаменитые строки из второй главы «Бхагавадгиты»:

Коль человек постом одолевает свои желания,
То внешние чувственные предметы исчезают,
Оставляя лишь смутную тоску.
Но если он узрел Всевышнего,
То исчезает даже прежняя тоска.

Посты и подобные им средства нацелены, таким образом, на самоограничение, но это далеко не все, и если физический пост не сопровождается постом духовным, то он может считаться лишь притворством и непременно закончится катастрофой.

32. В РОЛИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

Читатель, я надеюсь, помнит о том, что в этих главах я описываю многое, о чем не упомянул совсем или упомянул вскользь в своей работе по истории сатяграхи в Южной Африке. И если он действительно помнит об этом, то легко проследит связь между последними главами.

По мере того как население фермы увеличивалось, возникла необходимость позаботиться об образовании детей. Среди них были мальчики из семей индусов, мусульман, парсов и христиан, а также несколько девочек-индусок. У нас не было возможности (а я и не считал это важным) нанять для них профессиональных учителей. Возможности не было потому, что квалифицированных индийских учителей вообще было очень мало, и даже те, к кому мы могли обратиться, не желали отправиться в место, расположенное в двадцати одной миле от Йоханнесбурга, на весьма скромное жалованье. Мы не располагали лишними средствами. Как мне казалось, не было необходимости привозить на ферму учителей со стороны еще и потому, что я не питал доверия к официальной системе образования и надеялся на основе нового опыта и с помощью экспериментов найти более правильный подход. Уверен я был в одном: в идеальных условиях подлинное образование детям могли дать только их родители с минимальной посторонней помощью. Обитатели фермы Толстого стали единой семьей, в которой я был отцом, а посему я обязан был взять на себя ответственность за обучение детишек.

Несомненно, подобная концепция не была лишена изъянов. Все эти дети не жили со мной с раннего возраста, воспитывались в разных условиях и в окружении разных людей и даже не принадлежали к одной религии. Как мог я по достоинству оценить каждого из них в этих новых условиях, пусть даже я и был теперь отцом большого семейства?

Но поскольку я всегда ставил во главу угла духовную культуру и выработку характера, поскольку был уверен в том, что нравственное образование в одинаковой степени доступно всем, независимо от возраста и воспитания, то принял решение оставаться с молодыми людьми двадцать четыре часа в сутки как их истинный отец. Я считал выработку характера фундаментом любого образования, и если фундамент этот закладывается на совесть, то остальному, по моему мнению, дети могут научиться самостоятельно или с помощью друзей.

Однако, признавая необходимость дать молодым людям общее образование, я начал вести занятия в классах, опираясь на помощь Калленбаха и Прагджи Десаи. Точно так же я не позволял себе недооценивать важность физического воспитания. Дети получали его, выполняя свои повседневные обязанности. На ферме не было прислуги, и всю работу, от приготовления пищи до очистки отхожих мест, делали ее обитатели. Приходилось ухаживать за множеством фруктовых деревьев, заниматься садоводством вообще. Мистер Каллебах любил возиться в саду и приобрел ценный опыт, когда работал в одном из правительственных образцовых садоводческих хозяйств. Все, молодые и пожилые, кто не был занят на кухне, обязательно уделяли время садоводству. Причем дети делали большую часть работы — рыли ямы, рубили деревья и переносили тяжести. Это и было физическими упражнениями. Труд доставлял им удовольствие, и потому они обычно не нуждались в других упражнениях или даже играх. Конечно, иногда кое-кто из них, а порой все сразу притворялись больными и увиливали от работы. В одних случаях я поддавался на их уловки, но в других проявлял строгость. Не скажу, что им она нравилась, но не помню, чтобы они перечили мне. Когда бы ни приходилось быть строгим, я приводил аргументы и убеждал их, насколько неправильно так относиться к работе. Однако убеждение действовало недолго,

и уже скоро они бросали работу и отправлялись играть. И все равно я прекрасно ладил с ними, а они укрепляли себя физически. На ферме очень редко кто-нибудь болел, хотя следует отметить, что этому во многом способствовали свежий воздух, хорошая вода и регулярное питание.

Несколько слов о профессиональном обучении. Я хотел обучить каждого из детей какой-либо простой профессии. Для этого мистер Калленбах отправился в монастырь траппистов и научился делать обувь. Я перенял ремесло у него и сам принялся учить всех желающих. У мистера Калленбаха имелся кое-какой опыт в плотничьем деле, а среди обитателей фермы нашелся еще один специалист в этой области, и мы смогли открыть небольшой учебный класс для будущих плотников. Кроме того, почти все наши дети уже умели готовить пищу.

И тем не менее все это оказалось им в новинку. Они и представить себе не могли, что станут обучаться стольким предметам, потому что стандартное образование, которое получали индийские дети в Южной Африке, сводилось к умению читать, писать и считать.

На ферме Толстого мы взяли себе за правило не просить детей сделать то, чего не стал бы требовать от них учитель, а потому, когда им поручали выполнить какую-либо работу, рядом всегда находился наставник, трудившийся вместе с ними. И чему бы ни обучались дети, учеба доставляла им удовольствие.

Об общем образовании и выработке характера мы еще поговорим в последующих главах.

33. ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В предыдущей главе я показал, как мы попытались дать детям духовное воспитание, а также профессиональное образование на ферме Толстого. Хотя я не был вполне удов-

летворен этим, можно сказать, что мы успешно справились с поставленной задачей.

Дать общее образование оказалось труднее. У меня не было ни ресурсов, ни необходимой литературы. Более того, мне постоянно не хватало времени. Физический труд очень утомлял меня к концу дня, и часто мне приходилось проводить уроки в тот момент, когда я больше всего нуждался в отдыхе. Вместо того чтобы прийти в класс бодрым, я с трудом не позволял себе уснуть. Утром я работал на ферме и хлопотал по хозяйству, а потому школьные занятия могли начинаться только в середине дня, после обеда. Другого времени для уроков попросту не было.

Было решено проводить по три урока в день. Изучались хинди, тамильский язык, гуджарати и урду, причем обучение приходилось вести на родных языках детей. Преподавался также и английский язык. К тому же индусских гуджаратских детей необходимо было хотя бы немного познакомить с санскритом. И, конечно, всем ученикам нужно было дать общие представления об истории, географии и арифметике.

Я попытался преподавать тамильский язык и урду. Некоторые познания в тамильском языке я приобрел во время путешествий и в тюрьме, но мне также очень помог прекрасный учебник Поупа, дальше которого я не продвинулся. Письменный урду я немного усвоил за время одного из морских путешествий, а устно мне приходилось ограничиваться знакомыми персидскими и арабскими словами, услышанными мной от друзей-мусульман. Все мое знание санскрита сводилось к тому, чему я научился в средней школе, и даже мой уровень гуджарати не превосходил обычного школьного.

Вот и весь капитал, с которым мне пришлось приступить к занятиям. По бедности подготовки мои коллеги превзошли меня. Впрочем, любовь к языкам родной страны, уверенность в своих педагогических способностях,

невежество учеников, а также их великодушные помогли мне.

Наши мальчики-тамилы родились уже в Южной Африке, поэтому плохо знали родной язык, а писать не могли и вовсе. Пришлось преподавать им письмо и основы грамматики, что оказалось довольно легко. Ученики знали, что превосходят меня в разговорном тамильском языке, и потому становились моими переводчиками, когда ко мне приходили не знавшие по-английски тамилы. Я радостно справлялся со своими обязанностями, потому что никогда не пытался скрыть от учеников свое невежество. Я всегда был с ними искренним. Вот почему, оставаясь невежественным в языках, я все равно заслужил их любовь и уважение. Немного легче было обучать урду мальчиков-мусульман. Они знали письмо, а мне оставалось только заинтересовать их чтением и поработать над их почерками.

Большая часть детей были неграмотными и невоспитанными. Во время работы я понял, что в общем-то мало чему могу научить их. Я лишь мог бороться с их ленью и следить за занятиями. Так как с этим я неплохо справлялся, я объединил изучавших разные предметы детей различных возрастов в одной комнате.

В учебниках, о которых столько говорят, я никогда не нуждался. Кажется, мы не пользовались даже теми из них, которые имелись в нашем распоряжении. Я не считал нужным перегружать своих школьников пособиями. Я всегда думал, что настоящий учебник для ученика — это его преподаватель. У меня в памяти осталось очень мало из того, чему учителя научили меня по книгам, но я и сейчас живо помню вещи, которым они научили меня независимо от учебников.

Дети воспринимают гораздо больше материала и с меньшим трудом на слух, чем зрительно. С моими учениками мы едва ли прочитали какой-то учебник от корки до корки. Но я смог передать им своими словами все, что почерпнул

из различной литературы, и, смею надеяться, они и сейчас помнят это. Они с трудом запоминали прочитанное в учебниках, но все, о чем я рассказывал им, могли с легкостью затем повторить. Чтение было для них скучной обязанностью, а мои истории — удовольствием, если только я не ошибался и не выбирал неинтересную для них тему. А по тем вопросам, которые они задавали мне потом, я мог понять, насколько они сообразительны.

34. ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Еще труднее было дать мальчикам духовное воспитание. В нем я практически не опирался на религиозные тексты. Разумеется, я полагал, что каждый ученик должен понять основы своей религии и иметь общее представление о памятниках религиозной литературы, а потому, насколько был способен, поделился с детьми этими знаниями. Но я все же считал это частью общего интеллектуального воспитания. Задолго до того, как я взялся за обучение детей на ферме Толстого, я осознал, что духовное воспитание — отдельный предмет. Развитие души — это, прежде всего, выработка характера и поощрение способности каждого человека стремиться к познанию Бога и самопознанию. Мне показалось, что это и есть самое важное в обучении молодых людей, все же прочее обучение без духовной культуры становится бесполезным и даже вредным.

Некоторые ошибочно считают, что самопознание возможно лишь на четвертой ступени жизни, то есть на *санньясе* (самоотречении). Но мы также понимаем, что те, кто откладывает подготовку к этому бесценному опыту до последней ступени, обретают не самопознание, а попросту старость — второе детство человека, которое становится бременем для всех. Прекрасно помню, что придерживался таких взглядов, преподавая в 1911—1912 годах, хотя, быть может, тогда я высказывал их в несколько других выражениях.

Как же дать другим духовное воспитание? Я просил детей заучивать и повторять наизусть псалмы, читал им отрывки из книг о нравственном воспитании. Но все это не удовлетворяло меня. Познакомившись с детьми ближе, я понял, что не посредством книг можно воспитать свой дух. Как для физических тренировок нужны физические упражнения, а для интеллектуальных — интеллектуальные, так и для духовного развития необходимы упражнения духа. Причем духовные тренировки целиком и полностью зависят от образа жизни и характера наставника. Учитель обязан постоянно следить за своим поведением, и неважно, окружен ли он в данный момент учениками или же нет.

Даже находясь далеко от учеников, наставник может влиять на их дух. Если бы я был лжецом, у меня не получилось бы научить мальчиков искренности. Трусливый учитель никогда не сможет показать ученикам пример отваги, а тот, кому чуждо самоограничение, не сумеет объяснить всю его важность и пользу. Я сделал вывод, что должен превратиться в живое пособие для детей. Вот так они сами стали для меня учителями, и я узнал, что обязан жить добродетельно и честно хотя бы ради них. Уверен, что мои дисциплинированность и сдержанность на ферме Толстого были результатом общения с моими юными подопечными.

Один из них обладал необузданным и диковатым нравом, нередко врал и любил ссориться. Однажды он повел себя крайне буйно. Я растерялся. Не в моих привычках было наказывать учеников, но на сей раз я по-настоящему рассердился. Сначала я постарался урезонить его, но он проявил упрямство и даже попытался переспорить меня. Наконец я взял лежавшую на моем столе линейку и ударил его по руке. Нанося удар, я сам внутренне содрогнулся. Думаю, он заметил это. Для моих учеников это было чем-то совершенно новым и необычным. Мальчик закричал, а потом стал умолять простить его. Кричал он не потому, что удар был болезненным. Если бы он хотел, он мог бы

отплатить мне той же монетой: это был крепкого телосложения семнадцатилетний юноша. Нет, он понял мою собственную боль от необходимости прибегнуть к столь грубому наказанию. После этого инцидента он больше ни разу не ослушался меня. Но я все равно сожалею о том, что применил насилие. Боюсь, в тот день я показал ученикам не силу духа, а самую низменную из своих черт.

Я всегда оставался противником телесных наказаний. Помню только один случай, когда я ударил своего сына. Признаться, я до сих пор не решил, был ли я прав, пустив тогда в ход линейку. Вероятно, я поступил неправильно, поскольку мой поступок был продиктован злостью и желанием наказать провинившегося ученика. Если бы в этом наказании была лишь моя боль, я посчитал бы его оправданным, но в данной ситуации я руководствовался и другими мотивами.

Это происшествие заставило меня задуматься о том, как нужно справляться с непослушными учениками, не прибегая к насилию. Хотя не знаю, помог бы мне новый метод в только что описанном случае или нет. Юноша скоро забыл об инциденте и, как мне показалось, не стал вести себя более зрело. Однако я лучше понял ответственность преподавателя перед учеником.

Мальчики нередко нарушали дисциплину и потом, но я уже ни разу не прибегнул к телесному наказанию. Воспитывая детей духовно, я сам все отчетливее начал осознавать важность силы духа.

35. ОТДЕЛИТЬ ЗЕРНА ОТ ПЛЕВЕЛ

На ферме Толстого мистер Калленбах привлек мое внимание к проблеме, о которой я прежде особенно не задумывался. Как я уже отметил выше, некоторые мальчики, жившие на ферме, были скверными и непослушными. Среди них встречались и откровенные лодыри, а ведь

с ними ежедневно общались три моих сына. Это тревожило мистера Калленбаха, и он отметил, что не стоит поощрять общение моих детей с юными хулиганами.

Однажды он высказался прямо:

— Мне не нравится, что вы позволяете своим мальчикам находиться рядом с этими дурными юнцами. Результат может быть только один: они подпадут под дурное влияние.

Не помню, удивил ли меня в тот момент поднятый им вопрос, но приведу свой ответ:

— Как я могу выделять своих сыновей? Я несу ответственность за всех — и за этих лентяев тоже, потому что это я пригласил их сюда. Если я отпущу их, снабдив деньгами, они тут же сбегут в Йоханнесбург и вернуться к прежнему образу жизни. Вполне вероятно, что они сами и их опекуны уверены, что их приезд сюда наложил на меня некоторые обязательства. Мы с вами оба знаем, с какими неудобствами им приходится мириться здесь. Но мой долг мне ясен. Я вынужден оставить их здесь, а потому мои дети будут продолжать жить с ними бок о бок. И вы сами наверняка не хотели бы, чтобы я уже сейчас приучил сыновей чувствовать свое превосходство над другими детьми. Если научить их этому, они рано или поздно окажутся в тупике. Общение с другими мальчиками послужит им на благо. Так они научатся сами отличать добро от зла. Почему бы нам не поверить в то, что, если в них действительно есть какое-то положительное начало, оно подействует и на их товарищей? Как бы то ни было, я не могу отказаться держать этих ленивых мальчиков здесь, и, даже если это связано с некоторым риском, мы должны пойти на него.

Мистер Калленбах покачал головой.

Результат этого эксперимента, как я думаю, нельзя назвать плохим. Я не считаю, что мои сыновья стали хоть немного хуже. Напротив, я заметил, что общение с теми мальчиками только пошло им на пользу. Если в них и за-

родилось какое-либо чувство превосходства, то оно вскоре полностью исчезло, и они научились общаться с самыми разными детьми. Они прошли эту проверку и остались дисциплинированными.

Этот и ему подобные эксперименты показали, что, если хорошие дети обучаются вместе с неблагополучными и поневоле оказываются в их обществе, они ничего не теряют при условии, что эксперимент проводится под контролем их родителей и наставников.

А вот дети, изолированные от других чрезмерной опекой, точно толстым слоем ваты, не всегда оказываются защищены от искушений и дурного влияния. Впрочем, если дети совершенно разных характеров учатся вместе и общаются друг с другом, то самому суровому испытанию подвергаются все-таки родители и учителя. Они должны постоянно держаться настороже.

36. ПОСТ КАК ПОКАЯНИЕ

С каждым днем мне становилось все яснее, насколько трудно воспитать мальчиков и девочек и дать им должное образование. Чтобы стать их подлинным учителем и защитником, я должен был тронуть их сердца. Мне следовало делить с ними и радости, и горести, помогать им решать возникавшие у них проблемы и направлять в правильное русло их бурные юношеские устремления.

Когда выпустили на свободу некоторых участников сатьяграхи, ферма Толстого почти опустела. Большинство из тех, кто еще оставался, раньше жили в поселении в Фениксе, и я снова перевез их туда. Но мне предстояло столкнуться с весьма неожиданными и неприятными трудностями.

В те дни мне приходилось часто путешествовать из Йоханнесбурга в Феникс и обратно. Однажды в Йоханнесбурге я получил сообщение о моральном падении двух юных

обитателей нашего ашрама*. Даже новость о провале или победе сатяграхи не поразила бы меня так сильно. Это было подобно удару грома. В тот же день я поездом отправился в Феникс. Мистер Калленбах настоял на том, чтобы сопровождать меня. Он заметил, в каком состоянии я нахожусь, и ни в коем случае не желал отпускать меня одного. Тем более что он и принес весть, столь сильно огорчившую меня.

В дороге я думал, что мой долг совершенно очевиден. Я чувствовал, что опекун или учитель всегда в какой-то степени ответственен за ошибки своего подопечного или ученика, а потому моя ответственность мне была понятна. Жена уже с тревогой предупреждала меня об этом, но я был слишком доверчив и не внял ее словам. Я думал, что единственный способ заставить виновных осознать всю мою боль и глубину их собственного падения — это покаяться самому. И я принял решение держать семидневный пост, а также дал обет принимать пищу только один раз в день на протяжении четырех с половиной месяцев. Мистер Калленбах сначала пытался отговорить меня, но напрасно. В итоге он согласился со мной и настоял на том, что присоединится ко мне. Я не мог отказать ему, ведь то был знак его искренней привязанности.

Облегчение я почувствовал почти сразу, поскольку это решение сняло тяжкий груз с моей души. Гнев утас и уступил место жалости к провинившимся. До Феникса я добрался уже успокоившимся, смог провести дальнейшее расследование и выяснить некоторые детали, которые мне необходимо было знать.

Мое покаяние всех расстроило, но одновременно очистило атмосферу. Каждый понял, насколько ужасно быть грешником, а моя связь с детьми стала более прочной и искренней.

* Ашрам — духовная или религиозная община.

Обстоятельства этого происшествия заставили меня через некоторое время держать двухнедельный пост, и его результаты превзошли все мои ожидания.

Я вовсе не хочу сказать, что долг учителя непременно состоит в том, чтобы поститься, когда его ученики оступаются, хотя и считаю, что в отдельных случаях подобная радикальная мера необходима. Но она предполагает дальновидность и духовную готовность учителя. Если между учителем и учеником нет подлинной любви, если проступок ученика не волнует учителя, если ученик не уважает учителя, пост может даже принести вред. Пусть теперь кто-то и засомневается в необходимости поста в подобных случаях, важно другое: учитель, безусловно, ответственен за ошибки ученика.

Первое покаяние было легким для нас обоих. Мне не пришлось ни откладывать свои обычные обязанности, ни пренебрегать ими. Стоит отметить, что во время этого поста я питался исключительно фруктами. А вот заключительная часть второго поста принесла мне немало трудностей. Я тогда еще не до конца понимал необыкновенную действенность Раманымы, и потому острее переносил страдания. К тому же я не знал элементарных правил: не знал, например, о том, что постящемуся необходимо пить много воды, какой бы отвратительной на вкус и даже тошнотворной она ни казалась. Тот факт, что первый пост я перенес с легкостью, способствовал тому, что я легкомысленно отнесся ко второму. Например, во время первого поста я принимал ванны по методу Куне каждый день, а во время второго перестал принимать их через два или три дня, пил очень мало воды, поскольку ее вкус мне не нравился и вызывал тошноту. В горле пересохло, и появилась слабость, а потому в последние дни я мог говорить только очень тихо. Но, несмотря на это, моя работа продолжалась: я диктовал, я регулярно слушал чтение отрывков из «Рамаяны» и других священных текстов, и мне все-таки хватало сил обсуждать насущные задачи и давать советы.

37. НА ВСТРЕЧУ С ГОКХАЛЕ

Я вынужден опустить многое из своих воспоминаний о Южной Африке.

Когда в 1914 году сатьяграха закончилась, мне написал Гокхале, который предложил вернуться домой через Лондон. В июле Кастурбай, Калленбах и я отплыли в Англию.

Во время сатьяграхи я снова начал путешествовать исключительно третьим классом, а потому и на этот раз купил билеты в третий класс. Однако была существенная разница между условиями третьего класса на пароходе данной линии и условиями на индийских прибрежных судах и в поездах. На индийских судах практически невозможно было найти сидячие места, не говоря уже о спальнях. Кроме того, там было грязно. Во время плаванья на пароходе в Лондон мы не страдали от тесноты, кругом была чистота, а пароходная компания в довершение всего предоставила нам особые удобства. Нам выделили отдельный клозет, а поскольку мы питались особым образом, стюарду дали указания снабжать нас фруктами и орехами. Подобные условия, конечно, сделали восемнадцать дней плаванья вполне комфортными.

Отдельные происшествия, случившиеся в пути, заслуживают упоминания. Мистер Калленбах любил бинокли и имел при себе несколько дорогих. Мы почти ежедневно спорили об этом. Я стремился доказать ему, что увлечение подобными роскошными вещами не соответствует идеалу простоты, которого мы стремились достичь. Наши споры закончились в один прекрасный день, когда мы стояли возле иллюминатора своей каюты.

— Вместо того чтобы ссориться из-за биноклей, почему бы не выбросить их в море и не покончить с этим раз и навсегда? — предложил я.

— Конечно, просто взять и вышвырнуть дурацкие штуковины, — сказал мистер Калленбах.

— Я говорю вполне серьезно, — настаивал я.

— Я тоже, — последовал мгновенный ответ.

Я тут же бросил бинокли в море. Стоили они не меньше семи фунтов, но для мистера Калленбаха их ценность заключалась не в самой стоимости, а в подлинном увлечении ими. Впрочем, лишившись биноклей, он ни разу не пожалел потом.

Это только один из множества случаев, происшедших со мной и мистером Калленбахом.

Каждый день мы учились чему-то новому, поскольку оба старались идти дорогой истины. А на пути к истине злоба, эгоизм, ненависть естественным образом исчезают, поскольку в противном случае человек не смог бы достичь истины. Намерения того, кого направляет страсть, могут быть вполне достойными, его речи могут быть правдивыми, но он так и не находит истину. Успешные поиски истины — удел того, кто избавился от двойственности, от любви и ненависти, от счастья и горя.

Когда мы отправились в плавание, прошло еще слишком мало времени после моего поста. Я еще не до конца восстановился. Я начал прогуливаться по палубе, чтобы вернуть аппетит и наладить пищеварение, но даже такое невинное занятие показалось мне очень сложным, поскольку у меня сильно болели икроножные мышцы. Приехав в Лондон, я обнаружил, что чувствую себя не только не лучше, но даже хуже, чем прежде. В Лондоне я сразу отправился к доктору Дживраджу Мехте и рассказал ему историю своего поста и описал боли. Он отреагировал так:

— Если вы не позволите себе отдохнуть несколько дней, боюсь, что ваши ноги вообще откажутся вам служить.

Только тогда я понял, что человек, выдержавший длительный пост, не должен спешить вернуть себе утраченные силы, а также переедать. Быть может, по окончании поста требуется еще большая воздержанность, чем во время его соблюдения.

На Мадейре мы узнали, что мировая война может вспыхнуть в любой из дней, а когда уже вошли в Английский канал*, пришло сообщение о начале военных действий. На какое-то время мы даже полностью остановились. Было крайне сложно провести пароход между подводными минами, заложенными по всему проливу, и мы достигли Саутгемптона лишь через два дня.

Войну объявили 4 августа. В Лондон мы попали 6-го.

38. МОЕ УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ

Оказавшись в Лондоне, я узнал, что Гокхале задерживается в Париже, куда он отправился поправить здоровье, а поскольку всякая связь между Парижем и Лондоном оборвалась, я никак не мог узнать день его предполагаемого возвращения. Я не хотел отправляться домой, не повидавшись с ним, но никто не мог определенно сказать, когда он вернется.

Чем мне следовало заняться в таком случае? Каков был мой долг теперь, в условиях войны? Сорабджи Ададжания, мой товарищ по заключению и сатьяграх, в то время готовился в Лондоне к экзамену на юриста. В качестве одного из лучших борцов сатьяграхи его направили в Англию, чтобы он стал адвокатом и заменил меня по возвращении в Южную Африку. Его расходы оплачивал доктор Прандживандас Мехта. Я обсудил ситуацию с доктором Дживраджем Мехтой и другими соотечественниками, учившимися тогда в Англии. Было созвано собрание индийцев, живущих в Великобритании и Ирландии. На этом собрании я изложил свою точку зрения.

Я считал, что индийцы, живущие в Англии, обязаны были принять участие в войне. Английские студенты записывались добровольцами в армию, и индийцы могли сделать то же самое. В ответ на мои аргументы был выдвинут

* Так англичане предпочитают называть Ла-Манш.

нут ряд возражений. Некоторые утверждали, что индийцы и англичане — это два совершенно разных мира. Мы были рабами, они — нашими хозяевами. Как может раб поддерживать хозяина в критический момент? Разве долг раба, желающего обрести свободу, не в том, чтобы воспользоваться затруднительным положением хозяина? Я не поддержал эти аргументы. Я знал, что статус англичанина — это совсем не то, что статус индийца, но не мог согласиться с тем, что нас действительно превратили в рабов. Я думал, что вина лежит на отдельных британских чиновниках, а не на британской системе в целом, и, следовательно, мы могли изменить отношение к нам чиновников, продемонстрировав свою преданность их стране. Коль скоро мы желали улучшить свое положение, наш долг — сотрудничать с англичанами, встать с ними плечом к плечу в такой напряженный момент. Хотя в британской системе было множество изъянов, она не казалась мне тогда невыносимой, какой представляется сейчас. Но если сейчас, потеряв в нее веру, я отказываюсь сотрудничать с британским правительством, то как могли помочь ему мои товарищи, уже тогда переставшие верить не только в отдельных чиновников, но и в саму систему?

Возражавшие мне друзья считали, что настал час объявить о своих требованиях и улучшить положение индийцев.

Я же полагал, что из трудностей Англии нам не следует пытаться извлечь выгоду. Достоянное и дальновиднее было не оказывать давления какими-либо требованиями, пока идет война, а потому я повторил свое предложение и призвал всех желающих записываться добровольцами. Призыв подействовал: в числе добровольцев оказались представители практически всех провинций и религий.

Я написал об этом лорду Крю, изложил все факты и добавил, что мы готовы пройти обучение для работы с ранеными, если это сочтут необходимым для принятия нашего предложения.

Лорд Крю принял предложение после некоторых колебаний и поблагодарил нас за готовность служить империи в час испытаний.

Добровольцы обучились оказанию первой помощи раненым под руководством известного доктора Кэнтли. Это были краткосрочные курсы, рассчитанные на шесть недель, но они охватывали весь курс по оказанию первой помощи целиком.

Собрался класс приблизительно из восьмидесяти человек. Через шесть недель проводились экзамены, которые сдали все, за исключением лишь одного добровольца. Затем была организована военная подготовка, руководить которой поручили полковнику Бейкеру.

Лондон в те дни стоило видеть. Не было никаких признаков паники, все были заняты, работая из последних сил. Годные к военной службе взрослые мужчины усиленно тренировались. Но что было делать пожилым, немощным и женщинам? Для них тоже находилось достаточно работы, если они хотели трудиться. Они шили мундиры, а также готовили перевязочные материалы для раненых.

Женский клуб «Лицеум» пообещал сшить как можно больше одежды для солдат. Шримати* Сароджини Найду была членом этого клуба и целиком посвятила себя работе. Вот тогда-то я и познакомился с ней. Она разложила передо мной раскроенную одежду, попросила сшить ее и вернуть. Я с радостью согласился и не без помощи друзей сшил столько мундиров, сколько смог успеть, пока обучался оказанию первой помощи.

39. МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА

Как только в Южной Африке стало известно, что я вместе с другими индийцами собираюсь поступить на военную службу, мне отправили две телеграммы. Одну из них при-

* Шримати — форма вежливого упоминания замужней женщины или обращения к ней.

слал мистер Полак, сомневавшийся в совместимости моих действий с принципом ахимсы.

Я, можно сказать, предвидел подобные сомнения и уже обсуждал их в своей работе «Хинд сварадж, или Индийское самоуправление», а также нередко говорил об этом с товарищами в Южной Африке. Мы все признавали безнравственность войн. Раз уж я не был готов подать в суд на человека, напавшего на меня, то еще меньше я желал бы участвовать в войне, особенно если не знал, на чьей стороне правда. Друзья знали, конечно, что прежде я служил в армии во время Англо-бурской войны, но предположили, что мои взгляды с тех пор существенно изменились.

По сути те же самые аргументы, убедившие меня участвовать в Англо-бурской войне, оказались решающими и на сей раз. Я прекрасно понимал, что участие в войне и ахимса несовместимы, но, к сожалению, человеку не всегда дано понять, в чем состоит его долг. Искатель истины нередко вынужден блуждать в потемках.

Ахимса — обширный принцип. Мы же — лишь беспомощные смертные, оказавшиеся в пламени бушующей вокруг нас химсы*. Смысл поговорки о том, что всякая жизнь существует за счет другой жизни, очень глубок. Человек не может прожить и минуты без того, чтобы сознательно или бессознательно не совершать химсы в отношении окружающих. Само течение жизни — еда, питье, движение — предполагает неизбежное причинение химсы, уничтожение части какой-то другой жизни, пусть даже и самое незначительное. А потому приверженец ахимсы остается верен ей, если все его действия направляются состраданием, если он всеми силами стремится избежать уничтожения даже самого крошечного существа, старается спасти его и таким образом сбросить с себя смертельные оковы

* Химса — насилие. Противоположность ахимсы.

химсы. Он будет непрерывно вырабатывать в себе воздержание и сострадание, но никогда не сможет полностью освободиться от внешней химсы.

Вместе с тем, поскольку ахимса представляет собой единство всего живого, ошибка одного человека оказывает влияние на всех, и это еще одна причина, по которой он никогда не сумеет полностью избавиться от химсы. До тех пор, пока он продолжает оставаться членом общества, он продолжает и участвовать в химсе, которую воспаляет само общество. Когда две нации вступают в борьбу друг с другом, долг сторонника ахимсы — прекратить эту войну. Тот, для кого выполнение этого долга невозможно, у кого нет власти, чтобы противостоять войне, кто не готов оказать ей сопротивление, может принять в ней участие, но все же должен искренне стараться избавиться от войны себя, свою нацию и весь мир.

Я надеялся улучшить свое положение и положение своего народа через Британскую империю. Пока я был в Англии под защитой британского флота, пока укрывался за военной мощью империи, я уже участвовал в потенциальном насилии. Следовательно, если я хотел сохранить связь с империей и жить под ее знаменем, я мог выбрать одну из трех возможностей. Я мог открыто объявить себя противником войны и в соответствии с правилами сатьяграхи бойкотировать империю до того момента, пока она не внесет необходимые изменения в свою военную политику. Я мог добиться тюремного заключения через гражданское неповиновение тем законам Британской империи, которым можно было с чистой совестью не повиноваться. Или же я мог вступить в войну, сражаться на стороне империи и найти силы сопротивляться применявшемуся в этой войне насилию. Такие силы, подумал я, можно приобрести только на военной службе.

С точки зрения ахимсы я не видел никакой разницы между непосредственно воюющими и косвенными участ-

никами боевых действий. Человек, добровольно согласившийся служить шайке разбойников в роли возницы, или сторожа при их добыче, когда они отправляются на свой промысел, или санитара, выхаживающего их раненых, виновен точно так же, как и сами разбойники. Соответственно и тот, кто лишь ухаживает за ранеными в боях, не может полностью снять с себя вину за участие в войне.

Так я спорил сам с собой еще до того, как получил телеграмму от Полака, а вскоре после ее получения посоветовался с несколькими друзьями и сделал вывод, что мой долг состоит в том, чтобы добровольно пойти на войну. И по сей день я уверен, что не ошибся. Я не жалею о своем поступке и продолжаю считать связи с Британской империей полезными для индийского народа.

Я понимаю, что даже тогда не смог убедить всех товарищей в правильности моей точки зрения. Слишком уж много нюансов в этом вопросе. Он допускает наличие нескольких мнений, а потому я постарался как можно более доходчиво объяснить свою позицию тем, кто верил в ахимсу и не жалел сил для того, чтобы применять ее на практике. Поборник истины не обязан действовать с оглядкой на какие-либо условности, но он не должен бояться измениться, и, когда бы он ни обнаружил, что совершил ошибку, он должен признать ее и любой ценой искупить.

40. САТЯГРАХА В МИНИАТЮРЕ

Хотя я, как уже было сказано, считал участие в войне своим долгом, случилось так, что я не участвовал в ней и даже вынужден был прибегнуть к некой «сатьяграхе в миниатюре» в столь напряженный момент.

Я уже упомянул, что, как только список наших фамилий был рассмотрен и утвержден, для руководства нашей подготовкой назначили старшего офицера. Нам всем сразу же показалось, что командовать нами он станет только в тех-

нических вопросах, а во всем остальном главой санитарного корпуса буду я, и я же буду отвечать за внутреннюю дисциплину. Одним словом, английский командир мог руководить корпусом только через меня. Однако с самого начала этот высокомерный офицер решил доказать нам обратное.

Сорабджи Ададжания был наблюдательным и умным человеком. Он предупредил меня:

— Будьте осторожны с этим офицером. Кажется, он твердо решил командовать нами. Но мы не станем слушать его приказов. Мы готовы слушаться его только как инструктора. Даже юнцы, которым он поручил обучать нас, считают себя нашими хозяевами!

Он имел в виду студентов из Оксфорда, присланных для нашего обучения. Каждого из них офицер назначил командиром отделения.

Я тоже заметил, что офицер чересчур задирает перед нами нос, но попросил Сорабджи не слишком тревожиться и постарался успокоить его. Вот только он был не из тех, кого легко переубедить.

— Вы слишком доверчивы. Эти люди обведут вас вокруг пальца, а когда вы поймете их истинную сущность, вы сами попросите нас прибегнуть к сат্যাграхе и навлечете беды и на себя, и на нас, — с улыбкой сказал Сорабджи.

— А что, кроме бед, вы надеялись навлечь на себя, связав свою судьбу с моей? — спросил я. — Участник сат্যাграхи — легкая добыча для обмана. Пусть офицер обманет нас. Разве я уже не говорил много раз, что лжец обманывает только самого себя?

Сорабджи громко рассмеялся.

— Что ж, тогда продолжайте поддаваться обману, — сказал он потом. — Однажды вы погибнете из-за сат্যাграхи и заберете с собой таких же простых смертных, как я.

Его слова живо напомнили мне о том, что писала мне по поводу несотрудничества ныне покойная мисс Эмили

Хобхаус: «Нисколько не удивлюсь, если однажды вам придется отправиться на виселицу во имя истины. Пусть же Бог укажет вам верную дорогу и защитит вас!»

Мой разговор с Сорабджи состоялся сразу после назначения старшего офицера. Потребовалось всего несколько дней, чтобы отношения с ним достигли точки разрыва. Я едва ли полностью восстановил силы после четырнадцатидневного поста, когда стал тренироваться, и часто проходил пешком две мили от дома до назначенного места. У меня обострился плеврит, и мое самочувствие сильно ухудшилось. В таком состоянии мне пришлось отправиться на выходные в военный лагерь. Затем все наши остались там, а я вернулся домой. Именно тогда я и прибегнул к сатьяграхе.

Старший офицер сразу же принялся открыто демонстрировать свою власть. Он дал нам ясно понять, что будет командовать во всех делах, и военных, и любых других. Сорабджи поспешил ко мне. Он не был готов мириться с подобным высокомерием и заявил:

— Мы должны получать все приказы только через вас. Мы по-прежнему находимся в тренировочном лагере и миримся со множеством бессмысленных распоряжений. Причем к нам и к тем юнцам, которых назначили инструктировать нас, относятся совершенно по-разному! Нам следует поставить этого офицера на место, или мы не сможем больше нести службу. Индийские студенты и все остальные, кто присоединился к нашему корпусу, не станут выполнять столь бессмысленные приказы. Мы решили участвовать во всем этом, руководствуясь чувством самоуважения, и не можем сейчас потерять его.

Мне пришлось обратиться к старшему офицеру и рассказать ему о полученных жалобах. Он попросил меня изложить эти жалобы в письменном виде и напомнить жалобщикам правильный порядок подачи жалоб: они были обязаны обращаться к только что назначенным команди-

рам отделений, которые в свою очередь передадут жалобы мне через инструкторов.

Я ответил, что не претендую ни на какую власть в военном отношении, ведь я не профессиональный военный, однако я встал во главе корпуса добровольцев, а потому хотел бы быть их неофициальным представителем. Я вновь привлек его внимание к жалобам, полученным мной, и к недовольству моих людей командирами отделений, которых назначили, не посоветовавшись с членами нашего корпуса. Требуется отстранить их, настаивал я, чтобы в корпусе сами выбрали командиров, которых затем, разумеется, должен утвердить сам офицер.

Это пришлось старшему офицеру не по душе, и он заявил, что мое предложение об избрании командиров корпусом противоречит всем правилам, а отстранение уже назначенных командиров окончательно подорвет дисциплину.

Мы посоветовались и приняли решение отказаться нести службу. Я напомнил всем о том, какими серьезными могут быть последствия сатяграхи. Но подавляющее большинство все-таки проголосовало за резолюцию, в которой говорилось, что, если уже назначенные командиры не будут отстранены, а члены корпуса не смогут сами выбрать новых, санитарный корпус откажется от участия в строевой подготовке и от тренировок в лагере по выходным.

Затем я написал письмо старшему офицеру и сообщил, что крайне разочарован его отказом поддержать мое предложение. Я заверил его, что власть мне не нужна, что я лишь хочу служить людям. Я также сослался на свой прошлый опыт. Хотя я не занимал никакого официального поста в южноафриканском санитарном корпусе во время войны с бурами, у нас никогда не было разногласий с полковником Голуэем. Полковник не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись со мной и не выслушав по-

желаний членов корпуса. К письму я приложил копию резолюции, принятой нами накануне вечером.

Это не впечатлило старшего офицера. Он посчитал и само собрание, и принятую нами резолюцию грубым нарушением дисциплины.

Следующее письмо я адресовал министру по делам Индии. Я изложил все факты, а также приложил копию нашей резолюции. Он ответил, что условия в Южной Африке были иными, напомнил о том, что по действующим правилам командиров отделений назначает именно старший офицер. Впрочем, он заверил меня, что в будущем при назначении командиров отделений старший офицер будет непременно учитывать мои рекомендации.

После этого мы продолжили переписываться, но мне не хотелось бы слишком долго рассказывать об этих печальных событиях. Достаточно упомянуть, что тот мой опыт был во многом похож на нынешний, индийский. Угрозами и хитростью старший офицер сумел поссорить членов нашего корпуса. Некоторые из тех, кто голосовал за резолюцию, поддались угрозам или убеждениям командира и отказались от своего обещания.

Примерно в то же время в госпиталь в Нетли неожиданно поступило множество раненых, и работа нашего санитарного корпуса оказалась действительно необходимой. Те, кого старший офицер сумел переубедить, отправились в Нетли, другие отказались подчиниться. Я был прикован к постели, но постоянно поддерживал связь с корпусом. Мистер Робертс, помощник министра по делам Индии, часто обращался ко мне в те дни. Он просил, чтобы я убедил остальных своих друзей вернуться к службе, а также предложил сформировать другой корпус в госпитале в Нетли, который будет подчиняться только командовавшему непосредственно там офицеру, и тогда члены корпуса не будут чувствовать себя ущемленными. Правительство не станет вмешиваться, а мы поможем многим раненым в госпитале.

Это предложение удовлетворило и меня, и моих товарищей. Все они отправились в Нетли.

И только я остался не у дел, лежа в своей постели, но старался мужественно переносить невзгоды.

41. ЗАБОТА ГОКХАЛЕ

Я уже упомянул, как заболел плевритом в Англии. Вскоре в Лондон вернулся Гокхале. Мы с Калленбахом стали регулярно навещать его. Мы нередко беседовали о войне, а поскольку Калленбах знал географию Германии как свои пять пальцев и часто путешествовал по Европе, он показывал нам на карте места, где велись военные действия.

Мой плеврит тоже стал предметом ежедневных обсуждений. Даже тогда я продолжал экспериментировать с питанием. Я ел арахис, спелые и неспелые бананы, лимоны, оливковое масло, помидоры и виноград. Я полностью отказался от молока, злаков, бобов и прочего.

Моим лечением занимался доктор Мехта. Он уговаривал меня вернуться к молоку и злакам, но я упрямо отказывался. Об этом узнал Гокхале. Он не желал соглашаться с моими аргументами в пользу фруктовой диеты и, заботясь о моем здоровье, хотел, чтобы я ел все то, что прописывает доктор.

Было трудно противиться уговорам Гокхале. Он был непреклонен, и мне пришлось умолять его дать мне один день на размышление. Когда мы с Калленбахом вернулись домой тем вечером, мы поспорили о том, как мне лучше поступить. Он участвовал в экспериментах вместе со мной. Ему они нравились, но я знал, что он без колебаний согласится прекратить их ради моего здоровья. Теперь мне нужно было на что-то решиться, прислушиваясь к подсказкам своего внутреннего голоса.

Целую ночь я размышлял. Прекратить эксперимент с питанием значило отречься от моих взглядов, хотя я и не

считал их ошибочными. В какой мере я мог поддаться уговорам Гокхале, продиктованным любовью ко мне, и изменить свою диету «в интересах здоровья»? В результате я принял решение продолжать эксперимент в той его части, мотивы которой были в основном религиозными, и прислушаться к советам врача в тех областях, где господствовали смешанные мотивы. Отказ от молока был обусловлен религиозными соображениями. Я вспомнил все те варварские приемы, к которым прибегают пастухи в Калькутте, чтобы выжать из коров и буйволиц все их молоко до последней капли. Я также считал, что если человек не употребляет в пищу мясо животных, то и молоко, полученное от них, ему не следует пить. Утром я встал, исполненный решимости продолжать отказываться от молока. Это принесло мне огромное облегчение. Я понимал, какотреагирует Гокхале, но рассчитывал на то, что он отнесется к моему решению с уважением.

Вечером мы с Калленбахом встретились с Гокхале в Национальном либеральном клубе. Гокхале сразу же спросил меня:

— Вы приняли решение?

Я осторожно, но очень твердо ответил:

— Я хочу уступить по всем пунктам, кроме одного, и попросил бы вас не настаивать. Я не стану пить молоко, а также употреблять в пищу молочные и мясные продукты. Если это будет означать мою смерть, значит, так тому и быть.

— И это окончательное решение? — поинтересовался Гокхале.

— Боюсь, я не могу изменить его, — сказал я. — Знаю, что мое решение причинит вам боль, но умоляю простить меня.

С явным разочарованием Гокхале произнес:

— Я не одобряю вашего решения. Не вижу здесь никакой связи с религией, но и упорствовать больше не стану.

С этими словами он повернулся к доктору Мехте:

— Пожалуйста, не беспокойте его впредь. Прописывайте ему все, что пожелаете, но только в установленных им самим рамках.

Доктор не смог скрыть недовольства, но был бессилен. Он лишь посоветовал мне включить в свой рацион суп из мунга, приправленный щепоткой асафетиды*. Я согласился и ел суп день или два, но он только усугубил боли. А поскольку я не считал его полезным, то вернулся к диете из фруктов и орехов. Доктор, разумеется, продолжил использовать наружные методы лечения, и они отчасти сняли болезненные ощущения, но мои ограничения он по-прежнему считал досадной помехой в своей работе.

А Гокхале тем временем отправился на родину, поскольку не выносил октябрьских туманов Лондона.

42. ЛЕЧЕНИЕ ПЛЕВРИТА

Продолжительность моего заболевания вызывала некоторое беспокойство, но я знал, что вылечить помогут не лекарства, а изменения в рационе в сочетании с некоторыми наружными средствами.

Я позвонил доктору Аллинсону, известному вегетарианцу, лечившему пациентов именно так. С ним я познакомился в 1890 году. Он тщательно осмотрел меня. Я объяснил, как пришел к решению не пить молоко. Аллинсон приободрил меня и сказал:

— Вам и не нужно пить молоко. Более того, я хотел бы, чтобы вы несколько дней обходились вообще без продуктов, содержащих жиры.

После чего посоветовал мне питаться простым черным хлебом, сырыми овощами — свеклой, редисом, луком и дру-

* Асафетида — индийская пряность со специфическим запахом.

гими, а также зеленым и свежими фруктами, в основном апельсинами. Овощи не следовало готовить, а лишь хорошенько натереть, если мне было трудно пережевывать их.

Я питался так на протяжении трех дней, но сырые овощи мне не подошли. Мой организм оказался не в том состоянии, чтобы я смог по достоинству оценить новый эксперимент. Сырые овощи нервировали меня.

Кроме того, доктор Аллинсон посоветовал держать окна моей комнаты открытыми круглые сутки, принимать теплые ванны, массировать с маслом больные части тела и гулять по пятнадцать или тридцать минут. Все его предложения пришлось мне по душе.

В моей спальне были французские окна, через которые, если держать их открытыми настежь, в дождливую погоду в комнату попадала влага. Фрамуги не открывались, поэтому я выбил в них стекла, чтобы в помещение поступал свежий воздух, и приоткрыл сами окна так, чтобы в комнату не проникала вода.

Все эти меры помогли мне, но не исцелили меня окончательно.

Иногда меня навещала леди Сесилия Робертс. Мы с ней подружились. Она тоже хотела убедить меня в незаменимости молока, но, встретив упорный отказ, взялась за поиски заменителя. Один из друзей порекомендовал ей соловое молоко, заверив ее без всяких на то оснований, что оно не содержит животного молока. Якобы это был химический продукт со всеми свойствами натурального. Поскольку я знал, как трепетно относится леди Сесилия к моим религиозным убеждениям, я доверился ей. Растворив порошок в воде, я сделал глоток и сразу почувствовал вкус обыкновенного молока. Я прочитал этикетку на бутылке (увы, слишком поздно) и увидел, что в порошке есть животное молоко. Я, конечно же, сразу избавился от него.

Пришлось сообщить леди Сесилии о своем открытии и попросить ее больше не тревожиться об этом происше-

ствии. Она немедленно пришла ко мне с извинениями. Оказалось, что ее друг не потрудился прочитать этикетку. Я умолял ее не принимать этот случай близко к сердцу и выразил сожаление, что не могу прибегнуть к средству, добытому ею с таким трудом. Я также заверил ее, что не чувствую огорчения или вины из-за того, что так ошибся и выпил настоящее молоко.

Я вынужден опустить здесь много других приятных воспоминаний о моих встречах с леди Сесилией. Мои друзья часто утешали меня в час испытаний и огорчений. Верующий человек находит в этом милосердное провидение Господа, который таким образом утешает любые печали.

Во время следующего визита доктор Аллинсон снял некоторые из своих ограничений и разрешил мне есть арахисовое или оливковое масло, содержащее жиры, и вареные овощи с рисом, если я хотел. Эти изменения я только приветствовал, но и они не вылечили меня полностью. За мной по-прежнему требовался заботливый уход, и я должен был большую часть времени оставаться в постели.

Иногда доктор Мехта заглядывал осмотреть меня. Он снова предлагал свое лечение, однако условием было мое полное подчинение его приказам.

Примерно тогда же меня навестил мистер Робертс и порекомендовал мне отправиться домой.

— В таком состоянии вам никак нельзя работать в Нет-ли. А вскоре нас ждут еще более суровые холода. Я советовал бы вам вернуться в Индию, поскольку только там вы сможете полностью вылечиться. А если после вашего выздоровления война все еще будет продолжаться, ваша помощь понадобится и там. Да и то, что вы уже успели сделать к нынешнему моменту, никак нельзя назвать слишком скромным вкладом.

Я внял его совету и стал готовиться к возвращению в Индию.

43. ДОМОЙ

Мистер Калленбах сопровождал меня в Англию, чтобы потом отправиться в Индию. Мы жили вместе и, разумеется, хотели отплыть туда на одном пароходе. Немецкие граждане теперь находились, однако, под постоянным наблюдением, и у нас возникли серьезные сомнения в том, что мистер Калленбах сможет получить паспорт. Я сделал все возможное, чтобы добыть этот паспорт, а поддерживавший нас мистер Робертс отправил телеграмму вице-королю. Ответ лорда Хардинга был таким: «Сожалею, но правительство Индии не готово рисковать». Мы поняли, что значит его ответ.

Необходимость расстаться с мистером Калленбахом ранила меня, но я мог видеть, что он переживает еще сильнее. Если бы он смог попасть тогда в Индию, то сегодня вел бы простую жизнь земледельца или ткача. Но он ныне снова в Южной Африке, возобновил свой прежний образ жизни и весьма успешно работает архитектором.

Мы хотели плыть третьим классом, но, поскольку свободных мест в нем на судах компании «Пи энд Оу» не оказалось, пришлось взять билеты во второй.

Мы захватили с собой запас сушеных фруктов, привезенных из Южной Африки. Их на судне было не достать, зато там было много свежих.

Доктор Дживрадж Мехта наложил мне на ребра бандаж и попросил не снимать его, пока мы не достигнем Красного моря. Два дня я терпел неудобство, но потом оно стало совсем невыносимым. С большим трудом я сумел снять бандаж и вновь получил возможность принимать ванны.

Моя диета состояла в основном из орехов и фруктов. Я ощущал, что мне становится лучше с каждым днем, и уже чувствовал себя совсем хорошо, когда пароход вошел в Суэцкий канал. Слабость все еще сохранялась, но я почувствовал, что уже могу постепенно увеличивать фи-

зические нагрузки. Свое выздоровление я объяснял благотворным действием свежего воздуха и умеренного климата.

Почему-то мне показалось, что дистанция между английскими и индийскими пассажирами на этом пароходе была значительнее той, что я отметил во время плавания из Южной Африки. Я сумел побеседовать с несколькими англичанами, но разговоры получились чисто формальными. Мне не удалось поговорить с ними по душам, как бывало прежде на южноафриканских судах. Думаю, все дело было в том, что сознательно или бессознательно англичанин чувствовал свою принадлежность к правящей расе, а индеец точно так же ощущал себя представителем расы рабов.

Мне хотелось как можно скорее добраться до дома и избавиться от этой гнетущей атмосферы.

В Адене мы уже чувствовали себя почти дома. Аденцев мы знали хорошо, поскольку в Дурбане подружились с мистером Кекобадом Кавасджи Диншоу и его женой.

Спустя несколько дней мы приплыли в Бомбей. Какое счастье оказаться на родине после десятилетнего отсутствия!

По этому случаю Гокхале устроил небольшой прием в Бомбее, куда приехал, несмотря на хрупкое здоровье. Я возвращался в Индию с горячей надеждой на воссоединение с ним и на освобождение. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе.

44. НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ АДВОКАТА

Прежде чем перейти к рассказу о том, как протекала моя жизнь в Индии, необходимо вернуться к нескольким эпизодам в Южной Африке, которые я пока сознательно пропустил.

Мои друзья-юристы попросили меня поделиться воспоминаниями о том, как я работал адвокатом. Однако этих

воспоминаний настолько много, что, если бы я взялся привести их все, они одни составили бы огромный том и вынудили меня отойти от главной темы этой книги. Впрочем, будет все же уместно рассказать о тех случаях, которые имели отношение к моим поискам истины.

Если не ошибаюсь, я уже упомянул о том, что в своей профессиональной деятельности никогда не руководствовался ложью. Значительная часть моей работы была связана с общественными интересами, и я не брал за нее платы, если не считать возмещения дополнительных расходов, но и их я порой покрывал сам. Я думал, что этого вполне достаточно для понимания того, как проходила моя адвокатская практика. Но друзья желали большего. Они решили, что, если я опишу, пусть даже бегло, некоторые конкретные случаи, когда я отказывался отойти от правды, это будет полезно для юристов.

В студенческие годы мне приходилось слышать, что профессиональный юрист — это профессиональный лжец, но это никак на меня не повлияло, поскольку я не собирался прибегать ко лжи, чтобы зарабатывать деньги или добиваться высокого положения.

Моя принципиальность неоднократно подвергалась проверке в Южной Африке. Я знал, что мои оппоненты «натаскивают» своих свидетелей, и стоит мне только уговорить клиента или его свидетеля солгать, и мы тотчас выиграем дело. Но я избегал соблазна. Помню только один случай, когда после выигранного дела я заподозрил, что клиент обманул меня. На самом деле, я всегда желал победы только в том случае, если правда действительно была на стороне моего клиента. Назначая размер своего гонорара, я, насколько помню, никогда не руководствовался исходом тяжбы. Выигрывал мой клиент или проигрывал, я не ожидал получить ни больше, ни меньше заранее оговоренной суммы.

Каждого нового клиента я с самого начала предупреждал, что не буду браться за дело, если мне предоставят

ложные сведения, и не стану натаскивать свидетелей. В результате за мной закрепилась определенная репутация и ко мне не приходили с заведомо ложными делами. Более того, у меня появились клиенты, обращавшиеся с чистыми делами ко мне, а с сомнительными — к кому-нибудь другому.

Помню один случай, который стал действительно суровым испытанием. Один из моих лучших клиентов поручил мне дело, которое было связано с очень сложными расчетами и обещало долгое разбирательство. Его рассматривали по частям в нескольких судах. В итоге все, что касалось бухгалтерской отчетности, было передано судом на арбитраж группе опытных бухгалтеров. Они поддержали моего клиента, но случайно допустили ошибку, и какой бы незначительной она ни выглядела, она была все же довольно грубой, поскольку запись, место которой было в графе «дебет», занесли в графу «кредит». Оппоненты же пока оспаривали решение арбитров по иной причине. В этом деле я выступал в роли младшего адвоката. Когда старший адвокат узнал об ошибке, он посчитал, что наш клиент не обязан указывать на нее суду. Он полагал, что самое главное в работе адвоката — не навредить интересам клиента. Я заявил, что мы должны указать на ошибку.

Но мой старший коллега возразил:

— В таком случае весьма вероятно, что суд аннулирует решение арбитров целиком. Ни один разумный адвокат не станет рисковать интересами клиента. По крайней мере, я сам не пойду на столь серьезный риск. А если дело направят на новое рассмотрение, нашему клиенту придется понести дополнительные расходы, не говоря уже о том, что исход тяжбы будет непредсказуем!

При нашем разговоре присутствовал клиент.

Я сказал:

— Мне кажется, и наш клиент, и мы сами обязаны пойти на риск. Нет никакой гарантии, что суд поддержит арбитров просто потому, что мы утаим эту ошибку. А если

клиент укажет на ошибку и проиграет, то разве это серьезно повредит ему?

— Но зачем нам вообще упоминать эту ошибку? — спросил старший адвокат.

— Что, если ошибку заметит суд или ее обнаружат наши оппоненты? — в свою очередь спросил я.

— Что ж, в таком случае вы возьметесь сами вести это дело? Я не готов продолжать его на ваших условиях, — решительно заявил старший адвокат.

Я со всей скромностью ответил:

— Я готов взять дело на себя, если согласится наш клиент. Но если на ошибку не укажут, я буду вынужден отказать.

С этими словами я посмотрел на клиента. Тот был слегка растерян. Я вел его дело с самого начала, и клиент полностью доверял мне, так как прекрасно знал меня. После небольшой паузы он сказал:

— Хорошо, ведите дело и укажите на ошибку. Пусть мы даже проиграем, если так суждено. Господь всегда защитит того, кто прав.

Я был счастлив. Ничего иного от этого человека я и не ожидал. Старший адвокат еще раз предостерег нас, но все равно поздравил меня.

О том, что произошло в суде, читатель узнает из следующей главы.

45. УЛОВКА?

У меня не было сомнений в том, что мой совет разумен, но в то же время я не до конца верил в себя. Я подумал о том, насколько нелегко будет изложить такое запутанное дело Верховному суду, а потому предстал перед судьями, содрогаясь от страха.

Как только я сообщил об ошибке в расчетах, один из судей поинтересовался:

— Уж не уловка ли это, мистер Ганди?

Услышав это обвинение, я чуть было не вышел из себя. Меня подозревали в мошенничестве, хотя для этого не было ни малейших оснований!

«Если судья предубежден с самого начала, шансы выиграть столь трудное дело, очень малы», — сказал я себе, однако собрался с силами и ответил:

— Удивлен, что вы, ваша честь, подозреваете уловку, даже не выслушав меня.

— Я ни в чем вас не обвиняю, — сказал судья. — Это было просто предположение.

— Но такое предположение кажется мне очень близким к обвинению. Я бы просил, ваша честь, выслушать меня до конца, а потом выдвигать обвинения, если это покажется вам необходимым.

— Простите, что перебил вас. Пожалуйста, продолжайте свои объяснения.

В моем распоряжении было достаточно материалов, чтобы подкрепить свои аргументы. Благодаря поднятому судьей вопросу у меня с самого начала появилась возможность привлечь внимание суда к этим аргументам. Я почувствовал себя ободренным и постарался доходчиво объяснить все детали. Судьи терпеливо выслушали меня, и мне удалось убедить их, что ошибка была допущена не специально. К счастью, они не собирались аннулировать решение арбитров, на которое было потрачено столько времени и труда.

Адвокат другой стороны был уверен, что теперь ему не понадобится прибегать к многочисленным доводам в поддержку своего клиента после признания нами ошибки, но судьи постоянно перебивали его, поскольку убедились, что ошибка была обыкновенной опiskeй, которую легко исправить. Мой оппонент сделал все, чтобы оспорить решение арбитров, однако тот же судья, который сначала отнесся с недоверием к моему заявлению, теперь определенно поддерживал меня.

— Предположим, мистер Ганди не указал бы на ошибку сам, как бы вы поступили в таком случае? — спросил он.

— Мы бы не смогли привлечь более компетентного и честного эксперта-бухгалтера, чем тот, которого мы выбрали.

— Суд исходит из предположения, что вы лучше всех разбираетесь в своем деле. И если вы не в состоянии указать на что-то более существенное, чем эта простая описка, какую может совершить самый опытный бухгалтер, то суд не хотел бы начинать новое рассмотрение, которое неизбежно повлечет за собой дополнительные расходы. Мы не можем назначить новое слушание, поскольку обнаруженную ошибку легко исправить, — продолжал судья.

В итоге протест моего оппонента был отклонен. Суд либо сразу согласился с решением арбитров, исправив ошибку, либо указал арбитрам на необходимость исправить ее, — я уже не помню точно, как звучало решение.

Я был счастлив, как и мой клиент, и старший адвокат. Во мне лишь окрепло убеждение, что можно заниматься юридической практикой и не грешить против правды.

Но все же пусть читатель не забывает о том, что даже добросовестность адвоката не может избавить его ремесло от свойственных ему недостатков.

46. КЛИЕНТЫ, ПРИВЛЕЧЕННЫЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Разница между юридической практикой в Натале и в Трансваале заключалась в том, что в Натале существовало такое понятие, как единая адвокатура. Если юрист допускался к работе в суде в качестве защитника, ему также разрешалось выступать в роли атторнея. В Трансваале, как и в Бомбее, различия между этими сферами были разграничены. Юристу предоставлялось право выбора: он мог стать или защитником, или атторнеем. А потому, если

в Натале я был допущен в суд в качестве защитника, то в Трансваале мне пришлось добиваться права стать атторнеем. Как защитник я не мог сам вступать в прямой контакт с индийцами, а белые атторнеи в Южной Африке не желали поручать мне дела в суде.

И все же атторнеи могли выступать в мировых судах даже в Трансваале. Был один случай, когда я вел дело в суде Йоханнесбурга и обнаружил, что клиент обманул меня. Он совершенно запутался во время дачи показаний. Я отказался отстаивать его интересы и обратился к судье с просьбой закрыть дело. Адвокат противной стороны был крайне удивлен, а мировой судья остался доволен моим решением. Я сурово отчитал клиента за то, что он обратился ко мне с нечистым делом. Он ведь знал о моем нежелании браться за подобные дела, и, когда я вновь напомнил ему об этом, признал свою ошибку. Мне показалось, что он несколько не рассердился на меня за просьбу прекратить разбирательство. Как бы то ни было, но это дело не только не повредило моей практике, но и облегчило мне дальнейшую работу. Заметил я также, насколько моя любовь к справедливости укрепила мой авторитет в профессиональных кругах, и, несмотря на свой цвет кожи, после некоторых дел я даже сумел добиться уважения коллег.

Я взял себе за правило никогда не скрывать своего невежества ни от клиентов, ни от коллег. Если я чувствовал, что не сведущ в каком-то вопросе, я немедленно советовал клиенту поговорить с другим адвокатом, а если он все же предпочитал продолжать сотрудничать со мной, просил разрешения обратиться за помощью к опытному юрисконсульту. Подобная откровенность позволила мне завоевать уважение и доверие клиентов. Они никогда не отказывались оплачивать услуги юрисконсультов, если у меня возникала необходимость посоветоваться с ними. Их уважение и доверие оказались бесценными для меня в моей общественной деятельности.

В предыдущих главах я уже отмечал, что через свою адвокатскую практику в Южной Африке я стремился служить общине. Доверие людей необходимо для достижения этой цели. Добросердечные индийцы видели служение интересам общины даже в моей профессиональной деятельности, за которую я получал деньги, и, когда я посоветовал им сесть в тюрьму ради борьбы за свои права, многие из них приняли мой совет. Причем не столько потому, что верили в эту борьбу, сколько потому, что восхищались мной.

Когда я пишу эти строки, перед глазами проносятся множество самых приятных воспоминаний. Сотни клиентов стали моими друзьями и соратниками в моей общественной деятельности. Их преданность послужила мне большим утешением в жизни, которая без этого была бы исполнена тягот и опасностей.

47. КАК БЫЛ СПАСЕН КЛИЕНТ

Читателю сейчас уже должно быть хорошо знакомо имя Парси Рустомджи. Именно он был одним из тех, кто стал одновременно и моим клиентом, и соратником. Или будет правильнее сказать, что сначала он стал соратником, а только потом клиентом. Он настолько доверял мне, что обращался за советами, даже когда сталкивался с домашними трудностями. Если ему случалось заболеть, он просил моей помощи, и, хотя существовала большая разница между нашими образами жизни, он без колебаний прибегал к моим знахарским методам лечения.

Однажды Рустомджи попал в очень большую передрагу. Хотя он рассказывал мне почти обо всех своих делах, одно он все-таки тщательно скрывал. Он был крупным импортером товаров из Бомбея и Калькутты и частенько занимался контрабандой. Поскольку же он состоял в дружеских отношениях с чиновниками таможни, его никогда ни в чем не подозревали. Они с полным доверием принимали

заполненные им декларации, а некоторые, не исключено, попросту игнорировали контрабанду.

Гуджаратский поэт Акхо писал: то, что было украдено, подобно ругти, ведь его невозможно утаить. Парси Рустомджи не стал в этом смысле исключением. Он в величайшей спешке прибежал ко мне со слезами на глазах и сказал:

— Бхай, я обманул вас. Сегодня мою ошибку обнаружили. Я занимался контрабандой и теперь обречен. Мне придется сесть в тюрьму. Моя прежняя жизнь будет навсегда уничтожена. Вы один можете спасти меня. Больше я ничего не скрывал, но подумал, что не должен тревожить вас рассказами о своих коммерческих трюках, а потому не упоминал о контрабанде. Но теперь я горько раскаиваюсь в этом!

Я успокоил его и сказал:

— Спасетесь вы или нет — все в Его руках. Что касается меня, то вы знаете мои методы: попытаться помочь вам я могу только в том случае, если вы признаетесь в содеянном.

Добряк Парси был очень расстроен моим ответом.

— Но разве моего признания вам недостаточно? — спросил он.

— Вы обманули не столько меня, сколько правительство. Если вы признаетесь мне, это не спасет вас, — как можно мягче ответил я.

— Конечно, я поступлю так, как вы советуете, но не могли бы вы прежде проконсультироваться с моим старым адвокатом мистером ***? Он тоже мой друг, — сказал Парси Рустомджи.

Итак, Рустомджи занимался контрабандой на протяжении довольно долгого времени, но теперь он попался, хотя, надо сказать, речь шла о ничтожной сумме. Мы вместе отправились к его адвокату. Тот изучил материалы и сказал:

— Дело будет рассматриваться присяжными, а присяжные в Натале ни за что не оправдают индийца. Но я бы все-таки не терял надежды.

Я не был знаком с тем адвокатом достаточно близко. В разговор вмешался Парси Рустомджи:

— Спасибо на добром слове, но мне бы хотелось последовать советам мистера Ганди в этом деле. Он очень хорошо знает меня. Разумеется, вы поможете ему, если в этом возникнет необходимость.

Поговорив с этим адвокатом, мы отправились в магазин, принадлежавший Парси Рустомджи.

Там я объяснил ему:

— Не думаю, что ваше дело вообще дойдет до суда. Дать ли ему ход, решит чиновник таможни, а он, в свою очередь, подчинится указаниям генерального атторнея. Я готов встретиться с ними обоими. Предлагаю вам заплатить любой штраф, какой они назначат, — шансы, что такое предложение их устроит, достаточно велики. Если же они не захотят, вы должны подготовиться к тому, чтобы сесть в тюрьму. Я полагаю, что позорно не само тюремное заключение, а совершенное вами преступление. Позорное деяние вы уже совершили, а заключение вам следует воспринимать как искупление. Но подлинное искупление вы получите только в том случае, если твердо решите никогда больше не заниматься контрабандой.

Не сказал бы, что Парси Рустомджи понравились мои слова. Он был храбрым человеком, но на мгновение мужество изменило ему. На кону стояли его честь и репутация, а что с ними станет, если здание, возведенное с таким трудом и заботой, в одночасье рухнет?

— Ладно. Я вверяю себя вам. Можете поступать так, как сочтете нужным.

Чтобы довести это дело до конца, мне пришлось использовать всю свою силу убеждения. Я встретился с чиновником таможни и честно поведал ему обо всем. Вдобавок я обещал передать ему бухгалтерские книги и описал, как глубоко раскаивается теперь Парси Рустомджи.

Начальник сказал:

— Мне нравится старина Парси. Жаль, что он сваял такого дурака. Но вы ведь знаете, как я обязан поступить. Я должен следовать указаниям генерального атторнея, а потому советую вам приложить все усилия, чтобы убедить его.

— Я был бы очень благодарен, — сказал я, — если бы вы сами не настаивали на суде.

Получив от него такое обещание, я написал письмо генеральному атторнею, а потом встретился с ним. Должен с радостью отметить, он сумел оценить мою откровенность, когда понял, что я ничего не пытаюсь утаить от него.

Не помню точно, было ли это тогда же или в другой раз, но о моей настойчивости и откровенности он сказал следующее:

— Как я погляжу, для вас ответа «нет» просто не существует.

Дело против Парси Рустомджи закончилось благополучно. Он должен был заплатить штраф, размер которого был в два раза больше признанной им стоимости ввезенных контрабандой товаров. На радостях Рустомджи изложил все факты на листе бумаги, вставил его в рамочку и повесил у себя в магазине — в назидание наследникам и приятелям-торговцам.

Однако эти приятели Рустомджи посоветовали мне не слишком-то надеяться на его временное раскаяние. Когда я передал Рустомджи их слова, он ответил:

— Какова была бы сейчас моя судьба, если бы я обманул вас?

Часть - V

1. ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Задолго до того, как я добрался до дома, поселенцы, выехавшие из Феникса, уже прибыли в Индию. Я должен был опередить их, но разразившаяся война нарушила наши планы. Я понял, что могу задержаться в Англии на неопределенное время, и задумался о том, как подобрать подходящее жилье для людей из поселения. Мне хотелось, чтобы в Индии они продолжали держаться вместе и вести тот же образ жизни, какой вели в Южной Африке. Мне не был известен ни один ашрам, куда я мог бы порекомендовать им отправиться, а потому я телеграфировал им, чтобы они встретились с мистером Эндрюсом и спросили его совета.

Сначала их разместили в гурукуле* в Кангри, где ныне покойный свами Шраддхананджи относился к ним как к собственным детям. Затем они поселились в ашраме Шантиникетан. Там Поэт** и его приближенные тоже окружили их бесконечной любовью. Опыт, приобретенный в этих двух местах, сослужил потом и им самим, и мне добрую службу.

Поэт, Шраддхананджи и Сушил Рудра, как я говорил мистеру Эндрюсу, составляли триумvirат. В Южной Африке мистер Эндрюс постоянно рассказывал о них, и его

* Гурук ула — индуистская школа-интернат, ученики которой обучаются у гуру.

** Здесь имеется в виду Рабиндранат Тагор.

истории об этой троице стали самыми живыми и отрадными воспоминаниями о том периоде. Естественно, мистер Эндрюс познакомил переселенцев из Феникса с Сушилом Рудрой. Рудра не имел своего ашрама, но у него был дом, в котором он поселил семьи из Феникса. Очень скоро они почувствовали себя в его доме настолько хорошо, что перестали скучать по поселению.

Только сойдя на берег в Бомбее, я узнал, что переселенцы разместились в Шантиникетане. Мне не терпелось увидеться с ними сразу же после встречи с Гокхале.

Теплый прием, устроенный мне в Бомбее, дал возможность прибегнуть к маленькой сат્યાграхе.

На вечере в мою честь в доме мистера Джехангира Петита я не осмеливался говорить на гуджарати. Роскошь этого места смущала меня, ведь я любил находиться среди бедных индийских рабочих. В катхияварском плаще, тюрбане и дхоти я выглядел, вероятно, даже более цивилизованным, чем сейчас, но пышность и великолепие дома мистера Петита заставляли меня чувствовать себя не в своей тарелке. Впрочем, я провел время достаточно хорошо, укрывшись под надежным крылом сэра Ферозшаха Мехты.

Затем последовал вечер у гуджаратцев. Они не желали отпускать меня, не устроив мероприятия в мою честь. Его организовал ныне покойный Уттамлал Триведи. Я заранее ознакомился с программой приема. На нем должен был присутствовать мистер Джинна, поскольку он тоже был из гуджаратцев. Вот только я не помню, в какой роли он должен был выступить — председателя или главного спикера. Он произнес краткую, но приятную речь на английском языке. Мне кажется, большинство речей на этом вечере было произнесено по-английски. Когда пришел мой черед, я выразил свою благодарность на гуджарати, объяснил, почему поддерживаю языки гуджарати и хиндустани, и мягко выразил протест против использования английского языка на собрании гуджаратцев. Сделал я это не без

некоторых колебаний, поскольку опасался, что мои слова будут восприняты как невежливость неопытного человека, вернувшегося домой после долгого пребывания за границей и решившего побороться с устоявшейся здесь давней традицией. Но никто, казалось, не возражал. Более того, я заметил, что все правильно поняли причину моего протеста.

Этот прием укрепил мою веру в то, что я смогу донести свои мысли до соотечественников.

После непродолжительного пребывания в Бомбее, обогатившего меня множеством впечатлений, я отправился в Пуну, куда меня пригласил Гокхале.

2. С ГОКХАЛЕ В ПУНЕ

Как только я прибыл в Бомбей, Гокхале написал мне, что со мной хочет встретиться губернатор и что я должен удовлетворить его желание до отъезда в Пуну. Разумеется, я нанес визит его превосходительству. После традиционных расспросов он сказал:

— Прошу вас только об одном: сразу приходите ко мне, если соберетесь что-либо предпринять в отношении правительства.

Я ответил:

— Мне очень легко дать такое обещание, поскольку я как участник сатьяграхи положил себе за правило интересоваться позицией стороны, с которой предстоит иметь дело, и стараться достигнуть компромисса. Я строго придерживался этого правила в Южной Африке и намерен поступать точно так же здесь.

Лорд Уиллингдон поблагодарил меня и сказал:

— Можете приходите ко мне в любое время и сами убедитесь, что мое правительство сознательно не делает ничего дурного.

Я ответил так:

— Вера в это поддерживает меня.

Затем я отправился в Пуну. К сожалению, я не смогу поделиться здесь всеми воспоминаниями о том чудесном времени. Гокхале и члены общества «Слуги Индии» окружили меня невероятной заботой. Насколько помню, Гокхале собрал их всех, чтобы встретить меня. Я смог откровенно побеседовать с ними на самые разные темы.

Гокхале очень хотел видеть меня членом этого общества, к чему стремился и я сам. Однако члены общества посчитали, что наши методы работы и идеалы слишком разные, а потому будет не очень правильно, если я присоединюсь к «Слугам Индии». Гокхале же придерживался другого мнения. Хотя я слепо предан своим принципам, считал он, я был все же способен терпимо относиться к воззрениям членов общества.

— Однако члены общества, — сказал он мне, — пока не поняли вашей готовности идти на этот компромисс. Они твердо верят в свои принципы и независимы в своих взглядах. Я надеюсь, они примут вас, но даже если и нет, вы не должны думать, что они относятся к вам без должного уважения. Они не хотят рисковать своим высоким мнением о вас. Будете вы приняты в члены общества или нет, я стану относиться к вам как к одному из них.

Я сказал Гокхале о своих намерениях. Стану я членом общества или нет, я хотел иметь ашрам, где смог бы поселиться с моими друзьями из Феникса. Предпочтительнее было бы место в Гуджарате, поскольку я сам был оттуда и мне казалось, что я смогу послужить Индии через служение Гуджарату. Гокхале понравилась моя идея. Он сказал:

— Вам непременно нужно так и поступить. Каким бы ни был итог ваших переговоров с членами общества, вы можете рассчитывать на меня в расходах на содержание ашрама, который я впредь буду считать своим собственным.

Мое сердце переполнилось радостью. Было приятно ощутить себя свободным от ответственности за поиски

и сбор средств и знать, что мне не придется работать в одиночку. Отныне я мог положиться на надежного наставника в критический момент. С моей души словно свалился камень.

После этого был вызван ныне покойный доктор Дев, которому поручили открыть отдельный счет в обществе и выдавать мне необходимые для содержания ашрама и для прочих общественных дел суммы.

Теперь я был готов ехать в Шантиникетан. Перед моим отъездом Гокхале устроил прием для ближайших друзей и позаботился о том, чтобы угощение — свежие фрукты и орехи — пришлось мне по вкусу. Прием проходил буквально в нескольких шагах от его жилища, но Гокхале тем не менее едва ли был в состоянии появиться на нем. Однако его привязанность ко мне все пересилила, и он пожелал во что бы то ни стало прийти. Он пришел, но потерял сознание, и мы на руках отнесли его домой. Подобные обмороки случались с ним и прежде. Очнувшись, он велел передать, чтобы мы продолжали веселиться без него.

На этом приеме мы просто разговаривали на свежем воздухе перед гостевым домом, принадлежавшим обществу; друзья наслаждались сердечными беседами, поглощая легкие закуски, состоявшие из арахиса, фиников и сезонных свежих фруктов.

Вот только я никак не мог перестать думать об обмороке Гокхале.

3. ЭТО БЫЛА УГРОЗА?

Из Пуны я отправился в Раджкот и Порбандар, где встретился с вдовой брата и другими родственниками.

Во время сатьяграхи в Южной Африке я стал по-другому одеваться, чтобы быть похожим на законтрактованных индийцев, и даже в Англии, находясь дома, в помещении, носил тот же костюм. В Бомбей я прибыл в катхияварской одежде; это были рубашка, дхоти, плащ и белый шарф,

изготовленные из индийских тканей. Поскольку я собирался ехать из Бомбея третьим классом, я решил, что шарф и плащ будут лишними, а потому отказался от них и приобрел за восемь или десять анн кашмирскую шапку. Человек, одетый подобным образом, наверняка сошел бы за бедняка.

Из-за свирепствовавшей тогда чумы все пассажиры третьего класса проходили обязательный медицинский осмотр в Вирамгаме или Вадхване — точно уже не помню, где именно. Меня слегка лихорадило, и инспектор, измерив мне температуру, попросил меня непременно явиться к начальнику медицинской службы в Раджкоте, а затем записал мое имя.

Вероятно, кто-то рассказал о том, что я буду проезжать через Вадхван, поскольку портной Мотилал, один из видных общественных деятелей города, встретил меня на вокзале. Он рассказал мне о таможене в Вирамгаме и о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться пассажирам из-за нее. Так как меня лихорадило, я не хотел разговаривать и лишь коротко спросил:

— Вы готовы сесть в тюрьму?

Я принял Мотилала за одного из тех притких молодых людей, которые не думают, прежде чем что-то сказать. Но Мотилал не был таким. Он осторожно ответил:

— Мы, разумеется, пойдем в тюрьму, но только если вы поведете нас. Как катхияварцы мы имеем на вашу поддержку право. Конечно, это не значит, что мы хотим задержать вас здесь, но обещайте непременно остановиться у нас на обратном пути. Вам понравятся дела и взгляды здешней молодежи. Вы можете положиться на нас.

Мотилал заинтриговал меня. Пришедший с ним товарищ похвалил его:

— Наш друг всего лишь портной. Но он так хорошо справляется со своими обязанностями, что, работая всего по часу в день, имеет пятнадцать рупий в месяц. Ему это-

го вполне достаточно. Остальное свое время он посвящает общественной деятельности. Мы образованнее его, но тем не менее он руководит нами, заставляя нас устыдиться своей образованности.

Позже я лучше узнал Мотилала и понял, что в этих похвалах не было преувеличения. Раз в месяц он на несколько дней оставался в недавно созданном ашраме, чтобы учить детей портняжному делу и самому обшивать обитателей. Со мной он нередко говорил о Вирамгаме и невыносимых трудностях пассажиров. В расцвете молодости его сразила неожиданная болезнь, и его смерть стала настоящей трагедией для общественной жизни Вадхвана.

После прибытия в Раджкот я уже на следующее утро явился к начальнику медицинской службы. Мы были знакомы. Он разозлился на инспектора, хотя и совершенно напрасно — инспектор всего лишь исполнял свои служебные обязанности. Меня он не знал и не мог поступить иначе. Тем не менее начальник настоял на том, чтобы инспектор сам посетил меня.

Медицинский осмотр пассажиров третьего класса действительно необходим в подобных ситуациях. Какое бы положение в обществе ни занимал человек, если он предпочитает путешествовать третьим классом, он обязан добровольно подчиняться правилам, а чиновники должны оставаться непредвзятыми. Но мой опыт показал, что эти чиновники относятся к пассажирам третьего класса не как к людям, а как к стаду овец: разговаривают с ними презрительно и не желают отвечать им или объяснять что-либо. Пассажиру третьего класса приходится повиноваться чиновнику, словно хозяину, и чиновник может безнаказанно раздавать пассажирам затрещины и вымогать деньги, а билет отдать, только помучив человека как следует или даже заставив его пропустить свой поезд. Все это я видел своими глазами. Ситуация не улучшится, пока образованные и богатые люди не откажутся от недоступных беднякам удобств

и не станут ездить третьим классом, чтобы искоренить царящие в нем грубость и несправедливость, вместо того, чтобы избегать их.

Когда бы я ни приехал в Катхиявар, я постоянно слышал жалобы на таможеню в Вирамгаме, а потому решил сразу же воспользоваться предложением лорда Уиллингдона. Я собрал и прочитал всю информацию по этому вопросу, убедился, что жалобы пассажиров обоснованны, и вступил в переписку с правительством Бомбея. Я встретился с личным секретарем лорда Уиллингдона и самим его превосходительством. Последний выразил сочувствие, но возложил вину на Дели.

— Если бы это было в наших силах, мы бы уже давно ликвидировали кордон. Вам следует обратиться к правительству Индии, — сказал мне секретарь.

Я снесся с правительством Индии, но не добился никакого ответа, кроме уведомления о получении моего письма. Дело сдвинулось с мертвой точки, только когда позже я получил возможность встретиться с лордом Челмсфордом. Я изложил ему все факты, и он был искренне изумлен. Он ничего об этом не знал. Внимательно выслушав меня, он сразу запросил по телефону документы по Вирамгаму, после чего пообещал ликвидировать кордон, если у таможенных властей не найдется внятных аргументов в его защиту. Через несколько дней после нашего разговора я прочитал в газетах о ликвидации вирамгамского таможенного кордона.

Я посчитал, что это событие принесло в Индию подлинную сатьяграху, поскольку во время нашей беседы секретарь бомбейского правительства неодобрительно отозвался о моей речи в Багасре (Катхиявар), в которой я упомянул сатьяграху.

— Это была угроза? — спросил он. — И неужели вы думаете, что могущественное правительство отступит перед угрозами?

— Это не угроза, — ответил я. — Это урок людям. Мой долг состоит в том, чтобы предлагать народу любые законные средства, которые могут облегчить его участь. Нация, стремящаяся к самоуправлению, обязана знать все пути к свободе и методы ее достижения. Насилие обычно становится самой крайней мерой. Сатьяграха, напротив, является ненасильственным методом. Я считаю своим долгом объяснять людям, как им пользоваться и каковы его пределы. Я нисколько не сомневаюсь в могуществе британского правительства, но я не сомневаюсь и в том, что сатьяграха имеет право на существование.

Секретарь, умный человек, только покачал головой и сказал:

— Что ж, поживем — увидим.

4. ШАНТИНИКЕТАН

Из Раджкота я отправился в Шантиникетан. Преподаватели и ученики окружили меня заботой. Их прием был исполнен простоты, вкуса и любви. Там я впервые встретился с Какасахибом Калелкаром.

Я не знал, почему Калелкара прозвали «Какасахибом». Только позже я выяснил, что Кешаврао Дешпанде, который стал мне близким другом в Англии, прежде возглавлял школу в княжестве Барода, называвшуюся «Ганганатх Видиалайя», и начал давать учителям такие имена, чтобы поддерживать в школе семейную атмосферу. А потому Калелкар, преподававший там, получил имя *Кака* (буквально: дядя по отцу), Пхадке прозвали *Мама* (буквально: дядя с материнской стороны), а Харихар Шарма стал *Анна* (брат). Похожие имена были даны и всем остальным. Анандананд (Свами) как друг Каки и Патвардхан (Аппа) как друг Мама позже присоединились к семье, и все они со временем один за другим стали моими товарищами. Сам Дешпанде получил прозвище «Сахиб». Когда же школу Ви-

диалайя пришлось закрыть, эта «семья» тоже распалась, но ее бывшие члены сохранили духовную связь и полученные имена.

Какасахиб хотел приобрести опыт работы в различных учреждениях, и, когда я приехал в Шантиникетан, он как раз был там. Застал я и Чинтамана Шастри, тоже принадлежавшего когда-то к «семье». Оба помогали преподавать санскрит.

Переселенцев из Феникса разместили в Шантиникетане отдельно. Маганлал Ганди оставался их лидером и следил за тем, чтобы все правила ашрама неукоснительно соблюдались. Я заметил, что любовью, любознательностью и упорством он добился признания в Шантиникетане.

Были там и Эндриус, и Пирсон. Я стал близко общаться с Джагаданандабабу, Непалбабу, Сантошбабу, Кшити-моханбабу, Нагенбабу, Шарадбабу и Калибабу — все они были бенгальскими учителями.

Как обычно, я быстро сошелся с преподавателями и учениками и заговорил с ними о самостоятельности. Учителям я сказал следующее: если бы они и мальчишки отказались от услуг оплачиваемых поваров и стали сами готовить себе пищу, это позволило бы контролировать физическое и нравственное развитие учеников, а последние получили бы возможность учиться самостоятельности. Только два или три преподавателя с сомнением покачали головами. Некоторые сразу же горячо поддержали мое предложение. Учеников оно обрадовало, вероятно потому, что им хотелось чего-то нового. И вот мы приступили к эксперименту. Когда я попросил Поэта высказать свое мнение, он ответил, что не возражает, если согласны сами преподаватели. А мальчишкам он сказал:

— В этом эксперименте — ключ к свараджу.

Пирсон не жалел сил для того, чтобы эксперимент прошел успешно. Он буквально рвался в бой. Мы выбрали учеников, отвечающих за нарезку овощей, за очистку зерна

и так далее. Нагенбабу и другие отвечали за чистоту кухни и смежных помещений. Я не мог наглядеться, как ловко они управляются с лопатами.

Понятно, что сто двадцать пять учеников и преподавателей не могли сразу почувствовать себя как рыба в воде, занимаясь физическим трудом. Каждый день мы спорили. Некоторые уже довольно скоро начали жаловаться на усталость. Но Пирсон был неподражаем. Его улыбающееся лицо постоянно мелькало на кухне или рядом с ней. Он отмывал самую большую и тяжелую утварь. Несколько учеников играли на ситарах*, чтобы развлечься и развеять скуку. Все внесли свою лепту в общее дело, и Шантиникетан превратился в настоящий улей.

Эти перемены повлекли за собой и другие. Переселенцы из Феникса не только показали всем пример самостоятельности, но и помогли упростить приготовляемые блюда. Приправы полностью исчезли из нашего меню. Рис, дал, овощи и даже пшеничная мука варились одновременно в одной кастрюле. Мальчики из Шантиникетана стали готовить точно так же, чтобы разнообразить бенгальские блюда. Их кухней руководили они сами и один или два преподавателя.

Однако через какое-то время эксперимент пришлось прекратить. Впрочем, я все же полагаю, что знаменитое учебное заведение ничего не потеряло от участия в нем, а приобретенный новый опыт пошел на пользу учителям.

Я намеревался остаться в Шантиникетане еще на какое-то время, но судьба распорядилась иначе. Примерно через неделю после моего приезда пришла телеграмма из Пуны с известием о смерти Гокхале. Шантиникетан скорбел. Каждый приходил ко мне выразить соболезнования. В храме ашрама мы оплакали потерю поистине национального масштаба. Мероприятие прошло в мрачной, но величе-

* Ситар — индийский многострунный щипковый музыкальный инструмент.

ственной атмосфере. В тот же день я отправился в Пуну с женой и Маганлаом. Другие наши товарищи остались в Шантиникетане.

Эндрюс проводил меня до Бурдвана.

— Как вы думаете, — спросил он, — наступит ли время для сатьяграхи в Индии? И если да, то когда?

— Трудно сказать, — ответил я. — Еще год я не стану ничего предпринимать, потому что пообещал Гокхале сначала объездить Индию, чтобы приобрести необходимый опыт; я не буду высказывать своего мнения публично, пока не закончится этот период. Но даже по истечении года я не стану торопиться с речами и заявлениями. Не думаю, что у нас появится повод для сатьяграхи в ближайшие пять лет.

Здесь я хотел бы добавить, что Гокхале высмеивал некоторые мои идеи, высказанные в «Хинд сварадж», и говорил:

— Вот проведете в Индии хотя бы год, и ваши взгляды сами по себе изменятся.

5. БЕДСТВИЯ ПАССАЖИРОВ ТРЕТЬЕГО КЛАССА

В Бурдване нам пришлось претерпеть все те бедствия, которые постоянно постигают пассажиров третьего класса. Все началось с покупки билетов.

— Билеты в третий класс так рано не продаются, — заявили нам.

Я отправился к начальнику станции, хотя и это оказалось нелегким делом. Кто-то любезно указал мне, где его найти, и я поведал ему о возникших трудностях. Он не сказал ничего нового. Как только окошко кассы открылось, я попытался купить билеты, но добывать их пришлось с боем. Кто силен, тот и прав. Пассажиры пробивались вперед к кассе и постоянно отпихивали меня в сторону, а потому я купил билеты одним из последних.

Прибыл поезд, и посадка стала еще одним испытанием. Пассажиры — те, кто уже пробрался в вагон, и те, кто только пытался это сделать, — обменивались ругательствами и тычками. Мы бегали туда-сюда по платформе, но везде нас ждал один и тот же ответ:

— Здесь мест нет.

Я обратился к проводнику. Он сказал:

— Вы должны попытаться попасть в этот поезд или дожидаться следующего.

— Но меня ждут неотложные дела, — мягко возразил я.

У него не было времени слушать меня. Я велел Маганлалу любым способом пробраться в поезд, а сам вместе с женой прошел в купе вагона повышенного класса. Проводник взял нас на заметку. На станции Асансол он явился, чтобы взять с нас дополнительную плату. Я сказал ему:

— Вашей обязанностью было найти места для нас. Мы сами не смогли их найти и потому сели здесь. Если вы устроите нас в третьем классе, мы будем только рады перейти.

— Не нужно спорить, — сказал проводник. — Я не могу пристроить вас в третьем классе. Вам придется либо доплатить, либо сойти с поезда.

Я хотел любой ценой добраться до Пуны, а потому не стал препираться с проводником и доплатил, но эта несправедливость вывела меня из себя.

Утром мы приехали в Моголсарай. Маганлал сумел найти место в вагоне третьего класса, куда мы теперь с трудом протолкнулись. Контролеру я изложил все факты и попросил выдать мне квитанцию с указанием, что в Моголсарае я перешел в третий класс. Он отказался удовлетворить мою просьбу. Позже я обратился к железнодорожным властям за компенсацией и получил примерно такой ответ: «Обычно мы не компенсируем переплаты за проезд без соответствующей квитанции, но для вас готовы сделать исключение. Однако доплату за проезд от Бурдвана до Моголсарая мы все-таки вернуть не можем».

С тех пор я так часто ездил третьим классом, что, если бы я взялся рассказать обо всех своих впечатлениях, для них потребовался бы отдельный том. В этой книге я могу лишь кратко упомянуть о них. Я до сих пор жалею, что мое состояние вынудило меня прекратить поездки в третьем классе.

Бедствия пассажиров третьего класса, несомненно, следствие произвола железнодорожных властей. И, конечно, в них повинны грубость, неопрятность, эгоизм и невежество самих пассажиров. Жаль, что они зачастую не осознают, насколько дурно, низко и эгоистично ведут себя. Они считают свое поведение совершенно естественным. А происходит все это из-за равнодушия к ним со стороны нас, «интеллигентных» людей.

До Кальяна мы добрались смертельно уставшими. Я и Маганлал сумели кое-как помыться, воспользовавшись станционным водопроводом. Когда я уже собирался набрать воды и для жены, ко мне подошел Каул — один из членов общества «Слуги Индии». Он тоже направлялся в Пуру и предложил моей жене пройти в туалетную комнату в вагоне второго класса. Я колебался, не зная, принять ли его любезное предложение. Я знал, что моя жена не может пользоваться туалетом второго класса, но в конце концов решил отойти от своих принципов. Я понимаю, что этот поступок не к лицу приверженцу истины. Кастурбай не особенно рвалась принять душ, но простая забота супруга о жене в тот раз победила любовь к истине. «Лик истины прячется за золотой вуалью *майя* (иллюзии)», — сказано в Упанишадах.

6. ПОПЫТКА СТАТЬ ЧЛЕНОМ ОБЩЕСТВА

По прибытии в Пуру и после всех церемоний шраддхи*, мы стали осуждать будущее общества «Слуги Индии». Стоило ли мне вступать в общество? Для меня эта тема была

* Шраддха — поминальный обряд в индуизме.

весьма деликатной. Пока был жив Гокхале, мне не приходилось добиваться, чтобы меня приняли. Я мог просто подчиняться его желаниям, что мне очень нравилось. Пускаясь в плавание по бурному морю индийской общественной жизни, я нуждался в опытном лоцмане. Я нашел его в Гокхале и чувствовал себя вполне уверенно под его защитой. Но теперь, когда его не стало, я был один и посчитал своим долгом вступить в общество. Я подумал, что дух Гокхале будет рад этому, а потому больше не колебался и твердо решил добиться приема.

Большинство членов общества в тот момент как раз находилось в Пуне. Я поговорил с каждым и постарался развеять их сомнения. Я сразу заметил, что у них не было единого мнения относительно меня. Одни выступали за то, чтобы принять меня, другие противились этому. Я знал, что все они относятся ко мне с одинаковой симпатией, но, вероятно, их забота о благополучии общества взяла верх над любовью ко мне или, по крайней мере, не уступала ей. Потому мы никогда не спорили ожесточенно и обсуждали лишь принципиальные вопросы. Те члены, которые не хотели принять меня, утверждали, что наши взгляды слишком разные; эти люди опасались, что мое членство поставит под угрозу цели отцов общества. Естественно, этого они допустить не могли.

После продолжительных дискуссий мы решили отложить решение вопроса на неопределенное время.

Домой я вернулся в сильном волнении. Правильно ли быть принятым в общество большинством голосов? Не будет ли это противоречить моей преданности Гокхале? Я отчетливо понимал, что вопрос о моем приеме может расколоть общество. А посему, думал я, лучше всего отозвать свое заявление о приеме и не ставить противников моего членства в неловкое положение — так я докажу свою преданность и обществу, и Гокхале. Решение это неожиданно промелькнуло в моей голове, и я сразу же написал

письмо мистеру Шастри с просьбой вообще не созывать отложенного собрания. Те, кто был против моего членства, по достоинству оценили мой шаг. Я помог им избежать неловкой ситуации и укрепил связывавшие нас узы дружбы. Отзыв заявления был тем поступком, который совершил бы только истинный член общества.

Теперь я знаю, насколько верным было решение отказаться от формального членства. Позиция тех, кто возражал против моего приема, оказалась полностью оправданной. Жизнь показала, что наши мнения относительно основополагающих принципов действительно слишком разные. Впрочем, все это не настроило нас друг против друга. Мы остались братьями по духу, а резиденцию общества в Пуне я продолжил посещать.

Хотя формально я не стал членом общества, я всегда оставался им духовно. А духовные отношения ценнее физических. Физические отношения, лишенные духовной составляющей, — это тело, лишенное души.

7. КУМБХА МЕЛА*

Затем я отправился в Рангун, чтобы встретиться с доктором Мехтой, и по дороге остановился в Калькутте. Там я стал гостем ныне покойного бабу Бхупендраната Басу. Вот где бенгальское гостеприимство показало себя во всем своем великолепии. В те дни я соблюдал строгую фруктовую диету, и все доступные в Калькутте фрукты и орехи были мне немедленно предложены. Женщины семьи проводили бессонные ночи, очищая для меня орехи. Из свежих фруктов были приготовлены самые немыслимые лакомства. Множество деликатесов готовили для моих спутников, в числе которых был мой сын Рамдас. Как бы

* Кумбха Мела («Праздник кувшинов») — религиозный фестиваль и массовое паломничество индусов к индуистским святыням. Проводится раз в несколько лет.

ни радовало меня подобное волшебное гостеприимство, мысль о том, что все домочадцы так старательно ублажают двух или трех гостей, казалась мне невыносимой. Но избежать столь смущавшего меня внимания было невозможно.

В Рангун я отправился палубным пассажиром парохода. И если в доме Басу нас смущал избыток внимания, то на борту приходилось мириться с самым пренебрежительным отношением к элементарным удобствам палубных пассажиров. Так называемая ванная комната была очень грязной, а в туалете стояла отвратительная вонь. Чтобы воспользоваться им, приходилось обходить лужи мочи и кучи испражнений или перепрыгивать их.

Нормальный человек не мог этого вынести. Я поговорил с капитаном, но безуспешно. Сами пассажиры усугубляли свое положение, пренебрегая элементарными правилами гигиены. Они плевали на палубу там, где сидели, выбрасывали остатки еды, пережеванного бетеля и табака. Шум стоял невероятный, и каждый норовил как можно свободнее расположиться, причем его багаж нередко занимал больше места, чем он сам. В таких условиях мы провели два дня.

По прибытии в Рангун я написал письмо агенту паровой компании, изложив все факты. Благодаря этому письму и вмешательству доктора Мехты наше обратное путешествие на палубе судна оказалось весьма сносным.

В Рангуне моя фруктовая диета снова стала источником беспокойства для хозяина. Но поскольку дом доктора Мехты я мог считать своим собственным, в моих силах было несколько умерить пыл хозяина. Однако при этом я не ограничивал себя в количестве пищи, а потому не мог отказаться от предлагаемых мне различных блюд. Ели мы всякий раз в разное время. Я, конечно, предпочитал есть до заката, но на самом деле мы садились ужинать не раньше восьми или девяти часов вечера.

Тот год, 1915-й, был годом праздника Кумбха, проводившегося в Хардваре один раз в двенадцать лет. Я не стремился принять в нем участие, но мне хотелось встретиться с махатмой Мунширамджи, находившимся тогда в своей гурукуле. Общество Гокхале прислало группу добровольцев для служения на празднике. Пандит Хридаянат Кунзру руководил группой, а ныне покойный доктор Дев взял на себя все санитарные обязанности. Меня попросили отправить им в помощь несколько человек из Феникса, и потому Маганлал Ганди приехал раньше меня. По возвращении из Рангуна я присоединился к ним.

Поездка из Калькутты в Хардвар выдалась особенно тяжелой. Порой в купе пропадал свет. В Сахаранпуре нас затолкали в вагоны для перевозки скота. В них отсутствовали крыши, и под жарким полуденным солнцем над головой, сидя на раскаленном железном полу, мы чуть не поджарились. Но даже сильная жажда в таком суровом путешествии не могла заставить правоверных индусов пить воду, если они считали ее «мусульманской». Они ждали, пока не получали «индусскую» воду. Хотя надо отметить, что это были те же самые рьяные индусы, которые без колебаний и раздумий во время болезни пьют вино и мясной бульон, прописанные врачом, и не интересуются, какой фармацевт дает им воду — мусульманин или христианин.

Пребывание в Шантиникетане показало, что уборке в Индии нужно уделять особое внимание. В Хардваре добровольцев разместили в палатках в дхармашала, а доктор Дев попросил вырыть несколько ям под туалеты. Сначала ему приходилось рассчитывать на наемных уборщиков. Вот где потребовался труд переселенцев из Феникса. Мы предложили засыпать экскременты землей и следить за чистотой. Доктор Дев обрадовался нашему предложению. Оно, на самом деле, исходило от меня, но его осуществление выпало на долю Маганлала Ганди. Я же был занят в основном тем, что сидел в своей палатке, передавая дар-

шан и беседуя с многочисленными паломниками, приходившими ко мне. У меня не оставалось ни минуты, чтобы заняться личными делами. Даже к *гхату*, месту омовения, за мной следовали жаждущие даршана, и они же не оставляли меня в одиночестве во время еды. Только в Хардваре я осознал, какое глубокое впечатление мои скромные деяния в Южной Африке произвели на людей по всей Индии.

Но ничего хорошего в этом не было, ведь в итоге я очутился между Сциллой и Харибдой. Там, где никто не узнавал меня, мне приходилось мириться с несчастьями, которые постигают миллионы простых индийцев (например, во время путешествий по железной дороге). А оказавшись окруженным людьми, которые слышали обо мне, я становился жертвой их неистового желания даршана. Я часто размышлял, какая из этих ситуаций доставляет мне больше неудобств, и не находил ответа. Слепая любовь индусов к даршанвалам* нередко злила меня и тревожила душу, а вот путешествия, порой превращавшиеся в сплошное преодоление трудностей, ободряли и почти никогда не раздражали.

В те дни я был еще достаточно крепок, чтобы много ходить пешком, и, к счастью, не так хорошо известен. Я мог спокойно выйти на улицу и не собрать тут же вокруг себя толпу. Во время прогулок я с грустью замечал, что паломники не благочестивы, а рассеянны, лицемерны и неряшливы. Садху, считавшие себя глубоко религиозными, стаей слетелись сюда, чтобы насладиться радостями жизни, для которых, казалось, и были рождены.

Там я увидел корову с пятью ногами! Поначалу я был изумлен, но вскоре мне все объяснили. Бедное животное стало жертвой порочной жадности. Я узнал, что пятая нога была на самом деле отрезана от живого теленка и приращена к коровьему плечу! Такая двойная жестокость бы-

* Д а р ш а н в а л — тот, кто дает даршан.

ла совершена, чтобы выманить деньги у невежественных зевак. Ни один правоверный индус не мог пройти мимо коровы с пятью ногами и не подать милостыню этой диковинке.

Праздничный день наступил. Для меня он действительно был Днем с большой буквы, хотя в Хардвар я приехал, совершенно не чувствуя себя паломником. Мне никогда не приходило в голову посещать места паломничества в поисках благодати. Но и миллион семьсот тысяч человек, которые, по некоторым сообщениям, явились сюда, не могли быть лицемерами или просто туристами. Я не сомневался, что многие приехали искать благословения и самоочищения. Очень трудно, а быть может, и вовсе невозможно представить, каким невероятным утешением становится для людей такая вера.

Целую ночь я размышлял. Действительно набожные люди, приехав на этот праздник, попали в самое сердце лицемерия. Но они невинны перед Создателем. Если посещение Хардвара само по себе было грехом, я должен был громко выразить свой протест и покинуть Хардвар в день Кумбха. Если же паломничество в Хардвар и празднование Кумбха не считались греховными, мне следовало совершить какой-то акт самоотречения, чтобы очиститься от царившего там безобразия. Для меня это не было чем-то необычным. Вся моя жизнь строилась на многочисленных запретах и самоограничении. Я подумал о тех ненужных хлопотах, причиной которых я стал в Калькутте и Рангуне, о своих гостеприимных хозяевах, устроивших мне столь пышный прием, и твердо решил ограничить себя в еде и питаться строго до захода солнца. Я считал, что без этих ограничений причину своим будущим хозяевам значительные неудобства и заставляю их служить мне, вместо того чтобы служить им самому. Я поклялся съедать не более пяти продуктов в сутки и никогда не есть после наступления темноты во время пребывания в Индии. Я знал, какие

суровые испытания меня ждут, но не желал потакать своим слабостям. Я также решил, что в случае болезни включу лекарство в список этих пяти продуктов и не стану делать исключений даже для всевозможных диетических продуктов. Больше никаких исключений вообще, решил я.

Эти обеты я соблюдаю уже на протяжении тринадцати лет. Они стали жестоким испытанием, но смею утверждать, что они были все-таки и щитом. Как мне кажется, они продлили мою жизнь и уберегли меня от многих недугов.

8. ЛАКШМАН ДЖУЛА

Я вздохнул свободнее, когда добрался до гурукулы и встретился с махатмой Мунширамджи. Он был настоящим гигантом. Я сразу же отметил потрясающую разницу между покоем гурукулы и назойливым шумом Хардвара.

Махатма тепло приветствовал меня, а брахмачари отнеслись ко мне с большой любовью. Именно здесь я был представлен Ачарье Рамадевджи и сразу ощутил необыкновенную внутреннюю силу этого человека. У нас были разные мнения относительно одних и тех же вещей, но это не мешало нашему знакомству стать дружбой.

Мы долго спорили с Ачарьей Рамадевджи и другими преподавателями о необходимости введения производственного обучения в гурукуле. Когда настал день отъезда, я почувствовал, что не хочу покидать это место.

Я слышал немало хорошего о Лакшман Джуле (подвесном мосте над Гангом), находившемся недалеко от Ришикеша. Мои друзья настаивали, чтобы я обязательно взглянул на мост до отъезда из Хардвара. Я захотел добраться до него пешком и разбил свой путь на два этапа.

Многие *саньаси* (отшельники) встретились со мной в Ришикеше. Один из них особенно заинтересовался мной. Группа из Феникса была там, и ее присутствие вызвало у свами немало вопросов.

Мы побеседовали о религии, и он понял, насколько близко к сердцу я принимаю религиозные проблемы. Он увидел меня с непокрытой головой и без рубашки, когда я вернулся после омовения в Ганге. Его неприятно поразило отсутствие у меня *шикхи* (пучка волос) на голове и священного шнура на шее. Он сказал:

— Мне больно видеть вас, верующего индуса, без священного шнура и шикхи. Это два внешних символа индуизма, которые обязан иметь каждый индус.

Но нужно рассказать, как я лишился обоих символов. Когда я был десятилетним мальчишкой, я завидовал брахманам: на их священных шнурах висели связки ключей, и мне хотелось иметь такие же. Ношение священного шнура не было в то время обычным явлением в катхияварских семьях вайшья. Уже потом возникло движение, последователи которого выступали за то, чтобы шнур обязательно носили три высшие варны. В результате несколько членов клана Ганди надели их. Брахман, обучавший двоих или троих из нас «Рама Ракше», подарил нам такие шнуры, и, хотя целой связки ключей у меня не было, я добыл один ключ и привязал его к шнуру. Позже, когда он порвался, я не сильно расстроился и не стал надевать новый.

Когда я повзрослел, в Индии и Южной Африке на меня не раз пытались вновь надеть священный шнур, но безуспешно. Если шудры могут не носить его, говорил я, то какое право имеют на это представители других варн? Священный шнур казался мне всего лишь обычаем, которого совсем не обязательно придерживаться, хотя в целом против него я ничего не имел.

Как вишнуит я, естественно, носил бусы *кантхи*, а шикху считали обязательной люди старшего поколения. Однако перед отъездом в Англию я избавился от шикхи. Я посчитал, что каждый раз, когда я буду обнажать голову, этот пучок будет становиться предметом насмешек, а англичане, чего доброго, сочтут меня варваром. Меня так пугала

эта мысль, что уже в Южной Африке я заставил своего двоюродного брата Чхаганлала Ганди, который из религиозных соображений продолжал носить шикху, сбрить ее. Я переживал, что шикха помешает ему в общественной деятельности, и даже не побоялся обидеть его предложением избавиться от пучка.

Я поведал об этом свами, а затем сказал:

— Я не стану носить священный шнур, поскольку не вижу в этом никакой необходимости. Многие индусы не надевают его и по-прежнему остаются индусами. Более того, священный шнур — это символ духовного возрождения; он указывает на сознательное стремление того, кто его носит, к более возвышенной и чистой жизни. А я сомневаюсь, что при нынешнем состоянии индуизма и самой Индии индусы могут носить столь серьезный символ. Это право они получают только после того, как очистят себя от презрения к неприкасаемым, перестанут делить общество на высшие и низшие сословия, а также избавятся от множества других зол и позорных обычаев. Вот почему я не желаю носить священный шнур. Хотя при этом я уверен, что ваши мысли о шикхе уместны. Когда-то и у меня была шикха, а избавился я от нее из ложной стыдливости. Теперь мне кажется, что я должен вновь начать отращивать шикху. Мы с товарищами обсудим этот вопрос.

Свами не одобрил моих размышлений о священном шнуре. То, что мне самому казалось аргументами против его ношения, свами, напротив, считал лишь подтверждением того, что шнур необходим. Мое мнение и сегодня остается прежним. Пока существуют различные религии, каждая из них нуждается в каком-то своем внешнем отличительном символе, но, когда символ превращается в фетиш, в инструмент, демонстрирующий превосходство одной религии над другой, от него необходимо отказаться. Священный шнур, впрочем, не кажется мне чем-то, что возвышает индуизм, и потому я к нему равнодушен.

Так как низкая трусость заставила меня отказаться от шикхи, я решил отрастить ее заново, обсудив этот вопрос с друзьями.

Но вернемся к Лакшман Джуле. Я был заворожен пейзажами, которые увидел, направляясь к мосту, и склонил голову в знак уважения к нашим предкам, которые так тонко чувствовали красоту природы и умели наполнить ее религиозным смыслом.

Однако то, как люди пользовались этими прекрасными местами, глубоко опечалило меня. Как в Хардваре, так и в Ришикеше они загрязняли дороги и величественные берега Ганга. Они, не колеблясь, оскверняли священные воды реки. Мне было больно видеть, как они справляют нужду прямо у дороги или на берегу, хотя вполне могли бы отойти подальше от мест, которые так часто посещают другие.

Лакшман Джула оказался обычным железным подвесным мостом через Ганг. Мне рассказывали, что сначала он был канатным, но какой-то филантроп из марвари загорелся идеей разрушить его и построить дорогой железный, чтобы потом торжественно вручить ключи от него правительству! Я не могу ничего сказать о прежнем мосте, поскольку не видел его, но железный выглядит совершенно неуместным и уродует красоту пейзажа. А передача правительству ключей от моста паломников показалась мне чрезмерным проявлением лояльности даже в те дни, когда я и сам был искренне предан правительству.

Сваргашрам*, в который попадаешь, когда сходишь с моста, оказался убогим местом, представляющим собой несколько запущенных лачуг из листов оцинкованного железа. Мне сказали, что они предназначались для *садхаков* (паломников). Но в тот момент в них едва ли кто-то обитал, а те, которых я застал в главном здании, производили тягостное впечатление.

* Сваргашрам — поселение паломников.

И все же опыт, приобретенный в Хардваре, был для меня очень ценным. Он в какой-то мере помог решить, где мне следует жить и что я должен делать дальше.

9. О ТОМ, КАК БЫЛ ОСНОВАН АШРАМ

Поездка на праздник Кумбха стала моей второй поездкой в Хардвар.

Ашрам Сатьяграха был основан 25 мая 1915 года. Шраддхананджи хотел, чтобы я обосновался в Хардваре. Некоторые мои друзья из Калькутты рекомендовали Вайдьянатадхам. Другие настаивали на Раджкоте. Но когда мне случилось проезжать через Ахмадабад, многие товарищи упорно уговаривали меня осесть там, причем они вызвались найти средства на содержание ашрама и жилого дома, в котором мы смогли бы поселиться.

Я и прежде стремился в Ахмадабад. Будучи гуджаратцем по происхождению, я считал, что сумею послужить стране именно через язык гуджарати. К тому же Ахмадабад был старинным центром ручного ткачества и подходил для того, чтобы возродить традиции ручного прядения. Можно было также надеяться, что в столице Гуджарата денежную поддержку со стороны состоятельных граждан окажется получить легче, чем в других местах.

Вопрос о неприкасаемости стал одной из тем моих бесед с ахмадабадскими друзьями. Я сразу же сообщил им, что непременно приму в ашрам неприкасаемого, если он окажется достойным человеком.

— Где же вы найдете такого неприкасаемого, который будет соответствовать вашим требованиям? — усмехнувшись, поинтересовался друг-вишнуит.

Наконец я принял решение основать ашрам именно в Ахмадабаде. Разместиться нам помог Дживанлал Десаи, местный адвокат.

Он предложил арендовать его бунгало в Кочрабе, и мы приняли это предложение.

В первую очередь нужно было подумать о названии для нового ашрама. Я поговорил с друзьями. Предлагались названия «Севашрам» (пристанище служения), «Тапован» (пристанище аскетизма) и прочие. Мне бы приглянулось название «Севашрам», если бы в нем содержалось пояснение методов служения. «Тапован» показалось излишне вычурным. Хотя мы всерьез воспринимали *тапас* (аскетизм) мы не были подлинными *тапасванами* (аскетами). Нашей верой стала приверженность истине, а свое призвание мы видели в поисках истины и ее осуществлении. Я хотел познакомить индийцев с методами, опробованными мной в Южной Африке, и посмотреть, будут ли эти методы работать в Индии. А потому мы с моими товарищами выбрали название «Сатьяграха ашрам», поскольку оно отражало и наши цели, и методы служения.

Для ашрама необходимо было разработать систему правил и определенных ритуалов. Был подготовлен черновой вариант, и я предложил друзьям высказать свои мнения о нем. Я хорошо запомнил то, что сказал сэр Гурудас Бенерджи. Ему понравились правила, но он предложил добавить в список смирение, поскольку с прискорбием признавал, что молодому поколению не хватает именно его. Хотя я и сам знал об этом, я боялся, что смирение перестанет быть смирением, как только превратится в один из обетов. Подлинное смирение — это самоотречение. А самоотречение есть *мокша* (спасение), но ведь мокша сама по себе не может быть правилом, а это значит, что должны существовать другие правила, которые необходимо соблюдать для ее достижения. Если поступки человека, стремящегося к мокше или служению, не сопровождаются смирением или самоотречением, значит, нет и истинного стремления к мокше или служению. Служение без смирения — акт эгоизма и самолюбия.

В то время среди нас находилось около тринадцати тамиллов. Пятеро юных представителей этого народа устремились за мной из Южной Африки, а остальные собрались из разных мест Индии. Всего же нас насчитывалось примерно двадцать пять мужчин и женщин.

Так был основан ашрам. Все мы питались на общей кухне и старались жить как единая семья.

10. ПОД УДАРАМИ СУДЬБЫ

Ашрам едва ли просуществовал несколько месяцев, когда мы столкнулись с трудностями, которых я никак не мог предвидеть. Амритлал Таккар прислал мне письмо, в котором говорилось примерно следующее: «Скромная и честная семья неприкасаемых хотела бы присоединиться к вам в вашем ашраме. Вы примете ее?»

Письмо взволновало меня. Я не ожидал, что семья неприкасаемых, да еще и по рекомендации самого Таккара Бапа, так скоро попросится в наш ашрам. Я показал письмо своим товарищам. Они доброжелательно встретили эту новость.

Я написал ответ Амритладу Таккару и выразил нашу готовность принять семью при условии, что все ее члены готовы соблюдать правила ашрама.

Семья состояла из Дудабхая, его жены Данибен и их дочери Лакшми, тогда еще совсем несмышленной малышки. Дудабхай работал учителем в Бомбее. Они с женой согласились подчиняться правилам ашрама и были приняты.

Однако их появление вызвало беспокойство среди друзей, помогавших содержать ашрам. Яблоком раздора стал колодец, из которого продолжали брать воду для владельца бунгало. Человек, который набирал воду, считал, что теперь капли из нашего ведра оскверняют колодец. И он принялся поносить нас и чинить препятствия Дудабхаю. Я сказал всем не обращать внимания на ругань и несмо-

тря ни на что продолжать брать из колодца воду. Когда тот человек заметил, что мы не отвечаем на его брань, он устыдился своего поведения и перестал нас беспокоить.

Но тем не менее денежную поддержку нам оказывать перестали. Друг, который некогда интересовался, где я найду неприкасаемых, готовых подчиняться правилам ашрама, видимо, не предполагал, что эта проблема вообще когда-нибудь возникнет.

С прекращением материальной поддержки до нас дошли слухи о предполагаемом общественном бойкоте ашрама. Мы уже были готовы ко всему. Я сказал обитателям ашрама, что, даже если нас бойкотируют и откажут в праве получения самых обычных услуг, мы не покинем Ахмадабада. Мы предпочтем перебраться в квартал неприкасаемых и зарабатывать деньги самым тяжелым трудом.

Однажды Маганлал Ганди объявил мне:

— У нас полностью закончились средства, и на следующий месяц ничего не осталось.

Я спокойно ответил:

— Тогда нам нужно перебраться в квартал неприкасаемых.

Не в первый раз я сталкивался с такого рода трудностями, и всегда в самый последний момент Господь приходил мне на помощь. Как-то утром, вскоре после того, как Маганлал предупредил меня о том, что денег не осталось, ко мне прибежал один из мальчишек и сказал, что на улице в машине сидит некий шет, который хочет увидаться со мной. Я вышел, чтобы поприветствовать его.

— Я желал бы оказать вашему ашраму помощь. Вы примете ее?

— Разумеется, — ответил я. — Должен признаться, что сейчас мы на мели.

— Я вернусь завтра в это же время, — сказал он. — Вы будете здесь?

— Буду, — заверил его я, после чего он отбыл.

На следующий день точно в назначенное время у нашего дома остановилась машина, и раздался звук клаксона. Детишки пришли ко мне с новостями. Шет не стал заходить внутрь. Мне пришлось снова выйти к нему. Он вложил мне в руку пачку купюр — тринадцать тысяч рупий — и уехал.

Я никак не мог ожидать такой щедрой помощи и того, как необычно она была оказана! Этот джентльмен никогда раньше не посещал ашрама. Насколько помню, прежде я встречался с ним лишь однажды. Никаких визитов, никаких расспросов — просто вручил деньги и уехал! Это стало уникальным событием в моей жизни. Его помощь удержала нас от переезда в квартал неприкасаемых. Мы смогли чувствовать себя вполне уверенно на протяжении целого года.

Подобно тому, как буря разразилась вне ашрама, она грянула и внутри него. Хотя в Южной Африке друзья из касты неприкасаемых часто заходили ко мне, жили и питались вместе с нами, моя жена и другие женщины с неприязнью отнеслись к принятию неприкасаемых в ашрам. Я заметил их равнодушие или даже скорее враждебность по отношению к Данибен. Денежные затруднения были не так страшны, но этот внутренний раскол стал чем-то поистине невыносимым. Данибен была самой обыкновенной женщиной. Дадабхай оказался человеком не слишком образованным, но все понимавшим. Мне нравилось его терпение. Иногда темперамент его брал верх, но в целом на меня произвела хорошее впечатление его обычная сдержанность. Мне удалось убедить его не обращать внимания на мелкие обиды. Он не только согласился с этим сам, но и жену уговорил последовать моему совету.

Принятие в наши ряды этой семьи стало неоценимым уроком для обитателей ашрама. Мы объявили всему миру, что наш ашрам не пренебрегает неприкасаемыми. Таким образом, те, кто действительно хотел помогать нам, это поняли, и наша работа значительно упростилась. Денежная поддержка возобновилась. И сам по себе факт, что имен-

но глубоко религиозные ортодоксальные индусы оплачивали ежедневно возрастающие расходы ашрама, ясно показывает, насколько сильно были подорваны основы существования касты неприкасаемых в нашем обществе. На самом деле есть и много других доказательств, но то, что правочерные индусы не брезговали помогать ашраму, члены которого принимали пищу за одним столом с неприкасаемыми, тоже подтверждает мои слова.

К сожалению, мне придется опустить здесь ряд деталей, имеющих отношение к этой теме. Я не смогу рассказать о том, как мы сумели решить множество весьма деликатных вопросов, возникших из основного вопроса, как преодолели неожиданные препятствия, и о многом другом, что напрямую связано с моими экспериментами с истиной. Последующие главы тоже будут страдать подобными недостатками. Я вынужден буду опустить кое-какие важные подробности, потому что многие действующие лица этой драмы еще живы, и будет неверно без разрешения упоминать их имена в связи с событиями, в которые они были вовлечены. Вряд ли возможно получить их согласие или время от времени давать им вычитывать главы, в которых я называю их имена. Кроме того, подобные действия выходят за рамки автобиографии. А потому в дальнейшем эта история, как бы ценна она ни была, с моей точки зрения, для всех, кто находится в поисках истины, будет рассказана с неизбежными проблемами. Тем не менее я хочу и надеюсь с Божьей помощью довести свое повествование до периода отказа от сотрудничества с властями или несотрудничества.

11. КОНЕЦ КОНТРАКТНОЙ ЭМИГРАЦИИ

Сейчас мы ненадолго покинем ашрам, с самого первого дня сотрясаемый внутренними и внешними бурями, и обратимся к проблеме, полностью завладевшей моим вниманием.

Законотрафованные рабочие эмигрировали из Индии, чтобы трудиться по контрактам, которые заключались на пять или меньше лет. По соглашению Ганди—Смэтса* от 1914 года налог в три фунта, взимавшийся с рабочих, прибывших в Наталь по контракту, был упразднен, но проблема эмиграции из Индии все еще ждала своего решения.

В марте 1916 года пандит Мадан Мохан Малавияджи предложил Имперскому законодательному совету резолюцию о полной ликвидации системы контрактации. Лорд Хардинг объявил, что «получил от Его Величества обещание вскоре ликвидировать» эту систему. Однако мне показалось, что Индию не может удовлетворить столь туманное обещание, и я посчитал, что настало время открыто выступить против системы. Индия мирилась с ней из-за своей небрежности, но теперь народ был готов начать борьбу. Я встретился с некоторыми лидерами, написал статьи в газеты и убедился, что общественность твердо поддерживает немедленное упразднение системы. Было ли это подходящим поводом для сатьяграхи? Я не сомневался, что было, но пока не определил *modus operandi***.

Тем временем вице-король не скрывал того, что означает фраза «вскоре ликвидировать». Он объяснил, что «система будет ликвидирована через определенное время, в течение которого могут быть приняты некоторые другие альтернативные организационные меры».

Тогда, в феврале 1917 года, пандит Малавияджи попросил разрешения представить законопроект о незамедлительной ликвидации системы. Лорд Челмсфорд отказал. Настало время мне отправиться в путешествие по стране, чтобы провести всеиндийскую агитацию.

* Ян Христиан Смэтс (1870—1950) — южноафриканский политический и военный деятель, премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919—1924 и 1939—1948 гг.

** Образ действий (*лат.*).

Но прежде чем приступить к агитации, я счел необходимым встретиться с вице-королем. Он немедленно принял меня. Мистер Маффи, сейчас сэр Джон Маффи, был его личным секретарем. Я близко познакомился с ним, потом поговорил с лордом Челмсфордом, который в прежних неопределенных выражениях все же обещал оказать мне поддержку.

Свое путешествие я начал с Бомбея. Мистер Джехангир Петит взялся созвать митинг под руководством Имперской гражданской ассоциации. Но сначала исполнительный комитет ассоциации собрался, чтобы обсудить разработку резолюций, которые намеревались рассматривать на митинге. Доктор Стэнли Рид (ныне сэр), Лаллубхай Самалдас, адвокат Натараджан и мистер Петит присутствовали на совещании комитета. В центре дискуссии был вопрос сроков, в течение которых правительству следовало ликвидировать систему контрактации. Было представлено три предложения: «ликвидировать по возможности быстрее», «ликвидировать к 31 июля» и «ликвидировать немедленно». Я выступал за конкретную дату, поскольку в этом случае мы могли решить, что предпринять дальше, если правительство не удовлетворит наше требование к назначенному дню. Лаллубхай был сторонником немедленной ликвидации. Он заявил, что слово «немедленно» будет означать более короткий срок, чем «к 31 июля». Я объяснил, что народ не поймет смысла слова «немедленно». Если мы хотим, чтобы люди на что-то решились, нужно назвать им конкретную дату. Каждый будет трактовать слово «немедленно» по-своему — правительство воспримет его иначе, чем народ. А вот 31 июля невозможно трактовать как-то иначе, и, если к этому дню ничего не будет сделано, мы сможем перейти к дальнейшим действиям. Доктор Рид поддержал мой аргумент, а потом с ним согласился и Лаллубхай. Итак, мы решили, что правительство должно ликвидировать систему к 31 июля и ни днем позже. Резолюция

была одобрена на митинге в Бомбее, а затем и на других митингах по всей Индии.

Миссис Джаиджи Петит не пожалела сил, организовав женскую депутацию, которая должна была встретиться с вице-королем. Среди дам из Бомбея, вошедших в состав депутации, я запомнил имена леди Тата и ныне покойной Дилшад Бегам. Депутация произвела надлежащий эффект. Вице-король дал положительный ответ.

Я посетил Карачи, Калькутту и многие другие города. Повсюду проходили прекрасно организованные митинги и царил невероятный энтузиазм. Я не ожидал ничего подобного, когда начинал агитационную кампанию.

В те дни я обычно путешествовал один и потому приобрел очень необычный опыт. Люди из уголовного розыска постоянно следили за мной, но, поскольку скрывать мне было нечего, они меня не беспокоили, да я и сам не доставлял им трудностей. К счастью, к тому времени меня еще не наделили титулом «махатма», хотя я слышал, как его часто выкрикивали там, где люди хорошо знали меня.

В один из дней агенты все же потревожили меня на нескольких станциях, проверили мой билет и записали его номер. Я, конечно же, с готовностью отвечал на все задаваемые мне вопросы. Другие пассажиры принимали меня за садху или факира*. Заметив, как со мной обращаются на каждой станции, они рассердились и принялись бранить агентов.

— Зачем вы пристаёте к этому бедному садху без всякого повода? — с негодованием спрашивали они.

— Разве вы уже не показали свой билет этим негодьям? — обращались они ко мне.

Я мягко отвечал:

— Мне несложно показать им билет. Они всего лишь исполняют свои служебные обязанности.

* Здесь «факир» означает странствующего аскета.

Однако пассажиров это не успокоило. Они все больше сочувствовали мне и резко возражали против подобного обращения с невинным человеком.

Но агентов я еще как-то терпел. Настоящим испытанием стали поездки в третьем классе. Тяжелее всего пришлось, когда я ехал из Лахора в Дели. Я сначала отправился из Карачи в Калькутту через Лахор, где мне предстояло пересест в другой поезд. Но найти свободное место в вагонах у меня не получилось. Они были забиты людьми, и те, кто мог пробраться внутрь, нередко применяли силу и часто проникали в вагон через окно, если двери были уже закрыты. Мне нужно было добраться до Калькутты к назначенному дню митинга, и если бы я пропустил этот поезд, то не смог бы приехать вовремя. Я почти оставил надежду попасть в вагон. Меня нигде не пускали. Неожиданно один носильщик, заметивший мои метания, подошел ко мне и сказал:

— Дайте мне двенадцать анн, и я найду место.

— Хорошо, — ответил я, — вы получите свои двенадцать анн, как только я сяду.

Молодой человек стал переходить от вагона к вагону, взывая к пассажирам, но на него никто не обращал внимания. Когда поезд уже готовился к отправлению, кто-то из пассажиров сказал:

— Мест здесь нет, но можете впихнуть его в вагон, если желаете. Вот только ему придется стоять.

— Как вам это? — спросил носильщик.

Я охотно согласился, и тогда он поднял меня и затолкал в вагон через окно. Так я попал в поезд, а молодой человек заработал свои двенадцать анн.

Ночь превратилась в сплошное мучение. Остальные пассажиры кое-как сидели, а я простоял два часа, держась за цепь верхней полки. Некоторые пассажиры постоянно приставали ко мне.

— Почему вы не садитесь? — то и дело спрашивали они.

Я пытался объяснить им, что для меня нет места, но они

раздражались все сильнее, ведь я стоял прямо перед ними, хотя сами они вольготно расположились на верхних полках. Они продолжали досаждать мне, а я продолжал спокойно отвечать им. Наконец они смягчились. Несколько человек спросили, как меня зовут, и потеснились, чтобы дать мне возможность сесть. Так я был вознагражден за мое терпение. Я смертельно устал, у меня кружилась голова. И снова Бог спас меня, когда я крайне нуждался в этом.

Я все-таки сумел добраться до Дели, а затем до Калькутты. Магараджа Кассимбазара, председатель митинга в Калькутте, приютил меня в своем доме. Как и в Карачи, здесь царил всеобщий энтузиазм. На митинге было несколько англичан.

Еще до наступления 31 июля правительство выступило с объявлением, что контрактная эмиграция из Индии прекращается.

А ведь первую петицию, направленную против контрактации, я составил еще в 1894 году, уже тогда надеясь на ликвидацию этой «полурабской» системы, как называл ее сэр У. У. Хантер.

Множество людей внесло свою лепту в агитационную кампанию, развернувшуюся в 1894 году, но не могу не отметить, что только вероятность сатьяграхи приблизила крах системы.

Если читатель хочет узнать больше о ходе агитации и тех, кто участвовал в этой кампании, я вновь отсылаю его к своей книге «Сатьяграха в Южной Африке».

12. ПЯТНО ЦВЕТА ИНДИГО

Чампаран — земля короля Джанаки*. В этих местах много манговых рощ, а до 1917 года здесь было множество плантаций индиго. Чампаранские арендаторы по местному

* Король (или царь) Джанака — правитель государства Видеха, один из персонажей эпоса «Рамаяна».

закону обязывались засадить индиго три из двадцати частей арендуемого участка лично для своего землевладельца. Система была известна как *тинкатья*, поскольку три *ката* из двадцати (то есть ровно акр) отводилось под индиго.

Если честно, до того момента я ничего не знал ни о Чампаране, ни о его местоположении, ни о плантациях индиго. Я видел плоды индиго в пачках, но не знал, что их выращивают и обрабатывают в Чампаране ценой невероятных усилий тысяч земледельцев.

Раджкumar Шукла оказался одним из этих землевладельцев, изнемогавших под гнетом закона, и его переполняла решимость смыть это пятно цвета индиго с тысяч других арендаторов, страдавших так же, как он.

Этот человек буквально вцепился в меня в Лакхнау, куда я в 1916 году прибыл по делам Конгресса.

— Вакилбабу расскажет вам все о нашем горестном положении, — сказал он и умолял меня посетить Чампаран.

«Вакилбабу» оказался не кто иной, как бабу Баджжикшор Прасад — душа общественной работы в Бихаре, ставший позже моим близким товарищем в Чампаране. Раджкumar Шукла привел его ко мне в палатку. На нем был черный длинный камзол *ачкан* из шерсти альпаки и брюки. Баджжикшорбабу не произвел тогда на меня какого-то особого впечатления. Мне показалось, что это обычный вакил, пользующийся невежеством крестьян. Услышав от него о происходящем в Чампаране, я, по своему обыкновению, ответил:

— Не могу сказать ничего определенного, пока не увижу то, что вы рассказали, своими глазами. Пожалуйста, представьте свою резолюцию Конгрессу, но меня сейчас не отвлекайте.

Раджкumar Шукла, разумеется, хотел получить помощь Конгресса. Баджжикшорбабу Прасад представил резолюцию в поддержку земледельцев Чампарана, которую приняли единогласно.

Раджкумар Шукла был очень рад, но не остановился на достигнутом. Он хотел, чтобы я лично посетил Чампаран и стал свидетелем бед земледельцев. Я пообещал ему включить Чампаран в список мест, которые собирался посетить, и провести там день или два.

— Одного дня будет вполне достаточно, — заверил он меня, — и вы все успеете увидеть своими глазами.

Из Лакхнау я отправился в Канпур. Раджкумар Шукла последовал за мной.

— До Чампарана отсюда очень близко. Пожалуйста, уделите один день, — настаивал он.

— Пожалуйста, извините меня на сей раз, но скоро я непременно приеду, — сказал я, связав себя обещанием.

Я вернулся в ашрам. Вездесущий Раджкумар поджидал меня и там.

— Пожалуйста, хотя бы назовите день, когда приедете, — умолял он.

— Хорошо, — ответил я. — Мне необходимо быть в Калькутте такого-то числа. Приезжайте ко мне, и мы отправимся оттуда вместе.

Я понятия не имел, куда должен поехать, что мне предстоит там увидеть и как стоит поступить.

Прежде чем я добрался до Бхупенбабу в Калькутте, Раджкумар Шукла, опередив меня, уже поселился у него. Этот невежественный, простой, но решительный земледelec сумел-таки очаровать меня. В начале 1917 года мы выехали из Калькутты в Чампаран. Выглядели мы оба как обычные деревенские жители. Я даже не знал, каким поездом мы поедем. Раджкумар Шукла привел меня на вокзал, и мы продолжили путь вместе. К утру мы прибыли в Патну.

Я впервые оказался в Патне. У меня не было там ни друзей, ни знакомых, на которых я мог бы опереться. Я рассчитывал, что Раджкумар Шукла, пусть он и был простым земледельцем, должен обладать хоть каким-то влиянием в этом городе. По дороге я успел узнать его немного луч-

ше, и к моменту нашего приезда в Патну у меня не осталось никаких иллюзий. Он и сам был не слишком-то осведомлен о происходящем. Вакилы, которых он принимал за своих друзей, оказались совсем не теми людьми, за которых себя выдавали. Они превратили беднягу Раджкумара в своего слугу. Между такими земледельцами-клиентами и их «вакилами» — пропасть шириной с Ганг в период разлива.

Раджкумар Шукла привел меня в дом Раджендрабабу в Патне, но хозяин как раз уехал в Пури или какой-то другой город, сейчас я уже не помню, в какой именно. В бунгало оставались лишь слуги, не обратившие на нас никакого внимания. У меня была с собой еда, но я хотел угоститься финиками, которые мой спутник купил на базаре.

В Бихаре строго соблюдался обычай неприкасаемости. Я не мог брать воду из колодца, когда им пользовались слуги, чтобы капли из моего ведра не осквернили их, поскольку слуги не знали, к какой касте я принадлежу. Раджкумар показал мне туалет, расположенный внутри дома, но один из слуг быстро перенаправил меня к отхожему месту во дворе. Все это уже не могло удивлять или раздражать меня, поскольку я выработал в себе иммунитет к подобным явлениям. Слуги исполняли свои обязанности, считая, что Раджендрабабу, их хозяин, одобрил бы их поведение.

Я стал уважать Раджкумара Шуклу еще больше, когда узнал его ближе. Во многом этому способствовали описанные мной события. Увы, понял я и другое: Раджкумар Шукла ничем не мог мне помочь. Приходилось брать все в свои руки.

13. ДОБРЫЕ ЛЮДИ ИЗ БИХАРА

Я познакомился с маулана* Мазхарулом Хаком еще в Лондоне, где он изучал юриспруденцию. В 1915 году я встретил его на сессии Конгресса в Бомбее (его тогда

* Маула на — мусульманский титул, присваиваемый уважаемым людям.

избрали председателем Мусульманской лиги), он пожелал возобновить наше знакомство и предложил мне остановиться у него, когда бы мне ни довелось оказаться в Патне. Я вспомнил об этом приглашении и отправил ему записку, указав цель своего приезда. Он немедленно приехал ко мне на машине и настоял, чтобы я воспользовался его гостеприимством. Я поблагодарил его и попросил помочь мне сесть на поезд до следующего моего пункта назначения — местное железнодорожное расписание было настоящей китайской грамотой для такого чужака, как я. Он побеседовал с Раджкумаром Шуклой и предложил мне начать с Музаффарпура. Поезд туда отходил тем же вечером, и Мазхарул Хак проводил меня на вокзал.

Тогда в Музаффарпуре находился Крипалани. Я был знаком с ним еще со времени своего визита в Хайдарабад. Доктор Чойтрам много рассказывал мне о его жертвенности, простом образе жизни и об ашраме, который сам Чойтрам мог содержать на средства, выделенные профессором Крипалани. Он был профессором правительственного колледжа в Музаффарпуре и ко времени моего приезда совсем недавно покинул этот пост. Я отправил телеграмму, сообщил о своем визите, и он встретил меня на станции в сопровождении целой толпы студентов, хотя поезд прибывал туда в полночь. У него не было своего жилья, и я остановился у профессора Малкани, у которого жил сам Крипалани. То, что профессор правительственного учебного заведения дал приют такому человеку, как я, считалось в те дни довольно необычным.

Профессор Крипалани рассказал мне о сложной ситуации в Бихаре, а особенно в округе Тирхут, и объяснил, насколько трудна вставшая передо мной задача. Он сам уже смог подружиться с бихарцами и поведал им о том, зачем я приехал в Бихар.

Утром ко мне пришла небольшая группа местных вакилов. Я до сих пор помню, что среди них был Рамнавми

Прасад, чей серьезный подход к делу особенно понравился мне.

— Невозможно, — сказал он, — сделать то, ради чего вы приехали, если останетесь здесь (он имел в виду квартиру профессора Малкани). Вам следует перебраться к кому-нибудь из нас. Гаябабу — известный в Бихаре вакил. Я пришел, чтобы от его имени пригласить вас остановиться у него. Должен признать, мы все побаиваемся правительства, но все равно окажем вам посильную помощь. Большая часть того, о чем рассказал вам Раджкumar Шукла, чистая правда. Жаль, что сегодня с нами нет наших лидеров. Однако я послал телеграммы им обоим — Брадджишорбабу Прасаду и Раджендрабабу Прасаду. Предполагаю, что они появятся совсем скоро и наверняка смогут дать вам всю необходимую информацию, чтобы помочь. Но, пожалуйста, отправляйтесь сейчас в дом Гаябабу.

Я не мог отказать, хотя и колебался, потому что боялся поставить Гаябабу в неловкое положение. Однако он успокоил меня, и я перебрался к нему. Он и его домочадцы приняли меня очень тепло.

Брадджишорбабу приехал из Дарбханги, а Раджендрабабу — из Пури. Причем Брадджишорбабу оказался теперь совсем не тем Брадджишорбабу Прасадом, которого я встретил в Лакхнау. Теперь он поразил меня своими смирением, простотой, добротой и чрезвычайной религиозностью, столь характерной для обитателей Бихара, и я от всего сердца возрадовался подобной перемене. А величайшее уважение к нему вакилов из Бихара стало еще одним приятным сюрпризом.

Вскоре я почувствовал, что нашел новых друзей на всю жизнь. Брадджишорбабу сообщил мне все необходимые сведения. Он взял себе за правило защищать бедных арендаторов. Он как раз занимался двумя такими случаями, когда я встретился с ним. Если ему удавалось выиграть любой процесс в суде, он искренне радовался, потому что

чувствовал, что делает что-то хорошее для этих несчастных людей. Впрочем, гонорары он все равно брал. Многие адвокаты придерживаются мнения, что без вознаграждения они уже не смогут больше помогать беднякам, так как лишатся средств к существованию. Размеры гонораров адвокатов в Бенгалии и Бихаре потрясли меня.

— Такому-то нам пришлось выплатить десять тысяч рупий за консультацию, — говорили мне.

Это всегда были четырехзначные цифры.

Друзья выслушали мои сдержанные упреки, но поняли меня правильно.

— Изучив материалы дел, — сказал я, — я понял, что нам не следует обращаться в суд. Судебное разбирательство ничего не даст. Там, где крестьяне настолько раздавлены обстоятельствами и запуганы, обращение в суд бесполезно. Настоящее облегчение арендаторам принесет только избавление от этого постоянного страха. Мы не сможем успокоиться, пока не ликвидируем в Бихаре систему тинкатья. Я думал, что уеду отсюда уже через два дня, но теперь понял, что эта работа может продлиться и два года. Я готов, если будет нужно, уделить ей столько времени. Я наконец обрел твердую почву под ногами, но мне все равно понадобится ваша помощь.

Браджкишорбабу выслушал мои слова с редкостным спокойствием.

— Мы окажем вам посильную помощь, — хладнокровно сказал он. — Но только объясните, как именно помочь.

А потом мы беседовали до полуночи.

— Мне не понадобятся ваши юридические знания, — объяснил я им. — Мне понадобится помощь клерков и переводчиков. Может возникнуть угроза тюремного заключения, но как бы мне ни хотелось услышать, что вы готовы к подобному риску, решать все равно вам. Даже просто оставить основные профессиональные обязанности и стать клерками на неопределенное время уже будет боль-

шим вкладом в общее дело. Мне трудно понимать местный диалект хинди. Я не смогу читать документы, написанные на кайтхи или урду. Нужно будет, чтобы вы переводили их для меня. Мы не можем себе позволить оплачивать такие услуги. Все это придется делать, опираясь лишь на любовь к людям и служение им.

Браджкишорбабу все схватывал на лету. Он сразу же принялся расспрашивать меня и своих товарищей. Он уточнял каждую деталь: на какой срок может понадобиться помощь, сколько человек будет необходимо выделить, смогут ли они работать по очереди и так далее. Затем он обратился к вакилам и спросил, готовы ли они пойти на такие жертвы.

Они сказали мне:

— Столько-то человек из нас готовы делать все, о чем вы попросите. Некоторые смогут пробыть с вами столько времени, сколько вам потребуется. А вот новость о том, что нам может угрожать тюремное заключение, — это для нас нечто новое. Мы постараемся ее тщательно обдумать.

14. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АХИМСОЙ

Я должен был разобраться в положении земледельцев Чампарана и понять суть их жалоб на плантаторов индиги. Для этого требовалось поговорить с тысячами крестьян, но я посчитал, что сначала неплохо было бы уточнить позицию плантаторов и встретиться с комиссаром округа. Я обратился к ним, и мне назначили встречи.

Секретарь Ассоциации плантаторов прямо заявил мне, что я чужак и не имею права вмешиваться в отношения между плантаторами и арендаторами их земель, а если мне необходимо сделать какое-либо заявление, я могу подать его в письменной форме. Я вежливо возразил, что не считаю себя чужаком и имею полное право разобраться в положении арендаторов, раз они сами захотели, чтобы я сделал это.

Комиссар, с которым я также встретился, грубо давил на меня на протяжении всего нашего разговора и посоветовал немедленно покинуть Тирхут.

Я рассказал обо всем своим товарищам и добавил, что, по всей вероятности, правительство не позволит мне вести здесь дальнейшую работу. Я могу попасть в тюрьму гораздо раньше, чем предполагал, сказал я, и будет лучше, если меня арестуют в Мотихари или, возможно, в Беттиахе. Вот почему мне следовало отправиться в одно из этих мест как можно скорее.

Чампаран относится к округу Тирхут, а Мотихари — его главный город. Дом Раджкумара Шуклы находился недалеко от Беттиаха. Арендаторы участков земли (*коти*) в его окрестностях были самыми бедными в округе. Раджкумар Шукла хотел, чтобы я непременно встретился с ними, и я не возражал.

В тот же день в сопровождении моих новых помощников я выехал в Мотихари. Горакхбабу Прасад разместил нас в своем доме, и он стал похож на караван-сарай, поскольку места для всех не хватало. Почти сразу мы услышали, что примерно в пяти милях от Мотихари один из плантаторов избил своего арендатора. Было решено, что уже на следующее утро я отправлюсь туда в сопровождении Дхаранидхарбабу Прасада и встречу с пострадавшим. Мы выехали верхом на слонах. Должен отметить, что слоны в Чампаране использовались так же часто, как буйволы в Гуджарате. Мы едва ли проделали половину пути, когда нас нагнал посыльный от начальника полиции и сказал, что тот велел передать мне привет. Я понял смысл этого приветствия. Оставив Дхаранидхарбабу, я пересел в экипаж посыльного. Только тогда он сказал о том, что мне приказано покинуть Чампаран, и привез меня назад. Когда посыльный попросил меня подтвердить получение уведомления, я написал записку, в которой указал, что не собираюсь подчиняться предписанию и уезжать из Чам-

парана, пока мое расследование не будет закончено, после чего мне вручили повестку, предлагавшую явиться на следующий день в суд, поскольку я отказываюсь подчиниться требованиям властей.

Следующую ночь я провел без сна, занятый написанием писем и составлением инструкций для Брадджишпорбабу Прасада.

Новость об уведомлении и повестке распространилась со скоростью лесного пожара, и мне сказали, что в тот день в Мотихари происходили невероятные события. Дом и двор Горакхбабу заполнились людьми. К счастью, я закончил всю необходимую работу ночью и потому мог теперь попытаться справиться с толпой. Мои товарищи очень помогли мне. Они контролировали людей, которые следовали за мной всюду, куда бы я ни направился.

Между главой налоговой службы, судьей, начальником полиции и мной установились вполне сносные отношения. Я имел законные основания не подчиняться требованиям, но тем не менее принял чиновников, и мое поведение по отношению к ним было предельно корректным. Они поняли, что в мои намерения не входит наносить им личные обиды, что я собираюсь лишь оказать гражданское неповиновение приказам. Это успокоило их, и, вместо того чтобы продолжать изводить меня, они приняли помощь от меня и моих товарищей, старавшихся умирить толпу. Впрочем, им ясно показали, что власть их подорвана. Люди в тот момент перестали бояться возможных наказаний и подчинялись только силе любви, которую принес сюда их новый друг.

Важно помнить и о том, что в Чампаране меня никто не знал. Все крестьяне были неграмотны. Чампаран, расположенный далеко к северу от Ганга, у самого подножия Гималаев, рядом с Непалом, отрезан от остальной территории Индии. О Конгрессе здесь практически никто не слышал, а те, кто все-таки слышал, боялись присоединиться

к нему и упоминать о нем. И вот теперь Конгресс и его члены оказались в этих краях. Пусть они действовали не от имени Конгресса, зато их цели были реальными.

Поговорив с товарищами, я решил и дальше ничего не предпринимать от имени Конгресса. Мы хотели настоящих результатов, а не громких слов, дела по существу, а не по видимости. Конгресс в этих краях был объектом ненависти правительства и тех, кто им манипулировал, — плантаторов. Для них Конгресс стал символом юридического вмешательства в их дела, нарушения закона, взрывов бомб, анархической преступности, дипломатических уверток и лицемерия. Нам необходимо было вывести из заблуждения как правительство, так и плантаторов. Потому мы приняли решение даже не упоминать о Конгрессе и не рассказывать крестьянам, что это за организация. Мы подумали, что им следует проникнуться самим духом Конгресса и следовать именно ему, а не букве.

Понятно, что никаких эмиссаров Конгресс не отправлял туда ни тайно, ни открыто, чтобы подготовить почву для нашей деятельности. Раджкумар Шукла не был способен агитировать тысячи крестьян. Среди них не велось никаких политических мероприятий. Мир за пределами Чампарана оставался для них загадкой, и все же они приняли меня так, словно мы были давними друзьями. Я не преувеличу, если скажу, что, встретившись с этими крестьянами, я встретился лицом к лицу с Господом, ахимсой и истиной.

Когда я думаю о своем титуле «махатма», то не нахожу в нем ничего, кроме любви к людям. Такова моя нестибаемая вера в ахимсу.

Тот день в Чампаране стал памятным событием в моей судьбе. Днем с большой буквы и настоящим праздником и для меня, и для крестьян.

Согласно закону, я должен был предстать перед судом, но на самом деле перед судом предстало само правитель-

ство. Своими действиями комиссар добился только того, что власти запутались в собственных сетях, раскинутых для меня.

15. ДЕЛО ЗАКРЫТО

Суд начался. Государственный защитник, судья и остальные чиновники оказались в полной растерянности, не зная, как поступить. Защитник просил судью отложить слушание дела, но я вмешался и, в свою очередь, попросил слушание не откладывать, поскольку собирался признать себя виновным в неподчинении предписанию покинуть Чампаран. Затем я зачитал небольшое заявление:

«Если суд позволит, я хотел бы выступить с коротким заявлением и объяснить, почему предпринял столь серьезный шаг, который рассматривается как неподчинение приказам по статье 144 Уголовно-процессуального кодекса. Как мне кажется, все дело в конфликте мнений — моего и местной администрации. Я прибыл сюда, чтобы служить людям и интересам нации. Я поступил так в ответ на настойчивые просьбы приехать и помочь крестьянам, которые утверждают, что с ними несправедливо поступают плантаторы индиго. Но я не мог помочь, не разобравшись в этой ситуации. Итак, я приехал, чтобы разобраться, и рассчитывал на содействие администрации и самих плантаторов. Никаких других мотивов у меня не было, и я не верю, что мой приезд мог сколько-нибудь нарушить общественный покой или послужить причиной чьей-либо смерти. Смею утверждать, что приобрел некоторый опыт в подобных делах. Однако администрация восприняла все иначе. Я полностью понимаю затруднения ее представителей и согласен с тем, что они могли действовать только на основе полученной ими информации. Моим первым побуждением как законопослушного гражданина было подчиниться отданным мне приказам. Но я не смог бы сделать этого, не изменив своему долгу перед теми, ради

кого приехал сюда. Мне думается, что я смогу послужить им, только оставаясь среди них. А посему я не имею права добровольно отойти в сторону. В сложившейся ситуации ответственность за свой отъезд я могу возложить только на правительство. Я также в полной мере осознаю тот факт, что человек, занимающий в общественной жизни Индии такое положение, какое занимаю я, должен соблюдать крайнюю осторожность, становясь примером для других. Я твердо уверен, что в этих сложных обстоятельствах уважающий себя человек может совершить только один благородный поступок: не протестуя, принять наказание за неподчинение властям.

Я выступаю с этим заявлением не для того, чтобы смягчить приговор, который может быть вынесен, но чтобы показать, что я проигнорировал приказ не из неуважения к законным властям, а подчиняясь самому высокому закону нашего существования — голосу совести».

Теперь вроде бы не оставалось повода откладывать слушание, но и судья, и защитник так удивились, что слушание все же отложили. Я сразу же телеграфировал обо всем вице-королю, друзьям в Патне, пандиту Мадану Мохану Малавию и прочим.

Но прежде чем я снова появился в суде, чтобы выслушать приговор, судья прислал мне письменное уведомление, что вице-король распорядился закрыть мое дело. Затем и глава налоговой службы написал мне о том, что я могу продолжать свое расследование и что чиновники окажут мне все необходимое содействие. Никто из нас не был готов к столь быстрому и благоприятному исходу.

Я навестил главу налоговой службы мистера Хейкока. Он показался мне порядочным и справедливым человеком. Он сказал, что я могу получить от него любые документы, с которыми пожелаю ознакомиться, а также навещать его лично, когда сочту это необходимым.

Таким образом страна получила первый наглядный урок гражданского неповиновения. Дело обсуждалось устно и в прессе, и мое расследование стало очень известным.

Чтобы моя работа продолжалась, власти должны были оставаться нейтральными. Я не нуждался в поддержке репортеров и программных статей газет. Ситуация в Чампаране была настолько деликатной и сложной, что чересчур энергичная критика или публикации, авторы которых нередко стущают краски, могли все испортить. Поэтому я написал письма редакторам наиболее крупных газет с просьбой не присылать своих журналистов, а также предложил отправлять им все необходимые материалы и вообще держать их в курсе дела.

Я знал, что решение правительства не препятствовать моему пребыванию в Чампаране очень не понравилось местным плантаторам, и мне также было ясно, что и чиновникам, хотя они не высказывались об этом открыто, едва ли пришлось по душе такое решение. Вот почему недостоверные публикации только рассердили бы и плантаторов, и чиновников, а их гнев обрушился бы не на меня, а на несчастных, охваченных страхом крестьян, что помешало бы моим поискам истины в этом нелегком деле.

Хотя я и принял определенные меры предосторожности, плантаторы развернули бурную агитацию против меня. В прессе стали публиковаться разнообразные лживые сообщения о моих помощниках и обо мне самом. Но моя крайняя осторожность и приверженность истине в самых незначительных деталях притупили их меч.

Плантаторы не пожалели сил, чтобы очернить Баджишорбабу, но чем неистовее они обливали его грязью, тем лучше становилась его репутация в народе.

Ситуация была крайне деликатная, и я посчитал, что будет неправильно приглашать лидеров из других провинций. Пандит Малавия заверил меня, что явится по первому моему зову, но я не тревожил его. Так мне удалось не

позволить политике вмешаться в эту борьбу. Но я время от времени посылал лидерам и в редакции наиболее влиятельных газет свои отчеты — не для публикации, а просто для ознакомления. Я понимал, что делу, конечная цель которого политическая, а сущность — нет, нельзя придавать политический характер. Напротив, будет только лучше, если политика останется в стороне. Впрочем, борьба, раз-вернувшаяся в Чампаране, стала доказательством того, что бескорыстное служение людям в любой сфере жизни в конечном счете окажется полезным для всей страны, в том числе и в политическом плане.

16. МЕТОДЫ РАБОТЫ

Чтобы представить читателю полный отчет о чампаранском расследовании, мне пришлось бы углубиться в историю крестьянства в этих краях, что совершенно невозможно в рамках настоящей книги. Работа в Чампаране стала смелым экспериментом с истиной и ахимсой, а потому я расскажу здесь только о том, что, как я считаю, достойно упоминания именно с этой точки зрения. Читателей, желающих узнать прочие подробности, отсылаю к истории сатьяграхи в Чампаране, написанной Раджендрой Прасадом на хинди. Насколько я знаю, ее английский перевод уже совсем скоро выйдет в свет.

Однако вернемся к главной теме этой главы. Расследование невозможно было продолжать, оставаясь в доме Горакхбабу, поскольку это вынудило бы самого хозяина покинуть свое жилище. А люди в Мотихари по-прежнему боялись сдать нам дом. И все же Брахджишорбабу сумел найти достаточно просторное помещение с большим садом, и мы перебрались туда.

Продолжать работу без денег было, конечно, невозможно, но и обратиться за средствами к местным жителям мы не могли. Брахджишорбабу и его друзья, преимуществен-

но вакилы, либо брали средства из собственного кармана, либо получали их от знакомых, когда возникала такая необходимость. Они не хотели требовать денег у людей, пока могли достать их сами. Мне это казалось разумным. Я твердо решил ничего не брать у земледельцев Чампарана, ведь это почти наверняка было бы неверно истолковано. Не хотел я обращаться за деньгами и к населению всей страны, поскольку это придавало бы нашему расследованию всеиндийский характер и опять-таки политическую окраску. Друзья из Бомбея предложили пятнадцать тысяч рупий, но я поблагодарил их и отказался. Я решил получить с помощью Баджжишорбабу как можно больше средств от богатых жителей Бихара, обитавших вне Чампарана, а если потребуется больше денег, обратиться к своему другу в Рангуне — доктору Мехте. Доктор Мехта охотно согласился переслать мне необходимую сумму, и мы успокоились. Нам не должно было понадобиться слишком много денег, поскольку мы соблюдали строжайшую экономию, соответствующую общей бедности чампаранского населения. И в самом деле, в конце концов мы обнаружили, что действительно не нуждались в крупной сумме. Если не ошибаюсь, мы истратили всего около трех тысяч рупий и сумели сэкономить несколько сотен рупий из собранных средств.

Образ жизни моих товарищей по работе с первых дней кампании стал предметом постоянных насмешек. Каждый из вакилов имел слугу, повара, отдельную личную кухню. Нередко они ужинали почти в полночь. Хотя они, конечно же, сами оплачивали свои расходы, их беспорядочная жизнь тревожила меня, но, поскольку мы стали близкими друзьями, между нами не было недопонимания, и они благосклонно встречали мои попытки шутить на эту тему. В итоге они все-таки решились избавиться от прислуги, объединить кухни и питаться в строго определенное время. Однако не все были вегетарианцами, а содержать две кухни

было бы слишком дорого, поэтому мои товарищи согласились оставить одну вегетарианскую кухню. Мы также решили есть самые простые блюда.

Эти решения помогли нам сэкономить средства, время и силы, которые были так нужны нам. Толпы крестьян приходили к нам с заявлениями и приводили товарищей, заполнявших и дом, и сад целиком. Все усилия моих друзей избавить меня хотя бы от желающих получить даршан зачастую были напрасными, и нам пришлось даже составить расписание для тех, кто приходил за даршаном. Пять или семь добровольцев требовалось для записи показаний земледельцев, и все равно некоторые из посетителей уходили от нас поздно вечером ни с чем. Впрочем, нам уже и не требовалось столько заявлений, ведь многие из них повторяли одну и ту же историю, но мы продолжали эту работу, поскольку не хотели разочаровать людей. Мне нравилось их отношение к нашему делу.

Те, кто принимал заявления, должны были следовать определенным правилам. Каждый из крестьян подвергался тщательному допросу, и тех, кто не выдерживал этого своеобразного экзамена, мы отправляли домой. Конечно, это требовало немало времени, но зато мы могли быть уверены в том, что полученные нами показания правдивы.

Чиновник уголовного розыска непременно присутствовал при записи всех показаний. Мы могли бы запретить ему находиться с нами, но с самого начала решили не просто терпеть присутствие людей из уголовного розыска, но и относиться к ним подчеркнуто вежливо и предоставлять всю необходимую информацию. Это не приносило нам никакого вреда. Напротив, сам факт того, что показания записываются в присутствии чиновников, придавал крестьянам храбрости и уверенности в себе. С одной стороны, крестьяне постепенно переставали бояться уголовного розыска, с другой стороны, они не смели что-либо преувеличить в своих показаниях, поскольку чиновник старался

подловить их и заставлял быть более осторожными в высказываниях.

Я не хотел раздражать плантаторов и стремился завоевать их доверие, а потому писал им письма и встречался с теми из них, против кого выдвигались наиболее серьезные обвинения. Я также встречался с представителями Ассоциации плантаторов, передавал им жалобы земледельцев и выслушивал их мнение. Некоторые плантаторы ненавидели меня, другие относились ко мне равнодушно, и лишь немногие проявляли вежливость и уважение.

17. МОИ ТОВАРИЩИ ПО РАБОТЕ

Брадджишорбабу и Раджендрабабу были неподражаемы. Я не мог обходиться без них. Их ученики или скорее товарищи по работе — Шамбхаубабу, Анутрахабабу, Дхаранибабу, Рамнавмибабу и другие вакилы — тоже постоянно находились вместе с нами. Время от времени приходили, чтобы помочь нам, Виндхьябабу и Джанақдхарибабу. Все они жили в Бихаре. Их основной обязанностью было записывать показания крестьян.

Профессор Крипалани тоже не мог не поучаствовать в нашей деятельности. Рожденный в Синде, он казался бихарцем больше, чем те, кто родился в Бихаре. Я не часто встречал людей, способных так быстро освоиться в чужой для них обстановке. Крипалани был именно таким. Нельзя было даже предположить, что он происходил из другой части страны. Для меня он стал кем-то вроде «телохранителя». Какое-то время он помогал мне спастись от желающих обрести даршан. Ему удавалось отваживать таких посетителей с помощью остроумных шуток или безобидных угроз. С наступлением вечера он брал на себя обязанности преподавателя и знакомил соратников со своими историческими исследованиями и наблюдениями. Кроме того, он неизменно ободрял самых робких из наших визитеров.

Маулана Мазхарул Хак тоже вписал свое имя в список помощников, на которых я мог в случае особой необходимости рассчитывать, и заглядывал к нам несколько раз в месяц. Помпезность и роскошь, которыми он был прежде окружен, резко контрастировали с его нынешним простым образом жизни. Для нас он был своим, хотя оставшаяся у него привычка модно одеваться могла произвести на чужака совершенно иное впечатление.

Я набирался все больше опыта в Бихаре, и во мне крепло убеждение, что вести постоянную работу здесь невозможно, не обучив деревенских жителей. Невежество крестьян вызывало досаду и сожаление. Они либо позволяли своим детям слоняться без дела, либо заставляли их тяжело трудиться от рассвета до заката на плантациях индиго за пару медяков в день. В те времена заработок мужчины не превышал десяти пайсов, женщины получали шесть, а дети — три. Если кому-то удавалось заработать за день четыре анны, его считали счастливым.

Посоветовавшись с соратниками, я решил открыть начальные школы в шести деревнях. Жителям деревень мы поручили обеспечить учителей столом и жильем, а на себя взяли все остальное. У деревенского народа не было свободных денег, но люди вполне могли предоставить продовольствие. Они сразу же предложили приносить зерно и прочие продукты.

Большой проблемой стали поиски учителей. Было нелегко найти среди местных жителей учителей, которые согласились бы получать совсем небольшие деньги или работать вообще без денежного вознаграждения. К тому же я не хотел доверять детей обычным преподавателям. Была важна не столько их квалификация, сколько внутренние качества.

Поэтому я обратился к народу и сообщил, что ищу учителей-добровольцев. На мое обращение немедленно откликнулись. Гангадхаррао Дешпанде прислал Бабасахиба

Сомана и Пундалика. Шримати Авантикабай Гокхале пожаловала из Бомбея, а миссис Анандибай Вайшампаян — из Пуны. Я вызвал из ашрама Чхоталала, Сурендранатха и своего сына Девдаса. Примерно в то же время Махадев Десаи и Нарахари Парикх с женами решили присоединиться ко мне. Кастурбай также привлекли к работе. Так у нас сформировался достаточно сильный отряд. Шримати Авантикабай и шримати Анандибай были хорошо образованны, но шримати Дурга Десаи и шримати Манибен Парикх обладали лишь кое-какими познаниями в гуджарати, а Кастурбай не могла похвастаться и этим. Разве сумели бы эти женщины обучать детей на хинди?

Я объяснил им, что нужно не столько учить детишек грамматике и трем основным предметам начальной школы — чтению, письму и арифметике, сколько объяснять им важность соблюдения правил личной гигиены и хороших манер. Я также добавил, что различие между письменностью гуджарати, хинди и маратхи небольшое и по крайней мере в начальных классах обучение алфавиту и основам арифметики не будет особенно сложным. В результате классы, которыми руководили женщины, оказались наиболее успешными. Это укрепило их веру в себя и вдохновило продолжить работу. Школа Авантикабай стала примером для остальных. Она вкладывала всю свою душу и все способности в наше новое дело. Благодаря этим женщинам мы смогли ближе познакомиться с деревенскими жительницами.

Но я не хотел останавливаться на достигнутом. В деревнях царил антисанитария, дороги были грязными, колодцы — мутными и зловонными, а дворы выглядели невыносимо запущенными. Поэтому взрослые местные жители тоже нуждались в лекциях по гигиене. Все они страдали разнообразными кожными заболеваниями. Мы решили провести как можно больше санитарных мероприятий и разобраться вообще в каждом аспекте жизни деревни.

Для этого, конечно, требовались врачи. Я обратился к обществу «Слуги Индии» с просьбой предоставить нам услуги доктора Дева. Мы с ним были добрыми друзьями, и он охотно согласился поработать с нами шесть месяцев. Все наши учителя — и мужчины, и женщины — трудились под его началом.

Мы попросили их не вмешиваться в борьбу с плантаторами или в политику. Людей, приходивших к ним с жалобами, следовало перенаправлять ко мне. Каждый должен был действовать в рамках поставленной перед ним задачи. И все мои товарищи очень строго придерживались полученных инструкций. Я не помню, чтобы кто-то из них хотя бы раз нарушил дисциплину.

18. РАБОТА В ДЕРЕВНЯХ

Мы постарались, насколько это было возможно, поручить каждую школу одному мужчине и одной женщине. Они также по необходимости оказывали первую помощь и следили за чистотой помещений. С женской частью населения мы общались исключительно через наших женщин.

Медицинская помощь была очень простой. Добровольцам выдали касторовое масло, хинин и серную мазь. Если у пациента появлялся налет на языке или он жаловался на запор, его снабжали касторовым маслом; при лихорадке давали сначала касторовое масло, затем — хинин; серная мазь выписывалась при фурункулах и чесотке, но сначала пораженные участки тела тщательно промывались. Никому из пациентов не разрешалось уносить лекарства домой. Если возникали какие-либо осложнения, больные консультировались с доктором Девом. Сам же доктор посещал каждый такой медицинский пункт в определенные дни недели.

Многие люди воспользовались нашей простой помощью. Это не должно показаться читателю странным, ведь

большинство заболеваний, с которыми мы сталкивались, не относились к тяжелым, а для лечения простых не требовались специалисты. В общем и целом такое лечение давало превосходные результаты.

Санитарные мероприятия оказались более трудной задачей. Люди не были готовы хоть что-то делать сами. Земледельцы не убирали за собой. Но доктор Дев не сдался. Вместе с добровольцами он твердо решил навести в деревне безупречную чистоту. Они очищали дороги и дворы, обрабатывали колодцы, засыпали землей лужи и мягко убеждали местных обитателей присоединяться. В некоторых деревнях им удавалось пристыдить людей, и только тогда те брались за работу, в других жители были настолько энергичны, что даже расчистили дороги, чтобы я мог проезжать по ним на машине. Впрочем, были и примеры полного равнодушия к работе. Вспоминаю, что порой местные жители открыто высказывали свое пренебрежение к нашему делу.

Быть может, здесь уместно повторить историю, которую я прежде уже рассказывал на многих митингах. Бхитхарва была небольшой деревней, где располагалась одна из наших школ. Мне как-то довелось оказаться в совсем крошечной деревеньке по соседству, и я увидел, что некоторые местные женщины носят очень грязную одежду. Я попросил жену поинтересоваться, почему они не стирают своих вещей. Кастурбай поговорила с ними. Одна из них пригласила ее в свою хижину и сказала:

— Видите, у меня нет ни шкафа, ни даже ящика для одежды. Сари, которое надето на мне, единственное. Как же я могу стирать его? Скажите махатмаджи. Пусть купит мне второе сари, и я пообещаю, что буду мыться и надевать чистую одежду каждый день.

Дело в том, что ее жилище вовсе не было необычным, оно было типичным для многих индийских деревень. В бесчисленных хижинах по всей Индии люди обходятся

без мебели и не имеют сменной одежды. Многие индийцы довольствуются простой холстиной, чтобы прикрыть наготу.

Расскажу еще об одном эпизоде, достойном упоминания. В Чампаране не было недостатка в бамбуке и траве. Хижину для школы в Бхитихарве построили из этих материалов. А потом кто-то (скорее всего, один из соседних плантаторов) однажды ночью поджег ее. Мы посчитали, что не стоит строить такую же хижину. Этой школой заведовали Соман и Кастурбай. Соман решил построить школу из кирпича. Его трудолюбие заразило других, и вскоре новая школа была готова. Теперь можно было не опасаться, что ее снова сожгут.

Постепенно добровольцы, руководившие школами, проводившие санитарные мероприятия и оказывавшие медицинскую помощь, завоевали доверие и уважение деревенских жителей и даже приобрели на них определенное влияние.

Однако должен с сожалением признать, что моя мечта сделать эту полезную деятельность постоянной не сбылась. Добровольцы приезжали на определенное время, а вызывать новых мне не удавалось. Работники из Бихара тоже отказывались сотрудничать с нами. Как только моя работа в Чампаране закончилась, другие заботы, возникшие в это же время, вынудили меня уехать. Но все же несколько месяцев работы в Чампаране были настолько эффективными, что результаты этого труда можно в той или иной форме наблюдать там и по сей день.

19. КОГДА ГУБЕРНАТОР ХОРОШ

Пока велась общественная работа, о которой я рассказал в предыдущей главе, мы продолжали записывать жалобы крестьян. Были собраны уже тысячи заявлений, что, конечно, не могло не повлиять на обстановку. Число

крестьян, приходивших, чтобы дать свои показания, росло, как росла и ярость плантаторов, которые делали все возможное, чтобы препятствовать моему расследованию.

Однажды я получил письмо от властей Бихара, в котором говорилось следующее: «Ваше расследование затянулось. Не пора ли закончить его и покинуть Бихар?» Письмо было вежливое, но его смысл я понял именно так.

В ответном послании я написал, что срок расследования необходимо продлить и что, пока народ не вздохнет свободно, я не уеду из Бихара. Я также отметил, что правительство может само закончить мое расследование. Для этого ему нужно или признать справедливыми претензии крестьян и удовлетворить их, или же признать, что представленных нами доказательств достаточно, чтобы начать немедленное официальное расследование.

Сэр Эдвард Гейт, губернатор провинции, назначил мне встречу и сказал, что готов начать официальное расследование, если я войду в состав комиссии. Я узнал имена остальных членов и после совещания с соратниками принял это предложение с условиями, что я смогу советоваться с моими товарищами, пока идет расследование, и что правительство позволит мне продолжать выступать в роли адвоката земледельцев. В случае, если результаты расследования не удовлетворят меня, я смогу давать крестьянам дальнейшие указания и советы.

Сэр Эдвард Гейт посчитал мои условия приемлемыми и объявил о начале официального расследования. Председателем нашей комиссии стал ныне покойный сэр Фрэнк Слай.

Комиссия поддержала крестьян и рекомендовала плантаторам возместить ту часть поборов, которую комиссия посчитала незаконной, а систему тинкатья упразднить в законодательном порядке.

Сэр Эдвард Гейт сыграл значительную роль в составлении отчета, который комиссия единогласно одобрила,

а также в подготовке нового аграрного законопроекта в соответствии с рекомендациями комиссии. Если бы он не проявил настойчивости в этом вопросе, отчет не получил бы единодушного одобрения, а аграрный закон так и не был бы принят. Плантаторы пользовались большим влиянием. Они отчаянно сопротивлялись законопроекту, но сэр Эдвард Гейт был непреклонен и проследил за тем, чтобы все рекомендации комиссии были выполнены.

Так была ликвидирована просуществовавшая почти столетие система тинкатья, а власти плантаторов пришел конец. Крестьяне, все это время жившие в страхе, теперь стали сами себе хозяева. Мы доказали, что пятно цвета индиго можно смыть.

Я очень хотел поработать в этих краях еще несколько лет, открыть больше школ, развивать деревни. Почва для этого была подготовлена, но Господь, как часто случалось и прежде, не позволил моим планам осуществиться. Судьба распорядилась по-своему и заставила меня взяться за дело в другом месте.

20. ОБЩАЯСЬ С РАБОЧИМИ

Еще во время работы в комиссии я получил письмо от Моханлала Пандьи и Шанкарлала Парикха, в котором они сообщали мне о неурожае в округе Кхеда и просили помочь крестьянам, не имевшим средств для уплаты налогов. У меня не было ни желания, ни возможности, ни храбрости давать советы без тщательного расследования на месте.

Примерно тогда же пришло письмо от шримати Анасуябай об условиях труда в Ахмадабаде. Заработные платы были низкими, и рабочие давно добивались их увеличения. Мне очень хотелось направлять их действия, но не хватало уверенности вмешаться в это сравнительно небольшое дело, пока я находился далеко от центра событий. И потому я воспользовался первой же возможностью и отправился

в Ахмадабад. Я надеялся, что смогу решить обе задачи достаточно быстро и вернуться в Чампаран, чтобы продолжить начатое.

Но работа продвигалась медленнее, чем мне хотелось бы, и я не сумел вернуться в Чампаран. В результате школы там закрылись одна за другой. Мы с соратниками построили много воздушных замков, но все они со временем рухнули.

Одним из них, кроме санитарных и просветительских мероприятий, был проект защиты коров в Чампаране. Путешествуя по Индии, я пришел к выводу, что о коровах и пропаганде хинди заботятся исключительно марварии. Друг-марварии приютил меня в дхармашала, когда я попал в Беттиах. Другие марварии в тех же краях заинтересовали меня своими *гошала* — молочными фермами. Именно тогда окончательно оформились мои взгляды на защиту коров — такими они остаются и теперь. Мне кажется, необходимо правильно разводить коров, улучшать их породы, гуманно относиться к быкам, стремиться к созданию образцовых *гошала* и так далее. Мои друзья-марварии были готовы поддержать меня в этой работе, но, поскольку я не смог задержаться в Чампаране, наша идея так и не была осуществлена.

Гошала в Беттиах до сих пор действует, но она не стала образцовой. Быков в Чампаране все еще заставляют работать до полного изнеможения, а так называемые «индусы» жестоко издеваются над несчастными животными и покрывают позором свою религию.

То, что наша идея так и осталась идеей, меня очень печалит, и когда бы я ни оказался в Чампаране, я выслушиваю сдержанные упреки друзей-марварии и жителей Бихара и с грустью вспоминаю грандиозные планы, от которых мне так спешно пришлось отказаться.

Просветительские мероприятия в той или иной форме продолжаются во многих местах, но проект защиты коров

не встретил должного сочувствия, а потому работа в этом направлении застопорилась.

Пока проблемы крестьян Кхеды еще только обсуждались, я решил попробовать помочь фабричным рабочим в Ахмадабаде.

Причем я оказался в крайне деликатном положении. Аргументы рабочих были весомыми. Шримати Анасуябай приходилось действовать против собственного брата Амбалала Сарабхая, который выступал от имени владельцев предприятия. Мои отношения с ними были дружескими, но это только затрудняло мою работу. Я поговорил с владельцами фабрик и предложил передать конфликт на рассмотрение третейского суда, но они отказывались признавать сам принцип арбитража.

Тогда я посоветовал рабочим объявить забастовку. Но прежде я познакомился поближе с ними и их лидерами и объяснил условия, соблюдение которых необходимо для успешной забастовки:

1. Никогда не прибегать к насилию.
2. Никогда не нападать на штрейкбрехеров.
3. Никогда не попадать в зависимость от благотворительности.
4. Оставаться твердыми, какой бы долгой ни была забастовка, и зарабатывать на жизнь любым другим честным трудом.

Лидеры забастовки поняли меня и согласились на эти условия, а рабочие приняли решение не возвращаться к работе, пока владельцы фабрик не учтут их требований или не обратятся в арбитраж.

Именно во время этой забастовки я близко сошелся с Валлабхаи Пателем и Шанкарлалом Банкером. С шримати Анасуябай я был знаком задолго до того.

Мы проводили ежедневные митинги в тени деревьев на берегу реки Сабармати. Забастовщики приходили на такие митинги тысячами, и я в своих речах напоминал о приня-

тых ими условиях, о необходимости действовать мирно и не терять самоуважения. Они каждый день маршировали по улицам города, не нарушая общественного порядка, и несли транспарант с надписью «Эк-тек» («Сдержим обещание»).

Стачка продолжалась двадцать один день. Иногда я обращался к владельцам фабрик с просьбами поступить по справедливости со своими рабочими.

— Но мы тоже приняли на себя определенные обязательства, — отвечали мне они. — Наши отношения с рабочими похожи на отношения родителей и детей... Как мы можем допустить вмешательство третьей стороны? Уместен ли здесь арбитраж?

21. БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ АШРАМА

Прежде чем продолжить рассказ о развитии трудового конфликта, я бы хотел заглянуть в ашрам. Все то время, что я провел в Чампаране, я не переставал думать об ашраме и порой заезжал туда ненадолго.

В те дни ашрам располагался в Кочрабе — небольшой деревне недалеко от Ахмадабада. В деревне случилась вспышка чумы, и я подумал о том, что дети ашрама теперь в опасности. Было сложно выработать иммунитет против воздействия окружающей нас антисанитарии, как бы тщательно мы ни соблюдали правила гигиены внутри ашрама. У нас не было возможности заставить жителей Кочраба следовать этим правилам, а избегать их мы тоже не могли.

Мы хотели, чтобы ашрам находился на безопасном расстоянии и от города, и от деревни, но в то же время в пределах их досягаемости. Мы стремились к тому, чтобы однажды осесть на земле, которая принадлежала бы нам самим.

Чума стала достаточно веской причиной, чтобы покинуть Кочраб. Пунджабхай Хирачанд, торговец из Ахма-

дабада, поддерживал тесные связи с обитателями ашрама и бескорыстно помогал нам решить самые разные вопросы. Он знал о том, что происходит в Ахмадабаде, и вызвался найти для нас подходящий участок земли. Вместе с ним я объездил окрестности к северу и югу от Кочраба в поисках участка, а потом попросил его подыскать место в трех или четырех милях к северу. И он выбрал участок, на котором ашрам находится до сих пор. Его близость к центральной тюрьме Сабармати особенно привлекла меня. Поскольку тюремное заключение считалось чуть ли не рядовым событием в жизни участника сатьяграхи, мне понравилось подобное местоположение. Кроме того, я понимал, что для строительства тюрем обычно выбирали чистые места.

Покупка участка заняла восемь дней. На этой земле не стояло ни единого строения, не росло ни одного дерева. Но его близость к реке и уединенность были несомненными преимуществами.

Пока строились наши постоянные жилища, мы разместились в палатках и поставили сарай, в котором организовали кухню.

Ашрам постепенно разрастался. Теперь в нем насчитывалось больше сорока душ — мужчин, женщин и детей. Все питались на общей кухне. Проект переезда принадлежал мне, а его практическая реализация, как обычно, выпала на долю Маганлала.

Сложности, с которыми нам пришлось столкнуться до того, как было построено постоянное жилье, оказались довольно серьезными. Приближался сезон дождей, а всю провизию приходилось доставлять из города, находившегося в четырех милях от нас. Земля, представлявшая собой пустошь, кишела змеями, и маленькие дети, конечно, были в постоянной опасности. Мы не убивали змей, хотя должен признать, что никто из нас по-прежнему не избавился от страха перед ними.

Правила не убивать ядовитых пресмыкающихся мы придерживались и в Фениксе, и на ферме Толстого, и теперь в Сабармати. В каждом из этих мест нам приходилось обживаться на пустырях, однако никто ни разу не умер из-за змеиного укуса. Как верующий, в этом обстоятельстве я вижу великодушие Бога. Пусть только никто не придирается к этим моим словам, утверждая, что Господь не может быть пристрастным и что у Него нет времени вмешиваться в повседневные дела каждого человека. Я не могу рассказать об этом как-то иначе и описать мои эксперименты другими словами. Я понимаю, что слова здесь бессильны, и все же, если простой смертный пытается заговорить о путях Господних, ему приходится пользоваться лишь собственной сбивчивой речью. Пусть назовут предрассудком мою веру в то, что, не убивая змей на протяжении двадцати пяти лет, мы избегали вреда не благодаря удачному стечению обстоятельств, а благодаря милости Бога. Что ж, в таком случае я буду по-прежнему придерживаться своего предрассудка.

Во время ахмадабадской стачки в ашраме был заложен фундамент ткацкой мастерской, поскольку главным занятием обитателей ашрама тогда было именно ткачество. Прядильное искусство пока было нам недоступно.

22. ПОСТ

В течение первых двух недель фабричные рабочие демонстрировали незаурядную отвагу и сдержанность и ежедневно собирались на митинги. Каждый раз я напоминал им об их обещании, а в ответ слышал заверения в том, что они скорее умрут, чем нарушат данное слово.

Но затем появились первые признаки слабости. Подобно тому, как физическая слабость человека часто проявляется в раздражительности, так и забастовщики стали относиться к штрейкбрехерам все хуже по мере того, как стачка теряла силу, и я с тревогой ожидал вспышек наси-

лия. Участников ежедневных митингов становилось все меньше, а на лицах тех, кто присутствовал, теперь читалось уныние и даже отчаяние. Наконец до меня дошел слух, что среди забастовщиков начались волнения. Меня это сильно беспокоило, и я стал думать о том, как поступить дальше. У меня был опыт руководства большой забастовкой в Южной Африке, но нынешняя ситуация была совершенно другой. Рабочие дали обещание по моему предложению. Они постоянно напоминали мне об этом, и сама по себе мысль, что они могут отступить от своего слова, была очень болезненной. Было ли все дело в гордости или в моей любви к рабочему люду и страстном стремлении к истине? Кто знает.

Однажды утром (это было во время митинга рабочих), когда я все еще размышлял и не знал наверняка, каким путем двинуться дальше, на меня вдруг снизошло озарение. Слова сами сорвались с моих губ.

— До тех пор, пока вы не сплотитесь, — объявил я участникам митинга, — и не продолжите бороться, пока не будет достигнуто соглашение или пока вы не покинете своих фабрик, я не прикоснусь к еде.

Рабочие замерли. Слезы заструились по щекам Анасуябай. Рабочие дружно ответили:

— Это не вы, а мы должны поститься. Будет просто чудовищно, если вы будете поститься в одиночку. Простите нас за наши ошибки. Мы останемся верны нашему обещанию до самого конца.

— Вам не нужно поститься, — сказал я. — Достаточно оставаться верными своему слову. Как вы знаете, у нас нет средств, но мы не хотим продолжать забастовку и жить на благотворительные взносы. А потому вы должны найти любую другую работу, чтобы эта проблема вас не волновала, даже если стачка продлится достаточно долго. Поститься же я перестану лишь тогда, когда забастовка закончится успешно.

Тем временем Валлабхаи старался найти для забастовщиков любую работу в муниципалитете, но практически безуспешно. Маганлал Ганди выступил с предложением нанять многих рабочих, чтобы носить песок для фундамента школы ткачества в ашраме. Рабочие охотно согласились. Анасуябай возглавила шествие с корзиной на голове, и за ней потянулись рабочие с такими же корзинами песка, который мы брали из русла реки. Это было великолепное зрелище. Рабочих захлестнул энтузиазм. Вот только выплачивать жалование стольким людям сразу оказалось сложно.

Сам по себе мой пост тоже стал причиной многих проблем. Как уже было упомянуто, я стремился поддерживать дружеские отношения с владельцами фабрик, и мой пост, конечно, не мог не повлиять на их решения. Как опытный сатяграх я знал, что не должен принуждать их к чему-либо, тем более с помощью поста, ведь достаточно самой забастовки. Я начал голодать не из-за промахов фабрикантов, а из-за неправильных действий рабочих, в которых была доля моей вины. К владельцам фабрик я мог только взывать, а вот пост, подчеркнуто начатый из-за них, стал бы инструментом принуждения, то есть насилия. И все же, хотя я и понимал, что это непременно окажет на них давление (как и произошло в действительности), мне пришлось пойти на этот шаг. Таков был мой долг.

Я постарался все объяснить владельцам фабрик.

— Вы не должны пересматривать свою позицию из-за моего поста, — говорил я им.

Но они равнодушно восприняли мои слова и даже отвечали мне довольно насмешливо, на что, если разобраться, имели полное право.

Возглавляя владельцев фабрик шет Амбалал. Его решительность, сила воли и неподдельная искренность очаровали меня. Вступить в схватку с таким человеком было для меня чистейшим удовольствием. Но напряженность, возникшая из-за моего поста между мной и оппозицией, ко-

тору он возглавлял, обострила наши отношения. А ведь его жена Сарладеви была привязана ко мне, как родная сестра, и потому для меня было невыносимо видеть ее мучения, вызванные моими действиями.

Анасуябай и еще несколько товарищей и рабочих начали поститься вместе со мной в первый день. Я с трудом уговорил их перестать голодать.

В конце концов доброжелательная атмосфера все-таки установилась. Владельцы фабрик были тронуты и принялись искать компромисс. Дом Анасуябай стал центром дискуссий. Адвокат Анандшанкар Дхрува вмешался в дело и был в конце концов назначен третейским судьей. Забастовка завершилась, и получилось, что я постился всего три дня. Фабриканты решили отпраздновать окончание стачки и раздали всем рабочим сладости. Итак, соглашение было достигнуто на исходе двадцать первого дня забастовки.

На митинге, устроенном в честь этого соглашения, присутствовали и владельцы фабрик, и комиссар округа. Последний сказал собравшимся рабочим:

— Вам следует всегда прислушиваться к советам мистера Ганди.

Вскоре, однако, мне пришлось вступить в схватку с этим же джентльменом. Обстоятельства изменились, и его позиция изменилась вместе с обстоятельствами. Он предупредил крестьян-*патидаров* Кхеды, чтобы они впредь не прислушивались к моим советам!

Я не могу закончить этой главы, не рассказав об одном инциденте — одновременно забавном и печальном. Это случилось, когда владельцы фабрик раздавали рабочим сладости. Угощение было заказано в огромном количестве, и, конечно, возник вопрос, как раздать его тысячам рабочих. Для этого было выбрано открытое пространство рядом с тем самым деревом, под сенью которого рабочие дали свое обещание. Собрать их в каком-либо другом месте было бы неудобно для всех.

Я думал, что люди, соблюдавшие строгую дисциплину в течение двадцати одного дня забастовки, сумеют поддержать порядок, дожидаясь угощения, а не устроят свалки. На деле оказалось совсем по-другому. Буквально через пару минут ровные ряды распались и воцарился хаос. Лидеры рабочих делали все возможное, чтобы восстановить порядок, но безуспешно. Началась давка, все смешалось, и многие сладости в конце концов оказались потерянными или растоптанными жаждущими получить их. Раздачу сладостей под деревом пришлось приостановить. Не без труда нам удалось доставить оставшееся угощение в принадлежащее шету Амбалалу бунгало в Мирзапуре. На следующий день сладости спокойно раздали во дворе бунгало.

Комическая сторона этого происшествия кажется очевидной, но я должен сказать и о другой стороне. Изучив причины произошедшего, я понял, что многие нищие обитатели Ахмадабада, узнав, что под деревом «Эк-тек» раздают сладости, стеклись туда в полном беспорядке, и именно их отчаянный голод стал причиной смятения и давки.

Жестокая бедность и голод в Индии настолько масштабны, что каждый год все больше и больше людей превращаются в нищих. Борьба за кусок хлеба лишает их всякой скромности и самоуважения. А наши филантропы вместо того, чтобы обеспечить их работой и объяснить, что этот самый кусок хлеба зарабатывается трудом, предпочитают подавать им милостыню.

23. САТЪЯГРАХА В КХЕДЕ

У меня совершенно не было времени перевести дух. Едва забастовка рабочих в Ахмадабаде подошла к концу, как я погрузился в сатьяграху в Кхеде.

Этому округу грозил массовый голод, поскольку там случился повсеместный неурожай. Патидары Кхеды раз-

мышляли о том, как отсрочить уплату налогов за текущий год.

Амритлал Таккар уже успел разобраться в ситуации и обсудить ее с комиссаром округа. Затем я дал некоторые советы патидам. Моханлал Пандья и Шанкарлал Парикх тоже поддерживали нас в этой борьбе и начали агитацию в Законодательном совете Бомбея через Валлабхаи Пателя и ныне покойного сэра Гокулдаса Кахандаса Парекха. Несколько депутатий было направлено к губернатору.

Я был тогда председателем сабхи Гуджарата*. Сабха отправляла петиции и телеграммы правительству, игнорируя оскорбления и угрозы со стороны комиссара округа. Поведение чиновников было столь нелепым и недостойным, что сейчас оно даже кажется невероятным.

Требования земледельцев были совершенно ясны и настолько умеренны, что было просто неразумно их оспаривать. По закону о земельном налоге, земледelec мог потребовать приостановки уплаты налога за текущий год, если стоимость урожая составляла четыре анны или менее. Официальные данные говорили, что стоимость урожая превышала четыре анны. Земледельцы в свою очередь утверждали, что стоимость была ниже. Однако правительство не желало прислушаться к ним, а требование об арбитраже восприняло как оскорбительное для себя. Наконец, когда все петиции и мольбы были отвергнуты, я, побеседовав с соратниками, посоветовал земледельцам прибегнуть к сатьяграхе.

Помимо добровольцев из Кхеды, моими ближайшими товарищами в борьбе стали Валлабхаи Патель, Шанкарлал Банкер, шримати Анасуябай, Индулал Яджник, Махадев Десаи и другие. Вступив в эту схватку, Валлабхаи вынуж-

* Сабха Гуджарата — общественно-политическая организация, возникшая в 1887 г. в Ахмадабаде. Позднее стала комитетом Индийского национального конгресса в штате Гуджарат.

ден был оставить на время свою процветающую и перспективную адвокатскую практику, которую в силу различных обстоятельств так и не смог возобновить в будущем.

Своей штаб-квартирой мы сделали анаташрам в Нади-аде, поскольку не нашли другого места, достаточно просторного, чтобы вместить нас всех.

Участниками сатьяграхи была подписана следующая петиция:

«В точности зная, что стоимость урожая в наших деревнях не превышает четырех анн, мы попросили правительство отложить сбор налогов до следующего года, но правительство не услышало нас. А потому мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что не станем добровольно платить правительству причитающиеся с нас налоги за текущий год. Правительство вольно принять любые законные меры, которые оно сочтет необходимыми, и мы готовы понести ответственность за уклонение от уплаты налогов. Мы скорее предпочтем, чтобы принадлежащие нам участки земли были конфискованы, чем, по своей воле заплатив этот налог, позволим усомниться в правоте нашей позиции и потеряем чувство собственного достоинства. Однако если правительство согласится отложить сбор второго взноса налогов во всем округе, те из нас, кто в состоянии, заплатят сумму в полном размере или остаток. В настоящий момент те, кто способен заплатить, не делают этого лишь потому, что, если они все же заплатят, беднейшие земледельцы поддадутся панике, начнут продавать имущество или влезут в долги и будут страдать. Итак, в сложившихся обстоятельствах даже те из нас, кто способен заплатить, считают своим долгом воздержаться от уплаты налогов в интересах бедных земледельцев».

К сожалению, я не могу посвятить этой борьбе больше глав. А посему многие дорогие моему сердцу воспоминания, связанные с ней, придется опустить. Те читатели, которые пожелают ближе познакомиться с этой крайне

важной схваткой, должны обратиться к исчерпывающей и достоверной книге по истории сатьяграхи в Кхеде, написанной Шанкаралалом Парикхом из Катлала (Кхеда).

24. «ЛУКОВЫЙ ВОР»

Чампаран находится в отдаленном уголке Индии, а потому пресса почти не вмешивалась в чампаранскую кампанию. Никто не приезжал туда. С кампанией в Кхеде все было иначе, и ее ход освещался прессой изо дня в день.

Жителей Гуджарата очень заинтересовало это противостояние, поскольку оно стало для них совершенно новым опытом. Они были готовы жертвовать немалые средства на наше дело. Им было трудно осознать, что для сатьяграхи нужны не только деньги, и более того, что деньги — это последнее, в чем она нуждается. Несмотря на мои возражения, торговцы из Бомбея присылали нам значительно больше денег, чем было необходимо, и под конец кампании у нас еще оставались неизрасходованные средства.

Добровольцам, участвовавшим в сатьяграхе, преподали новый урок простоты. Не могу сказать, что они поняли его в полной мере, но их образ жизни довольно сильно изменился с тех пор.

Для крестьян-патидаров эта борьба тоже стала чем-то совершенно новым. А потому нам приходилось переезжать из деревни в деревню и объяснять им принципы сатьяграхи.

Необходимо было избавить земледельцев от страха, помочь им понять, что чиновники являются не хозяевами, а слугами народа, поскольку получают свое жалованье из средств налогоплательщиков. Они никак не могли осознать, что бесстрашие должно сочетаться с учтивостью. Как только страх перед чиновниками пропадал, крестьянин немедленно отвечал оскорблениями на оскорбления. А ведь неучтивость отравляет сатьяграху, подобно тому как капля

мышьяка отравляет молоко. Позже я увидел, что крестьяне усвоили урок учтивости даже хуже, чем я рассчитывал. Опыт показал мне, что учтивость — самая трудная часть сат্যাграхи, ведь она заключается не просто в вежливых выражениях, подобранных специально для конкретного случая, а во внутренней сдержанности и желании благополучия оппоненту. Это должно проявляться в каждом действии сат্যাграха.

На первых порах, хотя люди и стали более смелыми, правительство ничего не предпринимало. Но земледельцы долго не сдавали позиций, и тогда правительство прибегло к радикальным мерам. Чиновники, ответственные за сбор налога, стали продавать принадлежавший земледельцам скот и конфисковывать любое движимое имущество, какое попадалось под руку. Были разосланы уведомления о штрафах, а в отдельных случаях крестьянам запрещали распоряжаться еще не сжатыми урожаями. Это напугало земледельцев. Некоторые все-таки заплатили налоги, другие попытались отдать чиновникам самое ненужное имущество, чтобы погасить хоть какую-то часть долга. Но многие были готовы сражаться до победного конца.

Пока все это происходило, один из арендаторов Шанкарлала Парикха заплатил налог с обрабатываемой им земли. Это поразило нас. Шанкарлал Парикх немедленно принял меры, чтобы исправить ошибку своего арендатора. Он отдал земельный участок, с которого был уплачен налог, на благотворительные цели. Так он сумел спасти свое честное имя и показать пример остальным.

Чтобы ободрить напуганных крестьян, я посоветовал им вместе с Моханлалом Пандьей собрать урожай лука с поля, на которое наложили незаконный, на мой взгляд, арест. Я не рассматривал это как акт гражданского неповиновения, но даже если это и было им, я предпочитал пойти на такой решительный шаг. Пусть арест наложили и по закону, думал я, но подобные действия правительства противо-

речат морали и близки к воровству. А потому долг земледельцев состоял в том, чтобы собрать урожай, игнорируя полученный ордер на арест. Народ выучил этот горький урок и узнал, что такое штраф и тюремное заключение, которыми обычно сопровождается любое гражданское неповиновение. Моханлалу Пандье это даже понравилось. Он полагал, что в ходе нашей кампании хотя бы один человек должен попасть за решетку во имя принципов сатьяграхи. Он охотно согласился собрать лук вместе с семьей или семьей друзьями.

Правительство не могло после этого оставить их на свободе. Арест Моханлала и его товарищей вдохновил народ действовать еще решительнее. Когда страх перед тюремным заключением пропадает, репрессии лишь вселяют мужество в людские сердца. Целые толпы окружили здание суда в тот день, когда рассматривалось дело. Пандью и его товарищей признали виновными и приговорили к короткому тюремному заключению. Я, разумеется, считал обвинение несправедливым, ведь сбор лука нельзя было приравнять к воровству по уголовному кодексу. Но мы не стали подавать апелляцию, поскольку считали необходимым избегать судебных разбирательств.

Процессия земледельцев сопровождала «каторжников» до тюрьмы, и в тот день Моханлал Пандья получил от земледельцев почетный титул *дунгли чор* (луковый вор), которым гордится и сейчас.

В следующей главе я расскажу о том, как закончилась сатьяграха в Кхеде.

25. ЗАВЕРШЕНИЕ САТЬЯГРАХИ В КХЕДЕ

Наша кампания закончилась совершенно непредсказуемым образом. Было ясно, что люди очень устали, и я не мог допустить, чтобы самые нестигаемые из них дошли до полного изнеможения. Поэтому я упорно искал достой-

ный участника сатяграхи способ завершения борьбы. Такой способ нашелся совершенно внезапно. Мамлатдар* из талука Надиад сообщил мне, что бедные получают отсрочку, если обеспеченные патидары уплатят налоги. Я попросил письменное подтверждение и получил его. Но поскольку мамлатдар мог отвечать только за свой талук, я также снесся с главой налоговой службы и попросил его подтвердить, что эта информация относится ко всему округу. Тот ответил, что соответствующий приказ об отсрочках на условиях, о которых упомянул мамлатдар, уже отдан. Я ничего не знал о подобном приказе, но если это действительно было так, то земледельцы добились желаемого. Напомню, что это требование входило в подписанную ими петицию.

Однако такое завершение борьбы не слишком обрадовало меня. В нем не было какой-то благодати, которой непременно сопровождалась каждая кампания сатяграхи. Глава налоговой службы продолжал действовать так, как будто ничего не знал о соглашении. Беднякам предоставлялись отсрочки, но едва ли кто-то из них выиграл от этого. Сам народ был наделен правом решать, кто считается бедным, а кто нет, но вот правильно воспользоваться этим правом люди не могли. Оставалось только сокрушаться, что это им не под силу. И хотя завершение конфликта преподносилось как триумф сатяграхи, я не мог разделить всеобщего веселья, поскольку полный успех так и не был достигнут.

Кампания сатяграхи успешна только в том случае, если ее участники становятся сильнее, чем были до того, и если эта борьба укрепляет их дух.

И все же у описанной мной кампании были косвенные положительные результаты, которые мы можем наблюдать и сегодня. Сатяграха в Кхеде способствовала пробужде-

* Мамлатдар — чиновник среднего звена, отвечающий за талук (административная единица в некоторых странах Южной Азии).

нию самосознания крестьян Гуджарата и положила начало их подлинному политическому образованию.

Великолепная агитация доктора Безант в поддержку самоуправления Индии, разумеется, затронула земледельцев, но именно наша кхедская кампания помогла образованным общественным деятелям установить контакт с крестьянами и понять, как устроена их жизнь. Они научились отождествлять себя с земледельцами, поняли, в каком направлении должны двигаться, и их способность к самопожертвованию развилась. То, что Валлабхаи нашел свое место в этой кампании, стало само по себе важным достижением. Мы сумели оценить это по достоинству во время борьбы с последствиями наводнения в прошлом году и в ходе сатьяграхи в Бардоли в текущем году. Общественная жизнь в Гуджарате закипела. Крестьянин-патидар осознал всю свою силу, что стало для него незабываемым опытом. Этот урок навсегда запечатлелся в умах общества: спасение людей зависит от них самих, от их умения переносить страдания и жертвовать. Сатьяграха прочно обоживалась в Гуджарате благодаря кхедской кампании.

А потому, хотя я и не особенно радовался завершению сатьяграхи, земледельцы Кхеды торжествовали от осознания, что приложенные ими усилия оправдали себя. Крестьяне нашли верный и надежный способ справляться со своими горестями. И этого осознания было для них достаточно.

Однако крестьяне Кхеды не смогли до конца постичь сущность сатьяграхи, и это дорого им обошлось, как мы убедимся в последующих главах.

26. СТРАСТНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К ЕДИНСТВУ

Кампания в Кхеде началась во время ожесточенной войны в Европе. Война вступила в новую критическую фазу, и вице-король пригласил лидеров всех партий и движений

на военную конференцию в Дели. Меня тоже позвали. Я уже упоминал о приятельских отношениях, сложившихся между вице-королем лордом Челмсфордом и мной.

Итак, я отправился в Дели. Вообще имелись веские причины, по которым я мог воздержаться от участия в конференции, и главной из них было исключение из числа приглашенных таких лидеров, как братья Али*. Они в то время находились в тюрьме. Я встречался с ними лично не более двух раз, но многое слышал о них. Все мои собеседники были высокого мнения об их служении обществу и храбрости. Тогда я еще не очень хорошо знал Хакима Сахиба, но Рудра и Динабандху Эндрюс похвально отзывались о нем в разговорах со мной. С мистером Шуайбом Куреши и мистером Хваджей я познакомился на собрании Мусульманской лиги в Калькутте. Среди других моих друзей были доктор Ансари и доктор Абдур Рахман. Я пытался ближе сойтись с правоверными мусульманами и стремился понять их видение мира, общаясь с наиболее яркими и патриотичными представителями ислама. А потому меня не нужно было долго уговаривать, и я охотно отправлялся с ними, куда бы они меня ни пригласили.

Достаточно рано — еще в Южной Африке — я понял, что нет подлинной дружбы между индусами и мусульманами, а потому я никогда не упускал возможности устранить препятствия на пути к их единству. Не в моем характере было льстить или пытаться угодить кому-то ценой потери самоуважения, но опыт, полученный в Южной Африке, убедил меня, что именно в попытках соединить индусов и мусульман моя ахимса подвергнется самому тяжелому испытанию и что сам по себе этот вопрос станет неисся-

* Али Шаукат (1873—1938) и Мухаммад (1878—1931) — общественные деятели, активные участники общественно-политической жизни Индии, лидеры халифатского движения, выступавшие за объединение мусульман ради защиты интересов халифа и всего ислама.

каемым источником экспериментов с ахимсой. Я и сейчас твердо верю в это. Каждую секунду своей жизни я ощущаю, что Бог проверяет меня.

Вернувшись из Южной Африки с окончательно сформировавшимися взглядами на эту проблему, я попытался сойтись с братьями. Но прежде чем я смог узнать их ближе, их посадили. Маулана Мухаммед Али писал мне длинные письма из тюрем в Бетуле и Чхиндваре, когда надзиратели позволяли ему. Я попытался получить разрешение видеться с братьями, но мне отказали.

После того, как братья отправились в тюрьму, я получил приглашение от друзей-мусульман на сессию Мусульманской лиги в Калькутте. Когда меня попросили выступить, я обратился к присутствующим и напомнил об их долге добиться освобождения братьев. Позже эти же друзья отвезли меня в мусульманский колледж в Алигархе. Там я призвал молодых людей стать факирами, чтобы служить своей родине.

Затем я снесся с правительством, чтобы обсудить возможность освобождения братьев Али. Я также изучил их взгляды и деятельность в халифатском движении* и побеседовал на эту тему с мусульманскими друзьями. Чтобы стать подлинным другом мусульман, подумалось мне, я обязан сделать все возможное для освобождения братьев и справедливого решения халифатского вопроса. Я не мог оценивать достоинства или недостатки движения в поддержку халифата, однако в требованиях мусульман не было ничего аморального. В вопросах религии люди неизбежно расходятся, и каждый считает именно свою веру правильной. Если бы у нас всех было единое мнение

* Халифатское движение — религиозное и политическое движение индийских мусульман, сформировавшееся во время Первой мировой войны. В 1920 г. лидеры халифатского движения заключили союз с Индийским национальным конгрессом и включились в борьбу за независимость Индии.

по всем религиозным вопросам, в мире существовала бы только одна религия. С течением времени я обнаружил, что требования сторонников халифатского движения не противоречат ни одному этическому принципу. Более того, даже премьер-министр Великобритании признал их справедливость. Поэтому я почувствовал необходимость настоять на том, чтобы премьер-министр сдержал свои обещания. Его заявление было выдержано в столь ясных выражениях, что теперь изучение требований мусульман стало необходимым только для успокоения моей совести.

И друзья, и недруги не одобряли моего отношения к халифатскому вопросу. Но как бы то ни было я не вижу причин пересматривать свои взгляды или сожалеть о сотрудничестве с мусульманами. Я бы поступил точно так же, если бы похожая ситуация сложилась вновь.

Поэтому, отправившись в Дели, я намеревался объяснить свою позицию вице-королю. Халифатский вопрос тогда еще не приобрел окончательной формы.

В Дели возникло еще одно препятствие на пути к моему участию в конференции. Динабандху Эндрюс поднял вопрос о моральной стороне моего присутствия на военной конференции. Он рассказал мне о противоречивых сообщениях в британской прессе относительно секретных договоров, заключенных между Англией и Италией. Как мог я участвовать в конференции, если Англия действует по тайному сговору с другой европейской державой? — вопрошал меня мистер Эндрюс. Я ничего о договорах не знал, но слова Динабандху Эндрюса было для меня достаточно. Поэтому я написал лорду Челмсфорду о своих сомнениях по поводу участия в конференции. Он пригласил меня к себе для обсуждения вопроса. Мы долго разговаривали с ним и его личным секретарем мистером Маффи. В результате я принял решение все-таки участвовать в конференции. Аргументы вице-короля были такими:

— Вы, разумеется, не думаете, что вице-королю Индии известны абсолютно все шаги британского кабинета министров? Я, как и многие другие, не считаю британское правительство безупречным. Но если вы согласны с тем, что империя в целом — это держава, стоящая на стороне добра, если вы полагаете, что Индии принесла пользу тесная связь с Великобританией, разве не должны вы признать, что долг каждого индийца состоит в том, чтобы помочь империи в критический момент? Я тоже читал сообщения в британских газетах о неких секретных соглашениях. Могу заверить, что больше ничего не знаю об этом, а вы наверняка понимаете, насколько часто в прессе появляются «утки». Неужели из-за этих публикаций вы откажете империи в помощи в столь горький час? Вы можете поднимать какие угодно нравственные проблемы и критиковать нас в свое удовольствие после окончания войны, но только не сейчас.

Эти доводы не были для меня новыми, но я воспринял их по-новому в тот момент из-за того, как они были преподнесены, и из-за обстановки. Итак, я согласился участвовать в конференции. А требования мусульман я решил изложить в письме вице-королю.

27. ВЕРБОВКА РЕКРУТОВ

Я принял участие в конференции. Вице-король очень хотел, чтобы я поддержал резолюцию о вербовке. Я попросил разрешения выступить на хинди-хиндустани. Вице-король согласился, но попросил также повторить свои слова по-английски. Никакой речи я не подготовил. Мое выступление состояло из одной-единственной фразы:

— Полностью осознавая свою ответственность, я прошу всех поддержать данную резолюцию.

Потом меня многие хвалили за то, что я говорил на хиндустани. Как мне объясняли, это был первый случай, когда

кто-то выступал на хиндустани на таком важном мероприятии. Но все поздравления и сообщения, что я был первым, только уязвили мою национальную гордость. Я посчитал трагедией то, что на язык страны наложили табу на встречах, проводившихся в этой самой стране, и в работе на благо этой страны. Краткая речь на хиндустани может стать поводом для поздравлений! Подобные инциденты лишь напоминают о том унижительном положении, в которое нас поставили.

Всего одна фраза, произнесенная мной на конференции, имела для меня большое значение. Конференция и резолюция, что я поддержал, навсегда запечатлелись в моей памяти. Оставалась еще одна задача, которую я должен был выполнить, пока находился в Дели. Мне нужно было написать письмо вице-королю. Для меня это было нелегко, но в интересах правительства и народа я должен был объяснить, как и почему принял решение участвовать в конференции, а также указать, чего именно народ хочет от правительства.

В письме я выразил сожаление, что в конференции не поучаствовали такие лидеры, как Локаманья Тилак и братья Али, а также обозначил минимальные политические требования народа и требования мусульман, которые касались сложившейся в ходе войны ситуации. Я попросил разрешения опубликовать письмо, и вице-король охотно дал мне его.

Письмо требовалось доставить в Симлу, куда вице-король отправился сразу же по окончании конференции. Для меня оно было очень важно, а отправлять его по почте было бы слишком долго. Я хотел сэкономить время, но не желал передавать свое послание с каким-либо посыльным из тех, кого знал. Письмо должен был доставить и вручить лично вице-королю в его резиденции честный человек. Динабандху Эндрюс и Рудра назвали мне имя добропорядочного английского пастора из Кембриджской христианской

миссии. Он согласился передать письмо при условии, что сможет прочесть его и содержание покажется ему достойным. Я не возражал, поскольку послание ни в коей мере не носило интимного характера. Пастор прочитал письмо, оно ему понравилось, и он согласился стать посыльным. Я предложил ему билет второго класса, но он отказался, объяснив, что привык путешествовать в общих вагонах. Так он и отправился в путь, хотя ехать предстояло ночью. Его простота, прямодушные и честность пришлись мне по душе. Таким образом письмо было доставлено человеком с чистыми помыслами и, как я и ожидал, принесло нужный результат. Оно помогло мне очистить мысли и указало направление, в котором следовало двигаться дальше.

Еще одно мое обязательство состояло в вербовке добровольцев. Где я мог сделать это, если не в Кхеде? И кого я мог призвать стать первыми рекрутами, если не соратников? Как только я добрался до Надиада, я посоветовался с Валлабхаи и другими своими товарищами. Одни из них с тревогой выслушали мое предложение. Другие сомневались в конечном успехе кампании. Те, к кому я собирался звывать, едва ли питали особую любовь к правительству. Горький опыт общения с правительственными чиновниками был еще слишком свеж в народной памяти.

Однако все мои товарищи высказались за то, чтобы начать работу. Как только я взялся за выполнение этой задачи, у меня словно открылись глаза. Мой оптимизм был сильно подорван. Если во время кампании протеста против налогов люди охотно и бесплатно предоставляли нам свои повозки и два добровольца приходили тогда, когда нужен был лишь один, то теперь стало трудно добыть какое-либо средство передвижения даже за деньги, что уж говорить о добровольцах. Но сложности не заставили нас пасть духом. Мы решили обходиться без повозок и передвигаться пешком. Чтобы успевать, нужно было проходить примерно двадцать миль в день. А если даже повозки были

недоступны, нечего было и надеяться, что крестьяне станут нас кормить. Было бы неправильно обращаться к ним за продуктами. А потому было решено, что каждый доброволец должен будет нести собственный запас продовольствия в вещевом мешке. Поскольку дело было летом, нам не требовались постельные принадлежности.

Куда бы мы ни приходили, повсюду собирали митинги. Люди участвовали в них, но обычно только один или двое соглашались стать рекрутами.

— Вы же исповедуете ахимсу. Как вы можете призывать нас взять в руки оружие? Много ли хорошего сделало британское правительство для Индии, чтобы заслужить наше сотрудничество?

Эти и подобные им вопросы нам задавали постоянно.

И все же наша упорная работа начала приносить плоды. В нашем списке было уже достаточно много имен и фамилий, и появилась надежда, что приток добровольцев не прекратится. Я уже вступил в переговоры с комиссаром округа и обсуждал, где нам можно разместить рекрутов.

Комиссары каждого округа проводили у себя конференции, похожие на ту, что состоялась в Дели. Одна из них была проведена в Гуджарате. Я и мои товарищи получили приглашения, но эта конференция понравилась мне даже еще меньше, чем делийская. В царившей здесь атмосфере низкопоклонства перед властями я чувствовал себя не в своей тарелке. Но тем не менее я приехал и произнес достаточно длинную речь. Мне нечего было сказать, чтобы угодить чиновникам, зато им пришлось выслушать несколько неприятных вещей.

Я печатал листовки с призывом записываться добровольцами. Один из приводимых мной аргументов особенно не понравился комиссару: «Из всех ошибок британского правительства в Индии, самой грубой стал закон, лишивший население права носить оружие. Если мы хотим добиться его отмены, если хотим научиться владеть ору-

жием, то сейчас самое время. Нужно только добровольно оказать помощь правительству в час тяжелых испытаний, и недоверие исчезнет, а запрет на владение оружием будет снят». Комиссар указал мне на эту фразу, но отметил, что ценит мое участие в конференции, пусть даже наши взгляды и расходятся. Мне же пришлось отстаивать свои позиции настолько тактично, насколько это вообще было возможно.

А вот текст упоминавшегося выше письма вице-королю:

«Как Вам уже известно, после продолжительных раздумий я был вынужден сообщить Вашему Высокопревосходительству, что не смогу принять участие в конференции по причинам, изложенным в письме от 26 апреля. Однако, побеседовав с Вами, я убедился в необходимости моего участия, поскольку бесконечно уважаю Вас. Одной из причин моего первоначального нежелания участвовать в конференции — и, вероятно, самой главной причиной — стало отсутствие на ней таких признанных лидеров общественного мнения, как Локаманья Тилак, миссис Безант и братья Али. Я и сейчас считаю серьезным упущением то, что их не пригласили в Дели, но со всем уважением предлагаю исправить эту оплошность, пригласив указанных лидеров на провинциальные конференции, которые, насколько мне известно, будут вскоре проведены. Позволю себе заметить, что ни одно правительство не может не считаться с такими лидерами, ведь они, пусть даже их взгляды и отличаются от общепринятых, ведут за собой народ. В то же время должен с удовольствием отметить, что всем партиям удалось свободно изложить свою позицию в комитетах конференции. Что касается меня, то я намеренно не стал высказываться как в комитете, членом которого я состою, так и с трибуны самой конференции. Я осознал, что смогу наилучшим образом содействовать достижению целей, поставленных организаторами конференции, просто поддерживая нужные резолюции. Именно так

я и поступил без малейших колебаний. Надеюсь претворить свои слова в конкретные дела, как только правительство сможет принять мои предложения, которые я прикладываю в отдельном письме.

Я прекрасно понимаю, что в час опасности мы должны оказать (и уже приняли решение на этот счет) всю возможную помощь империи, с которой хотели бы в недалеком будущем стать партнерами, как другие доминионы. Поступая так, мы надеемся, что наша цель будет вскоре достигнута. А потому, даже если выполнение долга автоматически дарует соответствующие права, народ должен поверить, что в неизбежные реформы, о которых Вы упомянули в своей речи, войдут все основные выработанные Конгрессом и Лигой принципы. Уверен, что именно вера в это вдохновила многих участников конференции на сотрудничество с правительством.

Если бы я мог повернуть время вспять, я бы убедил соотечественников отозвать все резолюции, принятые Конгрессом, и не шептаться о „самоуправлении“ или „ответственном правительстве“* до окончания войны. Я бы убедил Индию принести в жертву всех своих самых сильных сыновей в такой сложный для империи период, поскольку знаю, что в этом случае Индия смогла бы стать наиболее предпочтительным партнером Британской империи, а расовые предрассудки остались бы в прошлом. Однако практически вся образованная часть населения Индии решила пойти значительно менее эффективным путем, и невозможно утверждать, что интеллигентные индийцы не имеют никакого влияния на народные массы. После возвращения в Индию из Южной Африки я очень близко общался с земледельцами и хотел бы Вас заверить, что стремление к самоуправлению уже живет в сознании каждого из них. Я также присутствовал на последней сессии Конгресса и поддержал резолюцию об „от-

* Здесь имеется в виду правительство, ответственное не перед Лондоном, а перед народом Индии.

ветственном правительстве“, гарантированном империей Британской Индии на тот период, который будет окончательно установлен парламентским актом. Я осознаю, насколько сложно сделать подобный шаг, но все же я уверен, что ничто, кроме обещания самоуправления, которое должно быть предоставлено в кратчайшие сроки, не удовлетворит народ Индии. Я знаю, как много среди индийцев тех, кто считает, что ради достижения этой цели можно пойти на все. Эти люди достаточно разумны и понимают, что они сами должны быть готовы пожертвовать собой ради блага империи, в рамках которой они надеются и желают получить новый статус. Отсюда следует, что мы сможем ускорить свое продвижение к поставленной цели, спокойно и просто отдавшись работе по избавлению империи от грозящей ей опасности. Игнорировать столь очевидный факт было бы подлинным национальным самоубийством. Мы должны осознать, что, защитив империю, мы обретем самоуправление.

Итак, мне понятно, что мы должны предоставить для защиты империи подходящих людей. Однако, боюсь, я не могу сказать того же о финансовой помощи. Мое тесное общение с земледельцами убедило меня, что Индия уже внесла в казну империи достаточные суммы. Делая подобное заявление, я выражаю мнение подавляющего большинства соотечественников.

Для меня и, полагаю, для многих из нас конференция стала шагом к объединению ради общего дела. Но при этом мы оказались в двусмысленном положении. Сейчас мы не можем назвать себя равноправным партнером империи. Посвящая себя ей, мы лишь стремимся к лучшему будущему. Я бы покривил душой перед Вами и перед своей страной, если бы откровенно не рассказал, к чему мы на самом деле стремимся. Я не хотел бы, чтобы это выглядело как сделка, но Вы и сами понимаете, что несбывшиеся надежды — всегда разочарование.

Есть еще одна тема, которую я обязан затронуть. Вы призвали нас покончить с нашими внутренними конфликтами.

Но если Ваш призыв означает наше дальнейшее терпеливое отношение к тирании и злу, творимому чиновниками, я здесь бессилён. Я буду бороться с организованной тиранией до последнего вздоха. Ваш призыв должен быть адресован в первую очередь чиновникам; им нужно запретить обходиться дурно с людьми, а также их необходимо заставить уважать общественное мнение, как никогда прежде, и советоваться с представителями общественности. В Чампаране, вступив в борьбу со столетней тиранией, я показал пределы британского правосудия. Население Кхеды, прежде проклинавшее правительство, теперь прониклось пониманием, что не правительство, а сами люди становятся властью, когда они готовы пострадать во имя правды. Народ, таким образом, утрачивает свое недоверие к правительству и начинает считать его правительством для людей, если оно терпимо относится к ненасильственным актам гражданского неповиновения, которые являются следствием произвола. А потому моя деятельность в Чампаране и Кхедде стала моим особым вкладом в войну. Просьба приостановить мою деятельность в этом направлении равносильна просьбе приостановить саму жизнь. Если бы я мог популяризировать использование силы души, которая есть сила любви, вместо грубой физической силы, то мне удалось бы показать Вам такую Индию, которая готова противостоять всему злу мира. А потому я обязан постоянно поддерживать суровую внутреннюю дисциплину, подчиняя свою жизнь извечному закону страдания, и пусть ко мне присоединятся те, кому это не безразлично. Любая деятельность, в которой я буду участвовать, призвана показать ни с чем не сравнимое превосходство этого закона над остальными.

Наконец, я бы хотел, чтобы Вы обратились к министрам Его Величества и попросили дать определенные гарантии магометанским государствам. Уверен, Вам известно, что каждый мусульманин глубоко заинтересован в этом вопросе. Я — индус, но не могу остаться равнодушным к проблемам

мусульман. Их печали должны стать нашими. В тщательном соблюдении прав этих государств, в уважении к чувствам мусульман и местам, где они возносят свои молитвы, в справедливом и своевременном выполнении обещания предоставить Индии самоуправление и заключается безопасность империи. Я пишу об этом, потому что люблю англичан и хочу пробудить в каждом индийце преданность англичанам».

28. НА ГРАНИ СМЕРТИ

Во время вербовочной кампании я едва не довел свой организм до полного истощения. В те дни моя пища состояла главным образом из арахисового масла и лимонов. Я знал, что чрезмерное употребление масла может повредить здоровью, но тем не менее продолжал позволять себе его в больших количествах. От этого у меня началась легкая дизентерия, но я не придавал ей серьезного значения и тем же вечером отправился в ашрам: редкие визиты туда вошли у меня в привычку. Тогда я едва ли вообще принимал какие-либо лекарства. Я посчитал, что поправлюсь, если просто пропущу одну из ежедневных трапез, и действительно почувствовал себя намного лучше после того, как не позавтракал на следующее утро. Однако я понимал, что для окончательного выздоровления должен продолжить свой пост и отказываться от всего, кроме фруктовых соков.

В тот день отмечался какой-то праздник, и, хотя я предупредил Кастурбай, что не стану ничего есть на обед, она подвергла меня искушению, которому я поддался. Поскольку я воздерживался от молока и молочных продуктов, она специально для меня приготовила сладкую кашу из пшена, добавив в нее растительного масла вместо *ghi* (топленого). Кроме того, меня ждала целая миска бобов мунг. Мне всегда очень нравились эти блюда, и я принялся за них, надеясь без всяких последствий поесть немного, так, чтобы осталась довольна Кастурбай, а я достаточно

насытился. Но дьявол ждал своего часа, намереваясь сотворить черное дело. Вместо того чтобы отведать понемногу и того и другого, я наслаждался полноценным обедом. Этого оказалось достаточно. Я увидел ангелов смерти. Буквально через час дизентерия стала острой.

Тем же вечером мне нужно было вернуться в Надиад. С превеликим трудом я дошел до станции Сабармати, то есть преодолел расстояние всего в десять фарлонгов*. Валлабхаи, присоединившийся ко мне в Ахмадабаде, заметил, что мне нездоровится, но я не позволил ему догадаться, насколько сильную боль я испытываю.

Мы прибыли в Надиад примерно в десять часов. Анаташрам, где располагалась наша штаб-квартира, находился всего в полумиле от станции, но мне показалось, что в десяти, не меньше. Я сумел добраться до дома, однако резкая боль тем временем продолжала усиливаться. Вместо того чтобы воспользоваться обычным туалетом, стоявшим на некотором отдалении от дома, я попросил поставить судно в смежной комнате. Мне было стыдно просить об этом, но не оставалось другого выхода. Фулчанд незамедлительно принес его. Меня окружили озабоченные друзья. Они отнеслись ко мне с любовью и вниманием, но это не могло облегчить боль. Мое упрямство лишь усугубляло их растерянность. Я отказался от всякой медицинской помощи. Я не принимал никаких лекарств, а предпочел выносить муки, считая их своим наказанием за безрассудство. Товарищи наблюдали за мной в тревоге и смятении. За двадцать четыре часа я, должно быть, справлял нужду тридцать или сорок раз. Я ведь постился и не пил поначалу даже фруктовых соков. Аппетит полностью пропал. Я всегда считал свое тело крепким, но сейчас обнаружил, что оно уподобилось комку глины. Мой организм перестал сопротивляться. Приехал доктор Кануга и стал умолять меня принять

* Фарлонг — одна восьмая часть мили.

лекарство. Я не внял его мольбам. Он предложил сделать мне укол. Но и это предложение я отверг. Мое невежество было в то время просто нелепым: я считал, что в любой инъекции обязательно содержится своего рода сыворотка. Доктор же собирался сделать мне укол с какой-то растительной субстанцией, как я узнал позже, когда было уже слишком поздно. Частые дефекации продолжались, доводя меня до изнеможения. Переутомление спровоцировало приступы лихорадки и бреда. Друзья нервничали все сильнее и вызывали ко мне новых врачей. Но что они могли сделать с пациентом, который отказывался прислушиваться к их советам?

Шет Амбалал с его добрейшей женой приехали в Надиад, поговорили с моими товарищами, после чего крайне осторожно перевезли меня в принадлежащее им бунгало Мирзапур в Ахмадабаде. Невозможно себе представить, чтобы кого-то окружили такой заботой, как меня во время той болезни. Но лихорадка продолжала одолевать меня, изматывая все больше день ото дня. Я чувствовал, что болезнь затянется и исход, не исключено, будет фатальным. По-прежнему окруженный любовью и вниманием под крышей дома шета Амбалала, я все равно не находил себе места от тревоги и умолял вернуть меня в ашрам. Ему пришлось смириться с моим упрямством.

И пока я ворочался в постели, пытаюсь унять боль, в ашрам приехал Валлабхаи с новостями о полном поражении Германии в войне. Он сообщил мне, что получил уведомление от комиссара округа: в вербовочной кампании теперь не было никакой необходимости. Я почувствовал облегчение, поскольку можно было больше не беспокоиться о вербовке.

Потом я попытался прибегнуть к гидропатии, которая принесла относительное облегчение, но вернуть телу утраченные силы оказалось слишком трудно. Множество врачей буквально засыпали меня своими советами, но я не мог

заставить себя прислушаться хотя бы к одному из них. Двое или трое, ссылаясь на «Аюрведу» и цитатами подкрепляя свои аргументы, предлагали употреблять в пищу мясной бульон, чтобы не нарушать обета и не пить молоко. Один из докторов настойчиво советовал яйца. Но для всех этих людей у меня находился только один ответ — нет.

Для меня вопрос диеты был не из тех, которые решаются с помощью шастр. Он был крепко вплетен в мою жизнь, а в этой жизни я руководствовался принципами, уже давно не зависевшими от внешних авторитетных источников. У меня не возникало желания выжить, отказавшись от этих принципов. Как мог я пожертвовать ими сам, если настойчиво заставлял соблюдать их жену, детей и друзей?

Первая в моей жизни мучительная и затяжная болезнь дала мне, таким образом, уникальную возможность проверить действенность моих принципов и подвергнуть их испытанию. Однажды ночью я перестал сопротивляться и предался отчаянию. Возникло ощущение, что я нахожусь на грани смерти. Я отправил записку Анасуябай. Она примчалась в ашрам. Валлабхаи снова навесил меня с доктором Канугой, который посчитал мне пульс и сказал:

— С пульсом у вас все в порядке. Я не вижу абсолютно никакой опасности. У вас был нервный срыв, спровоцированный сильной слабостью.

Но меня его слова несколько не ободрили. Я провел бессонную ночь.

Наступило утро, и смерть не маячила больше где-то рядом. Но все же я не мог избавиться от предчувствия, что развязка близка. Я стал посвящать часы бодрствования «Гите». Ее читали для меня вслух обитатели ашрама. Читать самостоятельно я не мог. Я не хотел даже разговаривать. Любой самый короткий разговор чересчур напрягал мой мозг. У меня пропал всякий интерес к жизни, поскольку меня никогда не привлекало существование

только ради самого существования. Бессилие изматывало, потому что я ничего не делал, а только с благодарностью принимал услуги друзей и соратников, ощущая, как мое тело медленно умирает.

И пока я лежал, готовый к смерти, ко мне явился доктор Талвалкар и привел какое-то странное создание. Спутник Талвалкара приехал из Махараштры. Его имя не было широко известно, но при первом же взгляде на него я понял, что это человек с похожими на мои причудами. Он прибыл, чтобы испытать на мне свой метод лечения. Ему почти удалось окончить курс в медицинском колледже Гранта, хотя диплома он так и не получил. Позже я узнал, что он был членом Брахмо-самадж. Доктор Келкар (так звали моего визитера) обладал независимым и строптивым нравом. Он разработал способ лечения льдом, который и хотел испытать на мне. Мы дали ему прозвище «ледяной доктор». Он был совершенно уверен, что открыл нечто, о чем и не догадывались квалифицированные врачи. К сожалению — и его, и моему — ему не удалось заразить меня своей верой в этот метод. Впрочем, до некоторой степени я все-таки уверовал в его эффективность, но, боюсь, Келкар слишком поторопился с некоторыми выводами.

Но какими бы ни были достоинства или недостатки его открытий, я позволил ему провести этот эксперимент. Я ничего не имел против наружного лечения. Метод Келкара заключался в наложении льда на все участки тела. Не могу поддержать его заявлений об эффективности такого лечения лично для меня, но Келкару удалось другое: он вдохнул в меня надежду и энергию, а реакция мозга положительно сказалась на теле. У меня начал появляться аппетит. Я стал выходить на маленькие прогулки продолжительностью от пяти до десяти минут. Но затем Келкар предложил внести изменения в мою диету.

— Уверяю вас, — сказал мне он, — что вы станете более энергичным и скорее обретете утраченные силы, если ста-

нете есть сырые яйца. Яйца безвредны, как и молоко. Их нельзя отнести к мясным продуктам. Кроме того, знаете ли вы, что далеко не все яйца оплодотворены? На рынке можно приобрести стерилизованные.

Я не был готов употреблять в пищу даже стерилизованные яйца. Однако мое состояние улучшилось настолько, что я вновь заинтересовался общественной деятельностью.

29. ЗАКОНОПРОЕКТ РОУЛЕТТА И МОЯ ДИЛЕММА

Друзья и врачи заверили меня, что я поправлюсь быстрее, если сменю обстановку и отправлюсь в Матеран*. Так я и поступил. Однако вода в Матеране оказалась слишком жесткой, что сделало мое пребывание там затруднительным. После острой дизентерии мой кишечник стал крайне чувствительным, а из-за трещин в заднем проходе я чувствовал нестерпимую боль при каждом отправлении естественных надобностей. Даже мысль о необходимости есть пугала меня. Еще до окончания первой недели пребывания в Матеране я оттуда сбежал. Шанкарлал Банкер, заботившийся обо мне, настойчиво советовал побеседовать с доктором Далалом. И доктора Далала вызвали ко мне. Мне особенно понравилось в нем то, как быстро он принимает решения.

Он сказал:

— Я не могу восстановить ваш организм, пока вы не станете пить молоко. Если к тому же вы согласитесь на инъекции железа и мышьяка, то я смогу гарантировать вам полное телесное обновление.

— Вы можете сделать мне инъекции, — ответил я, — но вот молоко — совсем другое дело. Я дал обет не пить его.

* Матеран — тихий городок, расположенный в живописных горах; уже в описанное автором время считался чем-то вроде курорта.

— Какой именно обет вы дали? — поинтересовался доктор.

Мне пришлось рассказать ему всю историю и назвать причины, заставившие меня дать клятву. Я поведал ему, что с тех пор, как узнал, что коровы и буйволицы подвергаются *пхука*, у меня выработалось стойкое отвращение к молоку. Более того, добавил я, мне всегда казалось, что молоко не является естественной для человека пищей, а потому мне пришлось отказаться от употребления его в любом виде. Кастурбай стояла рядом с моей постелью и слушала наш разговор.

— Но в таком случае у тебя не должно быть никаких возражений против козьего молока, — заметила она.

Доктор сразу же ухватился за сказанное ею.

— Я буду вполне удовлетворен, если вы станете пить козье молоко, — сказал он.

И я сдался. Мое страстное желание снова вступить в борьбу и участвовать в сатьяграхе пробудило во мне жажду жизни, а потому я удовлетворился тем, что стал придерживаться своего обета лишь формально, хоть и принес в жертву его дух. Давая обет, я держал в уме только молоко коров и буйволиц, однако моя клятва на самом деле подразумевала отказ от молока любых животных. Неправильно было пить молоко вообще, если я полагал, что оно не является естественной для человека пищей. И все же, осознавая все это, я согласился пить козье молоко. Желание жить взяло верх над приверженностью истине, и в тот момент искатель истины пошел против своего священного идеала из-за страстного стремления вернуться в сатьяграху. Воспоминание об этом по-прежнему ранит мое сердце и заставляет не только сожалеть о содеянном, но и непрестанно напряженно раздумывать о том, как теперь отказаться от козьего молока. Однако мной до сих пор владеет этот самый тонкий из всех соблазнов — желание служить обществу.

Накопленные мною знания о диете дороги мне как часть моего исследования ахимсы. Они служат мне источником удовольствия и радости. И сегодня употребление в пищу козьего молока тревожит меня не столько с точки зрения соблюдения ахимсы в диете, сколько с позиции приверженности истине, потому что я нарушил свою клятву. Я думаю, что понимаю идеал истины лучше, чем идеал ахимсы, и мой опыт подсказывает мне, что если я отступлюсь от поисков истины, то уже никогда не сумею найти ключ к разгадке ахимсы. Идеал истины требует придерживаться обета как формально, так и по существу. Получается, что я разрушил дух, то есть душу своего обета, что очень печалит меня. Но, несмотря на понимание этого, я все еще не вижу ясного пути. Иными словами, мне, вероятно, не хватает храбрости следовать прямо. В общем-то это одно и то же, поскольку сомнения являются результатом недостатка или слабости веры. А потому слова «Боже, даруй мне веру» стали для меня молитвой, которую я повторяю денно и ночно.

Вскоре после того, как я начал пить козье молоко, доктор Делал прооперировал трещины. Пока я выздоравливал, окрепло и мое желание жить, причем еще и потому, что Господь уготовил мне много работы.

Едва я начал поправляться, в газетах опубликовали отчет комиссии Роулетта. Его рекомендации шокировали меня. Шанкарлал Банкер и Умар Собани обратились ко мне с предложением предпринять какие-то действия. Примерно через месяц я отправился в Ахмадабад. Своими опасениями я поделился с Валлабхаи, навещавшим меня почти ежедневно.

— Необходимо что-то делать, — сказал я ему.

— Но что мы можем сделать в сложившихся условиях? — спросил он.

Я ответил:

— Мы должны найти небольшую группу людей, которые согласятся подписать петицию, и, если закон все

равно будет принят, мы должны сразу же прибегнуть к сатьяграхе. Если бы я не был прикован к постели, я вступил бы в схватку один с верой, что другие последуют за мной. Но в моем нынешнем беспомощном состоянии я чувствую себя совершенно не готовым к решению такой задачи.

В результате мы решили посоветоваться с близким кругом людей. Мне показалось, что рекомендации комиссии Роулетта никак не связаны с приведенными в отчете доказательствами, и, по моему мнению, ни один уважающий себя народ не мог последовать им.

Намеченная нами встреча состоялась в конце концов в ашраме. В ней участвовало около двадцати лиц. Насколько помню, кроме Валлабхаи, среди них присутствовали: шримати Сароджини Наиду, мистер Хорниман, ныне покойный Умар Собани, Шанкарлал Банкер и шримати Анасуябай. На этой встрече была составлена петиция о начале сатьяграхи, и, насколько помню, все присутствовавшие подписали ее. Тогда я не издавал газет, но время от времени излагал свои мысли в прессе. Так я сделал и на сей раз. Шанкарлал Банкер взялся за агитацию с большим энтузиазмом, и я впервые смог по достоинству оценить его организаторские способности и готовность к упорной продолжительной работе.

Поскольку не приходилось надеяться, что какая-либо из существовавших организаций примет такое новое орудие борьбы, как сатьяграха, по моему настоянию была создана «Сатьяграха сабха». Большинство ее членов жили в Бомбее, а потому и штаб-квартира была расположена там же. Будущие многочисленные участники движения приходили поклясться в верности сатьяграхе, мы начали выпускать информационные бюллетени, повсюду созывались митинги, и все это постепенно обрело форму кампании сатьяграхи в Кхеде.

Я стал председателем организации «Сатьяграха сабха». Уже скоро я понял, насколько мало было шансов добиться-

ся единства мнений — моего и интеллигенции, вошедшей в состав «Сабхи». Мое упорное стремление использовать язык гуджарати в работе «Сабхи» и некоторые другие методы работы, которые могли показаться странными, смущали интеллигентов и вызывали у них чувство неловкости. Хотя должен отдать им должное: большинство из них великодушно смирилось с моей эксцентричностью.

Но с самого начала мне стало ясно, что «Сабха» не сможет просуществовать долго. Было очевидно, что мое стремление поставить во главу угла истину и ахимсу вызывало неприязнь некоторых членов организации. И все же поначалу наша деятельность развивалась стремительно, и движение постепенно набирало силу.

30. ЭТО БЫЛО ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗРЕЛИЩЕ!

Пока, с одной стороны, агитация против отчета комиссии Роулетта становилась все интенсивнее, правительство, с другой стороны, все более решительно готовилось к осуществлению этих рекомендаций на практике, и законопроект Роулетта был опубликован. Я присутствовал на заседании Индийской законодательной палаты всего один раз в жизни, как раз во время дебатов по поводу этого законопроекта. Шастриджи произнес пламенную речь, в которой прозвучала торжественная нота предупреждения для правительства. Казалось, вице-король слушал Шастриджи заворуженно, не сводя с него глаз, пока тот изливал раскаленный поток своего красноречия. На какой-то момент мне почудилось, что вице-король глубоко тронут этой речью, исполненной правды и истинной страсти.

Но вы можете разбудить человека, только если тот действительно спит; если же он лишь притворяется спящим, все будет бессмысленно. Вот так можно было бы описать позицию, занятую правительством. Оно хотело только одного: как можно быстрее разыграть фарс юридических

формальностей. Решение было принято заранее, а потому правительство совершенно не прислушалось к торжественно произнесенному предостережению Шастриджи.

При подобных обстоятельствах мое выступление стало бы гласом вопиющего в пустыне. Я искренне обратился к вице-королю, писал ему частные письма и открытые послания, без обиняков заявляя, что действия правительства не оставляют мне другого выхода, что мне придется начать сатьяграху. Но все мои старания были напрасны.

Закон не был еще опубликован. Я по-прежнему был крайне слаб, но, когда получил приглашение из Мадраса, решил рискнуть и отправился в долгий путь. В то время я не мог сильно напрягать голос и выступать на митингах, а невозможность обратиться к собравшимся заставляла меня неподвижно стоять на месте. Все мое тело пронизывала дрожь, и сердцебиение учащалось при любой попытке заговорить.

На юге страны я всегда чувствовал себя как дома. Благодаря моей работе в Южной Африке я ощущал свою тесную связь с тамилами и телугу. Преданные южане никогда не обманывали моего доверия. Приглашение было подписано ныне покойным адвокатом Кастури Ранга Айенгара. Но уже на пути в Мадрас я узнал, что на самом деле за этим приглашением стоял Раджагопалачария. Выходит, так состоялось мое знакомство с ним. По крайней мере, так мы впервые встретились лично.

Раджагопалачария только что покинул Салем, чтобы устроиться в Мадрасе и заняться юридической практикой, поддавшись настойчивым уговорам таких своих друзей, как Кастури Ранга, и намеревался принимать более активное участие в общественной работе. Именно у него я и остановился в Мадрасе. Это открытие я сделал, уже прожив в его доме пару дней, потому что бунгало, где мы нашли приют, принадлежало Кастури Ранга, и я решил, что мы гостим именно у него. Мне все объяснил Махадев Десаи. Он очень быстро сблизился с Раджагопалачарией,

который в силу природной скромности постоянно старался держаться где-то в стороне. Но Махадев просветил меня.

— Вы обязаны пообщаться с этим человеком, — однажды сказал мне он.

Я так и поступил. Мы подолгу обсуждали план борьбы, но, кроме проведения массовых митингов, мне ничего не шло на ум. Я оказался в растерянности, не зная, как организовать кампанию гражданского неповиновения против законопроекта Роулетта, поскольку он уже практически стал законом. Ты мог не подчиняться, если правительство давало тебе мотив для неподчинения. А если такого мотива не было, могли ли мы не повиноваться и другим законам? И если могли, то насколько? Эти и множество других вопросов становились темой наших дискуссий.

Кастури Ранга организовал небольшую встречу лидеров, чтобы принять решение. Среди тех, кто принял в ней наиболее активное участие, был адвокат Виджаярагхавачария. Он предложил, чтобы я написал подробное руководство по ведению сатьяграхи. Я чувствовал, что подобный труд мне не осилить, и честно признался ему в этом.

Пока мы обсуждали эту проблему, появились сообщения, что законопроект Роулетта уже опубликован, а значит, стал законом. В ту ночь я долго не мог заснуть, размышляя над возникшим затруднением. Утром я проснулся намного раньше, чем обычно. Я все еще находился в том сумеречном состоянии между сном и бодрствованием, когда внезапно мне в голову пришла идея. Показалось даже, что это мне попросту приснилось. Ранним утром я обо всем рассказал Раджагопалачарии.

— Этой ночью я решил, что мы должны призвать народ к всеобщему харталу*. Сатьяграха — это процесс са-

* Хартал — форма гражданской забастовки в Индии и некоторых других странах Азии (Пакистан, Бангладеш и др.). Обычно сопровождается прекращением всякой работы, массовым закрытием магазинов, бойкотом иностранных товаров и т. д.

моочищения, мы боремся за святое дело, и мне кажется уместным в сложившихся обстоятельствах начать сопротивление именно с акта самоочищения. В таком случае пусть весь индийский народ в определенный день оставит всякую работу и все свои дела, чтобы предаться посту и молитвам. Мусульмане не могут поститься больше одного дня, а потому продолжительность поста не должна превышать двадцати четырех часов. Трудно предсказать, все ли провинции откликнутся на такой призыв, но я уверен, что Бомбей, Мадрас, Бихар и Синд нас не подведут. Если хотя бы эти провинции поддержат хартал, мы уже будем удовлетворены.

Раджагопалачария сразу же увлекся моей идеей. Остальные мои друзья тоже приняли ее с восторгом, когда чуть позже я поговорил с ними. Я подготовил текст краткого воззвания. Сначала мы решили, что хартал пройдет 30 марта 1919 года, но затем перенесли его на 6 апреля. Широко оповестить массы не удалось: осталось слишком мало времени.

Мы и представить себе не могли, что выйдет из нашей затеи. Вся Индия, из конца в конец, города и деревни присоединились к харталу. Это было великолепное зрелище!

31. ПАМЯТНАЯ НЕДЕЛЯ — I

После маленького путешествия по Южной Индии я добрался до Бомбея (кажется, это было 4 апреля). Ранее я получил телеграмму от Шанкарлала Банкера, приглашавшего меня присоединиться к назначенному там на 6 апреля событию.

В Дели, например, хартал начался 30 марта. Слово свами Шраддхананджи, ныне покойного, и Хакима Аджмала Хана Сахиба было там законом. Телеграмма, сообщавшая о переносе всеобщей забастовки на 6 апреля, была получена в Дели с опозданием. Дели никогда еще не видал

подобного хартала. Индусы и мусульмане объединились. Свами Шраддхананджи был приглашен произнести речь в главной соборной мечети Джама Масджид. Все это переполнило чашу терпения властей. Полиция задержала процессию хартала, направлявшуюся к вокзалу, и открыла огонь, жертвами которого стали несколько человек. Дели превратился в средоточие репрессий. Шраддхананджи пытался срочно вызвать меня в столицу. В ответной телеграмме я обещал отправиться в Дели немедленно, как только закончится намеченный на 6 апреля хартал в Бомбее.

Произошедшее в Дели с различными вариациями повторилось в Лахоре и Амритсаре. Доктора Сатьяпал и Китчлу настоятельно просили меня приехать в Амритсар. В то время я не был даже знаком с ними, но передал сообщение о своем намерении побывать в Амритсаре сразу же после визита в Дели.

Утром 6 апреля жители Бомбея собрались на Чаупати, чтобы омыться в море, после чего всей процессией двинулись в сторону Тхакурдвара. В процессии было много женщин и детей. Присоединились и мусульмане. Из Тхакурдвара некоторые из нас, кто тоже участвовал в процессии, были приглашены друзьями-мусульманами в расположенную по соседству мечеть, где миссис Найду и меня уговорили произнести речи. Виталдас Джераджани предложил, чтобы мы там же незамедлительно призвали людей к индусско-мусульманскому единству и свадеши*. Но я отверг предложение, заметив, что к подобному нельзя призывать в спешке и что нас должно удовлетворить уже достигнутое в тот день единство. Принятый однажды обет, сказал я, не может быть впоследствии нарушен, а потому необходимо, чтобы люди в полной мере понимали последствия сваде-

* Свадеши — часть движения за независимость Индии. Включало в себя бойкот британских товаров, выступления в поддержку отечественных и провозглашение принципов экономической самостоятельности Индии.

ши и серьезные обязательства, налагаемые на них обетом единства индусов и мусульман. Закончилось все тем, что я внес альтернативное предложение: те, кто действительно и осмысленно хотел принять такой обет, должны собраться вновь на следующее утро.

Нужно ли упоминать о том, что хартал в Бомбее прошел чрезвычайно успешно? Все было заранее подготовлено для кампании гражданского неповиновения. Мы обсудили только два или три вопроса и решили, что кампанию следует проводить в знак протеста лишь против таких законов, которым народным массам будет легко не подчиниться. Например, налог на соль был крайне непопулярен, и уже некоторое время существовало движение за его отмену. Я предложил, чтобы люди сами выпаривали соль из морской воды и не платили соляной подати. Мое второе предложение касалось продажи запрещенной литературы. Две из моих книг («Хинд сварадж» и «Сарводая» — перевод «Последнему, что и первому» Рёскина на гуджарати) как раз уже попали под запрет, что было на руку протестующим. Печатать их и открыто продавать было наиболее легким способом начать гражданское неповиновение. Книги были выпущены достаточно большими тиражами, и распродавать их решили в день массового митинга, после окончания поста.

Вечером 6 апреля целая армия добровольцев стала продавать книги. Шримати Сароджини Деви и я сам приехали туда на машине. Все тиражи очень скоро раскупили. Полученные средства мы намеревались использовать для дальнейшего развития кампании гражданского неповиновения. Книги продавались по четыре анны за экземпляр, но никто не покупал их за эту цену — почти все платили больше. Многие вообще выкладывали все имевшиеся у них деньги. Давали пять и десять рупий, а один из покупателей не пожалел пятидесяти рупий! Мы объясняли каждому, что он рискует быть арестованным и сесть

в тюрьму за покупку запрещенной литературы, но в тот момент люди утратили страх даже перед тюремным заключением.

Как мы узнали позже, правительство предпочитало думать, что книги, которые оно запретило, на самом деле не продавались, а те, что продали мы, формально не являлись запрещенной литературой: перепечатку правительство считало новым изданием, которое еще не было запрещено цензурой, а потому продажа и покупка таких книг не нарушили закона. Эта новость нас всех разочаровала.

На следующее утро была организована специальная встреча для желающих участвовать в свадеши и принять обет единства индусов и мусульман. Только тогда Виталдас Джераджани убедился, что не все то золото, что блестит. Пришла лишь небольшая группа людей. Я отчетливо помню сестер, присутствовавших на этой встрече. Мужчин тоже явилось немного. Я заранее набросал слова обета и принес написанное с собой, а затем подробно объяснил собравшимся его суть. Малочисленность собрания не расстроила и не удивила меня, поскольку я давно понял, что люди хотят участвовать лишь в мгновенно захватывающей их деятельности, а спокойная конструктивная работа их не интересует. Это справедливо и по сей день.

Но я расскажу об этом в отдельной главе. Вернемся к начатой мной истории. В ночь на 7 апреля я отправился в Дели и Амритсар. 8 апреля добрался до Матхуры, где говорили о моем вероятном аресте. На следующей после Матхуры станции меня встретил Ачарья Джидвани, с полной определенностью сообщил, что я буду арестован, и предложил мне помощь. Я поблагодарил его и заверил, что непременно воспользуюсь его услугами, если в них возникнет необходимость.

Прежде чем поезд достиг станции Палвал, я получил письменный приказ, по которому мне запрещалось пере-

секать границу Пенджаба, поскольку мое появление могло спровоцировать беспорядки. Полицейские попросили меня сойти с поезда. Я отказался и ответил им так:

— Я направляюсь в Пенджаб по приглашению и не для того, чтобы спровоцировать беспорядки, а наоборот, чтобы предотвратить их. Прошу меня простить, но я не могу подчиниться такому приказу.

Наконец поезд остановился в Палвале. Со мной был Махадев. Я попросил его ехать в Дели, предупредить свами Шраддхананджи о том, что случилось, и убедить людей сохранять спокойствие. Ему нужно было объяснить всем, почему я решил не подчиняться приказу властей и смириться с последствиями неподчинения, а также почему я буду считать нашей общей победой, если мы сумеем сохранить полнейшее спокойствие независимо от наказания, которое я могу понести.

На станции Палвал меня сняли с поезда и взяли под стражу. Вскоре прибыл поезд из Дели. Полицейские сопровождали меня в вагон третьего класса. По прибытии обратно в Матхуру меня отвели в полицейские казармы; ни один из офицеров не мог сказать мне, как со мной поступят дальше или куда направят. В четыре часа утра меня разбудили и посадили в товарный поезд, следовавший в Бомбей. В полдень меня снова сняли с поезда в Савай-Мадхопуре. Мистер Боуринг, инспектор полиции, прибывший почтовым поездом из Лахора, стал теперь распоряжаться мной. Вместе мы сели в купе вагона первого класса, и из обычного арестанта я превратился в «арестанта-джентльмена». Мистер Боуринг начал с многословного панегирика сэру Майклу О'Двайеру. Сэр Майкл, по его словам, не имел ничего против меня лично, он лишь опасался беспорядков, если я появлюсь в Пенджабе, и так далее. Под конец инспектор попросил меня добровольно вернуться в Бомбей и пообещать не пересекать

границы Пенджаба. Я отвечал, что не могу подчиниться приказу и не готов вернуться назад добровольно, после чего инспектор заявил, что вынужден действовать по закону.

— Но как вы поступите со мной? — спросил я.

Он ответил, что сам еще не знает и будет дожидаться дальнейших распоряжений.

— А пока, — сказал он, — я доставлю вас в Бомбей.

Мы доехали до Сурата. Здесь меня передали другому офицеру полиции.

— Теперь вы свободны, — сказал он мне, когда мы вернулись в Бомбей. — Однако будет лучше, если вы сойдете с поезда ближе к Марин-Лайнс, где я специально остановлю для вас поезд. Высока вероятность, что в Колабе соберется большая толпа.

Я сказал ему, что буду только рад исполнить его пожелание. Он был удовлетворен и поблагодарил меня за послушание. Соответственно, я покинул поезд в Марин-Лайнс. Экипаж одного из моих друзей по чистой случайности как раз проезжал мимо станции. Я сел в него и доехал до дома Ревашанкара Джхавери. Друг сообщил мне, что известие о моем аресте вызвало в народе волнение и заставило людей действовать необдуманно.

— Беспорядки могут вспыхнуть очень скоро в районе Пайдхуни. Судья и полицейские уже прибыли туда, — добавил он.

Я едва успел оказаться на месте, как Умар Собани и Анасуябай примчались туда и попросили меня срочно проследовать в Пайдхуни.

— Люди сильно перевозбуждены, — сказали они. — Нам не удастся успокоить их. Только ваше присутствие их умиротворит.

Я сел в машину. Подъезжая к Пайдхуни, я увидел, насколько огромная толпа там собралась. Заметив меня, люди несказанно обрадовались. Немедленно собралась про-

цессия, а воздух наполнили торжествующие крики «Ванде Матарам!»* и «Аллах Акбар!». В Пайдхуни на нашем пути встал отряд конной полиции. В офицеров полетели обломки кирпичей. Я пытался успокоить толпу, но тщетно: стало казаться, что град кирпичей не прекратится. Когда процессия вышла с улицы Абдур Рахмана и уже собиралась направиться дальше в сторону Кроуфорд-маркет, перед ней внезапно возник другой отряд конной полиции, присланный туда, чтобы помешать процессии двигаться в направлении Форта. Толпа была чрезвычайно плотной. Она почти прорвалась сквозь полицейский кордон. Нечего было надеяться, что мой голос услышат из-за стоявшего повсюду гвалта. В этот момент офицер, командовавший конными полицейскими, отдал приказ рассеять толпу, и тут же его подчиненные бросились в атаку, размахивая своими пиками. На мгновение мне показалось, что я непременно пострадаю, но мои опасения оказались беспочвенными. Уланы лишь слегка поцарапали корпус машины пиками, когда проносились мимо. Плотные ряды людей скоро были разорваны, ими овладело смятение, заставившее их обратиться в беспорядочное бегство. Кто-то упал и был тут же растоптан ногами, одних тяжело ранили, других раздавили копытами. Из этой людской массы невозможно было выбраться, а потому уланы вслепую прокладывали себе путь сквозь толпу. Я думаю, они попросту не видели, что творят. Это было ужасное зрелище. Всадники и люди смешались в каком-то безумном хаосе.

Только тогда удалось разогнать толпу и остановить процессию. Нашей машине разрешили двигаться дальше. Я остановился перед участком и зашел к комиссару, чтобы пожаловаться на действия полиции.

* «Ванде Матарам!» («Приветствую тебя, Родина-Мать!») — название и рефрен песни на стихи бенгальского писателя и поэта Б. Чоттопадхя. Песня является, по сути, вторым национальным гимном Индии.

32. ПАМЯТНАЯ НЕДЕЛЯ — II

Итак, я зашел к комиссару мистеру Гриффиту. Лестницу, ведущую к его кабинету на втором этаже, окружали вооруженные до зубов солдаты. На веранде тоже царил беспорядочная суета. Когда меняпустили в кабинет, я увидел, что там уже сидит мистер Боуринг.

Я описал комиссару ужасные сцены, свидетелем которых только что стал. Он коротко ответил:

— Я не хотел, чтобы процессия дошла до Форта, поскольку там неизбежно произошли бы беспорядки. А когда я убедился, что люди не поддаются уговорам, у меня не оставалось другого выхода, кроме как отдать приказ конной полиции атаковать толпу.

— Но ведь вы знали, к каким последствиям это приведет. Лошади неизбежно начали бы давить людей. Я считаю, что не было никакой необходимости выдвигать вооруженных всадников, — сказал я.

— Вы не можете судить об этом, — возразил мистер Гриффит. — Мы, офицеры полиции, лучше вас знаем, какой эффект производит на людей ваша агитация. Если бы мы не прибегли к решительным мерам, ситуация вышла бы из-под нашего контроля. И могу вас заверить, что люди вышли бы и из-под вашего контроля тоже. Они быстро увлекаются всякого рода неподчинением. Они не могут понять, что их долг — поддерживать порядок. Я, конечно, не сомневаюсь в ваших намерениях, но люди их вряд ли поймут. Толпа следует своим инстинктам.

— В этом я с вами полностью согласен, — продолжил я. — Вот только люди по природе склонны не к насилию, а к покою и порядку.

Наш спор продолжался еще достаточно долго. Потом мистер Гриффит сказал:

— Предположим, вы бы убедились, что люди не понимают вашего учения. Как бы вы поступили в таком случае?

— Я бы прекратил кампанию гражданского неповиновения, будь я убежден в этом.

— Что вы имеете в виду? Вы сказали мистеру Боурингу, что отправитесь в Пенджаб, как только вас освободят.

— Да, так я и хотел поступить. Я собирался сесть на ближайший поезд, но сегодня это уже невозможно.

— Если бы вы проявили терпение, вы бы поняли, что толпа ничего не понимает в вашем учении. Знаете ли вы, что происходит в Ахмадабаде? Или в Амритсаре? Люди повсюду словно лишились рассудка. А ведь я получил еще далеко не все сведения. Телеграфные провода были перерезаны в нескольких местах. И я прямо скажу, что возлагаю ответственность за все эти нарушения порядка именно на вас.

— Спешу вас заверить, что всегда готов нести ответственность, если для того есть причины. Однако меня поразило и глубоко уязвило известие о беспорядках в Ахмадабаде. Не могу отвечать за Амритсар, поскольку никогда не бывал там и никому в этом городе не известен, но по поводу Пенджаба могу сказать точно: если бы пенджабские власти не препятствовали моей поездке туда, я бы сумел поддержать там порядок. Приказ о запрете на въезд спровоцировал людей.

Мы всё спорили и спорили. Достичь согласия было невозможно. Я сказал ему, что собираюсь прийти на митинг на Чаупати и призвать людей к спокойствию, после чего покинул участок. Митинг проводился среди песков Чаупати. Я долго говорил о том, что необходимо не прибегать к насилию, и о пределах сатьяграхи. Я также сказал:

— Важно понять, что сатьяграха — оружие тех, кто привержен истине. Сатьяграха основана на принципе ненасилия, и пока вы не научитесь соблюдать его в мыслях, словах и делах, я не могу призывать вас к массовой сатьяграхе.

Анасуябай тоже получила известия о беспорядках в Ахмадабаде. Кто-то пустил слух, что и ее арестовали. Фабрич-

ные рабочие буквально сошли с ума, узнав о ее предполагаемом аресте, бросили работу и прибегли к насилию, избив до смерти сержанта полиции.

Я отправился в Ахмадабад. Мне сообщили о предпринятой попытке разобрать рельсы вблизи от Надиада и о том, что правительственного чиновника убили в Вирамгаме, а в Ахмадабаде ввели военное положение. Людей охватил страх. Они позволили себе насильственные действия и теперь расплачивались за это.

На вокзале меня ожидал офицер полиции, чтобы сопроводить к мистеру Пратту, комиссару округа. Тот был в ярости. Я начал разговор очень спокойно и выразил сожаление по поводу беспорядков, затем сказал, что во введении военного положения нет необходимости, и заявил о своей готовности сотрудничать с властями, чтобы восстановить порядок. Потом я предложил провести митинг на территории ашрама Сабармати. Он охотно принял мое предложение, и митинг состоялся, насколько помню, в воскресенье 13 апреля, а военное положение отменили в тот же день или днем позже. Обращаясь к собравшимся на митинге, я постарался объяснить им, насколько неверно они поступали, и объявил, что вынужден прибегнуть к трехдневному посту в знак покаяния. Я также призвал людей держать подобный же пост продолжительностью в один день, а виновных в насилии убеждал признать свою вину.

Я понимал, в чем состоит мой долг. Было нестерпимо больно узнать, что рабочие, среди которых я провел достаточно много времени, которым я служил и от которых ожидал совсем другого, участвовали в бунте. Теперь часть вины за этот бунт я должен был взять на себя.

Я призвал людей признать свою вину, а правительство — никого не наказывать. Ни те ни другие не вняли моим призывам.

Сэр Раманбхай, ныне покойный, и еще группа граждан Ахмадабада пришли ко мне с просьбой приостановить са-

тьяграху. В подобной просьбе не было нужды: я уже и сам принял такое решение, поскольку люди никак не могли усвоить урока спокойствия и порядка. Друзья покинули меня вполне удовлетворенными.

Однако были и другие — те, кого совсем не обрадовало подобное решение. Они считали, что массовая сатьяграха так и останется недостижимой, пока я жду повсеместного спокойствия и считаю его обязательным условием для начала кампании. Мне было жаль, но приходилось соглашаться с ними. Если даже те, среди кого я сам проводил просветительские мероприятия и от кого ожидал готовности к ненасилию и самопожертвованию, прибегали к насилию, то сатьяграха, разумеется, была невозможна. Я твердо верил, что тот, кто хочет возглавить народ во время сатьяграхи, обязан уметь сдерживать людей в рамках ненасилия, которое необходимо. Того же мнения я придерживаюсь и сейчас.

33. «ОГРОМНАЯ, КАК ГИМАЛАИ, ОШИБКА»

Почти сразу после митинга в Ахмадабаде я отправился в Надиад. Именно там я впервые произнес фразу «огромная, как Гималаи, ошибка», которую теперь так часто употребляют. Еще в Ахмадабаде я начал смутно понимать, что допустил просчет. Но только добравшись до Надиада, увидев все своими глазами и услышав сообщения об арестах многих людей в округе Кхеда, я внезапно понял, что совершил очень серьезную ошибку, когда призвал население Кхеды и других мест к гражданскому неповиновению — преждевременно, как мне казалось теперь. В тот день я выступил на митинге, и мое публичное признание совершенной ошибки вызвало насмешки. Но я ни разу потом не пожалел о своем признании, поскольку всегда считал, что если изучаешь собственные ошибки через

увеличительное стекло, а с ошибками других поступаешь противоположным образом, то получаешь хотя бы отчасти верную оценку и тех и других. Более того, я полагаю, что скрупулезное соблюдение этого правила необходимо для того, кто хочет стать настоящим сатяграхом.

Давайте теперь рассмотрим, в чем заключалась моя «огромная, как Гималаи, ошибка». Прежде чем человек будет готов к осуществлению на практике принципов гражданского неповиновения, он должен добровольно научиться уважительно относиться к государственным законам. По большей части мы подчиняемся этим законам из страха перед наказанием за их нарушение, и это в особенности относится к тем законам, которые не затрагивают наших моральных принципов. К примеру, честный и уважаемый человек не начнет внезапно воровать, независимо от того, есть закон, запрещающий воровство, или нет, но тот же самый человек не устыдится, если не включит фонарь на велосипеде в темное время суток и тем самым нарушит правило. Сомнительно даже, что он хотя бы прислушается к совету быть более осторожным в подобных случаях. Однако он будет соблюдать любое обязательное правило подобного рода только из желания избежать неудобств, связанных с наказанием за нарушение. Такое подчинение, впрочем, не становится добровольным, как того требует сатяграха. Участник сатяграхи соблюдает законы своего общества сознательно и по доброй воле, поскольку считает это своим священным долгом. Только если человек уважает законы общества и ревностно подчиняется им, он получает право судить, какие из законов хороши и справедливы, а какие несправедливы и плохи. Только тогда он получает право гражданского неповиновения некоторым законам при определенных обстоятельствах. Моя ошибка заключалась в том, что я не следовал этому важному правилу. Я призвал людей начать кампанию гражданского неповиновения, прежде чем они оказались к ней готовы, и эта

ошибка кажется мне такой же огромной, как Гималаи. Как только я оказался в округе Кхеда, все воспоминания о прежней успешной сатьяграхе там нахлынули на меня, и мне оставалось лишь удивляться, как я не сумел понять столь очевидной вещи. Я осознал, что, прежде чем люди будут готовы приступить к гражданскому неповиновению, им следует глубже вникнуть в его смысл. А потому перед началом новой массовой кампании необходимо прежде всего собрать группу добровольцев, искренне преданных, уже проникшихся истинным пониманием строгих правил сатьяграхи. Они смогут донести это понимание до других людей, а затем пристально следить, чтобы те не сбивались с верного пути.

С такими идеями я добрался до Бомбея, где собрал группу добровольцев-сатьяграхов через базировавшуюся там организацию «Сатьяграха сабха» и с их помощью начал объяснять людям глубокий смысл и подлинное значение сатьяграхи. Работа заключалась главным образом в распространении просветительских листовок.

Но пока велась эта деятельность, я смог понять, как сложно заинтересовать людей мирной стороной сатьяграхи. Да и добровольцев удалось собрать не так много, как хотелось бы. Кроме того, даже те, кто вызвался помогать, не хотели заниматься регулярно и систематически. Шли дни, и число новых рекрутов не увеличивалось, а постепенно уменьшалось. И я осознал, что подготовить людей к кампании гражданского неповиновения будет не так-то просто.

34. «НАВАДЖИВАН» И «ЯНГ ИНДИА»

Так и случалось, что, пока движение в поддержку не-насилия неуклонно, хотя и медленно развивалось, правительство прибегало все к новым и новым необоснованным репрессиям. В самой своей уродливой форме этот процесс

проявился в Пенджабе. Лидеров брали под арест, было введено военное положение, царило беззаконие, создавались «особые» трибуналы, которые не имели ничего общего с обычными судами. Они стали просто инструментами авторитарной власти. Приговоры выносились бессистемно с грубейшими нарушениями правил справедливого правосудия. В Амритсаре ни в чем не повинных мужчин и женщин заставили ползать на животах, словно червей. Перед подобным неслыханным безобразием меркла даже трагедия в Джаллианвала-багх*, хотя именно эта кровавая бойня привлекла к себе внимание Индии и всего мира.

Мне пришлось серьезно задуматься о поездке в Пенджаб, невзирая на возможные последствия. Я написал письмо вице-королю и послал телеграмму, испрашивая разрешения отправиться туда, но напрасно. Если бы я продолжал действовать без официального разрешения, меня бы не пропустили на территорию Пенджаба, и мне оставалось бы только удовлетвориться самой попыткой совершить акт гражданского неповиновения. Возникла дилемма. Если бы я нарушил приказ и поехал в Пенджаб, это едва ли можно было бы назвать актом истинного гражданского неповиновения, поскольку я не наблюдал вокруг себя той мирной атмосферы, к которой стремился, а разгул репрессий в Пенджабе лишь усиливал чувство всеобщего отвращения. Проявить гражданское неповиновение (даже если оно было возможно) в такое время означало бы подлить масла в огонь. А потому я решил не ездить в Пенджаб, несмотря на настойчивые уговоры друзей. Мне пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Новости о новых беззакониях и репрессиях поступали из Пенджаба ежедневно,

* Расстрел британскими колониальными войсками мирной демонстрации в центральном парке Амритсара 13 апреля 1919 г., повлекший за собой многочисленные жертвы. Событие получило название «Бойня в Джаллианвала-багх».

а я мог только беспомощно сидеть и скрежетать зубами от злости.

Именно тогда арестовали мистера Хорнимана, под началом которого газета «Бомбей Кроникл» превратилась в мощное оружие. Это действие правительства было настолько грязным, что его мерзкий запах я чувствую до сих пор. Я знал, что мистер Хорниман был законопослушным гражданином. Ему не понравилось, что я отказался подчиняться запрету на въезд в Пенджаб, не посоветовавшись с комитетом сатьяграхи, и он охотно поддержал решение приостановить кампанию гражданского неповиновения. Я даже получил от него письмо, в котором он советовал прекратить кампанию, причем оно было написано еще до того, как я принял окончательное решение на сей счет. И только из-за того, что Бомбей далеко от Ахмадабада, письмо дошло до меня уже после того, как я объявил свое решение. Внезапное устранение мистера Хорнимана показалось мне одновременно неприятным и странным.

Директора «Бомбей Кроникл» обратились ко мне с просьбой взять на себя ответственность за выпуск газеты. Мистер Брелви уже числился ее штатным сотрудником, а потому на мою долю приходилось не так уж много работы, хотя это все равно налагало на меня дополнительные обязательства.

Но на сей раз меня «выручило» само правительство, распорядившись приостановить издание «Бомбей Кроникл».

Друзья из числа управляющих «Кроникл» — Умар Собани и Шанкарлал Банкер — издавали, кроме того, газету «Янг Индия». Они предложили мне стать редактором «Янг Индия» и, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся после закрытия «Бомбей Кроникл», выпускать «Янг Индия» не один раз, а дважды в неделю. Я поддержал их предложение. Я хотел объяснить людям внутренний смысл сатьяграхи. Кроме того, я надеялся честно освещать ситуацию в Пенджабе. В каждом слове, что я писал, крылась потен-

циальная сатьяграха, и власти прекрасно понимали это. Поэтому я с радостью принял предложение друзей.

Вот только дойдет ли до индийской общественности смысл сатьяграхи, если издание будет выходить на английском языке? Большая часть моей работы велась в Гуджарате. Индулал Яджник в то время близко общался с Собани и Банкером. Он редактировал ежемесячник «Навадживан», публиковавшийся на гуджарати при финансовой поддержке Собани и Банкера. Они передали ежемесячник в мое полное распоряжение. Позже ежемесячник превратился в еженедельник.

Тем временем правительство разрешило возобновить издание «Кроникл», и «Янг Индия» снова стала еженедельной. Публиковать два еженедельника в двух разных городах было неудобно и влекло за собой дополнительные расходы. Поскольку «Навадживан» издавался в Ахмадабаде, по моему предложению туда же перенесли и «Янг Индия».

Была и другая причина. Опыт работы в «Индиан опиньон» показал, что любое такое издание нуждается в собственном печатном станке. Законы о печати, действовавшие тогда в Индии, были таковы, что существующие типографии, которые, естественно, работали ради получения прибыли, могли отказаться печатать статьи с изложением моих взглядов. Иметь свою типографию было необходимо, а поскольку ее легче всего было основать в Ахмадабаде, то еще и поэтому я предложил перевести «Янг Индия» туда.

Через эти два издания я попытался объяснить читающей публике принципы сатьяграхи. Обе газеты выходили большими тиражами, которые в какой-то момент достигли сорока тысяч экземпляров каждый. Но если тираж «Навадживана» рос стремительно, то тираж «Янг Индия» увеличивался медленно и постепенно. После того как меня посадили в тюрьму, тиражи обеих газет упали и сейчас составляют менее восьми тысяч экземпляров.

С самого начала я был против публикации в газетах рекламных объявлений. Не думаю, что издания от этого много потеряли. Напротив, я уверен, что такой подход в значительной степени позволил им сохранить независимость.

Так случилось, что эти газеты дали мне возможность оставаться в мире с самим собой. Поскольку и речи быть не могло о немедленном возвращении к гражданскому неповиновению, издания помогли мне высказывать свое мнение и вселять уверенность в читателей. А потому я считаю, что оба органа хорошо послужили интересам народа в час суровых испытаний и внесли свой скромный вклад в борьбу с тиранией и тяготами военного положения.

35. В ПЕНДЖАБЕ

Сэр Майкл О'Двайер возложил на меня всю ответственность за произошедшее в Пенджабе, а некоторые молодые люди-пенджабцы считали меня виновным и во введении военного положения. Они полагали, что если бы я не прекратил кампанию гражданского неповиновения, то не произошло бы и боины в Джаллианвала-багх. Некоторые дошли до того, что угрожали мне убийством и советовали не приезжать в Пенджаб.

Однако сам я считал занятую мной позицию настолько правильной и безупречной, что, как мне казалось, ни один разумный человек не мог неправильно истолковать ее.

Мне не терпелось попасть в Пенджаб. Я никогда прежде не бывал там, и потому мне так хотелось взглянуть на все своими глазами. Доктор Сатьяпал, доктор Китчу и пандит Рамбхадж Дутт Чоудхари, приглашавшие меня в Пенджаб, в то время находились за решеткой, но я предчувствовал, что правительство не посмеет держать их в заключении слишком долго. Многие пенджабцы приходили встретиться со мной, когда бы я ни оказался в Бомбее. Каждый раз я пользовался случаем и старался ободрить этих людей,

успокоить их. В те дни моя уверенность в себе была заразной.

Но вот мой визит в Пенджаб приходилось снова и снова откладывать. Вице-король отвечал неопределенным «не сейчас» всякий раз, когда я обращался к нему за разрешением отправиться туда.

А тем временем была создана комиссия Хантера для расследования действий правительства Пенджаба в условиях военного положения. Мистер Эндрюс уже сумел добраться до Пенджаба. Его письма содержали душераздирающие описания событий, и у меня сложилось впечатление, что зверства, совершенные в период военного положения, были гораздо более жестокими, чем сообщалось в прессе. Эндрюс уговаривал меня срочно приехать и присоединиться к нему. Одновременно Малавияджи слал мне телеграммы с требованиями также как можно скорее прибыть в Пенджаб. Я вновь телеграфировал вице-королю, спрашивая разрешения поехать в Пенджаб. В ответной телеграмме он сообщил, что даст мне такую возможность совсем скоро. Насколько помню, мне было разрешено отправиться в путь 17 октября.

Сцена, свидетелем которой я стал по прибытии в Лахор, навсегда останется в моей памяти. Железнодорожный вокзал от одного конца платформы до другого был заполнен людьми. Казалось, все население города покинуло свои дома и устремилось на встречу с близким родственником после долгой разлуки. Царила атмосфера безудержной радости. Меня поселили в принадлежавшем ныне покойному пандиту Рамбхаджу Дутту бунгало, а опекать меня поручили шримати Сарала Деви. И это стало настоящим бременем, поскольку тогда любое место, где меня размещали, сразу превращалось в караван-сарай, да и теперь ничего не изменилось.

В то время, пока главные пенджабские политические лидеры отбывали тюремное заключение, их место заняли пан-

дита Малавияджи, пандит Мотилалджи и ныне покойный свами Шраддхананджи. С Малавияджи и Шраддхананджи я был близко знаком и раньше, но это стало первой для меня возможностью вступить в дружеские отношения с Мотилалджи. Все эти лидеры, как и местные общественные деятели, избежавшие тюремного заключения, собрались вместе и сразу заставили меня чувствовать себя среди них как дома. В их кругу я даже самому себе не казался чужаком.

То, как мы единогласно пришли к решению не давать показаний комиссии Хантера, теперь уже давняя история. О наших мотивах много писали, и я не считаю необходимым повторять все это здесь. Достаточно сказать, что я по-прежнему считаю наше общее решение бойкотировать комиссию абсолютно верным и оправданным.

После бойкота комиссии Хантера мы решили создать собственную неофициальную комиссию, чтобы провести подобное же расследование, но от имени Индийского национального конгресса. Пандит Малавияджи назначил членами комиссии пандита Мотилала Неру, покойного ныне Дешбандху* Ч. Даса, Аббаса Тьябджи, М. Р. Джаякара и меня. Мы поделили между собой территорию для проведения расследования. Ответственность за организацию работы комиссии была возложена на меня, а поскольку работа в наибольшем числе районов также досталась мне, я получил редкую возможность понаблюдать за населением Пенджаба и за жизнью в пенджабских деревнях.

В ходе расследования я познакомился с пенджабскими женщинами. Мне даже стало казаться, что мы знаем друг друга давным-давно. Куда бы я ни направлялся, они стайкой следовали по пятам и всякий раз раскладывали рядом свою пряжу. Во время этой работы у меня возникла мысль,

* Дешбандху — буквально: друг страны; прозвище одного из лидеров национально-освободительного движения Индии Читтаранджана Даса (1870—1925), полученное им от соратников.

что Пенджаб мог бы стать крупным центром по производству кхади.

По мере того как продвигалось мое расследование зверств, совершенных над местными, я находил все новые подтверждения правительственной тирании, произвола и бесчинств чиновников. Я был не готов воспринять их. Истории местных ранили мое сердце. Меня удивил тогда и продолжает удивлять до сих пор тот факт, что именно провинция, предоставившая наибольшее число солдат британскому правительству во время войны, вынесла столько жестокостей и зверств.

Составление отчета о деятельности нашей комиссии было также поручено мне. Тем, кто хочет больше узнать о бедах, обрушившихся на население Пенджаба, я рекомендую прочитать этот отчет. Здесь я бы хотел подчеркнуть, что в нем нет никаких преувеличений. Смею заверить, что каждое из заявлений подкреплено доказательствами. Более того, в опубликованном отчете содержалась лишь часть свидетельских показаний и улики, которыми под конец расследования располагала наша комиссия. Заявления, относительно которых у нас возникали хотя бы малейшие сомнения, в текст отчета включены не были. Он подготовлен с целью показать правду и только правду и позволит читателю понять, до чего способно дойти британское колониальное правительство, какие варварские поступки оно готово совершить, чтобы сохранить свое владычество. Насколько мне известно, ни одно из свидетельских показаний, приведенных в отчете, так и не было опровергнуто.

36. ХАЛИФАТ ПРОТИВ ЗАЩИТЫ КОРОВ?

Отвлечемся от рассказа об ужасах, происходивших в Пенджабе.

Расследование комиссией Конгресса зверств, учиненных властями в Пенджабе, только началось, когда я полу-

чил письмо с приглашением принять участие в совместной индуско-мусульманской конференции, которую устраивали в Дели для рассмотрения халифатского вопроса. Приглашение подписали Хаким Аджмал Хан Сахиб и мистер Асаф Али. Среди участников упоминался свами Шраддхананджи, и, если я ничего не путаю, его назначили вице-председателем конференции, которая намечалась на ноябрь. На конференции предстояло обсудить ситуацию, сложившуюся после нарушения правительством обещаний по халифату, а также вопрос о том, следует ли индусам и мусульманам принимать участие в празднествах в честь восстановления мира в Европе. В пригласительном письме также говорилось о том, что беседовать на конференции будут не только о халифате, но и о проблеме защиты коров, так что появилась превосходная возможность принять какое-то решение и на сей счет. Это не пришлось мне по душе. В ответном письме я пообещал сделать все возможное, чтобы приехать на конференцию, а также отметил, что два упомянутых вопроса не следует смешивать или использовать для того, чтобы стороны могли заключить сделку. Каждый из вопросов нужно было рассматривать отдельно.

С такими мыслями я отправился на конференцию. Она была многолюдной, хотя и не могла сравниться с последними собраниями, в которых принимали участие десятки тысяч человек. Я обсудил упомянутые выше вопросы со свами Шраддхананджи, присутствовавшим на конференции. Он поддержал мои аргументы и предложил мне самому изложить их перед собравшимися. Точно так же я побеседовал с Хакимом Сахибом. Выступая на конференции, я сказал, что, если требования, связанные с халифатом, справедливы и законны, как я предполагаю, и если правительство действительно действует несправедливо, индусам следует поддержать требования мусульман пересмотреть и исправить допущенную властями ошибку. Однако было бы неверно использовать вопрос о защите коров, чтобы до-

говориться с мусульманами, неверно предлагать мусульманам прекратить забивать коров в обмен на помощь со стороны индусов в халифатском вопросе. Впрочем, если бы мусульмане добровольно прекратили убой коров, уважая религиозные чувства индусов, осознавая свой долг перед ними — своими соседями и детьми одной родины, — это было бы совсем другое дело. Действовать самостоятельно и добровольно, утверждал я, долг мусульман. Это будет благородный поступок, но совершить его нужно независимо от того, поддержат ли индусы мусульман в халифатском вопросе или нет.

— В таком случае, — продолжал я, — оба вопроса нужно рассматривать отдельно, а на данной конференции нам следует обсуждать только халифатский вопрос.

Мои доводы были правильно поняты участниками конференции. В результате вопрос о защите коров на ней больше не затрагивался.

И все же маулана Абдул Бари Сахиб заявил:

— Независимо от того, поддержат нас индусы или нет, мы, мусульмане, как соотечественники индусов, обязаны уважать их религиозные чувства и прекратить забивать коров.

И на какое-то время стало казаться, что они действительно прекратят убой.

Кто-то предложил обсудить события в Пенджабе, но я резко возражал против этого. Пенджабский вопрос носит региональный характер, сказал я, и потому не должен влиять на наше решение, принимать участие в празднествах в честь восстановления мира в Европе или не принимать. Если мы смешаем проблему локального характера с проблемой халифата, которая возникла в связи с условиями мирного договора, то поступим неблагоразумно. Мои аргументы снова оказались достаточно убедительными.

На конференции присутствовал маулана Хасрат Мохани. Я знал его достаточно долго, но только сейчас увидел,

каким сильным бойцом он был. Наши мнения по поводу тех или иных вопросов не совпадали с самого начала — по некоторым не совпадают и теперь.

Среди многочисленных резолюций, принятых на конференции, была та, что призывала индусов и мусульман совместно дать обет свадеши и начать бойкот товаров иностранного происхождения, хотя даже производство кхади в стране еще не было налажено. Оказалось, что такую резолюцию маулана Хасрат был не готов поддержать. Он решил поквитаться с Британской империей только в том случае, если халифатский вопрос так и не будет решен. Он внес другое предложение: бойкотировать британские товары, насколько это было вообще возможно. Я возражал ему, опираясь на целый ряд принципов, а также на реальное положение вещей, и приводил те аргументы, которые ныне хорошо знакомы всем. Я также разъяснил участникам конференции, как важно не прибегать к насилию. Мне показалось, что мои аргументы подействовали на аудиторию. Хасрат Мохани выступал раньше меня, его речь была встречена громкими возгласами одобрения, и я переживал, что мое выступление теперь уподобится гласу вопиющего в пустыне. Я отважился выступить только потому, что считал это своим долгом. Но, к моему величайшему и приятному удивлению, меня выслушали с должным вниманием все присутствовавшие, и я заручился симпатиями лидеров, а затем участники стали один за другим высказываться в поддержку моей позиции. Лидеры поняли, почему бойкот британских товаров не только не достигнет цели, но и превратит конференцию в объект насмешек. Среди многочисленных участников едва ли был хоть кто-то, кто не носил бы одежду британского производства. Многие осознали, что предложенный бойкот не принесет ничего, кроме вреда, и даже те, кто голосовал за резолюцию, изменили свое мнение.

— Простой бойкот тканей иностранного производства не удовлетворит нас, потому что никто не может предсказать, сколько времени пройдет, прежде чем мы сами сможем производить ткани в достаточном количестве. Нам нужно что-то, что мгновенно подействует на англичан. Пусть ваше решение о бойкоте иностранных тканей остается в силе, но предложите еще какой-нибудь более быстрый и эффективный метод.

Примерно так высказался маулана Хасрат Мохани. Слушая его выступление, я вдруг осознал, что нам необходимо найти нечто принципиально новое, что-то, что будет действеннее бойкота иностранных тканей. Немедленное осуществление бойкота показалось мне совершенно невозможным. Я не знал тогда, что мы могли, если бы захотели, производить достаточное количество кхади для удовлетворения своих потребностей. Это открытие было сделано мной позже. С другой стороны, размышляя я, опасно зависеть от фабрик. Я все еще ломал голову над этой дилеммой, когда маулана закончил свое выступление.

Мне было сложно подбирать нужные слова на хинди и урду. Это была моя первая подобная речь, произнесенная перед аудиторией, состоящей по большей части из мусульман с севера страны. Я уже выступал на урду во время сессии Мусульманской лиги в Калькутте, но тогда моя речь была очень короткой и вызвала к чувствам людей. Здесь же передо мной была критически, если не враждебно настроенная аудитория, которой я должен был объяснить свою точку зрения. Но я решительно отбросил в сторону застенчивость. Я ведь пришел сюда не для того, чтобы выступать на безупречном и гладком урду мусульман из Дели. Я пришел, чтобы изложить перед собравшимися свои взгляды на том ломаном хинди, которым владел. И в этом я вполне преуспел. Конференция показала мне, что только хинди-урду мог стать языком межнационального общения в Индии. Говоря по-английски, я не смог бы произвести на

слушателей того впечатления, которого добился, и маулана Хасрат не ощутил бы необходимости бросить мне вызов, но даже если бы он его и бросил, я не сумел бы достойно ответить ему.

У меня никак не получалось подобрать подходящего слова на хинди или урду, чтобы выразить свою новую идею, и это отчасти сбило меня с толку. Наконец я нашел слово «несотрудничество», которое впервые употребил как раз на этой конференции. Пока говорил маулана, я думал, что он зря углубляется в рассуждения об эффективном сопротивлении правительству, с которым сам сотрудничает в некоторых сферах, поскольку применение оружия невозможно или нежелательно. По-настоящему действенное сопротивление правительству, как я полагал, должно было выразиться в полном отказе от сотрудничества с ним. Так я и подобрал термин «несотрудничество». Тогда я сам еще не совсем ясно понимал, как трудно будет осуществить на практике свою идею, и потому не стал вдаваться в подробности, а просто сказал:

— Мусульмане приняли важнейшую резолюцию. Если условия мирного договора, не дай-то бог, не устроят их, они откажутся от любого сотрудничества с правительством. Отказ от такого сотрудничества является неотъемлемым правом народа. Мы не обязаны сохранять данные нам государством титулы и награды и продолжать служить государству. Если государство предаст нас в таком важном вопросе, как халифатский, нам придется отказаться от сотрудничества с ним. Таким образом, «несотрудничество» станет нашим долгом в случае предательства наших интересов.

Однако прежде чем термин «несотрудничество» получил широкое распространение, прошло еще немало времени. А тогда он затерялся где-то в записях конференции. Более того, я сам еще выступал за сотрудничество на сессии Конгресса в Амритсаре месяцем позже, по-прежнему надеясь, что предательства со стороны государства не последует.

37. КОНГРЕСС В АМРИТСАРЕ

Правительство Пенджаба не могло надолго лишить свободы сотни своих граждан, которые оказались за решеткой в условиях военного положения на основании самых ничтожных улик и по приговору трибуналов — жалких пародий на подлинные суды. Всеобщее возмущение по поводу этой чудовищной несправедливости было столь велико, что продлевать сроки пребывания заключенных в тюрьмах представлялось невозможным. Большинство узников было освобождено еще до начала сессии Конгресса. А Лала Харкишанлал и другие лидеры вышли на свободу уже во время работы Конгресса. Братья Али пришли на его заседание прямо из тюремных камер. Наша радость была беспредельной. Пандит Мотилал Неру, пожертвовавший своей блестящей адвокатской практикой и переехавший в Пенджаб, взял на себя новые обязательства и стал председателем сессии, а свами Шраддхананджи был избран председателем комитета по организации торжественной встречи.

До той поры мое участие в ежегодной работе Конгресса сводилось к тому, что я поддерживал хинди и предлагал его в качестве общенационального языка. Выступая, я говорил только на нем. На нем я рассказывал о положении индийцев за рубежом. И я не ожидал, что от меня потребуется нечто большее в этом году. Однако, как уже случалось не раз, мне неожиданно была поручена ответственная работа.

Тогда только что опубликовали сообщение короля о новых реформах. Даже меня оно не удовлетворило, что уж говорить об остальных. Но я в то время считал, что эти реформы, пусть и не лишенные недостатков, все же могли быть нами приняты. По тексту сообщения, по языку, которым оно было написано, я догадался, что за ним стоит лорд Синха. Это внушало надежду. Но опытные политики, ныне покойный Локаманья и Дешбандху Читтаранджан

Дас, только покачали головой. Пандит Малавияджи придерживался нейтральной позиции.

Пандит Малавияджи разместил меня в своей комнате. Я уже отметил про себя простоту его образа жизни, когда приезжал на церемонию основания индусского университета, но на сей раз, оказавшись с ним в одной комнате, я еще ближе познакомился с его бытом и был приятно удивлен. Его комната походила на бесплатный номер в гостинице для бедняков. По ней невозможно было свободно пройти, поскольку в ней всегда находились посетители. Она была открыта в любое время дня и ночи, и гости могли отнять у ее хозяина столько времени, сколько им было угодно. В углу этого тесного помещения для меня поставили вполне достойную чарпай*.

Впрочем, мне не следует слишком долго описывать более чем скромный быт Малавияджи. Пора вернуться к основной теме.

Итак, у меня появилась возможность каждый день беседовать с Малавияджи, который терпеливо, как старший брат, объяснял мне, чем отличаются друг от друга программы разных партий. Я понял, что мое участие в обсуждении реформ стало неизбежным. Взяв на себя ответственность за составление отчета комиссии о зверствах в Пенджабе, я должен был доделать и все остальное. Предстояло, например, переговорить с правительством. Кроме того, оставался халифатский вопрос. В то время я продолжал верить, что мистер Монтегю не предаст интересы Индии. Освобождение братьев Али и других заключенных казалось мне добрым знаком. В таких обстоятельствах, как я считал, будет правильным не отвергнуть, а принять предлагаемые реформы. Дешбандху Читтаранджан Дас, впрочем, утверждал, что реформы следует отвергнуть как абсолютно неадекватные и неудовлетворительные. Локаманья продол-

* Ч а р п а и — легкая плетеная кровать.

жал соблюдать нейтралитет, но уже принял решение поддерживать любую резолюцию, которую одобрит Дешбандху.

Сама по себе мысль, что мое мнение и мнения таких закаленных, опытных и всеми уважаемых лидеров не сходятся, была для меня невыносимой. Но моя совесть слишком громко говорила со мной. Я попытался сбежать с Конгресса, заявив пандиту Малавияджи и Мотилалджи, что будет лучше, если я не стану участвовать в дальнейших заседаниях. Это уберезет меня от споров со столь влиятельными лидерами.

Однако мое предложение не встретило одобрения. О моем намерении каким-то образом стало известно Лале Харкишанлалу.

— Так дело не пойдет. Это заденет чувства жителей Пенджаба, — сказал он.

Я обсудил сложившуюся ситуацию с Локаманьей, Дешбандху и мистером Джинна, но выхода из затруднительного положения не нашлось. Наконец мне пришлось откровенно рассказать о своей проблеме Малавияджи.

— Не представляю, как мы достигнем компромисса, — сказал я ему. — Если я выдвину свою резолюцию, придется провести голосование. Но я не знаю, как организовать подобную процедуру. На открытых заседаниях голосование проводилось простым поднятием рук, и не было никакого различия между голосами официальных делегатов и голосами гостей. Здесь столько людей, что мы не сможем точно подсчитать голоса. А это значит, что, если даже такое голосование и состоится, оно не будет иметь смысла.

На помощь мне пришел Лала Харкишанлал и предложил взять на себя все организационные вопросы.

— В день голосования, — сказал он, — мы не пустим гостей в пандал*, где заседает Конгресс. А что до подсчета голосов... Что ж, с этим я разберусь лично. Но вы ни

* П а н д а л — шатер.

в коем случае не должны отсутствовать на последующих заседаниях.

Я сдался. Внутренне дрожа, я выдвинул свою резолюцию на рассмотрение. Пандит Малавияджи и мистер Джинна поддерживали ее. Я заметил, что, хотя расхождения во взглядах не обострили наших взаимоотношений и наши речи были спокойными, делегатам не понравился сам по себе факт разногласий. Он огорчил их. Им хотелось единодушия.

И даже пока все еще произносились речи, лидеры открыто обменивались записками, пытаясь устранить разногласия. Малавияджи делал все возможное, чтобы сблизить стороны. И тогда Джерамдас передал мне листок с предлагаемой им поправкой и попросил в своей обычной учтивой манере уберечь делегатов от дилеммы. Его поправка пришлась мне по нраву. Малавияджи изо всех сил пытался найти компромисс, и я сообщил ему, что поправка Джерамдаса кажется мне подходящей для обеих сторон. Локманья, которому вслед за мной передали записку Джерамдаса, сказал:

— Если Читтаранджан Дас одобрит поправку, у меня не будет никаких возражений.

Дешбандху наконец оттаял и бросил взгляд на Бепина Чандру Пала в поисках поддержки. Малавияджи сразу обрел желаемую надежду. Он выхватил листок, на котором была написана поправка, и еще до того, как Дешбандху успел произнести решительное «да», воскликнул:

— Братья делегаты! Вам будет отрадно узнать, что компромисс был достигнут!

Последовавшая за этим сцена заслуживает описания. В пандале раздались рукоплескания, а утрюмые еще минуту назад лица засияли улыбками.

Едва ли есть необходимость приводить здесь текст поправки. Моя цель состоит главным образом в том, чтобы рассказать, как я выдвинул свою резолюцию, потому что

это имело прямое отношение к другим экспериментам с истиной, о которых я рассказываю в этих главах.

Этот компромисс наложил на меня еще большие обязательства.

38. ПРИОБЩЕНИЕ К РАБОТЕ В КОНГРЕССЕ

Я считаю свое участие в работе Конгресса в Амритсаре подлинным началом своей деятельности в Конгрессе. Прежнее мое участие служило, вероятно, не более чем ежегодным напоминанием о том, как я предан этой организации. Я никогда не думал, что для меня найдется какая-то особая работа, не связанная с предоставлением частных услуг. Да я и не надеялся на большее.

Опыт, полученный в Амритсаре, показал, что существовали, не исключено, одна или две сферы, в которых я мог бы быть полезным Конгрессу. Я уже понял тогда, что Локаманья, Дешбандху, пандит Мотиладжи и другие лидеры остались довольны проделанной мной работой в Пенджабе. Они начали приглашать меня на свои неофициальные встречи, на которых, как я обнаружил, разрабатывались проекты резолюций. На эти встречи приглашались только те, кто пользовался особым доверием лидеров и в чьей помощи они нуждались. Впрочем, порой туда ухитрились проникать и чужаки.

Я решил, что в наступающем году мне будет по силам справиться с двумя задачами. Во-первых, нужно было воздвигнуть мемориал жертвам бойни в Джаллианвала-багх. Принятие Конгрессом соответствующей резолюции вызвало прилив всеобщего энтузиазма. Для этой цели необходимо было собрать примерно полмиллиона рупий. Я был назначен одним из доверенных лиц. Пандита Малавияджи называли королем сбора средств, но я знал, что в этом отношении не отстаю от него. Еще в Южной Африке я по-

нял, что у меня есть этот талант. Конечно, я не обладал несравненным обаянием Малавияджи, благодаря которому тот выбивал огромные суммы из богатейших людей Индии. Впрочем, сейчас было бесполезно просить финансовой помощи на мемориал Джаллианвала-багх у раджей и магараджей. А посему основной груз ответственности за сбор средств, как я и предполагал, лег на мои плечи. Щедрые граждане Бомбея охотно жертвовали деньги, поэтому в банке сейчас лежит весьма солидная сумма. Однако теперь страна столкнулась с новой проблемой: какой именно мемориал нужно воздвигнуть там, где пролили свою кровь индусы, мусульмане и сикхи? Эти три общины, вместо того, чтобы объединиться, чуть ли не воюют друг с другом, а потому народ пока не знает, как распорядиться средствами, собранными на мемориал.

Во-вторых, Конгрессу могла пригодиться моя способность работать с документами. Лидеры Конгресса обнаружили, что я умею точно и коротко формулировать свои мысли. Существовавший на тот момент устав Конгресса был заслугой Гокхале. Он выработал несколько правил, на которые опиралась работа Конгресса. Я слышал много интересного о правилах из уст самого Гокхале, но сейчас у всех возникло ощущение, что они не соответствуют постоянно расширяющейся деятельности организации. Вопрос об этом поднимался каждый год. Конгресс в то время практически не функционировал в промежутках между сессиями и не был готов справляться с возникающими в течение года неожиданными проблемами. Существующий устав предусматривал трех секретарей, но в действительности работал всего один, хотя и он трудился неполный рабочий день. Как мог он в одиночку решать все задачи, обдумывать будущие дела и выполнять в этом году обязательства, принятые на себя Конгрессом в прошлом? А потому в текущем году все чувствовали, что этот вопрос приобретет особую остроту. Конгресс превратился

в громоздкую организацию для обсуждения общественных проблем. Не существовало рамок, ограничивающих общее число делегатов или число делегатов, которых могла направить каждая из провинций. Перемены были неизбежны. Я взялся за разработку нового устава, но при одном важном условии. Наибольшим влиянием в партии пользовались два лидера — Локаманья и Дешбандху. Я попросил, чтобы они как представители общественности вошли вместе со мной в уставную комиссию. Поскольку было совершенно ясно, что у них не найдется времени для личного участия в составлении нового документа, я попросил, чтобы два их доверенных лица работали со мной вместо них. В комиссии, таким образом, должно было быть не больше трех человек. Предложение было принято и Локаманьей, и Дешбандху, назвавших Келкара и И. Б. Сена своими уполномоченными. Уставная комиссия ни разу не собралась на очное заседание, но мы много переписывались и в конце концов выработали единогласно одобренный проект. Я с гордостью думаю об этом уставе и считаю, что, если бы мы смогли следовать ему, сварадж был бы достигнут. Взяв на себя столь ответственную задачу, я, можно сказать, принял полноценное участие в политической работе Конгресса.

39. ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА КХАДИ

Не думаю, что я видел ручной ткацкий станок или прялку до 1908 года, когда написал о них в «Хинд савадж» и назвал лекарством от стремительного обнищания индийцев. Я также предположил, что любой инструмент, который поможет Индии избавиться от вопиющей бедности, станет и инструментом достижения свараджа, самоуправления. Даже вернувшись в Индию из Южной Африки в 1915 году, я еще ни разу не видел прялки. Когда в Сабармати был ос-

нован ашрам, мы установили там ткацкие станки, но сразу же столкнулись с трудностями. Все мы были людьми свободных профессий, и ни один из нас не занимался прежде каким-либо ремеслом. Нам был необходим специалист по ткачеству, который обучил бы нас этой работе. Мы нашли такого человека в Паланпуре, но он не поделился с нами всеми секретами своего искусства. Однако Маганлал Ганди был не из тех, кто легко сдается. Он обладал редким даром разбираться в работе различных механизмов и за короткое время сумел обучиться ткацкому ремеслу сам и обучить ему некоторых других обитателей ашрама.

Мы решили носить одежду исключительно из ткани собственного производства, а потому готовились отказаться от фабричных тканей. Все члены ашрама приняли решение одеваться в ткани, изготовленные вручную из индийской пряжи. Эта идея оказалась очень удачной, поскольку позволила нам пообщаться с ткачами, узнать, как они живут и сколько продукции производят, какие у них возникают сложности, когда они приобретают пряжу, как и почему их так часто обманывают и, наконец, почему их долги постоянно растут. Конечно, нам не сразу удалось изготавливать достаточное количество ткани, а потому мы стали покупать продукцию у ткачей, работавших на ручных станках. Впрочем, готовую ткань из индийской пряжи оказалось нелегко купить как у торговцев, так и у самих ткачей. Вся действительно качественная ткань изготавливалась из импортной пряжи, поскольку индийские фабрики с этой задачей не справлялись. Даже сегодня индийской пряжи высокого качества крайне мало, а пряжу высшего качества наши фабрики и вовсе не способны производить. Лишь ценой невероятных усилий мы сумели все же найти ткачей, согласившихся ткать для нас из индийской пряжи, и только при условии, что ашрам выкупит всю продукцию, которую они смогут произвести. Надевая одежду из ткани, сделанной из фабричной пряжи, и пропагандируя свой

опыт среди друзей, мы стали добровольно представлять интересы индийских прядильных фабрик, а также многое узнали о том, как ими управляют и какие сложности возникают при этом. Стало понятно, что фабрики стремились к расширению производства, а их сотрудничество с мастерами, которые работали на ручных ткацких станках, было вынужденным и непостоянным. Мы с нетерпением ждали возможности начать производить собственную пряжу. Мы поняли, что если не станем самостоятельными в этой сфере, то всегда будем зависеть от фабрик, а вряд ли можно было принести пользу стране, оставаясь не более чем представителями индийских прядильных предприятий.

Возникали все новые трудности. Мы не могли найти ни прялки, ни прядильщика, который обучил бы нас своему ремеслу. У нас в ашраме были колеса и бобины, но мы не представляли, как использовать эти части прялки. Однажды Калидас Джавери нашел женщину, которая, по его словам, могла показать нам, как правильно прясть. Мы отправили к ней одного из наиболее легко обучаемых обитателей ашрама, но даже он вернулся ни с чем.

Шло время, и я становился все более нетерпеливым. Любого посетителя ашрама, у которого были хоть какие-то представления о прядильном деле, я буквально засыпал вопросами. Этим ремеслом в прошлом занимались исключительно женщины, и, если в каком-то отдаленном уголке страны еще можно было найти прялку, сделать это могла, казалось бы, только представительница прекрасного пола.

В 1917 году товарищи из Гуджарата пригласили меня в Бхаруч в качестве председателя учебно-просветительской конференции. Именно там я познакомился с удивительной женщиной, которую звали Гангабен Маджмундар. Эта вдова была необыкновенно предприимчива. Ее образование было самым примитивным, но ее отвага и здравый смысл помогали ей превосходить наших самых образованных леди. Ей уже удалось избавиться от страха перед не-

прикасаемыми, она уверенно общалась с представителями низших слоев общества и помогала им. Она располагала некоторыми средствами, а ее потребности при этом были невелики. Гангабен была очень крепкой, всюду ходила без сопровождения и уверенно держалась в седле. Еще ближе я познакомился с ней на конференции в Годхре. Там я поделился с ней всеми своими печальями и рассказал о поисках чаркха*. Она облегчила мои страдания, твердо пообещав заняться поисками ручной прялки.

40. И ВСЕ-ТАКИ НАЙДЕНА!

Наконец, после долгих скитаний по Гуджарату, Гангабен нашла ручную прялку в Виджапуре, в княжестве Барода. Там у многих женщин были прялки, но они давно посчитали их бесполезными деревяшками и побросали на чердаках. Они заявили Гангабен, что готовы снова прясть, если их обеспечат чесальными лентами и если у них будут регулярно покупать произведенную ими пряжу. Гангабен сообщила мне эту радостную новость. Вот только чесальные ленты стали настоящей головной болью. Впрочем, стоило мне сказать об этом Умару Собани, как он немедленно стал присылать достаточное количество лент со своей фабрики. Я отправил Гангабен полученные от Умара Собани чесальные ленты, и вскоре пряжа стала поступать к нам в таких количествах, что мы не успевали ее использовать.

Щедрость Умара Собани была безгранична, но я не хотел злоупотреблять ею. Я чувствовал себя неловко, регулярно получая от него ленты. Более того, мне казалось неправильным использовать фабричные чесальные ленты. Если мы пользовались ими, то почему не могли тогда брать с фабрики и готовую пряжу? Ведь наверняка в прошлом

* Чаркха — традиционная индийская домашняя прялка.

фабрики не снабжали прядильщиц чесальными лентами. Как же они тогда изготавливали эти ленты сами? Раздумывая над этим, я попросил Гангабен найти чесальщика. Она с обычной уверенностью в себе взялась за поиски и вскоре нашла чесальщика, согласившегося вычесывать хлопок. Он запросил тридцать пять рупий в месяц, если не больше. В то время цена не показалась мне чрезмерной. Чесальщик обучил нескольких наших молодых людей своему ремеслу. Я тут же начал искать хлопок в Бомбее, и Яшвант Прасад Десаи помог мне в этом. Предприятие, созданное Гангабен, стало процветать, и результат превзошел все мои самые смелые ожидания. Гангабен также отыскала ткачей, которые согласились работать с пряжей, произведенной в Виджапуре, и уже совсем скоро виджапурская кхади стала очень популярна.

Прялка заняла почетное место в нашем ашраме. Маганлаал Ганди продемонстрировал нам свои выдающиеся способности и значительно усовершенствовал ее. Через какое-то время прядильные колеса и все прочие части прялки стали производиться непосредственно в ашраме. Первый рулон кхади, целиком сделанный в ашраме, стоил семнадцать анн за ярд. Я без колебаний предложил нашу грубоватую ткань своим друзьям, и они охотно купили ее.

В Бомбее я был фактически прикован к постели, но мне хватило сил продолжать свои поиски и там. Мне удалось найти двух прядильщиц. Они брали по рупии за сир* пряжи, то есть примерно три четверти фунта. В то время у меня еще не было четких представлений о том, сколько должна стоить кхади, и я не считал эту цену слишком высокой. Тем более речь шла о пряже, произведенной вручную. Но, сравнив расценки в Виджапуре с теми, что предлагались мне в Бомбее, я понял, что меня обманывают. Прядильщи-

* Сир — индийская мера веса, равная примерно 900 г.

цы отказывались снизить цену, и я распрощался с ними. Однако свою задачу они все же выполнили: они обучили прядильному ремеслу наших шримати — Авантикабай, Рамибай Камдар, Васуматибен и вдовую мать Шанкарлала Банкера. Колесо стало весело жужжать в моей комнате, и я не преувеличу, если скажу, что этот легкий шумок помог мне поправиться. Впрочем, я готов признать, что звуки прялки оказывают на человека скорее психологическое, чем физиологическое воздействие. Тем не менее это только доказывает, как тесно психология человека связана с его физиологией.

Я тоже попробовал работать за прялкой, но не слишком преуспел в этом.

В Бомбее снова возникли сложности, связанные с поисками изготовленных вручную лент. Чесальщик со своим инструментом каждый день проходил мимо дома Ревашанкара. Я послал за ним и выяснил, что он чешет хлопок для набивки матрацев. Он согласился работать на нас, но запросил достаточно высокую цену, которую я тем не менее готов был платить. Часть сработанной пряжи я раздавал друзьям-вишнуитам, чтобы они делали из нее гирлянды для украшения шатров в дни религиозных праздников. Шивджи открыл в Бомбее класс для желающих обучиться прядению. Все эти эксперименты повлекли за собой значительные расходы, но их добровольно покрывали мои патриотически настроенные друзья, любившие родину и верившие в успех кхади. Как мне кажется, потраченные таким образом деньги, нельзя было считать выброшенными на ветер. Эксперимент подарил нам новый богатый опыт и показал, каким могучим потенциалом обладает домашняя прялка.

Я с нетерпением ждал возможности примерить одежду, сделанную из кхади. Пока я все еще носил дхоти индийского фабричного производства. Грубая кхади, производившаяся в ашраме и в Виджапуре, была всего тридцать

дюймов шириной. Я уведомил Гангабен, что, если она не сможет наладить производство кхади шириной в сорок пять дюймов, я надену короткое грубое дхоти. Мое заявление сильно удивило ее, но она приняла вызов. Месяц спустя Гангабен отправила мне пару брюк из кхади шириной в сорок пять дюймов и избавила меня от неловкости.

Примерно в то же время Лакшмидас привез в ашрам из Латхи ткача Рамджи и его жену Гангабен и наладил производство дхоти из кхади в самом ашраме. Роль, сыгранную этой супружеской парой в распространении кхади, никак не назовешь незначительной. Они приобщили многих людей в Гуджарате и за его пределами к искусству производства пряжи. Видеть, как Гангабен работает за станком, было настоящим удовольствием. Когда эта молчаливая женщина сосредоточенно трудилась, она настолько погружалась в свое занятие, что становилось нелегко привлечь ее внимание, но еще труднее было заставить ее оторвать глаза от любимого станка.

41. ПОУЧИТЕЛЬНАЯ БЕСЕДА

С самого начала движение «кхади», или движение «свадеша», как его тогда именовали, не пришлось по душе владельцам фабрик. Ныне покойный Умар Собани, сам руководивший процветающей фабрикой, охотно делился со мной своими знаниями и опытом, а также рассказывал о том, как настроены другие фабриканты. Аргументы, приводившиеся одним из них, заинтересовали Собани, и он настойчиво уговаривал меня встретиться с ним. Я согласился. Мистер Собани договорился о встрече. Владелец фабрики начал разговор:

— Вы знаете, что агитация за свадеша проводилась и раньше?

— Знаю, — ответил я.

— Значит, вы должны знать и о том, что во времена Раздела* мы, владельцы фабрик, использовали движение свадеши в своих интересах. Когда оно достигло апогея, мы подняли цены на ткань, но делали и еще кое-что похуже.

— Да, я слышал об этом, и меня это весьма огорчило.

— Могу понять ваше огорчение, хотя и не вижу для него причин. Ведь у нас не благотворительная организация, нам нужно зарабатывать и удовлетворять требования акционеров. Цена товара диктуется спросом на него. А кто может поспорить с законом спроса и предложения? Бенгальцы должны были понимать, что их агитация за свадеши, способствовавшая росту спроса на отечественные ткани, неизбежно повлечет за собой и рост цен на них.

Я перебил его:

— Как и я, бенгальцы очень доверчивы. Они всем сердцем хотели верить, что фабриканты не могут оказаться настолько эгоистичными и непатриотичными, что они не могут предать свою страну в час испытаний и выдавать ткани иностранного производства за «свадеши».

— Я догадывался, что вы слишком доверчивы, — подхватил он. — Потому и побеспокоил вас просьбой прийти ко мне, чтобы предостеречь от тех же ошибок, которые совершили тогда простодушные бенгальцы.

С этими словами фабрикант подал знак стоявшему рядом с ним клерку, и тот показал образцы изготовленной на фабрике продукции. Указав на них, хозяин фабрики сказал:

— Взгляните на эти ткани. Они совсем новые и прекрасно продаются. Они недороги, поскольку мы изготавливаем их из отходов. Мы отправляем их далеко на север, туда, где начинаются долины Гималаев. У нас имеются представители по всей стране, даже в тех местах, которых никогда не достигнет ваш голос или голоса ваших товарищей. По-

* Здесь речь идет о разделе Бенгалии в 1905 г.

этому мы не нуждаемся в дополнительных представителях. Кроме того, вам необходимо понять, что в Индии производится недостаточно ткани, так что потребности населения остаются неудовлетворенными. А потому вопрос о свадеши в значительной степени сводится к вопросу о расширении производства. Как только мы сможем увеличить выпуск тканей и улучшить их качество, импорт зарубежных тканей сразу же прекратится. Я дам вам совет. Не нужно продолжать агитацию. Сосредоточьтесь на создании новых фабрик. Нам необходима не агитация, способствующая росту спроса на нашу продукцию, а наращивание производства.

— Тогда вы наверняка одобрите мои попытки, поскольку вы уже занимаетесь этим, — сказал я.

— Как такое возможно? — воскликнул он несколько удивленно. — Но если вы собираетесь строить новые фабрики, то, конечно же, я могу только пожелать вам удачи!

— Я занимаюсь не совсем этим, — объяснил я. — Я хочу возродить ручную прялку.

— Как это? — спросил он уже совершенно растерянно.

Я рассказал ему все, поведал историю моих долгих поисков прялки и добавил:

— Полностью разделяю ваше мнение. Бессмысленно превращаться в еще одного рядового представителя фабрики. Это принесет стране больше вреда, чем пользы. Наши фабрики еще долго не будут испытывать недостатка в покупателях. Поэтому моя задача должна заключаться и заключается в том, чтобы наладить ручное производство тканей и найти способы сбыта кхади. Я буду придерживаться именно этой формы свадеши, потому что лишь так мы сможем обеспечить полуголодных и практически ничем не занятых индийских женщин работой. Я хочу дать этим женщинам возможность самим делать пряжу и одеть людей Индии в кхади, изготовленную из их пряжи. Я пока не знаю, насколько успешным будет это движение, по-

сколько сейчас оно еще только начинает развиваться, но я верю в него. В любом случае вреда не будет. Напротив, внеся свой вклад в расширение производства тканей в нашей стране, пусть и незначительный, оно принесет только пользу. По-моему, вы должны теперь понимать, что это движение лишено всех тех изъянов, о которых вы упомянули.

Он ответил:

— Если вы имеете в виду только выпуск дополнительной продукции, я не против. Интересно, сможет ли ваша прялка преуспеть в наш век механизмов? Но лично я желаю вам успехов.

42. ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА

Мне не следует посвящать больше глав движению «кхадии». Если я стану подробно описывать различные аспекты моей деятельности, разворачивавшейся на глазах у общественности, это выйдет за рамки книги. Я не должен даже предпринимать таких попыток хотя бы потому, что тогда придется написать целый трактат. Моя цель состоит лишь в том, чтобы рассказать, как некоторые явления — зачастую совершенно спонтанно — возникали и раскрывались передо мной во время моих экспериментов с истиной.

Мне стоит вернуться к истории движения несотрудничества. Пока начатая братьями Али активная агитация в поддержку халифата шла полным ходом, я подолгу беседовал об этом с мауланой Абдулом Бари, ныне покойным, и другими улемами. Особенно нас интересовал вопрос о том, до какой степени мусульмане могли соблюдать принцип ненасилия. В результате все они согласились, что ислам не запрещает своим сторонникам стремиться к ненасилию в политической борьбе. Более того, если мусульмане поклялись соблюдать такой принцип, они просто обязаны следовать ему. Наконец на конференции

халифата была выдвинута резолюция о несотрудничестве. После продолжительного обсуждения она была принята. Я отчетливо помню, как однажды комитет заседал в Аллахабаде всю ночь, обсуждая эту резолюцию. Сначала Хаким Сахиб скептически отнесся к возможности осуществления ненасильственного несотрудничества на практике. Но как только он отбросил свой скептицизм, он сразу отдался движению всей душой, а его помощь нашему общему делу оказалась бесценной.

Вскоре я предложил резолюцию о несотрудничестве на политической конференции в Гуджарате. Возражения оппозиции сводились к тому, что провинциальная конференция не может принимать резолюции до того, как они будут одобрены Конгрессом. Я отвечал, что подобное ограничение относится только к движению назад, а что касается движения вперед, в будущее, то здесь подведомственная организация не только может, но и просто обязана действовать, если у ее членов есть смелость и уверенность в себе. Не требуется особого разрешения, доказывал я, чтобы поддержать престиж центральной организации при условии, что все делается на свой страх и риск. Затем предложение обсуждалось по существу, и, хотя дебаты были очень активными, можно сказать, что они проходили в атмосфере «разумной сдержанности». После голосования резолюцию объявили принятой, так как ее поддержало подавляющее большинство делегатов. Успешному завершению дискуссии в немалой степени способствовали такие влиятельные личности, как Валлабхаи и Аббас Тьябджи. Последний был избран председателем конференции и с самого начала выступал в поддержку резолюции о несотрудничестве.

Всеиндийский комитет Конгресса решил провести чрезвычайную сессию в сентябре 1920 года в Калькутте, чтобы рассмотреть этот же вопрос. Шли масштабные приготовления. Лала Ладжпат Рай был избран председателем. Из Бомбея в Калькутту пустили специальные поезда для

членов Конгресса и сторонников халифатского движения. В Калькутте собрались многочисленные делегаты и гости.

По просьбе мауланы Шауката Али я подготовил проект резолюции о несотрудничестве прямо в поезде. Прежде я по мере возможности старался избегать слова «ненасильственное» в моих записях, зато оно непременно звучало в моих речах. Я еще не до конца продумал свой словарь и обнаружил, что санскритское слово «ненасилие» не сможет донести до чисто мусульманской аудитории суть моей мысли. Поэтому я обратился за помощью к маулане Абул Каламу Азаду. Он предложил слово *ба-аман* для «ненасилия», а для «несотрудничества» — *тарк-и-малават*.

Так и получилось, что, пока я все еще был занят поисками подходящих слов на хинди, гуджарати и урду, меня попросили составить текст резолюции о несотрудничестве для предстоящей насыщенной сессии Конгресса. И в первом варианте текста я случайно опустил слово «ненасильственное». Не заметив этого промаха, я передал текст резолюции маулане Шаукату Али, который ехал со мной в одном купе. Только ночью я обнаружил ошибку. Утром мне пришлось послать Махадева с запиской, в которой говорилось о необходимости исправить ошибку до того, как мой черновик отправят в печать. Но выяснилось, что его напечатали раньше, и вставить опущенное слово уже не представлялось возможным. Комитет заседал тем же вечером, и я был вынужден вносить исправления в отпечатанные экземпляры. Позже я убедился, какие невероятные трудности могли возникнуть, если бы я приехал без заранее подготовленного текста резолюции.

И тем не менее мое положение все равно было плачевным. Я понятия не имел, кто поддержит резолюцию, а кто станет возражать против нее. Я также не знал, как отнесется к ней Лаладжи. Передо мной была величавая фаланга бойцов-ветеранов, собравшихся, чтобы сражаться в Калькутте. В их число вошли доктор Безант, пандит Малави-

яджи, адвокат Виджаярагхавачария, пандит Мотилалджи и Дешбандху.

В моей резолюции я призывал прибегнуть к несотрудничеству лишь для того, чтобы исправить вопиющие ошибки, допущенные правительством в Пенджабе и в решении халифатского вопроса. Это не пришлось по душе Виджаярагхавачария.

— Зачем сосредотачиваться на отдельных неправильных действиях правительства, провозглашая начало кампании несотрудничества? Отсутствие самоуправления — вот самая большая несправедливость, от которой страдает вся страна. Именно против этого и должна быть направлена кампания, — заявил он.

Пандит Мотилалджи тоже настаивал на включении требования свараджа в текст резолюции. Я учел их пожелания и внес необходимые изменения в резолюцию, которую приняли после серьезной, утомительной и по-настоящему бурной дискуссии.

Мотилалджи стал первым лидером, присоединившимся к движению. Я до сих пор помню наши дружеские беседы о резолюции. Он предложил внести в текст еще некоторые изменения, с которыми я согласился. Более того, он взялся привлечь к нам Дешбандху. Тот сердцем был готов присоединиться к нам, но не верил в способность народа выполнить условия программы. Только на Конгрессе в Нагпуре он и Лаладжи окончательно примкнули к движению.

Во время чрезвычайной сессии я особенно жалел о смерти Локаманьи. Я до сих пор твердо уверен: будь Локаманья тогда еще жив, он благословил бы меня в моей борьбе. Но даже если бы он и не поддержал моей позиции, я все равно принял бы его мнение и усвоил данный им урок. Наши взгляды на многие вопросы были разными, но при этом между нами никогда не было вражды. Он постоянно напоминал мне, что узы нашей дружбы нерасторжимы. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, события того дня, когда

он умер, живо встают перед моим мысленным взором. Это случилось около полуночи. Патвардхан, работавший тогда со мной, сообщил мне о смерти Локаманьи по телефону. В тот момент я находился в окружении своих товарищей, и совершенно невольно с моих губ сорвалось:

— Моей самой надежной опоры больше нет!

Движение несотрудничества в то время набирало силу, и я с нетерпением ожидал от Локаманьи слов поощрения и воодушевления. Каким было бы его мнение на завершающей стадии движения несотрудничества — неизвестно. Только одно я знаю наверняка: пустота, оставшаяся после его кончины, тяжело обрушилась на всех, кто присутствовал на сессии в Калькутте. Каждый чувствовал, как сильно не хватает его присутствия в час перелома, наступившего в национальной истории.

43. В НАГПУРЕ

Резолюции, принятые в Калькутте, должны были быть одобрены на ежегодной нагпурской сессии. В Нагпур так же, как и в Калькутту, приехало множество делегатов и гостей. Число делегатов Конгресса тогда еще никак не ограничивалось. Если я правильно помню, в Нагпуре собралось примерно четырнадцать тысяч человек. Лаладжи настоял на некоторых изменениях в пункте о бойкоте школ, и я не возражал. Несколько правок было внесено и по настоянию Дешбандху, а затем резолюция о несотрудничестве была единогласно принята.

Также на этой сессии рассматривалась резолюция о новом уставе Конгресса. Проект, составленный подкомиссией, был представлен в Калькутте, а потому вопрос уже успели всесторонне обсудить. На нагпурской сессии, где вопрос вновь подняли с тем, чтобы окончательно решить, председателем избрали Виджаярагхавачария. Комитет внес в проект только одно важное изменение. В моем черно-

вике число делегатов стало определенным. Если память мне не изменяет, я предлагал полторы тысячи человек. Комитет утвердил шесть тысяч. С моей точки зрения, подобное решение было слишком поспешным, и опыт последующих лет лишь подтвердил это. Я считаю неправильным мнение, что большее число делегатов обеспечивает лучшую работу Конгресса или гарантирует соблюдение принципов демократии. Полторы тысячи делегатов, действительно заботящихся об интересах народа, правдивых и предусмотрительных, защищали бы демократию куда более надежно, чем шесть тысяч безответственных людей, неизвестно как выбранных. Для соблюдения демократического принципа народ должен быть независимым, обладать самоуважением и чувством собственной исключительности; он должен настаивать, чтобы в качестве его представителей выбирали только самых лучших людей. Но комитет Конгресса, как выяснилось, был настолько одержим магией цифр, что даже шесть тысяч делегатов ему казалось мало. А потому и эта цифра стала результатом компромисса.

Вопрос о конечной цели Конгресса обсуждался особо. В предложенном мной новом уставе целью Конгресса называлось достижение свараджа, самоуправления в составе Британской империи, если получится, или в случае необходимости — вне ее. Часть делегатов Конгресса хотели определить сварадж как автономию исключительно в составе Британской империи. Их поддерживали пандит Малавияджи и мистер Джинна, но они не сумели набрать достаточного количества голосов. Кроме того, в проекте устава говорилось, что добиться свараджа можно только мирным и законным путем. Этот пункт также вызвал возражения некоторых делегатов, которые утверждали, что не следует ограничивать методы борьбы. Однако Конгресс принял проект в его первоначальном виде после крайне интересных и откровенных дебатов. Я по-прежнему считаю, что

устав, если бы народ соблюдал его честно, вдумчиво и старательно, стал бы мощным инструментом влияния на массы и само по себе выполнение всех его пунктов привело бы нас к свараджу. Но развивать здесь эту тему бессмысленно.

Резолюции об индуско-мусульманском единстве, об упразднении неприкасаемости и о кхади тоже были приняты на этой сессии, и с тех пор индусы — члены Конгресса взяли на себя ответственность за избавление индуизма от проклятия неприкасаемости, а через кхади Конгресс установил новые живые связи с прошлым Индии. Принятие несотрудничества в интересах халифата стало само по себе немалым шагом, сделанным Конгрессом навстречу индуско-мусульманскому единству.

ПРОЩАНИЕ

А теперь пришло время закончить повествование.

Моя жизнь с той поры стала настолько открытой для общест­венности, что в ней едва ли осталось что-то, о чем не известно народу. Более того, с 1921 года я так тесно сотрудничал с лидерами Конгресса, что вряд ли смогу рассказать хоть об одном эпизоде из своей жизни, не затронув мои отношения с ними. И пусть Шраддхананджи, Дешбандху, Хакима Сахиба и Лаладжи больше нет, по-прежнему здравствуют другие деятельные ветераны Конгресса. История Конгресса после великих перемен, рассмотренных мной выше, все еще пишется. Все мои основные эксперименты за последние семь лет были связаны с работой в этой организации, поэтому мне так или иначе придется упоминать о моих отношениях с ее лидерами, если я решусь взяться за повествование о последующих экспериментах. А этого делать не следует. По крайней мере, сейчас — хотя бы по этическим соображениям. И еще: те выводы, которые я сделал на основании более поздних экспериментов, нельзя назвать окончательными. Посему, я думаю, необходимо закончить свой рассказ именно здесь. Кажется даже, что само мое перо, подчиняясь моим настроениям, отказывается продолжать писать.

Я вынужден попрощаться с читателем не без печали. Я очень ценю свои эксперименты, но не знаю, сумел ли правильно поведать о них. Могу только сказать, что не

пожалел никаких сил, чтобы сделать свой рассказ правдивым. Я хотел описать истину, какой она представляется мне, и путь, который привел меня к ней. Это занятие принесло мне невыразимый душевный покой, ведь я надеюсь, что, быть может, помогаю обрести веру в истину и ахимсу тем, кто пока еще пребывает в нерешительности.

Приобретенный опыт убедил меня, что нет другого Бога, кроме истины. И если каждая страница моей книги не показывает читателю, что единственный инструмент постижения истины — это ахимса, я первый признаю, что зря написал эти главы. Но даже если мои усилия окажутся бесплодными, читатель должен понимать, что виной тому способ, с помощью которого я постарался донести до аудитории великий принцип, а не принцип сам по себе. В конце концов, какими бы искренними ни были мои усилия постигнуть ахимсу, они неизбежно оказываются несовершенными и ограниченными. Те мимолетные мгновения, когда мне удавалось узреть свет истины, едва ли могут передать ее неопишуемое сияние, в миллион раз более яркое, чем свет солнца, которое мы видим ежедневно. То, что порой открывалось мне, было лишь слабым отблеском этого величественного сияния. Смею утверждать, что отчетливо увидеть истину невозможно без полного постижения ахимсы.

Узреть вселенский и всепроникающий дух истины может только тот, кто научится любить даже самое ничтожное существо, каким является и он сам. Человек, стремящийся к этому, не может позволить себе игнорировать какую бы то ни было сферу деятельности. Именно поэтому моя приверженность истине привела меня к политике. Могу без колебаний, хотя и с полным смирением, заявить: те, кто считает, что религия не имеет никакого отношения к политике, не понимают самой сущности религии.

Невозможно отождествлять себя со всем живым, не очистившись. Без самоочищения соблюдение законов ахимсы

будет оставаться лишь недостижимой мечтой. Бог никогда не откроется тому, кто нечист сердцем. Самоочищение, таким образом, должно означать очищение во всех сферах жизни. А поскольку процесс очищения в высшей степени заразителен, то, начавшись в одном человеке, он обязательно затронет окружающих.

Однако путь самоочищения труден и крут. Чтобы достигнуть абсолютной чистоты, человеку необходимо полностью освободиться от любых страстей в мыслях, словах и делах, побороть могучее течение жизни, в котором схлестнулись любовь и ненависть, привязанность и отвращение. Несмотря на непрестанное стремление к этому, я знаю, что пока не обрел эту триединую чистоту — в мыслях, словах и делах. Именно поэтому всемирное признание нисколько не трогает меня. Скажу больше: оно очень часто приносит мне огорчения. Победа над самой мелкой страстишкой представляется мне более трудной задачей, чем завоевание всего мира с помощью оружия. Все время после моего возвращения в Индию я чувствовал, что страсти затаились где-то в глубинах моего существа. И понимание этого заставляло меня ощущать себя униженным, хотя и не побежденным. Эксперименты и искания поддерживают меня и служат источником постоянной радости. Но я знаю, какой тяжелый путь мне еще только предстоит преодолеть. Я должен стать ничем. Пока человек добровольно не назовет себя последним среди земных созданий, ему не будет спасения. Ахимса — это крайняя степень смирения.

Прощаясь с читателем, по крайней мере на какое-то время, я обращаюсь к нему с просьбой присоединиться ко мне в молитве, обращенной к Богу истины, чтобы он даровал мне благословенную ахимсу в мыслях, словах и делах.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Ганди Махатма

МОЯ ЖИЗНЬ

Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *Г. Этманова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректоры *И. Федорова, Н. Хотинский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные
Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2020 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic
«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу., Звёздный бульвары, 21-үй, 1- ырылыс, 705-бөлме, I жай, 7- абат.
Біздің, электронды мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дуken: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

қазақстан Республикасында дистрибьютор
және снім бойынша арыз-талаптарды абылдаушының,
скілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы., Домбровский кш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Әнімнің, жарамдылы мерзімі шектелмеген.

Әндірген мемлекет: Ресей
Сертификация арасырылма@ан

Подписано в печать 14.08.2020. Формат 76x100¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,33.
Тираж экз. Заказ

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКсмо-АСТ»

ISBN 978-5-17-119029-3

9 785171 190293 >

